

УНИВЕРСИТЕТ КИОТО САНГЁ

**АСПЕКТУАЛЬНАЯ
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА:
ТИПОЛОГИЯ СИСТЕМ И
СЦЕНАРИИ
ДИАХРОНИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
V Международной конференции Комиссии по аспектологии
Международного комитета славистов

Киото
Университет Киото Сангё
2015

Печатается по решению Учёного совета
факультета иностранных языков и Организации исследования
университета Киото Сангё

Составитель
Мицуси Китадзё
(Mitsushi Kitajo)

АСПЕКТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА: ТИПОЛОГИЯ СИСТЕМ И СЦЕНАРИИ ДИАХРОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов / составитель М. Китадзё: [печатается в авторской редакции] – Киото: издательство «Tanaka Print», 2015. – 350 с.

ISBN 978-4-905726-35-7

Сборник содержит статьи докладов V международной научной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов, состоявшейся 13 – 15 ноября 2015 года в университете Киото Сангё и проводившейся в строгом соответствии с ее программой. В конференции приняли участие специалисты 17 стран мира (Азербайджана, Германии, Италии, Республики Корея, Македонии, Нидерланд, Норвегии, Польши, России, Сербии, Словении, США, Украины, Финляндии, Франции, Швеции, Японии).

В статьях рассматривается широкий круг вопросов, связанных с системами глагольного аспекта, на материале как славянских, так и других языков в сопоставлении с последними. Центральными вопросами являются взаимодействие таких составляющих аспектуальной семантической зоны, как аспектуальные граммы, акциональные ярлыки и классы, а также инструменты трансформации акциональной характеристики предикатов; взаимодействие аспектуальной семантической зоны с другими семантическими зонами; взаимодействие аспектуальной семантики и морфо-синтаксической организации предложения; взаимодействие аспектуальной семантики и дискурсивных стратегий; сценарии диахронического развития систем глагольного аспекта: грамматикализация аспектуальной семантики, процессы перфективации и имперфективации и т.п.

Сборник входит информационную библиотечную базу университета Киото Сангё.

ISBN 978-4-905726-35-7

© Университет Киото Сангё, 2015

Dear Colleagues!

Thank you very much for coming to the conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists in Kyoto. I would like to welcome all of you on behalf of everyone at the host university.

The theme of this conference is “The Aspectual Semantic Zone: Typology of Systems and Scripts of Diachronic Progresses.” We will have research presentations on the verbal aspects of various languages from the viewpoint of both a synchronic and diachronic perspectives.

In Japan, Kyoto is known as a “university city” and a “student city” with students making up over 10% of its population. This makes Kyoto the most academic city in the country. Kyoto Sangyo University is one of the representative universities of Kyoto.

The name of our university, Kyoto Sangyo University (京都産業大学), includes the word “*sangyo* (産業)” in Japanese. “*Sangyo*” is divided into two parts. “*San* (産)” means “connection”, and “*gyo* (業)” means “creation.” Since its foundation, we have been consistently taking on the challenge of creating new values and ideas. We have been globally minded since the university's establishment, and we are celebrating the 50th anniversary this year.

Japanese people often use the phrase “*Ichigo-Ichie* (一期一会)”, which is literally translated as “Once-in-a-lifetime chance.” This is a term from the tea ceremony. It says that we must treasure every encounter with others because we never know if we will meet a person once again in our lifetime. I would like to offer you the warmest hospitality “*o-mo-te-na-shi* (おもてなし)” with the spirit of “*Ichigo-Ichie*” during your stay in Kyoto.

Finally, let me close my opening speech by expressing our warmest welcome and wish for the greatest success for the conference of the International Commission on Aspectology in Kyoto. I am certain that you will achieve the expected goals of this conference.

Thank you very much.

Terumasa OSHIRO, Ph.D.
Professor of Linguistics
President, Kyoto Sangyo University

大城先正

Содержание

Алвестад С. С. / Alvestad S. S. Aspect use in the Slavic infinitive (and subjunctive)	8
Барентсен А. / Barentsen A. Вид и плюсквамперфект в славянских языках	14
Бенаккьо Р. / Benacchio R. Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте префиксация и суффиксация	21
Войводич Д. П. / Vojvodić D. P. Эффективный презенс или эффективный футурум? (К вопросу о типологии славянских перформативов совершенного вида)	27
Гаврилова В. И. / Gavrilova V. I. Два морфологических способа оформления в русском языке сказуемых пациентивных конструкций в совершенном виде	34
Генис Р. М. / Genis R. M. 'Empty' prefixes in Slavic and Gothic : aspect and terminativity	41
Герасимов Д. В. / Gerasimov D. V. Есть ли в русском языке категория вида?	48
Горбов А. А. / Gorbov A. A. О понятии «способ действия» и его аспектуальном содержании	53
Горбова Е. В. / Gorbova E. V. Словоизменение или словообразование, или является ли русский вид «видом славянского типа»?	60
Дерганц А. А. / Derganc A. A. Глагол детерминированного движения 'iti' в словенском языке	70
Зорихина-Нильссон Н. В. / Zorikhina-Nilsson N.V. Таксисные конструкции с действительными причастиями будущего времени совершенного вида в современном русском языке	74
Израэли А. / Israeli A. Особенности вида глаголов со значением 'начала' и 'конца'	81
Киселева К. Л., Татевосов С. Г. / Kiseleva K. L., Tatevosov S. G. Множественная префиксация и деривация видового значения	86
Китадзё М. / Kitajo M. Степень сочетаемости словосочетания глагола с инфинитивом и вид инфинитива	93
Климонов В. Д. / Klimonov V. D. Квантитативные параметры лексической аспектуальности в русском языке	100
Князев Ю. П. / Knyazev Ju. P. От обозначения результата предшествующего действия к прогрессиву	107

Конума Ю. / Konuma Yu. Взаимодействие результатива и акционально-актантной структуры глаголов: результативные конструкции в японском языке и их русские соответствия	113
Лазиньски М. / Łaziński M. Verbal aspect and legal interpretation: the use of verbal aspect in Slavic penal codes	123
Ласкова Л. А. / Laskova L. A. Point of view, reference interval and future tense in Bulgarian	129
Ли Чжу Хонг/ Lee Joo Hong Вопросы сопоставительной аспектологии русского и корейского языков: употребление глагольных форм при выражении будущих действий	136
Мелиг Х. Р. / Mehlig H. R. Дискурсивная функция глагольного вида при отрицании в русском языке	142
Миллиареси Т. В. / Milliaressi T. V. Внешняя и внутренняя структуры действия и типологические особенности русского вида	151
Митани К. / Mitani K. Uz-prefixation and the second future in Croatian	158
Мишина Е. А. / Mishina E. A. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой)	164
Окано К. / Okano K. От лексики к аспектуальности: некоторые особенности сербских глаголов движения <i>кренути</i> – <i>кретати</i>	171
Падучева Е. В. / Paducheva E. V. О биаспектуальности русского глагола <i>быть</i>	176
Петрухина Е. В. / Petrukhina E. V. Категориальная видовая семантика и стратегии употребления видов в русском и чешском языках	185
Плунгян В. А. / Plungjan V. A. Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика	195
Попович Л. В. / Popović L. V. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в таксисных конструкциях сербского языка	200
Пчелинцева Е. Э. / Pchelintseva O. E. Семантика предела глагольного действия и отглагольное имя в русском, украинском и польском языках	207
Рахилина Е. В. / Rakhilina E. V. К аспектуальным свойствам русского УЖЕ	214
Рёнкя Р. / Rönkä R. Данные истории языка в становлении функциональной модели имперфективации	221
Сакураи Э. / Sakurai E. Aspect and past habitual tense in Lithuanian: based the contrastive analysis with Russian	227

Самедова Н. / Samadova N. Перфективность и сема ‘процесс’: о когнитивном аспекте взаимодействия	234
Сигэморн Б. Т., Пожгай Х. В. / Shigemori B. Ch., Požgaj H. V. Aspect contrasted: Croatian, Slovene and Japanese — teaching and learning Japanese as L2	241
Славкова С. Б. / Slavkova S. B. Общезначимое значение НСВ в частном вопросе в болгарском языке	248
Соколова С. В. / Sokolova S. V. “Rabotnul na slavu – gul’ni smelo!”: –NU- as a universal aspectual marker in non-standard Russian	256
Спасов Л., Кадриу В. / Spasov L., Kadriu V. Expressing verbal aspectual configurations: Macedonian vs Albanian Languages	263
Татевосов С. Г. / Tatevosov S. G. Вид и типология акциональной композиции	270
Томмола Х. / Tommola H. Делимитативы – неопределённые глаголы совершенного вида	277
Труб В. М. / Trub V. M. К проблеме интерпретации видовой соотнесённости отглагольных существительных	284
Урысон Е. В. / Uryson E.V. Критерий Маслова и семантическая теория	292
Федотов М. Л. / Fedotov M. L. Iterativity, narrative, and aspect	299
Храковский В. С. / Khrakovskij V. S. Категория вида в русском языке: болевые точки	306
Чекалина Е. М. / Chekalina E. M. Перифрастические глагольные конструкции с акциональной семантикой (на материале шведского языка)	319
Шатуновский И. Б. / Shatunovskij I. B. Глаголы попытки и вид в русском языке	326

Аспектуальная семантическая зона:
типология систем и сценарии
диахронического развития

ASPECT USE IN THE SLAVIC INFINITIVE (AND SUBJUNCTIVE)

In the most comprehensive comparative account of aspect use in Slavic to date, Dickey [2000], ten Slavic languages are considered based on seven parameters of use, but two important verb forms are left unaccounted for: the imperative and the infinitive. The imperative was dealt with in Benacchio [2010], von Waldenfels [2012], and Alvestad [2013]. Now it is time the infinitive receives its fair share of attention too. Thus, in this project I compare how aspect is used in the infinitive in Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, Upper Sorbian, Czech, Slovak, Serbian, Croatian and Slovene and in the corresponding subjunctives in Bulgarian and Macedonian based on a study of two parallel-annotated novels in the Parasol¹ corpus. In light of existing literature, one could hypothesize that i) in the infinitive, the freedom of choice is significant as far as aspect use is concerned (see, e.g., Galton [1976]), and ii) the East-West divide in aspect use can be observed in the infinitive as well, but I show that i) must be refuted and ii) must be modified; in East Slavic, the perfective aspect is far more widespread in the infinitive than in the other verb forms. I explain my findings within a formally oriented framework along the lines of Grønn [2004] and Alvestad [2013]. The picture of how aspect is used in the Slavic languages is not complete until infinitives, and the corresponding subjunctives, are accounted for.

1. Introduction

The point of departure for this paper is a glaring gap in comparative Slavic aspectology—namely, that represented by the infinitive verb form. In the most comprehensive comparative account of aspect use in Slavic to date, Dickey [2000], ten Slavic languages are considered based on seven types of contexts of use, but two important verb forms are left unaccounted for: the imperative and the infinitive. The imperative was dealt with in Benacchio [2010], von Waldenfels [2012] and, most recently, Alvestad [2013]. Now it is time the infinitive receives its fair share of attention too. To meet this need is one of the aims of this paper. Thus, in this paper I will present a corpus-based comparative investigation of how aspect is used in Slavic infinitives (and subjunctives), taking the following 12 modern Slavic languages into consideration: Ru, Uk, By, Pl, US, Cz, Sk, Bg, Mk, Sr, Hr, and Sn. An example is given below, where, first, the Russian original is presented followed by its correspondents in the other Slavic languages.¹

- (1) a. Ru: *Ты говоришь, товарищ Ермаченко, что здесь надо будет драться, а я думаю – надо утром отходить*^{IPF}. [ParaSol. Ostrovskij: *Kak zakaljalas' stal'*, (henceforth KZS)]
“Comrade Ermačenko, you are saying that we will have to fight here, but I think that it’s necessary **to leave** in the morning.”
b. By: (...) *тут трэба будзе біцца, а я думаю - трэба раницай адыходзіць*^{IPF}.
c. Uk: (...) *тут треба буде битись, а я гадаю - треба вранці відходити*^{IPF}.
d. Pl: (...) *że tu trzeba się będzie bić, a ja sądzę - że trzeba się będzie rano wycofać*^{IPF}.
e. Sr: (...) *da bi se ovde trebalo tući, a ja mislim da ujutru treba otići*^{PF}.
f. Hr: (...) *da bi se ovdje imalo boriti. A ja mislim da ujutro treba otići*^{PF}.
g. US: (...) *tule do bitwy hić, ja pak sej myslu, zo dyrbimy jutře wottud woteńć*^{PF}.
h. Sk: (...) *že sa tu bude treba biť, ale ja si myslím, že by sme ráno mali odísť*^{PF}.
i. Cz: (...) *že tu budeme musít bojovat, ale já myslím, že musíme zítra ráno odejít*^{PF}.
j. Sn: (...) *da se bo treba tukaj udariti, jaz pa mislim, da moramo zjutraj odriniti*^{PF}.

Since I have included Mk and Bg in the investigation I will have to be concerned with subjunctives as well. Specifically, Mk does not have infinitives, and Bg only has a short form of the infinitive that is in very restricted use, cf., e.g., Mišeska-Tomić [2006: 456-457]. The form both languages use instead is the subjunctive—the subjunctive complementizer *da* (cf., e.g., [Mišeska-Tomić 2006, Todorović 2012]) + a present tense verb form—as seen in k. and l. below.

- k. Mk: (...) *а јас мислам - утре треба да си одиме*^{IPF}.
l. Bg: (...) *а нѣк аз мисля, че утре сутрин трѣбва да отстъпим*^{PF}.

In addition, in some Slavic languages, the infinitive and the subjunctive appear to compete for distribution. This is the case, to some extent, in Sn, to a higher degree in Hr, and to a significant degree in

¹ This and all subsequent examples are from the ParaSol corpus, <http://www.slavist.de/>, cf. von Waldenfels [2006]. In the English translation of (1), (2), and (4), I have consulted Prokofeva [1959].

Sr. Based on this observation and examples such as (1), three questions that need to be answered are as follows. First, how is aspect used in Slavic infinitives and subjunctives? Second, what are the semantic similarities and differences between infinitives and subjunctives? Third, if the infinitive and the subjunctive compete in certain Slavic languages, what are the decisive factors in this rivalry? In this paper I will seek to bring us closer to an answer to the first question. In the final section I will outline how we can proceed to find the answers to questions two and three.

2. Background and motivation

In addition to the fact that infinitives are one of the very few verb forms that are so far unaccounted for in comparative Slavic aspectology, the infinitive verb form is frequently ignored and poorly understood in formal theoretical linguistics too. The question of the semantics of infinitives is far from settled. One question regards infinitives and tense. Stowell [1982] was one of the first to point out that infinitives may still encode tense syntactically or semantically at the level of logical form even though they lack tense morphology. This view gained ground in certain environments for three decades but has also been challenged (see, e.g. Wurmbrand [2014]). Since verbal aspect is obligatorily present in all Slavic infinitives, and assuming that aspects are relations between times—specifically, between event times and their reference times, cf. Klein [1995]—a study of aspect use in Slavic infinitives will shed light on the question of infinitives, time and tense as well.

Moreover, studies of the semantics of infinitives seldom compare this verb form with the subjunctive. I am aware of only one exception: Han [1998], who also includes the imperative. Han, however, does not take verbal aspect into consideration. But as exemplified in (2) below, in one and the same context, we find that some Slavic languages use the infinitive (boldfaced), some use the imperative (boldfaced and romanized), and some use the subjunctive (also boldfaced and romanized). The numerous examples of this kind strongly suggest that there are semantic and/or pragmatic similarities between not only the infinitive and the subjunctive, on the one hand, but also the imperative, on the other hand. A study of Slavic infinitives such as the present will shed light on this issue as well.

(2) a. Ru: – *Никого из зала **не выпуска́ть**^{IPF}, **постави́ть**^{PF} часовых, приказал он.*
 “**Do not let anyone out** of the hall, **call out** the guards!” he ordered.” (ParaSol. Ostrovskij: KZS)

b. By: – *Никого з зала **не выпуска́ць**^{IPF}, **пастави́ць**^{PF} вартавых, загадаў ён.*

c. Uk: – *Никого з зали **не випуска́ти**^{IPF}, **постави́ти**^{PF} вартових!*

d. Pl: – *Nikogo **nie wypuszczac**^{IPF} z sali, **postawić**^{PF} wartę!*

e. Sr: – ***Ne puštati**^{IPF} nikoga iz sale, **postavi**^{PF} stražu, naredi on.*

f. Hr: – ***Ne puštati**^{IPF} nikoga iz dvorane, **postaviti**^{PF} stražu, naredi on.*

g. US: – *Nikoho ze žurle **njepuščće**^{IPF}, **nastajće**^{PF} straže, přikaza.*

h. Sk: – *“Stráže ku vchodu! Nikoho **nepustit**^{PF} zo sály!” rozkázal.*

i. Cz: – *Nikoho ze sálu **nepustit**^{PF}, **postavit**^{PF} stráže!” nařídil.*

j. Sn: – *“Nikogar mi **ne spuščajte**^{IPF} iz dvorane,” je ukazal. “Stražo **postavite**^{PF}!”*

k. Bg: – *Никой да не напуска́ салона, да се поставят^{PF} часовои – заповяда той.*

l. Mk: – *Никој да не се пушта^{IPF} од салата, да се постават^{PF} стражари, - нареди тој.*

As we can see, in (2), Ru, By, Uk, Pl, Hr, Sk, and Cz use infinitives, US and Sn use imperatives, Sr uses one infinitive and one imperative, and Bg and Mk use the subjunctive.

3. State of the art, problems, hypotheses, and preliminary results

The first problem that needs to be solved can be stated as follows. Problem 1: How is aspect used in the Slavic infinitive? In his 2000 study, Dickey concludes that aspect use in Slavic varies geographically, where IPF is the most widely used aspect in East Slavic and PF is the most frequently used aspect in West Slavic. As regards imperatives, Benacchio’s [2010], von Waldenfels’ [2012] and Alvestad’s [2013] results corroborate the East-West divide, although with some modifications. The share of IPF forms in percent of the total number of non-negated imperatives² investigated is given in Alvestad [2013] as follows, for each

² Following Kaufmann [2012] Alvestad [2013] takes an imperative to be a pair of a particular kind of form (2.p.sg.

of the languages in question: Ru (60%) > By (59%) > Uk (58%) > Bg (48%) > Pl (47%) > Sr, Hr (45%) > Mk (44%) > US (43%) > Sk (33%) > Cz (31%) > Sn (29%). Against this background, a plausible hypothesis with respect to problem 1 is as follows.

Hypothesis 1: The East-West divide can be observed in infinitives too: the East Slavic languages—Ru, By, and Uk—make up an IPF-oriented group of languages, while the West Slavic languages—Sk, Cz, and Sn—constitute a PF-oriented group.

In order to bring us closer to a solution to Problem 1 I have made use of the ParaSol corpus, cf. von Waldenfels [2006], which is the most extensive parallel corpus of Slavic languages to date. I took Ru as my point of departure, since Ru is that language which is represented by the highest number of tokens: 3,64 million (as of August 2015). For reasons that will become clear below, I will only consider telic predicates, i.e., **accomplishments** and **achievements**, cf. Vendler [1957]. Examples like (1) support Hypothesis 1: IPF is used in Ru, By, Uk, and Pl, whereas PF is used in Sr, Hr, US, Sk, Cz, and Sn. Still, Problem 1 needs to be addressed. First, based on (1) it would seem that the use of aspect in the infinitive is almost identical to that in the imperative. My survey, however, suggests that this is not the case. For example, the East Slavic languages use PF significantly more often in infinitives than in the imperative. (3) below is representative.³

- (3) a. Ru: *Так ты думаешь, я не знаю, кто мог **сделать**^{PF} такую подлость – **испортить**^{PF} тесто!* [ParaSol. Ostrovskij: KZS]
 ‘So you think I don’t know who could **do** such a dirty trick – **spoil** the dough!’
 b. By: (...) *я не ведаю, хто мог **зрабіць**^{PF} такую подласць – **сандавіць**^{PF} цеста?*
 c. Uk: (...) *я не знаю, хто міг **вчинити**^{PF} таку підлоту – **зіпсувати**^{PF} тісто!*
 d. US: (...) *zo njewěm, štó móhl tajke njedočinštvo **zwotac**^{PF} – mi cesto **skazyć**^{PF}!*
 e. Sk: (...) *že neviem, kto mohol **spravit**^{PF} také svinstvo, kto pokazil cesto!*
 f. Cz: (...) *že já nevím, kdo mohl **udělat**^{PF} takovou ohavnost a **zkazit**^{PF} těsto?*
 g. Sn: (...) *da ne vem, kdo je bil zmožen **napraviti**^{PF} tako malopridnost – **pokvariti**^{PF} testo!*

In Bg, Sr, Hr, and Mk, the subjunctive is used.

- h. Bg: (...) *кой е могъл **да извърши**^{PF} такава мръсотия, **да развали**^{PF} тестото?*
 i. Sr: (...) *da ja ne znam ko je mogao **da učini**^{PF} takvu podlost - **da pokvari**^{PF} testo.*
 j. Hr: (...) *da ja ne znam tko je mogao **da učini**^{PF} takovu podlost - **da pokvari**^{PF} tijesto.*
 k. Mk: (...) *koj možel **da napravi**^{PF} takva podlost - **da go racune**^{PF} testoto!*

PF is used in both cases in all the languages in question.

I started my survey of aspect use in Slavic infinitives (and subjunctives) by isolating all non-negated⁴ infinitives in the Russian (original) version of Ostrovskij’s *Kak zakaljalas’ stal’* in ParaSol. In the initial survey, where the infinitives investigated refer to any one of Vendler’s [1957] situation types, the share of IPF infinitives is more than ten percentage points lower than that for imperatives: 49%, as opposed to 60% for imperatives. When only telic predicates are taken into consideration, and when instances of *нельзя* + infinitive are excluded (alongside *не* + infinitive) the share is even lower: 15%. As far as Croatian is concerned, which for imperatives finds itself in the middle continuum of languages, using IPF in 45% of the cases investigated in Alvestad [2013], PF is used in more than 85% of the non-negated infinitives. PF is also used in approximately 85% of the cases in which a Ru infinitive is translated with *da* + a present tense form. In other words, the use of aspect in the infinitive (and the subjunctive, as the case may be) so far seems to be almost identical in the East-Slavic languages, represented by Ru, and the middle continuum of languages, represented by Hr: IPF is used in only 15% of the cases, when only non-negated telic predicates are taken into account.⁵

Against the background of these findings the following questions arise. Problem 2:

or 2.p.pl.) and one out of a particular set of functions (request, command, permission, invitation, etc.).

³ The Polish translation of KZS is currently (i.e., as of ultimo August, 2015) unavailable in Parasol.

⁴ I excluded occurrences of *не* + infinitive. Cases where only the matrix predicate is negated are included, as well as (some very few) instances of *нельзя* + infinitive.

⁵ As far as the share of infinitives versus subjunctives (i.e., *da* + a present tense form) in Hr is concerned, the numbers based on Ostrovskij’s *Kak zakaljalas’ stal’* in the ParaSol corpus are as follows. When a Ru infinitive is translated into Hr with either an infinitive or a subjunctive, it is translated to an infinitive in just approximately 36% of the cases. (Occasionally, Ru infinitives are translated into Hr with nouns, or past or present tense forms without *da*.)

- a) Under what circumstances is IPF used in telic predicates in the infinitive (and the subjunctive, as the case may be) in the various Slavic languages?
- b) Are the differences in aspect use between infinitives and imperatives due to the fact that infinitives can figure both with and without the modal force of necessity,⁶ whereas imperatives have the modal force of necessity?⁷
- c) How is aspect used in infinitives when they do not have modal force?
- d) How is aspect used in infinitives when they do have modal force?

I assume that the meaning of the Slavic PF is the inclusion of the event time in the reference time ($e \subset t$), cf., e.g., Klein [1995]. The meaning of the Slavic IPF is an underspecified temporal overlap relation between the event time and the reference time ($e \circ t$). The differences in aspect use I ascribe to differences in how the individual languages resolve cases of aspectual competition. In cases of aspectual competition, both aspects can be used without changing the meaning significantly. This can only occur in telic predicates, which is why I exclude **states** and **activities** from the investigation. When the unmarked IPF is aspectually neutralized, IPF has a perfective meaning. This use of IPF in past tense indicatives is referred to in the literature as **general-factual**, of which Grønn [2004] identifies two main types of interpretation: the existential and the presuppositional. Imperatives are not associated with facts, so in Alvestad [2013] I follow Iatridou [2000] and Grønn [2008] in referring to IPF in such cases as **fake**. I will stick to this term in my account of infinitives.⁸

As regards imperatives, I follow Kaufmann's [2012] analysis and take it that they are modals. Then, according to standard assumptions about the accessibility of antecedents, in Discourse Representation Theory (DRT) [Kamp 1981], for example, the event referent of one imperative VP is inaccessible to the event referent of another imperative VP. I therefore argue that in imperatives, we typically do not have event *token* anaphora, but event *type* anaphora, and that event type anaphora is sufficient to trigger the presuppositional type fake IPF in Slavic. The discourse referents of event types—predicates—are not subject to the same restrictions as eventive discourse referents. This is an issue I will have to consider if the presuppositional type fake IPF occurs in the infinitive and if infinitives are modal, as claimed by, for example, Wurmbrand [2014].

Two questions arise at this point. First, *do* we find fake IPFs in infinitives? The answer to this question is, probably, yes. Consider the Russian example below.

(4) Ru: *Оставлять немцам этот склад, конечно, нельзя ... Я считаю, нужно его сжечь. И сейчас же, чтобы к утру все было готово. Только поджигать^{IPF}—то опасно: сарай стоит на краю города среди бедняцких дворов. (...) Стружков шевельнулся: - - За ... за ... чем ... поджигать^{IPF}?* [ParaSol. Ostrovskij: KZS]

“We are not going to leave the shed to the Germans; in my opinion we ought to burn it down, and at once, so as to have it over and done with by morning. **To just set fire to** it is dangerous: the fire might spread to the surrounding cottages. (...)” Stružkov stirred in his chair. “Why ... why ... why **set fire to** it?”

The existential type fake IPF is also referred to in the literature as the *naming the action* function of IPF, cf., e.g., Forsyth [1970]. I therefore suggest that in (4), the first occurrence of IPF *podžigat* ‘set fire to’ is existential. I also suggest that the second occurrence of IPF *podžigat* is a presuppositional fake IPF, anaphoric to the first, existential type. (The underlining in the example signifies presupposition/anaphora.) Then the next problem I will seek to solve is this. Problem 2 – continued: e. What type of fake IPF is most widespread in infinitives—the existential type, the presuppositional type, or some other type? In past tense indicatives, the existential type is most widespread, cf. Grønn [2004]. In imperatives, the presuppositional type is by far the most widespread type, cf. Alvestad [2013]. Given the above, hypotheses regarding Problem 2 are as follows. Hypothesis 2: b) The differences in aspect use between infinitives and imperatives are due to the fact that infinitives can, but need not, be embedded under modal predicates, whereas

⁶ In (1) and (2) the infinitives have the modal force of necessity, while in (3) they have the modal force of possibility. The matrix predicates in (1) are *надо* ‘[it is] necessary’ and its equivalents and in (2) the infinitives function as imperatives. In (3), on the other hand, the matrix predicates are *мог* ‘could’ and its equivalents.

⁷ I follow Kaufmann [2012] in assuming that imperatives have the modal force of necessity.

⁸ For further details and examples I refer the reader to Grønn [2004] and Alvestad [2013].

imperatives are necessity modals. c) When an infinitive is embedded under a non-modal predicate, aspect is used as in past tense indicatives. d) When an infinitive is embedded under a modal predicate, aspect is used as in the imperative. e) When an infinitive is embedded under a non-modal predicate, the existential type fake IPF is most widespread. When an infinitive is embedded under a modal predicate, the presuppositional type fake IPF is most widespread.

The first occurrence of IPF *podžigat* 'set fire to' in (4), an existential IPF, supports Hypothesis 2. The second occurrence of IPF *podžigat*, however, is a presuppositional IPF. In order to test the hypotheses in 2, we need to look into more examples such as that given in (4), which is part of what I will do in this project. Hopefully, that work will give us some answers to at least some of the questions that have been raised throughout this paper.

4. Conclusion and further outlook

At the outset of this paper I raised the question of how aspect is used in Slavic infinitives (and subjunctives, as the case may be). I hypothesized that the East-West divide that has been observed for other verb forms and contexts of use can be observed in infinitives too. Although the present study is work in progress, we have seen that this may not be the case: Russian, which uses IPF in 60% of imperatives (cf. Alvestad [2013]), uses IPF in 15% of infinitives, and the latter is also the case for Croatian, which uses IPF in 45% of imperatives. A larger database is needed to conclude, but these initial results are intriguing all the same. These results and various examples led me to raise further questions, such as under what circumstances IPF *is* used in the infinitive (and subjunctive), and whether the fake IPF occurs in the infinitive (and subjunctive) and, if so, what type is most widespread—the existential, the presuppositional or some other type. The next steps in this project will involve extending the database and deciding on how to categorize the various matrix predicates involved, so as to see whether the matrix has any impact on aspect use. Hopefully, these steps will eventually give us a clear answer to Problem 1 and shed light on the questions comprising Problem 2. The project should shed some light on the long unresolved issue of infinitives, tense and time as well.

List of abbreviations

Bg – Bulgarian; By – Belarusian; Cz – Czech; Hr – Croatian; INF – infinitive; IPF – imperfective; *KZS* – *Kak zakaljalas' stal'*; Mk – Macedonian; p. – person; PF – perfective; Pl – Polish; pl. – plural; Ru – Russian; Sk – Slovak; Sn – Slovene; Sr – Serbian; Uk – Ukrainian; US – Upper Sorbian.

References

- Alvestad 2013 – S.S. Alvestad. – Beware of fakes! Fake imperfectives in the Slavic imperative. Ph.D. dissertation. University of Oslo, 2013.
- Benacchio 2010 – R. Benacchio. Vid i kategorija vežljivosti v slavjanskem imperativu: sravnitel'nyj analiz. Munich: Otto Sagner, 2010.
- Dickey 2000 – S.M. Dickey. *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford, California: CSLI Publications, 2000.
- Forsyth 1970 – J. Forsyth. *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb*. London: Cambridge University Press, 1970.
- Galton 1976 – H. Galton. *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1976.
- Grønn 2004 – A. Grønn. *The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective*. Doctoral thesis. Oslo: Unipub, 2004.
- Grønn 2008 – A. Grønn. Imperfectivity and complete events // F. Josephson, I. Söhrman (eds.). *Interdependence of Diachronic and Synchronic Analyses*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 149-165.
- Han 1998 – C. Han. *The Structure and Interpretation of Imperatives: Mood and Force in Universal Grammar*. Ph.D. dissertation. University of Pennsylvania.
- Iatridou 2000 – S. Iatridou. The Grammatical Ingredients of Counterfactuality // *Linguistic Inquiry*. 2000. № 2, vol. 31. P. 231-270.
- Kaufmann 2012 – M. Kaufmann. *Interpreting Imperatives*. Dordrecht: Springer, 2012.
- Klein 1995 – W. Klein. A Time-Relational Analysis of Russian Aspect // *Language*. 1995. № 4, vol. 71. P. 669-695.

- Mišeska-Tomić 2006 – O. Mišeska-Tomić. Infinitives and Subjunctives // *Balkan Sprachbund Morpho-syntactic Features*. Dordrecht: Springer, 2006. P. 413-657.
- Prokofeva 1959 – R. Prokofeva. How the steel was tempered. Moscow: Foreign languages publishing house, 1959. (Translation of Nikolaj Ostrovskij's *Kak zakaljalas' stal'*, 1936.)
- Stowell 1982 – T. Stowell. The tense of infinitives // *Linguistic Inquiry*. 1982. № 3, vol. 13. P. 561-570.
- Todorović 2012 – N. Todorović. 2012. The Indicative and Subjunctive da-complements in Serbian. A Syntactic-Semantic Approach. Ph.D. dissertation. University of Illinois at Chicago.
- Vendler 1957 – Z. Vendler. Verbs and Times // *The Philosophical Review*. 1957. № 2, vol. 66. P. 143-160.
- von Waldenfels 2006 – R. von Waldenfels. Compiling a parallel corpus of slavic languages. Text strategies, tools and the question of lemmatization in alignment // B. Bremer, V. Zdanova, R. Zimny (eds.). *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 9*. Munich: Otto Sagner, 2006. P. 123-138.
- von Waldenfels 2012 – R. von Waldenfels. Aspect in the imperative across Slavic: A corpus-driven pilot study // A. Grønn, A. Pazelskaya (eds.) *The Russian Verb*. (Oslo Studies in Language. 2012. № 4, vol. 1.) P. 141-154.
- Wurmbrand 2014 – S. Wurmbrand. Tense and aspect in English infinitives // *Linguistic Inquiry*. 2014. № 3, vol. 45. P. 403-447.

ВИД И ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

The article gives some basic information on the meaning and the distribution of the pluperfect in the Slavic languages and discusses its use in a number of examples from early and modern Slavic translations. The focus is on the functioning of Slavic aspect in the pluperfect, specifically with respect to the expression of taxis relations. Because of the low frequency of imperfective aspect in the pluperfect, special attention is given to these cases.

1. Вступительные замечания. Прототипическая семантика плюсквамперфекта.

Уже в самых ранних славянских текстах плюсквамперфект (далее ПКП) выступает как часть глагольной системы. Это сложная форма, состоящая из л-причастия в сочетании со вспомогательным глаголом 'быть' в форме аориста/имперфекта. См. стих 8 в следующем отрывке из Мариинского Евангелия (от Иоанна 4:6–9)⁹:

- (1) 6) *бѣ же тоу стоуденець иѣковль. ис же троуждѣ са отъ поти. стѣдѣаше тако на стоуденьци . година бѣ гѣко шестаа.* 7) *приде жена отъ самарии почръгъть воды. гла исъ даждѣ ми пити .* 8) *оученици бо его ошѣли бѣахъ въ градъ. да брашѣна коупатъ.* 9) *гла же емоу жена самарѣныни . [...]*¹⁰

'6) Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. 7) *Приходит* женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус *говорит* ей: дай Мне пить. 8) Ибо ученики Его **отлучились** в город купить пищи. 9) Женщина Самарянская *говорит* ему [...]'

ПКП находим также в греческом оригинале этого стиха: *οἱ γὰρ μαθηταὶ αὐτοῦ ἀπεληλύθεισαν εἰς τὴν πόλιν ἵνα τροφὰς ἀγοράσωσιν*. В греческом языке Нового Завета ПКП является синтетической формой.

Греческий и старославянский языки имеют идентичный состав претеритальных форм: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Но в обоих языках формы перфектного ряда, особенно ПКП, употребляются редко. Во всех четырех Евангелиях старославянские переводы содержат не больше 20 случаев [Деянова 1970: 16]. В греческом оригинале встречаются также только 20 случаев с прототипическим плюсквамперфектным значением¹¹.

Прототипическое значение ПКП мы определяем как «ретроспективный взгляд на действие с ориентира в прошлом». Таким образом, ПКП является предпрошедшим временем. Его основная функция состоит в том, чтобы в повествовании произвести некоторое отступление, «дигрессию», от основной линии. Вместо того чтобы двигаться вперед по повествовательной линии, рассказчик, употребляя ПКП, как бы останавливается и смотрит назад, на уже прошедшее действие, осуществление или существование которого каким-то образом релевантно для фона, на котором происходят другие события, относящиеся к основной линии повествования.

В примере (1) эти события выражаются аористами *приде*, и *гл[агол]а*, которые в данном случае переводят греческие формы презенса ἔρχεται и λέγει, и в русском переводе передаются формами настоящего времени *приходит* и *говорит*¹². Остальные глагольные формы в приведенном тексте

⁹ В качестве русского перевода используется «Синодальный перевод». Здесь и далее ПКП обозначается жирным курсивным шрифтом, а его соответствия (если они относятся к другой категории) – жирным некурсивом.

¹⁰Примеры на старославянском языке взяты из параллельного корпуса, составленного Яапом Кампхёйсом. Надстрочные знаки в них отсутствуют. (Корпус доступен по следующему адресу: <http://www.jaarkamphuis.nl/index.php/parallel-corpus1>.)

¹¹ Рассматриваются только активные формы. В греческом тексте есть еще около 40 примеров, в которых ПКП имеет чисто формальный характер и функционирует как имперфект. К ним относятся, например, частотные формы ἤδει(ν) и ἤδεισαν 'знал', 'знали'. Детали см. в работе [Барентсен (гот. к печати)].

¹² В греческом тексте настоящее историческое встречается часто. В русском переводе эти случаи, как правило, переводятся презенсом НСВ. Однако в старославянском языке настоящее историческое встречается

описывают фон: был там колодец, Иисус там сидел, был шестой час. Между этими действиями/ситуациями существует отношение одновременности. Этот фон дополнительно определяется еще и предыдущими действиями: Иисус сел на это место **после того как/потому что/** устал ('утрудившись от пути') и его просьба, направленная женщине, мотивирована тем, что его ученики не могут ему дать воду, **поскольку** они ушли в город. Событие 'отлучились' маркируется как релевантное для фона, т.к. оно выражено ПКП, как в греческом тексте, так и в старославянском. Это эксплицитный сигнал того, что читатель должен принять это событие не как следующий шаг в повествовании (между просьбой Иисуса и ответом женщины), но как что-то предшествующее, относящееся не к главным событиям, а только определяющее их фон. В языках без ПКП, как современный русский, подобная перемена ориентации (переключение внимания с поступательного движения вперед на прошлое) самой глагольной формой не выражается. В таких языках правильная интерпретация соотношений указанных действий опирается целиком на данные контекста и «знание мира»¹³.

Можно сделать вывод, что специфика ПКП состоит в том, что он облегчает интерпретацию взаимных отношений между действиями в рамках повествования о прошлом, отметив переключение на ретроспекцию. В принципе, указания, необходимые для такой интерпретации, могут присутствовать в контексте и в другом виде или как-то подразумеваться, и поэтому не удивляет, что языки пользуются ПКП в разной степени или вообще не имеют его¹⁴.

2. ПКП в современных славянских языках

В современных славянских литературных языках мы находим следующую, довольно пеструю картину:

а) частое употребление ПКП – болгарский и верхнелужицкий; б) умеренное употребление – македонский, сербский и хорватский; в) редкое употребление – словенский, украинский и белорусский; г) отсутствие ПКП – польский, чешский, словацкий и русский [Барентсен (гот. к печати)].

Таким образом, в ряде языков, по сравнению со старославянским, употребление ПКП в разной степени возросло (оно значительно возросло, например, в современном болгарском языке), в некоторых ПКП является более или менее маргинальной, факультативной формой, а в других он фактически исчез совсем. Утрата ПКП, скорее всего, связана с ранней потерей в этих языках форм аориста и имперфекта, вследствие чего из системы исчезла оппозиция «перфектный ряд – неперфектный ряд», основанная на признаке ретроспективности¹⁵.

Можно предположить, что утрата аориста и имперфекта в большинстве славянских языков связана с развитием славянского вида. Ведь семантика аориста и имперфекта до определенной степени пересекается с семантикой общих форм прошедшего времени, развившихся из перфекта совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ)¹⁶. В обоих случаях важную роль играет признак «целостность». Из этого признака вытекает и прототипическая таксисная функция этих форм в повествовании: формы с «целостностью» – аорист и претерит СВ – «двигают события», т.е. обозначают действия, следующие друг за другом. А имперфект, выражающий определенный вид нецелостности – фокусирование на самом действии, – прототипически представляет фон для других

редко, и такие греческие примеры обычно переводятся аористом.

¹³ В данном русском переводе, очевидно, к контекстным факторам можно отнести и переключение на форму претерита, хотя в русских повествовательных текстах формы презенса и претерита чередуются достаточно свободно и это не обязательно указывает на изменение ориентации описываемого типа.

¹⁴ Между языками, имеющими ПКП, могут, конечно, наблюдаться дополнительные различия в употреблении этой формы. Подробную информацию о типологии ПКП дает работа [Сичинава 2013], где приводится также основная литература об этой категории.

¹⁵ При перфекте ретроспективность проявляется в установлении связи прошедшего действия с ситуацией речи, что ведет к подчеркиванию релевантности осуществления этого действия для речевой ситуации.

¹⁶ Основная разница состоит в том, что видовая оппозиция не ограничивается формами прошедшего времени, а также в специфической связанности славянского вида с лексическим значением глагола через признак «предельность» (в широком понимании). См. об этом [Барентсен 1995].

действий, совпадающих с ним или включенных в него. Таким образом, имперфект, в принципе, выражает таксисное значение одновременности, которое является также одним из главных значений общего претерита НСВ (в рамках повествования).

Как будет показано ниже, ПКП может менять таксисные значения, связанные с видом.

3. Функция вида при ПКП в определительном придаточном предложении

При изучении примеров ПКП в разных славянских языках бросается в глаза весьма не равномерное распределение видов. По нашим предварительным подсчетам, в языках, наиболее активно употребляющих ПКП (болгарский и верхнелужицкий), процент примеров с НСВ не больше 20. В других языках примеры с НСВ встречаются значительно реже¹⁷.

Как нам представляется, преобладание СВ в ПКП объясняется тем, что выбор этой формы предполагает, что обозначаемое действие достаточно ярко определяет характер фона для последующих событий. Это вполне естественно в тех случаях, когда действие ПКП производит непосредственно осязаемый результат. Именно это представлено в примере (1): достижение предела действия *отлучиться/отлучаться*, выраженное выбором СВ, приводит к отсутствию субъекта (учеников), что в данном случае является релевантным признаком фона. Такая связанность с непосредственной результативностью наблюдается во всех примерах с ПКП в греческом тексте Евангелий. Но при их сравнении с примерами ПКП в старославянском тексте мы видим, что последний отличается тем, что допускает также менее непосредственную связь. При этом значительную роль играет именно аспектуальный характер глагола. См. следующий пример из Евангелия от Иоанна (20:12), где старославянский ПКП образован от неопределенного глагола, т.е. от типа глагола, действие которого не оставляет за собой специфического результата¹⁸:

(2) *[Мария] видѣтъ дѣва анѣла въ бѣлахъ съдѣшита . единого оу главы . и единого оу ногоу . идеже бѣ лежало тѣло исво .*

‘[Мария] видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса’.

В примере ПКП употребляется в определительном придаточном предложении. Это достаточно характерная позиция для ПКП в славянских языках. В данном случае дается определение места, где сидят ангелы: это то место, где раньше лежало тело Иисуса. В славянском переводе именно ПКП совершенно эксплицитно выражает то, что состояние ‘лежит’ предшествует ситуации, о которой идет речь (то, что видит Мария). Как и в примере (1), указание на предшествующее действие/состояние имеет для фона явную релевантность: дается важная информация о месте, и присутствие там ангелов становится понятным. Но здесь релевантность имеет все же другой характер, чем непосредственная результативность, которая наблюдается при СВ, в примере (1)¹⁹. По всей вероятности, такая, более абстрактная, «экспериментальная» связь в греческом языке текста Нового Завета не могла выражаться ПКП, и поэтому в оригинале данного примера вместо ПКП использован имперфект (*ἔκειτο*). Последняя форма, однако, сама по себе не может достаточно ясно выражать данное реальное таксисное отношение предшествования ситуации нахождения тела Иисуса в указанном месте к ситуации, когда Мария видит ангелов. Без знания предыдущего контекста, в котором указано, что тела в этом месте уже нет, читатель интерпретировал бы эти ситуации как одновременные. В старославянском переводе выбор ПКП исключает такую ложную интерпретацию.

¹⁷ Поэтому в литературе иногда высказывается предположение о полном отсутствии ПКП НСВ в том или ином языке. Однако это обычно не подтверждается материалом из текстов, рассматриваемых нами.

¹⁸ Следуя традиции, такой глагол можно отнести к НСВ, несмотря на то, что он не входит в настоящую видовую оппозицию.

¹⁹ В литературе о перфекте подобные различия указываются терминами «результативный перфект» и «экспериментальный перфект» (или «экзистенциальный перфект»). Семантически эти типы в общих чертах соответствуют известным «ретроспективным» типам употребления русского претерита СВ и НСВ – соответственно «перфектному значению» и «общефактическому значению».

Примеры типа (2), с ПКП НСВ, показывают, что в зависимых конструкциях ПКП меняет обычную таксисную интерпретацию формы НСВ: вместо одновременности выражается предшествование. Различие с обычными претеритальными формами становится очевидным из сравнения старославянского и русского переводов. Как и в оригинальном греческом тексте, без знания предыдущего контекста данный стих интерпретировался бы неправильно. Такая структурная неоднозначность (и потенциальная возможность неправильной интерпретации) представлена также в большинстве других известных нам славянских переводов. Они, как и в русском переводе примера (2), используют вслед за греческим оригиналом имперфект или претерит НСВ. Интересно отметить, что в ряде современных менее буквальных переводов, направленных на лучшее понимание текста, прибавлено обстоятельство типа *раньше*, как в новом русском переводе организации Biblica: [...] *где раньше лежало тело Иисуса*²⁰.

Тот факт, что многие переводы на славянские языки, имеющие ПКП, не употребляют эту форму в рассматриваемом случае, можно, наверное, считать показательным для достаточно маргинальной позиции ПКП в этих языках. Мы нашли активный ПКП только в трех болгарских переводах, в переводе на верхнелужицкий и в переводе Вука Караджича на сербский (1847 г.)²¹:

- (3) Болгарский: [...] *където (по-рано) беше лежало тялото на Исус*²².
 Верхнелужицкий: *hdžež bě Jězusowe ćělo ležalo*.
 Сербский: *gde beše ležalo telo Isusovo*.

Рассмотрим теперь пример, взятый из Евангелия от Марка (16:9), с глаголом противоположного вида в определительном придаточном предложении²³:

- (4) [*Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине*], *из которой изгнал семь бесов*.
 Мар. Ев.: [...] *из неѡже изгъна ж бѣсъ*.

В этом примере греческий ПКП (*ἐκβεβλήκει*) переводится на старославянский не ПКП, а аористом. Это опять подтверждает, что в данном отношении переводчики на старославянский язык не просто механически переводили греческие глагольные формы, а достаточно самостоятельно выбирали подходящие соответствия. Не известно, конечно, какими критериями руководствовались здесь, но нам кажется, что определенную роль мог сыграть тот факт, что в этом примере таксисные отношения очень ясно определяются уже одним видом глагола (СВ глагола с результативным значением). При этом мы исходим из того, что глагол СВ прошедшего времени в определительном предложении прототипически выражает предшествующую смену ситуаций и (при предельном действии) наличие результативной фазы.

Может удивить тот факт, что в переводах этого примера на более современные славянские языки все же необычно часто употребляется именно ПКП, хотя в данном случае для интерпретации таксисных отношений в этом нет нужды. Мы нашли такие примеры почти на всех славянских языках, имеющих эту форму; см. следующие соответствия данного примера (в котором, как показывает полный текст в (4), субъектом действия является Иисус)²⁴:

²⁰ Подобное прибавление мы нашли также в некоторых чешских и в одном словенском переводах (*drive, předtím* и *prej*).

²¹ Остальные переводы сравнимы с «Синодальным переводом». Приведем несколько примеров. Мкд.: *kađe што лежеше Исусовото тело* (имперфект); Срб. (NWT): *тамо где је лежало Исусово тело*; Хрв. (NWT): *ondje gdje је лежало Исусово tijelo*; Слвн. (SSP3): *kjer је bilo položeno Jezusovo telo*. Выбор последнего варианта, с пассивной формой, наверное, сделан на основе латинского перевода (Вульгата): *ubi positum fuerat corpus Iesu*. Использование глагола СВ в данном случае не способствует правильному пониманию, поскольку наиболее естественно ожидать, что результат действия 'положить' сохраняется в указанный момент.

²² Интересно отметить, что в одном из этих болгарских переводов все же прибавлено временное обстоятельство *по-рано* 'раньше', которое, собственно говоря, избыточно при наличии ПКП.

²³ Для экономии места полный текст стиха даем лишь в русском переводе.

²⁴ Более половины примеров в (5) содержит ПКП нового типа, вспомогательный глагол которого имеет

- (4)' Болгарский: *от която беше изгонил седем зли духа* (BPB 2010).
 Македонский: *од која беше истерал седум демони* (NWT).
 Сербский: *iz koje beše izagnao sedam demona* (Emilijan Čarnić, 1992).
 Хорватский: *iz koje je bio isterao sedam demona* (ERV).
 Словенский: *iz katere je bil izgnal sedem demonov* (NWT).
 Верхнелужицкий: *z kotrejež bě sydom djabliskow wuhnał* (Swjate pismo, 2006).
 Польский: *z której był wygnał siedm dyjabłów* (Biblia Gdańska, 1632)²⁵.
 Чешский: *z níž byl vyvrhl sedm d'áblů* (Kralická Bible, 1613).
 Украинский: *iz якої був вигнав сім демонів* (Іван Огієнко, 1955).
 Белорусский: *зь якое быў выгнаў сем дэманаў* (Васіль Сёмуха, 1995).

Можно было бы предположить, что переводчики всего лишь руководствовались выбором ПКП в исходном греческом тексте, но тогда трудно понять, почему при переводе другого стиха (от Луки 8:2), описывающего то же самое событие (только с перспективы не Иисуса, а демонов), которое в греческом передается также ПКП (*ἐξελθῆναι*), заметно реже употребляется славянский ПКП. Ср. русский перевод и несколько вариантов из тех же изданий, представленных в (4)'. Они имеют здесь не ПКП, а более обычную претеритальную форму СВ (бывший перфект или, как в старославянском и македонском, аорист):

- (5) [и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною], из которой **вышли** семь бесов.
 Старославянский.: *из неѣже изиде седьмъ бѣсъ*.
 Македонский: *од која Исус истера седум демони*
 Сербский: *iz koje je izišlo sedam demona* (Emilijan Čarnić, 1992).
 Хорватский: *iz koje je istjerao sedam zlih duhova* (ERV).
 Словенский: *iz katere je prišlo sedem demonov* (NWT).
 Украинский: *що з неї сім демонів вийшло* (Іван Огієнко, 1955).
 Белорусский: *зь якое выйшли сем дэманаў* (Васіль Сёмуха, 1995).

Такое положение дел подтверждает, что для правильного выражения таксисных отношений в примерах подобного типа наличия обычной претеритальной формы СВ вполне достаточно. Семантические различия между вариантами в примерах (4)' и (5), скорее всего, другого характера и очень тонкие. Варианты с ПКП, возможно, выражают не только релевантность результативной ситуации, но также несколько больше подчеркивают особую релевантность самого события. Это можно связать с тем, что в (4)–(4)' субъект всегда Иисус, творящий чудеса, а в (5), в оригинале и в большинстве переводов, субъектом являются демоны, участвующие в действии не активно. Чтобы подтвердить то, что при выборе ПКП роль играть могут подобные дополнительные оттенки, необходимо, конечно, более детальное исследование употребления ПКП в различных славянских языках.

4. НСВ при ПКП в независимой позиции

В завершение рассмотрим пример ПКП НСВ в простом предложении, т.е. в формально независимой позиции. Пример взят из известной книги «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, которая переведена на все литературные славянские языки и даже на некоторые славянские «микроязыки»²⁶. Приведенные два предложения являются началом главы XV. После оригинала и русского перевода к нему, даем все варианты второго предложения с ПКП, найденные нами в переводах на другие славянские языки²⁷. Глагол, если не указано иначе, относится к НСВ:

форму, восходящую к старому перфекту.

²⁵ Важно отметить, что переводы с ПКП в польском и чешском языках встречаются только в ранних текстах. Мы не располагаем подобными ранними переводами на словацком языке.

²⁶ К ним можно отнести молиско-славянский в Италии и градишанско-хорватский в Австрии. Для верхнелужицкого и нижнелужицкого языков в Германии существует официальная литературная норма.

²⁷ Следует отметить, что существуют альтернативные переводы на сербский, хорватский и словенский

- (6) *Le petit prince s'assit sur la table et souffla un peu. Il avait déjà tant voyagé !*
 ‘Маленький принц сел на стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!’
 Болгарский: *Толкова дълго бе пътувал!*
 Македонский: [...] *оту веќе имал пропатувано* (СВ) *толку многу*²⁸.
 Сербский: *Толико је већ путовао!*
 Хорватский: *Već se toliko bio naputovao!* и *Bio se već toliko naputovao* (СВ)!
 Градишчанско-хорватский: *Bio je jur toliko putovao!*
 Молизско-славянский: *On je bi dža torko vela vjadživa!*
 Словенский: *Veliko je bil že prepotoval* (СВ).
 Верхнелужицкий: *Bě hižo tak daleko pućował!*
 Нижнелужицкий: *Wšak běšo joga droga krađu daleka była!*

Пример хорошо иллюстрирует обычную функцию ПКП. Второе предложение выражает не следующий шаг в повествовании, но дает определенный объяснительный комментарий к действиям, выраженным первым предложением, указывая на долгий путь, который прошел маленький принц (ведь именно поэтому он устал и сел отдохнуть).

В большинстве случаев его странствие выражено неопределенным глаголом. Такие глаголы НСВ обычно хорошо сочетаются с количественными обстоятельствами типа *много, столько, долго*. В данном случае такое обстоятельство выражает определенное ограничение действия, создающее некоторую разновидность целостности, исключающую процессную интерпретацию, достаточно характерную для НСВ. Как известно, в славянских языках существуют также глаголы СВ определенных способов действия, в которых количественная характеристика действия интегрирована в лексическое значение, образуя предельность особого типа. В данном случае такие глаголы представлены в примерах из переводов с македонского и словенского языков и в одном из двух хорватских вариантов. Тот факт, что, несмотря на выбор глагола и вида, представлена определенная целостная ситуация, очевидно, облегчает ее ретроспективное восприятие, создавая благоприятные условия для употребления ПКП. Вместе с тем можно предположить, что в языках, не имеющих ПКП, такая квантификация уже сама по себе способствует интерпретации, что речь идет о предшествующем действии. Такой интерпретации также способствует наличие слова типа *уже*. Это наиболее общий, и широко употребляемый показатель ретроспективного сдвига. В языках, не имеющих ПКП, без таких показателей трудно обойтись, но они достаточно часто употребляются также при ПКП, как в большинстве вариантов примера (6). В подобных случаях до какой-то степени дублируется часть значения ПКП. Отсутствие такого слова в болгарском примере показывает, что при ПКП оно, в принципе, избыточно.

5. Заключение

Мы надеемся, что приведенный выше материал дает некоторое представление о характере славянского ПКП и о роли глагольного вида при нем. Последний вопрос заслуживает более подробного освещения, но рамки настоящей статьи не позволяют вдаваться в подробности. Отметим только, что принципиального запрета на образование ПКП от глаголов НСВ нет. Но важно отметить, что обычно встречаются только неопределенные глаголы НСВ.

На то, что все же не исключаются и предельные глаголы, указывает следующий пример из «Книги джунглей» Д.Р. Киплинга, в переводах которой на болгарский и словенский языки употребляется ПКП глагола со значением ‘упасть/падать’. При этом в болгарском выбран НСВ:

- (7) *[The Lone Wolf] had fallen twice into a wolf-trap in his youth [...] so he knew the manners and customs of men.*

языки с обычным претеритом вместо ПКП.

²⁸ Данный македонский перевод содержит конструкцию со вспомогательным глаголом ‘иметь’, которая в македонском языке существует наряду с перфектом и ПКП обычного славянского типа. К сожалению, в этом примере использована «пересказывательная» форма, при которой различие между перфектом и ПКП исчезает.

‘[Волк-одиночка] в юности [...] два раза **попадал** в волчий капкан [...] так что нравы и обычаи людей были ему знакомы’.

Болг.: [...] *на младини два пъти **бе надал*** (НСВ *във вълчи ями* [...])

Словен.: *V mladosti **je bil dvakrat padel*** (СВ) *v volčjo past* [...]

Этот пример относится к случаям «ограниченной кратности», в которых наблюдается особая «конкуренция видов» и ретроспекция обычно сливно способствует выбору НСВ²⁹. К сожалению, у нас пока очень мало примеров такого типа с ПКП. Приведем, в завершение, один из наиболее интересных. Обратим внимание на то, что болгарский и македонский переводы второй части примера различаются по выбору вида:

(8) *Although Sophie **had seen** this classic image many times, she **had not once noticed** this glaring discrepancy* (Dan Brown “The Da Vinci Code”).

‘До этого Софи много раз **видела** прославленное произведение Леонардо, но ни разу **не замечала** этих столь характерных черт’.

Болгарский: *Въпреки че многократно **бе виждала** класическата фреска, никога **не беше забелязвала*** (НСВ) *това въпрекищо противоречие.*

Македонский: *Иако Софи многупати го **имаше видено** тој приказ, ниеднаш го **немаше забележано*** (СВ) *тоа фрапантно несогласување.*

Литература

Барентсен 1995 – Барентсен, А. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского глагольного вида 1. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1995. С. 1–6.

Барентсен и др. 2015 – Барентсен, А., Генис, Р., ван Дейкерен-Грабова, М., Калсбеек, Я., Лучич, Р. В поисках сходств и различий между русским, польским, чешском и сербохорватским языками при выборе вида в случаях «ограниченной кратности» // Сборник докладов конференции «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст» (Ред. Р. Бенакьо). (Die Welt der Slaven. Sammelbände – Sborniki). München – Berlin – Washington: Otto Sagner, 2015. С. 79–91.

Барентсен (гот. к печати) – Наблюдения о встречаемости плюсквамперфекта в переводах Евангелий на славянские языки // В пространстве лингвистической славистики.

Деянова 1970 – Деянова, М. История на сложните минали времена в български, сърбо-хърватски и словенски език. София: Издателство на Българската академия на науките, 1970.

Сичинава 2013 – Сичинава, С.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2013.

²⁹ См. [Барентсен и др. 2015], где рассматриваются в основном славянские языки без ПКП. Дополнительный анализ поведения претеритальных форм болгарского и македонского языков в контексте ограниченной кратности крайне желателен.

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ВИДА В РЕЗЬЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ПРЕФИКСАЦИЯ И СУФФИКСАЦИЯ

The present paper examines how the grammatical category of verbal aspect is expressed in the Resian dialect. Resian is an isolated Slavic (Slovene) dialect situated in North-Eastern Italy, on the border with Slovenia. It is our aim to establish whether this grammatical category has maintained its typically Slavic characteristics or has lost them, presumably influenced by the surrounding Romance linguistic area.

1. Введение

Цель данной работы – определить морфологические средства выражения глагольного вида в резьянском диалекте, который, вместе с терским и надижским диалектами, принадлежит к группе сохранившихся славянских (точнее словенских) лингвистических островов, бытующих в северо-восточной Италии, на границе со Словенией.

Как известно, резьянский диалект все время, можно сказать с момента возникновения славяноведения, пользовался большим интересом у языковедов, которые посвятили ему многочисленные работы (см. подробнее Venacchio 2002, Бенаккьо 2002). Однако ни одна работа не принимала во внимание проблему проявления глагольного вида.

Нам эта проблема, наоборот, представляется весьма интересной, так как резьянский диалект с одной стороны предствалает собой говор, находящийся на периферии славянской языковой системы и в связи с этим обладающий архаичными чертами весьма интересными также для изучения диахронического процесса грамматикализации славянского вида; с другой стороны, это говор, живший веками внутри романского языкового окружения и под его влиянием и поэтому интересный для изучения проблем языкового контакта, в частности и в связи с глагольным видом.

Анализ мы проводили прежде всего на основе материала, собранного Х. Стенвейком и составляющего последнюю часть (*Lexicon*) его книги, посвященной говору населенного пункта Сан-Джорджо (по резьянски – Била) (Steenwijk 1992: 237-338). Этот материал будет служить как своего рода корпус для ориентировочной информации количественного типа.

Данные из этой книги были интегрированы другими данными, опубликованными тем же автором позже (см. Steenwijk 2005; см. также его словарь на сайте *Resianica*). Кроме того мы проводили опрос информантов из Билы.

В настоящей работе мы будем принимать во внимание глаголы «внутреннего» т.е. славянского происхождения³⁰, обращаясь к префиксам, которые играют основную роль в создании глагольных форм СВ вообще и в процессе образования видовых пар в частности; в том же ракурсе, мы рассмотрим также явление вторичной иперфективации посредством суффиксации.

Остаются пока за пределами работы: 1) перфективация посредством семельфактивного суффикса –ну (см. *mičat/muknut* ‘молчать/замолчать’, *pjüwat/pjüwnut* ‘плевать/плюнуть’ и 2) более древний способ образования видовой пары – создание коррелята НСВ от бесприставочного глагола СВ посредством суффиксации (-а и под.) (см. *gnjyt / gnjüwat se*).

2. Глагольная видовая деривация в резьянском диалекте

2.1. Общие принципы

В резьянском диалекте содержится большое количество глагольных форм славянского происхождения, которые представляют все особенности типичные для славянской деривации, касающейся категории глагольного вида: рядом с основной, бесприставочной, производящей формой глагола (чаще всего НСВ), появляется целый ряд производных форм, образованных посредством разных приставок. Эти дериваты могут образовать «пучки», которые содержат до десяти (и больше)

³⁰ Заимствованным глаголам, как романского, так и более древнего, германского происхождения посвящено другое исследование [Бенаккьо, Стенвейк (в печати)].

глагольных форм СВ, хотя, конечно, бывают и менее «густые» пучки, из трех или двух приставочных форм.

Глагольные префиксы кроме того, что превращают глагол НСВ в глагол СВ, в большинстве случаев придают базовой форме определенное лексическое значение, и новый, приставочный, глагол обязан создать себе партнера с тем же значением благодаря т.н. вторичной имперфективации. Речь идет о лексически «специализированных» перфективных формах (Specialized Perfectives по терминологии, предложенной в [Janda et al. 2013]).

Только в некоторых случаях новая, приставочная форма образует пару с исконной беспрефиксной. В данном случае мы имеем дело с «естественных» перфективных формах (Natural Perfectives), которые появляются (согласно т.н. «принципу Vey-Schooneveld») тогда, когда семантика префикса и производящего глагола совпадают, и значение префикса (чаще всего пространственное, но также и временное, и даже более отвлеченное, метафорическое) как бы стирается, нейтрализуется.

В этих случаях вторичная имперфективация не нужна и не появляется.

Обычно можно говорить только об одной «пустой» приставке, хотя бывают случаи, когда на такую роль могут претендовать две, реже и три приставки.

Намного реже, гораздо реже чем, например, в русском языке, в резьянском диалекте префиксы образуют глаголы, обозначающие т.н. способы действия (это в основном инхоативный **za-**, делимитативный **po-** и кумулятивный **na-**).

Все это, как легко увидеть, характерно для славянских языков вообще: резьянский диалект ничем не отличается от общих принципов славянской глагольной деривации, касающейся категории глагольного вида.

1.2. Глагольные префиксы в резьянском диалекте

Перейдем теперь к анализу разных префиксов. Постараемся разобраться в том, какие из них (и в каких обстановках) играют роль «пустой» приставки, и когда они, в прибавку, меняют исконное лексическое значение глагола. Отдельно, мы будем указывать на (правда, редкие) случаи появления значений «способов действия».

Глагольные префиксы мы будем представлять в порядке частотности, начиная с самых частотных и указывая их количество в нашем корпусе. Напомним, что, касательно глагольных форм славянского происхождения, корпус состоит из 435 приставочных форм.

1) **Z-/S-** (100)

Это самая распространенная приставка в резьянском диалекте, играющая роль «пустого», префикса, придающего исконному глаголу только результативное значение. Он является результатом слияния двух праславянских префиксов, т.е. *JьZ- и *Sъ- (и, хотя в меньшей мере, *VъZ-) [Vajec 1959, Dickey 2005].

Резьянский диалект в этом отношении полностью придерживается модели словенского языка. В самом деле, как убедительно показал С. Дики [Dickey 2005], в этом языке (подобно другим «западным» славянским языкам, как чешский, словацкий, серболужицкий и, отчасти, польский) в качестве «пустого» префикса грамматализировался именно **z-/s**, в отличие от восточнославянских языков (вместе с болгарским и македонским) где с данной функцией зафиксировался префикс **-po**.

То же самое мы наблюдаем в резьянском диалекте: префикс **z-/s** чаще других префиксов употребляется с чистовидовым, результативным значением. За ним можно иногда «увидеть» исконное значение одного или другого префикса (*JьZ- и *Sъ), семантически «совпадающее» со значением беспрефиксного глагола, но такие случаи редки. См. например:

<i>cidit / scidit</i>	<i>цедить/отцедить (бульон, молоко)</i>
<i>cipit / scipit</i>	<i>разбивать/разбить (яйца, стакан)</i>
<i>kašjat / skašjat</i>	<i>кашлять/кашлянуть</i>
<i>blodit / zblodit</i>	<i>мутить/помутить (воду)</i>
<i>mystit / zmystit</i>	<i>разминать/размять (картошку)</i>
<i>mišat / zmišat</i>	<i>мешать/помешать (суп, кашу)</i>

Что касается первых трех глаголов, приставка, как нам кажется, могла бы отражать праславянский *JьZ-, в то время как в последних трех отражается скорее префикс *SЪ-. Однако такие предположения не доказуемы и не столь важны: современный префикс полностью грамматикализован и выражает просто результативное значение.

2) W- (70)

Второй по частотности глагольный префикс – это **w-**, который, в силу (особого) фонетического развития резьянского диалекта (говора Билы), может отражать как праславянский префикс *U- (в большинстве случаев), так и (хотя намного реже) *VЪ-, *VЪZ-, *O-/OVЪ-.

Префикс **w-** также полностью грамматикализован и присоединяется не только к глаголам, выражающим «удаление» (и вообще отчуждение), но и к другим результативным глаголам. Такое употребление, появляющееся в диалекте, который, как было сказано выше, обладает разными архаичными чертами, поддерживает мнение С. Дики, считающего *U- первым славянским «пустым» префиксом, у которого только на более поздней диахронической стадии развития появилась типичная семантика «удаления от чего-то», которая характеризует его, например, в современном русском языке [Dickey 2014; см. также Klenin 1983]. См. например:

<i>bilit / wbitit</i>	<i>белить/побелить (потолок, комнату)</i>
<i>brīsat / wbrīsat</i>	<i>вытирать/вытереть (посуду)</i>
<i>pjanit se / wpjanit se</i>	<i>пьянеть/опьянеть</i>

Проанализированные до сих пор префиксы являются чистовидовыми, т.е. они образуют пару с бесприставочным глаголом. Никакой вторичной имперфективации у них не появляется, так как никакого нового «специализированного» лексического значения они не порождают. Префиксы, которые мы рассмотрим дальше, наоборот, играют разные функции: иногда бывают чистовидовыми, иногда специализирующими, а иногда они выражают способы действия.

3) PO-/PU- (53)

Префикс PO-/PU занимает только третье место по частотности в нашем корпусе. Как и предыдущие префиксы, он тоже играет важную роль в процессе перфективации, передавая результативное значение, но, безусловно, не так, как в русском языке. См. например:

<i>kazat / pokazat</i>	<i>показывать/показать</i>
<i>mīslit / pumīslit si</i>	<i>думать/подумать</i>
<i>starēt / postarēt</i>	<i>стареть/постареть</i>

Стоит заметить, что очень часто в резьянском диалекте этот префикс функционирует на грани делимитатива и результата, в том смысле, что он сохраняет сильный оттенок делимитативности и часто «конкурирует» с другими префиксами, которые считаются информантами более нейтральными (и более употребительными). См. например следующие пары, в которых префикс **pu-** каким-то образом конкурирует с префиксом **w-**: оба они образуют перфективные «естественные» формы, образующие пару с бесприставочным глаголом *sūšit*. Значения двух приставочных глаголов, естественно, разные: глагол, образованный с префиксом **pu-** обозначает действие «более делимитативное» чем действие, обозначаемое префиксом **w-**, который выражает «настоящее» результативное значение. См.:

<i>sūšit / pusūšit</i>	<i>выпаривать воду из соуса [букв. сушить его]</i>
<i>sūšit / wsūšit</i>	<i>сушить сено</i>

О настоящих делимитативных способах действия можно говорить по поводу следующих глагольных образований:

<i>čakat > ?počakat</i>	<i>ждать / подождать</i>
<i>jökat > ?pojökät</i>	<i>кричать / покричать</i>

Однако в данных случаях формы СВ не являются столь употребительными и не допускаются всеми информантами.

4) ZA- (37)

Что касается префикса **za-**, который достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте, мы нашли мало случаев употребления его с чистовидовой функцией. См.:

<i>pláčat / zaplatit</i>	<i>платить / заплатить</i>
<i>štokat / zaštokat</i>	<i>прокалывать/проколоть (в нескольких местах сардельку)</i>

Чаще всего этому префиксу свойственно «специализированное» лексическое значение:

byt > *zabyt* / *zabīwat* бить/забить (звондь в стену)
wrěc > *zawrěc* / *zawuržūwat* бросать / выбросить

Префикс **za-** выражает и начинательный способ действия. Это касается, как нам кажется, в основном глаголов деятельности (*imperfectiva tantum*), передающих звуки. Следует также отметить, что в этих случаях часто приставочная глагольная форма имеет вариант с семельфактивным суффиксом *-nu*, который и считается некоторыми информантами предпочтительным. См. например:

wpyt > *zawpyt* кричать/закричать
pět > *zapět* петь/запеть
garmět > *zagyrmnut* греметь/загреметь
blejat > *zablejnut* / *?zablejat* блять / заблять
lajat > *zalajnut* / *?zalajat* лаять/залаять

5) **NA-** (30)

Префикс **na-** тоже достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте. Однако мы нашли очень мало случаев его употребления с чистовидовой функцией³¹. См.:

pīsat / *napīsat* писать/написать

Чаще всего данный префикс создает «специализированные» перфективы. См.:

mazat > *namazat* / *namažūwat* мазать / намазать (руку)
mučyt > *namučyt* / *namučūwat* замочить/замачивать (фасоль)

Кроме того, префикс выражает способ действия (кумулятивный). См.:

jěst se > *najěst se* / *najadat se* наедаться / наестся

6) **PRI-** (24)

Префикс отражает резьянское фонологическое развитие праславянского *PER- (см. русск. пере-)³².

Этот префикс мы никогда не нашли в качестве чистовидовой приставки, а только в применении к специализированным перфективам:

pīsat > *pripīsat* / *pripīšūwat* переписывать/переписать
brät > *pribrät* / *pribirat* выбирать/выбрать (фасоль)
ġut > *priġut* / *priđiwat* сменять/сменить (бельё)

а также в одном случае интенсивно-результативного способа действия:

strašit (se) / *pristrašit (se)* пугать(ся)/перепугать(ся)

7) **PAR-** (13)

Префикс соответствует праславянскому префиксу *PRI- (см. русск. при-). Такое особое фонетическое развитие свойственно и некоторым другим словенским диалектам [Ramovš 1924: 80].

Мы нашли всего одну приставочную форму, которую можно было бы назвать чистовидовой:

blīžnjit se / *parblīžnjit se* приближаться / приблизиться

Остальные приставочные глаголы являются специализированными перфективами. Способы действия не нашлись. См.:

dät > *pardät* / *pardajat* прибавлять/прибавить (деньги)
ġut > *parġut* / *pardiwat* прибавлять/прибавить (воду)

8) **(W)O-** / **(W)OB-** / **U-** / **UB-** / **W-** (12)

Среди приставочных глаголов, образованных посредством данного префикса (все его варианты отражают праславянский префикс *O-/*OB-) мы не нашли чистовидовые формы, а только специализированные перфективные формы. Способов действия нет. См.:

lyt > *ublyt* / *ubliwat* обливать/облить (цветы)
mazat > *womazat* / *womažūwat se* измазываться/измазаться;

9) **RIZ-/RIŽ-** (11)

³¹ Стоит отметить, что начиная с этой приставки чистовидовая функция появляется все реже и реже. Видимо, у этого префикса (и у следующих) пространственное значение особо «сильно», и оно с трудом сливается с семантикой исходного глагола.

³² Напомним, что в нашем диалекте рефлексом общеславянского гласного *ǫ* (ё) является *i*.

Префикс соответствует праславянскому префиксу *RAZ-. Мы нашли всего две формы, которые можно назвать чиствидовыми:

dražit (se) / rizdražit (se) *раздражать/раздражить*
budit / rizbudit *будить/разбудить*

Остальные приставочные глаголы являются специализированными перфективами. Способы действия не нашлись. См.:

sëkat > rizensëkat / rizensiküwat *отсекать/отсечь ветви*
10) **VI-** (11)

Присутствие (хотя не в большом количестве) префикса *vi-* (< праславянского *VY-, обозначающего движение «изнутри чего») в резьянском диалекте – это весьма интересное явление, отличающее резьянский его от литературного словенского языка. Явление, которое принято считать «архаизмом» [Ramovs 1935: 40] встречается и в других (периферийных, северно-западных) словенских (например приморских) наречиях.³³

Среди найденных нами приставочных форм мы не нашли глаголов, которые можно было бы назвать чиствидовыми, а нашли только специализированные перфективные формы. Способы действия не нашлись. См.:

brät > vibrät / vibrat *выбирать / выбрать*
lyt > vilyt / viliwat *выливать / вылить*

Следующие префиксы также мало представлены (около трех глагольных форм для каждого префикса). Речь идет в основном о специализированных перфективных формах. Способы действия нигде не появились. Приводить будем всего один пример для каждого:

- 11) **OD-/WOD-** <*OTЪ- (3)
ġat / wodġat (wodiwat) *открывать / открыть*
12) **POD-/PUD-/PUT-** <*POДЪ- (3)
ġat / poġat (puddiwat) *хоронить / похоронить*
13) **PRO-** (3)
lyt / prulyt (pruliwat) *проливать / пролить (воду)*
14) **DO-/DU-** (4)
15) *ġat / duġat (duidiwat)* *добавлять/добавить*

3. Заключение

Изучение способов грамматикализации глагольного вида в резьянском диалекте показало, по крайней мере в применении к исконнославянской лексике, «полное» совпадение с общими принципами славянской глагольной деривации, касающийся категории глагольного вида.

Такое совпадение имеет немаловажное значение для диахронического изучения категории вида, если считать периферийность (а также некоторую изолированность) этого диалекта, отличающегося своей архаичностью. Точнее говоря, присутствие столь «солидной» типично славянской модели глагольной (видовой) деривации в этом диалекте говорит нам о том, что, возможно, «ядро» видовой системы было уже «заложено» у славянского населения, которое переселилось в резьянскую долину примерно в VII веке.

Совершенно по-иному ведет себя резьянский диалект в отношении заимствованных глаголов, особенно романского происхождения (т.е. более поздних). В этих случаях отмечается противоположная тенденция, т.е. тенденция к созданию видového коррелята при помощи не префиксов, а только суффиксов. Такое, весьма интересное, явление, требующее отдельного исследования, известно и другим славянским микроязыкам, в частности молизко-славянскому (Breu 2003, 2006. См. также Venacchio 2009).

Литература

³³ Такая приставка (наряду с *jъz-) встречается также в болгарском, польском, чешском и верхнелужицком языках. По этому вопросу см. [Bogdanova 1963].

- Бенаккьо 2002 – Р. Бенаккьо. Славяно-романские контакты во словенских говорах Фриули // Т.М. Николаева (отв. ред.). Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 263-300.
- Бенаккьо, Стенвейк (в печати) – Р. Бенаккьо, Х. Стенвейк. Морфологическое проявление вида в резьянском диалекте (на материале исконнославянской и инязычной лексики) // Акты международной конференции «Роль префиксов в процессах формирования категории аспектуальности. Вопросы грамматикализации», Падуя 28-29. X. 2015.
- Богданова 1963 – В.В. Богданова. О приставках вы- и из- в славянских языках // Вопросы славянской филологии. К V международному съезду славистов. Saratov, 1963. С. 297-308.
- Bajec 1959 – A. Bajec. Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Predlogi i Predpone. Ljubljana, 1959.
- Benacchio 2002 – R. Benacchio. I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto, Udine, 2002.
- Benacchio 2009 – R. Benacchio. Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli // L. Scholze,, B. Wiemer (Hrsg.). Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten, Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag, [Diversitas Linguarum 25]. Bochum, 2009. P. 177-191.
- Breu 2003 – W. Breu. Flexivischer und derivativer Verbalaspekt im Moliseslavischen // T. Berger, K. Gutschmidt (Hrsg.). Funktionale Beschreibungslavischer Sprachen [Slavolinguistica 5], München, 2003. S. 63-81.
- Breu 2005 – W. Breu. Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR/MSL) // S. Kempgen (Hrsg.). Slavistische Linguistik 2003, München, 2005. S. 37-95.
- Dickey 2000 – S. Dickey. Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach. Stanford, 2000.
- Dickey 2005– S. Dickey. S-/Z- and the Grammaticalization of Aspect in Slavic // Slovenski jezik/ Slovene Linguistic Studies. 2005 (5). P. 3-55.
- Dickey 2014 – S. Dickey. On the Origin of Slavic Prefixed Imperfective Motion Verbs // Scando-slavica 60:2. P. 159-171.
- Janda et alii 2013 – L. A. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian Aspectual Prefixes aren't empty. Prefixes as verbal Classifiers. Bloomington, 2013.
- Klenin 1983 – E. Klenin. Verbs of motion prefixed in U- in Old and Modern Russian. // V. Markov, D. Worth (ed.), From Los Angeles to Kiev. Papers on the occasion of the Ninth International Congress of Slavists. Kiev- September. Columbus Ohio, 1983. P. 155-168.
- Ramovš 1924 – F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika: II. Konzonantizem. Ljubljana, 1924.
- Ramovš 1935 – F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. VII. Dialekti. Ljubljana, 1935.
- Resianica* <http://www.resianica.it>
- Steenwijk 1992 – H. Steenwijk, The Slovene dialect of Resia. San Giorgio [Studies in Slavic and General Linguistics 18]. Amsterdam - Atlanta, GA, 1992.
- Steenwijk 2005 – H. Steenwijk, Piccolo dizionario ortografico resiano/Mali bisidnik za tō jošť rozajanskē pisanjē. Padova, 2005.

ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРЕЗЕНС ИЛИ ЭФФЕКТИВНЫЙ ФУТУРУМ? (К вопросу о типологии славянских перформативов совершенного вида)*

190-летию со дня рождения словенского аспектолога
Ивана (Яна) Навратила (1825–1896) посвящается

The paper examines the functioning of perfective present in north Slavic languages and perfective future forms in south Slavic languages in performative utterances (cf. Rus *Попрошу вас помолчать* and Srb *Замолити вас да умукнете* <‘I ask you to shut up’>) from a comparative-typological approach. Special attention is dedicated to widespread use of perfective present in Slovenian in the given utterances (cf. *Obljubim ti, da bom prišel* <‘I promise you that I will come’>).

1. Вопрос о функционировании славянского совершенного вида (СВ) привлекает уже в течение многих лет повышенное внимание широкого круга лингвистов, в первую очередь аспектологов. Особый интерес в этом плане представляет употребление словенской и севернославянской (восточно- и западнославянской) формы настоящего времени СВ (перфективного презенса), а также южнославянской формы будущего (футурума) СВ в перформативном употреблении – когда слово (прескриптивные *verba dicendi* СВ в 1-м л. ед.ч. презенса / футурума индикатива), произносимое говорящим, совпадает с действием (в смысле *dictum est factum*), напр.: (1) словенск. *Obljubim* (PRS.PFV.1SG), *da bom prišel jutri spet*. ‘Обещаю (букв. *пообещаю), что приду завтра снова’. [Плотникова 1977: 18]; рус. (2) *Попрошу* (PRS.PFV.1SG) [‘прошу’] *вас минутку помолчать*. (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, 1929–1940, НКРЯ) / (2а) польск. *Poproszę* (PRS.PFV.1SG) [‘proszę’], *aby pani na chwilę przestała mówić*. (М. Bułhakow. *Mistrz i Małgorzata*. Warszawa, 1996); (2б) серб. *Замолити* (FUT.PFV.1SG) [‘молим’] *вас да умукнете на тренутак*. (наш пер. – Д.В.).³⁴

* Исследование выполнено в рамках научных проектов № 178002 („Языки и культуры во времени и пространстве“) и № 178021 („Описание и стандартизация современного сербского языка“), поддержанных Министерством образования и науки Республики Сербии.

Статья представляет часть более обширного исследования славянских перформативов. Поскольку многие из вопросов по данной теме были уже раньше предметом нашего анализа (см., в частности, [Войводић 1998; Войводић 2010]), мы их не будем рассматривать подробно, а лишь в той мере, в какой они являются необходимыми для подтверждения общих сведений и итогов об употреблении перформативных форм. Также и экзemplификация и литература по этой теме приводятся в статье выборочно.

³⁴ Несмотря на то что в славистике достаточно подробно описаны типологические характеристики данного употребления приведенных видо-временных форм (см., в частности, [Škrabec 1903; 1906–1912; Mencej 1906; Mazon 1914: 130–133; Koschmieder 1934: 107–110; Musić 1935; Виноградов 1947: 575; Bajec i dr. 1956: 207; Бондарко (отв. ред.) 1990: 32–39; Toporišič 1984: 327; Апресян 1986; Žagar 1989: 128–176; Derganc 1993; 1996; 1998; Войводић 1998; Dickey 2000: 177–188; Вимер 2014; Славкова 2014]), некоторые из вопросов по настоящей теме все же еще не получили однозначного ответа.

Изучая функционирование перфективного презенса (PRS.PFV.1SG = в дальнейшем PPF) в словенском языке с точки зрения аспектуально-темпоральных отношений, словенские слависты первыми (еще в середине XIX века) обратили внимание лингвистической общественности на перформативные высказывания и речевые акты (см. [Navratil 1856: 1–3, 52, 71, 97; Šolar 1858: 19; Miklosich 1874: 777]). Следует отметить, что наиболее весомый вклад в изучение перформативов (перформативного PPF) в словенском языке внес (в конце XIX – начале XX вв.) словенский филолог С. Шкрабец [Škrabec 1903; 1906–1912], а также его современники-соотечественники, которые в научных дискуссиях по данному вопросу принимали весьма активное участие: Й. Менцей [Mencej 1906], Р. Перушек [Perušek 1910], Л. Пинтар [Pintar 1910] и др. (см. об этом, напр., [Musić 1935; Žagar 1989; Derganc 2003]). Почти все последующие изучения перформативов в славянских языках – вплоть до появления широко известной работы Дж. Остина [Austin 1962] в середине XX века (которому, по всей вероятности, не были известны предыдущие исследования в данной области в славистике) – опирались именно на результаты исследований вышеупомянутых словенских лингвистов. В течение последних 50–60 лет (начиная, в первую очередь, с упомянутой работы Дж. Остина, а также работ Э. Бенвениста [Benveniste 1966] и Дж. Серля [Searle 1970]) изучение перформативов приобрело особый статус как в западноевропейской лингвистике, так и в лингвистике и славистике в целом (см., в частности, работы

Выбирая для рассмотрения небольшую группу глаголов речи в близкородственных языках, мы предполагаем, что благодаря методам структурной типологии между сопоставляемыми славянскими языками – несмотря на их тесные генетические связи и совпадения – можно в данном плане выявить и существенные типологические различия.

2. Приступая к рассмотрению перформативного употребления PPF в славянских языках, вызывающего некоторые затруднения при истолковании и описании аспектуально-темпоральных характеристик данной формы, напомним, что она используется в севернославянских языках преимущественно в качестве грамматикализованной формы футурума СВ, в то время как в южнославянских языках в выражении футуральных отношений употребляется особая футуральная форма – футурум I СВ (что не относится полностью к словенскому языку, в котором, наряду с регулярными, грамматикализованными футуральными формами СВ и НСВ, используется, как и в севернославянских языках, PPF). Мы предполагаем, что именно этими особенностями выражения категории футуральности, которыми отличаются две основные группы славянских языков, можно объяснить статус приведенной формы в перформативном употреблении.

Следует отметить, что в севернославянских языках рассматриваемое употребление ограничено лишь несколькими глаголами речи, обладающими, как правило, футуральной (проспективной) пропозициональной валентностью. Такой перформативной способностью отличаются, например, русские глаголы *попросить*, *(по)советовать*, *поспорить*, *пожелать* и т.п. и их эквиваленты в других севернославянских языках. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры на русском и других славянских языках (взяты преимущественно из доступных электронных ресурсов – НКРЯ, PWN, Google и других поисковых систем сети Интернет):

- (3) РУС. *Попрошу* (PPF) [‘прошу’] *вас припомнить одно собственное выражение ваше: «Знаете ли, как может быть силен один человек?»*. (М.Ф. Достоевский. Бесы, 1871–1872, НКРЯ)
- (4) РУС. *Так я посоветую* (PPF) [‘советую’] *вам обратиться в библиотеку нашего месткома*. (Н.Н. Шпанов. Личное счастье Нила Кручинина, 1935–1950, НКРЯ)
- (5) БЕЛОРУС. *Для гэтага, я напрашу* (PPF) [‘прашу’] *цябе збіць блокі, на якіх я знаходжуся такім чынам, каб я далейш да гэтай пазнакі*.
‘Для этого, я попрошу тебя сбить блоки, на которых я нахожусь, таким образом, чтобы я долетел до этой метки’. (http://by.gam9.com/sitemaps/video_3_by.xml)
- (6) УКР. *Я Вас усіх попрошу* (PPF) [‘прошу’] *відкласти свої святкування, які заплановані, попрошу підтримати Його рідних і близьких в таку важку мить*.
‘Я Вас всех попрошу отложить свои празднования, которые запланированы, попрошу поддержать Его родных и близких в такую тяжелую минуту’. (https://www.youtube.com/all_comments?v=3Boj6mui1aQ)
- (7) ПОЛЬСК. *Poproszę* (PPF) [‘proszę’] *pana w każdym razie o pańską wizytówkę z adresem, żeby wiedział, gdzie tam upomnieć się o należność w chwili właściwej*. (B. Jasiński. Pałę Paryż, 1929, PWN)
‘Попрошу вас во всяком случае предоставить вашу визитную карточку с адресом, чтобы знать, где мне потребовать задолженность в соответствующий момент’. (<http://sjp.pwn.pl/korpus/zrodlo/Poprosze-pana:73.2:18624.html>)
- (8) ПОЛЬСК. *Założę się* (PPF) [‘zakładam się’], *że się już marzy waszmości poślubienie siostrzenicy swojej z młodym panem Tęczyńskim*.
‘Поспорю, что вы, сударь, уже мечтаете о браке своей племянницы с молодым господином Тенчиньским’. (Słownik języka polskiego. T. 10. Warszawa: PAN, 1968).
- (9) СЛОВАЦК. *Áno, odpoveď je správna, poprosím* (PPF) [‘prosím’] *vás poslať na môj e-mail vaše celé meno a priezvisko*.
‘Да, ответ – правильный, попрошу вас отправить на мою электронную почту ваше полное имя и фамилию’. (<http://www.musicscaper.sk/?action=forum&id=158>)
- (10) ЧЕШСК. *Dobrý den, poprosím* (PPF) [‘prosím’] *Vás, abyste tento problém zaslal na podpora@banan.cz*.
‘Добрый день, попрошу Вас отправить этот вопрос на podpora@banan.cz’. (<http://www.banan.cz/forum?f=74&t=5741&km=d>)
- (11) ВЕРХ.-ЛУЖ. *Přeprošu* (PPF) [‘přeprošam’ // ‘přeprošuju’] *was so nam přidružiť: Waš dar budže pomhać Wikipediju za cyły swět swobodnu dźeržeć*.
‘Я приглашаю (букв. *приглашу) Вас присоединиться к нам: Ваше пожертвование поможет сохранить Википедию свободной для всего мира.’ (<https://wikimediafoundation.org/wiki/Donate/Letter/hsb>)

[Wierzbicka 1972; Арутюнова 1976: 45–56; Vendler 1976; Hirschová 1988; Гловинская 1993; Апресян 1995: 199–241; Падучева 1996: 161–166; Поповић 2000; Войводич 2003]).

Перечисленные перформативы формально представляют, в первую очередь, предложения-высказывания нерасчлененной структуры, т.е. предикаты с пропозициональным компонентом, отличающиеся не только предетерминативной семантикой, но и коммуникативной целенаправленностью говорящего.³⁵

3. Вопрос функциональной нагрузки PPF в южнославянских языках гораздо сложнее, так как эти языки, когда речь идет о перформативном плане, ведут себя по-разному.

3.1. В словенском языке PPF, использующийся иногда, как и в севернославянских языках, в качестве футурума СВ (хотя наряду с ним существуют регулярные, грамматикализованные футуральные формы СВ и НСВ), благодаря своей неполной грамматикализованности, обладает более широкими функциональными границами (возможностями), чем PPF в севернославянских языках. Данную форму в словенском языке почти всегда можно употребить – как конкурирующую форму – наравне с формой имперфективного презенса (PRS.IPFV.1SG = в дальнейшем PIPF), причем она, в отличие от такой же формы в севернославянских языках, образуется от большинства глаголов речи, в том числе и от огромного количества перформативных, независимо от того, идет ли речь об их проспективном или ретроспективном пропозициональном характере (ср. [Musić 1935: 165–172; Derganc 2003: 74]).³⁶

Так, например, в перформативном значении используется форма PPF даже от таких глаголов, как *obljubiti* ('пообещать'), *ponuditi* ('предложить'), *rovabiti* ('пригласить'), *preklicati* ('отказаться'), *priseči* ('присягнуть', 'поклониться'), *zahvaliti* ('поблагодарить') и др.

Если перформативный PPF приведенных глаголов буквально (в одном и том же контексте) перевести на севернославянские языки, например на русский, то переводы будут иметь только значение будущего времени, о чем наглядно говорят и следующие примеры:

(12) *Obljubim* (PPF) ['obljubljam'] *ti, da ne bom pustila, da se ti kaj zgodi.*

'Обещаю (букв. *пообещаю) тебе, что я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось'. (<http://www.mavricni-forum.net/index.php?topic/3861-obljubim-da/page-9>)

(13) *Prisežem* (PPF) ['prisegam'] *da se bom ravnal po etičnih načelih.* 'Клянусь (букв. *поклонюсь), что буду действовать в соответствии с этическими принципами'. <http://lions-d129.si/prisega>

(14) *Lahko se vam samo zahvalim* (PPF) ['zahvaljujem se'] *za vaše delo.* 'Я благодарю <могу только поблагодарить> (букв. *поблагодарю) вас за вашу работу'. (<http://nikal.si/index.php?plink=wir-ueber-uns>).

3.2. В сербском/сербскохорватском (в том числе и в новообразованных на сербской штокавской диалектной основе литературных языках – хорватском и босняцком, а недавно и в черногорском), болгарском и македонском языках, в отличие от севернославянских (а также словенского) языков, перформативное употребление PPF не встречается. Его эквивалентом в этом значении является **футурум глаголов СВ** (FUT.PFV.1SG = в дальнейшем FPF), образующийся, как и севернославянский PPF, лишь от перформативов с проспективной семантикой (*замолити*, <по>*сав(ј)етовати*, *о(н)кладити се* и сл.). В качестве иллюстрации приведем следующие примеры::

(15) СЕРБ. *Замолити* (FPF) ['молим'] *Vas da предузмете мере у циљу отклањања недостатка.*

' Попрошу Вас принять меры по устранению (выявленных) недостатков'.

(<http://www.kontaktks.rs/scc/requests/index/page:8>)

(16) БОЛГ. *Ще ви помоля* (FPF) ['моля'] *да кажете кои от двата варианта ви допада повече.*

³⁵ Отметим, что некоторые глаголы (как, например, *признаюся*, *скажу*, *повторю*, *прибавлю*, *замечу*, *поясню* и их эквиваленты в других славянских языках), несмотря на то что (на первый взгляд) подчиняются перформативной «формуле», не могут в полной мере выполнять перформативную иллюкутивную цель. Ср., напр., рус.: *От себя* (PPF) *прибавлю* ['прибавляю'], *что дворник в глазах трехлетней девочки существо мифическое и на устах трехлетней девочки слово мистическое.* (М. И. Цветаева. Живое о живом, 1932, НКРЯ). Формы PPF славянских глаголов данного типа не представляют «чистые» перформативы, так как их употреблением означает лишь начальное отношение введения информации (а тем самым и модус в виде намерения) к ближайшему будущему, т.е. к содержанию пропозиции, которая последует сразу (см. [Бондарко (отв. ред.) 1990: 36–37]; ср. [Апресян 1995: 210–214]).

³⁶ С. Шкрабец [Škrabec 1906–1912] считал, что словенский PPF в данном употреблении пользуется даже большей регулярностью и частотностью, чем PIPF.

‘Я попрошу вас сказать, какой из двух вариантов вам больше нравится’. (<http://www.photo-forum.net/forum/read.php?f=3&i=328587&t=328539>)

(17) МАК. – *Јас ќе Ве очекувам. Ќе ве замолам* (FPF) [‘мола’] *да дојдете*.

– Я Вас буду ждать. Попрошу вас прийти’. (В.Цекова, Т.Захов. Херсилија: Новела за толеранцијата, 2012; https://books.google.rs/books?id=hcX1AwAAQBAJ&pg=PA33&dq=%D0%8D&hl=en&sa=X&ei=po_LU_f6LeeO4gTb84DQAw&redir_esc=y#v=onepage&q=%D0%8D&f=false)

Итак, в перформативном употреблении форма FPF в сербском, болгарском и македонском языках, на первый взгляд, теряет свои основные категориальные значения СВ и будущего времени, точно так же, как это кажется в случае перформативного употребления PPF в севернославянских языках.

4. На основании всего вышесказанного можно прийти к выводу, что PPF употребляется как перформатив только в тех славянских языках, в которых он имеет или, точнее сказать, может иметь значение будущего времени индикатива.³⁷

Следовательно, если смотреть с общеславянской точки зрения, то славянские языки формой FPF могут выражать актуальное настоящее (которое реализуется с помощью PPF, т.е. грамматикализованной формы настоящего времени). Если это так, тогда данное употребление форм СВ во всех славянских языках можно интерпретировать как своеобразную видо-временную транспозицию, т.е. как их переносное значение.

Таким образом, следует заключить, что между употреблением PPF и употреблением PIPF в перформативных высказываниях нет семантической разницы. Лишь на уровне прагматики употребление этих двух форм указывает на большую или меньшую степень вежливости или категоричности в обращении говорящего к адресату.³⁸

Словенские лингвисты, начиная с конца XIX – начала XX века (С. Шкрабец и Й. Менцей) и до более современных грамматиков (во главе с Й. Топоришичем), склонны считать, что перформативный PPF (т. наз. *praesens effectivum*) в их родном языке относится, как и PIPF, к актуальному настоящему (*praesens indicativum*), т.е. обе формы равноправно используются в одной и той же синтаксической позиции и тождественны по своему значению. Ср., напр., формы PIPF и PPF следующих глаголов речи, встречающихся в параллельном перформативном употреблении в словенском языке: *klanjam se / poklonim se; obljubljam / obljubim; prisegam / prisežem; preključem / preključem; vabim / povabim* и т.д. (см., в частности, [Škrabec 1906–1912; Toporišič 1984: 327; Derganc 2003: 74]).

Мы считаем, что причиной возможности данного употребления не является «равноправный» параллелизм их употребления и что здесь все же речь идет не об актуальном настоящем (в его традиционном понимании, как это можно было бы заключить на основании ситуации в словенском и севернославянских языках), а о проспективных синонимических корреляциях PIPF (как темпорально немаркированной формы, употребляющейся во всех синтаксических позициях; ср., в частности, [Ивић 1958: 140–142]) и других грамматических форм (а также и различных модальных конструкций) с семантико-синтаксическим признаком проспективности, какими являются, в первую очередь, футуральные формы СВ (севернославянский и словенский PPF, южнославянский FPF) и формы сослагательного наклонения.

Именно употребление сослагательного наклонения и модальных конструкций как синонимов PIPF (темпорально немаркированной формы), севернославянского (и словенского) PPF и южнославянского FPF позволяет о футуральных формах (несмотря на их темпоральную маркированность) говорить как о **модальных** формах. На такое заключение указывает и тот факт,

³⁷ Интересно заметить, что таким употреблением PPF отличается и кайкавский диалект (официально принадлежащий хорватскому языковому ареалу, однако по своим характеристикам более сходный со словенским языком). Также и в неславянских «видовых» языках встречается подобное употребление, например в латышском (ср. [Koschmieder 1934: 110]).

³⁸ Отметим, что говорящий для выражения более категоричного отношения к адресату среди эксплицитных перформативных средств, находящихся в его распоряжении, в качестве иллокуции очень часто выбирает глагольные формы СВ, в том числе и PPF, отличающийся особой стилистической маркированностью в севернославянских языках.

что возможностью перформативного употребления обладают не только футуральные формы, основным признаком которых является СВ (ситуация в словенском и севернославянских языках; ср.: словенск. *zahvalim se* ('поблагодарю'), рус. *поспорю*, польск. *przyznam* ('признаюсь'), чешск./словацк. *poprosím* ('попрошу') и др.), но и формы, имеющие в своей словообразовательной структуре (как правило, наряду с СВ) десемантизированный **волюнтативный** (т.е. модальный) глагол 'хотеть' – серб. *ћу*, болг. *ще*, макед. *ќе* (ситуация в южнославянских языках; ср.: серб. <за>*молићу те / ја ћу те замолити / ја ћу да те замолим*; болг. (*аз*) *ще* <но>*моля*; мак. (*јас*) *ќе* <за>*молам*). Иными словами, ни одну футуральную форму в славянских языках, образующуюся с помощью (десемантизированного) **экзистенциального** глагола 'быть' (рус./белорус./укр. *буду*, польск. *będę*, чешск. *budu*, словацк. *budem*, серболуж. *буду*, словенск. *bom*), нельзя использовать в перформативном значении, даже в словенском языке, в котором она в своем составе может иметь как имперфективный, так и перфективный глагол-причастие (ср. *bom prosil / poprosil*).

Таким образом, можно прийти к выводу, что степень интенции сильнее у футуральных форм с глаголом *хотеть*, чем у форм с глаголом *быть*. Приведенное мнение о модальных характеристиках футуральных форм можно подтвердить еще одной их особенностью – обладание специфичной гипотетической семантикой, свойственной модальным (проспективно ориентированным) формам-наклонениям (повелительному и сослагательному) и конструкциям. Вследствие настоящей особенности футурум в славянских языках иногда не способен надежно дифференцировать различные виды (индикативное и модусное) своего употребления.³⁹

Приведенные модальные оттенки являются именно результатом сопряженности севернославянского PPF и перформативного настоящего, т.е. сопряженности категориального значения СВ и будущего времени с актуальным настоящим, что, в принципе, не укладывается в основное грамматическое правило употребления вида в славянских языках. Правило (тест на имперфективность глагольного действия), согласно которому на вопрос «Что ты здесь сейчас делаешь?» можно ответить только PPF, здесь, однако, не нарушается, так как словом-действием в перформативном высказывании, несмотря на его форму выражения (PIPF или PPF, или же какое-нибудь другое перформативное средство), не обозначается (не описывается) действие, протекающее в момент речи (т.е. не обозначается «настоящее» актуальное настоящее), а лишь акт (просьба, совет, клятва, требование, приказ, спор и т.п.) говорящего, не имеющий конкретно-процессного (актуально-длительного) значения, а наоборот, всегда обладающий результативностью (ср. [Апресян 1995: 239]). Применением перформативной формулы, представляющей собой высказывания с глаголами речи, самим произношением которых говорящий выполняет эквивалентные им действия-акты, признак перфективности (СВ) как бы стирается, т.е.

³⁹ Это значит, что и PPF употребляется в качестве перформатива только благодаря тому, что обладает признаками проспективной семантики (валентности). Следовательно, обобщая данную точку зрения, можно прийти к заключению, что общим признаком всех морфологических видо-временных форм и синтаксических конструкций, использующихся для выражения иллокуции в перформативном высказывании, является не актуальное настоящее, а признак грамматической проспективности (что соответствует лексико-семантическому (лексико-синтаксическому) признаку проспективной валентности глаголов речи); актуальное настоящее является лишь отражением специфической речевой ситуации, т.е. перформативной «формулы», обладающей господствующей ролью в любой отдельно взятой парадигме (глагол речи в 1-м л. ед. ч. настоящего времени изъявительного наклонения с дейктическими компонентами *я, ты, здесь, сейчас, это*, представляющими собой прагматическую рамку перформативности),

Из сказанного следует, что в данной позиции нельзя использовать грамматические формы прошедшего времени. Поэтому употребление PPF в качестве перформативного средства в словенском и севернославянских языках нельзя объяснить его презенсным (перфективно-презенсным) смыслом, а лишь его основным функциональным (футуральным) значением. На такое заключение (т.е. на решающую роль признака проспективности в создании иллокутивной части перформативных высказываний) косвенным образом указывает именно упомянутая невозможность перформативного употребления форм прошедшего времени и южнославянского PPF (кроме словенского), не обладающих регулярными (обязательными) признаками проспективности. Настоящую позицию в южнославянских языках занимает другая форма (у которой основным значением является также признак проспективности, т.е. футуральности) – FPF (футурум I).

морфологические видовые свойства глагольных форм нейтрализуются (поэтому такие формы не могут обозначать будущее время). «Итак, перформатив – это, с точки зрения времени, действие, одновременное с моментом речи, а с точки зрения вида – действие, начавшееся и завершившееся в момент речи (а именно, на интервале, занимаемом речевым актом)» [Падучева 1996: 165]. Кроме того, формы РРФ (севернославянские грамматикализованные формы будущего времени СВ), а также и все другие перформативные формы (южнославянский FPF, форма сослагательного наклонения) и конструкции теряют и темпоральные характеристики актуального настоящего, вследствие чего остается лишь (атемпоральная) результативность действия. Если бы, допустим, РРФ в сербском, болгарском или македонском языках обладал большей степенью футуральной грамматикализованности, т.е. если бы, наряду с релятивным (относительным) и модальным употреблением (историческое настоящее, РРФ в абстрактных и условных предложениях), использовался в качестве футурума в его (абсолютном) синтаксическом индикативе (как и в словенском, и во всех севернославянских языках), тогда и он подвергнулся бы перформативному употреблению.

5. В заключение отметим: вследствие того, что словенский и севернославянский (а некоторые и из неславянских) РРФ в перформативном употреблении объясняется его футуральной функцией, а также вследствие того, что его эквивалентом в южнославянских (и некоторых неславянских, «безвидовых») языках является футурум, мы считаем, что термин **перформативный футурум** или **эффективный футурум** (*futurum effectivum*) адекватнее и терминологически точнее, чем термин **эффективный презенс** (как его называли словенские лингвисты в начале прошлого века, тем более, если проблема рассматривается с общеславянской точки зрения, включающей не только все севернославянские, но и все южнославянские языки (следовательно, не только словенский)).

Анализ перформативного употребления форм РРФ и FPF, где один из южнославянских языков – словенский – совпадает в данном плане не с сербским и остальными южнославянскими языками, а с русским и другими севернославянскими языками, показал, что типологические границы между славянскими языками нуждаются в более системном и детальном изучении и уточнении.

Литература

- Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 3. С. 208–223.
- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Бондарко (отв. ред.) 1990 – А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Вимер 2014 – Б. Вимер. Употребление совершенного вида в перформативном настоящем // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 3: Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicate. СПб.: Наука, 2014. С. 90–113.
- Виноградов 1947 – В.В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.–Л.: Учпедгиз, 1947.
- Војводић 1998 – Д. Војводић. Futurum effectivum у словенским језицима // Славистика. 1998. Књ. II. С. 45–52.
- Войводич 2003 – Д. Войводич. Функционально-семантическое поле перформативности в славянских языках // Сборник Матице српске за славистику. 2003. Књ. 63. С. 45–77.
- Войводич 2010 – Д.П. Войводич. Об употреблении и значении совершенного вида в перформативных предложениях–высказываниях в славянских языках: опыт типологической дифференциации // Н.А. Тупилова (отв. ред.). Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сборник научных трудов [30-летию ВолГУ посвящ.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 175–191.
- Гловинская 1993 – М.Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов // Е.А. Земская (ред.). Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
- Ивић 1958 – М. Ивић. Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. 1958. Књ. III. С. 139–152.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Плотникова 1977 – О.С. Плотникова. Словенский язык // А.Г. Широкова, В.П. Гудков (ред.). Славянские языки. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 289–332.
- Поповић 2000 – Љ. Поповић. Епистоларни дискурс украјинског и српског језика. Београд: Филолошки факултет, 2000.
- Славкова 2014 – С. Славкова. Перформативное употребление глаголов *просить/попросить* и *моля/помоля* в русском и болгарском языках: прагматическая роль вида и времени // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60. № 2. P. 231–252.
- Austin 1962 – J.L. Austin. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962.

- Bajec i dr. 1956 – A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel. Slovenska slovnica. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1956.
- Benveniste 1966 – É. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.
- Derganc 1993 – A. Derganc. Несколько заметок в связи с перформативными глаголами в русском и словенском языках // *Filologija*. 1993. № 20–21. S. 67–75
- Derganc 1996 – A. Derganc. Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprašanju glagolskega vida v performativnih izjavah v slovanskih jezikih) // J. Kos et al. (red.). Zbornik Brižinski spomeniki. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni inštitut SAZU, 1996. S. 185–192.
- Derganc 1998 – A. Derganc. Einige Unterschiede im Gebrauch des perfektiven bzw. des imperfektiven Präsens im Russischen und Slowenischen // D. Huber, E. Wörbs (Hgg.). *Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang Verlag, 1998. S. 55–63.
- Derganc 2003 – A. Derganc. Nekateri razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini // *Slavistična revija*. 2003. Let. 51. Poseb. št. S. 67–79.
- Dickey 2000 – S. M. Dickey. *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2000.
- Hirschová 1988 – M. Hirschová. Česká verba dicendi v performativním užití: Příspěvek k popisu komunikativních funkcí výpovědi. Olomouc: Univerzita Palackého, 1988.
- Koschmieder 1934 – E. Koschmieder. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy*. Wilno: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1934.
- Mazon 1914 – A. Mazon. *Emplois des aspects du verbe russe*. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1914.
- Mencej 1906 – J. Mencej. Zur Prasensfrage perfektiver Verba im Slovenischen (Praesens effectivum) // *Archiv für slavische Philologie*. 1906. № 28. S. 40–51.
- Miklosich 1874 – Fr. Miklosich. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Vierter Band: Syntax. Wien: Wilhelm Braumüller, k. k. Hofbuchhändler, 1868–1874.
- Musić, A. Slovenski efektivni prezenat // *Rad JAZU*. 1935. Knj. 253. S. 165–180.
- Navratil 1856 – J. Navratil. Beitrag zum Studium des slavischen Zeitwortes aller Dialekte: insbesondere über den Gebrauch u. die Bedeutung der Zeitformen in Vergleichung mit den classischen und modernen Sprachen (Deutsch, Italienisch, Französisch und Englisch) : mit einer tabellarischen Übersicht in allen obigen Sprachen : ein praktisches Handbuch beim Sprachstudium. Wien: Mechitharisten-Congreg.-Buchdruckerei, 1856.
- Perušek 1910 – R. Perušek. O rabi dovršnih in nedovršnih glagolov v novi slovenščini // Jahresbericht des k. k. I. Staatsgymnasiums zu Laibach, veröffentlicht am Schluss des Schuljahres 1909/1910. Ljubljana, 1910.
- Pintar 1910 – L. Pintar. O rabi dovršnih in nedovršnih glagolov v novi slovenščini // *Ljubljanski zvon : mesečnik za književnost in prosveto* (Ljubljana). 1910. Let. XXX: št. 8. S. 499–502; št. 9. S. 564–568.
- Searle 1970 – J.R. Searle. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Škrabec 1903 – S. Škrabec. Zum Gebrauche der Verba perfectiva und imperfectiva im Slovenischen // *Archiv für slavische Philologie*. 1903. № 25. S. 554–564.
- Škrabec 1906–1912 – S. Škrabec. Praesens effectivum // *Cvetje z vertov sv. Frančiška* (1906–1912). 1906. Teč. XXIII. Zv. 7; 1910. Teč. XXVII. Zv. 10, 11, 12; 1911. Teč. XXVIII. Zv. 1, 5, 7, 9, 10, 11, 12; 1912. Teč. XXIX. Zv. 1, 3, 4, 5, 6, 7.
- Šolar 1858 – J. Šolar. Die Tempora und Modi im Slowenischen mit Rücksicht auf das Deutsche und die klassischen Sprachen // Jahresbericht des K. K. Ober-Gymnasiums in Görz am Schlusse des Schuljahres 1858. Görz: Paternolli, 1858. S. 14–37.
- Toporišič 1984 – J. Toporišič. Slovenska slovnica. Maribor: Založba Obzorja, 1984.
- Vendler 1976 – Z. Vendler. Illocutionary suicide // A.F. McKay, D.D. Merrill (eds.). *Issues in the philosophy of language*. New Haven – London: Yale U. Press, 1976. P. 135–145.
- Wierzbicka 1972 – A. Wierzbicka. Acts of speech // A. Wierzbicka. *Semantic primitives*. Frankfurt-am-Main: Athenäum, 1972. P. 122–146.
- Žagar 1989 – I. Ž. Žagar. Zagatnost performativnosti ali kako obljubiti. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1989.

ДВА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СПОСОБА ОФОРМЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СКАЗУЕМЫХ ПАЦИЕНТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВЕРШЕННОМ ВИДЕ

Constructions with a predicative form of a reflexive, perfective verb can be either decausatives or passives. The paper demonstrates that selectional criteria to discriminate between decausative and passive interpretations hinge on the question whether the examined perfective predicate belongs to one of the three following lexical groups: verbs of the *build* type, verbs of the *boil* type and verbs of the *destroy* type.

В настоящем исследовании возобновлены поиски ответа на вопрос «В чем состоит разница между конструкциями (2) *Дом построился* и (3) *Дом был построен?*», начатые в работе [Гаврилова 2015]. Этот вопрос по свидетельству российской журналистки (статья которой встретила нам в Интернете) актуален для японских студентов, изучающих русский язык. Также как в [Гаврилова 2015] конструкции типа (2), соответствующие структурной формуле $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ будем называть **возвратными пациентивными конструкциями**, а конструкции типа (3), соответствующие структурной формуле $N^{IM}CopPart\text{-н/-м}(V^{CB})$, **причастными пациентивными конструкциями**.

Семантические различия между этими возвратной пациентивной конструкцией (2) и причастной пациентивной конструкцией (3) едва уловимы и с трудом поддаются объяснению, поскольку в них под разным углом зрения описывается одна и та же онтологическая ситуация.

- (1) *Дом строится.*
- (2) *Дом построился.*
- (3) *Дом был построен.*

В то же время разница между значениями конструкций (5) и (6) является очевидной и существенной. Эта очевидная различия обусловлена тем, что в данном случае причастная и возвратная пациентивные конструкции описывают две разные онтологические ситуации. А именно, изменения состояния дома в случае ситуации, описываемой возвратной конструкцией (5), осуществляются вне целенаправленного воздействия извне со стороны человека, а в случае ситуации, описываемой причастной конструкцией (6), являются следствием такого целенаправленного воздействия. Процессы, составляющие содержание каждой из этих двух онтологических ситуаций, хотя и приводят к одному и тому же **результатирующему состоянию** неодушевленного подлежащего, однако различаются с точки зрения своего **энергетического обеспечения**.

- (4) *Дом разрушается.*
- (5) *Дом разрушился.*
- (6) *Дом был разрушен.*

При этом, если в перспективе СВ эти разные онтологические ситуации описываются с помощью пациентивных конструкций двух разных типов – возвратного в (5) и причастного в (6), то в перспективе НСВ для описания обеих ситуаций используется только одна конструкция (4) с возвратным глаголом-сказуемым НСВ. Таким образом, различия в способе энергетического обеспечения процесса преобразования пациента ситуации становятся релевантными только в перспективе СВ, т.е. на результативной стадии процесса, и являются нерелевантными в перспективе НСВ, т.е. на стадии процесса развития.

Это вывод подтверждает и анализ конструкций (7)-(8):

- (7) *Армия разлагается.*
- (7а) *Армия у нас разлагается, и весьма искусно.*
- (8) *Армия разложилась.*
- (9) *Армия была разложена.*

Конструкцию (8) с предикативной формой возвратного глагола СВ *разложиться* в качестве сказуемого, которую принято называть **декаузативной конструкцией**, описывает результат

процесса, осуществившегося без какого-либо целенаправленного воздействия извне. Конструкцию (9) с предикативной формой страдательного причастия СВ от переходного глагола *разложить* в качестве сказуемого, которую принято называть **страдательной конструкцией**, описывает процесс с тем же результатом, но осуществляющийся благодаря целенаправленному воздействию извне.

Конструкция (7) с предикативной формой возвратного глагола НСВ *разлагать* в качестве сказуемого противопоставлена сразу двум конструкциям со сказуемым СВ и поэтому допускает двоякую интерпретацию описываемого процесса, совмещающую декаузативную и страдательную интерпретации. Языковая игра, построенная на такой двусмысленности возвратных сказуемых НСВ, имеет место в конструкции (7а). А именно, пока произнесено только начало фразы *Армия у нас разлагается*, разложение армии интерпретируется как процесс, развивающийся вне целенаправленного воздействия извне со стороны человека, а после присоединения обстоятельственной группы *и весьма искусно* мы вынуждены переосмыслить ситуацию и проинтерпретировать процесс разложения армии как обусловленный таким целенаправленным воздействием.

Итак, процессам целенаправленного и самопроизвольного разложения армии соответствуют две разные онтологические ситуации, которые описываются:

- в НСВ с помощью единой конструкции $N^{IM}V-ся^{НСВ}$, допускающей как страдательную, так и декаузативную интерпретацию.
- в СВ с помощью двух отдельных конструкций:
 1. $N^{IM}V-ся^{СВ}$, с декаузативной интерпретацией
 2. $N^{IM}CopPart-н/-т(V^{СВ})$ со страдательной интерпретацией.

Иными словами, если в перспективе НСВ процессы целенаправленного и самопроизвольного разложения армии имеют общее морфологическое оформление, то в перспективе СВ каждый из этих двух процессов обретает свое собственное морфологическое оформление.

Конструкции (10), (11) и (12) совпадают с конструкциями (7), (8) и (9), соответственно, с точностью до лексического наполнения сказуемого. Однако семантика глаголов *переворужаться/переворужиться* такова, что их предикативные формы могут обозначать только целенаправленную деятельность человека. Поэтому конструкция (10) допускает только одну страдательную интерпретацию, а не две разные интерпретации, возможные в случае (7). Примеры (11) и (12) описывают одну и ту же, а не две разные онтологические ситуации, как это имеет место в случае примеров (8) и (9).

(10) *Армия перевооружается.*

(11) *Армия перевооружилась.*

(12) *Армия была перевооружена.*

Декаузативное толкование конструкций (2) и (11) не возможно, поскольку эти конструкции описывают ту же самую онтологическую ситуацию, что и страдательные конструкции (3) и (12).

Отметим, что как сказуемое $V-ся^{СВ}$ (например, *построился, разрушился, разложилась, перевооружилась*), так и сказуемое $Part-н/-т(V^{СВ})$ (например, *был построен, был разрушен, была разложена, была перевооружена*) являются словообразовательными дериватами переходного глагола $V^{СВ}$ (*разложить, перевооружить*).

При рассмотрении примеров (1)-(14) мы наблюдали, во-первых, **тождество** и, во-вторых, **полное несовпадение** онтологических ситуаций, описываемых с помощью конструкций $N^{IM}V-ся^{СВ}$, и $N^{IM}CopPart-н/-т(V^{СВ})$. Но кроме этого ситуации, описываемые с помощью конструкций, построенных в соответствие с первой и второй синтаксической формулами, могут служить описанию таких двух онтологических ситуаций, одна из которых целиком и полностью вкладывается в другую, т.е. одна онтологическая ситуация является несобственным подмножеством другой. В этом случае мы будем говорить о **частичном тождестве онтологических ситуаций**.

Феномен частичного тождества онтологических ситуаций возникает в случае глаголов типа *проветрить*. Ситуация, описываемая в (13) включает в свой состав два этапа. На первом этапе человек создает условия, необходимые и достаточные для инициации и осуществления того процесса, который неотвратимо и самопроизвольно развивается на втором этапе. Так, например, на

первом этапе человек открывает форточку, а на втором этапе благодаря открытию форточки комната проветривается. Ситуация, описываемая в конструкции (15), охватывает как первый, так и второй этап развития процесса, а ситуация, описываемая в конструкции (14), отражает только второй этап, оставляя за кадром рассмотрение процесса открывания форточки, сделавшего проветривание комнаты возможным. Как нетрудно видеть, онтологическая ситуация, описываемая конструкцией (14), вкладывается в онтологическую ситуацию, описываемую конструкцией (15), иными словами, имеет место частичная тождественность ситуаций.

(13) Комнату **проветрили**.

(14) Комната **проветрилась**.

(15) Комната **была проветрена**.

Глагол *сварить* также является глаголом типа *проветрить*. Процесс варки картофеля, описываемый в (16) и (19), осуществляется в два этапа. На первом этапе мама тем, что она помещает картошку в кастрюлю с водой и доступным ей способом обеспечивает воде продолжительное кипение, создает условия, необходимые и достаточные для инициации и осуществления процесса, который на втором этапе развивается самопроизвольно и неотвратно. А именно, на втором этапе, благодаря продолжительному кипению воды, картошка превращается из сырой в вареную. В [Гаврилова: 2004; 2008; 2012] переходные глаголы, описывающие подобные двухэтапные процессы, охарактеризованы как глаголы с агенсом-инициатором и названы иницирующими переходными глаголами.

(16) Мама **варит картошку**.

(17) У мамы **варится картошка**.

(18) Картошка **варится мамой**.

(19) Мама **сварила картошку**.

(20) У мамы **сварилась картошка**.

(21) Картошка **была сварена мамой**.

Ситуация, описываемая в (17) и (20) отражает только второй этап, на котором картошка уже находится в кипящей воде, оставляя за кадром рассмотрение происходящего на первом этапе процесса помещения картошки в воду, которой обеспечено продолжительное кипение. В то время как ситуация, описываемая в (18) и (21) отражает первый и второй этапы, рассматриваемые в совокупности, как нерасчлененное целое. Как нетрудно видеть, онтологическая ситуация, описываемая в (20) вкладывается в онтологическую ситуацию, описываемую в (21). Иными словами, имеет место частичная тождественность ситуаций.

Задачей данного исследования является формулирование ответа на вопрос, от чего зависит тождество, частичное тождество и полное различие онтологических ситуаций, описываемых в перспективе СВ с помощью возвратной и причастной пациентивных конструкций, т.е. конструкций, совпадающих с точностью до способа морфологического оформления сказуемых.

Предлагается рабочая гипотеза, согласно которой тождество или различие онтологических ситуаций, описываемых с помощью конструкций $N^{IM}V-ся^{CB}$, и $N^{IM}Cop Part-n/-m(V^{CB})$, зависит от принадлежности переходного глагола V^{CB} , основа которого является словообразовательной как для $V-ся^{CB}$, так и для $Part-n/-m(V^{CB})$ к одному из трех типов:

1. к глаголам типа **разрушить**;
2. к глаголам типа **построить**;
3. к глаголам типа **проветрить**.

При обсуждении возвратных коррелятов переходных глаголов этих трех типов, мы будем использовать термины

- глаголы типа **разрушиться**;
- глаголы типа **построиться**;
- глаголы типа **проветриться**.

Глаголы трех выделенных нами типов отличаются друг от друга способом энергетического обеспечения, описываемых этими глаголами процессов. Отличия энергетического обеспечения,

релевантные для решения поставленной нами задачи, отражены в классификационных делениях ниже следующей таблицы:

Возможность осуществления процесса без какого-либо энергетического участия человека	Обязательность энергетического участия человека в роли агенса-производителя осуществляемого процесса	Обязательность энергетического участия человека в роли агенса-инициатора осуществляемого процесса
<i>X разрушает дом.</i> <i>X разрушил дом.</i>	<i>X строит дом.</i> <i>X построил дом.</i>	<i>X проветривает комнату.</i> <i>X проветрил комнату.</i>
<i>Дом разрушается.</i>	<i>Дом строится</i>	<i>Комната проветривается</i>
<i>Дом разрушился</i> <i>Дом был разрушен.</i>	<i>Дом построенся.</i> <i>Дом был построен.</i>	<i>Комната проветрилась</i> <i>Комната была проветрена.</i>

Итак, онтологические ситуации, описываемые с помощью конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$, и $N^{IM}CopPart\text{-н/-м}(V^{CB})$:

1. в случае глаголов типа **разрушить** не пересекаются друг с другом;
2. в случае глаголов типа **построить** тождественны друг другу;
3. в случае глаголов типа **проветрить** частично тождественны друг другу.

В работе [Гаврилова 2014] пациентивные конструкции $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ с декаузативным и с любым другим значением получают название **квазипассивных конструкций**.

Страдательное значение присуще всем предикативным формам причастий на *-н/-м*, образованным от глаголов СВ и выступающим в составе пациентивных конструкций $N^{IM}CopPart\text{-н/-м}(V^{CB})$, **вне зависимости от энергетической характеристики переходного глагола словообразовательным дериватом которого является причастное сказуемое конструкции**.

Значение предикативных форм возвратных глаголов СВ в составе пациентивных конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$, не всегда может быть охарактеризовано как **декаузативное**. А именно, **декаузативное значение** сказуемых пациентивных конструкций, присуще предикативным формам возвратных глаголов, образованным от глаголов СВ типа *разрушить* и типа *проветрить*, и отсутствует у предикативных форм возвратных глаголов, образованных от глаголов СВ типа *построить*.

Глаголы типа *построить*.

Причиной того, что **возвратные глаголы-сказуемые конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$, образованные от переходных глаголов типа *построить*** лишены возможности иметь декаузативное значение состоит в том, что при такой лексической реализации сказуемых конструкции $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ обозначают ту же ситуацию, что и страдательные конструкции $N^{IM}CopPart\text{-н/-м}(V^{CB})$. В [Падучева 2001: 61] это аргументируется по-другому: «у таких глаголов, как *вымыть, построить, разрезать, выкопать, выкрасить* нет декаузативов потому, что они однозначно агентивны».

Необходимо указать на то, что возвратные глаголы СВ типа *построиться*, функционирующие в качестве сказуемых, например таких пациентивных конструкций, как (1), не только не признаются формами декаузативных глаголов, но и остаются вне поля рассмотрения при изложении концепции грамматической залога русского глагола. Иными словами, в традиционных описаниях не предпринимается попытки определить залоговый статус конструкций, подобных (2) *Дом построился*. Связь с залоговым статусом таких конструкций прослеживается только в кратком примечании из академической грамматики [РГ 1980: 617], где говорится, что в качестве **редкого отклонения**⁴⁰ от нормы, согласно которой морфологическим средством, формирующим парадигму

⁴⁰ Утверждение о том, что предикативные формы возвратных глаголов СВ способны выражать страдательное залоговое значение лишь в редких случаях, делается в [РГ 1980: 617] без ссылки на статистические исследования. Верифицировать или опровергнуть это утверждение с опорой на корпус текстов с грамматической разметкой в НКРЯ невозможно, поскольку в НКРЯ лишь предикативные формы страдательных причастий помечаются как формы страдательного залога, а предикативные формы возвратных глаголов в позиции сказуемых пациентивных конструкций всегда помечаются как медиальные формы.

спряжения русского глагола СВ в страдательном залоге, являются причастия на *-н/-т* от переходных глаголов СВ, предикативные формы возвратных глаголов СВ также способны выражать страдательное залоговое значение. В качестве иллюстрации страдательного значения возвратного сказуемого СВ в пациентивной конструкции приводятся примеры :

(22) *Известие о судьбе женщины **вышлются** мне сюда* (Л.Толст.).

(23) *Скоро из самовара **дольются** крутым кипятком стаканы* (Катаев).

(24) *Здесь палец **не порежется** ножом* (Ахмат.).

Операция замены в примерах (21)-(23) возвратных сказуемых СВ на предикативные формы страдательных причастий СВ на *-н/-т* приводит к созданию практически синонимичных конструкции (21прч)-(23прч).

(22прч) *Известие о судьбе женщины **будут высланы** мне сюда.*

(23прч) *Скоро из самовара **будут долиты** крутым кипятком стаканы.*

(24прч) *Здесь палец **не будут порезаны** ножом.*

Итак, в случае глаголов типа *построить* имеет место близость значений конструкций $N^{IIIM}V-ся^{CB}$, и $N^{IIIM}CopPart-н/-т(V^{CB})$, которая обусловлена тождеством онтологических ситуаций, описываемых с конструкций этих двух типов. По нашему мнению, если признавать декларированную в [РГ 1980: 617] возможность выражать страдательное значение с помощью предикативных форм возвратных глаголов СВ, то придется признать и то, что только предикативные формы типа *построиться* могут претендовать на реализацию этой возможности. Нам представляется, что то, что пациентивные конструкции с такими сказуемыми не встречаются в контекстах обстоятельств цели, не может служить препятствием для признания страдательного характера их значений и мы в праве предположить, что лексической базой употребления $V-ся^{CB}$ в страдательном значении, являются $V-ся^{CB}$ глаголами типа *построиться*.

Глаголы типа *разрушить*.

В случае глаголов типа *разрушить* пациентивные конструкции $N^{IIIM}V-ся^{CB}$, и $N^{IIIM}CopPart-н/-т(V^{CB})$ описывают две разные **непересекающиеся** онтологические ситуации, которые обозначают, соответственно, ситуацию умышленного и неумышленного возникновения изменения пациенса ситуации.

Так, конструкции $N^{IIIM}CopPart-н/-т(V^{CB})$, с причастием от глагола типа *разрушить* в качестве сказуемого, например (25прч) описывают деструктивные изменения, имеющие умышленный характер. А конструкции $N^{IIIM}V-ся^{CB}$, с глаголом типа *разрушиться* в качестве сказуемого, например (26возв), описывают деструктивные изменения, имеющие неумышленный характер.

(25пер) *Мальчик **разорвал** рубашку на бинты.*

(25прч) *Рубашка была **разорвана** на бинты.*

(26пер) *Мальчик **разорвал** рубашку, когда он лез на дерево.*

(26возв) *Рубашка у мальчика **разорвалась**, когда он лез на дерево.*

При этом конструкции с предикативной формой причастия от глаголов СВ принято трактовать как **страдательные конструкции**, а конструкции с возвратным глаголом СВ – как **декаузативные** конструкции [Падучева 2101: 61]. Т.е. в случае (25прч) принято говорить о пациентивной конструкции страдательного характера, а в случае примера (26дек) – о декаузативном характере пациентивной конструкции.

В случае глаголом типа *разрушиться* декаузативный характер сказуемого в конструкции $N^{IIIM}V-ся^{CB}$, и страдательный характер сказуемого в конструкции $N^{IIIM}CopPart-н/-т(V^{CB})$ сопутствует разным значениям. существительных, являющихся обозначениями человека, в функции подлежащих в параллельных переходных конструкциях. Так, подлежащее *мальчик* во фрагменте *Мальчик **разорвал** рубашку* из конструкции (26пер) существенно отличается по значения от одноименного подлежащего в таком же фрагменте из конструкции (25пер). Подлежащее *мальчик* в (25пер) служит для обозначения человеческого существа как носителя материального и волевого начал, а в (26пер) как носителя только материальных свойств своего тела, т.е. только одной телесной сущности человека, которая ненамеренно случайным образом включена в ситуацию деструкции

(26пер). Ведь реализуемые мальчиком намерения никак не связаны с описываемым в (26пер) процессом деструкции рубашки.

Неверным для пациентивных конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ с возвратными глаголами-сказуемыми, восходящими к переходным глаголам типа *разрушить*, представляется ставшее общим местом утверждение о том, что первичной морфологической формой является переходный глагол, а парный возвратный – это вторичная морфологическая форма. Ведь основная масса глаголов типа *разрушиться* имеет либо деструктивное значение, либо значение самопроизвольного обнаружения таких физико-химических свойств, которые внутренне присущи пациенту описываемой ситуации, определяются его природной сущностью. Поэтому конструкции $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ с глаголами типа *разрушиться* могут не иметь никакой сопоставимой переходной конструкции, например как в следующих конструкциях:

(27возв) Мясо **испортилось** (из-за неправильного хранения).

(28возв) Край скатерти **обтрепался**.

(29возв) Шерстяная юбка **наэлектризовалась**.

В случае, когда переходная конструкция, сопоставимая с конструкцией $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ с глаголом типа *разрушиться* все-таки существует, подлежащее этой конструкции не является прототипическим подлежащим и обозначает;

- либо стихию, например как в (30пер)⁴¹;
- либо человека, воспринимаемого как тело, лишенное волевого начала и подобное в этом аспекте неодушевленным материальным телам, например как в (26пер).

(30пер) Землетрясение **разрушило** дом

(30возв) Дом **разрушился** от землетрясения

Кроме того может существовать и переходная конструкция, в качестве сказуемого которой выступает глагол типа *разрушить* с прототипическим подлежащим, обозначающим человека, как единство волевого и материального начал, например (31пер). Этой конструкции может быть сопоставлена только причастная пациентивная конструкция (31прич):

(30пер) Незаконно построенный дом **разрушили**.

(31прич) Незаконно построенный дом **был разрушен**.

Глаголы типа *проветрить*

Глаголы типа *проветрить* с прототипическим агенсом-инициатором занимают промежуточное положение между глаголами типа *разрушить* и типа *построить*, благодаря тому, что процесс изменения пациента ситуации, описываемой глаголами типа *проветрить*, как мы уже говорили, осуществляется в два этапа. При этом ситуация, описываемая с помощью конструкций $N^{IM}CopPart\text{-н/-т}(V^{CB})$ с предикативной формой причастия, восходящей к глаголу типа *проветрить*, например (17), охватывает как первый, так и второй этап процесса преобразования пациентивного подлежащего и поэтому его осуществление предполагает обязательное энергетическое участие человека. Это объединяет те онтологические ситуации $N^{IM}CopPart\text{-н/-т}(V^{CB})$, сказуемыми которых являются, с одной стороны, глаголы типа *проветриться* и, с другой стороны, глаголы типа *построиться*.

Онтологическая ситуация, описываемая с помощью конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$ с возвратным глаголом-сказуемым, восходящим к глаголам типа *проветрить*, например (11а) и (16), соответствует второму этапу преобразования пациентивного подлежащего. На этом этапе реализации процесса агенс-инициатор, создающий условия для запуска саморазвивающегося процесса, остается за кадром. Глаголы-сказуемые типа *проветриться* и глаголы-сказуемые типа *разрушиться*, используемые в составе конструкции $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$, объединяет то, что описываемые ими процессы являются саморазвивающимися, т.е. осуществляются без воздействия извне. Различна лишь природа инициации этих саморазвивающихся процессов — антропогенная в первом случае и природно-стихийная во втором.

⁴¹ «Вулканы, реки, солнце, дожди, ржавчина, наводнения и т.п. не выполняют никаких действий в точном смысле слова, т.е. не являются агенсами (каузаторами). Они могут быть лишь причиной определенных процессов, состояний и положения вещей» [Апресян 2004: 20-21].

Конструкциям $N^{ИМ}V-ся^{СВ}$ с глаголами-сказуемыми типа *проветриться* присуще декаузативное значение. В [Падучева 2001: 54] такие ситуации также признаются декаузативными. При этом оговаривается, что в ситуации, описываемой с помощью глагола *свариться* «каузатором, помимо деятельности человека, является источник температуры — огонь». Необходимость этой оговорки объясняется наличием в процессах, описываемых с помощью глаголов с иницирующей переходностью, двух разнородных этапов.

Подводя итог, следует сказать, что в данном исследовании были обоснованы следующие положения:

- предикативные формы возвратных глаголов типа *разрушиться* и типа *проветриться*, функционируя в качестве сказуемых пациентивных конструкций, обретают декаузативное значение;
- предикативные формы возвратных глаголов типа *построиться* декаузативного значения выразить не могут, однако могут претендовать на статус форм страдательного залога СВ.

Список условных сокращений

Сор – связка; $N^{ИМ}$ – существительное в именительном падеже; Part-н/-т(Vсв) – краткое страдательное причастие от глагола совершенного вида, оканчивающееся на *-н/-т*; $V^{НСВ}$ – переходный глагол несовершенного вида; $V^{СВ}$ – переходный глагол совершенного вида; $V-ся^{НСВ}$ – возвратный глагол несовершенного вида; $V-ся^{СВ}$ – возвратный глагол совершенного вида.

Литература

- Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян Активность и пассивность как // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004, «Языки славянской культуры», С. 13-33.
- Гаврилова 2008 – В.И.Гаврилова Термины “декаузатив” и “квазипассив” как конкурирующие термины. // Сокровенные смыслы Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е.В. Падучевой. М., 2008, «Языки славянской культуры», С. 190-212
- Гаврилова 2012 – В.И.Гаврилова К вопросу о взаимодействии категорий переходности и залога (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012 №2. С. 41-57
- Гаврилова 2014 – В.И.Гаврилова К вопросу о залоговом статусе возвратных сказуемых квазипассивных конструкций // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2014. № 7. С. 16-32.
- Гаврилова 2015 – В.И. Гаврилова **К вопросу об объеме понятия «декаузативный глагол» Возвратные глаголы-сказуемые страдательного залога в русском языке** //Р. Бенаккьо (ред.) Die Welt der Slaven.. Band 56. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст 2014. München-Berlin-Washington. С.231-249.
- Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52-79.
- РГ1980 – Русская грамматика, т. 1, М., 1980.

‘EMPTY’ PREFIXES IN SLAVIC AND GOTHIC : ASPECT AND TERMINATIVITY

Both Slavic languages and Gothic have prefixes displaying a ‘faded’ lexical meaning. In Slavic languages these so-called ‘empty’ prefixes appear in the compound perfective partners of aspectual pairs with imperfective verbs in simplex form without prefix. Although the core function of prefixes is to convey a lexical-terminative meaning, here, they are interpreted as the markers of perfectivity. In Gothic, there is no clear evidence for the kind of viewpoint aspect we encounter in Slavic, which raises the question as to the function of these prefixes. In my contribution I propose that Gothic empty prefixes are not so very empty and convey the semantic feature terminativity, which essentially is similar to what happens in Slavic languages. In a few instances one might even detect an aspectual opposition akin to that of Slavic, but in the absence of the explicit and rather extensive morphological systems we see there, Gothic viewpoint aspect may at best be called rudimentary or perhaps in *statu nascendi*. The present author, however, maintains an interpretation in terms of terminativity only.

1. There is a long tradition of likening the alleged verbal aspect we find in the scant remnants of the Gothic language to that of Slavic languages. Streitberg (1891: esp. 82 ff.; 1910) is an early proponent of this and it is maintained to this day, mostly in Germanistic studies (e.g. Lloyd 1979; Bucsko 2008 etc.). Opposition has been offered by authors with a more profound knowledge of Slavic languages (a.o. Beer 1915-1919, 1918; Mirowicz 1935; Maslov 1959; Makovskij 2011). In an earlier paper I have provided a summary of the various positions (Genis 2012b: 59, 60). In that same paper I follow Dickey (2005: esp. 32 ff.) and argue that the Slavic grammatical aspectual opposition really came into being as the language(s) started forming secondary imperfective verbs, which caused a chain reaction of verbs (verb meanings) of varying morphological make-up falling into perfective or imperfective slots constituting the binary opposition. As the kind of aspect that comes with secondary imperfectivization is entirely lacking in Gothic, this raises the need to get a sharper picture of the way ‘empty’ prefixes function in that language. Moreover, could one maintain that Gothic does indeed have Slavic-style aspect (in the making) and are there perhaps other parallels one might draw for insights into the development of Slavic aspect?

In spite of all the differences of opinion, there seems to be general agreement about the fact that Slavic verbal aspect is an innovation rather than Indo-European inheritance (cf. Růžička 1962: 18; Szemerényi 1987: 11 refers to other authors). Its genesis might go back to before the fifth century AD (Szemerényi 1987: 12 citing a publication by Hartmann n.v.), which is the time in which there must have been extensive contact with Gothic as is evidenced by the considerable number of loanwords in Proto-Slavic, some of which belong to the core vocabulary of very basic day-to-day concepts (Pronk-Tiethoff 2013: 83, 84). One might, then, consider the possibility of language contact lying at the basis of the genesis of Slavic verbal aspect, which antedates the earliest written records. This fact also warrants a look into this single commonality: empty prefixes and their functioning. In section 2 I shall first briefly present the basic derivational functions of prefixes in both Slavic and Gothic after which I proceed with the grammatical functioning of Slavic verbal prefixes and some essentials of the Slavic aspectual opposition. Then, in section 3, I shall endeavour to compare the various functions found for Slavic prefixes with those we encounter in Gothic. My concluding remarks are in section 4.

2. Verbal prefixation in Indo-European languages is essentially a semantically motivated process. Its purpose is generally not grammatical but purely lexical-derivational. Both Germanic and Slavic are languages with substantial collections of such prefixes, whose meanings are essentially spatial and correspond to that of the cognate prepositions. Their core meaning is most easily discerned when they are combined with verbs of motion or displacement, such as in the following table for Gothic.

Table 1. Gothic prefixal derivation

<i>gaggan</i> 'go'-		
<i>af-gaggan</i>	[OFF-go]	'go away, leave'
<i>afar-gaggan</i>	[AFTER-go]	'follow'
<i>ana-gaggan</i>	[TOWARDS-go]	'come'
<i>at-gaggan</i>	[AT-go]	'go/come towards'

<i>faur-gaggan</i>	[FOR-go]	'pass by'
<i>ga-gaggan</i>	[TOGETHER-go]	'come together, assemble'
<i>inn-gaggan</i>	[IN-go]	'go/come in'
<i>miþ-gaggan</i>	[WITH-go]	'go/come along'
<i>þairh-gaggan</i>	[THROUGH-go]	'go/come through'
<i>ufar-gaggan</i>	[OVER-go]	'transgress, go beyond'
<i>us-gaggan</i>	[OUT-go]	'go/come out'
<i>wipra-gaggan</i>	[AGAINST-go]	'go/come to meet'

A similar table for the Slavic from the oldest sources (based on Cejtin 1994) is as follows.⁴²

Table 2. Slavic prefixal derivation

<i>iti</i> 'go'		
<i>do-iti</i>	[TOWARDS-go]	'go/come to (until)'
<i>iz-iti</i>	[OUT-go]	'go/come out'
<i>na-iti</i>	[ON-go]	'go/come unto, towards, against etc.'
<i>ob-iti</i>	[AROUND-go]	'go round, circle'
<i>ot-iti</i>	[FROM-go]	'go/come away from'
<i>po-iti</i>	['ALONG'-go] ⁴³	'go away, a while'
<i>prě-iti</i>	[OVER-go]	'go/come over'
<i>pri-[i]ti</i>	[NEAR-go]	'come'
<i>pro-iti</i>	[THROUGH-go]	'go/come through'
<i>raz-iti</i>	[SPREAD-go]	'disperse'
<i>sъn-iti</i> (<i>sę</i>)	[TOGETHER-go]	'converge'
<i>vъn-iti</i>	[IN-go]	'go/come in'
<i>za-iti</i>	[BEHIND-go]	'go/come behind, set (sun)'

2.1 The core function of verbal prefixes is, then, lexical-derivational and prefixes share a semantic feature which is also usually present in the Slavic verbal compound. This feature is TERMINATIVITY and, with very few exceptions indeed, compound verbs are terminative.⁴⁴ In short: in prefixed compounds terminativity is a semantic feature connected with the underlying spatial meaning of prefixes, which always present a situation that consists of at least two phases and so, effectively a situational change.⁴⁵ ⁴⁶ This may be exemplified by Polish *Ania wjechała_p do ogrodu* 'Ania IN-drove into the garden' where IN-drove implies that the starting situation was 'OUT' (cf. Genis 2008: 103-114).⁴⁷ In this case the situational change is that from 'OUT' to 'IN'.

2.2 Turning to prefixes' aspectual function in Slavic I first need to mention that the grammatical aspect in Slavic languages is viewpoint aspect, such as described by Smith (1991: 200 ff.) and, importantly, it is restricted to terminative predicates.⁴⁸ The perfective aspect denotes that the TOTALITY of the verbal

⁴² The complex prefix *vъz-* as seen in *vъz-iti* 'go up' is left out of this list. The earliest sources lack attestations of prefixes *vy-* 'out of', *pod-* 'under' and *nad-* 'over, above' with the verb *-iti*.

⁴³ Please note that the meaning of prefix *po-* and its corresponding preposition *po* is very diverse and indeed complex, already in Proto-Slavic. Here there is no need to go into details.

⁴⁴ Limitations of space urge me to condense this matter here and so I refer to Genis (2008: 91-100) for an extensive discussion of the term terminativity and a comparison with the near synonym telicity, which latter term is used in several different ways, rendering it less precise where Slavic requires the more exact notion. Cf. footnote 7.

⁴⁵ This is a rather condensed account of this important issue. Suffice it here to add simply that Barentsen (1995) has three phases and for considerations of space, the reference to his paper is all that I can offer here.

⁴⁶ Terminativity as such is not restricted to prefixed verbs but unprefixes are relatively rare.

⁴⁷ Please note the subscript indexes for the aspect of Slavic verbs: i = imperfective, p = perfective. Please also note that from this point onward Polish is used in this contribution to exemplify modern Slavic languages.

⁴⁸ And so, Vendler's (1967) achievements and accomplishments are terminative and verbs denoting such meaning

predicate is viewed, This view is lacking in the imperfective situation although it is still (lexically!) terminative.⁴⁹ Now, not all prefixed perfective verbs of the Slavic languages are opposed by a prefixed secondary imperfective. Indeed, in Slavic languages quite a few of them have a simplex imperfective partner. An example of such an aspectual pair is *napisać_p* ‘ON-write’ : *pisać_i* ‘Ø-write’. Compare the following Polish examples.

- (1) a. *Na-pisał* *nowy poemat.*
 T;PFV-he.wrote new poem⁵⁰
 ‘He has written/wrote a new poem.’
- b. *Ø-pisał* *nowy poemat.*
 IPFV-he.wrote new poem
 ‘He was writing/wrote a new poem.’

On the grammatical semantic level as well as the lexical semantic level this constitutes a regular aspectual opposition, and *napisać_p* : *pisać_i* is a sound, pure aspectual pair. A clearly terminative predicate such as in (1)ab may be rendered in both aspects and the imperfective situation does not need to be marked for terminativity (by the prefix) as this feature is clear from the context, in this case the quantifiability of the direct object. This may be termed PREDICATIONAL TERMINATIVITY. However, the imperfective simplex *pisać_i* occurs in non-terminative predicates as well, and these can never be rendered in the perfective aspect, cf.:

- (2) a. **Na-pisał* *poezję.*
 T;PFV -he.wrote poetry
 ‘He has written/wrote poetry.’
- b. *Ø-pisał* *poezję.*
 IPFV-he.wrote poetry
 ‘He was writing/wrote poetry.’

In this example the unquantifiable object *poezję* ‘poetry’ causes this predicate to be non-terminative and this is just one of many kinds of non-terminative predication. There is quite a bit more that can be said about this phenomenon and about these examples (cf. Genis 2008: 115-127; 2012a: 178-181), but, as dictated by limitations of space, suffice it here to simply state that the imperfective simplex partner in this kind of aspectual pair has a terminative use (usually transitive) in which it is aspectually opposed by a prefixed compound perfective verb, as well as a non-terminative use, which cannot be rendered other than with the imperfective verb and a grammatical aspectual opposition is lacking as it always is for non-terminative predicates.⁵¹

Now, the terminatively used simplex *pisać_i* does not actually provide a lexical semantic notion other than that of its perfective compound *napisać_p* and so, we might say, the prefix *na-* does not actually mark any distinct lexical meaning, other than the general feature terminativity, which is present in any prefixal meaning, such as is reflected in the glosses for (2)ab. Hence the term ‘empty’ prefix. In Slavic languages

types usually appear as aspectual pairs in Slavic languages. Vendler’s states and activities do not enter the Slavic aspectual opposition and are usually imperfective only. For Slavic there are a few further meaning types - notably delimitativity and perdurativity as well as semelfactivity - that need to be gathered under the term terminativity but that are not usually understood as telic; terminativity is the wider notion. Cf. also Barentsen (1995).

⁴⁹ In certain modern Slavic languages there is a further condition for the use of perfectivity as opposed to imperfectivity and this is called SEQUENTIAL CONNECTION (Barentsen 1998) or TEMPORAL DEFINITENESS (Dickey 2000). For the present purposes I have found no reason to go into that matter here.

⁵⁰ In (1)a and (2)a I have glossed the prefix *na-* with faded lexical meaning as T;PFV, which is intended to indicate that on the lexical level it conveys terminativity whilst on the grammatical perfectivity. In the Gothic examples below there is T only, for which cf. note 14.

⁵¹ It is a matter of - perhaps unfortunate - tradition that non-terminative verbs are still called imperfective although they are not opposed by perfective verbs in pure aspectual pairs.

any verbal prefix may potentially appear as empty prefix, but some do so more than others and there are several explanations for which prefix comes to be used as empty prefix in a particular aspectual pair but the choice of many prefixes is rather unclear.⁵² I shall refer to this kind of pure aspectual pair as COMPOUND-SIMPLEX PAIRS.

2.3 Dickey (2005: 55) points out that in Slavic languages certain prefixes have specialized in being ‘empty’: they have their own lexical meaning which comes out in specific compounds and contexts, but most often they crop up as empty prefix.⁵³

3. We have already seen, cf. Table 1, that Gothic prefixes have a clear lexical meaning. It remains to be seen whether or not Gothic prefixes have aspectual consequences like those in Slavic. In the Gothic dictionaries (o.a. Streitberg 1910; Lehmann 1986) there are many prefixed and a few simple verbs labelled “rein perfektiv”. The following, then, are two examples (in fact from one and the same compound sentence) that present predicates with a verb pair involving the verb *hauhjan* ‘exalt’, in a simplex form in (3)a and as a prefixed compound in (3)b that Streitberg judges to be perfective.⁵⁴

- (3) a. *unte hazuh saei hauheip sik silba, ga-hnaiwjada,*
 for everyone that exalts him- self, T-is.abased
 ‘For whosoever exalteth himself shall be abased ...’
 b. [...] *jah saei hnaiweip sik silban, us-hauhjada.*
 ... and that humbles him- self T-is.exalted⁵⁵
 ‘... and he that humbleth himself shall be exalted.’ [Lk 14:11]

The verb pair *hauhjan : us-hauhjan* ‘exalt’ seems reminiscent of a Slavic compound-simplex aspectual pair and, interestingly, the corresponding verse in Polish has imperfective and perfective aspect in exactly the corresponding places.⁵⁶ This example may illustrate the point Streitberg (1920: 39) is making when he states that in Gothic only prefixed compounds may be perfective and that this perfectivity comes out all the more clearly the more the lexical meaning (“sinnliche Bedeutung”) of the prefix is faded (“verblaßt”). The original meaning ‘OUT’ of the prefix *us-* is indeed quite obscure in this example, as it is in other examples, also when the verb forms are temporal. Prefix *us-* is listed several times as a component of perfective compounds and so are the following: *af-, ana-, at-, bi-, fra-, ga-, in-, uf-*. Streitberg (1920: 39) writes that the most faded of all prepositions, *ga-*, is the best means to perfectivize. Example (4) shows an opposition of *ga-melida : melida* ‘write’ that reminds us of Slavic examples (1)ab and (2)b respectively and although I had to resort to other verb forms than there, (4)a is clearly terminative on account of the prefix, (4)b may be interpreted as having predicational terminativity and (4)c is then non-terminative.

- (4) a. *ga-melida izwis ana þizai aipistaulein: ni*
 T-I.wrote you.DAT;PL in this epistle not
 blandaiþ izwis horam,
 you.mingle.OPT;PL you.ACC;PL fornicators.DAT
 ‘I wrote unto you in an epistle not to company with fornicators.’ [1 Cor 5:9]
 b. [...] *nim þus bokos jah melei ahtautehund.*

⁵² For some statistics, see Genis (2008: 182-185) for Polish and Janda & Lyashevskaya (2013 : 219) for Russian.

⁵³ For Russian that prefix is *po-* whilst for Czech it is *s/z-* (and cognates). Polish holds the middle ground and divides this function almost equally between *s/z-* (and cognates) and *po-* with a slight preponderance for the former. South-Slavic languages generally lack a specialized empty prefix.

⁵⁴ In fact, Streitberg (1910: 55) indicates the compound *us-hauhjan* to be “perfektiv zu *hauhjan*”, which is very explicit labelling indeed.

⁵⁵ Please note the use of the occasional abbreviation T in the gloss to this example, which stands for ‘terminativity’. As aspect in Gothic is at best disputed and likely not like that of Slavic, it seems better to avoid the marking PFV ‘perfective’. Cf. note 9.

⁵⁶ Viz. *Każdy bowiem, kto się wywyższa, będzie poniżony*_p, *a kto się poniża, będzie wywyższony*_p.

- ... take.IMP.2 your book and write.IMP.2 fourscore
 ‘[... he said ...], Take thy bill, and write fourscore [measures of wheat].’ [Lk 16:7b]
- c. *aþþan jabai melida, ni in þis anamahtjandins, [...]*
 but CNJ I.wrote, not for these wrong-doers, ...
 ‘Wherefore, though I wrote unto you, I did it not for his cause that had done the
 wrong ...’ [2 Cor 7: 12]

In a parallel to Slavist parlance we might call *ga-* the Gothic specialized empty prefix: like Slavic empty prefixes, it is used devoid of most of its lexical meaning such as in (4). Also like Slavic, (5) demonstrates that it may also occur with its full lexical meaning intact, and in this example it comfortably functions as a direct translation of Greek συν-ήχθη ‘TOGETHER-they.came’.

- (5) [...] *þatei ufta ga-iddja Iesus jainar miþ siponjam seinaim.*
 ... that often together-they.came Jesus there with disciples his.
 ‘... for Jesus oftentimes resorted thither with his disciples.’ [Jn 18:2b]

In (6), though, the parallel with Slavic is less obvious.

- (6) a. [...] *blinda sums sat faur wig du aihtron.*
 ... blind.man some sat by way to beg
 ‘... a certain blind man sat by the way side begging’ [Lk 18:35b]
- b. [...] *jah jainar ga-sat miþ siponjam seinaim.*
 ... and there T-sat with disciples his
 ‘... and there he sat [down] with his disciples.’ [Jn 6:3]⁵⁷
- c. [...] *niu frumist gasitands rahneip [...]*
 ... does.not first sitting.down.PRSP you.count ...
 ‘[For which of you...], sitteth not down first, and counteth [the cost ...]’ [Lk 14:28]

In (6)a the simplex verb *sitan* ‘sit’ has a clearly non-terminative (state) meaning such as are exempted from the grammatical aspectual opposition of Slavic (cf. 2.2). Gothic *ga-sitan* of (6)b is terminative (accomplishment) with an ingressive reading. These two verbs, then, do not share exactly the same lexical meaning.⁵⁸ On the basis of this example, and there are a few more, we may conclude that the Gothic opposition between compounds and simplex verbs is about terminativity only, rather than Slavic-like aspect. Again the discussion here is - for reasons of space - somewhat brief and, in fact, Slavic simplex aspectual partners may also be used in terminative predicates with unbounded repetition. There are to my knowledge no attestations of such a use of *sitan* or indeed of any Gothic simplex. Example (6)c shows though, that the compound may occur in contexts of repetition, which is rather unlike Slavic with a perfective verb. Note also that in this single example I found in the extant Gothic remains, there is a present participle.

The non-terminative vs. terminative opposition we see in *sitan* : *ga-sitan* also exists in verb pairs with other prefixes than *ga-*, which then might be seen to be devoid of (most) of their lexical meaning, and *þaursjan* ‘be thirsty’ vs. *af-þaursjan* ‘get thirsty’ may serve here as one example.

The next example (7) is of the clearly terminative simplex *swiltan* ‘die’, which may, in spite of already being terminative, be opposed by a compound with faded *ga-*.

- (7) a. [...] *dauhtar [...], jah so swalt.*
 ... daughter ..., and that was.dying
 ‘... daughter ... and she lay a-dying.’ [Lk 8:42a]

⁵⁷ On the face of it, the Gothic prefix in this context might be seen to preserve the original meaning ‘together’. It is however a translation of the Greek verb κάθημαι ‘to sit down’.

⁵⁸ There are in Slavic languages two different lexical items to render these respective situations and (6)a would be translated into Polish using *siedzieć*_i ‘sit’ (non-terminative and so imperfectivum tantum). The terminative meaning of (6)b is, quite as expected, provided for by an aspectual pair, in this case (*u*)*siąść*_p : *siadać*_i ‘sit down’.

- b. [...] *imma* [...], *qībandans* *þatei dauhtar* *þeina ga-swalt* [...]
 ... he ..., saying that daughter your T-died ...
 ‘... which said, Thy daughter is dead...’ [Mk 5:35]

As argued in Genis (2012b: 74, 75) this example shows an instance of the closest Gothic actually comes to a Slavic-like aspectual opposition: here both simplex form and compound are terminative and the prefix seems to be devoid of any clear lexical meaning. One might argue that the prefix adds the sense of (highlighted) terminativity. In fact, in Polish the corresponding aspectual pair would be *u-mrzeć_p* : *u-mierać_i* (in earlier Polish we have simplex *mrzeć_i* as imperfective partner) ‘die’. The English rendition *lay a-dying* is particularly explicit and apt for *swalt* - the translator clearly refers to an ongoing situation in which the terminativity is part of the lexical meaning of the verb but totality is not (yet) reached - as would be the case for the Polish translation *umierała_i*.

4. I would like to begin my concluding remarks with noting that the opposition between partners of Gothic verb pairs of simplex and compound in which the latter sports a prefix might be classed as grammatical but that it cannot be about the same kind of all-encompassing viewpoint aspect such as we have in Slavic with its perfective and imperfective verbs and grammatical meaning. In Slavic languages that grammatical opposition is restricted to (lexically) terminative verbs and predicates. The Gothic examples above rather point at an opposition of durativity (incl. non-terminativity) vs. terminativity. The latter phenomenon is also present in Slavic in oppositions between simplex verbs and compounds, but there we tend to refer to that in terms of lexical derivation.⁵⁹ Although the systematic functioning of these faded prefix meanings in Gothic could be seen to point at a grammatical opposition, the semantic matter is not Slavic-like. Then again, example (7), on account of the inherent terminativity of the meaning of *swiltan* ‘die’, is reminiscent of what we see in Slavic. The possible similarity of Gothic example (4)abc to Slavic (1)ab and (2)b may, in terms of predicational terminativity, also come close to Slavic as does in this respect the verb pair *hauhjan* : *us-hauhjan* ‘exalt’ of (3)ab. In my view example (6)ab demonstrates most clearly the actual function of Gothic specialized faded prefix *ga-* and it is to do with terminativity and, ultimately, still a lexical derivation, here with ingressive meaning. The prefix turns otherwise non-terminative *sitan* ‘sit’ into terminative *ga-sitan* ‘sit down’. The kind of repetition we see in (6)c in Slavic would typically require an imperfective verb. If we take that lexical derivational function as a starting point, the compounds in (4)a and (7)b may be interpreted as highlighted terminativity as opposed to the already terminative predicates with the simplex base verbs.

Be all that as it may, as further aspect morphology is lacking in Gothic, there are no means there to express aspect such as we see it with especially the secondary imperfective verbs in Slavic. Hence, the systematic all encompassing Slavic grammatical viewpoint aspect is also absent. This cues in with the view expressed by Dickey (2005) that the true grammatical opposition of Slavic started only with the appearance on the scene of secondary imperfective verbs and only in the next phase did simplex verbs and compounds fall in their respective aspectual slots, then also establishing compound-simplex aspectual pairs.

Finally we may speculate that, as prefixes with faded meanings existed in Gothic, they may also have been there in the Slavic from before written records, the Slavic from before the genesis of its typical grammatical viewpoint aspect. There may already have been prefixes specializing in this role, such as *ga-* in Gothic. Such a state of affairs may have facilitated verbs forming Slavic style aspectual pairs once the time for that had come.

Abbreviations

2 – second person; ACC – accusative; CNJ – conjunction; DAT – dative; IMP – imperative; IPFV – imperfective; PFV – perfective; PL – plural; PRESP – present participle; T – terminative.

⁵⁹ Maslov (1959: 76) puts it like this: “The category terminative / aterminative is the highest abstraction in the area of Aktionsart, an abstraction which, in some ways even expands beyond the scope of the lexical categories of verbs and sort of stands ‘on the threshold’ of grammar. In this sense, we may call it an ‘aspect formational’ category [my translation].” On account of the spatial restrictions to this contribution I regrettably may not expand the discussion at hand any further and take Aktionsart into account, other than through this quote.

References

- Barentsen 1995 – A.A. Barentsen. Trexstupenčataja model' invarianta soveršennogo vida v rusckom jazyke // Stanisław Karolak (ed.). Semantika i struktura slavjanskogo glagol'nogo vida 1. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1995. P. 1-26.
- Barentsen 1998 – A.A. Barentsen 1998. Priznak «sekvencnaja svjaz'» i vidovoe protivopostavlenie v rusckom jazyke // M. Ju. Čertkova (ed.). Tipologija vida. Problemy, poiski, rešenija. Moskva: Škola «Jazyki rusckoj kul'tury», 1998. P. 43-58.
- Beer 1915-1919 – A. Beer. Tři studie o videch slovesného děje v gotštině, část I-III. (Sitzungsberichte der königl. Böhmschen Gesellschaft der Wissenschaften, Kl. für Philosophie, Geschichte un Philologie. Jg. 1914, 1917, 1919). Prag.
- Beer 1918 – A. Beer, A. 1918. Beiträge zur gotischen Grammatik, 1: Gawisan // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1918. 43. P. 446-469.
- Bucsko 2008 – J.M. Bucsko. Preverbs and idiomatization in Gothic. University of Georgia Theses and Dissertations: http://athenaeum.libs.uga.edu/bucsko_john_m_200808_phd.pdf (Retrieved 18 August 2013).
- Cejtlin 1994 – R.M. Cejtlin, R. Večerka & Ě. Blagova, (eds.). Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X-XI vekov). Moskva: Russkij Jazyk, 1994.
- Dickey 2005 – Stephen M. Dickey. S-/Z- and the Grammaticalization of Aspect in Slavic // Slovenski jezik - Slovene Linguistic Studies. 2005. 5. P. 3-55.
- Genis 2008 – R.M. Genis. Studies on Polish verbal prefix *prze-* (Pegasus Oost-Europese Studies, 7). [University of Amsterdam PhD dissertation.] Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2008.
- Genis 2012a – R.M. Genis. Polish dictionaries and the treatment of verbal aspect // R.M. Genis et al. Between West and East : Festschrift for Wim Honselaar (Pegasus Oost Europese Studies, 20). Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012. P. 175-198.
- Genis 2012b – R.M. Genis. Comparing verbal aspect in Slavic and Gothic // Henk van der Liet & Muriel Norde (eds.) Language for its own sake: Essays on Language and Literature offered to Harry Perridon. (Amsterdam Contributions to Scandinavian Studies, volume 8). Amsterdam: Scandinavisch Instituut, 2012. P. 59-80.
- Janda & Lyashevskaya 2013 – Laura Janda & Olga Lyashevskaya. Semantic profiles of Five Russian Prefixes: po-, s-, za-, na-, pro-. // Journal of Slavic Linguistics. 2013. 21 (2). P. 211-258.
- Lloyd 1979 – Albert L. Lloyd. Anatomy of the verb : the Gothic verb as a model for a unified theory of aspect, actional types and verbal velocity (Studies in Language Companion Series 4). Amsterdam: John Benjamins B.V, 1979.
- Lehmann 1986 – Winfred P. Lehmann. A Gothic etymological dictionary. Leiden: E.J. Brill, 1986.
- Makovskij 2011 – M.M. Makovskij. K probleme vida v gotckom jazyke // Voprosy jazykoznanija. 2011. 6. P. 90-104.
- Maslov 1959 – Ju. S. Maslov. Kategorija predel'nosti / nepredel'nosti glagolnogo dejstvija v gotckom jazyke // Voprosy jazykoznanija. 1959. 5. P. 69-80.
- Mirowicz 1935 – Anatol Mirowicz. Die Aspektfrage im Gotischen. (Rozprawy i materiały Wydziału i Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie 4: 1). Wilno, 1935.
- Pronk-Tiethof 2013 – Saskia Pronk-Tiethof. The Germanic loanwords in Proto-Slavic (Leiden Studies in Indo-European 20). Amsterdam - New York: Rodopi, Brill, 2013.
- Růžička 1962 – Rudolf Růžička. Zur Genesis des slavischen Verbalaspekts // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1962. 5. P. 16-27.
- Smith 1991 – Carlotta Smith. The parameter of aspect (Studies in Linguistics and Philosophy 43). Dordrecht - Boston - London: Kluwer Academic Publishers, 1991.
- Streitberg 1891 – Wilhelm Streitberg. Perfective und imperfective Actionsart im Germanischen // Herman Paul & Wilhelm Braune (eds.). Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur 15. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1891. P. 70-177.
- Streitberg 1910 – Wilhelm Streitberg. Die gotische Bibel. Zweiter Teil: Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. (Germanische Bibliothek, 2. Abteilung, 3. Band). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910.
- Streitberg 1920 – Wilhelm Streitberg. Gotisches Elementarbuch. Gotische Syntax. 5th & 6th ed. Heidelberg: Carl Winter - Universitätsverlag, 1920.
- Szemerényi 1987 – Oswald Szemerényi. The Origin of Aspect in the Indo-European Languages // Glotta. 1987. 65: 1/2. P. 1-18.
- Vendler 1967 – Zeno Vendler. Verbs and Times // Zeno Vendler (ed.). Linguistics in philosophy. Ithaca. New York, 1967. P. 97-121.

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАТЕГОРИЯ ВИДА?⁶⁰

The traditional view of Russian aspect as a grammatical category represented by two grammemes runs into a number of difficulties, while the principal argument for postulating a grammatical category — the obligatoriness of expression — can be shown to be circular. We propose an alternative treatment of aspect in Russian as an interaction of several distinct categories. While not without its own problems, this approach is more consistent typologically.

Проблематика глагольного вида заслуженно считается наиболее сложным и дискуссионным разделом русской грамматики. На протяжении десятилетий продолжаются дебаты о семантических инвариантах совершенного и несовершенного вида, словоизменительном или словообразовательном характере видового противопоставления, проблеме «видовых троек» и т.д.. Однако при всём разнообразии точек зрения и подходов, существующих в русской аспектологии, подавляющее большинство исследователей исходят из наличия в русском языке грамматической категории вида, представленной двумя противопоставленными граммемами «совершенный вид» (СВ) и «несовершенный вид» (НСВ)⁶¹. Основным аргументом для постулирования такой бинарной категории (по крайней мере, для тех авторов, кто вообще считает нужным приводить в данном случае какие-либо аргументы) служит обязательность выражения соответствующего противопоставления: всякая глагольная словоформа русского языка (за возможным исключением форм глагола *быть*) может быть однозначна охарактеризована как относящаяся к совершенному либо несовершенному виду.

Однако русский вид обнаруживает целый ряд свойств, резко отличающих его от других грамматических категорий русского языка, а иногда и вступающих в противоречие с традиционным пониманием грамматической категории как обязательного для выражения набора взаимоисключающих значений, задающего противопоставленные ряды форм [Зализняк 1967: 26-27; Бондарко 1976; Плунгян 2000: 107ff; и др.], что порождает некоторые сомнения в правомерности выделения грамматической категории вида в русском языке.

1. Прежде всего, стоит отметить, что даже выделение тех самых взаимоисключающих значений, входящих в категорию вида, не является чем-то самоочевидным. В литературе описаны десятки частных аспектуальных значений, однако по поводу возможности и целесообразности сведения их к единым значениям СВ и НСВ среди специалистов нет консенсуса. Более того, многие авторы, выступающие за выделение инварианта СВ и/или НСВ, признают комплексный, многопризнаковый характер такого инварианта [Барентсен 1995; Бондарко 1996; Гловинская 1998; Пупынин 2002]. Впрочем, в данном отношении русский вид несколько не уникален; некоторые другие традиционно выделяемые грамматические категории русского языка, например, падеж, демонстрируют куда более явную семантическую неоднородность.

2. В большей степени обращает на себя внимание формальная неоднородность видового противопоставления. Категория вида имеет беспрецедентно широкий инвентарь разнородных экспонентов, дистрибуция которых никак не может быть сведена к алломорфии: это префиксы, суффиксы, чередования, супплетивные основы⁶². Одних только перфективирующих префиксов

⁶⁰ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-03406 «Грамматические категории в языках мира: иерархии и взаимодействие (типологический анализ)»).

⁶¹ Ср. в этой связи вводный пассаж из [Зализняк Анна, Шмелёв 2000: 10]: «Глагольный вид в русском языке является предметом нескончаемых споров. Не будет преувеличением сказать, что едва ли не по всем основным вопросам, касающимся русского вида, среди аспектологов возникают разногласия. Однако с одним утверждением согласны, по-видимому, все: вид в русском языке является грамматической категорией».

⁶² Иногда (в частности, во многих современных практических пособиях по грамматике русского языка) среди экспонентов категории вида упоминается также сдвиг ударения, ср. *разре́зать* — *разре́зать*, см. однако [Зализняк Анна, Шмелёв 2000: 69] против такого анализа.

насчитывается около двух десятков, причём возможно присоединение различных префиксов к одной и той же глагольной основе.

3. Ввиду сложной дистрибуции экспонентов СВ и НСВ категория вида не образует сколько-нибудь стройной бинарной парадигмы. Прежде всего, речь идёт о так называемых «видовых тройках» типа *копать* — *выкопать* — *выкапывать*, нарушающих симметрию видового противопоставления. По их поводу идёт давняя дискуссия, которая в последние годы активизировалась и дала немало интересных результатов [Храковский 2005; Татевосов 2010; Зализняк Анна, Микаэлян 2014; Горбова 2014b: 198ff; и цит. лит.]. Тем не менее, существование видовых троек вступает в некоторое противоречие с бинарным характером категории вида, особенно острое в случае словоизменительной трактовки последней. (Если рассматривать вид как полностью словоклассифицирующую категорию, аналогичную роду существительного [Падучева 1996: 85], данное противоречие полностью снимается; однако при последовательном применении такого подхода, как кажется, во многом теряет своё значение и понятие видовой пары, которое многие авторы считают центральным для проблематики русского вида).

4. Далеко не во всякой русской глагольной словоформе можно бесспорно выделить конкретный экспонент категории вида. Так, к числу видовых показателей принято относить тематические суффиксы *-а-*, *-ја-*, *-е-*, *-и-*, непосредственной функцией которых является формирование глагольной основы. Не вполне ясно, каков показатель НСВ в глаголах типа *знать* или *делать*. Таким образом, аргумент об обязательности **выражения** категории вида оказывается слишком сильным и в какой-то мере циклическим: безусловно, всякая глагольная словоформа русского языка относится к СВ или НСВ, но это само по себе не значит, что соответствующее значение в ней выражено. Ср. в этой связи также несколько радикальный, но заслуживающий внимания подход [Mueller-Reichau 2007], который, опираясь на [Isačenko 1968: 367], рассматривает суффиксы НСВ просто как показатели типа спряжения, (нежёстко) ассоциированного с определёнными акциональными классами и, как следствие, с имперфективной семантикой.

5. С другой стороны, ни для одного из русских глагольных префиксов перфективация не является единственной и даже, по-видимому, основной функцией. Один и тот же перфективирующий префикс может выступать как «чистовидовой» с одними глагольными основами, но привносить дополнительный семантический эффект при сочетании с другими, ср., например, семантику приставки *за-* в парах *асфальтировать* — *заасфальтировать* и *петь* — *запеть*. В настоящее время более-менее общепринятой является точка зрения, согласно которой отсутствие изменения лексического значения глагола при присоединении «чистовидового» префикса, объясняется не асемантичностью последнего, но т.н. эффектом Вея-Схоневельда, т.е. совпадением значения приставки с некоторым компонентом семантики производящего глагола [Кронгауз 1998: 80-82; Зализняк Анна, Шмелёв 2000: 81-82; Плунгян 2011: 413; Janda et al. 2013; Горбова 2014: 182]. Таким образом, традиционное представление о глагольных префиксах как экспонентах категории вида тоже не является бесспорным: значение СВ возникает как своего рода «побочный эффект» при маркировании инхоатива, сатуратива, пердуратива и других акциональных значений. В [Tatevosov 2012] представлен детальный анализ акциональной композиции в русском языке, в рамках которого глагольные префиксы не выступают в качестве источника перфективности.

6. Различные видовые показатели могут сочетаться друг с другом в рамках одной словоформы, ср. деривационную цепочку вида *мазать* (НСВ) — *с-мазать* (СВ) — *с-маз-ыва-ть* (НСВ) — *по-с-маз-ыва-ть* (СВ). На каждом шаге в структуру словоформы вводится новый показатель, меняющий видовую характеристику глагола, однако показатели, добавленные на предыдущих этапах, остаются на своих местах, так что в одной словоформе может присутствовать несколько морфем, традиционно рассматриваемых как маркеры категории вида. Это вступает в противоречие с требованием взаимоисключительности граммем одной категории. При этом нельзя сказать, что добавление новой морфемы на очередном шаге деривации полностью нейтрализует семантику показателя противоположного вида: так, вторичные имперфективы «наследуют» многие семантические и синтаксические свойства производящих глаголов СВ, отсутствующие у беспрефиксных исходных имперфективов [Храковский 2005: 56; Татевосов 2010]. Получается, например, что префикс *за-* в форме *замазывать* не маркирует глагол как относящийся к СВ, но при

этом не является и семантически пустым. То же самое, *mutatis mutandis*, относится и к имперфективирующим суффиксам.

Неожиданным образом, общее устройство видового противопоставления в русском языке очень напоминает устройство синтаксической переходности во многих языках мира, в первую очередь, агглютинативных. Любая глагольная словоформа может быть охарактеризована как переходная или непереходная, аналогично тому, как любая глагольная словоформа русского языка опознаётся как принадлежащая к СВ или НСВ (лабильные глаголы выступают при этом в качестве аналога двувидовых глаголов). Существует ряд категорий повышающей и понижающей актантажной деривации, меняющих переходность (каузатив, аппликатив, пассив, антипассив и т.п.), подобно тому, как русский язык располагает арсеналом (им)перфективирующих аффиксов. В некоторых случаях оказывается возможным выделить пары глаголов, соотнесённых по переходности (например, каузатив и антикаузатив), хотя такие пары не охватывают всего глагольного лексикона, а формальное соотношение между их членами может быть различным. Перечисление сходств можно продолжать. Тем не менее, выделять бинарную грамматическую категорию переходности как будто бы не принято (хотя в близких терминах иногда описываются т.н. «классификаторы» в атапаскских языках, см. [Rice 2010] и цит. лит.).

Нам представляется, что данная аналогия является более глубокой, чем может показаться на первый взгляд, а тот факт, что для данных двух случаев используются разные модели описания, есть следствие инерции дескриптивной традиции и некритичного отношения лингвистов к фундаментальному понятию грамматической категории. В докладе мы предлагаем альтернативное описание системы видовых отношений в русском языке, которое, хотя и не свободно от своих недостатков, имеет как минимум не меньшие права на существование, чем традиционный подход, постулирующий бинарную грамматическую категорию вида.

Мы предлагаем считать, что русский вид не является единой грамматической категорией, но складывается из **взаимодействия** (в смысле [Храковский 1990]) целого ряда (более десятка) различных категорий, большинство из которых являются **квазиграммемами**, состоящими в привативной оппозиции с собственным отсутствием, и имеют единственный (с точностью до алломорфии) экспонент. Наиболее регулярной и легко выделяемой среди них (за счёт широкой сочетаемости) является имперфективатор *-ыва-*. Система построена преимущественно (но не полностью) по агглютинативному принципу. Отдельной технической проблемой является разработка адекватной номенклатуры для выделяемых категорий: традиционные семантические обозначения в большинстве случаев не подходят для описания русских аспектуальных (квази)граммем. Так, хотя префикс *за-* в форме *запеть* выражает инхоативное значение, соответствующая квазиграмма имеет более сложную и более абстрактную семантику, которая при взаимодействии с предикатами определённой событийной структуры приводит к начинательному прочтению (а с другими, например, к «чистовидовому») [Braginsky 2008], так что ярлык «инхоатив» или «ингрессив» не будет адекватным.

Как кажется, во многом схожий анализ имплицитно проводится в формально-ориентированных работах, затрагивающих проблематику множественной перфективации [Filip 2003; Ramchand 2004; Татевосов 2010; 2013], хотя само слово «категория» их авторами обычно практически не используется. Подход, наиболее близкий к нашему предлагается в [Горбова 2014; 2015], где постулируется бинарная словоизменительная категория вида, ограниченная случаями суффиксальной имперфективации, и вводится понятие единого префиксального форманта-перфективатора, относящегося к сфере словообразования. Однако мы не уверены в полезности последнего понятия.

Предлагаемое решение вынуждает по-новому расставить акценты в русской аспектологии. Обращение к понятию квазиграммемы⁶³ радикально решает вечный вопрос о словоклассифицирующей vs. словообразовательной трактовке русского вида. Также если не снимается, то переводится в совершенно иную плоскость вопрос о видовой парности. Вместо этого

⁶³ Здесь уместно вспомнить замечание Н.В. Перцова, с которым трудно не согласиться, о том, что понятие квазиграммемы заслуживает гораздо большего внимания со стороны лингвистов, учитывая широкую распространённость изолированных грамматических значений в языках мира [Перцов 1996: 44].

фокус внимания смещается на вопросы сочетаемости различных показателей (прежде всего, префиксальных) друг с другом и с основами глаголов различных акциональных классов. Важным достоинством предлагаемого подхода является его большая, по сравнению с традиционным, типологическая адекватность: русский вид и вообще вид «славянского типа», рассмотренный с данной точки зрения, оказывается гораздо менее уникален, чем принято думать, и обнаруживает значительно больше сходства с видо-временными системами других языков мира, в которых широко используются комбинируемые друг с другом аспектуальные квазиграммы.

Литература

- Барентсен 1995 — А. Барентсен. Трёхступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Ст. Кароляк (ред.). Семантика и структура славянского вида I. Kraków: WNWSP, 1995. С. 1-26.
- Бондарко 1976 — А.В. Бондарко. Теория грамматических категорий. Л.: Наука, 1976.
- Бондарко 1996 — А.В. Бондарко. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Гловинская 1998 — М.Я. Гловинская. Инвариант совершенного вида в русском языке // М.Ю. Чертова (отв. ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 125-134.
- Горбова 2014 — Е.В. Горбова. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной трактовке вида // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Т. X, 3. [Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata]. 2014. С. 181-211.
- Горбова 2015 — Е.В. Горбова. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация // Вопросы языкознания. 2015. №1. С. 7-38.
- Зализняк 1967 — А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Зализняк Анна, Микаэлян 2014 — Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности // Mundo eslavo. No. 13. 2014. С. 19-33.
- Зализняк Анна, Шмелёв 2000 — Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелёв. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Кронгауз 1998 — М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: Семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Падучева 1996 — Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Перцов 1996 — Н.В. Перцов. Грамматическое и обязательное в языке // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 39-61.
- Плунгян 2000 — В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Плунгян 2011 — В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические системы и грамматические значения языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Пупынин 2002 — Ю.А. Пупынин. О семантическом инварианте несовершенного вида в русском языке // Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 177-184.
- Татевосов 2009 — С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К.Л. Киселёва, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике М.: Пробел, 2009. С. 92-156.
- Татевосов 2010 — С.Г. Татевосов. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Т. VI, 2. [Избыточность в грамматическом строе языка]. 2010. С. 299-321.
- Татевосов 2013 — С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и её следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. №3. С. 42-89.
- Храковский 1990 — В.С. Храковский. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18-36.
- Храковский 2005 — В.С. Храковский. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. № 9/1, 2005. С. 46-59.
- Braginsky 2008 — P. Braginsky. The semantics of the prefix *za-* in Russian. Ph.D. Thesis, Bar-Ilan University, 2008.
- Filip 2003 — H. Filip. Prefixes and the delimitation of events // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 11/1. 2003. P. 55-101.
- Isačenko 1968 — A. Isačenko. Die russische Sprache der Gegenwart. Teil 1: Formenlehre. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1968.
- Janda et al. 2013 — L. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2013.

- Mueller-Reichau 2006 – O. Mueller-Reichau. On the grammatical function of verbal prefixes in Russian. Ms., 2007.
- Ramchand 2004 – G. Ramchand. Time and the event: The Semantics of Russian prefixes // *Nordlyd*. Vol. 32/2. 2004. P. 323-366.
- Rice 2010 – K. Rice. Voice and valency in the Athapaskan family // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Changing valency: Case studies in transitivity*. Cambridge: CUP, 2010. P. 173-235.
- Tatevosov 2012 – S. Tatevosov. Severing perfectivity from the verb // *Scando-Slavica*. Vol. 58/2. 2011. P. 216-244.

О ПОНЯТИИ «СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ» И ЕГО АСПЕКТУАЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ

The paper analyzes two theories of Aktionsart (Sposob Deystviya) worked out in Russian aspectology and confronts them with Aktionsart in the sense of “lexical aspect.” It is argued that Aktionsarten (Sposoby Deystviya) are formally expressed modifications of primitive verb meanings, and there is no direct relation between these modifications and “lexical aspect” or Vendlerian-type verb classes.

Термин «способ действия» (далее — СД), или Aktionsart, широко используется в современной аспектологии, однако единого и общепринятого его определения не существует. Наибольшее распространение в англоязычной литературе получила концепция, согласно которой СД (Aktionsarten) отождествляются с акциональными (аспектуально-семантическими) классами предикатов⁶⁴ в духе классификации З. Вендлера [Vendler 1967]. При таком подходе (как в [Wikipedia; Dahl 1985; Bertinetto, Delfitto 2000]) СД представляют собой классификацию лексических значений, учитывающую аспектуально-семантический потенциал глагольных лексем с опорой прежде всего на признаки динамичности / статичности, длительности / моментальности и предельности / неопределенности⁶⁵.

Однако в работах российских исследователей группировки глаголов, получаемые в результате подобной классификации, не называются СД: используются термины «семантический тип предиката» [Булыгина 1982], «таксономическая категория глагола» [Падучева 1996; 2004], «акциональный класс» [Татевосов 2005], «характер действия» [Горбов 1998; Горбова 1999; 2010] и другие наименования (см. обзор терминологии в [Татевосов 2005]). При этом отказ от отождествления акциональных классов предикатов⁶⁶ и СД не случаен ввиду закрепления за термином «способ действия» иного значения.

В современной отечественной русистике преобладают трактовки понятия СД, более близкие первоначальному смыслу термина «Aktionsart», введенного в лингвистический обиход С. Агреллем [Agrell 1908]. Агрелль определяет СД (Aktionsarten) как «семантические функции производных глаголов <...>, которые уточняют, как осуществляется действие, маркирующие способ и манеру его исполнения»⁶⁷ («Bedeutungsfunktionen der Verbalkomposita <...>, die genauer ausdrücken, wie die Handlung vollbracht wird, die Art und Weise ihrer Ausführung markieren» [Там же: 78]).

Говоря о СД, С. Агрелль анализирует, в частности, семантические различия между польскими глаголами *ukończyć*, *dokończyć*, *zakończyć* и *skończyć* [ВГВ 1962: 37]. Все эти глаголы являются глаголами совершенного вида (далее — СВ) и принадлежат одному и тому же акциональному классу — «accomplishments» по З. Вендлеру,⁶⁸ однако каждая из приставок не только перфективирует глагол *kończyć*, но и привносит новый оттенок лексического значения, модифицируя способ распределения во времени действия, обозначаемого бесприставочным глаголом. Сходные явления модификации аспектуальных характеристик действия словообразовательными аффиксальными средствами имеют место в русском языке; ср., например, *почитать книгу* vs. *дочитать книгу*, *за шуметь* vs. *отшуметь* и т. п.

⁶⁴ У истоков аспектуально-семантической классификации глагольных предикатов стоит работа Ю.С. Маслова «Вид и лексическое значение глагола», впервые опубликованная в 1948 г. (см. [Маслов 2004: 71–89]), однако наибольшую известность получила классификация З. Вендлера [Vendler 1967].

⁶⁵ Наиболее продуктивным представляется типологический подход к подобной классификации, использующий множество универсальных акциональных критериев, комбинация которых и будет описывать акциональную характеристику лексемы (см., например, [Татевосов 2005; Горбова 2010: 10–71]).

⁶⁶ В настоящей работе для обозначения классов универсальной аспектуально-семантической классификации предикатов употребляется термин «акциональный класс».

⁶⁷ Приведенный здесь перевод несколько отличается от перевода в [ВГВ 1962: 36].

⁶⁸ Как было показано в работе Х. Р. Мелига [Мелиг 1985], классификация З. Вендлера применима к русскому языку. К польскому языку эта классификация применяется здесь на аналогичных основаниях.

Таким образом, согласно концепции С. Агрелля, СД описывались, с одной стороны, как «семантические функции», однако с другой стороны, данное понятие применялось только к производным приставочным и суффиксальным дериватам.

В соответствии с этим в современной отечественной русистике представлены два различных направления в трактовке понятия СД, называемые в данной работе **аспектуально-семантическим** и **словообразовательно-модификационным**.

В рамках **аспектуально-семантического** направления [Маслов 1959; 1965; 2004; Бондарко, Буланин 1967; Шелякин 1982; 1983; ТФГ 1987] СД определяются как «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [Маслов 1959: 191; 2004: 31], или «морфемно характеризованные и нехарактеризованные значения глаголов», которые «формируют категорию предельности / неопределенности» и «свойственны всей глагольной лексике» [ТФГ 1987: 66]. Как указано в [Маслов 2004: 31], помимо значений глаголов термином «способы действия» обозначаются также «и те глагольные разряды, которые формируются на основе сходств и различий в этих „особенностях значения“, т. е. именно аспектуальные подклассы».

Из сказанного следует, что при таком подходе основополагающим принципом группировки глаголов должно быть сходство их аспектуально-семантических потенциалов, и группировка должна приводить к образованию классов, не содержащих глаголов с существенно различными аспектуальными характеристиками. Однако результаты анализа имеющихся классификаций СД, выполненных в рамках аспектуально-семантического подхода, показывают, что в действительности данные требования не соблюдаются.

При детальном ознакомлении с классификацией обращают на себя внимание следующие ее особенности. С одной стороны, выделяемые классы явно пересекаются, в результате чего многие глаголы, в особенности непроизводные, трудно однозначно отнести к тому или иному СД⁶⁹; с другой стороны — к одному и тому же СД во многих случаях относятся глаголы с весьма различными аспектуальными свойствами. Приведем несколько характерных примеров из наиболее подробной классификации СД, разработанной М. А. Шелякиным (далее при описании данного подхода используются наименования СД и примеры глаголов из [Шелякин 2008] – наиболее позднего варианта данной классификации).

Глагол *бездельничать*, относимый к постоянно-узуальному СД, может иметь не только значение «социальной и другой деятельности лиц, их поведения, занятия, характера жизни» (характеристика постоянно-узуального СД) [Шелякин 2008: 163], см. (1), но и «статичного процесса, лишённого качественного или количественного изменения и остающегося равным самому себе в пределах своего протекания во времени» (характеристика статального СД) [Там же: 162], см. (2), причем оба эти значения могут быть реализованы одновременно (3):

(1) ... *60 лет! Возраст, когда государство предоставляет право отправиться на заслуженный отдых. В неофициальной формулировке — начать оплачиваемо бездельничать* [НКРЯ];

(2) *Самоделкин стоял у штурвала корабля и пристально смотрел вперед, прокладывая курс по карте. Карандаш, сидя на палубе, рисовал. Разбойники по обыкновению бездельничали, лежа на кровати* [НКРЯ];

(3) *Отпуск я провела в Ленинграде, где Игорь ставил свой спектакль, а я рядом бездельничала* [НКРЯ].

Таким же образом и другие глаголы могут относиться одновременно к нескольким СД, например, глагол *работать* может быть отнесен, помимо эволютивного, к постоянно-узуальному СД (см. [Горбов 1998: 41–42]).

⁶⁹ Например, глаголы однонаправленного движения без указания конечной точки перемещения (*идти по улице*) относятся к эволютивному и к неопределенно-направленному СД [Шелякин 2008: 162–163], а пара *открывать / открыть* – к результативно-процессному и результативно-аннулирующему СД [Там же: 142–143].

Трудность отнесения глаголов к выделяемым группировкам часто объясняется неясностью различительных критериев. В частности, неясно, в чем отличие результативно-процессного (*добиваться / добиться, открывать / открыть, сдавать / сдать экзамен, возвращаться / возвратиться*) от результативно-пантивного (*делать / сделать, писать / написать, лететь / прилететь в город*) СД [Шелякин 2008: 142–143]. Из комментариев автора следует, что основным отличием результативно-пантивного СД от результативно-процессного является постепенный (часть за частью) характер достижения результата, однако представляется, что и глаголам, приведенным в качестве примеров результативно-процессного СД, также не чужда идея постепенности и частичного достижения предусмотренного результата.

Аналогичным образом невозможно установить критерии, позволяющие различать аспектуальные свойства глаголов результативно-непроцессного (*оказаться, усыновить, оступиться, оговориться*) и результативно-тотивного (*включить, случиться, потерять, встретиться*) СД. Все такие глаголы относятся к глаголам достижения (“achievements”) и образуют видовые пары с НСВ, обозначающими неограниченно-кратные ситуации.

Также неясно отличие глаголов постоянно-наличного СД (*быть, бывать, помещаться, наличествовать, содержать*) от глаголов реляционного СД (*обладать, принадлежать, заключаться, содержать*): глаголы обоих СД являются глаголами *imperfectiva tantum*, «указывают на постоянно-непрерывное или постоянно-потенциальное проявление действия» и «не обозначают ни конкретно-процессных, ни кратных действий» [Шелякин 2008: 161–162]. Характерно при этом, что *содержать* включен сразу в оба СД. Кроме того, вызывает недоумение отнесение *бывать* к постоянно-наличному СД ввиду того, что для *бывать*, в отличие от *быть*, основным видовым значением является именно неограниченно-кратное.

Это далеко не единственный случай отнесения глаголов с различными акциональными характеристиками к одному и тому же СД. В частности, к статальному СД, наряду с глаголами отношения (*любить, верить*), не имеющими актуально-длительного значения НСВ, относятся глаголы положения в пространстве (*лежать, стоять*) [Шелякин 2008: 162], которые свободно употребляются в этом значении:

(4) *Однажды я пришел к нему, а он **лежит** на диване, подходяще выпивший, — на тумбочке бутылка* [НКРЯ].

Таким образом, в рамках данной концепции возможно отнесение к одному и тому же СД глаголов с аспектуальными свойствами, различными на уровне более крупных, чем СД, подразделений — акциональных классов. Это свойство рассматриваемой классификации представляется весьма существенным ее недостатком.

Кроме СД, в которые входят непроизводные и неединообразно характеризованные производные глаголы (в классификации М.А. Шелякина 11 таких СД), в рамках аспектуально-семантического направления выделяются и такие СД, куда входят только производные последовательно (две-три словообразовательные модели, ср. сативный СД — *нагуляться, выспаться*), а часто и единообразно (одна словообразовательная модель; ср., например, прерывисто-смягчительный СД — *попевать, покуривать*, чрезмерно-интенсивный СД — *убегаться, упрыгаться*) морфемно характеризованные глаголы (в той же классификации имеется 32 таких СД). Эти группировки во многих отношениях отличны от морфемно нехарактеризованных СД. Глаголы, входящие в эти СД, часто не обнаруживают лексической многозначности, и их значения толкуются в словарях единообразно. Ср.: «догуляться — гуляньем довести себя до каких-л. неприятных последствий», «дочитаться — продолжительным чтением довести себя до каких-л. неприятных последствий», «доработаться — чрезмерной работой довести себя до каких-л. неприятных последствий»; «покуривать — не спеша или время от времени понемногу курить», «поплясывать — плясать понемногу время от времени», «попевать — петь время от времени, понемногу» [МАС].

Однотипность построения толкований объясняется полной аддитивностью значений производящего глагола и модифицирующего аффиксального форманта. Поскольку это так, информация собственно о СД сконцентрирована именно в аффиксальных морфемах. Логичным кажется предположение, что такие СД выделяются исследователями именно на основании факта более или менее единообразной морфемной характеристики. В частности, глаголы, выражающие

высокую интенсивность действия, относятся к интенсивно-усилительному (*расхвалить / расхваливать*) или к интенсивно-процессному СД (*выклянчить / выклянчивать*) в зависимости от того, какой аффиксальный формант они имеют, а глаголы, выражающие интенсивные действия уже корневыми морфемами (например, *колошматить*) к особым количественно-интенсивным СД не относятся).

Итак, в данной классификации СД не соблюдено единство классификационного принципа, поскольку имеет место наложение словообразовательных группировок глаголов, выделяемых с опорой на формальные признаки, на семантические классы, выделяемые на основе чисто семантических критериев сходства аспектуального потенциала глагольных основ. Кроме того, этот подход не учитывает некоторых важных свойств, характеризующих особенности протекания и распределения действий во времени, так как к одному СД зачастую относятся глаголы с разными аспектуальными характеристиками. Следовательно, описанный подход в целом не может быть признан удовлетворительным.

В отличие от аспектуально-семантического, **словообразовательно-модификационный** подход (см. [Исаченко 1960; Авилова 1976; Ломов 1977; РГ 1980; Зализняк, Шмелев 2000]) четко отграничивает СД от аспектуально-семантических (акциональных) классов. Понятие СД в данной концепции применимо только к таким группировкам глаголов, в которых модификация исходного значения находит **формальное** выражение и осуществляется с помощью словообразовательных формантов. Однако и при таком подходе в результирующих списках СД наблюдаются расхождения.

В частности, выделяется трактовка А. В. Исаченко, согласно которой к СД («совершаемостям») относятся только производные одновидовые глаголы, а аспектуально-семантическая классификация «характеров действия» применяется только к неизменяемым глаголам [Исаченко 1960: 209–344]. Данный принцип разграничения «совершаемостей» (СД) и «характеров действия» (аспектуальных семантических типов глаголов) вызывает серьезные возражения⁷⁰: при таком подходе оказывается, что производные глаголы лишаются возможности быть отнесенными к одному из классов по аспектуально-семантическому принципу, т. е. обозначают действие, не относящееся ни к одному из аспектуальных типов. Такая трактовка представляется неверной. Все глаголы могут быть сгруппированы по сходству комбинаций базовых аспектуально-семантических (акциональных) признаков таким образом, что в одном классе будут объединены и неизменяемые, и производные глаголы; например, глаголы *строить / построить*, и *подкрашивать / подкрасить* как содержащие в своей семантике значения процесса (агентивную сему) и вхождения в состояние (моментативную сему) будут отнесены к классу «accomplishments» (терминативов). Под базовыми аспектуально-семантическими (акциональными) признаками могут пониматься так называемые «акциональные семантические „атомы“» (состояние, процесс, мультипликативный процесс, вхождение в ...) [Горбова 2010: 70]. Комбинации таких универсальных признаков в семантике глаголов и являются основанием для акциональной классификации. В отличие от нее классификация словообразовательных средств и их значений является строго лингвоспецифичной и опирается на формальный признак производности глагола, однако с обязательным учетом семантики словообразовательного форманта.

В разделе «Русской грамматики», посвященном СД, данное понятие определяется как «семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально-результативных характеристик» [РГ 1980: 596]. Близкое по смыслу определение дается и в [Зализняк, Шмелев 2000: 104]. При таком подходе понятие СД применимо не ко всей глагольной лексике, а лишь к производным глаголам, в которых словообразовательный формант имеет модификационное значение.

Необходимым условием отнесения глагола к СД является не только его производность, но и регулярность модели словообразования, т. е. наличие и воспроизведение определенного формального и смыслового отношения между производящим и производным глаголами, что предполагает аддитивность (отсутствие идиоматичности) плана содержания производной единицы.

⁷⁰ Критику подхода А. В. Исаченко см. в [Маслов 2004: 386].

Например, глаголы *обучить*, *оплатить*, *обозвать* не относятся к СД ввиду нерегулярности деривационных моделей и идиоматичности производных основ.

Однако регулярность модели сама по себе не гарантирует включения образованных по ней глаголов в СД. Так, к СД обычно не относятся глаголы с пространственными приставками типа *входить / войти*, *въезжать / въехать*, *вбегать / бежать* и т. п., поскольку считается, что модификация семантики производящего глагола, привносимая словообразовательным формантом, должна полностью или частично принадлежать области значений качественной и / или количественной аспектуальности⁷¹.

Таким образом, критериями отнесения глаголов к СД являются: 1) производность глагола, 2) регулярность словообразовательной модели и аддитивность значений производящей основы и словообразовательного форманта, 4) выражение формантом значений из области качественной и / или количественной аспектуальности. Отметим, что данным критериям соответствуют не только СД, выделяемые в рамках словообразовательно-модификационного подхода, но и **морфемно характеризованные** СД, выделяемые при применении аспектуально-семантического подхода. В связи с этим при сопоставлении классификаций СД помимо группировок, данных в русле словообразовательно-модификационного подхода, могут учитываться также группировки морфемно характеризованных СД, разработанные в рамках аспектуально-семантической концепции.

Уже при первом знакомстве с различными классификациями обращает на себя внимание разброс в количестве выделяемых авторами СД: число СД в различных работах колеблется от 17 [Зализняк, Шмелев 2000: 104–127] до 32 ([Шелякин 2008: 141–167], здесь учтены **только морфемно характеризованные** СД). При этом число и состав СД в разных работах различаются несмотря на тот факт, что исследователи при группировке глаголов исходят, казалось бы, из одних и тех же принципов (наличие аффиксации, композициональность значения, аспектуальная значимость словообразовательной модели).

При более детальном рассмотрении имеющихся классификаций оказывается, что исследователи не ставят перед собой задачу дать исчерпывающий список СД. Это объясняется, во-первых, отсутствием однозначного решения вопроса о том, какие аффиксальные глаголы относить к СД, а какие нет, а во-вторых — отсутствием четких семантических границ между словообразовательными группировками ввиду того, что модификация действия может происходить одновременно по нескольким признакам. Например, глаголы со словообразовательным формантом *раз- / рас- ...-ся* (*разрыдаться*, *рассмеяться*, *разболеться*), выражающие начинательное значение в сочетании с возрастающей интенсивностью действия, в различных работах относятся к начинательному [РГ 1980: 597], инхоативному [Зализняк, Шмелев 2000: 111] или усилительно-интенсивному [Шелякин 2008: 159] СД. При этом в зависимости от конкретного глагола, а также от контекста его употребления один из указанных признаков может практически полностью вытеснять другой. В отличие от глаголов *разрыдаться* и *разболеться*, всегда имеющих значение возрастающей интенсивности, глагол *рассердиться* практически полностью его утратил. Сема интенсивности также может отсутствовать и в глаголе *рассмеяться*, ср.:

(5) *И все звезды на небе тихо **рассмеялись** вместе с ним* [НКРЯ].

Следует отметить, что различия в классификациях СД у разных авторов чаще всего связаны с трактовкой семантики интенсивности, которая находится на дальней периферии поля аспектуальности. Эту периферийную область лингвисты членят с разной степенью подробности, включая в группировки разное количество словообразовательных моделей.

Между тем область СД имеет не только периферию, но и явно выраженный центр, к которому относятся СД, выделяемые всеми исследователями и выражающие временные (фазовые) модификации значений исходных глаголов. К таким центральным СД относятся начинательный с его инхоативным и ингрессивным вариантами (*зашуметь*), делимитативный (*поработать*), пердуративный (*просидеть два часа*) и финитивный (*отмучиться*). Для этих СД характерна

⁷¹ Понятия качественной и количественной аспектуальности определены в [Маслов 2004: 311–324].

наибольшая связь с отношением действия к пределу — важнейшим параметром качественной аспектуальности.

Указанные СД достаточно подробно описаны в аспектологической литературе. Особое внимание аспектологов привлекает акциональная характеристика делимитативов и пердуративов, поскольку именно они являются «камнем преткновения» на пути признания предельности / неопредельности семантической основой видовой оппозиции в русском языке.

Как показывает анализ языкового материала (см. [Горбова, Малов 2008]), глаголы этих СД образуются только от неопредельных глаголов, способных употребляться в актуально-длительном значении НСВ («activities»), и сами имеют соответствующие акциональные характеристики (в частности, сочетаются с обстоятельствами продолжительности типа *два часа*).

В то же время делимитативные и пердуративные префиксы привносят в семантику глаголов значение внешних временных пределов, что сближает их с глаголами достижения («achievements»). При этом делимитативы (*посидеть*) при отсутствии обстоятельств длительности могут сочетаться с инклюзивными обстоятельствами (типа *за два часа*), ср.:

(6) *За два часа, что у него были до встречи с Аней, Петя погулял по Летнему саду и набережным Невы.*

Семантика ограниченности действия во времени, которую добавляют к значению исходных глаголов форманты ограничительного и длительно-ограничительного СД, нетривиальным образом изменяет аспектуальный потенциал глагольных основ. В результате делимитативы и пердуративы составляют, по-видимому, особый, гибридный аспектуально-семантический класс, имеющий свойства глаголов деятельности («activities») и достижения («achievements»). Это лишнее разводит на размышления о недостаточности четырехчленной классификации предикатов З. Вендлера и привлекает внимание к акциональным классификациям на основе простейших универсальных акциональных компонентов (состояние, процесс, точка изменения) и их комбинаций, ср. [Салим 1990; Татевосов 2005; Zagona 2008; Горбова 2010].

Примечательно также, что глаголы центральных в аспектуальном отношении СД — ингрессивного и делимитативного — часто теряют собственно начинательное и ограничительное значения и проявляют тенденцию к образованию с исходными глаголами видовых пар: *идти / пойти, казаться / показаться, есть / поесть*, ср.:

(7) *Потом ты пошел на рыбалку и поймал щуку и карпа* [НКРЯ].

Промежуточное положение по своей аспектуальной ценности между центральными (временными) и периферийными (выражающими интенсивность и отношение к норме) СД занимают СД, выражающие однократность / многократность, в том числе в комбинации с другими значениями. Однако эти СД не образуют единого аспектуального пространства. Характерно, в частности, что некоторые семельфактивы с суффиксом *-ну-*, произведенные от многоактных простых глаголов, образуют с производящими глаголами видовые пары (ср. *прыгнуть / прыгать, зевнуть / зевать*), другие же таких пар не образуют (ср. *дыхнуть, крутнуть*).

Таким образом, хотя СД традиционно рассматриваются как аспектуальные лексико-грамматические разряды, они в целом не представляют собой группировок, в одинаковой мере влияющих на аспектуальные характеристики глаголов. Периферийные СД практически не оказывают влияния на аспектуальные свойства глагола: например, «простая» видовая пара *потеть / вспотеть* и видовая пара интенсивного СД *запотевать / запотеть* [РГ 1980: 602] не обнаруживают никаких различий, связанных с употреблением в тех или иных частных видовых значениях и аспектуально значимых контекстах, а глаголы смягчительной разновидности уменьшительно-смягчительного СД [Там же: 599–600] имеют несколько различные акциональные свойства и принадлежат, согласно классификации З. Вендлера [Vendler 1967], к разным акциональным классам (ср. *подкрашивать / подкрасить* — «accomplishment» и *подзахмелеть* — «achievement»). С другой стороны, трудно переоценить аспектуальную значимость таких СД, как делимитативный, пердуративный и начинательный в его ингрессивной и инхоативной разновидностях. Эти ядерные СД неизменно выделяются всеми и, вне зависимости от степени подробности классификации и научного направления. С точки зрения своей аспектуальной значимости СД представляют собой континуум соприкасающихся и перекрывающихся областей

словообразовательно-модификационных значений, так или иначе связанных с выражением аспектуальной семантики.

Литература

- Авилова 1976 — Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
- Бондарко, Буланин 1967 — А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
- Булыгина 1982 — Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- ВГВ 1962 — Вопросы глагольного вида / Отв. ред. и сост. Ю. С. Маслов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- Горбов 1998 — А.А. Горбов О понятии «способ действия» и его отношении к аспектуальности // Язык и речевая деятельность. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. С. 41–46.
- Горбова 1999 — Е.В. Горбова. Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 1999.
- Горбова 2010 — Е.В. Горбова. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамемы: вопросы взаимодействия. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010.
- Горбова, Малов 2008 — Е.В. Горбова, Е.М. Малов. Делимитативная и пердуративная деривация как показатель акциональной характеристики русских непроизводных глаголов. СПб.: СПбГУ, 2008. <http://www.genling.nw.ru/Staff/Gorbova/delimit.pdf>
- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А.Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки славянских культур, 2000.
- Исаченко 1960 — А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук, 1960.
- Кронгауз 1998 — М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Ломов 1977 — А.М. Ломов. Очерки по русской аспектологии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977.
- МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Маслов 1959 — Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Маслов 1965 — Ю.С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
- Маслов 2004 — Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мелиг 1985 — Х.Р. Мелиг Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М.: 1985.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>
- Падучева 1996 — Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2004 — Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- РГ 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.
- Салим 1990 — А. Салим. Аспектуальные типы глаголов и грамматическая семантика редуцированных форм в индонезийском языке // Сопряженность глагольных категорий. Калинин: Изд-во КГУ, 1990.
- Татевосов 2005 — С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.
- Шелякин 1982 — М.А. Шелякин. Об аспектуальном понимании способа, характера и типа глагольного действия // Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии. Тарту: ТГУ, 1982.
- Шелякин 1983 — М.А. Шелякин. Категория вида и способы действия русского глагола (теоретические основы). Таллин: Валгус, 1983.
- Шелякин 2008 — М.А. Шелякин. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Agrell 1908 — S. Agrell. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. Lund, 1908.
- Bertinetto, Delfitto 2000 — P.M. Bertinetto, D. Delfitto. Aspect vs. Actionality: Why they should be kept apart // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Vendler 1967 — Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y., 1967.
- Wikipedia — http://en.wikipedia.org/wiki/Lexical_aspect.
- Zagona 2008 — K. Zagona. Grammatical Aspect and construal of compound perfect tenses // Carrasco Gutiérrez Ángeles (ed.). Tiempos compuestos y formas verbales complejas. Madrid: Iberoamericana, 2008.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, ИЛИ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РУССКИЙ ВИД «ВИДОМ СЛАВЯНСКОГО ТИПА»?

The paper discusses the dilemma that has become traditional for Russian aspectology – whether Russian aspect is a classifying or an inflectional grammatical category. The discussion takes into account two new approaches – Janda's hypothesis about prefixes as verbal classifiers and Tatevosov's algorithm of multiple prefixation with an integrated constraint on the tertiary imperfectivization – and proposes an alternative description of Russian aspect.

0. Уже имеющая длительную традицию дискуссия о словоизменительном vs. (слово)классифицирующем (вследствие деривации) характере такой грамматической категории русского глагола, как вид, представленном оппозицией СВ // НСВ (см. историю вопроса в [Виноградов 1986: 356-357, 393-439; Тихонов 1964, 1998: 152-165; Петрухина 2014]), так и не получив своего завершения, породила целый ряд последствий. Среди них можно упомянуть: использование применительно к русскому виду расширенного понятия формообразования, не приравниваемого ни к словоизменению, ни к словообразованию (см. критику такого подхода в [Янко-Триницкая 1959]; упомянем также предложение выделять «грамматическую деривацию» наряду с лексической в [Леман 2002]); трактовку русского вида как непоследовательно коррелятивной морфологической категории [Бондарко 1976; Анкета 1997: 145]; выработку менее строгих, чем альтернатива «словоформы одной лексемы vs. различные лексемы» понятий, например, «функциональные видовые пары» [Гак 1996; Анкета 1997: 174; Зализняк и др. 2010] и «видовые партнеры» [Lehmann 1993; Леман 2006; Перцов 2001: 125]. Особое место в этом ряду занимает предложенная типологом Э. Далем квалификация русского вида как весьма специфического явления – «вида славянского типа, то есть некой «лексикализованной» грамматической категории» [Dahl 1985]. В настоящей статье, не входя в подробности по причине имеющихся ограничений по объему публикации, постараемся тезисно изложить основные подходы к обозначенной альтернативе и предложить свое видение дилеммы, основанное, в том числе, на новейшей литературе.

1. Прежде всего условимся не применять в качестве отдельного понятия «формообразование» и ограничиться альтернативой: словоизменение (*inflexion*) vs. словообразование (*derivation*) (с вытекающим из последнего классифицирующим статусом для вида как грамматической категории). Равнозначным по результату решением явилось бы приравнивание формообразования к словоизменению и использование обоих терминов как синонимичных, однако мы остановимся на первом варианте с единственным противопоставлением двух понятий.

2. В связи с нашей темой немаловажным представляется следующий вопрос: как именно понимается словоизменение применительно к русскому виду? Если обратиться к литературе, то обнаруживается ряд отличных друг от друга трактовок.

2.1. Одну из них находим в публикациях С. Карцевского, А.И. Исаченко, Ю.С. Маслова, см. [Карцевский (1927) 1962; Исаченко (1954) 2003; Маслов (1958) 2004, 1963, 1981].

- a. Русский вид – словоизменительная категория, ее морфология – суффиксальная имперфективация, применяемая к префигированному глаголу СВ.
- b. Приставки и назальный суффикс – типичные словообразовательные морфемы [Маслов 1963: 9].
- c. (Однозначные) суффиксы (вторичной) имперфективации – собственно видовые морфемы [Там же].
- d. Двувидовые глаголы (типа *женить*, *казнить* и *трансформировать* и их видовые основы (ВО): *жен'-*, *казн'-*, *телеграфирu-/телеграфиров-*), как и супплетивные образования (*искать ~ найти*), должны описываться отдельно.

- е. ВО производных глаголов являются одновидовыми (исключительно перфективными, как у *дать*, или исключительно имперфективными – *иметь, смотреть, гулять*).

Таким образом, вторичная (суффиксальная) имперфективация является словоизменением⁷², в то время как префиксальная перфективация представляет собой иное явление – словообразовательное: у Ю.С. Маслова первичный имперфектив (НСВ₁) *читать* и производный от него приставочный перфектив (СВ) *прочитать* названы «очень близкими, но не тождественными синонимами» [Маслов 1963: 5], или «квазисинонимами».

2.2. Существенно отличную трактовку находим в работах А.Н. Тихонова [Тихонов 1964, 1998]. У этого автора префиксальная перфективация при помощи «чистовидовых приставок» (*читать – прочитать, слабеть – ослабеть, делать – сделать*) также является словоизменением (наряду с вторичной имперфективацией). Данное решение в основном базируется на семантическом критерии (основанном, в свою очередь, на сравнительном анализе словарных толкований однокоренных НСВ₁ и его приставочного деривата СВ, см. [Тихонов 1998]; о том же на четыре десятилетия ранее пишет и Н.А. Янко-Триницкая в [Янко-Триницкая 1953, 1959]. Привлекается и функциональный критерий – так называемый критерий Маслова, см. [Маслов (1948) 2004: 75-77; Зализняк и др. 2010: 5; Горбова 2011: 20-23].

На первый взгляд эта логика – семантическая и функциональная – представляется весьма убедительной. Однако возможен контраргумент, сводимый вкратце к тому, что оба инструмента (и семантический, и функциональный) настроены недостаточно тонко, поскольку они не улавливают ни акциональных различий между НСВ₁ и префигированным СВ, ни синтаксических нюансов: таких, как, например, обязательность / необязательность заполнения валентностей (более подробно см. в [Храковский 2005; Татевосов 2010; Горбова 2014, 2015]).

2.3. При отмеченных различиях, общим для всех трактовок русского вида как словоизменительной категории является признание дефектности видовых парадигм у части глагольной лексики РЯ, то есть особое положение глаголов *perfectiva* и *imperfectiva tantum*.

2.4. Отдельное место, как некий «третий путь», занимает концепция «грамматической деривации» Ф. Лемана, в результате применения которой появляется третий (наряду со словоизменительными и классифицирующими) тип грамматических категорий – деривационные, у которых «грамматическую оппозицию образуют лексико-грамматическая основа и грамматическая морфема» [Леман 2002: 122], а также [Леман 2006; Петрухина 2014].

3. Существует, однако, и альтернативный подход. Он становится возможным вследствие иной фокусировки. При акцентировании внимания на приставочной перфективации русский вид трактуется как (слово)классифицирующая категория: входящие в видовую пару однокоренные⁷³ глаголы обнаруживают типично деривационные отношения производящего и производного (исключение по отношению к «чистовидовой префиксации», трактуемой как словоизменение, видим в [Тихонов 1968, 1994]). Это решение закрепляет авторитетная академическая «Русская грамматика» 1980 года⁷⁴, ср. следующие основные положения: «видовая пара – это противопоставление разных глаголов» и «[к]атегория вида является категорией несловоизменительной» [Шведова (ред.) 2005: 584].

Соответственно (наряду с супплетивными) выделяются два основных типа пар: 1) формируемые путем (префиксальной) перфективации (*делать – сделать*) и 2) формируемые путем (суффиксальной) имперфективации (*переписать – переписывать; решить – решить*) [Там же: 586].

Этот подход позволил А.В. Бондарко охарактеризовать русский вид как непоследовательно коррелятивную морфологическую категорию [Бондарко 1976].

Через 5 лет после выхода в свет академической «Русской грамматики» Э. Даль в монографии [Dahl 1985: 84-85] вводит (с ориентацией на префиксальную перфективацию) понятие «вид славянского типа». Даль видит «славянскую» специфичность вида русского глагола в

⁷² См. близкую, хотя и не идентичную трактовку в рамках Теории принципов и параметров в [Схорлеммер 1998].

⁷³ Супплетивные пары как сугубо периферийное явление здесь в расчет не принимаются.

⁷⁴ Хотя оно появилось значительно раньше, см., например, [Янко-Триницкая 1959].

«лексикализованности» этой грамматической категории. Под последней имеется в виду деривационный и, следовательно, классифицирующий характер русского вида на фоне преобладающего в других языках видового словоизменения.

Деривационно-классифицирующая трактовка русского вида в современной аспектологии является преобладающей – см., в частности, [Падучева 1996: 84-85; Плунгян 2011а, 2011б; Петрухина 2014].

4. За последние пять-семь лет в русской аспектологии появилось несколько новых идей, имеющих, как представляется, прямое отношение к рассматриваемой дилемме – словоизменение или словообразование. В силу ограничений по объему ниже будет предложен лишь их схематический очерк, более подробное изложение см. в [Горбова 2015].

4.1. Прежде всего, имеется в виду разработанная исследовательским коллективом под руководством Л. Янды в рамках проекта Exploring Emptiness (университет Тромсё, база данных доступна по адресу <http://emptyprefixes.uit.no/>) концепция видовых кластеров, или гнезд, к которой недавно добавилась идея о трактовке префиксов в качестве глагольных классификаторов, см. [Janda 2007; Janda, Korba 2008; Janda, Lyashevskaya 2011; Endresen et al. 2012; Янда 2012; Кузнецова, Янда 2013; Janda et al. 2013], а также [Печеный 2014] и Приложение 1 ниже. По результатам масштабных корпусных исследований был получен важный результат: у естественных перфективов (аналогов традиционных приставочных СВ в рамках видовой пары типа *писать* ~ *написать*) и специализированных перфективов, соотносимых в рамках видового кластера с тем же исходным НСВ₁ (*писать* – *переписать*), имеется значительное количество общих черт. В целом, сходств между ними существенно больше, чем различий. Думается, что вся концепция видовых кластеров (деривационных гнезд) дает, скорее, аргументацию в пользу трактовки вида как (слово)классифицирующей категории, противочлены которой связаны деривационными отношениями.

В рамках проекта Exploring Emptiness методами корпусной лингвистики проводилось также изучение взаимоотношений однокоренных НСВ₁ и НСВ₂, то есть проблемы биимперфективных видовых троек. Получены следующие результаты: от 37% (НКРЯ) до 77% (поисковая система Google) всех естественных перфективов из созданной базы данных (количеством 1981) образуют вторичные имперфективы [Янда 2012: 42; Janda et al. 2013: 170]. То есть вторичная имперфективация от имеющих лексические префиксы (о них см. в Приложении 2) перфективов является не только теоретически возможным, но и в достаточной степени регулярным явлением. О ее распространенности, причем с выходом за пределы допустимых кодифицированным РЯ образований, находим свидетельства в ряде публикаций: [Гловинская 2008, 2010; Зализняк, Микаэлян 2010; Татевосов 2010; Ремчукова 2011], см. также изложение этого вопроса и более полную библиографию в [Горбова 2014].

Отметим также, что проведенное на материале НКРЯ диахроническое корпусное исследование, см. [Горбова 2015: 19-25], показало, что вторичная имперфективация в период с начала XVIII по начало XXI века, т.е. на протяжении всего охваченного НКРЯ временного периода, является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением. Явного тренда по увеличению или снижению образования НСВ₂ не прослеживается. В соответствии же с данными, полученными историками языка, см., в частности, недавнее исследование [Шевелева 2014], модель имперфективации с показателем *-(ы/и)ва-* использовалась киевскими летописцами уже в первой половине XI века, причем к началу XII в. ее употребительность возросла, получив признаки продуктивности [Там же: 170, 174].

4.2. Разработанный С.Г. Татевосовым алгоритм множественной префиксации с встроенным в него ограничением на третичную имперфективацию (см. [Татевосов 2009, 2013], а также Приложение 2 ниже) дает нам четко очерченное окно возможностей для вторичной имперфективации, имеющей характерные признаки словоизменения. Данный механизм включается после того, как глагольная основа получает внутренний префикс (это его левая граница, начало действия вторичной имперфективации) и прекращает свою работу в той точке глагольной деривации, когда механизм должен был бы применяться повторно (перед введением селективно-ограниченного

префикса), порождая третичную имперфективацию. Именно запрет на третичную имперфективацию и ставит правую границу сфере применения суффиксальной имперфективации.

Функцией механизма имперфективации является введение аспектуальной семантики имперфективности в ранее префигированную (то есть получившую соотнесенность с пределом) глагольную основу.

Примечательно, что вторичная имперфективация реализуется при помощи единственного продуктивного в настоящий момент маркера, суффикса *-(ы/и)ва-*; весьма значимо и то обстоятельство, что данный механизм не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированной с участием уже вошедших в нее префиксов, а также индифферентен к акциональности (префигированной) основы СВ. Таким образом, мы получаем морфосинтаксически четко обозначенную сферу действия грамматического (аспектуального по семантике) словоизменения русского глагола – суффиксальной (вторичной) имперфективации. Однако возникает дополнительная проблема: как трактовать то, что остается за пределами этого окна, то есть, в первую очередь, отношения типа НСВ₁ – префигированный СВ (*делать* – *сделать*, *течь* – *утечь*)?

4.3. Г.М. Зельдович предлагает прагматически-дискурсивное обоснование различий входящих в видовые тройки НСВ₁ и НСВ₂: «вторичный имперфектив представляет ситуацию как более высоко индивидуализированную, нежели первичный, причем одновременно и статистически значительным, и последовательным, это преимущество оказывается лишь там, где «индивидуализирующий фактор» имеет дискурсивный, но не референциальный характер. Есть причины думать, что эта особенность семантики вторичных имперфективов предопределяется присутствием в их семантике идеи результата...» [Зельдович 2014: 51]. Эти выводы, на мой взгляд, служат аргументами в пользу того, что однокоренные первичный и вторичный имперфективы являются квазисинонимами, то есть разными лексемами, хотя и функционально близкими. Ср. (1):

- (1) *Выясняли мы, что там с мозгами: текут (НСВ₁), утекают (НСВ₂)...?* (Т. Фельгенгауэр, ведущая программы «Клинч» на радио «Эхо Москвы», на 41.25 минуте звучания, см. <http://echo.msk.ru/sounds/1576424.html>)

В (1) говорящий в результате самокоррекции заменил в высказывании (соотносимом с темой – «утечка мозгов») исходный НСВ₁, выступающий в роли «джокера» (подробнее см. в [Горбова 2014]), на более точный префигированный НСВ₂.

С другой стороны, выводы Г.М. Зельдовича о дискурсивных различиях первичного и вторичного имперфектива могут рассматриваться как дополнительный (хотя и косвенный) аргумент в пользу разнолексемности НСВ₁ и полученного от него путем префиксации СВ, из которого и выводится НСВ₂. Если придать термину Ю.С. Маслова несколько более расширенный смысл, то разными лексемами, квазисинонимами (с различием по виду), являются не только пары НСВ₁ – СВ (как у Маслова), но и (без различий по виду) имперфективы НСВ₁ – НСВ₂. И только пары (префигированный) СВ – (суффиксально от него образованный) НСВ₂ одновременно и противопоставлены по виду, и полностью совпадают по лексической семантике, акциональности и валентностным свойствам, то есть являются словоформами одной лексемы, различающимися исключительно видом.

5. Вернемся к нашему вопросу: является ли русский вид видом особого «славянского» типа? По-видимому, да, но исключительно в том смысле, что кроме словоизменительной видовой оппозиции СВ – НСВ₂ в русском языке есть и функционально сходное, однако во многом существенно отличное (и в целом иное) явление: деривация НСВ₁ → (префигированный) СВ как результат «связывания» глагольной основы у непредельных акциональных классов состояний и деятельности (реже – у лексикографически предельных процессов) телисизатором. Телисизаторами (и одновременно перфективаторами), в смысле введения внутреннего предела, являются префиксы, см. [Майсак 2005; Плунгян 2011а, 2012: 22-24], и в первую очередь – префиксы лексические (внутренние). Внешние префиксы вводят предел уже в другом, расширенном понимании (как ограничение, заданное такими внешними по отношению к внутреннему пределу

параметрами, как количество участников ситуации у дистрибутивного *пере-*: *перебить* (все тарелки), начальная точка у инхоативного *за-*: *замолчать* или такое давно отмечаемое исключение из ряда префиксов-телисизаторов (но не перфективаторов!), как делимитативный *по-* и пердуративный *про-*: *погулять в парке, прогулять в парке все утро*).

Дополнительный аргумент находим в [Зализняк, Шмелев 2000: 17-30; Зализняк, Микаэлян 2012]: критерий Маслова «работает» успешно лишь в том случае, если направление его применения – от СВ к НСВ. При этом, однако, возможны варианты: а) СВ → НСВ₂; б) СВ → НСВ₁; в) СВ → НСВ₁ и НСВ₂, см. [Зельдович 2014].

Все это дает основания ставить вопрос о возможности альтернативного взгляда на устройство грамматической аспектуальной зоны в русском языке, а именно как на одновременное существование двух механизмов: (слово)классифицирующей префиксальной перфективации, основным механизмом которой является деривационное включение в глагол префикса-телисизатора, в том числе множественное (НСВ₁ → СВ: *говорить* → *проговорить*; *течь* → *утечь*; *писать* → *записать* → *перезаписать*), и словоизменительной суффиксальной (вторичной) имперфективации (СВ → НСВ₂: *проговорить* ~ *проговаривать*; *утечь* ~ *утекать*; (*писать* → *записать* → *перезаписать* ~ *перезаписывать*).

Итак, использующая внутренние префиксы-телисизаторы префиксация является словообразовательным механизмом с двумя десятками показателей, причем этот механизм трансформирует лексическую семантику, синтаксис и акциональность (лексический вид) исходного глагола. Это и есть «вид славянского типа» по Э. Далю.

Суффиксальная имперфективация – это иной механизм, регулярно и продуктивно работающий на строго определенном участке глагольной деривации. Он получает на вход только префигированные (по крайней мере единожды) глаголы СВ, использует единственный продуктивный показатель (суффикс *-(ы/и)ва-*) и производит семантическое воздействие, аналогичное воздействию прогрессива (дуратива) и/или итератива.

Таким образом, суффиксальный механизм является словоизменением. Он преодолевает затруднения двоякого характера: «сопротивление материала» в случае поступления на вход префигированного СВ с моментативной семантикой (именно тогда реализуется итеративность: *прийти* ~ *приходить*) и возможность множественной префиксации.

Исходный НСВ₁ и полученный на втором этапе деривации (в результате имперфективации префигированного СВ) НСВ₂ в большей части случаев обнаруживают (квази)синонимию, порождая явление, известное как биимперфективные видовые тройки.

Видятся две возможности для общего описания аспектуальной зоны РЯ:

1. С учетом функционального сходства НСВ₁ и НСВ₂ – совмещение двух морфологически различных видовых оппозиций: деривационно-словоклассифицирующего «вида славянского типа» с объединенными в функциональные видовые пары лексемами имперфективной и перфективной семантики (НСВ₁ ~ СВ) и бинарной оппозиции словоизменительного характера с исходным СВ и формой вторичного имперфектива: СВ ~ НСВ₂. Эту возможность, в основном, и реализует традиционный подход.
2. С учетом различий по отношению к границам лексемы – констатация наличия единственной грамматической категории вида словоизменительного характера СВ ~ НСВ₂, использующей прием суффиксальной имперфективации от префигированных перфективных основ. Отношения же между НСВ₁ и СВ следует трактовать как отношения между (в некоторых случаях однокоренными) различными глаголами, принадлежащими к различным акциональным классам.

Приложение 1

Когнитивное изучение русского глагольного вида в рамках теории видовых гнезд (кластеров)

- I. Видовое гнездо (кластер) состоит из мотивирующего дальнейшую деривацию исходного имперфектива (так называемого первичного – НСВ₁, кроме состояний) и 4 типов перфективов:
 - 1) естественного (Natural Perfective – NP),

- 2) специализированного (Specialized Perfective – SP),
- 3) комплексного (Complex Act Perfective – CAP) и
- 4) одноактного (Single Act Perfective – SAP).

Пример видового кластера максимального объема (с 4 перфективами):

- исходный имперфектив (A – activity): *резать*;
- естественный перфектив (NP): *нарéзать* (также: *срéзать*, *зарéзать*, *вырезать*);
- специализированный перфектив (SP): *врéзать* (НСВ – *врезать*), *обрéзать* (НСВ – *обрезать* / *обрезывать*), *перерéзать* (НСВ – *перерезать* / *перерезывать*), *разрéзать* (НСВ – *разрезать* / *разрезывать*);
- комплексный перфектив (CAP): *порéзать*;
- одноактный перфектив (SAP): *резнуть* [Janda, Korba 2008: 257].

II. База данных в проекте Exploring Emptiness по [Janda et al. 2013]:

1981 естественный перфектив (Natural Perfective – NP), образованный при помощи 16 приставок: *по-*, *с-*, *за-*, *о(б)-*, *на-*, *про-*, *вы-*, *раз-*, *из-*, *у-*, *в(о)з-*, *от-*, *при-*, *пере-*, *под-*, *в-* (расположены по убыванию частотности), от 1429 беспривставочных исходных имперфективов (НСВ₁).

То есть 552 (39%) NP являются «лишними», если исходить из презумпции одно-однозначного отношения между исходным НСВ₁ и NP.

III. Феномен префиксальной вариативности как аргумент в пользу «гипотезы наложения»:

Пары типа исходный имперфектив – естественный перфектив (≈ видовая пара), выполняющие одно-однозначное отношение, имеются в базе данных в количестве 1043.

Однако 386 (27%) исходных НСВ₁ однозначно не предсказывают «свой» приставочный СВ, демонстрируя феномен префиксальной вариативности, т.е. способности исходного имперфектива к использованию более одного префикса для образования естественного перфектива.

По данным корпусного исследования (на базе НКРЯ) префиксальная вариативность – явление не исключительное, хотя и не массовое: 283 исходных НСВ₁ используют 2 префикса для образования естественных перфективов, 75 – 3 префикса, 21 – 4 префикса, 4 – 5 префиксов и 3 – 6 префиксов.

Пример с 6 префиксами: *мазать* – *вымазать*, *замазать*, *измазать*, *намазать*, *помазать*, *промазать*.

Префиксальная вариативность в [Janda et al. 2013] является аргументом в пользу авторской гипотезы наложения (Overlap Hypothesis), основанной на известном эффекте Вея – Схоневельда [Vey 1952; van Schooneveld 1958].

IV. Гипотеза о приставках как глагольных классификаторах (Verb Classifier Hypothesis)

- Подтверждение гипотезы наложения, в свою очередь, является базой для гипотезы о приставках как глагольных классификаторах:

«Русский язык является языком с глагольными классификаторами, а русские глагольные приставки, образующие естественные перфективы, представляют собой систему видовых классификаторов» [Янда 2012: 42].

- Поскольку (именные) классификаторы всегда «работают» с различными лексемами, признание префиксов классификаторами является (еще одним) аргументом в пользу (слово)классифицирующего характера «приставочного участка» русского видообразования.
- Дж. Форсайт был абсолютно прав, полагая, что «если отказаться от идеи чисто перфективирующих приставок (Empty perfectivising prefixes), то «логическим результатом такого подхода... будет полный отказ от префиксальных [видовых] пар ([t]he logical conclusion of this approach... would be the total rejection of prefixal pairs)» [Forsyth 1970: 38–43]» [Кузнецова, Янда 2013: 91]. Ср. с утверждением Ю.С. Маслова: «приставки <...> – типичные словообразовательные морфемы» [Маслов 1963: 9].

Отсюда вопрос: насколько необходимо понятие префиксальных видовых пар для трактовки русского вида?

Очевидно, однако, что для сохранения специфики «славянского вида» понятие префиксальной пары, без всякого сомнения, необходимо – это тот краеугольный камень, который лежит в основе этой специфики.

Приложение 2

Теория множественной префиксации и ограничение на третичную имперфективацию

I. Глагольные префиксы на этапе первой перфективации (термин из [Карцевский (1927) 1962: 220-222]).

1. Общеизвестным в теории префиксации является тезис о разделении префиксов на два класса: внутренних (или лексических) и внешних (или супралексических).

«Различие между ними можно объяснить в структурных терминах: первые представляют собой (синтаксические) вершины, которые вступают в деривацию внутри глагольной группы, а вторые – за ее пределами:

[ХР ... внешний префикс [VP ... внутренний префикс ...]]» [Татевосов 2013: 47].

2. На первом этапе глагольной деривации «работают» исключительно лексические (внутренние) префиксы.

- К ним относятся «все “чистовидовые префиксы”, все “пространственные префиксы”»: *в(о)-*, *вз(о)-*, *воз(о)-*, *вы-*, *над(о)-*, *низ(о)-*, *о-*, *об(о)-*, *пред(о)-*, *с(со)₁-*, *со₂-*, *у-* и т. д.» [Татевосов 2013: 49].

- Следовательно, к лексическим префиксам относятся:
 - а) все 16 единиц, характерные для класса естественных перфективов (NP) в рамках теории видовых гнезд (основной объект изучения в [Janda et al. 2013]);

- б) префиксы специализированных перфективов (SP), изменяющих лексическое значение исходных глаголов (см. сноску в [Janda et al. 2013: 4]: граница между SP и CAP (специализированными и комплексными перфективами) соответствует границе между внутренними и внешними префиксами).

- Таким образом, исчерпывающий перечень лексических префиксов РЯ – это объединенные перечни естественных (NP) и специализированных перфективов (SP). Однако перечень SP у авторов теории видовых гнезд не представлен.
- Возможный выход – пойти от данных НКРЯ (поисковый запрос: префикс + суффикс имперфективации). Результат поиска – 22 префикса (при объединении *о(б)-* и *об(о)-* 21 префикс), см. [Горбова 2015]. Этот результат – не что иное, как 16 префиксов, уже известных по проекту Exploring Emptiness, к которым добавились: *до-*, *над-*, *недо-*, *пре-*, *пред-*.

Итак, на 1-ом этапе глагольной деривации происходит следующее:

- а. К исходному глаголу (в основном – формальный имперфектив) присоединяется лексический префикс.
- б. В аспектуальных терминах данный процесс – перфективация (результат – перфектив, в терминах теории видовых гнезд – естественный или специализированный перфектив).
- с. Со стороны акциональности происходит телисизация: введение предела в ранее неопредельную основу (это некоторое огрубление, поскольку имеются и лексикографически предельные НСВ₁ типа *таять*).
- д. Следовательно, лексический префикс неизбежно оказывается перфективатором-ограничителем (термин из [Майсак 2005; Плунгян 2011а]).
- е. Эффект телисизации дает основание В.А. Плунгяну считать лексические префиксы одной из граммем так называемого *вторичного аспекта* [Плунгян 2011а, 2011б].
- ф. Количество лексических префиксов (два десятка), а также серьезная аргументация в пользу гипотезы наложения Л. Янды, см. [Janda et al. 2013] (≈ эффекту Вея – Схоневельда), дают основание видеть в префиксах глагольные классификаторы.
- г. Дополнительно наблюдается синтаксический эффект от присоединения лексического префикса: добавление актанта (переходность) либо изменение ролевых свойств актантов.

Вывод относительно приставочной (внутренними префиксами) перфективации русского глагола:

Свойства лексических префиксов, а именно: **модификация акциональности, классифицирующий характер, некомпозициональность значения, нестабильность актантной структуры** в своей совокупности недвусмысленно свидетельствуют в пользу их трактовки как деривационных показателей, участвующих в процессе создания новых лексических единиц.

NB: В этих показателях заключена вся специфика вида «славянского типа», поскольку именно они обеспечивают классифицирующий характер аспектуальной оппозиции РЯ, уподобляя категорию глагольного вида категории субстантивного рода.

- II. Внешние (супралексические) префиксы неоднородны, см. [Татевосов 2009; 2013]. Они делятся на: позиционно-ограниченные (ПО-префиксы); селективно-ограниченные (СО-префиксы) и левопериферийный префикс (дистрибутивный *по-*: *побросать*).

Эти 3 класса внешних префиксов имеют специфические свойства (в отношении взаимного комбинирования и суффиксальной имперфективации).

1. Левопериферийный дистрибутивный префикс *по-* **всегда** занимает наиболее левую позицию, находясь на максимальном удалении от корня (например, *понавыбрасывать*).
2. СО-префиксы соблюдают ограничение: «Основа, с которой соединяется СО-префикс, является формально имперфективной» [Татевосов 2013: 49]: это либо основа исходного имперфектива (*[на-[вари]^{IPFV}]^{PFV}-ла картошки*), либо производная, с суффиксом имперфективации (*[на-[откр]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]-ли детских садов*). СО-префиксы: делимитативный *по-*: *побегать*; кумулятивный *на-*: *наварить (варенья)*; дистрибутивный *пере-*: *переловить (всех преступников)*, инхоативный *за-*: *запеть* и т.д.
3. ПО-префиксы соблюдают другое ограничение: они «отличаются чувствительностью к положению в иерархической структуре основы. <...> [В ней] ПО-префикс располагается не выше показателя вторичного имперфектива *-ыва-*» [Татевосов 2013: 52]:
[*-ыва-* [позиционно-ограниченный префикс [...]]^{PFV}]^{IPFV}
(проверка – анализ темпорального значения СФ такого состава – они презентны: *Сейчас занимаюсь тем, что [[пере-[запис]^{PFV}]-ыва]^{IPFV}-ю начисто партии бас-гитары*)
ПО-префиксы: комплетивный *до-*: *дописать*; репетитивный *пере-*: *перечитать*; аттенуативный *под-*: *подзабыть* и т.д.

- III. Ограничение на третичную имперфективацию.

В рамках теории множественной префиксации различаются 2 вида (суффиксальной) имперфективации: ранняя и поздняя, ср.: «Договоримся называть ранней имперфективацией такую, которой подвергаются основы, не

содержащие внешних префиксов <...>. Имперфективацию основ, в которые внедрился хотя бы один внешний префикс, будем называть поздней» [Татевосов 2013: 52].

Очень важно обратить внимание на левую и правую границы «окна возможностей» для имперфективации.левой границей этого окна, то есть стартом механизма имперфективации, является присоединение лексического (внутреннего) префикса. (При этом следует учитывать, что имперфективация непрефигированной основы НСВ типа *ходит*^{IMFV} → *хаживать*^{IMFV} – это семантически отличный процесс: хабиитуалис или узитатив. Такого рода имперфективация здесь не учитывается.)

Правой границей окна имперфективации является запрет на третичную имперфективацию.

Под третичной имперфективацией понимается имперфективация основ типа *наоткрыва*^{PFV}-, в которых СО-префикс был присоединен после суффикса вторичной имперфективации.

В русском языке существует морфосинтаксическое (не семантическое!) ограничение: «Третичная имперфективация в русском языке невозможна» [Татевосов 2013: 65]. Ср. также резюме: «Среди внешних префиксов вторичную имперфективацию всегда допускают позиционно-ограниченные, а также селективно-ограниченные, если они присоединяются к непроемкой имперфективной основе. Третичная имперфективация в русском языке невозможна» [Там же: 73].

Ср.: при отсутствии этого ограничения из

[на-[[откры]^{PFV}-ва]^{IPFV}]^{PFV}-ть (уйму законов)

мы ожидали бы

*[[на-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ть

Однако такая деривация оказывается невозможной. Следовательно, запрет на третичную имперфективацию существует. Отметим, что к сходной мысли, хотя и с другой аргументацией, приходит в 1927 году С. Карцевский: ступень, следующая за 3-ей ступенью «видовой деривации» (*повытalkingивать*^{PFV}), не может быть имперфективацией по причине, с семантикой никак не связанной: «запас суффиксов уже исчерпан» [Карцевский (1927) 1962: 222].

Список условных сокращений

ВО – видовая основа; РЯ – русский язык; СВ, PFV – совершенный вид (=перфектив); НСВ, IPFV – несовершенный вид (=имперфектив); НСВ₁ – первичный имперфектив; НСВ₂ – вторичный имперфектив.

Литература

- Анкета 1997 – Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т.2. Изд-во МГУ, 1997. С. 140-233.
- Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л: Наука. 1976.
- Виноградов 1986 – В.В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа. 1986.
- Гак 1996 – В.Г. Гак. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь, грамматика, текст. М.: Институт русского языка РАН. 1996. С. 62-71.
- Гловинская 2008 – М.Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике. Глагол // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур. 2008. С. 189-224.
- Гловинская 2010 – М.Я. Гловинская. Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: Система – норма – узус. М.: Языки славянских культур. 2010. С. 171-199.
- Горбова 2011 – Е.В. Горбова. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20-45.
- Горбова 2014 – Е.В. Горбова. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. № 2.
- Горбова 2015 – Е.В. Горбова. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7-38.
- Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры. 2000.
- Зализняк и др. 2010 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3-23.
- Зализняк, Микаэлян 2010 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/21.htm>
- Зализняк, Микаэлян 2012 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48-65.
- Зельдович 2014 – Г.М. Зельдович. Видовые тройки: вторичный имперфектив как показатель высокой индивидуализированности ситуаций // Русский язык в научном освещении. 2014. №2 (28). С. 9-57.

- Исаченко 2003 – А.В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. I–II. М.: Языки славянской культуры. 2003.
- Карцевский (1927) 1962 – С. Карцевский. IV. 'Вид' // Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы. 1962. С. 218-230. (Karcevski 1927 – S. Karcevski. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague: Legiografie, 1927.)
- Кузнецова, Янда 2013 – Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87-96.
- Леман 2002 – Ф. Леман. Отношения между лексико-грамматической основой и грамматической категорией (глагольный вид в кругу других грамматических категорий) // Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука. 2002. С. 119-127.
- Леман 2006 – Ф. Леман. Когнитивная реконструкция и лексикография русского вида: профилирование и другие функциональные операции // F. Lehmann (red.) Семантика и структура славянского вида. Т. 4. München: Otto Sagner. С. 191-233.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур. 2005.
- Маслов 1948 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т.7. 1948. С. 303-316.
- Маслов 1958 – Ю.С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Доклады IV Международного съезда славистов, М.: АН СССР, 1958. Отд. отд. 39 с. (также в: Маслов 2004. С. 445-476).
- Маслов 1963 – Ю.С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Маслов 1981 – Ю.С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур. 2004.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры. 1996.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры. 2001.
- Петрухина 2014 – Е.В. Петрухина. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60. № 2. Pp. 253-274.
- Печеный 2014 – А.П. Печеный. Рецензия на: L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana): Slavica, 2013 // Вопросы языкознания. 2014. №2. С. 138-146.
- Плунгян 2011a – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ. 2011.
- Плунгян 2011b – В.А. Плунгян. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica. 2011. Vol. 57. № 2. Pp. 290-309.
- Плунгян 2012 – В.А. Плунгян. Предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. VIII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука. 2012.
- Ремчукова 2011 – Е.Н. Ремчукова. Креативный потенциал русской грамматики. Изд. 2-ое. М.: URSS, 2011.
- Схорлеммер 1998 – М. Схорлеммер. Парный глагол как глагол с лексически не фиксированным видом // М.Ю. Черткова (отв. ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 422-429.
- Татевосов 2009 – С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М. Пробел, 2009. С. 92-156.
- Татевосов 2010 – С.Г. Татевосов. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Избыточность в грамматическом строе языка. Т. VI, ч. 2. СПб.: Наука, 2010. С. 299-321.
- Татевосов 2013 – С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42-89.
- Тихонов 1964 – А.Н. Тихонов. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. №1. С. 42-52.
- Тихонов 1998 – А.Н. Тихонов. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М.: Academia, 1998.
- Храковский 2005 – В.С. Храковский. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9. С. 46-59.
- Шевелева 2014 – М.Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ива-/-ыва-* в Повести временных лет //

- Русский язык в научном освещении. 2014. №2 (28). С. 153-179.
- Янда 2012 – Л.А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3-47.
- Янко-Триницкая 1953 – Н.А. Янко-Триницкая. Особенности префиксации глаголов движения // И.А. Василенко (ред.). Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. XXII. Вып. 2. М.: Советская наука. 1953. С. 41-57.
- Янко-Триницкая 1959 – Н.А. Янко-Триницкая. Морфологические границы форм одного слова // И.А. Василенко (ред.). Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. LXXIII. Вып. 6. Грамматика современного русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1959. С. 41-57.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Endresen et al. 2012 – A. Endresen, L.A. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Russian «purely aspectual» prefixes: not so «empty» after all? // Scando-Slavica. 2012. 58, 2. Pp. 231–291.
- Forsyth 1970 – J.A. Forsyth. Grammar of aspect. Cambridge: Cambridge U. Press, 1970.
- Janda 2007 – L.A. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in Language. 2007. Vol. 31. No 3. Pp. 607-648.
- Janda, Korba 2008 – L.A. Janda, J. Korba. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian // Slavic and East European Journal. 2008. Vol. 52. No 2. Pp. 254-270.
- Janda, Lyashevskaya 2011 – L.A. Janda, O. Lyashevskaya. Aspectual Pairs in the Russian National Corpus // Scando-Slavica. 2011. Vol. 57. No 2. Pp. 201-215.
- Janda et al. 2013 – L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers. Bloomington: Slavica Publishers Indiana U., 2013.
- Karcevski 1927 – S. Karcevski. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique, Prague: Legiografie, 1927.
- Lehmann 1993 – V. Lehmann. Die Russische Aspekte als gestufte Kategorien // Die Welt der Slaven. 1993. Vol. 38. No 2. Pp. 265-297.
- van Schooneveld 1958 – C.H. van Schooneveld. The so-called 'préverbes vides' and neutralization. Dutch contributions to the Forth International Congress of Slavistics. The Hague; Mouton, 1958. Pp. 159-161.
- Vendler 1967 – Z. Vendler. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca: Cornell U. Press, 1967. Pp. 97-121.
- Vey 1952 – M. Vey. Les préverbes 'vides' en tèque moderne // Revue des études slaves. 1952. Vol. 29. Pp. 82-107.

ГЛАГОЛ ДЕТЕРМИНИРОВАННОГО ДВИЖЕНИЯ 'ITI' В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

The paper deals with the idiosyncratic features of the basic Slovene verb of determined motion 'iti' which is defined as biaspectual. In XVIth c. texts there were some tendencies for its prefixed pair *poiti* to develop but a full development didn't take place. In this respect the Slovene language shares the characteristics of the western type of the Slavic aspectual system.

1 Словообразовательно-видовые характеристики словенского глагола детерминированного движения 'iti' довольно своеобразные. В сравнении с русской видовой парой 'идти-пойти' его можно считать дефективным. В некоторых отношениях его парадигматика похожа на парадигматику чешского глагола 'jít', но существуют и значительные отличия.

1.1 В Словаре словенского литературного языка SSKJ 'iti' определяется как биаспектив.⁷⁵ Приведем определение из SSKJ (в сокращенном виде):

íti grém in grém nedov. in dov.; /.../ bom šèl in pójdem itd.; pójdi pójdite /.../ šèl šlà šlò /.../

Хотя это не утверждается эксплицитно, но кажется, что формы с *po-*, т. е. *pojdem* и императив *pojdi* являются формами СВ, а все остальные формы без префикса *po-* – биаспектуальные. Конечно этот глагол имеет очень много значений (16) и выступает во многих идиоматических выражениях. Его значения иногда толкуются через глагол НСВ, а иногда – через глагол СВ. Приведем некоторые из них:

1. *premikati*^{НСВ} *se s korakanjem, zlasti v določeno smer: ko je šel po prehodu za pešce, ga je zadel avto;*

2. *opraviti*^{СВ} *kako pot: zjutraj je šel v mesto;*

3. *izraža, da osebek s hojo, s premikanjem napravi*^{СВ}, *da ni več ali da je na določenem mestu: ob štirih je šel z doma;*

5. *pog. potegniti*^{СВ}, *seči*^{СВ}: *šel je s pinceto globoko v rano, da bi izvlekel drobec;*

Приведем несколько толкований идиоматических выражений:

Ekspres. *gre mu na otročje postaja*^{НСВ} *otročji*; ekspres. *tovarna je šla v zrak tovarno je uničila*^{СВ} *eksplozija; evfem. šel je na drugi svet umrl*^{СВ} *je*; ekspres. *šel je po gobe umrl*^{СВ} *je*;

Во всех приведенных примерах, которые парафразируются глаголами СВ, речь идет о целостном, однократном действии, которое по дефиниции требует глагола СВ, например

(1) *Ob štirih je šel*^{СВ} *z doma.* 'Он вышел из дома в 4 ч.'

(2) *Šel*^{СВ} *je na drugi svet.* 'Он умер'.

1.2 В словенском языке трудно найти диагностический контекст, который категорически требует глагола СВ. Топоришич [2000: 348] приводит контекст *Počakaj, da (pridem)*. В копусе *Nova beseda* находим пример:

(3) *»Ne, rog ni videti. Toda počakaj, da gre*^{СВ} *tema mimo,« je rekel kovač, ker je prav takrat teman oblak zakril mesec. Ko je šla tema mimo, je kovač vzel v roke hudičevo glavo in jo obračal kakor star pisker.* (Ciril Kosmač: *Kovač in hudič*) *»Нет, рогов не видать. Хотя погоды, пока темень разойдётся.« - сказал кузнец, потому что именно в этот момент черная туча закрыла луну. Когда опять посветлело, кузнец взял голову черта и стал вертеть ее в руках как старую кастрюлю.'*

В интернете такой пример:

(4) *Počakaj, da grem*^{СВ} *v penzijo.* 'Погоды, пока я уйду на пенсию.'

(<http://hribi.net/trenutnerazmere.asp?slo=1&gorovjeid=10001&id=2824&stran=90>).

Перфективное значение особенно ясно прослеживается в формах прошедшего и будущего времени, когда выражается однократное целостное действие. В таких случаях формы *sem šel, bom šel* легко заменить формами глаголов СВ, например, *oditi* или *odpraviti se*. Вышеприведенные примеры из SSKJ можно парафразировать *zjutraj je odšel/se je odpravil v mesto; ob štirih je odšel/se je*

⁷⁵ Как биаспектив этот глагол определяется уже в словаре Плетершника (1894-95), а также в [Slovenski pravopis 2001].

odpravil z doma. Совершенно нормален такой диалог, где, как нам кажется, обязательным является употребление глагола СВ (в данном случае *sem šel*):

(5) *In kaj si potem naredil^{CB}? Takoj sem šel^{CB} domov*. 'И что ты потом селал? Потом я сразу пошел домой.'

1.3 При переводах на русский или с русского языка формам *sem šel/bom šel* соответствуют формы *пошел/пойду*. Примеры из [Derganc 1986]:

(6) *Я пошёл^{CB} направо*. [Ерофеев 1990: 6]

(6') *Šel^{CB} sem na desno*. [Jerofejev 1980: 11]

(7) *Tašča: Pogledj, kam je šel^{CB}!* [Hieng 1979:15]

(7') *Těца: Взгляни-ка, куда это он пошёл^{CB}!* [Хинг 1984: 200]

Итак, русской видовой паре *идти-пойти*⁷⁶ в словенском языке в контекстах как с глаголами СВ, так и с глаголами НСВ соответствует биаспектив *iti*.⁷⁷ Единственной формой с префиксом *po-*, которая употребляется без ограничений, является императив *pojdi*.⁷⁸ Формы *pojdem, pojdeš* ... имеют определенные особенности и стилистические ограничения, в разговорной речи они почти не употребляются.

1.4 Положение форм *pojdem, pojdeš* ... отличается от форм перфективного презенса других глаголов. В словенском языке формы перфективного презенса чаще имеют значение неактуального настоящего, например, узуального, итеративного, вневременного, значение перформативное, модальное, значение исторического настоящего [например, Derganc 2003] и реже значение футура. А формы *pojdem, pojdeš* имеют значение футура, как, например, в народной песне *Jaz pa pojdem na Gorenjsko* 'А я пойду/поеду в край Гореньско'. Это характерно и для некоторых других глаголов детерминированного движения с приставкой *po-*, например, *ponesem, povedem, popeljem, pojezdim, poletim* [Merše 1995: 290, Orožen: 1984: 167]. Эти глаголы не нейтральные, у глаголов *ponesti, povesti, pojezditi* в SSKJ есть помета *ekspresivno*. Стилистически окрашена и форма *pojdem*. В корпусе *Nova beseda* с формой *pojdem* найдено 1140 примеров из литературных произведений, 21 пример из публицистики (при том, что в некоторых примерах эта форма встречается в цитатах из народных песен), 1 пример из записей речей в парламенте и ни одного примера из юридических текстов. Показательно, что при переводе русской формы *пойду* на словенский язык переводчик употребил форму *bom šel*, которая несомненно преобладает в современном языке, хотя он мог бы употребить и форму *pojdem*.

(8) *Я пойду^{CB}, сейчас пойду^{CB}*. [Ерофеев 1990: 7]

(8') *Šel^{CB} bom, koj bom šel^{CB}*. [Jerofejev 1980: 13]

(8'') *Pojdem^{CB}, takoj pojdem^{CB}*.

2 В связи с идиосинкратическими формами слов. глагола *iti* очень интересна работа С. Дики [Dickey 2011]. Он считает, что очень важную роль в процессе формирования видовой системы восточного типа в славянских языках, в том числе в русском, сыграли взаимосвязанные процессы: активизация префикса *po-*, формирование видовой пары *идти-пойти* и более или менее обязательное употребление глаголов СВ в цепочке действий.⁷⁹ Видовые системы западного типа более архаичны и, согласно Дики, из-за влияния немецкого языка такое развитие в них не произошло.

Что касается глагола *iti* в словенском языке, то полного развития глагола **poiti* с формами **sem pošel* и **bom pošel*, как мы видим, в нем действительно не наблюдается. Существуют лишь уже упомянутые формы императива *pojdi* и перфективного презенса *pojdem* (со всеми

⁷⁶ О том, что *идти-пойти* часто функционирует как видовая пара, пишут, например, [Зализняк, Шмелев 2002: 91-92].

⁷⁷ С. Дики считает, что словенский глагол *iti* не биаспектив, а имперфектив, как это считается в отношении глагола 'jít' в чешском языке [Dickey 2003: 203]. Мы с этим не согласны и считаем, что определение этого глагола как биаспектуального, традиционное для словенской лингвистики, в большей степени соответствует положению вещей. Об этом см. также [Jakopin 1971, Derganc 2014, Derganc 2014a].

⁷⁸ Форма императива *idi* в SSKJ приводится с пометой *stil.*, а в [Slovenski pravopis 2001] с пометой *poKr.* ('областное').

⁷⁹ Хотя это требование, конечно, не абсолютно, ср. [Бондарко 2005: 359].

вышеупомянутыми ограничениями в его употреблении). Во всех контекстах, требующих глаголов СВ, употребляется бесприставочный глагол *iti*, благодаря чему он и определяется как биаспектив.

2.1 Интересно, что в словенских текстах XVI века ситуация примерно такая же, как в современном языке. Как отмечает М. Мерше [1995: 252], глаголы детерминированного движения в текстах XVI века в прошедшем и давнопрошедшем времени могут функционировать как биаспективы. Она приводит два примера:⁸⁰

(9) *ISrael pak je vunkaj shal pruti Philisterjem na boj, inu fo legli per EbenEzeri* (DB 1584, I,151a). 'И выступили Израилтяне против Филистимлян на войну и расположились станом при Авен-Езере.'⁸¹

(10) *Inu Prerok Iesaja je klizal na GOSPVDA, inu senza je nasaj shla deffet stopin na Ahasovim Zagarji, katere je ona bila vshe doli shla* (DB 1584, I, 216b). 'И воззвал Исаия пророк к Господу и возвратил тень назад на ступенях, где она спускалась по ступеням Ахазовым, на десять ступеней.'

М. Мерше предполагает, что префикс *po-* (в отличие от префикса *za-*) в ингрессивном значении утратил свою продуктивность еще до начала XVI века, ср. и [Dickey, Hutcheson 2003, Dickey 2011]. В текстах XVI века можно еще найти инфинитив *pojti*, но в более поздних текстах его больше нет. Его место занимает инфинитив *iti* [Merše 1995: 291].

(11) *INu kadar je David h'tem dvejstu Moshem bil prishal, kateri fo bily pretrudni sa Davidom pojti, inu fo bily per tem potoku Bezor oftali* (DB 1584, I,167a). 'И пришел Давид к тем двум стам человек, которые не были в силах идти за ним, и которых он оставил у потока Восор.'

(11') *Inu David pride do dvestu mosh, kateri fo bily sa volo truda nasaj oftali, inu nifo samogli sa Davidom jiti* (JB 1802, II, 142).

Формы *pojdem* также, как и формы некоторых других глаголов (*ponesti, pojezditi, poteči*) в текстах XVI века выступают в значении футура, но в более поздних текстах могут быть заменены аналитической формой футура [Merše 1995: 290-91]:

(12) *Satu fim jeft djal: Sdaj pojdeo Philisterji doli k'meni v 'Gilgal* (DB 1584, I, 156a). 'Тогда подумал я: Теперь придут на меня Филистимляне в Галгал'.

(12') *Sim rekal: Sdaj bodo Filistejzi nadme doli prišli v'Galgalo* (JB 1802, II, 52).

На основании работы М. Мерше можно заключить, что в текстах XVI века можно найти следы тенденции к развитию пары *iti – pojti*, но этот процесс не осуществился в полной мере, даже уже существовавшая форма инфинитива *pojti* перестала употребляться.

3 Выводы: в словенском языке не развилась полная парадигма видовой пары *iti-poiti*. Глагол *iti* выступает как биаспектив,⁸² единственной нейтральной формой с префиксом *po-* является императив *pojdi*. Формы перфективного презенса *pojdem, pojdeš* имеют значение футура, они книжно окрашены и в современном языке обычно замещаются формами *bom šel*. В этом смысле ситуация в словенском языке подтверждает гипотезу С. Дики, согласно которой в развитии видовой системы восточного типа большую роль сыграли активизация префикса *po-* и развитие пары *идти-пойти*. В словенском языке как в представителе западной группы славянских языков это явление не имело места, хотя в XVI веке слабые тенденции в этом направлении намечались.

⁸⁰ Интересно и то, что в обоих примерах речь идет о глагольных фразах типа *iti ven, iti nazaj, iti dol*, которые, вероятно, в словенском языке появились под влиянием немецкого языка. Об этом см., например, в [Reindl 2008: 105-108]. С. Дики считает (дискуссия на конференции 'Роль префиксов в процессах формирования категории аспектуальности' в сентябре 2015 г. в Падуе), что именно это явление влияло на различие между полным развитием форм *пойти* в русском и только началом этого развития в словенском языке. В словенском языке также нет глаголов, которые бы соответствовали русским глаголам *войти, выйти*. Вместо этих приставочных глаголов употребляются глагольные фразы *iti (noter) v, iti noter. iti (ven) iz, iti ven*. Тем не менее, в словенском языке существуют приставочные глаголы детерминированного движения, например, *priti, oditi, zaiti, obiti, uiti*. Существует и глагол *poiti, poidem, poideš, pošel*. Но это уже не глагол движения, он имеет значение 'кончиться' – о запасах, вине и т.д. *Zaloge so pošle*. 'Запасы кончились'.

⁸¹ Переводы из <http://www.bibleonline.ru/>.

⁸² Кампхейс на конференции 'Роль префиксов в процессах формирования категории аспектуальности' в сентябре 2015 г. в Падуе предложил свою видовую классификацию глаголов в церковнославянском языке. Некоторые из глаголов, особенно *simplicia*, например, *vesti*, он считает анаспектуальными (*anaspectual*). М. б. *simplex iti* в словенском языке также сохранил некоторые характеристики невидового глагола.

Литература

- Бондарко 2005 – А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. Москва: Языки славянских культур, 2005.
- Зализняк, Шмелев 1997 – Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Лекции по русской аспектологии. München: Verlag Otto Sagner, 1997.
- Derganc 1986 – A. Derganc. Glagolska predpona *po-* v ruščini in slovenščini // Vestnik Društva za tuje jezike in književnosti SRS. 1986. Vol. XX, 1-2. P. 12-21.
- Derganc 2014 – A. Derganc. Še o glagolih premikanja v ruščini in slovenščini // A. Vidovič Muha, A. Žele (eds.). Prostor v jeziku in jezik v prostoru = Space in language and language in space. Slavistična revija. Vol. 62. No. 3. P. 345-351. http://www.srl.si/sql_pdf/SRL_2014_3_07.pdf.
- Derganc 2014a – A. Derganc. Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih // Slavistična revija. Vol. 62. No 4. P. 537-543. http://www.srl.si/sql_pdf/SRL_2014_4_04.pdf.
- Dickey 2003. – S. M. Dickey. Verbal Aspect in Slovene // Slovenian from a typological perspective. Sprachtypologie und Universalienforschung = Language typology and Universals. Vol. 56. No. 3. P. 182-207.
- Dickey 2011 – S. M. Dickey. The Varying Role of *po-* in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact // *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 19. No. 2. P. 175-230.
- Dickey, Hutcheson 2003 – S. M. Dickey, J. Hutcheson. Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic // Contributions to the 13th International Congress of Slavists. Ljubljana, 2003. R. Maguire & A. Tiberlake (eds.). Bloomington, Indiana: Slavica. Vol. 1. Linguistics. P. 23-37.
- Jakopin 1971 – F. Jakopin. Glagoli premikanja v slovenščini in ruščini // Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Vol. 7. P. 1-12.
- Merše 1995 – M. Merše. Vid in vrstnost glagola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1995.
- Orožen 1984 – M. Orožen. Gramatična in leksikalna preobrazba Dalmatinovega knjižnega jezika ob Japljevem prevodu biblije (1584 -1802) // Protestantismus bei den Slowenen. Protestantizem pri Slovencih. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 13. P. 153-179.
- Reindl 2008 – D. F. Reindl. Language Contact: German and Slovenian. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 2008.
- Toporišič 2000 – J. Toporišič. Slovenska slovnica. Maribor: Nova obzorja, 2000.

Словари

- Nova beseda. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. Laboratorij za korpusno jezikoslovje. http://bos.zrc-sazu.si/nova_beseda.html
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. I-IV. Ljubljana: SAZU in DZS, 1970-91. <http://www.fran.si/130/sskj-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika>
- Slovenski pravopis 2001 – Slovenski pravopis. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti in Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2001. <http://www.fran.si/134/slovenski-pravopis>
- Pleteršnik 2010 (1894-95) – Pleteršnikov Slovensko-nemški slovar. Spletna izdaja. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2010. <http://bos.zrc-sazu.si/pletersnik.html>

Литературные источники

- Ерофеев 1990 – В. Ерофеев. Москва – Петушки. Москва: Издательство СП Интербук, 1990.
- Jerofejev 1980 – V. Jerofejev. Moskva – Petuški. Ljubljana: Cankarjeva založba, 1980.
- Nieng 1979 – A. Nieng. Večer ženinov. Maribor: Obzorja, 1979.
- Хинг 1984 – А. Хинг. Блудный сын и другие пьесы. Москва: Радуга, 1984.

ТАКСИСНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ПРИЧАСТИЯМИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

This paper examines the semantic and syntactic features of taxis constructions with future active perfective participles and pinpoints a number of factors that contribute to their growing use in contemporary spoken Russian. These include, in particular, the type of taxis construction, predicate semantics and hypothetical modality. Particular attention is devoted to potential and prospective aspectual meanings.

0. Введение

Видо-временная система причастий русского языка долгое время имела одну морфологическую лауну – отсутствие причастных форм будущего времени. Этот факт отмечался в академических грамматиках русского языка, при этом некоторое исключение делалось для причастий действительного залога, образуемых от основ совершенного вида с суффиксами *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*). Были зафиксированы единичные образования таких причастий в литературных произведениях преимущественно XIX века, однако эти причастные формы признавались этими грамматиками **ненормативными** [ГРЯ 1960, т. 1: 506; ГСРЛЯ 1970: 419; РГ 1980, т. 1: 667]. См. (1):

- (1) *При этих словах Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обреченная жить в глуши и во всю жизнь, может быть, **не увидящая** ни балов, ни театров* (Писемский, Тысяча душ, ч. 3, 1 пример из [ГРЯ 1960, т. 1: 506]).

Отдельные примеры употребления форм действительных причастий СВ содержит и НКРЯ.⁸³ Так, при поиске на ПрБудСВ в подкорпусе НКРЯ, содержащем тексты со снятой грамматической омонимией, встретилось всего три словоупотребления ПрБудСВ, при этом только один пример относится к современному периоду:

- (2) *Венеция — город-мечта. Великолепные дворцы, перламутровые церкви, разряжённые соборы, отражающиеся в зеркале каналов, — всё это кажется миражом, вот-вот **растворяющимся** в воздухе* (Итальянское каприччио для путешественников (2000) – НКРЯ).⁸⁴

Появившаяся в настоящее время возможность письменной фиксации языка в Интернете, в котором присутствует русская речь, не подвергнутая литературной редакторской правке, позволяет констатировать феномен растущего употребления причастий будущего времени в современном русском языке. Этот факт отмечается в ряде работ (см., например, [Эпштейн 2000, 2003, 2007; Гловинская 2006, 2007; Крапивина 2009; Влахов 2010; Кирьянов, Шагал 2011]).

Среди факторов, способствующих или препятствующих образованию ПрБудСВ, выделялись прежде всего морфологические и морфонологические характеристики производящего глагола (см., более подробно [Влахов 2010]). Как показало это исследование, наиболее активно причастия буд. времени образуются от производных префиксальных глаголов продуктивных I – II классов: *сумеющий* – более 4500 употреблений, *сделающий* – более 3500 употреблений, *пожелающий* – более 3000 употреблений, *сыгравший* – более 1200 употреблений, *прочитающий* – 727; *потребующий*, *стребующий* и варианты с другими префиксами – более 2000 и т.п. [Влахов 2010: 17].

Одним из важных выводов, полученных в результате эксперимента с носителями русского языка, можно считать и то, что действительные причастия будущего времени СВ уже не воспринимаются ими как абсолютно маргинальные [Крапивина 2009; Кирьянов, Шагал 2011].

⁸³ См. список условных сокращений в конце статьи.

⁸⁴ Подкорпус текстов со снятой грамматической омонимией содержит около 6 млн. слов. В основном корпусе встречаются, однако, и другие единичные примеры. См. пример (206).

Настоящее исследование, как и предыдущие, имеет в качестве своего основного источника язык Интернета. Материалом послужили причастные формы, встречающиеся в поисковой системе Google более 100 раз в форме им. п. ед. ч. муж. р.

Основная цель – описать особенности функционирования ПрБудСВ на современном этапе. В отличие от предыдущих исследований акцент в большей степени делается на особенностях проявления функций СВ во взаимодействии с таксисными⁸⁵ и модальными значениями. Мы исходим из предположения о том, что развитие и закрепление грамматической формы в речи вызвано коммуникативными причинами, при этом важную роль играют стереотипные семантико-синтаксические комплексы, позволяющие этой форме реализовать потенциальные возможности грамматических категорий, которые она содержит, в данном случае – категорий вида и времени.

1. Таксис следования

В рассматриваемых предложениях ПрБудСВ выражают ситуацию P_1 , которая следует за ситуацией P_2 , обозначаемой, как правило, финитным глаголом. При этом ПрБудСВ могут участвовать в выражении таксисных отношений следования во всех временных планах. Так, обе ситуации могут быть локализованы в плане прошлого (см. (1)). В данном случае причастие выражает относительное время. Однако анализируемые формы намного чаще имеют абсолютно-относительное значение: причастие СВ имеет абсолютное значение будущего времени, и при этом оно выражает следование по отношению к финитному глаголу наст. времени (см. (3)), буд. времени (см. (4)) и прош. времени (см. (5)), который соотносится с моментом речи:

- (3) *10 apr. 2012 – Работницы укладывают икру в стеклянные банки, **пойдущие** на экспорт* (Интернет).
- (4) *1 aug. 2013 – Сайт Bleeding Cool сообщает, что уже 4 августа BBC объявит актёра, **сыграющего** нового Доктора* (Интернет).⁸⁶
- (5) *2 nov. 2006 – Центральный компьютер выбрал вас и еще несколько счастливых, бесплатно **получающих** товары, ...* (Интернет).

Причастия в вышеприведенных примерах выступают в конкретно-фактическом значении СВ. Отметим, что в имеющейся в нашем распоряжении подборке примеров, многие причастия имеют потенциальное значение. Выражение этого значения причастиями СВ имеет свои особенности. Остановимся на них более подробно, сравнив их с особенностями выражения потенциального значения в индикативе и в инфинитиве.

1. Потенциальная возможность или невозможность осуществления действия, названного финитным глаголом СВ будущего времени или инфинитивом СВ, не относится к какому-то определенному моменту времени [Бондарко 1971: 23]. Реализация этого значения обычно требует контекстной поддержки, т. е. дополнительного указания на обобщенный характер описываемого действия. Такие предложения обычно содержат обобщенно-личную конструкцию, местоимения *любой, всякий, каждый, такой* и т.д. Например:

- (6) а. *Он **решит** любую задачу.*
б. *Таких книг в магазинах **не найдешь**.*
в. *Этого тебе **не понять**.*

В анализируемых конструкциях с ПрБудСВ обобщенность выражается прежде всего с помощью имени существительного, не имеющего конкретно-референтный статус, а также местоимениями типа *кто-нибудь, кто-то, всякий* и т.п. Предложения могут также содержать

⁸⁵ Здесь принимается трактовка категории таксиса, сформулированная в работе [Храковский 2003]. Под таксисом понимается категория, «которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование / следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n » [Храковский 2003: 37].

⁸⁶ В примерах из Интернета сохранена их пунктуация, графика и орфография.

наречия *всегда* (см. (7а)) или в отрицательном варианте – наречие *никогда* (см. 8а). Такие предложения трансформируются в предложения с определительными придаточными, вводимыми местоимением *который*. Ср.:

- (7) а. ... **и всегда** найдется человек, **скажущий** тебе именно те слова, которые нужны ... (Интернет).
б. ... **и всегда** найдется человек, **который скажет/сможет сказать** тебе именно те слова, которые нужны ...
- (8) а. ... **сидит перед ним человек подходящий на должность или с набором корочек и языков, но никогда не справящийся с этой работой** (Интернет).
б. ... **сидит перед ним человек, [...] который никогда не справится/не сможет справиться с этой работой.**

2. Одна из отличительных особенностей конструкций с ПрБудСВ заключается в том, что потенциальному значению СВ может имплицитно сопутствовать значение гипотетичности. В отличие от предложений типа (7)-(8), в которых констатируется существование субъекта, обладающего тем или иным качеством, которое имеет потенциальную возможность проявления, в предложениях данной группы не утверждается существование субъекта. Оно лишь предполагается, что проявляется и в семантике ПрБудСВ. Так, при трансформации в придаточное определительное предложение причастию в данном случае может соответствовать не только форма индикатива, но и форма сослагательного наклонения. Ср. примеры (9а) и (9б):

- (9) а. **Ищу программиста, напишущего несложный скрипт для игры** (Интернет);
б. **Ищу программиста, который напишет/может написать/написал бы несложный скрипт для игры.**

Главная часть таксисной конструкции представляет собой контекст снятой утвердительности: она может содержать интенциональные предикаты (*нужен, надо, искать* и т.п.) (см. (9а), (11), (15), (16), (17)), формы повелительного наклонения (см. (12)), выражать ту или иную степень сомнения (см. (13), (18), (19)) и вопрос (см. (14)):

- (11) **Срочно нужен человек пишущий рефераты** (Интернет).
(12) **Дайте мне программу, открывающую мне почтовые аккаунты моего соседа** (Интернет).
(13) **По мнению Простакова, к осени этого года на Украине едва найдется человек, пожелавший стать премьер-министром** (Интернет).
(14) **Хотели прихода эффективного хозяина, поднимающего экономику и переживающего за свое предприятие?** (Интернет).

Обращает на себя внимание достаточно частая встречаемость анализируемых конструкций в языке Интернета и их удивительная стереотипность. И это не случайно: одна из общих тем, которая объединяет высказывания данной группы – это тема поиска. Говорящий (пишущий) ищет, например, кого-либо, кто бы обладал теми или иными качествами, мог бы выполнить ту или иную работу (См. (9), (11), (15), (16), (17)). ПрБудСВ в данном случае образуются от глаголов, обозначающих активные действия-умения, ментальные способности и качества: *написать – пишущий, сделать – делающий, сказать – скажущий, суметь – сумеющий, открыть – открывающий, понять – понимающий* и т. п.:

- (15) **4 apr. 2014. Мне нужен человек, скажущий, что нужно делать ...** (Интернет).
(16) **16 mars 2011 - Нужен хороший специалист, разбирающийся в анализах и сумеющий направить куда-то дальше** (Интернет).
(17) **Ищу понимающего меня человека** (Интернет).

Тема поиска продолжается на различных форумах и блогах, трансформируясь в рассуждения более общего характера о возможном существовании потенциального адресата или предмета обсуждения, которые обладали бы теми или иными качествами. Здесь необходимо отметить значительную частотность высказываний с глаголом *найтись*:

- (18) *Жизнь современного человека без компьютера немыслима, и вряд ли найдется кто-то, **пожелающий** это оспорить* (Интернет).
- (19) *18 maj 2006 - Если только найдется умолишенный спонсор, себе в большой убыток **пожелающий** вкладывать деньги в русскую рулетку, ...* (Интернет).

Как показало исследование Н. Добрушиной [Dobrushina 2010], употребление форм сослагательного наклонения в определительных придаточных предложениях современного русского языка не является строго обязательным: формы сослагательного наклонения часто могут свободно заменяться формами индикатива и наоборот. Для нашего анализа, однако, важно подчеркнуть возможную синкретичность выражения модальных и немодальных значений в формах ПрБудСВ, что является примером необычайной емкости анализируемых форм.

2. Таксис контактного следования

При контактном следовании ситуация Р₁ следует непосредственно за ситуацией Р₂ после ее естественного завершения [Храковский 2003: 42]. Непосредственный контакт между ситуациями подчеркивается различными наречиями при ПрБудСВ: *незамедлительно* (см. (20а)), *сейчас* (см. (20б)), *вот-вот* (см. (20в), (20г)) и др.

- (20) а. *Как только Вы выйдете с берега в море, появятся 4 французских корабля, **незамедлительно открывающих** по Вам огонь* (Интернет).
- б. *Я не выдержал и начал хохотать по-настоящему, от души. Так вот что ожидает немцев, **сейчас пойдущих** в атаку, чтобы раздавить один-единственный несчастный эскадрон* (Гумилёв. Записки кавалериста. НКРЯ).
- в. *9 дек 2012 – ... то теперь лишь остался какой-то налет грусти по чему-то то ли несбывшемуся, то ли **вот-вот теряющему** возможность сбыться.*
- г. *20 фев 2008 – Мы со всех ног помчались в **вот-вот закрывающийся** магазин игрушек* (Интернет).

Наиболее частотной является причастная конструкция с наречием *вот-вот*, которая обозначает прогнозируемую последующую ситуацию Р₁, при этом сама возможность осуществления такой ситуации одновременна ситуации Р₂, моменту речи (первичный дейксис) (см. (20в)) или моменту речи субъекта повествования (вторичный дейксис) (см. 20г). О. Ю. Чуйкова относит конструкции с наречием *вот-вот* к одному из средств выражения проспективного аспектуального значения в русском языке. Исследователь отмечает, что «наречие *вот-вот* употребляется с формами буд. времени СВ и практически не сочетается с буд. вр. НСВ» [Чуйкова 2014: 204]. Такая преимущественная сочетаемость с финитными формами СВ не могла не отразиться и на ее исключительной воспроизводимости и в причастной конструкции с ПрБудСВ. Ср. *вот-вот упадет – вот-вот упавший* (см. (21а)), *вот-вот откроет – вот-вот открывший* (см. (21б)):

- (21) а. *29 mars 2013 - ...вы с грустью посмотрели на стопку **вот-вот упавших** журналов* (Интернет).
- 23 maj 2015 - Модераторы данное сообщение приняли со спокойствием буддийских монахов, **вот-вот открывших** для себя путь в нирвану ...* (Интернет).

Следует также добавить, что причастие, находясь в постпозиции к определяемому слову, может не занимать начальную позицию.⁸⁷ Такая общая синтаксическая особенность причастий позволяет им использоваться шире по сравнению с определительными придаточными предложениями, вводимыми местоимением *который*, а в случае с ПрБудСВ дает им возможность проникать в речь на законных синтаксических основаниях. По мнению Д. П. Кириянова и К. А.

⁸⁷ См. (20 а,б), (2). См. также и другие примеры (1), (8а), (16, в которых ПрБудСВ не занимает начальную позицию в причастном обороте.

Шагал, если говорящий уже начал зависимую предикацию с любой фразовой категории, не доминирующей над союзным словом *который* (обстоятельством времени и т. п.), то он уже не может воспользоваться определительным придаточным предложением и вынужден употребить нелитературную форму причастия [Кириянов, Шагал 2011: 95]. Это наблюдение подчеркивает специфику интернет-общения, которое не предполагает много времени на письменную правку.

Отметим также, что причастие может стоять и в препозиции к определяемому слову, что очень характерно для наречия *вот-вот* (см. (20в, г), (21)). Такая синтаксическая гибкость причастного оборота по сравнению с определительным придаточным предложением является его несомненным преимуществом в интернет-коммуникации.

3. Таксис предшествования

В выражении отношений предшествования ситуации P_1 , называемой причастным оборотом, по отношению к главной ситуации P_2 в плане будущего в русском языке стандартно принимают участие причастия прошедшего времени. Например:

- (22) *Аутсайдеры, **набравшие** на выборах два и менее процентов голосов избирателей, вынуждены будут вернуть государству все средства за бесплатное эфирное время и печатную площадь, которую им предоставят государственные СМИ* (Н. Викторова. Нас ждут новые выборы по новым законам (2003) // «Новороссийский рабочий», 2003.01.15. НКРЯ).

Однако, как показывает имеющийся у нас языковой материал, в выражении таксисных отношений предшествования в плане будущего могут принимать участие и ПрБудСВ. В связи с этим заслуживают анализа условия, при которых их появление оказывается возможным. По наблюдениям М. Я. Гловинской, замена причастий будущего времени на причастия прошедшего времени и даже на причастия настоящего времени допустима прежде всего при неконкретно-референтном статусе субъекта:

- (23) *Будешь бояться всякого **поднимающего** на тебя руку* [можно *поднявшего* и даже *поднимающего* в результивном кратном НЕСОВ].⁸⁸

См. еще:

- (24) *Тот же человек, **попробующий** утверждать подобное в обществе, будет признан нездоровым, ибо пытается нарушить ОБЩЕЕ согласие* (Интернет).
Ср.: *попробовавший* или *пробующий*.

Употребление причастий прошедшего времени в плане будущего оказывается, однако, невозможным в том случае, если контекст допускает их абсолютную интерпретацию.⁸⁹ Так, в примере (25) замена причастия *откроющихся* на *открывшихся* позволяет трактовать причастие прошедшего времени как выражающее абсолютное временное значение, что противоречит действительному положению вещей: в момент речи точки общепита, о которых идет речь, еще не открылись:

- (25) а. *29 фев 2012 – На Крещатике болельщики смогут перекусить в специально **откроющихся** точках общепита, отдохнуть под капитанами ...* (Интернет).

Ср.:

- б. *в специально открывшихся точках общепита ...*

Подобная ситуация наблюдается и в примере (26): говорящий лишь прогнозирует будущую ситуацию, а причастие прошедшего времени *потерявшему* не исключает возможности обозначения наличия результата в настоящем, что ведет к неоднозначному толкованию:

⁸⁸ Пример и наблюдения из работы [Гловинская 2006: 181].

⁸⁹ См. также и некоторые другие случаи в работе [Гловинская 2006: 182] и наблюдения в работе [Влахов 2010: 29-30].

- (26) *8 дек 2011 – Плохо будет всем, даже Китаю – **потеряющему** рынки сбыта* (Интернет).
Ср.: *потерявшему*

Причастия будущего времени в анализируемых примерах выступают в относительно-абсолютном употреблении. Они обозначают будущее действие по отношению к моменту речи (абсолютное значение) и при этом называют зависимую ситуацию, предшествующую главной. На наш взгляд, желание преодолеть неоднозначность толкования причастий прошедшего времени в контексте будущего вызывает необходимость «образовывать» причастия будущего времени, абсолютное значение которых позволяет более четко выразить отнесенность ситуации к будущему в анализируемых таксисных контекстах. Очевидно, что этому может способствовать и особый дейктический характер ситуации общения в Интернете: говорящий/пишущий, обращаясь к своим виртуальным собеседникам, отмечает, с одной стороны, привязанность сказанного к моменту речи («здесь и сейчас» моего высказывания в сети) и, с другой стороны, подчеркивает и наличие адресата в будущем. Так, в примерах (27а) и (27б) действия, о которых идет речь, с точки зрения говорящего, могут иметь место только в будущем по отношению к «его моменту речи», так как неконкретно-референтный субъект-адресат и его действие существуют для говорящего только в будущем:

- (27) а. *8 дек 2008 – Конечно большинство мужчин, **прочитающих** эту книгу решат, что все это сплошной бред* (Интернет).

Ср.: *прочитавших*

б. *Читатель **увидящий** Вашу просьбу о прочтении, поймет, что Вы человек серьезный, готовый принять критику и соответственно движущийся ВПЕРЕД!* (Интернет).

Ср.: *увидевший*

4. Заключение

Действительные причастия будущего времени от глаголов СВ на настоящий момент используются в широком спектре текстов Интернета, в которых присутствует спонтанная русская речь. Как показало настоящее исследование, они, в частности, употребляются при выражении таксисных отношений следования (преимущественно) и предшествования.

Причастная форма оказывается в данном случае более гибким, компактным и семантически емким языковым средством по сравнению с определительными придаточными предложениями. Можно предположить, что появление и распространение формы ПрБудСВ соответствует общей тенденции языкового развития, отмеченной Т. М. Николаевой, согласно которой «язык стремится к передаче все большего количества информации в единицу времени» [Николаева 1991: 16].

Сравнительно частая встречаемость, стереотипность оформления проанализированных выше конструкций свидетельствует о сформировавшихся в современной русской речи семантико-синтаксических комплексах с ПрБудСВ, в которых реализуется потенциальное и проспективное аспектуальные значения СВ, при этом значение потенциальности может выступать синкретично с модальностью гипотетичности.

Иными словами, воспроизводимость той или иной конструкции говорит о ее коммуникативной востребованности. Вполне возможно, что растущее употребление причастий будущего времени заставит пересмотреть языковые нормы и эти причастия из узуса перешагнут в нормативное употребление, в первую очередь, в тех случаях, когда их употребление подтверждается сложившимся стереотипом и/или вызвано коммуникативной потребностью однозначного отнесения выражаемой ситуации в план будущего.

Список условных сокращений

НКРЯ– Национальный корпус русского языка; ПрБудСВ – действительные причастия будущего времени совершенного вида; СВ – совершенный вид.

Литература

- Бондарко 1971 — А.В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971.
- Влахов 2010 — А.В. Влахов. Причастия будущего времени в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра филологии. Санкт-Петербург. Машинопись, 2010.
http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=314&Itemid=75
- Гловинская 2006 — М.Я. Гловинская. Действительные причастия будущего времени в русском языке in statu nascendi // *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Krakow, 2006. С. 177-184.
- Гловинская 2007 — М.Я. Гловинская. Язык интернета как средство обнаружения неустойчивых участков языка // *Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.)*. Труды и материалы. Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Потапов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 180.
<http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/6.pdf>
- ГРЯ 1960 — Грамматика русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- ГСРЛЯ 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
- Кирьянов, Шагал 2011 — Д. П. Кирьянов, К. А. Шагал. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // *Труды Института лингвистических исследований РАН*. Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 3 / Отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: Наука, 2011. С. 93-98.
http://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_VII_3.pdf
- Крапивина 2009 — К.А. Крапивина. Причастный таксис в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра филологии. СПб. Машинопись, 2009.
http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=265&tmpl=component&format=raw&Itemid=67
- Николаева 1991 — Т.М. Николаева. Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка) // *Вопросы языкознания*. 1991. № 2. С. 12-26.
- РГ 1980 — Русская грамматика. М.: Наука, 1980. <http://rusgram.narod.ru>
- Храковский 2003 — В.С. Храковский. Категория таксиса (общая характеристика) // *Вопросы языкознания*. 2003. № 2. С. 32-54.
- Чуйкова 2014 — О.Ю. Чуйкова. Выражение значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации (перспектива / авертива) в русском языке // *Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова»*. 20-22 ноября 2014 года. Тезисы. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. С. 204-206.
- Эпштейн 2000 — М.Н. Эпштейн. Причастия будущего времени // *Проективный лексикон Михаила Эпштейна*. 2000. Выпуск 17. <http://www.emory.edu/INTELNET/dar17.html>
- Эпштейн 2003 — М.Н. Эпштейн. Страдательные причастия будущего времени. Система причастий // *Дар слова*. 2003. Выпуск 16. http://old.russ.ru/krug/20030225_dar-pr.html
- Эпштейн 2007 — М.Н. Эпштейн. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // *Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы международной научной конференции (ИРЯ РАН, М., 24-28.05.2007)*. Москва, 2007. С. 259-266.
- Dobrushina 2010 — N. Dobrushina. Subjunctive in Russian relative clauses // A. Grønn & I. Marijanovic (eds.). *Russian in Contrast*. Oslo Studies in Language. 2010. Vol. 2(1). P. 181-210.
<https://www.journals.uio.no/index.php/osla/article/viewFile/124/92>

ОСОБЕННОСТИ ВИДА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'НАЧАЛА' И 'КОНЦА'.

The article demonstrates that the imperfective verbs meaning 'beginning' and 'end' have the connotation of 'remote past'. The reflexive versions of the verbs *načinat'sja* and *končat'sja* in combination with the NP of time or place mean that one of the parameters "here and now" is negative, i.e. there is no unity of time and place. In addition, the verbs of beginning have a canceled meaning, a meaning of weaker intensity or a meaning of background in description of weather events.

Начинательные глаголы и прежде рассматривались в литературе, в частности *стать* vs. *начать* (Flank 1987), фазовые глаголы (Князев 2002), начинательные глаголы (Падучева 2002), начинательные способы действия (Зализняк и Шмелев 2002) и другие. В данной работе мы будем рассматривать сами глаголы 'начала' и 'конца' и дополнительные видовые значения, возникающие у этих глаголов.

Особый интерес представляет несовершенный вид глагола (НСВ), *начинать*, *кончать*, *начинаться*, *кончаться*, которые не подвергались внимательному рассмотрению. Нереклексивные глаголы *начинать* и *кончать* могут выступать как переходные и сочетаться с существительным, так и сочетаться с инфинитивом, и в этом последнем значении они и представляют интерес. Можно было бы предположить, что они представляют собой исключительно одну из фаз действия, указанного последующим инфинитивным глаголом: *начал учиться — продолжил учиться — кончил учиться*, однако мы наблюдаем отсутствие параллелизма между фазами и многообразие значений у глаголов со значением 'начала' и 'конца'.

Кроме ожидаемых значений повторяемости (1) и процессуальности (2) мы встречаем также аннулированное действие (3):

(1) После гимназии он **дважды начинал учиться** в университете, но ушёл, так и не окончив его. [Л. Серова. «Непостижимость судьбы...» (Константин Дмитриевич Бальмонт) // «Наука и жизнь», 2008]

(2) **Когда я начинал учиться**, морские подводные просторы были совершенно девственны. [Мария Головановская. Противоречие по сути (2000)]

(3) Отец учился в Москве у Ю. И. Янкелевича, **начинал работать** в Камерном оркестре знаменитого тогда Баршая, но впоследствии вернулся в Ереван. [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

Т.е. в (3) ретроспективное описание действия представлено как оборванное и не имевшее своего продолжения. На это указывает и дополнительный контекст *но впоследствии вернулся в Ереван*.

Аналогичное значение наблюдается в примере из Пушкина в контексте с беспокойством Владимира:

(4) Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир **начинал сильно беспокоиться**. Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рошу. [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/Метель (1830)]

Следует полагать, что после того, как он увидел чернеющий объект, беспокойство прошло.

Но кроме этих, встречаются и другие, неожиданные значения НСВ.

• давнопрошедшее действие или плюсквамперфект:

(5) Когда я только **начинал учиться**, случилось мне, после какого-то детского вечера, заночевать у моих двоюродных братьев. [Лев Гумилевский. Судьба и жизнь (1969) // «Волга», 1988]

(6) Айе вошел в чоттагин и опустил на замороженный земляной пол ярко-красный ящик с черными буквами на всех его четырех стенках — “Sapporo”.

...

— А что это за слово? — спросила Умкэнэу, показав на надпись. — Название напитка?

— Нет, — ответил Айе. — Это название города в Японии. Несколько лет назад там проходили зимние олимпийские состязания.

Айе **начинал учиться** грамоте еще тогда, когда чукотская письменность пользовалась латинскими буквами. [Юрий Рытхэу. Любовь (1970-1977)]

В обоих примерах мы имеем дело не с процессом и не с аннулированным действием, а с действием имевшем место очень давно. Ни рассказчик в повести «Судьба и жизнь», ни Айе в повести «Любовь» не прекращали и не прерывали обучения. Но события, описываемые в (5) и (6) имели место очень давно, в (6) эта давность особо подчеркивается (*еще тогда*). Иными словами, НСВ в данном случае обозначает давнопрошедшее действие, плюсквамперфект.

- ослабленное значение:

(7) Мышкин долго вертел конверт в руках и в конце концов изрёк с задумчивым видом:

— Хорошо обнаружить конверт, когда есть письмо. Я хочу сказать, когда знаешь содержание письма, но не знаешь, кто его написал. Тогда конверт— в самый раз. А у нас тут— одни неизвестные. Уравнение с одним известным...

Он **начинал** меня *слегка раздражать*. Ясное дело, лучше, чтоб и письмо было в наличии, и вообще, блюдечко с голубой каёмочкой! Тоже мне сыщик! [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

(8) А я, *кажется*, **начинал уяснять**, отчего не льнут к Любе парни, к такой её вроде бы домашней и доступной красоте. [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]

(9) Алла Владимировна была так явно сражена моим предложением, что я невольно **начинал исполняться** к ней довольно тёплыми чувствами. Готово дело. Готово. И на всякий случай незаметно поплевал через левое плечо. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

В (7) ослабление действия подчеркивается наречием *слегка*, а в (8) неуверенностью говорящего, выраженного вводным словом *кажется*. В (9) ослабленность передается выражением состояния говорящего и то, что чувство пришло к нему *невольно*.

Для сравнения аналогичные примеры СВ могут сочетаться с усилительными наречиями:

(10) Ему надо было поговорить. “А вы замужем?” — спросил он. “Конечно” — ответила я. Он **начал** меня *сильно раздражать*. (<http://lisitsa-alisa.livejournal.com/28131.html?thread=131043>)

(11) Цветистый, с явными пятнами одаренности текст **начал** меня *дика раздражать* своей очень уж бесхитростной идейной простотой. (Светлая Русь с зелеными волосами)

- указание на фон при описании погодных условий:

(12) Однажды, увлекшись с Саней оформлением террариума, заработались допоздна. И когда мы собрались домой, уже **начинало смеркаться**. Оставив коллегу сдавать ключи, я направился к выходу. На обратном пути заглянул к воронам, где обитал Карло — затейливый имитатор необычных звуков. Наш юннат и «крёстный отец» ворона мне как-то с радостью сообщил, что Карло наконец заговорил. [С. Ю. Бакатов. Поговори со мной (Записки ветеринарного врача) // «Наука и жизнь», 2009]

В аналогичном примере, где время суток имеет непосредственное значение для ведения рассказа, используется СВ:

(13) Как раз в тот день мать возвращалась из поездки. По моим подсчётам, она должна была уже часа три как быть дома. Мы с Мышкиным здорово засиделись — я с удивлением обнаружил, что **начало смеркаться** и зажигаются фонари. Я подходил к дому с твёрдым намерением при первой возможности задать матери свой вопрос. Во дворе было немного темнее, чем на улице, но всё-таки не настолько, чтобы я не узнал человека, вышедшего из нашего подъезда. Это был наш семейный адвокат... [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

И в (12) и в (13) участники событий *засиделись/заработались*, в обоих случаях не заметили бега времени. Единственное, что их различает — это то, насколько смена времени суток важна для рассказа.

Аналогичный контраст наблюдается между *начинало моросить* и *начало моросить*. В (14) начинающийся дождь является фоном основных событий, которые связаны с техническими неполадками в сенокосилке.

(14) Намотав на ножи провод, мини-трактов пару раз чихнул и заглох. Бригадир кликнул помощника. Тот прибежал и запрокинул газонокосилку на себя. Пока он удерживал машину на двух колесах, бригадир поворачивал руками ножи и сматывал с них провод. Как назло, **начинало моросить**. Нельзя было терять ни минуты. Стричь прибитую дождем траву будет сплошным мучением. Бригадир заторопился. (Дм. Григорьев. Кровь, или 72 часа)

Примеру (14) можно противопоставить примеры типа (15):

(15) И вскоре, пофыркивая и покачиваясь на ухабах, машина увезла и деда Василия, и всех прочих. К вечеру поутихло. Тучи присмирело сгрудились, непроницаемой толщей повисли над головой. **Начало моросить** — сперва одной только мокрой пылью, а потом посыпало и всерьез. Оркестранты, оставив лежать на жнивье инструменты, укрылись под застрехой обдерганной скирды. [Евгений Носов. Шопен, соната номер два (1973)]

В примере (15) погодные условия выступают на передний план и влияют на поведение героев.

Если мы рассмотрим глагол *начинаться*, то заметим, что у него также встречается значение давнопрошедшего времени. Следующий пример взят из описания многосезонного сериала. Авторы описания отсылают к самому первому сезону, в то время, как на сайте рекламируются все пять сезонов сериала:

(16) О том как вся эта история **начиналась**, вы можете посмотреть в самом первом фильме - Сваты. (<http://filmnetwork.ru/serial/serials/svaty-3-531.html>)

Т.е. с точки зрения настоящего момента, это уже давно прошедшее действие, которое к настоящему моменту не имеет прямого отношения. В противном случае мы встречаем СВ:

(17) Тогда никто не подозревал, что спустя десятилетия GFP из медузы и флуоресцирующие белки из других морских животных станут важнейшим инструментом в биологических и медицинских исследованиях. А началась эта история так. В 1960 году уроженец Японии Осаму Шимомура, успешно начавший изучение биолюминесценции морских моллюсков в университете Нагоя, получил приглашение на работу в лабораторию Франка Джонсона в Принстоне, престижном американском университете. [Е. Лозовская. «Подсветка» для клетки. Нобелевская премия по химии 2008 года // «Наука и жизнь», 2008]

Т.е. события почти пятидесятилетней давности имеют прямое отношение к настоящему, есть связь между 1960-м годом и 2008-м.

Кроме того у глагола *начинаться* есть дополнительное значение *дистанции* при сочетании с существительными пространства и времени. Традиционное лингвистическое понятие — “здесь и сейчас” накладывает ограничение на выбор вида. Если оба элемента соблюдены (и здесь, и сейчас), то наблюдается СВ, если один из элементов не соблюден, то появляется НСВ. В примере (16) соблюдено “сейчас”, но не соблюдено “здесь”:

(18) В этот снежный ночной час **начинался день** на таёжных лагпунктах и командировках великой лагерной громады Дальстроя. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

Говорящий не является свидетелем начала дня, он только мысленно понимает, что в этот момент начинается день в лагпунктах, находящихся далеко от него. Между ним и описываемыми им местами пролегает расстояние.

Этот пример контрастирует с примером (19), где оба параметра соблюдены:

(20) **Начался день**, который должен был принести «домнуде агенту» хороший барыш. [В. П. Катаев. Порт (1957)]

В (19) день начинается в том месте, где находится герой, т.е. нет расстояния между местом условного рассказчика и местом события. Что любопытно, это то, что и (18) и (19) являются заключительными предложениями в главах в соответствующих романах.

Дистанция может проявляться и с указанием на территориальные пределы. В (20) герои находятся на террасе, и существует дистанция между ними и лесом, который находится за рекой:

(20) Они любили обедать на веранде. Было там очень уютно: плетеные стулья, плетеный стол, переплеты окон, через которые виден сад и река за лугом. За рекой **начинался лес**. Солнце садилось, и желтые косые лучи, освещая веранду, словно резали ее на части. [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)]

Аналогично в (21), до леса большое расстояние: героиня должна была обогнуть высотный дом и пройти *долгий* пустырь:

(21) Её простые маршруты шли по иссечённой дорожками аллее, мимо скамеек, ларька с напитками и спирального подъёма в стол заказов; потом она поворачивала за угол высокой зелёной шестнадцатизэтажки — туда, где за долгим пыльным пустырём **начинался лес**. [Виктор Пелевин. Ника (1992)]

Т.е. в обоих случаях, и в (20) и в (21), не соблюдается параметр “здесь”. СВ будет употребляться там, где совпадает местонахождение участника нарративной ситуации и начало описываемого пространства, т.е. соблюдены оба требования “здесь” и “сейчас”:

(22) О, как легко дышалось, как хорошо было долго идти среди золотисто-зеленой ржи! **Кончилась пашня, начался лес**, еловый, сосновый, с песчаным сухим подлеском и редкими пепельно-серыми мхами. Мы шли, болтая, и вдруг наткнулись на знакомое место: час или два тому назад мы уже были на этой поляне с одинокой флаговой сосной. Заколдованный лес! И мы пошли, никуда не сворачивая, прямо и прямо. [В. А. Каверин. Освященные окна (1974-1976)]

В (22) рассказчик пересекает границу двух пространств, пашни и леса, и между ним и лесом нет дистанции.

Как видно из примера (22), правило “здесь и сейчас” точно так же применимо к глаголам *кончатся-кончиться*, т.е. рефлексивные глаголы начала и конца в этом отношении являются симметричными. В (23) *поле* кончается на горизонте, т.е. не соблюдается условие “здесь”, и мы наблюдаем НСВ, а в (24) путешественники описывают пересечение границы поля, и оба условия “здесь” и “сейчас” соблюдаются, поэтому в обоих случаях мы наблюдаем СВ:

(23) А на горизонте, где **кончалось поле** и начинались торосы, виднелась горная цепь, только устремленная вниз, в чернь океана... [Владимир Стругацкий. Северный полюс: взгляд из-под воды // «Техника - молодежи», 1977]

(24) А когда **кончилось поле** и подъехали к парку, стало вдруг тихо за деревьями и тепло. [П. С. Романов. Огоньки (1926)]

Параллелизм наблюдается и при использовании глагола *кончатся* в отношении к существительным, означающим время суток. В (23) Белый создает эффект дистанции не только использованием НСВ, но и наличием дейктических указателей расстояния, как например *тот*, и существительными, указывающими на дистанцию (*даль, созвездия, горизонт*) по отношению к герою.

(25) Она подошла к гулявшим, наставляла по-здешнему, по-сонному. И когда сообщили они ей о своем белом счастье, она сказала: «Это ли счастье?» Замолчала и смотрела *вдаль*. В *тот* час **кончался день** и еще ближе раздавалась песнь любви и соединенных *созвездий*. Вдоль матово-желтого *горизонта* пошли дымно-синие громады. Громоздили громаду на громаду. Выводили узоры и строили дворцы. [Андрей Белый. Северная симфония (1917)]

С другой стороны, СВ передает единство времени и места:

(26) *Для них всех кончился день*, вместе с ним на время отошли заботы. [Владимир Гендряков. Ухабы (1956)]

(27) Пойми, Ипполит ведь где-то прав. *Мы* немножко сошли с ума. Но новогодняя ночь **кончилась**, и все становится на свои места... [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром (1969)]

Другим интересным случаем, трудно укладываемым в традиционные рамки, является употребление НСВ глагола *кончат* или *оканчиват* и изредка *заканчиват* при указании вуза или школы. Речь идет не об указании на процесс, а при упоминании законченного действия. И здесь снова привнесенное прагматическое значение указывает на давность действия. В отличие от общефактического значения, когда происходит указание на одно и возможных подобных событий, в случае с окончанием вуза или школы данный конкретный человек оканчивал одну школу один раз, и то же самое с вузом. В (28) певица Большого театра рассказывает, как получилось, что она училась в архитектурном институте:

(28) Школу я **оканчивала** в Ташкенте, она находилась на Пушкинской улице. А рядом, на этой же улице, в здании местного Политехнического института, размещался эвакуированный из Москвы

Архитектурный институт. Ещё учась в последнем классе, я узнала, что при институте открылись подготовительные курсы, и стала их посещать. На курсах нас учили рисовать, а поскольку я рисовала с детства, то занималась на них с удовольствием. [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)]

Но это давно прошедшие события, не имеющие отношения к моменту речи. Если же имеется указание на момент окончания, то мы наблюдаем СВ:

(29) По сути, его биография начинается с 1969 года, когда Беспалов поступает на химфак ЛГУ. Он получил диплом в 1973-м и остался работать на кафедре. Владимир Путин **окончил** юрфак в 1975-м. Теоретически в студенческие годы они могли пересекаться и даже дружить. Однако этому нет каких-либо подтверждений. Ничего не известно и о работе Беспалова в КГБ-ФСБ. [Александр Садчиков. Партийный дестабилизатор. Александр Беспалов привел «Единую Россию» к краху (2003) // «Известия», 2003.02.24]

Кроме *оканчивать* в подобном контексте могут встречаться *кончатъ* и *заканчивать*:

(30) А если помощник судьи перебросится словом с кем-то из сидящих в зале, я потом обязательно постараюсь переговорить с этим человеком. Выяснить, знает ли он помощника, как его зовут, откуда он, какой университет **кончал**. Ведь всякая мелочь, которую мы узнаем о нашем ближнем, — это ниточка, привязывающая его к нам. И эти ниточки, в конце концов, могут сплестись в прочную веревку, в канат. Ремесло адвоката — наполовину ремесло сыщика. [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]

(31) Ты случайно не в 2003 году 6-ю школу **заканчивала**? [ЯНАО (форум) (2006)]

Таким образом мы установили дополнительные значения у глаголов НСВ 'начала' и 'конца'. И у глаголов *начинать(ся)* и *кончатъ/оканчивать/заканчивать* существует давно-прошедшее значение; у глаголов *начинаться* и *кончатся* в сочетании с существительным времени или места один из параметров “здесь и теперь” положительный, другой отрицательный, т.е. отсутствует единство времени и места; у глаголов 'начала' есть также аннулированное значение, ослабленное значение и указание на фон при описании погодных условий.

Список условных сокращений

СВ– совершенный вид; НСВ– несовершенный вид.

Литература

Зализняк и Шмелев 2002 — Анна А. Зализняк, Шмелев А.Д. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения. // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: семантика начала и конца. М.: ИНДРИК, 2002. С. 211-224.

Князев 2002 — Ю. П. Князев. Фазы действия и метонимические сдвиги в значении видо-временных форм. // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: семантика начала и конца. М.: ИНДРИК, 2002. С. 225-236.

Падучева 2002 — Падучева Е.В. Начинательность в глаголах совершенного вида. Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik 2002, Vol. 47.2 P. 201-212.

Flink 1987 — Flink, Sharon. Phase Subdivisions and Russian Inceptives. Die Welt der Slaven: Halbjahresschrift für Slavistik 1987, Vol. 32.2 P. 310-316.

МНОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ И ДЕРИВАЦИЯ ВИДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ*

The paper argues for a theory that accounts for the hierarchical structure of Russian verb. The theory assumes that possible derivations of verb stems are constrained by aspectual selectional characteristics of prefixes or by their position with respect to the “secondary imperfective” morpheme. Accordingly, two groups of prefixes can be identified, selectionally restricted and positionally restricted.

Цель этой статьи — изложить несколько обобщений о русской системе префиксации. Хорошо известно, что с точки зрения дистрибуции префиксы распадаются на две большие группы — внутренние и внешние ([Babko-Malaya 1999, Ramchand 2004, Romanova 2004, 2006, Svenonius 2004, 2008]). Внутренние префиксы располагаются в непосредственном контакте с исходной основой, внешние присоединяются поверх внутренних. Типичный представитель первой группы — префикс *у-*, который АГ-80 характеризует как «уменьшить(ся) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *уварить(ся)*, *ужарить(ся)*, *ужать(ся)*, *урезать*, *усохнуть*, *ушить*, *укупеть*. В (1)-(4) он выступает в двупрефиксальной основе с комбинации с одним из внешних префиксов. Примеры (b) показывают, что альтернативный порядок префиксов в основе невозможен:

- (1) a. Я даже это доесть не смогла, при том что раньше к этому добавлялся еще суп или десерт. Видимо, желудок уже **под-у-жался**. [forum.cosmo.ru]
b. *у-под-жался
- (2) a. Нет возможности загрузить изображения. Ужимал в пять приемов. **До-у-жал** до 100 — все равно не грузит! [forum.modelka.com.ua]
b. *у-до-жа-л
- (3) a. Видео после захвата необходимо ужать в МПЕГ-4, что сама Pinnacle Studio делает крайне плохо: я **пере-у-жимал** в программе NeroVision. [otvet.mail.ru]
b. *у-пере-жим-а-л
- (4) a. Конвертер как конвертер. Завтра придет ужатые файлы, посмотрю, чего он там **на-у-жимал**. [forum.ixbt.com]
b. *у-на-жим-а-л

Префиксы типа аттенуативного *под-* в (1), комплетивного *до-* в (2), репетитивного *пере-* в (3) и кумулятивного *на-* в (4) являются внешними. В [Татевосов 2009, 2013а, б] обосновывается, что к этой группе относятся, кроме того, делимитативный *по-* (*пописать статью*), инцептивный *за-* (*запеть песню*), пердуративный *про-* (*прождать всю ночь*), аттенуативный *при-* (*приоткрыть дверь*), терминативный *от-* (*отдежурить*). Список пока нельзя признать исчерпывающим: выявление полного инвентаря внешних префиксов — задача на будущее.

Дистрибуция внешних префиксов описывается в терминах двух формальных ограничений:

- (5) **Ограничения на дистрибуцию префиксов**

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 14-06-00435.

- а. Селективное ограничение.** Возможность присоединения префикса к основе может быть ограничена ее формальной (им)перфективностью.
- б. Позиционное ограничение.** Возможность присоединения префикса к основе может быть ограничена взаиморасположением позиции присоединения и позиции «показателя вторичного имперфектива» *-ыва-*.

Ограничения (5a-b) логически независимы, и каждый конкретный префикс может подчиняться либо одному, либо другому, либо никакому, либо сразу обоим. Соответственно, внешние префиксы не образуют единого гомогенного естественного класса, а распадаются на группы. В [Татевосов 2009, 2013a, b] выделяются, в частности, позиционно-ограниченные и селективно-ограниченные внешние префиксы (далее ПО-префиксы и СО-префиксы).

Позиционно-ограниченные префиксы подчиняются ограничению в (6), которое выступает частным случаем (5b).

- (6) Позиционно-ограниченные префиксы присоединяются не выше, чем показатель вторичного имперфектива *-ыва-*.

Префиксы этой группы — комплетивный *до-*, репетитивный *пере-*, а также аттенуативные *под-* и *при-*. Ограничение в (6) провозглашает невозможным их присоединение к основе, уже содержащей показатель вторичного имперфектива. Чтобы увидеть действие (6) наиболее отчетливо, необходимо взять основу, которая допускает и вторичную имперфективацию с помощью *-ыва-*, и присоединение ПО-префикса, например, *откры-*. В (7a-b) показаны обе эти возможности; группу ПО-префиксов представляет аттенуативный *при-*.

- (7) Дериваты первого уровня от основы *откры-*
 а. от-кры- → откры-ва-
 б. от-кры- → **при-**откры-

Рассмотрим теперь глагол *приоткрывать*. Априори можно вообразить два способа, которыми этот глагол возникает: перфективацией *открыва-* в (8a) с помощью *при-* и имперфективация *приоткры-* с помощью *-ыва-* в (8b):

- (8) Дериваты второго уровня от основы *откры-*
 а. откры-ва- *→ **при-**открыва-
 б. **при-**откры- → приоткры-ва-

В (8a) последний шаг деривации — это префиксация, а значит, глагол *приоткрывать* должен быть перфективен. В (8b) деривация завершается вторичной имперфективацией, создающей, естественно, имперфективный глагол. Мы знаем, что в действительности *приоткрывать* — глагол несовершенного вида, а значит, деривация в (8a) невозможна. Поскольку и *открывать*, (7a), и *приоткрыть*, (7b), в русском языке существуют, источник деривационной коллизии следует искать в последнем шаге, то есть в переходе «откры-ва- *→ **при-**открыва-» в (8a). Проблема не может состоять в принципиальной несочетаемости аттенуативного *при-* с имперфективной основой (ср. *приглушить*, *припухнуть*, *притормозить*), а значит, мы имеем дело с аутентичным морфосинтаксическим ограничением, не выводимым из каких-либо других. Если в качестве такого ограничения предложить (6), (8a-b) и аналогичные примеры получают убедительное объяснение. В (9)-(11) приводятся несколько дополнительных примеров, которые показывают, что если в основе присутствуют одновременно и ПО-префикс и показатель вторичного имперфектива, последний присоединяется поверх первого.

- (9) Учащийся, работая с любым предметным материалом... [[**пере-[от-кры]**^P]-**ва**]^I-**ет** процесс возникновения того или другого знания, переоткрывает открытие, некогда сделанное в истории. [wiki.ippk.ru]
- (10) Отработанные навыки без проблем позволяют балансировать на одной ноге, пока другая держит и [[**до-[от-кры]**^P]-**ва**]^I-**ет** дверь. [mindfactor.livejournal.com]
- (11) Проверка выявила ещё один нюанс: после запуска двигателя пневмоклапан [[**под-[от-кры]**^P]-**ва**]^I-**ет** заслонку на 5,5 мм. [2126.ru]

В (9)-(11) мы видим лично-числовые формы трех глаголов, образованных от основы *откры-* с помощью репетитивного *пере-*, комплетивного *до-* и аттенуативного *под-*. Все они имеют временную референцию к настоящему. Это показывает, что перед нами глаголы НСВ, а значит, присоединение ПО-префиксов происходит до имперфективации — в полном соответствии с (6).

К селективно-ограниченным префиксам относятся кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, инцептивный *за-*, пердуративный *про-*, а также дистрибутивный *пере-*. Их дистрибуция описывается обобщением в (12), которое представляет собой частный случай (5а):

- (12) Селективно-ограниченные внешние префиксы присоединяются к формально-имперфективной основе.

Обобщение в (12) предсказывает, что селективно-ограниченные префиксы способны соединяться с первичной имперфективной основой, как в (13), и вторичной имперфективной основой, полученной в результате имперфективации глагола СВ — либо непроизводного, (14), либо приставочного, (15).

- (13) **СО-префиксы в комбинации с непроизводной имперфективной основой**
 [на-[вари]^I]-**ть** (варенья)
 [по-[сиде]^I]-**ть** (в кресле)
 [за-[би]^I]-**ть** (в барабан)
 [про-[служи]^I]-**ть** (три года в армии)
 [пере-[лови]^I]-**ть** (всех мышей)
- (14) **СО-префиксы в комбинации со вторичной имперфективной основой от непроизводного перфектива**
 [на-[[да]^P-ва]^I]-**ть** (пощечин)
 [по-[[реш]^P-а]^I]-**ть** (задачи)
 [за-[[ощущ]^P-а]^I]-**ть** (запахи)
 [про-[[обман]^P-ыва]^I]-**ть** (друга всю жизнь)
 [пере-[[брос]^P-а]^I]-**ть** (камни в воду)
- (15) **СО-префиксы в комбинации со вторичной имперфективной основой от приставочного перфектива**
 а. — Черт бы их побрал, [на-[[от-кры]^P-ва]^I]-**ли** детских садов целый город, а мебели не дают. [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма]
 б. Поэтому запустил программу, записывающую действия на экране, открыл PSP, и немного [по-[[за-пис]^P-ыва]^I]-**л**, что и как. [nova-forum.com]
 в. Мальчик вдруг заиграл, [за-[[за-би]^P-ва]^I]-**л** и ваще стал звездой всей Европы. [jebbers.forum24.ru]
 е. В эту зиму в -37 день [про-[[за-вод]^P-и]^I]-**л**, потом в сервис погнал авто. [www.tourerv.ru]
 д. Долго искал утилитки для подобной работы, [пере-[[с-праш]^P-ива]^I]-**л** всех друзей и в итоге нашёл pssh и shmux. [michael.mindmix.ru]

Примеры в (15) показывают, среди прочего, что позиционному ограничению СО-префиксы не подчиняются: в глагольных основах типа *прозаводить*, *позаписывать* и *переспрашивать* ('задать вопрос группе индивидов одному за другим') они располагаются поверх вторичного имперфектива.

Однако попытка присоединить СО-префикс к формально-перфективной основе, будь то исходной, как в (16а) (ср. (14)), или производной, как в (16b) (ср. (15)), приводит к неграмматичности.

(16) **СО-префиксы в комбинации с перфективной основой**

<p>а. *[на-[да]^P]^P-ть
#[по-[реши]^P]^P-ть
*[за-[ощути]^P]^P-ть
*[про-[обману]^P]^P-ть
#[пере-[броси]^P]^P-ть</p> | <p>б. *[на-[от-кры]^P]^P-ть
#[по-[за-писа]^P]^P-ть
*[за-[за-би]^P]^P-ть
*[про-[за-вес]^P]^P-ти
#[пере-[с-проси]^P]^P-ть</p> |
|--|---|

Глаголы в (16) либо вовсе невозможны, либо невозможны с интересующим нас значением префикса. Например, *перебросить* и *переспросить* в русском языке, конечно существуют. *Пере-*, однако, не может получить в их составе дистрибутивную интерпретацию. *Перебросить* (*через забор*) содержит *пере-* с пространственно-направительным значением, которое иногда называют транслативным, а в образовании *переспросить* задействован репетитивный *пере-* ('задать вопрос еще раз'), который, будучи позиционно-ограниченным, свободно соединяется с перфективной основой.

Из обобщений в (6) и (12) легко выводятся и более общие предсказания. Например, если мы хотим построить основу, в которой СО-префикс находится над ПО-префиксом, между ними должен располагаться (в иерархическом смысле, конечно, а не в линейном) показатель вторичного имперфектива:

(17) **СО-префиксы поверх ПО-префикса**

- а. *[СО-префикс [ПО-префикс ...]^P]^P
б. [СО-префикс [-ыва- [ПО-префикс ...]^P]^P

Запрет на (17а) непосредственно вытекает из (12): любому СО-префиксу необходима имперфективная основа, тогда как результатом присоединения ПО-префикса выступает перфективная. Ситуацию можно улучшить, проведя вторичную имперфективацию, как (17b). Пример этой возможности показан в (18), где дистрибутивный *пере-* располагается поверх комплетивного *до-*.

- (18) Я перебрал и [пере-[[до-дел]^P-ыва]^P-л кучу карт. Самый лучший конечный результат получился именно на Live 5.1 [adsh.ukrweb.net]

В (18) *до-* соединяется с первичным имперфективом *дела-*, затем имперфективируется, после чего добавляется дистрибутивный *пере-*. Аналогичные примеры с другими СО-префиксами показаны в (19):

(19) **СО-префиксы поверх ПО-префиксов**

- а. У меня лежит несколько серий, и порой очень люблю [по-[[пере-сматр]^P-ива]^P]-ть их. [www.liveinternet.ru]
б. Не буду долго рассказывать, как и что я там [на-[[пере-пис]^P-ыва]^P]-л и что реализовал. [homemediaserver.ru]
в. Засеребрило елки, сосны. Они будто заискрились в хрустальном убранстве. Заметно [за-[[под-та]^P-ива]^P]-л павший снег. [bylkov.ru]

Напротив, если мы хотим видеть ПО-префикс поверх СО-префикса, это можно сделать единственным способом — так, как показано в (20):

(20) [ПО-префикс [СО-префикс [непроизводная имперфективная основа]¹]^P]^P

Читатель может самостоятельно убедиться, что только такая конфигурация предохраняет ПО-префикс от преждевременного появления в основе показателя вторичного имперфектива. Если бы СО-префикс присоединился к производной имперфективной основе, под СО-префиксом с неизбежностью возник бы показатель *-ыва-*, а ПО-префикс оказался бы над ним — в нарушение позиционного ограничения в (6). Это показано в (21). К нарушению (6) приводит и деривация в (22), где дистрибутивная основа имперфективируется перед присоединением ПО-префикса.

(21) *[ПО-префикс [СО-префикс [*-ыва-* [перфективная основа]¹]^P]^P]

(22) *[ПО-префикс [*-ыва-* [СО-префикс [непроизводная имперфективная основа]¹]^P]¹]^P

Реализация структуры в (20) иллюстрируется в (23):

(23) Прижал хвосты этим жуликам Сталин в свое время, но не всех [до-[пере-дави]^P]^P-л.
[forums.drom.ru]

В полном соответствии с (20), к непроизводной имперфективной основе *дави-* сначала присоединяется репетитивный *пере-*, а затем комплетивный *до-*. Другие ПО-префиксы, расположенные поверх СО-префиксов, показаны в (24).

(24) **ПО-префиксы поверх СО-префиксов**

- a. Только [под-[на-броса]^P]^P-ть бы мусора побольше. Хороший такой игровой набор получился. [phantoms.su]
- b. Спартак ничего хорошего не показал с Лучом,... пол-игры ходил пешком. Только во втором тайме немного [под-[за-бега]^P]^P-ли — благодаря Быстрову. [betnotes.ru]
- c. Возможно, стоит внимательно [пере-[по-чита]^P]^P-ть инструкцию к DVD-рекордеру. [e1.ru]
- d. Мы часто предпочитаем сексу обыденные занятия и радости — дочитать книгу, доиграть в компьютерную игрушку, досмотреть фильм, [до-[по-сиде]^P]^P-ть в ЖЖ. [www.rulife.ru]

Еще одну прекрасную иллюстрацию различия СО-префиксов и ПО-префиксов дает уже обсуждавшийся префикс *пере-*. Как ясно из предшествующих примеров, о членстве префикса в каком-то из выделенных классов осмысленно говорить лишь применительно к определенному значению. Дистрибутивный *пере-* — СО-префикс. Репетитивный *пере-* — ПО-префикс. Сцепленность значения префикса с его дистрибуцией хорошо видна на примере минимальной пары в (25):

(25) **Дистрибутивный *пере-* vs. репетитивный *пере-***

- a. Вызванный мастер-открывальщик [пере_{DISTR}-[[от-кры]^P-ва]¹]^P-л все сейфы (там была проблема с переездом и утерей ключей). [www.boards.auto.ru]
- b. И на Землю свалился не с Луны, а первые 25 лет жизни жил за счёт труда тех же трудяг, теорему Пифагора сам не [[пере_{REP}-[от-кры]^P-ва]¹]^P-л, заново колеса не изобретал. [avanturist.org]

Как и предсказывает теория, дистрибутивный *пере-* в (25a) присоединяется после вторичного имперфектива (*откры-* → *откры-ва-* → *пере-открыва-*), и в результате возникает глагол СВ. Репетитивный *пере-* в (25b) сначала комбинировается с основой, и лишь затем основа

имперфективируется (*откры-* → *пере-откры-* → *переоткры-ва-*); продуктом деривации оказывается глагол НСВ.

Суммированное выше исследование русской префиксации подводит нас к простому обобщению. Очень большая часть невозможных русских глаголов невозможна по сугубо структурным причинам. Мы можем объяснить неприемлемость необъятного количества морфологических комбинаций, вовсе не обращаясь к семантике. Два основополагающих ограничения, с которыми мы имели дело выше — селективное ограничение для СО-префиксов и ограничение на позицию для ПО-префиксов (плюс, конечно, общая идея о том, что любые внешние префиксы располагаются в иерархической структуре выше, чем внутренние). Ни то ни другое не несет существенной семантической нагрузки и не предполагает очевидной семантической мотивации.

Этот факт, как кажется, был сильно недооценен в предшествующих исследованиях по деривационной морфологии русского глагола, где основные объяснительные усилия всегда были сосредоточены именно на семантическом направлении. В [Беляков 2001] (см. также [Beliakov, Guiraund-Weber 1997]), например, выдвигается гипотеза, согласно которой «невозможность сочетания первой и второй приставок в глагольной композите обусловлена тем, что определенная часть одноприставочных глаголов не нуждается в семантическом уточнении или его не допускает». Если, например, ближайший к корню префикс, пишет В. Беляков, выражает «интенсивность, тщательность, полноту действия» (с. 163), то такие основы «не нуждаются в семантическом уточнении или усилении» и поэтому не присоединяют вторые приставки. По поводу основы *продума-* (в которой *про-* предположительно выражает тщательность и полноту) В. Беляков предсказывает невозможность **допродумать*, **напродумать*, **перепродумать*.

Наша теория делает другие предсказания. *Допродумать* (в комплетивном значении *до-*) и *перепродумать* (в репетитивном значении *пере-*) должны быть возможны и иметь структуру в (26).

(26) [до- [про-[дума-]]^IP]^P

Напродумать (в кумулятивном значении *на-*) невозможно потому, что нарушено селективное ограничение, запрещающее комбинацию *на-* с перфективной основой *продума-*. Поскольку, однако, после имперфективации присоединение префикса возможно, мы ожидаем обнаружить глагол *напродумывать*.

(27) а. *[на- [про-[дума-]]^IP]^P
б. [на- [-ыва- [про-[дума-]]^IP]^I]^P

Нетрудно убедиться, что эти предсказания подтверждаются, а обобщения В. Белякова нет. (28а-б) — это примеры глаголов *допродумать* и *перепродумать* с комплетивным *до-* и репетитивным *пере-*:

(28) а. Тогда Гиллиам переписал сценарий и, вероятно, [пере-[про-[дума]]^IP]^P-л смысл фильма [forum.bmworc.ru]

б. Буду неспеша писать ответ, заодно [до-[про-[дума]]^IP]^P-ю. В свою очередь повторяю просьбу прочитать "Маятник Фуко" [ev-ge-n.livejournal.com]

Как и ожидается, глагол *напродумать* в корпусах не обнаруживается, зато обнаруживается *напродумывать*:

(29) — Я больше времени продумываю структуру сайта/cms/приложения
— И много ты уже [на-[[про-[дум]]^IP-ыва]]^IP-л? [forum.saransk.ru]

Таким образом, именно формальные ограничения играют в деривации русской глагольной основы ключевую роль, которая, как кажется, была не до конца осознана в работах по деривационной морфологии русского глагола. Это не отрицает существования семантических ограничений и не умаляет их важности. Тем не менее, весьма значительная часть невозможных русских глаголов невозможна именно в силу того, что при их деривации нарушаются ограничения, которые не имеют к семантике никакого отношения.

Литература

- АГ-80 — Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Беляков 2001 — В. Беляков. О комбинаторике глагольных приставок // Московский лингвистический журнал. Том 5. №1. С. 161-170.
- Татевосов 2009 — С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 92-157.
- Татевосов 2013а — С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия. Заметки о физиологии русского глагола // Вопросы языкознания. 2013. №3. С.42-89.
- Татевосов 2013б — С.Г. Татевосов. Грамматика глагола и диалектное варьирование // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Беласово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 759-771.
- Babko-Malaya 1999 — O. Babko-Malaya. Zero Morphology: a study of aspect, argument structure and case. Ph.D. Dissertation, The State University of New Jersey, New Brunswick, New Jersey, 1999.
- Beliakov, Guiraund-Weber 1997 — V. Beliakov, M. Guiraund-Weber. О некоторых свойствах вторичных глагольных приставок // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21. P. 165-175.
- Ramchand 2004 — G. Ramchand. Time and the event: The semantics of Russian prefixes // Nordlyd. 2004. Vol. 32. Special issue on Slavic prefixes. P. 323-366.
- Romanova 2004 — E. Romanova. Superlexical vs. lexical prefixes // Nordlyd. 2004. Vol. 32. Special issue on Slavic prefixes. P. 255-278
- Romanova 2006 — E. Romanova. Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. University of Tromsø.
- Svenonius 2004 — P. Svenonius. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd. 2004. Vol. 32. Special issue on Slavic prefixes. P. 205-253.
- Svenonius 2008 — P. Svenonius. Russian prefixes are phrasal // G. Zybatow, L. Szucsich, U. Junghanns, R. Meyer, (eds.). Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 526-537

СТЕПЕНЬ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ ГЛАГОЛА С ИНФИНИТИВОМ И ВИД ИНФИНИТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Previous studies on the degree of bondedness between a main verb and an infinitive in Russian have been conducted in semantic terms only, and have not produced any conclusive results. We propose the following formal criterion for investigating this issue: insertion of other word(s) between a main verb and an infinitive. We suggest that the frequency of this phenomenon correlates with the weakness of a given combination. We classify the verbs combined with an infinitive by their semantic features: a) phase verbs, b) verbs which mean predisposition, attempts of realization, c) verbs which mean fear, negative attitude, d) verbs which mean an idea, an intellectual condition, perception, desire, e) verbs which mean the modal attitude to action, f) verbs which mean possibility, ability, skills, g) verbs which mean motion, specific purposeful action. We analyze 11822 combinations of a verb with an infinitive which have been used in all works of A. P. Chekhov. Our investigation demonstrates the following scale of the strength of combinations in terms of the insertion of other word(s): c), b), a) > d), e) > f) > g) ('>' indicates 'stronger than'). Besides, we reveal a difference on the degree of bondedness with an infinitive in each verb group. Furthermore, we show that the combinations in which verbs incorporate to infinitives more strongly, limit area of the use depending on the aspect of an infinitive and assertiveness and negativity of a verb. While combinations in which verbs have to do with infinitives more poorly, are freely used irrespective of the aspect of an infinitive and assertiveness and negativity of a verb.

1. Введение

Словосочетание глагола с инфинитива относится к примыканию, при котором зависимое слово является неизменяемым, изолированным от системы падежей в силу своей частеречной принадлежности, зависимость от главного слова выражена семантически. Словосочетание глагола с инфинитивом составляет составное глагольное сказуемое.

В истории науки были попытки ограничить объём составного глагольного сказуемого. Делалось это на основе лексического анализа первого компонента сказуемого – спрягаемой форма глагола. Характер лексического значения спрягаемой формы глагола в составе сказуемого данного типа действительно не вполне однороден. Прежние исследования только классифицируют глаголы, к которым примыкает инфинитивы: фазовые глаголы, глаголы со значением модального отношения к действию и глаголы, выражающие способы осуществления действия. Модальные или фазовые значения, составляющие для спрягаемой части составного глагольного сказуемого обязательную часть его семантики, могут быть её основой, а могут быть заслонены иными компонентами значения. Но лексические различия такого рода не могут быть основанием для установления объёма составного глагольного сказуемого как явления синтаксиса. Прежние исследования [Виноградов 1960: 10-22; Земская 1960: 211-222; Birnbaum 1967: 271-292; Шведова 1970: 486-540; Шведова 1980: 13-82 и др.] степени сочетаемости финитного глагола и инфинитива на русском языке проводятся только в семантических отношениях, не основываясь на определённом формальном критерии, приводит к порочному кругу. Никакая модель не может быть успешно создана без познания объективных закономерностей объекта. Познание объективных закономерностей является предпосылкой для практических решений.

Наша цель состоит в том, чтобы выяснить классификацию словосочетаний глагола с инфинитивом по степени сочетаемости формальным критерием. Мы предлагаем следующий формальный критерий по степени сочетаемости: частотность вставки слова (или слов) между глаголом и инфинитивом. Например, «Все **хотели ехать** в экипажах» [Чехов, «Именины»]. Здесь нет вставки слова между глаголом (хотели) и инфинитивом (ехать). А в примере «Иван Петрович **хотел дальше продолжать**» [Чехов, «Чтение»] есть вставка слова (дальше). Высокая частотность вставки показывает низкую степень сочетаемости (слабую связь), а низкая частотность вставки – высокую степень сочетаемости (сильную связь). Под данным углом зрения нами проанализированы 11822 словосочетания глагола с инфинитивом, которые были употреблены во всех произведениях А. П. Чехова, чьё 155-летие отмечается в этом (2015-ом) году.

2. Субъектные инфинитивы и степень сочетаемости

Примыкающий к глаголу инфинитив может обозначать как действие, субъект которого

совпадает с субъектом действия главенствующего глагола, так и действие, субъект которого не совпадает с субъектом действия главенствующего глагола. В первом случае примыкающий инфинитив принято называть субъектным инфинитивом, во втором случае – объектным инфинитивом. Мы привлекаем к себе внимание субъектные инфинитивы (10098 примеров), а не объектные инфинитивы (1724 примера). Потому что субъект действия, названного объектным инфинитивом, обычно вставляется между глаголом и инфинитивом. Например, «Ольга Михайловна приказала Василию накрыть на стол» [Чехов, «Именины»]. Субъект (*Василию*) инфинитива вставляется между глаголом (*приказала*) и инфинитивом (*накрыть*).

В сочетании с инфинитивом могут выступать не все глаголы, а только глаголы определённых семантических групп. Мы классифицируем в наших материалах глаголы, сочетающиеся с инфинитивом, по своим лексическим значениям: а) фазовые глаголы, б) глаголы со значением предрасположенности, попытки осуществления, в) глаголы со значением опасения, негативного отношения, г) глаголы со значением мысли, интеллектуального состояния, восприятия, желания, д) глаголы, совмещающие отвлечённые лексические значения с ярко выраженной оценочной окраской, е) глаголы со значением возможности, способности, умения, ё) глаголы движения, конкретного целенаправленного действия. Приведём все глаголы, которые сочетаются с инфинитивом (Цифры показывают частотность вставки слова (или слов) между глаголом и инфинитивом):

а) фазовые глаголы (17.9% (422/2355)):

стать(19.8%(218/1099)), начинать(19.0%(70/369)), начать(19.6%(71/363)),
продолжать(13.9%(24/173)), перестать(14.7%(22/150)), приняться(11.8%(9/76)),
переставать(12.5%(8/64)), кончить(0%(0/23)), приниматься(0%(0/14)), бросить(0%(0/13)),
пойти(0%(0/10)), бросать(0%(0/1)).

б) глаголы со значением предрасположенности, попытки осуществления (17.8% (152/852)):

стараться(17.2%(57/332)), сметь(30.8%(33/107)), собираться(14.7%(14/95)), спешить(14.6%(7/48)),
поспешить(15.4%(4/26)), постараться(20.0%(5/25)), собраться(20.8%(5/24)),
осмелиться(16.7%(4/24)), осмеливаться(14.3%(3/21)), пострудиться(19.0%(4/21)),
нравиться(25.0%(4/16)), пытаться(0%(0/14)), силиться(0%(0/14)), посметь(33.3%(4/12)),
пробовать(0%(0/10)), попробовать(28.6%(2/7)), попытаться(42.9%(3/7)), торопиться(0%(0/8)),
рассчитывать(33.3%(2/6)), рисковать(0%(0/5)), броситься(0%(0/5)), рискнуть(0%(0/4)),
намереваться(0%(0/4)), поторопиться(0%(0/4)), трудиться(0%(0/4)), порываться(33.3%(1/3)),
дерзать(0%(0/3)), тщиться(0%(0/2)), предполагать(0%(0/1)).

в) глаголы со значением опасения, негативного отношения (16.4% (20/122)):

бояться(16.3%(16/98)), стыдиться(11.1%(1/9)), стесняться(12.5%(1/8)), постесниться(0%(0/3)),
постыдиться(50.0%(1/2)), побояться(0%(0/1)), устыдиться(100%(1/1)).

г) глаголы со значением мысли, интеллектуального состояния, восприятия, желания (23.5% (621/2637)):

хотеть(25.5%(233/915)), хотеться(25.0%(131/524)), желать(25.6%(69/270)), любить(19.9%(37/186)),
захотеться(17.8%(21/118)), решить(25.0%(15/60)), захотеть(23.2%(13/56)),
привыкнуть(21.6%(11/51)), обещать(33.3%(14/42)), решаться(11.8%(4/34)), забыть(30.3%(10/33)),
решиться(10.3%(3/29)), порешить(32.1%(9/28)), согласиться(37.0%(10/27)), надоесть(4.5%(1/22)),
научиться(14.3%(3/21)), пожелать(25.0%(5/20)), думать(31.6%(6/19)), браться(0%(0/15)),
пообещать(10.0%(1/10)), мечтать(0%(0/10)), догадаться(20.0%(2/10)), вздумать(10.0%(1/10)),
надеяться(12.5%(1/8)), отказаться(12.5%(1/8)), решать(28.6%(2/7)), отказываться(0%(1/7)),
учиться(0%(0/7)), надоедать(16.7%(1/6)), условиться(0%(0/5)), соглашаться(0%(0/5)),
взяться(0%(0/5)), забывать(0%(0/4)), утомиться(0%(0/4)), надумать(25.0%(1/4)),
ожидать(25.0%(1/4)), обещаться(33.3%(1/3)), выучиться(33.3%(1/3)), избегать(0%(0/3)),
вздуматься(66.7%(2/3)), присудить(33.3%(1/3)), затрудняться(0%(0/3)), предпочитать(0%(0/3)),
ждать(0%(0/2)), проситься(100%(2/2)), попроситься(100%(2/2)), приготовиться(0%(0/2)),
постановить(0%(0/2)), позабыть(0%(0/2)), уставать(0%(0/2)), отчаяться(0%(0/1)),
придумывать(100%(1/1)), обещаться(100%(1/1)), утомляться(0%(0/1)), привыкать(0%(0/1)),
придумать(0%(0/1)), отказать(0%(0/1)), отучится(0%(0/1)), повадиться(100%(1/1)),

ленился(0%(0/1)), позаботится(100%(1/1)), соскучиться(0%(0/1)), побеспокоится(0%(0/1)), готовится(0%(0/1)), побрезговать(0%(0/1)), поклясться(100%(1/1)), затрудниться(0%(0/1)), подумать(0%(0/1)).

д) глаголы, совмещающие отвлечённые лексические значения с ярко выраженной оценочной окраской (25.5% (200/785)):

приходиться(17.3%(42/243)), прийти(26.1%(53/203)), изволить(28.5%(55/193)), следовать(36.9%(48/130)), иметь(22.2%(2/9)), благоволить(0%(0/4)), надлежать(0%(0/2)), соизволить(0%(0/1)).

е) глаголы со значением возможности, способности, умения (31.7% (868/2735))

мочь(32.8%(712/2170)), уметь(26.3%(68/259)), успеть(35.9%(55/153)), суметь(20.0%(13/65)), удаться(27.9%(12/43)), успевать(14.3%(4/28)), ухитриться(16.7%(1/6)), удаваться(0%(0/6)), смочь(100%(3/3)), посчастливиться(0%(0/2)).

ё) глаголы движения, конкретного целенаправленного действия (44.1% (270/612))

пойти(41.2%(42/102)), прийти(40.3%(27/67)), сесть(38.3%(18/47)), идти(37.5%(18/48)), остаться(31.3%(10/32)), садиться(22.2%(3/36)), поехать(60.0%(18/30)), приехать(32.4%(9/28)), ехать(61.5%(16/26)), ходить(60.9%(14/23)), приходиться(70.0%(14/20)), выйти(58.8%(10/17)), приехать(50.0%(7/14)), отправиться(50.0%(6/12)), зайти(44.4%(4/9)), ездить(55.6%(5/9)), уехать(87.5%(7/8)), побежать(12.5%(1/8)), оставаться(50.0%(4/8)), уйти(28.6%(2/7)), уходить(80.0%(4/5)), остановиться(25.0%(1/4)), уезжать(66.7%(2/3)), выходить(100%(3/3)), ступать(0%(0/3)), улечься(0%(0/3)), привести(100%(2/2)), повести(100%(2/2)), полезть(100%(2/2)), поезжать(50.0%(1/2)), расположиться(100%(2/2)), бегать(50.0%(1/2)), бежать(50.0%(1/2)), заходить(50.0%(1/2)), забежать(100%(2/2)), нанять(100%(2/2)), являться(0%(0/2)), лезть(0%(0/1)), побегать(100%(1/1)), отправляться(100%(1/1)), выезжать(100%(1/1)), повойти(100%(1/1)), захватить(0%(0/1)), переехать(0%(0/1)), прибежать(0%(0/1)), лететь(100%(1/1)), полететь(0%(0/1)), прилететь(0%(0/1)), вставать(0%(0/1)), родиться(0%(0/1)), поплестись(100%(1/1)), опуститься(100%(1/1)), поваляться(0%(0/1)), принести(100%(1/1)), усаживаться(100%(1/1)).

Группируя вышеуказанные глаголы по своим лексическим значениям, мы можем свести частотности вставки в таблицу 1.

Таблица 1. Частотность вставки слова (или слов) между глаголом и инфинитивом по лексическим значениям глагола

в) (20/122) (16.4%)	г) (621/2637) (23.5%)	е) (868/2735) (31.7%)	ё) (270/612) (44.1%)
б) (152/852) (17.8%)	д) (200/785) (25.5%)		
а) (422/2355) (17.9%)			

$$\chi^2=89.3797. v=4. p<0.005$$

Субъектный инфинитив, примыкая к глаголу, вступает с ним в отношения восполняющие, объектные или определительные (целевые). Н. Ю. Шведова [Шведова 1970: 513-515; Шведова 1980: 41-42] с точки зрения семантических отношений полагает, что при восполняющих и объектных отношениях связь примыкания инфинитива является сильной связью; при целевых отношениях это слабая связь. Она считают, что словосочетания глаголов (а, б, д) с инфинитивом образуют восполняющие отношения, словосочетания глаголов (в, г, е) с инфинитивом – объектные отношения, словосочетание глагола (ё) с инфинитивом – целевые отношения.

В связи с этим наш результат поддерживает то, что в отличие от восполняющих и объектных отношений целевые отношения являются слабой связью. Но Н. Ю. Шведова не различает восполняющих от объектных отношений по степени сочетаемости глагола с инфинитивом и не различает глаголов по степени сочетаемости с инфинитивом в одних группах. Мы выясняем, что в основном словосочетания глагола с инфинитивом, образующие восполняющие отношения, показывают более высокую степень сочетаемости, чем словосочетания глагола с инфинитивом, образующие объектные отношения. Кроме этого, по степени сочетаемости глаголы (в) со значением опасения, негативного отношения входят в группы глаголов, образующих восполняющие, а не в группы глаголов, образующих объектные отношения, тогда как глаголы (д), совмещающие

отвлечённые лексические значения с ярко выраженной оценочной окраской, принадлежат к группам глаголов, образующих объектные, а не к группам глаголов, образующих восполняющие. И по степени сочетаемости глаголы (е) со значением возможности, способности, умения не относятся к обеим группам.

К тому же, мы выявляем разницу по степени сочетаемости с инфинитивом в одних группах глагола. Перечислим глаголы с высокой частотностью употребления:

в группе-а) «продолжать (13.9%), перестать (14.7%)» соединяются с инфинитивом сильнее, чем «начинать (19.0%), стать (19.8%)»,

в группе-б) «собираться (14.7%), стараться (17.2%)» соединяются с инфинитивом сильнее, чем «сметь (30.8%)»,

в группе-г) «захотеться (17.8%), любить (19.9%)» соединяются с инфинитивом сильнее, чем «хотеться (25.0%), хотеть (25.5%), желать (25.6%)»,

в группе-е) «уметь (26.3%)» соединяются с инфинитивом сильнее, чем «мочь (32.8%), успеть (35.9%)».

В частности в группе-д) по степени сочетаемости с инфинитивом глаголы разделены на три подгруппы (' > ' обозначает 'соединяется с инфинитивом сильнее, чем'): «приходиться (17.3%)» > «прийтись (26.1%), изволить (28.5%)» > «следовать (36.9%)».

3. Словосочетание глагола с инфинитивом и вид инфинитива

Наше дальнейшее внимание направлено на распределение употребления словосочетаний глагола с инфинитивом, которые прежние исследования считают сильной связью. По этому поводу мы рассматриваем частотность употребления словосочетаний глагола с инфинитивом, имея в виду вид (СВ и НСВ) инфинитива и утвердительность, отрицательность глагола. Например, при словосочетаний глагола «хотеть» с инфинитивом (см. таблицу 2), частотность вставки – 25.5%, употребляются 459 примеров с инфинитивом совершенного вида и 235 примеров с инфинитивом несовершенного вида в утвердительных предложениях и 58 примеров с инфинитивом совершенного вида и 163 примера с инфинитивом несовершенного вида в отрицательных предложениях.

Таблица 2. Частотность вставки слова (или слов) между глаголом «хотеть» и инфинитивом и распределение употребления словосочетания глагола «хотеть» с инфинитивом

хотеть (25.5%)	инф.СВ	инф.НСВ
утвер. гл.	459	235
отриц. гл.	58	163

$$\chi^2=108.9881. v=1. p<0.005$$

Примеры

- (1) Я **хочу прокричать**, что я отравлен. «Скучная история» (утвер. гл. и инф.СВ)
- (2) Она **хотела** теперь **понять** его тайные мысли. «Супруга» (утвер. гл. и инф.СВ)
- (3) Сначала все **хотели ехать** в экипажах. «Именины» (утвер. гл. и инф.НСВ)
- (4) Иван Петрович **хотел** дальше **продолжать**. «Чтение» (утвер. гл. и инф.НСВ)
- (5) Я **не хочу уехать** отсюда. «Ненужная победа» (отриц. гл. и инф.СВ)
- (6) Отчего вы **не хотите** серьёзно **заняться** вашей болезнью? «Палата №6» (отриц. гл. и инф.СВ)
- (7) Рыжий мальчишка решительно **не хочет играть** по-человечески. «Барон» (отриц. гл. и инф.НСВ)
- (8) Я **не хотела** до сих пор **делать** это. «Ненужная победа» (отриц. гл. и инф.НСВ)

Аналогичным образом рассмотрим все глаголы с высокой частотностью употребления (см. таблицу 3). В этой таблице верхняя строка выражает разряд глаголов (а, б, в, г, д, е) и по разряду расположены глаголы с высокой частотностью употребления. И словосочетания глагола с инфинитивом, показывающие низкую частотность вставки, то есть сильную связь, располагаются наверху, а словосочетания глагола с инфинитивом, показывающие высокую частотность вставки, то есть слабую связь, – внизу. Цифры процентов показывают частотность вставки слова (или слов)

между глаголом и инфинитивом, а под ними 4 цифры обозначают числа примеров по поводу вида инфинитива и утвердительности и отрицательности глагола.

Таблица 3. Частотность вставки слова(или слов) между глаголом и инфинитивом и распределение употребления словосочетания глагола с инфинитивом.

а	б	в	г	д	е
продолжать 13.9% (24/173) 0 / 173 0 / 0					
перестать 14.7% (22/150) 0 / 130 0 / 0	собираться 14.7% (14/95) 61 / 32 0 / 2				
	стараться 17.2% (57/332) 215 / 105 9 / 3	бояться 16.3% (16/98) 60 / 27 3 / 8	захотеться 17.8% (21/118) 93 / 23 0 / 2	приходиться 17.3% (42/243) 9 / 226 0 / 8	
начинать 19.0% (70/369) 0 / 367 0 / 2					
стать 19.8% (218/1099) 0 / 999 0 / 100			любить 19.9% (37/186) 36 / 118 0 / 32		
			хотеться 25.0% (131/524) 244 / 200 4 / 76		
			хотеть 25.5% (233/915) 459 / 235 58 / 163		
			желать 25.6% (69/270) 138 / 59 10 / 63		
				прийтись 26.1% (53/203) 78 / 112 5 / 8	уметь 26.3% (68/259) 18 / 63 33 / 145
	сметь 30.8% (33/107) 16 / 32 12 / 47			изволить 28.5% (55/193) 80 / 101 0 / 12	
					мочь 32.8% (712/2170) 767 / 377 568 / 458
				следовать 36.9% (48/130) 54 / 34 0 / 42	успеть 35.9% (55/153) 82 / 0 71 / 0

$\chi^2=200.6465$. $v=20$. $p<0.005$

Как видно из третьей таблицы, словосочетания, в которых глаголы (например, продолжать (13.9%), перестать (14.7%), собираться (14.7%), бояться (16.3%), стараться (17.2%), приходиться (17.3%), захотеться (17.8%), начинать (19.0%), стать (19.8%), любить (19.9%)) сильнее соединяются

с инфинитивами, ограничивают сферу своего употребления в зависимости от вида инфинитива и от утвердительности и отрицательности глагола. В то время как словосочетания, в которых глаголы (например, хотеться (25.0%), хотеть (25.5%), желать (25.6%), прийти (26.1%), уметь (26.3%), изволить (28.5%), смочь (30.8%), мочь (32.8%), успеть (35.9%), следовать (36.9%)) слабее связываются с инфинитивами, свободно употребляются независимо от вида инфинитива и от утвердительности и отрицательности глагола. Данная тенденция ясно отражается на типичных примерах глаголов «продолжать» и «мочь». (см. таблицу 4)

Таблица 4. Частотность вставки слова(или слов) между глаголами «продолжать», «мочь» и инфинитивами и распределение употребления словосочетаний глаголов «продолжать», «мочь» с инфинитивами

продолжать (13.9%)	инф.СВ	инф.НСВ
утвер. гл.	0	173
отриц. гл.	0	0

Примеры

- (9) Гриша **продолжает искать** в потёмках. «Детвора» (утвер. гл. и инф.НСВ)
 (10) А ямщик **продолжал ещё молчать**. «Верба» (утвер. гл. и инф.НСВ)
 (11) Кто **мог убить** этого человека? «Рассказ старшего садовника» (утвер. гл. и инф.СВ)
 (12) Мы **можем ещё расстаться!** «Женщина без предрассудков» (утвер. гл. и инф.СВ)
 (13) Я **могу обходиться** без вас. «Вишнёвый сад» (утвер. гл. и инф.НСВ)

мочь (32.8%)	инф.СВ	инф.НСВ
утвер. гл.	767	377
отриц. гл.	568	458

$\chi^2=30.9962$. $v=1$. $p<0.005$

Примеры

- (14) Разве я **могу** в этом сарае **работать?** «Талант» «Зелёная коса» (утвер. гл. и инф.НСВ)
 (15) Она **не могла допустить** и сомнения. «Зелёная коса» (отриц. гл. и инф.СВ)
 (16) Мы, госпожа Щукина, ничего **не можем** для вас **сделать**. «Беззащитное существо» (отриц. гл. и инф.СВ)
 (17) Ты о себе **не можешь понимать**. «Леший» (отриц. гл. и инф.СВ)
 (18) Я **не могу** дольше так **жить**. «Скучная история» (отриц. гл. и инф.НСВ)

Как видно из четвертой таблицы, глагол «продолжать», имеющий высокую степень сочетаемости (частотность вставки – 13.9%), соединяется только с инфинитивами несовершенного вида в утвердительном предложении, тогда как глагол «мочь», имеющий низкую степень сочетаемости (частотность вставки – 32.8%), соединяется с инфинитивами совершенного и несовершенного видов в утвердительном и в отрицательном предложениях.

4. Заключение

Итоги наших результатов сведены в таблицу 5.

Таблица 5. Степень сочетаемости глагола с инфинитивом и распределение употребления словосочетания глагола с инфинитивом.

а	б	в	г	д	е
степень сочетаемости глагола с инфинитивом					
сильнее ←			→ слабее		
употребление словосочетания глагола с инфинитивом					
ограниченнее ←			→ свободнее		

Другими словами словосочетание глагола с инфинитивом, характеризующееся сильной связью, представляет собой закрытое словосочетание, а словосочетание глагола с инфинитивом, характеризующееся слабой связью, – открытое словосочетание. С точки зрения типологического Robert D. Van Valin Jr. и William A. Foley [1984: 256-272], включая словосочетание глагола с инфинитивом в преобразование в последовательную форму глагола (verb serialization), определяют его иерархию синтаксической сочетаемости (syntactic bondedness hierarchy) и иерархию семантических отношений (interclausal semantic relations hierarchy). Но они не обращают внимания на отношения между степенью сочетаемости глагола с инфинитивом и распределением употребления словосочетания глагола с инфинитивом.

Итак нам удалось не только определить специфику использования словосочетания глагола с инфинитивом во всех произведениях А. П. Чехова, но и с учётом степени сочетаемости внести уточнения в традиционную классификацию глаголов русского языка, к которым примыкают инфинитивы.

Список условных сокращений

НСВ – несовершенный вид, СВ – совершенный вид

Литература

- Виноградов 1960 – В.В. Виноградов. Словосочетание как предмет синтаксиса. в кн. Грамматика русского языка II-1. АН СССР. М., 1960. С.10-22.
- Земская 1960 – Е.А.Земская. Глагольные словосочетания с инфинитивом. в кн. Грамматика русского языка II-1. АН СССР. М., 1960. С.211-222.
- Шведова 1970 – Н.Ю.Шведова. Подчинительные связи слов и словосочетания. В кн. Грамматика современного литературного языка. АН СССР. М., 1970. С.486-540, С.513-515
- Шведова 1970 – Н.Ю.Шведова. Подчинительные связи слов и словосочетания. В кн. Русская грамматика II. АН СССР. М., 1980. С.41-42, С.13-82.
- Birnbaum 1984 – H. Birnbaum. Predication and the Russian infinitive. To honor Roman Jakobson I. Mouton. 1967. Pp.271-292.
- Van Valin Jr., Foley 1984 – R. D. Van Valin Jr., W. A. Foley. Functional syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press. 1984. Pp.256-272

Материал

- Чехов. 1971 – А.П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем. (т.1-12). М.. 1971.

КВАНТИТАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

In the framework of Russian lexical aspectuality, the verbal class of the event type *nabegat'sja* 'to run until tired' will be investigated more closely. As an analytic parameter for the semantics of this class, quantified categories will be applied and configured as specified vs. unspecified coordinates based on scalar temporal and non-temporal aspectuality. Four subclasses of events will be distinguished that will further be subclassified according to finer Aktionsart distinctions.

1. Двухкомпонентная модель категоризации лексической аспектуальности

В аспектологии принято различать грамматическую аспектуальность (ГА) и лексическую аспектуальность (ЛА). Ю.С. Маслов [1984: 8-10] отделяет вид как грамматическую категорию от аспектуальных классов (АК), имеющих двоякий, лексико-грамматический характер. Под ГА понимается в настоящей работе система видовых парадигм полных, выражаемых противопоставлением форм совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ), и дефективных, выражаемых формами только одного вида (СВ или НСВ). Зону ЛА составляют отглагольные дериваты с морфологическими маркерами (ММ), модифицирующими значение исходных глаголов. Так, приставка *про-* у глагола *промокнуть* (= стать мокрым), производного от глагола *мокнуть* (= становится мокрым), не меняет лексического значения исходного глагола *мокнуть*. Противопоставление типа *мокнуть* - *промокнуть* является поэтому чисто грамматическим противопоставлением форм НСВ и СВ, т.е. видовой парой (или видовой парадигмой). ММ типа приставки *про-*, обнаруживающие грамматическое значение, не осложненное никаким сдвигом в лексическом значении исходного глагола, входят в сферу ГА. Приставка *вы-* у глагола *вымокнуть* (*до костей / до последней нитки*) (= стать совсем мокрым), производного от того же самого глагола *мокнуть*, напротив, вносит в значение исходного глагола *мокнуть* дополнительный смысл интенсивности глагольного действия, модифицирующий значение исходного глагола. Корреляция типа *мокнуть* - *вымокнуть*, в которой соотносительные видовые формы НСВ и СВ не обнаруживают тождества своего лексического значения, представляет собой словообразовательную деривацию. ММ типа приставки *вы-*, у которых грамматическое значение сопровождается дополнительным семантическим смыслом, составляют зону ЛА.

Анализ ЛА проводится в настоящей работе в рамках предложенной автором двухкомпонентной модели категоризации ЛА. Верхний ярус репрезентации ЛА образуют релевантные в типологическом отношении категории события (или эвентивы), процессы (или процессивы) и состояния (или стативы), представляющие собой номинации самых общих типов глагольных ситуаций и соответствующих им классов глаголов. Эти глобальные концептуальные категории, релевантные как для лингвистики, так и для философии А.П.Д. Мурелатос называет «онтологической трихотомией» [Mourelatos 1981: 199-201]. Такие категории, имеющие статус универсальных аспектуальных категорий, именуются в настоящей работе лексическими видами (ЛВ).

События (или эвентивы) типа *прорисовать* (*картину с понедельника до четверга*) определяются как ограниченные во времени целостные, т.е. однофазовые глагольные ситуации. Начальная и конечная границы действия включаются в события как их ингерентные характеристики. Считается, что у глаголов с недуративной семантикой (т.н. моментативов) типа *вскрикнуть* обе границы действия сливаются в одной точке. Процессы (или процессивы) типа *покашливать* (= слегка, с перерывами кашлять) обозначают не ограниченные во времени нецелостные, т.е. многофазовые глагольные ситуации, рассматриваемые безотносительно к начальной и конечной границам действия. Состояния (или стативы) типа *недолюбливать* называют не развивающиеся во времени глагольные ситуации, не обнаруживающие внутреннего членения на фазы. Такие глагольные действия не имеют границ (начальной и конечной). В настоящей работе анализируется класс глаголов (или глагольных лексем) со значением событий.

Нижний ярус репрезентации ЛА составляют специфические для каждого языка частные разновидности ЛВ, представленные в виде системы, т.е. упорядоченного множества способов действия (СД). Предметом исследования является субкатегоризация и формальная манифестация класса глаголов со значением событий. В основу категоризации глаголов со значением событий на подклассы в настоящей работе положены количественные параметры глагольного действия, которые считаются конститутивными для модификации глагольного действия. Количественные характеристики глагольного действия не меняют значения действия как такового. Они только вносят в содержание исходного (производящего) глагола дополнительную семантическую информацию, касающуюся количественных параметров глагольного действия. Аспектуальные значения рассматриваются в настоящей работе как координаты (или отметки) специфицированные (определенные, или абсолютные) и неспецифицированные (неопределенные, или относительные) на темпоральной шкале аспектуальности, квантифицирующей внутреннюю темпоральную структуру глагольного действия, и на нетемпоральной шкалах аспектуальности, квантифицирующей глагольное содержание в целом, включая и его участников (актантов, или партиципантов). Наложение рассмотренных характеристик глагольного действия друг на друга (темпоральная и нетемпоральная шкалы, а также специфицированные и неспецифицированные отметки на этих шкалах) дает в итоге четыре подкласса глаголов, обозначающих события, со специфическими для каждого из них параметрами квантификации. Эти аспектуальные подклассы глаголов со значением событий субкатегоризируются далее на разряды (группы и подгруппы) СД в соответствии с дальнейшей дифференциацией количественных параметров, специфических для каждого из аспектуальных подклассов. (см. раздел 2).

Следует отметить, что в традиционном представлении глаголы с временными параметрами глагольного действия исключаются из сферы количественной аспектуальности (см., напр., [Исаченко1962: 386-387; РГ 1980: 596-598]). Не все лингвисты разделяют эту точку зрения. В «Русской Грамматике», изданной в Праге, указывается, что фазисные СД, к которым причисляются и ограничительные СД, выражают ограничение глагольного действия во времени, т.е. квантификацию глагольного действия [РГ 1979: 244-245]. Я. Ставницка [Stawnicka 2008: 385] также относит т.н. временные группировки СД к количественной аспектуальности. Во временных СД ограничение глагольного действия во времени неразрывно связано с лимитацией самого глагольного действия. Ограничение глагольного действия во времени, т.е. фокусирование определенного временного интервала глагольного действия сопряжено с ограничением в полноте проявления глагольного действия, т.е. с выделением некоего кванта (некой доли или некой части) глагольного действия как такового. Так, например, значение непродолжительного временного интервала у глаголов делимитативного СД (ср. *почитать газету недолго / всего несколько минут*) сочетается со значением малой (или небольшой) меры (или степени) интенсивности глагольного действия (ср. *почитать немного газету*). В зависимости от семантики глагола и от контекста перевес получает в отдельных случаях временная или невременная интерпретация значения глагола, ср. *коротко посоветаться* и *немного погулять*.

Количественные характеристики глагольного действия не являются единственным типом модификации глагольного действия. В русском языке наличествуют и другие разновидности модификации глагольного действия. В частности, не является количественной величиной пространственная модификация глагольного действия. Приставки с пространственным значением у глаголов движения модифицируют глагольное действие относительно координат перемещения: начального (или исходного) пункта движения (*выйти из дома*), конечной точки (или цели) перемещения (*войти в дом*), начального и конечного пункта перемещения (*перейти с одной улицы на другую улицу*), промежуточной точки перемещения (*пройти мимо спортивной площадки*). В «Русской Грамматике» 1979 г. такие глаголы рассматриваются как пространственно-результативный СД [РГ 1979: 251].

Удельный вес глаголов со значением СД в словарном составе русского языка относительно небольшой. А.В. Исаченко указывает на то, что подавляющее большинство глаголов в русском языке не обнаруживает значений СД [Исаченко1962: 387]. АК и конституирующие их СД традиционно причисляются к периферии аспектуальности (см., напр., [Бондарко 1987: 52]).

2. Субкатегоризация класса глаголов со значением событий

Первый подкласс глагольных лексем со специфицированными отметками ([+СПЕЦ]) на шкале внутренней темпоральности обозначает фазовые (фазисные) характеристики глагольного действия. Этот подкласс, подразделяется на две группы. К первой группе относятся глагольные лексем, фокусирующие некую долю (или часть) глагольного действия как начальную фазу действия. Такие глагольные лексем образуют начинательные СД, а именно инхоативный СД типа *заговорить* и ингрессивный СД типа *пойти*. Глаголы инхоативного СД обозначают начальный отрезок ситуации, представленный глагольным действием, ср. *заговорить* (= начать говорить). У глаголов ингрессивного СД отсутствует четкая граница между началом действия и последующим длительным действием, ср. *пойти в театр* (= направиться в театр). Глагольное действие воспринимается здесь в единстве его начала и продолжения. Глагольные лексем, относящиеся ко второй группе, фокусирует некий квант глагольного действия, обозначающий последнюю, завершающую часть глагольного действия. Сюда относятся эгрессивные глаголы комплетивного СД типа *договорить* и финитивного СД типа *отговорить*. Глаголы комплетивного СД выражают завершение конечной фазы глагольного действия, ср. *договорить* (= довести свою речь до конца). Глаголы финитивного СД обозначают прекращение глагольного действия, ср. *отговорить* (= кончить говорить). Срединная фаза действия в русском языке морфологически не выражается. Транскурсивное, или интратерминальное значение передается глагольным словосочетанием типа *продолжать / не переставать говорить*.

Второй подкласс глагольных лексем с неспецифицированными координатами на шкале внутренней темпоральности ([-СПЕЦ]) включает нефазовые события, которые ограничивают глагольное действие во времени и представляют его как относительно продолжительное, или долговременное (= глаголы длительно-ограничительного, или пердуративного СД типа *проговорить весь вечер*) или как относительно непродолжительное, или недолговременное (= глаголы недлительно-ограничительного, или делимитативного СД типа *поговорить всего несколько минут*).

Третий подкласс глагольных лексем включает в себя исчисляемые, или нумеральные события с признаком числовой квантификации глагольного действия, т.е. градации глагольного действия по степени кратности. Такие глаголы делятся на две группы. К первой из них относятся глагольные лексем со значением однократных (разовых) действий (одноактного, или семельфактивного действия типа *махнуть*). Такие глаголы обозначают один квант многоактного (мультипликативного) глагольного действия, представленного базовым (мотивирующим) глаголом типа *махать*. Вторая группа включает глагольные лексем со значением многократных действий, а именно со значением постепенного накопления объектов глагольного действия (т.н. кумулятивный СД типа *накупить (множество книг)*), а также глагольные лексем со значением многократных распределительных действий, представляющих действие как поочередность отдельных его актов (т.н. дистрибутивные СД). Последние обнаруживают два подтипа, первый из которых представляет действие как поочередную последовательность актов, касающихся многих субъектов (т.н. субъектно-дистрибутивный СД типа *полопаться (об оконных стеклах во время пожара)*), а второй из них репрезентирует действие, направленное на множество его объектов (т.н. объектно-дистрибутивный СД типа *перемыть (всю посуду)*).

К четвертому подклассу относятся глаголы со значением неисчисляемых, или транснумеративных событий с признаком нечисловой квантификации глагольного действия, т.е. градации глагольного действия по степени интенсивности. Этот подкласс составляют события со значением высокой степени интенсивности глагольного действия (группа 1) и события, обозначающие малую, или ослабленную степень интенсивности глагольного действия (группа 2). Глаголы первой группы распадаются на две подгруппы. Первая из них включает в себя глаголы, указывающие на интенсивность действия субъекта. К этой подгруппе относятся глаголы, обозначающие полноту осуществления глагольного действия (сатуративный, или сативный СД: *набегаться (вдоволь)*), исчерпанность действия (экспаустивный, или эксгаустивный СД:

измучиться (= дойти до изнеможения)), доведение действия субъектом до излишества (чрезмерно-длительный СД: *заговориться* (= проговорить слишком долго)). Вторую подгруппу образуют глаголы со значением интенсивности действия по отношению к его объекту или объектам: Эта подгруппа включает глаголы, указывающие на то, что действие охватывает весь объект или множество объектов (тотальный СД: *истисать (всю тетрадь)*) или на то, что степень проявления действия выше принятого стандарта (чрезмерно-эффективный СД: *заговорить (собеседника)* (= утомить собеседника разговором)). Вторую группу четвертого подкласса составляют глаголы со значением малой, или ослабленной степени интенсивности глагольного действия (смягчительный, или аттенуативный СД): Глаголы этой группы распадаются на две подгруппы. Первая из них включает в себя глаголы, которые обозначают действие, производимое его субъектом, т.н. субъектно-аттенуативный СД: *побегать (немного)*. Вторая из них содержит глаголы, обозначающие действие, направленное на его объект или на его объекты, т.н. объектно-аттенуативный СД: *приоткрыть (немного) окно*.

3. Формальные показатели, выражающие значение событий

Аспектуальные значения выражаются в русском языке посредством аспектуальных маркеров (АМ), к которым относятся морфологические маркеры (ММ) (приставки, суффиксы, постфикс *-ся* и комбинации этих морфем) у глаголов типа *попить* (см. пример (1-1)) и *заплакать* (см. пример (2-1)) и тождественные им по значению и конкурирующие с ними лексические маркеры (ЛМ), которые подразделяются на глагольные и неглагольные. К первым из них относятся служебные глаголы типа *начать* в конструкции *начать плакать* (см. пример (2-2)). Ко вторым из них относятся наречия типа *немного* в конструкции *выпить немного молока* (см. пример (1-2)).

- (1-1) Нина *попила (немного) / *много / * две чашки / *примерно 300 грамм молока*
- (1-2) Нина *выпила немного / много / две чашки / примерно 300 грамм молока*
- (2-1) Мальчик обиделся и горько *заплакал*
- (2-2) Мальчик обиделся и *начал горько плакать*

ММ, манифестирующие вторичные события, обнаруживают синкретизм видовой и акциональной информации. Так, приставка *по-* глагольной лексемы *попить* в примере (1-1) выражает совокупно видовое (= перфективное) и акциональное (= аттенуативное, или смягчительное) значения. Наречие *немного* дублирует в этом примере акциональную информацию, свойственную префиксу *по-*, и как факультативный маркер заключается в скобки. Оба эти аспектуальные значения в примере (1-2) представлены отдельно посредством разных аспектуальных маркеров (АМ): аттенуативное значение выражается посредством ЛМ *немного* с акциональным значением степени интенсивности действия, а индикатором перфективности служит префикс *вы-* глагольной лексемы *выпить*. Этот префикс не имеет аттенуативного значения.

Маркированные (т.е. более сложные) глаголы с синкретическими ММ обнаруживают ограничения в сочетаемости по сравнению с глаголами, лишены синкретических ММ. В примере (1-1) глагол *попить* не сочетается с ЛМ, обозначающими большое количество, точное количество и приблизительное количество. Структуры с ЛМ являются и более весомыми по отношению к структурам с ММ. При коллизии значений структур с ММ и структур с ЛМ более „сильными“ оказываются последние, которые и определяют итоговую акциональную интерпретацию всего высказывания. Так, аттенуативное значение приставки *под-* в примере (3-1) (*подлечиться* = немного полечить себя) хорошо согласуется с ЛМ *слегка*, указывающим на ослабленную степень проявления действия, но находится в противоречии с ЛМ *основательно*, обозначающим полноту осуществления действия в примере (3-2). В итоге высказывание (3-2) получает значение сатуративного, а не аттенуативного СД.

- (3-1) Игорь летом ездил на курорт, хорошо отдохнул и *слегка подлечился*
- (3-2) Лида побывала недавно в санатории и *основательно подлечилась*

Немаркированные структуры с ЛМ в некоторых контекстах могут замещать маркированные структуры с ММ. В стандартных контекстах приставка *про-* выражает пердуративное значение (см пример (4-1) с глаголом *прогулять*). В таких контекстах делимитативное значение исключается. В нестандартных контекстах (см пример (4-2) с глаголом *проработать*) обнаруживается интерференция пердуративного значения с делимитативным значением. В позиции нейтрализации морфологически релевантного противопоставления пердуративного СД с приставкой *про-* и делимитативного СД с приставкой *по-* дифференциация этих двух способов действия осуществляется в этом примере посредством ЛМ *целые двадцать лет* и *всего один год*. Приставка *про-* в примере (4-2) утрачивает пердуративное значение и выступает как экспонент только СВ.

(4-1) Настя *прогуляла* сегодня в городе целые три часа / *всего полчаса

(4-2) Олег *проработал* на заводе целые двадцать лет / всего один год

Следует указать на то, что тенденция к грамматикализации ММ прослеживается прежде всего в некодифицированных сферах русского языка, откуда она распространяется и на литературный русский язык. Так, в Большом толковом словаре русского языка [БТС 2000: 1014] глагол *пролечить* (*пролечить двести детей*) со значением ‚провести лечение‘ и с пометой профессионально-разговорного стиля речи рассматривается как омоним с глаголом *пролечить* с акциональным значением (*пролечить больного полгода*). В итоге число глагольных форм с грамматикализированными чистовидовыми приставками у глагола *лечить* возрастает до 6: *вылечить* - *вылечивать*, *излечить* - *излечивать* и *пролечить* - *пролечивать*.

Русский язык характеризуется высоким удельным весом ММ при манифестации СД по сравнению с неславянскими языками. Так, в немецком языке при оформлении СД также используются все три типа аспектуальных маркеров (ММ, КМ и СМ), однако доля ММ здесь довольно ограниченная по сравнению с русским языком [Климонов 2014: .65-66].

4. Заключение

В настоящей работе рассматривается категоризация класса глаголов, обозначающих события в сфере лексической аспектуальности (ЛА). Различаются два типа категоризации глагольных лексем со значением событий. Верхний ярус репрезентации ЛА составляют концептуальные категории события (или эвентивы), процессы (или процессивы) и состояния (или стативы), выражающие общие типы глагольных ситуаций. Эти концептуальные единицы являются внеязыковыми категориями, независимыми от их языковой манифестации. Нижний ярус репрезентации ЛА образуют собственно языковые семантические категории, являющиеся частными видами глобальных концептуальных единиц верхнего яруса. Категории нижнего яруса ориентированы на языковые средства их выражения. Субкатегоризация класса глагольных лексем со значением событий на подклассы осуществляется в соответствии с характеристиками квантификации глагольного содержания. Аспектуальные значения рассматриваются как координаты (или отметки) специфицированные (определенные, или абсолютные) и неспецифицированные (неопределенные, или относительные) на темпоральной и нетемпоральной шкалах аспектуальности. В соответствии с этими параметрами (типы шкал аспектуальности и разновидности координат на шкалах аспектуальности) в зоне ЛА выделяются следующие четыре подкласса глагольных лексем: 1) фазовые (фазисные) глаголы (инхоативы типа *заговорить* и комплетивы типа *договорить*) со специфицированными квантитативными отметками на шкале внутренней темпоральности; 2) глаголы со значением ограничения глагольного действия во времени (пердуративы типа *проговорить (весь вечер)* и делимитативы типа *поговорить (всего несколько минут)*) с неспецифицированными квантитативными координатами на шкале внутренней темпоральности; 3) глаголы со значением градации глагольного действия по степени кратности (семельфактивы типа *лопнуть (об оконном стекле)* и дистрибутивы типа *полопаться (об оконных стеклах)*) со специфицированными (числовыми) отметками на нетемпоральной шкале аспектуальности; 4)

глаголы со значением меры (или степени) интенсивности глагольного действия (сатуративы типа *набегаться (вдоволь)* и аттенуативы типа *побегать (немного)*) с неспецифицированными (нечисловыми) координатами на нетемпоральной шкале аспектуальности.

Центральной для глаголов со значением событий в зоне ЛА является нечисловая квантификация глагольного действия. Из четырех подклассов глагольных лексем со значением событий только один из них, а именно третий выражает числовую квантификацию глагольного действия: семельфактивы типа *царапнуть* и дистрибутивы типа *перещарапать (всю мебель, о кошке)* обнаруживают числовую квантификацию глагольного действия по признаку «один – больше одного» на нетемпоральной шкале аспектуальности. Первый подкласс глаголов, обозначающий фазовость глагольного действия (со значениями начала и конца действия типа *заговорить* и *договорить*) и второй подкласс глаголов, обозначающий ограничение глагольного действия во времени (со значениями длительности и недлительности временного ограничения типа *проговорить* и *поговорить*) выражают нечисловую квантификацию глагольного действия на шкале внутренней темпоральности глагольного действия. Четвертый подкласс глаголов, обозначающий степени интенсивности глагольного действия (со значениями высокой степени интенсивности и ослабленной интенсивности действия типа *набегаться* и *побегать*) выражает нечисловую квантификацию глагольного действия типа «много – мало» на нетемпоральной шкале квантификации глагольного действия.

В сфере ГА формы СВ и НСВ в видовых парадигмах типа *читать – прочитать* выражают квантитативные отношения «целое – часть» на шкале внутренней темпоральности глагольного действия. Глагольные лексемы СВ типа *прочитать (роман от начала до конца)* обозначают целостное действие и имеют специфицированные исходную и конечную границы действия. Глагольные лексемы НСВ типа *читать (срединную главу романа)* выражают нецелостное действие с неспецифицированными квантитативными координатами начала и конца действия. Соотношение «целое – часть» является градацией степени проявления глагольного действия. Глаголы СВ обозначают полноту проявления глагольного действия, тогда как глаголы НСВ указывают на неполноту осуществления действия. Мера полноты проявления глагольного действия является нечисловой квантификацией глагольного действия. Числовая квантификация, присущая только одному подклассу глаголов со значением событий в зоне ЛА, является, следовательно, маргинальной для глаголов.

Иное положение дел наблюдается в сфере квантификации имен существительных. Имена существительные обнаруживают по сравнению с квантификацией глаголов иную дистрибуцию числовой и нечисловой квантификации. Показательной для имен существительных является числовая квантификация. Большинство русских существительных составляют дискретные существительные, или индивидуативы. Такие существительные обнаруживают числовую квантификацию типа «один – больше одного»: *стакан – стаканы*. Недискретные существительные, или континуативы с нечисловой квантификацией типа *железо* образуют периферию русских существительных. Квантификация со значением градации количества выражается у таких имен существительных посредством неграмматикализованных перифрастических экспонентов неточного количества типа *много / множество / большое количество железа*. Такое значение у глаголов манифестируется морфологически посредством соответствующей приставки, ср. *наестся* (= съесть много) и *поест* (= съесть немного). У глаголов ситуация, можно сказать, обратная по отношению к именам существительным: ядро образуют здесь нечисловые противопоставления, тогда как числовое противопоставление является периферийным.

В работе анализируется формальная манифестация событий посредством аспектуальных маркеров (АМ): морфологических (ММ) и лексических (ЛМ). События выражаются как посредством глаголов с ММ, так и с помощью тождественных им по значению и конкурирующих с ними конструкций с ЛМ, ср. *попить (молока)* и *выпить немного молока*. В нестандартных контекстах при нейтрализации акционального значения, свойственного ММ, значение того или иного СД выражается посредством ЛМ, ср. манифестацию пердуративного и делимитативного значения при помощи ЛМ *целые двадцать лет* и соответственно *всего один год* в конструкции *проработать на заводе целые двадцать лет / всего один год*.

Список условных сокращений

АК – аспектуальный класс, АМ – аспектуальный маркер, ГА – грамматическая аспектуальность, ЛА – лексическая аспектуальность, ЛВ – лексический вид, ЛМ – лексический маркер, ММ – морфологический маркер, НСВ – несовершенный вид, СВ – совершенный вид, СД – способ действия

Литература

- Бондарко 1987 - *А.В. Бондарко*. Содержание и типы аспектуальных отношений //Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Изд-во Наука, 1987. С. 40-45.
- БТС 2000 – *С.А. Кузнецов* (ред.) Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
- Климонов 2014 - *В.Д. Климонов* Типологические параметры лексических видов (на материале класса событий в русском и немецком языках) //: Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения. Симферополь: Диайпи, 2014. С. 49-73.
- Маслов: 1984 - *Ю.С. Маслов*. Об основных понятиях аспектологии // Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. С. 5-47.
- РГ 1979 – Русская Грамматика I. Praha: Academia, 1979.
- РГ 1980 – Русская грамматика I. М.: Наука 1980.
- Isačenko 1962.- *Isačenko A.V.* Die russische Sprache der Gegenwart. Teil I. Formenlehre. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1962.
- Mourelatos 1981 - *A.P.D. Mourelatos*. Events, Processes, and States // Syntax and Semantics 1981, № 14. P. 191-212.
- Stawnicka 2008 - *J. Stawnicka*. Parametry kwantyfikacyjne akcji werbalnej w języku polskim //B. Brehmer et al. (Hrsg.). Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag. Hamburg: Verlag Dr. Kovač. S. 380-390.

ОТ ОБОЗНАЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТА ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ДЕЙСТВИЯ К ПРОГРЕССИВУ

The paper deals with the progressive-like constructions consisting of the Past Passive Participle *zanjat* (semantically connected with the reflexive verb *zanjat'sja* 'to engage oneself in something') and a predicate actant, such as *On byl zanjat razgovorom* 'He was engaged in talking'. Besides, English constructions of the type *be engaged in* and collocations with the adjective *busy* are also taken into consideration.

Как известно, в русском, английском и многих других европейских языках аналитические конструкции, представляющие собой сочетание страдательных причастий прошедшего времени с вспомогательным глаголом 'быть', используются в двух основных функциях. С одной стороны, они могут обозначать завершённое действие, выступая в этом случае в функции пассива, а с другой стороны, они могут обозначать и состояние, являющееся прямым результатом этого действия – то, что сейчас принято называть результатом. В [Князев 1989; 2007] говорится, соответственно, об акциональном и статальном значениях этих конструкций. В качестве иллюстрации можно привести знаменитый пример О. Есперсена [Есперсен 1924/1958: 320] и его перевод на русский язык, демонстрирующие неоднозначность рассматриваемых конструкций:

- (1) а. *When I came at five, the door was shut* (статальное значение – результатив), *but I do not know when it was shut* (акциональное значение – пассив);
б. *Когда я пришел в пять часов, дверь была заперта* (статальное значение – результатив), *но я не знаю, когда она была заперта* (акциональное значение – пассив).

На этом фоне выделяются своими совершенно специфическими свойствами сочетания типа *занят разговором*, которые включают в свой состав в качестве вспомогательного компонента причастие *занят* (или семантически близкие к нему в данном случае причастия *погружен* или *углублен*), а в качестве обязательного знаменательного компонента – предикатный актант, в роли которого выступает событийное (обычно отглагольное) существительное или его функциональный эквивалент – предметное имя, метонимически используемое в пропозитивном значении:

- (2) *И оглянулась: не замечает ли кто еще?.. Но гости были заняты разговором и едой* (М. Рошин. Осень у Шатуновых);
(3) *Он менее других обратил внимание на это небольшое происшествие, он был занят осмотром пореза и заметно тревожился* (В. Богомолов. Момент истины);
(4) *Сестра еще спала, а мать, надо думать, поднялась уже давно; она была занята обжиганием комнаты* (В. Шефнер. Имя для птицы);
(5) *К матери пришла ее бывшая бонна и с места в карьер начала рассказывать про какое-то крупное ограбление в Лигове, я же, по своей привычке, подслушивал, сидя в сторонке и делая вид, будто погружен в чтение* (В. Шефнер. Имя для птицы);
(6) *На сцене – кабинет. Стол, стулья. В углу на тумбочке пишущая машинка. Начальник углублен в бумаги* (А. Афанасьев. В городе, в 70-ых годах).

Причастия на *-н*, *-т* в этих конструкциях соотносятся по смыслу с рефлексивными глаголами *заняться*, *погрузиться* и *углубиться*, выражающими в данном случае автокаузативное значение – субъект своими действиями изменяет собственное состояние: *занялся осмотром* → *занят осмотром*; *погрузился в чтение* → *погружен в чтение*; *углубился в воспоминания* → *углублен в воспоминания* и т. п.:

- (7) *Он завел «козла» в кусты, чтобы не привлекать внимания дорожной инспекции, и занялся поисками* (Ю. Нагибин Тьма в конце туннеля);
(8) *Не ожидая ответа, Арбузов углубился в чтение письма, которое достал из конверта, предварительно изучив сургучную печать* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед);
(9) *Я налил себе кофе, сел к столу и погрузился в раздумья* (В. Белоусова. Второй выстрел).

Семантическое соотношение в этих парах такое же, что и в примере (1): «завершённое действие или изменение» → «непосредственный результат этого изменения», однако конечный

результат иной. В отличие от акциональных конструкций с причастиями на *-н*, *-т* (ср. *Город только что занят неприятелем*), данные конструкции обозначают ситуацию в некоторый срединный момент ее протекания, и в то же время эти ситуации не являются статическими (ср. *Город все еще занят неприятелем*), поскольку они характеризуются нетождественностью последовательных фаз – таковы еда, разговор, чтение, осмотр пореза, обживание комнаты в примерах (2)-(6) – и требуют для своего поддержания активных усилий и притока энергии. В русской аспектологической традиции это значение называют конкретно-процессным или актуально-длительным.

Данный семантический эффект возникает у этих причастий только в сочетаниях с предикатными актантами. В конструкциях другого состава они не отличаются от основной массы причастий на *-н*, *-т*; ср. типичный пример:

(10) *В шкафу детской целая полка была занята туфельками, значения ботинками на пуговицах (застегивались крючком). Все мамина работа. Знакомые дамы ахали, а он гордился* (И. Грекова. Фазан).

Помимо этого, возможно и абсолютное употребление причастия *занят* в значении ‘имеющий много дел’; в этом случае оно, на мой взгляд, находится в нестандартном семантическом соотношении с исходным глаголом *занять*:

(11) *Но такой человек был ее муж, мой брат Ефим, я уже вам докладывал: всегда занят, всегда неотложные дела* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

По своему аспектуальному значению конструкции типа *занят разговором* в примерах (2)-(6) соответствуют прогрессиву, содержание которого Ю. С. Маслов определял, как «процессность, соединенная со специфической конкретностью, “сиюминутностью” действия, с его приуроченностью к определенному моменту или отрезку времени, четко выделяемому среди ряда других моментов или отрезков» [Маслов 1984: 21-22]. Аналогичное, хотя и более сжатое, толкование предлагается и в [Bybee et al. 1994: 126]: «Progressive views an action as ongoing at reference time». Рост употребительности английского прогрессива и расширение его функций ведет к поиску новых формулировок его общего значения. Б. Комри таким признаком считает «временность» или «непредвиденность» (contingency): «One might suggest that the basic meaning of the English progressive is to indicate a contingent situation: this would subsume progressive meaning itself, and also the use of the Progressive to indicate a temporary (contingent) state, and its use to indicate a contingent habitual situation» [Comrie 1976: 38], а по мнению Дж. Лича, отличительным семантическим признаком прогрессива (continuous forms) является «ситуативность»: «the semantic feature that discriminates these forms from the simple tense forms will be called ‘situation’, a term which perhaps comes closer than any others to capturing their common distinctive feature» [Leech 1970: 149-152]. По отношению к испанскому прогрессиву, который характеризуется практически полным охватом глагольной лексики, Е. В. Горбова говорит об «актуализованности» действия в момент наблюдения [Горбова 2010: 154-155].

Отталкиваясь от принципов семантической классификации конструкций со значением прогрессива, использованных в [Vertinetto et al. 2000: 532-538], можно отметить следующие особенности рассматриваемых конструкций.

1. Эти конструкции чаще всего обозначают ситуации, протекающие непосредственно в момент наблюдения, как в примерах (2)-(6), но вполне могут использоваться и для обозначения ситуаций, охватывающих длительные отрезки времени, которые заведомо выходят за пределы единичного непрерывного периода наблюдения и не могут не перемежаться паузами; ср.:

(12) *Но он был занят беготней по учреждениям за пайками и талонами, – пересчитал расценки частично, одни да, другие нет, рабочие запротестовали, и Броневский все свалил на меня* (А. Рыбаков. Тяжелый песок);

(13) *Челюкин устроил его работы на областную выставку. Разразился скандал. Впрочем, Малинина это мало огорчило, он был занят своими поисками* (Д. Гранин. Ты взвешен на весах...);

(14) *В 1965 году он занят разглядыванием морозных узоров на окнах. Он делает сотни фотографий этих узоров и наконец пишет статью «О морозных узорах на окнах»* (Д. Гранин. Эта странная жизнь);

- (15) *Марфуша в тот день была занята сборами, не думаю, чтобы у нее было время расслаживаться с Лелей* (В. Белоусова. Второй выстрел);
- (16) *То была малорослая женщина средних лет, пучеглазая, большеботая, болтолково-суетливая, придирчивая и крикливая. Слушались ее не очень-то, часто и вовсе не выполняли ее рараспоряжений. И – странное дело – <...> если она не была занята криком и суетней, около нее постоянно вертелись старшие девочки и поверяли ей свои тайны* (В. Шефнер. Имя для птицы);
- (17) *По пути в Кумбель всю дорогу он был занят этими размышлениями. Изводился. По-разному думалось* (Ч. Айтматов. И дольше века длится день).

Кроме того, в сочетании с обстоятельственными выражениями типа *все время* сочетания типа *занят разговором* приобретают способность «гиперболически превращать повторяющуюся ситуацию в якобы непрерывно наличную, представленную в данный конкретный момент времени» [Маслов 1984: 25]. В следующих примерах ситуация описывается так, как если бы у нее вообще не было временных границ:

- (18) *Людмила Викторовна была все время погружена в какие-то особые думы, разговаривала мало. Охотнее всего она беседовала со своим котом Шуриком* (В. Шефнер. Имя для птицы);
- (19) *Эти двое все время были заняты друг другом* (Н. Кузьмин. Круг царя Соломона).

Общепринятого наименования для подобных употреблений прогрессива нет. Э. Даль говорит в таких случаях о «расширительных употреблениях» прогрессива («extended uses») [Dahl 1985: 93-94]; У. Чейф называл прогрессив в предложениях типа *What is Bob doing these days?* – «generic progressive» [Чейф 1970/1975: 202], а в [Bertinetto и др. 2000: 526-538] проводится различие двух основных типов употребления прогрессива: «фокализованного» («focalized»), когда имеется в виду конкретный единичный момент времени, и «дуративного» («durative»), когда ситуация занимает относительно большой временной интервал.

2. Считается, что прогрессив чувствителен к противопоставлению статических ситуаций динамическим. Э. Даль в своем типологическом исследовании вида и времени приходит к выводу, что «PROG is normally used only of dynamic – that is, non-stative – situations» [Dahl 1985: 91]. В классификации З. Вендлера одним из основных признаков стативных (stative) предикатов типа *know* ‘знать’ или *love* ‘любить’ считается их неупотребительность в форме прогрессива [Vendler 1967: 99-104]. То же относится и к конструкциям типа *занят разговором*: нельзя сказать **занят тем, что любит (знает, верит, понимает)*. Показательно, что, адаптируя идеи З. Вендлера к русскому языку, Дж. Миллер использовал именно конструкции типа *занят разговором* в качестве ближайшего аналога английского прогрессива для выделения не употребляющихся в них стативных глаголов, обозначающих устойчивые состояния [Miller 1970: 492]. В свою очередь, для А. М. Ломова эти конструкции выступают в качестве эталона актуально-длительного значения русского несовершенного вида; ср. использование данных конструкций для семантической характеристики форм настоящего времени в следующем фрагменте: «Что же касается предложений типа *Он пишет “Мемуары военного человека”*, – *А я всегда сам одеваюсь*, здесь совпадение самого действия с точкой временного отсчета оказывается не более чем фикцией, поскольку в момент говорения субъекты названных глаголами действий могли быть **заняты чем угодно, но только не сочинением мемуаров и не процессом одевания** (выделение мое. – Ю. К.)» [Ломов 1980: 40].

3. Еще одной особенностью рассматриваемых конструкций является то, что обозначаемые ими ситуации являются агентивными, т. е., в частности, контролируруемыми и целенаправленными, в силу чего вполне возможны употребления этих конструкций в сочетании с указанием на цель или выбор; ср.: *занят тем-то и тем-то для того, чтобы...* или *занят тем-то и тем-то вместо того, чтобы...* Возможно, это связано с тем, что деривационно исходными для этих конструкций являются автокаузативные рефлексивные глаголы, подобные «неэргативным» (агентивным) непереходным глаголам типа *бежать*; ср. примеры (7)-(9). По этой причине их субъектами могут быть только люди, в том числе обозначенные метонимически, как в примере (20), или – в редких случаях – животные, как в примере (21):

(20) *А наша демократия искренне и энергично занята поисками новых форм своего существования* (В. Каверин. Освященные окна).

(21) *В отличие от секача проблема обнаружения врагов свинью-лидера не волнует. Она, как и подобает, занята сугубо «женскими» делами* (Наука и жизнь, 1984. № 12).

4. Характерная для прогрессива конкретная временная локализованность ситуации предполагает и конкретную референтность ее основных участников. Однако русские конструкции типа *занят разговором* допускают и отступления от этого правила. Можно заметить, что в примере (21) рассматриваемая конструкция характеризует не конкретную «стадию» существования субъекта (речь идет о свинье-лидере) в определенный момент времени, а «устанавливает постоянную связь признака с предметом как представителем определенного класса» [Булыгина 1982: 54], или, если использовать терминологию Г. Карлссона, относится не к более естественному для прогрессива «stage-level», а к «object-level» или «kind-level» [Carlsson 1977: 413-456]. Ср. еще один подобный пример:

(22) *По неоднократно цитированному удачному выражению У. Р. Эйби, наука есть «ограничение многообразия», поскольку она (= наука, т. е. фактически вовлеченные в нее ученые. – Ю. К.) занята поиском общего и закономерного, где на поверхности отдельное и случайное. Однако в выполнении этих задач наука лишь осуществляет более строгими методами то, чем занят любой человек и даже более того – любое живое существо в процессе адаптации к действительности* [Касевич 2004: 149].

Значение прогрессива в конструкциях типа *занят разговором* базируется на переосмыслении пространственных соотношений как видо-временных, что характерно для перифрастических конструкций со значением прогрессива в самых разных языках: «we propose that the original meaning of the progressive construction is ‘the subject subject is located in the midst of doing something’» [Bybee et al. 1994: 136]; см. об этом также [Comrie 1976: 100-102; Givón 1982: 149; Claudi, Heine 1986: 306-307; Ebert 1996: 59; Bertinetto et al. 2000: 528-529]. Нужно отметить, впрочем, что семантической основой рассматриваемых русских конструкций является не нахождение субъекта внутри чего-либо, а иная пространственная идея – заполненность отрезка времени некоторой деятельностью.

Как свидетельствуют материалы параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorgo.ru), аналитические конструкции со значением прогрессива, в которых смысловой глагол стоит в форме страдательного причастия прошедшего времени, есть не только в русском, но и во многих других европейских языках: украинском, польском, итальянском, французском, немецком, английском. Приводимые далее примеры и их переводы на русский язык взяты из НКРЯ.

В английском языке ближайшим аналогом русских конструкций типа *занят разговором* являются конструкции, базирующиеся на сочетании *be engaged in smth.* Чаще всего они используются в функции «фокализованного» прогрессива; ср.:

(23) *Several men were engaged in hoisting a sign at the entrance to the park, but they held it edgewise to his gaze and he could not read it* (W. M. Miller, Jr., A Canticle For Leibowitz)

‘Несколько человек были заняты укреплением вывески над входом в парк, но они держали ее ребром к аббату, и он не мог ее прочитать’;

(24) *And then I realized that I was watching loose of men engaged in a sort of project which I myself had planned and led many times in Vietnam, which was a surprise attack* (K. Vonnegut. Hocus Pocus)

‘А потом я понял, что у меня на глазах сотни людей осуществляют план, который я не раз разрабатывал и осуществлял во Вьетнаме: внезапную атаку’;

(25) *Beyond, above, below, were other swarms of workers engaged in an unimaginable multitude of jobs* (G. Orwell. Nineteen Eighty-Four)

‘Дальше, выше, ниже сонмы служащих трудились над невообразимым множеством задач’;

(26) *(...) but Tip thought most of the Army was too much engaged in chattering to pay attention to the words of the General* (L. Frank Baum. The Marvelous Land of Oz)

‘(...) большая часть Армии, как показалось Типу, была слишком увлечена болтовней и даже не обратила внимания на речь своего Генерала’;

(27) *This was the paragraph which I had been engaged in reading when he rose from his chair* (Arthur Conan Doyle. The Adventure of the Second Stain)

‘Вот та заметка, которую я **читал** в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла’.

Встречается также и использование этих конструкций в функции «дуративного» прогрессива; ср.:

(28) *He was engaged in war. In his mind he was commanding troops; he had the right to interfere and this he believed to constitute command* (Ernest Hemingway. For Whom The Bell Tolls)

‘**Война поглощала** его целиком. Мысленно он сам командовал войсками; он имел право вмешиваться в работу штаба, а по его мнению, это и значило командовать’;

(29) *I, as you know, I am from a planet that has been engaged in senseless slaughter since the beginning of time* (Kurt Vonnegut. Slaughterhouse-Five Or The Children’s Crusade)

‘Как вам известно, я – с той планеты, где с незапамятных времен **идет бессмысленная бойня**’;

(30) *She gathered that he was too engaged in work of the deepest importance to be in the caverns accessible to the Soft One* (I. Asimov. The Gods Themselves)

‘Насколько она поняла, Эстуолд был так **поглощен чрезвычайно важной работой**, что почти никогда не заглядывал в пещеры, куда допускались Мягкие’;

(31) *They were engaged in producing something called an Interim Report, but what it was that they were reporting on he had never definitely found out* (G. Orwell. Nineteen Eighty-Four)

‘Сейчас **готовили так называемый Предварительный доклад**, но что им предстояло доложить, он в точности так и не выяснил’.

В этом случае возможна и нереферентность субъекта этой разновидности английского прогрессива:

(32) *No, the true thoughtfulness of thinking the visitor would like it and then bringing it down for him to enjoy when you yourself were engaged in something where there was every reason to think of no one else but yourself and of nothing but the matter in hand—that was Spanish* (Ernest Hemingway. For Whom The Bell Tolls)

‘Но проявить неподдельное внимание к гостю, в своей предупредительности не только достать то, что ему может быть приятно, но принести и оставить, в то время как сам **занят чем-то таким, что дает все основания думать лишь о самом себе и о своем деле**,—на это способны только испанцы’.

Однако русские конструкции с *занят*, судя по имеющемуся в моем распоряжении небольшому количеству примеров, свободнее сочетаются с нереферентностью, чем английские с *engaged in*:

(33) *I represent men of science. Men who like yourselves are searching for the answers. Answers to man's destiny, his purpose, his creator* (Dan Brown. Angels and Demons)

‘Я представляю людей науки, тех, кто, подобно вам, **заняты поисками высшей истины**. Тех, кто желает познать судьбу человечества, его предназначение и его творца’.

Как и русские конструкции типа *занят разговором*, эти английские конструкции, по видимому, предполагают агентивность и, следовательно, одушевленность субъекта. Впрочем, возможно их использование по отношению к животным:

(34) *Five males, shepherd mongrels, collie mongrels, dogs whose breeds had been blurred by a freedom of social life, were engaged in complimenting the bitch* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath)

‘Пять псов—помесь с овчаркой, помесь с колли и другие, порода которых не поддавалась определению вследствие свободы нравов, царящей в собачьем племени,— **были поглощены ухаживанием**’.

Интересно, что сходную идею – поглощенность некоторой деятельностью и невозможность одновременно делать что-либо еще – могут выражать в английском языке и конструкции с прилагательным *busy* ‘быть занятым’:

(35) *She was too busy scrubbing the kitchen woodwork and calculating the purchasing power of eighty cents for Sunday's dinner* (Theodore Dreiser. Sister Carrie)

‘Жена Гансона **была слишком занята мытьем пола в кухне** и размышлениями над тем, что можно купить на восемьдесят центов, которые она могла истратить на воскресный обед’;

(36) *He wished his parents had come along. But his parents were busy pitching camp* (Dan Brown. Angels and Demons)

‘Ему очень хотелось, чтобы его радость разделили папа и мама. Но родители **были заняты разбивкой лагеря**.

В нидерландском языке конструкции, представляющие собой сочетания прилагательного *bezig* ‘занят’ (родственного англ. *busy*) с инфинитивом, довольно часто используются для передачи значений, выражаемых английским прогрессивом, причем они также чувствительны к агентивности субъекта (см. о них [Kirsner 1985: 254; Ebert 1996: 52; Барентсен 2009: 277-278]):

(37) а. Ik ben bezig met het schrijven van een artikel
я быть:PRS занят с DEF писать:INF GEN INDEF статья
б. Ik ben bezig (om) een artikel te₁ schrijven₂
я быть:PRS занят (чтобы) INDEF статья писать:INF_{1,2}
‘Я пишу статью’ (букв. ‘Я занят писанием статьи’).

Представляется, что весь этот комплекс конструкций представляет большой интерес с точки зрения расширения наших представлений о том, какие метафоры могут лежать в основе конструкций со значением прогрессива.

Литература

- Барентсен А. 2009 – Барентсен А. Таксис в нидерландском языке // Храковский В.С. (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Булыгина 1982 – Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О.Н. (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- Горбова 2010 – Горбова Е.В. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы: вопросы взаимодействия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010.
- Есперсен 1924/1958 – Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
- Касевич 2004 – Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – 2-е. изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Князев 1989 – Князев Ю.П. Акциональность и стательность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *-н, -т*. Specimina Philologicae Slavicae. Bd. 81. München: Verlag Otto Sagner, 1989.
- Князев 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Ломов 1980 – Ломов А.М. К проблеме функционального взаимодействия категорий времени и вида в русском языке // Лопушанская С.П. (отв. ред.). Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград, 1980. С. 39-47.
- Маслов 1984 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Чейф 1970/1975 – Чейф У.Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
- Bertinetto et al. 2000 – Bertinetto P.-M., Ebert K. H., de Groot C. The progressive in Europe // Dahl Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 517-558.
- Bybee et al. 1994 – Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Carlsson 1977 – Carlsson G.N. A unified analysis of the English bare plural // Linguistics and philosophy. Vol. 1: 3. 1977. P. 413-456.
- Claudi, Heine 1986 – Claudi U., Heine B. On the metaphorical base of grammar // Studies in language. Vol. 20: 2. 1986. P. 297-335.
- Comrie 1976 – Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 – Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Ebert 1996 – Ebert K.H. Progressive aspect in German and Dutch // Interdisciplinary journal for Germanic linguistics and semiotic studies. Vol. 1: 1. 1996. P. 41-62.
- Givón 1982 – Givón T. Tense-aspect-modality: the creole prototype and beyond // Hopper P. (ed.). Tense-aspect: between semantics and pragmatics. (Typological studies in language. Vol. 1). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 115-166.
- Kirsner 1985 – Kirsner R. Iconicity and grammatical meaning // Haiman J. (ed.) Iconicity in syntax. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1985 (Typological studies in language. Vol. 6). P. 249-270.
- Leech 1970 – Leech G.N. Towards a semantic description of English. Bloomington; London: Indiana Univ. Press. 1970.
- Miller 1970 – Miller J.E. Stative verbs in Russian // Foundations of language. Vol. 10: 4. 1970. P. 488-504.
- Vendler 1967 – Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1967

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЗУЛЬТАТИВА И АКЦИОНАЛЬНО-АКТАНТНОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛОВ: РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

This article offers the analysis of resultative constructions of the Japanese language, including the comparison with the Russians. In Japanese language, the interaction of the actionality-argument structure of verbs and functional properties of resultative grams begets a variety of resultative constructions for which the relevant semantic component is controllability.

Результатив⁹⁰ отличается своей акциональной гетерогенностью. Формальная структура результатива посредством своей морфологической и/или лексической производности от каузативного предиката репрезентирует, помимо результирующего состояния, и предшествующее каузирующее последнее действие. Тем самым, хотя результирующее состояние само по себе представляет собой ситуацию, освобожденную от воздействия агенса-каузатора, акциональная гетерогенность результатива может способствовать фигурированию каузатора в его аргументной структуре.

В [Недялков (ред.) 1983], являющейся одной из основательных типологических работ, посвященных результативным конструкциям, предлагается классификация результативных конструкций по их диатезным типам, т.е. с точки зрения того, какому участнику предшествующей каузативной ситуации соответствует субъект обозначаемого результирующего состояния. В классификации выделяются субъектный, объектный, посессивный, косвенно-объектный, субъектно-безличный и объектно-безличный результативы [Недялков, Яхонтов 1983: 9-10]. Однако данная классификация оказывается не релевантной для анализа японских результативных конструкций в силу того, что, во-первых, она предполагает, что в результативных конструкциях субъект результирующего состояния маркируется исключительно как подлежащее, при этом в работе не дается определение термина «подлежащее» [Там же: 9], и что, во-вторых, она предполагает, что объектный результатив может быть образован только от транзитивных глаголов [Там же], и, наконец, что, в-третьих, в ней не учитываются все возможные диатезные отношения между (смысловым) субъектом результирующего состояния, агенсом и пациенсом предшествующего каузативного действия. Кроме этого, в работе [Холодович 1979а: 138-160; 1979б]⁹¹, посвященной результативу японского языка, не представлена полная картина японских результативных конструкций, что вызывает неверную трактовку системы результативов японского языка, согласно которой в языке имеется функциональное распределение между двумя результативными показателями: один показатель, конвербная форма с вспомогательным глаголом *iru* (CVB-*i*-), функционирует в качестве субъектного и посессивного результатива, а другой, конвербная форма с вспомогательным глаголом *aru*⁹² (CVB-*ar*-), – в качестве объектного результатива [Недялков, Яхонтов 1983: 16; Сичинава 2005: 106]. Однако в японском языке наблюдается более сложное разнообразие результативных конструкций, чему способствует главным образом взаимодействие семантики показателей результатива и акционально-актантной структуры глаголов.

Два показателя результатива, CVB-*i*- и CVB-*ar*-, являются неспециализированными результативами [Недялков, Яхонтов 1983: 14]: CVB-*i*- представляет собой аспектуальный кластер,

⁹⁰ Под результативом понимается, согласно формулировке В.А. Плуныя, следующее: «Произвольная словоформа W языка L будет выражать результативное значение, если эта словоформа обозначает такое состояние S, которое является результатом некоторого (предшествующего) действия A. Далее, указанная словоформа W может быть признана результативной производной (результативом) от глагола V, если глагол V в языке L обозначает действие A, а словоформа W принадлежит либо к словоизменительной парадигме глагола V, либо к парадигме лексемы, произвольной от глагола V» [Плуныя 1989: 56].

⁹¹ [Холодович 1979а: 138-160] и [Холодович 1979б] являются публикациями одной и той же работы.

⁹² В современном японском языке глаголы *iru* и *aru* являются бытийными: как правило, первый употребляется при одушевленном субъекте, последний – неодушевленном.

объединяющий в себе прогрессив, статив, результатив, итератив, в том числе хабитуалис, и его можно называть Инкомплетивом⁹³; а CVB-*ar*- может функционировать в качестве результата и перфекта.

Японские глаголы, согласно А.А. Холодовичу [Холодович 1979а: 28-54], можно делить на три группы: примерно 250 деривационных пар глаголов каузатива и декаузатива, глаголы *Transitiva tantum*, не имеющие парного декаузативного интранзитива, и глаголы *Intransitiva tantum*, не имеющие парного каузативного транзитива. К первой группе относятся такие пары, как *ake*- 'открывать' / *aka*- 'открываться'; *kira*- 'резать', 'выключать' / *kire*- 'разрезаться', 'выключаться'; *naosa*- 'исправлять', 'чинить', 'излечивать' / *naora*- 'исправляться', 'поправляться'; *kakusa*- 'прятать' / *kakure*- 'прятаться'; *kawakasa*- 'сушить' / *kawaka*- 'сохнуть'; *okosa*- 'поднимать' / *oki*- 'вставать'; *dasa*- 'выносить' / *de*- 'выходить'; *hajime*- 'начинать' / *hajimara*- 'начинаться'⁹⁴; и т.п. Глубинные базовые семантические единицы, порождающие лексическую каузативно-декаузативную парадигму, А.А. Холодович назвал суперлексемами [Там же]⁹⁵. Семантическая структура суперлексем представляет собой серию каузативно-декаузативных предикатов, в том числе результативного, при этом семантическая структура их составляющих каузативных лексем охватывает всю серию. В силу этого одно и то же результирующее состояние, являющееся составной частью той или иной суперлексемы, можно обозначать при помощи показателей результата в сочетании с ее каузативным транзитивом в активной и/или пассивной форме и/или с ее декаузативным интранзитивом.

Для системы акциональной характеристики глаголов японского языка характерно то, что в большинстве случаев, когда глагол содержит акциональный семантический атом статива [Горбова 2010: 50-58], он обнаруживает инцептивно-стативную акциональную структуру [Татевосов 2005, 2010]. Это способствует тому, что помимо парных глаголов суперлексем и глаголы *Transitiva tantum* и *Intransitiva tantum*, имеющие инцептивно-стативную структуру, могут маркировать состояние при помощи Инкомплетива в качестве результата. Например, в японском языке такие состояния, как 'молчать', 'не быть дома' и 'быть женат или замужем', обозначаются при помощи Инкомплетива сильных инцептивно-стативных глаголов *Intransitiva tantum damaru* 'замолкать', *dekakeru* 'уходить из дома' и *kekkon-suru* 'жениться, выходить замуж', соответственно, а такие состояния, как 'обнимать' и 'держат', – Инкомплетива сильных инцептивно-стативных глаголов *Transitiva tantum daku* 'обнимать' и *motsu* 'брать', соответственно, тем самым все эти состояния репрезентируются как результативная ситуация⁹⁶.

Взаимодействие акционально-актантной структуры глаголов и функциональной характеристики показателей результата порождает следующие типы результативных конструкций японского языка.

А. Результативные конструкции с интранзитивными глаголами в форме Инкомплетива (CVB-*i*-)

1. Агентивный результатив с интранзитивным глаголом

і. С агентивными глаголами *Intransitiva tantum*

К этой группе относятся обозначения результирующего состояния при помощи таких инцептивно-стативных глаголов *Intransitiva tantum*, как *iku* 'уходить' (дейктическое центробежное перемещение), *kuru* 'приходить' (дейктическое центростремительное перемещение), *damaru* 'замолкать', *dekakeru* 'отправиться, выходить', *kekkon-suru* 'жениться, выходить замуж', *sawaru* 'прикасаться' и т.п.

1) Я молчал [*damat*_{замолкать}-*te*^{CVB-і}*AUX.ICPL-ta*^{PST}]. [М.: 428; Чх.: 281]

⁹³ Термин «инкомплетив» заимствован из классификации аспектуальных кластеров В.А. Плунгяна [Плунгян 2011:403]. Хотя, согласно определению инкомплетива автором, инкомплетив не включает в себя итератива и хабитуалиса, благодаря согласию автора, данный японский грам мы также называем Инкомплетивом.

⁹⁴ Представленные глагольные формы являются так называемой первой основой глагола.

⁹⁵ Об этом см. [Конума 2011].

⁹⁶ Это подтверждает мнение В.А. Плунгяна о том, что признак предельности глаголов не служит условием наличия у них результата – ни необходимым, ни достаточным [Плунгян 1989: 58].

- 2) *И там, на траве, лежал* [*nekoron*^{ложиться}-*de*^{CVB-i}AUX.ICPL-*ta*^{PST}] *подросток в белой рубаше.*
[М.: 329; Чх.: 78]

ii. С декаузативом суперлексем с участием субъекта-агенса

Агентивное результирующее состояние также может обозначать Инкомплетив таких декаузативов, как *deru* 'ВЫНОСИТЬ.DC', *hairu* 'ВНОСИТЬ.DC', *kaeru* 'ВОЗВРАЩАТЬ.DC', *suwari* 'СТАВИТЬ.DC, УСТАНОВЛИВАТЬ.DC', *tatsu* 'СТАВИТЬ.DC', *neru* 'УКЛАДЫВАТЬ.DC'⁹⁷ и т.п., в том случае, когда субъектом состояния является сам агентс-каузатор.

- 3) *Он чинно сидел* [*suwat*^{СТАВИТЬ.DC-te}CVB-iAUX.ICPL-*ta*^{PST}] *с самым невинным выражением лица.*
[М.: 429; Чх.: 284]
- 4) *Цурукава на неделю уехал* [*kaet*^{ВОЗВРАЩАТЬ.DC-te}CVB-iAUX.ICPL-*ta*^{PST}] *в Токио, к родным – что-то у них там стряслось.* [М.: 374; Чх.: 169]

2. Пациентивный результиратив с интранзитивным глаголом

В пациентивных результиративных конструкциях данного типа употребляются инцептивно-стативные декаузативы суперлексем.

- 5) *Украшенная золотым галуном фуражка была водружена* [*kakat*^{ВЕШАТЬ.DC-te}CVB-iAUX.ICPL-*ta*^{PST}] *на одном из прутьев изгороди.* [М.: 313; Чх.: 43]
- 6) *В ту пору война на Тихом океане уже началась* [*hajimat*^{НАЧИНАТЬ.DC-te}CVB-iAUX.ICPL-*ta*^{PST}].
[М.: 312; Чх.: 42]

В вышеуказанных двух типах результиративных конструкций с интранзитивными предикатами агентивный результиратив отличается от пациентивного тем, что предшествующая каузативная ситуация является рефлексивной и что каузатор в своем декаузированном результирующем состоянии, когда уже снято его физическое воздействие на себя, еще контролирует свое состояние. Стативная ситуация, обозначаемая агентивным результиративом, может длиться за счет воли контролирующего субъекта-агенса. Для русского языка характерно обозначение агентивных результирующих состояний при помощи активной формы СВ или стативного НСВ. Поэтому в русском языке, в отличие от японского, состояния данного типа не репрезентируются в производной результиративной структуре.

В. Результиративные конструкции с транзитивными глаголами в форме Инкомплетива (CVB-i-)

3. Пациентивный результиратив с транзитивным глаголом в пассиве

- 7) *С одной стороны, были изображены* [*egaka*^{ресовать-re}ACAUS⁹⁸-*te*^{CVB-i}AUX.ICPL-*ta*^{PST}] *летающие ангелы с флейтами и бива в руках.* [М.: 337; Чх.: 94]
- 8) *На полу лежал* [*shika*^{растилать-re}ACAUS-*te*^{CVB-i}AUX.ICPL-*ta*^{PST}] *ярко-красный ковер – похоже, комната использовалась для чайных церемоний.* [М.: 338; Л.: 69]

В отличие от вышепредставленных трех типов в следующих результиративных конструкциях с CVB-i- транзитивных глаголов пациенс предшествующего каузативного действия маркируется Аккузативом.

4. Агентивно-корреферентные результиративы с транзитивным глаголом в активной форме

Агентивно-корреферентные результиративные конструкции могут обозначать, прежде всего, ситуации «надевания» и «насебеношения» [Холодович 1979б: 9-11].

i. Агентивно-рефлексивный результиратив с рефлексивными глаголами

⁹⁷ Лексемы, составляющие каузативно-декаузативную деривационную парадигму суперлексем, обозначаются следующими глоссами: суперлексема – соответствующей русской лексемой при помощи прописных букв, ее каузативная лексема – С, ее декаузативная лексема – DC.

⁹⁸ В японском языке антикаузативные формы глагола с аффиксом *-(ra)re-* могут функционировать в качестве пассива, рефлексива, потенциалиса и гоноратива.

В японском языке выделяется малочисленная группа рефлексивных глаголов: *kiru* ‘надевать на верхнюю часть своего тела (пальто, пиджак, рубашку и т.п.)’, *haku* ‘надевать на нижнюю часть своего тела (обувь, носки, брюки и т.п.)’, *kaburu* ‘надевать на свою голову (шапку, шляпу и т.п.)’, исходя из ряда грамматических признаков и аргументной структуры, содержащей реципиент ‘на себя’ в качестве константа. Поэтому, хотя глаголы надевания, как правило, являются трехвалентными, заполняемыми агенсом, пациенсом и реципиентом, японские рефлексивные глаголы надевания представляют собой двухвалентные. Ё. Нитта отмечает два грамматических признака рефлексивных глаголов. Во-первых, в отличие от других транзитивов, рефлексивы не образуют пассивную конструкцию посредством трансформации падежного оформления пациенса с аккузатива на номинатив [Nitta 1982: 82-86]. Во-вторых, Инкомплетив рефлексивных глаголов имеет не только прогрессивное, но и результативное значение.

9) *Hanako wa ima heya de kimono o ki-te-i-ru.*
Ханako TOP сейчас комната INS кимоно ACC надевать-CVB-AUX.ICPL-NPST

‘Ханako сейчас в комнате надевает на себя кимоно’.

10) *Hanako wa kyoo wa kimono o ki-te-i-ru.*
Ханako TOP сегодня TOP кимоно ACC надевать-CVB-AUX.ICPL-NPST

‘Ханako сегодня одета в кимоно’.

ii. Агентивно-посессивный результатив с нерефлексивными глаголами

Помимо рефлексивных глаголов ситуации надевания можно обозначать при помощи таких нерефлексивных глаголов, как *kakeru* ‘ВЕШАТЬ.С (очки, шарф на плечи, сумку на плечи)’ *hameru* ‘ВСТАВЛЯТЬ.С (кольцо, часы, браслет, перчатки)’, *tsukeru* ‘ПРИКРЕПЛЯТЬ.С (серьги, брошку, булавку)’ и т.п. В результативных конструкциях надевания с такими нерефлексивными глаголами, в отличие от рефлексивных, реципиент, к которому относится та или иная часть тела, является переменным. И агенс-каузатор маркируется в качестве внешнего посессора реципиента.

11) *Hanako wa kusuri-yubi ni yubi-wa o hame-te-i-ru.*
Ханako TOP лекарство-палец DAT палец-кольцо ACC
С.ВСТАВЛЯТЬ-CVB-AUX.ICPL-NPST

‘Ханako носит кольцо на безымянном пальце’.

При помощи рассматриваемой конструкции также можно обозначать пропозиции насебеношения и пропозиции, в которых пациенсом является часть тела агенса.

12) *Taroo wa zubon no poketto ni saihi o ire-te-i-ru.*
Тарoo TOP брюки GEN карман DAT кошелек ACC ВНОСИТЬ.С-CVB-AUX.ICPL-NPST

‘Тарoo носит (положил и держит) кошелек в кармане брюк’.

13) *Он был в студенческой тужурке, в руке держал [mot^{ВЗЯТЬ-te} CVB-_iAUX.ICPL-ta^{PST}] какой-то продолговатый узкий сверток. [М.: 387; Чх.: 197]*

14) *Taroo wa me o toji-te-i-ru.*
Тарoo TOP глаза ACC ЗАКРЫВАТЬ.С-CVB-AUX.ICPL-NPST

‘У Тарoo глаза закрыты’.

15) *Курсант сидел [koshi^{поясница} o^{ACC} oroshi^{ОПУСКАТЬ.С-te} CVB-_iAUX.ICPL-ta^{PST}] на каменных ступеньках, ведущих на школьную площадку. [М.: 312; Л.: 11]*

В рассматриваемых агентивно-корреферентных результативных конструкциях так же, как агентивный результатив с интранзитивным глаголом, агенс-каузатор маркируется в качестве участника, контролирующего обозначаемое результирующее состояние.

5. Посессивный результатив с транзитивным глаголом в пассиве

В японском языке при антикаузативной форме транзитивного глагола⁹⁹ в пассивном значении возможны две диатезы в том случае, когда при данном предикате посессор пациенса или реципиент оценивается как пострадавший.

Диатезы пассивных конструкций с транзитивными глаголами

	Агенс	Пациенс	Посессор
Активная конструкция	Номинатив	Аккузатив	Генитив
Пациентивно-пассивная конструкция	Датив, послелог <i>niyotte</i>	Номинатив	Генитив
Посессивно-пассивная конструкция	Датив	Аккузатив	Номинатив

При трансформации с активной на посессивно-пассивную конструкцию вынос посессора во внешнюю позицию состоит в его оформлении как первого актанта в качестве пострадавшего.

16) *Doroboo ga Taroo no saihi o nusun-Ø-da.*
вор NOM Тароо GEN кошелек ACC красть-PFV-PST
'Вор украл кошелек Тароо'.

17) *Taroo ga doroboo ni saihi o nusuma-re-Ø-ta.*
Тароо NOM вор DAT кошелек ACC красть-ACAUS-PFV-PST
'У Тароо был украден кошелек вором'.

В посессивных результативных конструкциях с пассивом результирующее состояние находится под контролем агенса-каузатора, который можно обозначать Дативом.

18) *Hannin wa keisatsu ni ude o tsukama-re-te-i-ru.*
Преступник TOP полицейский DAT рука ACC захватывать-ACAUS-CNB-AUX.ICPL-NPST
'Преступник схвачен за руки полицейским'.

19) *Hannin wa tejoo o hame-rare-te-i-ru.*
Преступник TOP наручники ACC ВСТАВЛЯТЬ.С-ACAUS-CVB-AUX.ICPL-NPST
'На преступника надеты наручники'.

В результате рассматриваемого типа контролируемость является постоянным компонентом вне зависимости от эксплицитности указания на Агенс-каузатор.

6. Пациентивный результатив с транзитивным глаголом в активной форме

Смысл данного типа результата так же, как вышерассмотренные разные типы агентивных результативов, заключается в том, что результирующее состояние находится под контролем. Его синтаксическая структура не отличается от структуры агентивно-коррелятивных результативов. Однако в первом смысловом субъекте результирующего состояния является пациент, тогда как в последних – агент.

20) *Yuube wa atsukat-ta kara zutto eakon o tsuke-te-i-ta.*
ночь TOP жаркий-PST CONJ.CAUS все время кондиционер ACC
ВКЛЮЧАТЬ.С-CVB-AUX.ICPL-PST

'Так как ночью было жарко, у меня (в комнате) кондиционер был все время включен (я включил кондиционер и оставил его включенным)'.

21) *Uchi wa rooka ni hondana o oi-te-i-ru.*
дом TOP коридор DAT книжный шкаф ACC ставить-CVB-AUX.ICPL-

⁹⁹ В ЯЯ антикаузативную форму в пассивном значении можно образовать не только от транзитивных глаголов, но и интранзитивных: в том случае, когда прагматика обозначения интранзитивной ситуации состоит в указании на пострадавшего в данной ситуации. Например, при обозначении пропозиции 'у Пети ушла жена' в японском предложении предикат 'уйти' может оформляться в форме антикаузатива, при которой 'Петя' в качестве пострадавшего маркируется номинативом, 'жена' – дативом.

NPST

‘У нас дома в коридоре стоит книжный шкаф’.

В данной конструкции экспликация агенса-каузатора не является необходимой, и он не всегда совпадает с участником, контролирующим результирующее состояние.

С. Результативная конструкция с Пациентивно-транзитивным результатом (CVB-*ar*-)

7. Пациентивный результатив с CVB-*ar*- транзитивных глаголов в активе

Как сказано выше, в японском языке в качестве показателя результата может функционировать, помимо CVB-*i*-, и CVB-*ar*-, которая, кроме результата, может функционировать в качестве перфекта. Конструкция с CVB-*ar*- в результативном значении обозначает результирующее состояние с импликацией того, что какой-то агент с определенной целью каузировал изменение состояния пациента и оставил последний в результирующем состоянии. В данном значении в конструкции употребляется исключительно каузативный транзитивный глагол, как правило, в активной форме, при этом налагается запрет на формальное указание на агенса, за счет чего пациент маркируется Номинативом.

22) *Mado ga ake-te-ar-u.*

окно NOM ОТКРЫВАТЬ.С-CVB-AUX.PTRES-NPST

‘Окно открыто (открыли окно и оставили его открытым с какой-то целью)’.

В семантической структуре рассматриваемой конструкции за счет активной формы транзитива предшествующее каузативное действие не уходит на задний план его результирующего состояния, что способствует сочетанию с обозначением цели или причины каузации:

23) *Kanki no tameni mado ga ake-te-ar-u.*

проветривание GEN CONJ.PURP окно NOM ОТКРЫВАТЬ.С-CVB-AUX.PTRES-NPST

‘Чтобы проветрить комнату, открыли окно’.

Хотя ряд авторов отмечает семантическое сходство данной конструкции с пациентивной результативной конструкцией с транзитивным глаголом в пассиве, они отличаются друг от друга аргументным рангом агенса-каузатора: в пассивной конструкции агент относится не к актантам, а к сирконстантам, тогда, как конструкция с CVB-*ar*- обнаруживает агенса в качестве имплицитного актанта за счет не заполняемой валентности активного транзитива. При этом конструкция используется независимо от того, знает ли говорящий на самом деле референт каузатора или нет. Есть случай, когда в референтной ситуации сам говорящий является каузатором.

24) Мать сварила яйца и говорит ребенку:

Tamago ga yude-te-ar-u kara tabe-nasai.
яйцо NOM ВАРИТЬ.С-CVB-AUX.PTRES-NPST CONJ.CAUS есть-IMP

‘Сварены яйца. Ешь’.

В этом высказывании мать-говорящий имплицитно указывает, что яйца сварены специально для ребенка, причем есть возможность, что в референтной ситуации она сама их сварила.

Конструкции с CVB-*ar*- часто обозначают положения пациента в пространстве при помощи таких каузативных глаголов, как *oku* ‘класть, ставить’, *tateru* ‘СТАВИТЬ.С, СТРОИТЬ.С’, *kakeru* ‘ВЕШАТЬ.С’, *igeru* ‘ВКЛАДЫВАТЬ.С’, *dasu* ‘ВЫНОСИТЬ.С’ и т.п.

25) *Kabe ni e ga kake-te-ar-u.*

стена DAT картина NOM ВЕШАТЬ.С-CVB-AUX.PTRES-NPST.

‘На стене повешена картина (На стену повесили картину и так и оставили с какой-то целью)’.

Референтную ситуацию предложения 25) также можно обозначать пациентивным результатом как при помощи Инкомплетива парного декаузатива *kakaru* (пример 26)), так и при помощи Инкомплетива каузатива в пассивной форме (пример 27)).

26) *Kabe ni e ga kakat-te-i-ru.*

стена DAT картина NOM ВЕШАТЬ.DC-CVB-AUX.ICPL-NPST

27) *Kabe ni e ga kake-rare-te-i-ru.*

стена DAT картина NOM ВЕШАТЬ.С-АКАУС-CVB-AUX.ICPL-NPST

В предложении 26) репрезентировано результирующее состояние без импликации предшествующего каузативного действия, а в 27) за счет транзитивности глагола имплицитно предшествующее каузативное действие, но без компонента целенаправленности каузации. Поскольку референтная ситуация предложений 25), 26) и 27) безусловно предполагает предшествующее каузальное действие, выбор одну из трех предложений состоит в прагматике и дискурсивной стратегии.

Что касается таких глаголов перемещения, как *oku* 'класть, ставить', *shiku* 'стлать', также таких глаголов письменной записи, как *kaku* 'писать', *insatsu-suru* 'печатать', которые не имеют парного декаузатива (Transitiva tantum), для обозначения результирующего состояния в силу невозможности использовать результирующую конструкцию с Инкомплетивом интранзитивного глагола во многих случаях в разговорной речи используется конструкция с CVB-*ar*- независимо от того, хочет ли говорящий имплицитно целенаправленность предшествующей каузации. Таким образом, CVB-*ar*- заполняет сочетаемостные лакуны результирующих конструкций с CVB-*i*-.

С другой стороны, есть результирующие ситуации, которые нельзя обозначать при помощи CVB-*ar*-. Это ситуации, обозначаемые агентивно-коррелятивными результирующими конструкциями с CVB-*i*-, которые эксплицитно контролируют ситуацию агенс-каузатива Номинативом. Результирующие ситуации данного типа, в которых агенс-каузатив физически присутствует, блокируют его импликацию при помощи CVB-*ar*-.

Сопоставим русские и японские обозначения результирующих состояний «положение неодушевленного предмета в пространстве». В русском языке их можно обозначать при помощи таких непереходных глаголов НСВ, как *стоять*, *лежать* и *висеть*, или пассивного причастия прошедшего времени соответствующих (часто однокоренных) переходных глаголов СВ. Казалось бы, что обозначение положения предмета в пространстве при помощи глаголов НСВ: *стоять*, *лежать* и *висеть*, своей семантической структурой соответствовало бы японской пациентивной результирующей конструкции с Инкомплетивом декаузативных глаголов *tatsu* 'СТАВИТЬ.DC', *yokotawaru* 'КЛАСТЬ.DC' и *kakaru* 'ВЕШАТЬ.DC', а обозначение такими пассивными причастием, как *поставлено*, *положено*, *повешено*, – японской пациентивной результирующей конструкции с CVB-*ar*- и с Инкомплетивом пассивной формы соответствующих каузативных глаголов *tateru* 'СТАВИТЬ.С', *yokotaeru* 'КЛАСТЬ.С' и *kakeru* 'ВЕШАТЬ.С' или глагола Transitivity tantum *oku* 'класть, ставить'. Однако на материале параллельных текстов не наблюдаются такие ожидаемые соответствия.

Так, обозначение положения предмета в пространстве при помощи CVB-*ar*- часто переводится на русский язык непереходными глаголами положения тела НСВ.

28) *Между перил была натянута веревка, на которой висела [kake^{ВЕШАТЬ.С-te^{CVB-ar}AUX.PTRES-ta^{PST}}] красная нижняя юбка, трусики, ночная рубашка.* [М.: 438; Л.: 291]

29) *Под картиной стоял [kazat^{украшать-te^{CVB-ar}AUX.PTRES-u^{NPST}}] резной ковчегец сандалового дерева, почерневший за века, что миновали с тех пор, как его вывезли из Индии.* [М.: 443; Чх.: 311]

Однако в следующем примере результирующая конструкция с CVB-*ar*- переведена на русский язык при помощи пассивного причастия:

30) *Katawara no hiku-i kaede no ki ni wa
kumade ga motase-te-ar-u.* [М.: 329]

возле GEN низкий-ATR клен GEN дерево DAT TOP

бамбуковые грабли NOM ПРИСЛОНЯТЬ.С-CVB-AUX.PTRES-NPST

Его бамбуковые грабли были небрежно прислонены к стволу росшего неподалеку клена.

[Чх.: 78]

В тексте предложение, предшествующее данному обозначению положения бамбуковых граблей, дает информацию о каузативе их нового положения: *И там, на траве, лежал подросток в белой рубашке* [Чх.: 78]. Смысл контекста состоит в том, что "подросток в белой рубашке", будучи

послушником в Золотом храме, должен заниматься уборкой сада храма, но решил отдохнуть, бросив грабли. Примечательно, что в русском переводе используется наречие *небрежно*, аналогичного которому обозначения в японском оригинале не имеется. Возможно высказать предположение, что переводчик, выбрав форму причастия *прислонены* и прибавив к ней наречие *небрежно*, стремился передать имплицитную намеренность каузатора положения граблей.

Параллельные тексты обратного направления (исходный русский текст и его японский перевод) показывают, что обозначения положения предмета в пространстве при помощи непереходных глаголов НСВ переводятся на японский язык разными результативными конструкциями.

Так, сопоставим русский текст фрагмента из «Мертвые души» Н.В. Гоголя с его двумя японскими переводами. В примере 31) в описании дома Манилова в русском тексте используется глагол *стоять* два раза.

31) *В доме его чего-нибудь вечно не доставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутой щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее не доставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы».* [Гоголь 1997: 268]

В обоих японских параллельных текстах словоформа *стояла* переводится при помощи Инкомплетива декаузатива «*naran*^{РАССТАВЛЯТЬ.DC-de}CVB-*i*^{AUX.ICPL-ru}NPST» без импликации каузатора, а *стояли* – формой CVB-*ar*- «*narabe*^{РАССТАВЛЯТЬ.C-te}CVB-*ar*^{AUX.PTRES-u}NPST», имплицитующей каузатор [Hirai 1948: 40; Nakamura 1963: 22]. Можно предполагать, что это исходит из того, что в случае с *стояли* японские переводчики видят в контексте явную намеренность каузатора (хозяина дома) ситуации, тогда как в случае с *стояла* положение предмета представляется как обыкновенная обстановка знатной семьи, и переводчики не обнаруживают особого намерения хозяина дома.

Согласно нашей классификации японских результативных конструкций, взаимодействие функциональных свойств показателей результата и акционально-аргументной структуры глаголов выделяет «контролируемость» как релевантный семантический компонент. В литературе вопрос о трактовке «контролируемости» обсуждается главным образом в связи с двумя тесно связанными друг с другом вопросами: вопросом о понятии «агентивность» и вопросом о признаках, способствующих демаркации процессов и состояний. Последний особенно актуален для русской аспектологии, поскольку данная демаркация далеко не всегда релевантна для русского имперфектива.

Е.В. Падучева выделяет признак контролируемости в качестве компонента формата, релевантного для классификации таксономических категорий глаголов [Падучева 1996: 107]. В данной работе обращает на себя наше внимание трактовка отношения между динамичностью и контролируемостью. Автор считает, что статичные ситуации всегда неконтролируемые, тогда как динамичные могут быть контролируемые и неконтролируемые [Там же: 127]. Исходя из этого, глаголы «*сидеть, лежать, стоять*» обозначают, согласно автору, динамичную ситуацию, на том основании, что, если бы они обозначали статичную ситуацию, то «они составили бы уникальный класс, сочетающий статичность с контролируемостью (которая проявляется в способности субъекта инициировать свое состояние; действительно, человек начинает и перестает сидеть, лежать или стоять по своему усмотрению)». Однако язык трактует ситуации, обозначаемые данными глаголами, «как деятельности – требующие затраты энергии и, в силу этого, динамические» [Там же: 128]. Данный вывод Е.В. Падучевой извлечен из единственной аксиоматичной посылки: одним из признаков предикатов, обозначающих такие ситуации, как сидение, лежание и стояние при одушевленном субъекте, можно признать контролируемость. Однако в работе автора отсутствует убедительная аргументация в защиту утверждения, согласно которому любой предикат, включающий в себя «контролируемость», обнаруживает признак «затрата энергии» – бесспорный признак динамичных ситуаций.

Т.В. Булыгина, отмечая, что многие исследователи под влиянием Дж. Лакоффа отождествляют признаки стативности и неагентивности, утверждает, что, «по крайней мере, в русском языке,

контролируемость / неконтролируемость и динамичность / статичность оказываются независимыми признаками (хотя нередко и совпадающими)» [Булыгина 1997: 97]. Ю.П. Князев также считает, что ни нефазовость¹⁰⁰, ни неагентивность не служат абсолютным признаком статальности [Князев 2007: 425-428]. При этом автор замечает, что «сами по себе признаки фазовости/нефазовости и агентивности/неагентивности взаимно независимы» [Там же: 433].

Обращает на себя наше внимание мнение Ю.П. Князева, согласно которому один и тот же семантический компонент может быть реализован как в константе предиката, так и лингвоспецифическими средствами. В [Князев 2003] различаются два типа неагентивности. Первый тип, который автор называет ингерентным, включен в константы предикатов. В данном случае неагентивность определяет характеристика их денотативной ситуации. Тем самым предикаты с ингерентной неагентивностью имеют универсальный характер. Другой тип – производная неагентивность – реализуется при помощи языковых средств. Автор отмечает, что «как состав средств выражения «производной» неагентивности, так и степень их употребительности в значительной мере идиолингвистичны» [Князев 2003: 300]. Анна А. Зализняк считает, что контролируемость характеризует «свойство ситуации в целом» и является «частью семантики предложения». Контролируемость определяется, как пишет автор, «не только семантикой глагола, но и другими компонентами предложения» [Зализняк Анна 1992: 138-139]. Исходя из этого, при анализе контролируемости, согласно мнению автора, следует различать «уровень денотатов» и «уровень концептов». Последний, имея конвенциональный характер, находится в распоряжении языка [Там же: 140-141]. Трактовка контролируемости Анны А. Зализняк перекликается с понятием «управляемости», которое вводит Е.В. Рахилина в работе ([Рахилина 1989]), посвященной сопоставлению категорий причины и цели. Автор понимает управляемость как «свойство конкретной ситуации, а не предикатной лексемы как таковой» [Там же: 50]. При этом «деятель, управляющий ситуацией, не обязательно должен быть субъектом данной ситуации и даже ее участником» [Там же: 51]. Результирующие каузативную ситуацию состояния, в частности, «без труда осмысляются как описывающие управляемые ситуации», поскольку они предполагают предикаты, при которых имеется актант, «способный контролировать осуществление конечного результата» [Там же].

Выделяются ли в результативных конструкциях компоненты «контролирующий актант» и/или «контролируемость», и если выделяются, то какими способами они кодируются – это вопрос языковых конвенций. В связи с дискуссией об отношении между стативностью и контролируемостью Ю.П. Князев замечает, что проблемы понятия стативности возникают отчасти из-за недостаточного учета того, что глагол представляет ситуацию не только через посредство ее временной структурой, но и «набором ее участников и их свойства» [Князев 2007: 426]. В японском языке обнаружению контролируемости результативных ситуаций способствует взаимодействие двухактантности предиката и семантики показателей результата.

Для трактовки отношения между признаками стативности и контролируемости следует внести уточнение в отношение между агентивностью и контролируемостью. Если понятие агентивности используется для характеристики семантики предиката (или пропозиции), обусловленной агенсом, то правомерным представляется рассматривать агентивность как комплексное понятие и расценивать контролируемость, как его составляющую, наряду с такими компонентами, как «затрата энергии», «намеренность» и «целенаправленность». Исходя из проведенного анализа японских результативных конструкций, можно считать, что характеристика агенса не является устойчивой и что, вместе с тем, состав компонентов агентивности может меняться. В каузативно-декаузативных сериях ситуаций, представляющих собой сложную акциональную структуру, в момент достижения предела каузации агентивность лишается компонентов «затрата энергии» и «целенаправленность», но агенс может не выпадать из аргументной структуры пропозиции. В японском языке в том случае, когда результирующее состояние репрезентируется в двухактантных результативных конструкциях с транзитивными глаголами, в пропозиции результата агенса

¹⁰⁰ Согласно автору, нефазовостью называется «неизменяемость ситуации – отсутствие у нее качественно различных временных фаз, т.е. внутренней фазовой структуры» [Князев 2007: 426].

остаётся, но только в ином качестве, не в том, в котором он был представлен в предшествующей каузативной ситуации: из целого комплекса агентивности остаётся лишь контролируемость. Иными словами, двухактантные результативные конструкции с транзитивными глаголами извлекают из агентивности компонент контролируемости.

Список условных сокращений

ACAUS – Антикаузатив; ACC – Аккузатив; ATR – показатель атрибутивной формы; AUX – вспомогательный глагол; C – лексический каузатив; CONJ.CAUS – союз придаточного причины; CONJ.PURP – союз придаточного цели; CVB – конверб; DAT – Датив; DC – лексический декаузатив; GEN – Генитив; ICPL – Инкомплетив; IMP – Императив; INS – Инструменталис; M. – Mishima 1997; NOM – Номинатив; NPST – непрошедшее время; PFV – Перфектив; PST – прошедшее время; PTRES – Пациентивно-транзитивный результатив; Л. – Ломанова 2004; Чх. – Чхартишвили 2007.

Литература

- Булыгина 1997 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 45-112.
- Горбова 2010 – Е.В. Горбова. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамеммы. СПб., 2010.
- Зализняк Анна 1992 – Анна А. Зализняк. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 138-145.
- Князев 2003 – Ю.П. Князев. Порядок и контроль: способы понижения агентивности в русском языке // Арутюнова Н.Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С.294-301.
- Князев 2007 – Ю.П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М. 2007.
- Конума 2011 – Ю. Конума. Понятие суперлексемы и аспектуальная характеристика японского глагола // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 67-89.
- Недялков (ред.) 1983 – В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Л., 1983.
- Недялков, Яхонтов 1983 – В.П. Недялков, С.Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // Недялков (ред.) 1983. С. 5-41.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Плунгян 1989 – В.А. Плунгян К определению результатива (универсальна ли связь результата и предельности?) // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 55-63.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М., 2011.
- Рахилина 1989 – Е.В. Рахилина. Отношение причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 46-54.
- Сичинава 2005 – Д.В. Сичинава. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы. КД. М., 2005.
- Татевосов 2005 – С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108-141.
- Татевосов 2010 – С.Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. ДД. М., 2010.
- Холодович 1979а - А.А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Холодович 1979б – А.А. Холодович. Результатив в современном японском языке // Японское языкознание. М., 1979. С. 5-25.
- Nitta 1982 – Y. Nitta. Saiki-dooshi, saiki-yoohoo // Nihongo kyooiku. № 47. Tokyo, 1982. Pp. 79-90.

Материал для иллюстраций

- Гоголь 1997 – Н.В. Гоголь. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1997.
- Ломанова 2004 – Н.С. Ломанова (перевод). Мисима Ю. Золотой храм. М., 2004.
- Чхартишвили 2007 – Г. Чхартишвили (перевод). Мисима Ю. Золотой Храм. СПб, 2007.
- Hirai 1948 – H. Hirai (translation). Googori. Shiseru tamashii 1. Tokyo, 1948. National Diet Library Digital Collections: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1137033>
- Mishima 1997 – Y. Mishima Kinkaku-ji // Mishima Y. Mishima Yukio shuu. Tokyo, 1997. Pp. 310-458.
- Nakamura 1963 – T. Nakamura (translation). Googori. Shiseru tamashii. Hana. Gaitoo. Kensatsukan. Tokyo, 1963.

VERBAL ASPECT AND LEGAL INTERPRETATION: THE USE OF VERBAL ASPECT IN SLAVIC PENAL CODICES

Polish legal texts and codices as well as proverbs are very often formed with imperfective verbs, whereas Russian codices and proverbs use perfective verbs in the habitual-pair construction or exemplifying meaning. These differences in the use of aspect require a re-analysis of prototype semantic features of aspect in the West-Slavic, East-Slavic and transitional zones of Slavic languages.

Comparative examination of the penal codices of Slavic-speaking countries shows that Polish legal norms are usually formed as personal construction with the pronoun *kto* as a subject and imperfective verbs, Czech norms have the same syntactic structure but use perfective verbs, whereas Russian ones use nominalized forms which are not marked for aspect, but can be complemented with a dependent passive participle:

- (1) Kto zabija (ipf) człowieka [...] podlega karze... (Kodeks karny Rzeczypospolitej Polskiej 1997, art. 148.1¹⁰¹)
- (2) Kdo jiného úmyslně usmrtí (pf), bude potrestán... (Trestní zákoník České republiky 2009, art. 140.1¹⁰²)
- (3) Ubijstvo, to est umyšlennoe pričinenie smerti drugomu čeloveku, nakazyvaetsja... (Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii 1996, art. 105.1¹⁰³)
- (4) Ubijstvo soveršennoe (pf) s osoboj žestokostju nakazyvaetsja... (Ugolovnyj kodeks, art.105.2)

The distribution of such perfectives and imperfectives in Polish, Czech and Russian legal norms does not correspond with Dickey's [2000] Western vs. Eastern zone of aspect use. Under his framework, Western Slavic languages are expected to standardly use perfective aspect in the iterative sense and languages in the Eastern zone to use only imperfective, yet it is only Polish which allows for the imperfective in legal norms. Other languages of the Eastern and transitional zones use the default perfective as well:

- (5) Kojto umišleno umärtvi drugigo, se nakazva za ubijstvo s lišavane ot svoboda ot deset do dvedeset godin. (Nakazatelen Kodeks na Plgarskata Republika 2006, art.115, Bulgaria¹⁰⁴)
- (6) Ko drugog liši života, kazniće se zatvorom od pet do petnaest godina. (Krivičny zakon Republike Srbije 2006, art. 47.1¹⁰⁵)

Moreover, the Russian passive participle which can be added to such nominalization is always perfective, *ubijstvo soveršennoe*, although it is an imperfective participle *ubijstvo soveršaemo* that would correspond to the theory of imperfective as a default value of Eastern Slavic aspect. According to Barentsen [2014], the participle construction is the easiest way to express iterative action in perfective in Russian. The Russian penal code of 1996 and the former Soviet codices (1922 and 1960) follow the French tradition of law, where the grammatical subject of a legal norm is a crime-denoting substantive. As a rule each article in the code of 1996 is titled with a verbal noun, which is then repeated as the subject of each paragraph of that article.

- (7) Ubijstvo nakazyvaetsja... (article 105 Ubijstvo 'Felony')
- (8) Poxiščenie čeloveka nakazyvaetsja... (article 126 Poxiščenie 'Kidnapping')
- (9) Iznasilovanie (...) nakazyvaetsja... (article 131 Iznasilovanie 'Rape').

The use of perfective in iterative omni-temporal constructions is generally more characteristic of Russian than Polish, even with a personal verb form. This is excellently illustrated by proverbs, which may be said to regulate everybody's life in a way similar to codices. Of the 89 Polish proverbs with the subject clause *kto* listed in the *Polish-Russian Dictionary of Proverbs* (Stypuła 1974) as many as 79 use

¹⁰¹ prawo.legeo.pl/prawo/kodeks-karny-z-dnia-6-czerwca-1997-r

¹⁰² www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40

¹⁰³ www.ug-kodeks.ru/

¹⁰⁴ www.vks.bg/vks_p04_04.htm

¹⁰⁵ www.serbialaw.eu/sr/pocetna-strana/krivicno-pravo/krivicni-zakon-republike-srbije

imperfective aspect in the main and dependent clauses, whereas their Russian counterparts use perfectives. Some examples are given below – the Russian version may differ from the Polish in terms of not only aspect, but also tense, person or other verbal categories¹⁰⁶:

- (10) Kto pod kim dołki kopie, ten sam w nie wpada.
- (11) Ne roj drugomu jamu, sam v nee popadeš.
- (12) Kto późno przychodzi, sam sobie szkodzi.
- (13) Pozdno prišel, tomu mosol.
- (14) Kto sieje wiatr, zbiera burzę.
- (15) Kto poseet vixer, požnet burju.
- (16) Kto z kim przestaje, takim się staje.
- (17) S kem povedeš'sja, ot togo i nabereš'sja.
- (18) Kto mieczem wojuje, od miecza ginie.
- (19) Podnjavšie meč ot meča i pogibnut.

The specific meaning of aspect in proverbs and codices

It is not easy to classify the specific meaning that is carried by verbal aspect in codices and proverbs. Under the classification of Padučeva [1998], such use might be viewed as synchronic: either as iterative or in-actual gnomic. An iterative sequence of two states of affairs where the first one is a condition for the second and the second one is a result of the first is usually expressed by double imperfective in Polish but not in Russian. Verb use in Russian proverbs can also be described as typical for perfective in exemplary meaning (*nagljadno-primernoje*), whereas the exemplary meaning is much less typical for Polish.

Another type of aspect use which could be applied to the analysis of proverbs and legal norms is the habitual-correlative construction (*kratno-parnoe*), which Bondarko does not list as a specific meaning but defines as a typical temporal limitation of perfective aspect. Subject clauses with *kto* are classified by Bondarko as correlative-pronoun clauses (*složnopriddatočnoe predloženie mestoimenno-sootnositel'nogo tipa*) and exemplified by a typical proverb: *Kto kogo smožet, tot togo i gložet* [Bondarko 1971, 200].

In Śmiech's [1982] analysis of the time reference assigned to various combinations of aspects in dependent clauses in Polish, a similar subject clause in proverbs is enumerated among typical functions of the imperfective aspect. According to Śmiech, the imperfectives repeated in a subject dependent clause and in the main clause usually express simultaneous actions. If the actions are not simultaneous, the hypotaxis must express a habitual or omni-temporal meaning, as in Polish proverbs, given as the most typical examples of the construction. Śmiech does not mention an omni-temporal meaning of perfectives in hypotaxis [Śmiech 1982, 96].

Overall, the differing aspect coding seen in Polish and Russian is an argument in favor of distinguishing a new, more specific type of aspectual meaning, bordering on both the iterative and omni-temporal. The characteristic traits of this use are a sequence of two events and a conditional relation between them.

The structure of penal codices and the choice of aspect

Polish penal code, like the Czech, German and English codices, is based on the grammatical structure of a subject clause with the culprit as the subject: "Whoever does X, is punishable with Y". Norms taking the form *Kto X, podlega karze Y* make up 188 of the 226 chapters in the special part of the code; repetition of this construction is an important factor for the code's text cohesion and genre identity [Przetak 2014, 181].

Such a structure was used back in ancient law: in the Code of Hammurabi and in biblical norms, mostly comprised in the Book of Leviticus:

- (20) Jeśli syn ojca swego uderzył, rękę utną mu (195)¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Some Russian proverbs can be used with perfective or imperfective verb, such variation is much less probable in Polish. (Not one of Polish proverbs quoted here allows for perfective aspect.)

¹⁰⁷ Translated by Stępień [1996, 57]

(21) Esli syn udaril svoego otca, to emu dolžny otrubit' ruku¹⁰⁸.

(22) Kto zabije człowieka, musi ponieść śmierć. (Leviticus 24.17, Biblia Tysiąclecia)

(23) Kto ubъet kakogo-libo čeloveka, tot predan budet smerti. (Synodal translation)

The *kto*-pattern was still followed (partially) by the Russian codex of 1845 (*Uloženie o nakazanijax ugovolnyx i ispravitel'nyx*). The Polish translation of this codex preserved the perfective.

(24) Kto sovretъ ili istrebitъ vystavlennyja (...) ot (...) načalъstva obъjavlenija tot (...) podvergaetsja arestu...

(25) Kto odedrze lub zniszczy obwieszczenia (...) przez zwierzchność (...) wystawione, ten ulegnie aresztowi... (art. 249)

The penal code of Nikolay Tagantsev (1903) used the subject (*a person*) *guilty of* and the name of a crime:

(26) Vinovnyj v ubijstve podvergaetsja...¹⁰⁹

The Soviet codices chose nouns as the subject of the sentence, as does today's Russian code: *ubijstvo nakazyvaetsja* (see example 2).

The omni-temporal use of perfective verbs in personal form in a habitual-correlative construction in (24) shows that the choice of perfective in Russian codices is not determined by the participle or any other grammatical structure. The perfective aspect has been chosen as typical for this type of text and for the iterative omni-temporal meaning.

The Polish Penal code of 1997 was translated into Russian twice. The current translation published on the site *Rossijskij Pravovyy Portal'* (law.edu.ru) repeats literally the structure and grammatical features of the Polish code's use of imperfective: *Kto ubivaet, podležit nakazaniju*. However, there was another translation present on the site five years ago, which can still be found in the Polish-Russian Corpus of the University of Warsaw (pol-ros.polon.uw.edu.pl). This earlier translation combined the Polish model of the wrongdoer as the subject and the Russian model of nominalization and perfective participles: *Lico soveršivšie ubijstvo, podležit nakazaniju*. The more recent translation follows the Polish more accurately, whereas the previous one sounded more natural in Russian.

The default imperfective in Polish was introduced in the translation of the Penal Code of the Austro-Hungarian Empire (1852), whereas the Czech translation of the same code used perfectives:

(27) Wer um seines Vortheiles willen eine fremde bewegliche Sache aus eines Anderen Besitz, ohne dessen Einwilligung entzieht, begeht einen Diebstahl. (art. 171)

(28) Kto dla swojej korzyści zabiera cudzą ruchomość z posiadania drugiego bez tegoż zezwolenia, popełnia kradzież.

(29) Kdo pro svůj užitek cizí movitou věc z držení někoho jiného bez jeho přivolení odejme, dopustí se krádeže.

The choice of the imperfective aspect in Polish may have been affected by the primacy of the present tense in this type of texts. It also fits in with the default iterative and omni-temporal function of the ipf in common Polish. The first original modern Polish penal code, drawn up by Juliusz Makarewicz in 1932, uses the imperfective as well:

(30) Kto zabija człowieka, podlega karze... (art. 225)

Accomplishment verbs and attempts to commit a crime

The verb *zabija* in (30) does not allow for an attempt interpretation 'tries to kill' since *zabijać* is a typical achievement verb, although the verb can sometimes be reinterpreted in an attempt or ongoing process reading, e.g. *zabijać stopniowo* 'to kill gradually'. In order to avoid any doubts Makarewicz himself

¹⁰⁸ Translation from www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm

¹⁰⁹ The Polish adaptation of the Tagantsev codex, in force in the former territory under Russian rule, preserved the structure *winy zabójstwa*. For more about the logical and grammatical structure of legal norms, see [Łaziński, Józwiak, in print].

equipped his codex with a commentary which explains *zabija* as ‘causes death’: “The expression *kto zabija* ‘who kills’ is an abbreviation for *kto umyślnie powoduje śmierć* ‘who intentionally causes death’”¹¹⁰.

However, there are some other verbs in the Polish penal code which could raise doubts about whether the committing of a crime is completed or merely attempted:

(31) Odpowiada za podżeganie, kto chcąc, aby inna osoba dokonała czynu zabronionego, nakłania ją do tego. (art. 18.2)

‘Whoever, wanting another person to commit a prohibited act, persuades this person to do so, is liable for incitement.’¹¹¹

(32) Podležit otvetstvennosti za podstrekatel’stvo tot, kto, želaja čtoby drugoe lico vypolnilo zapreščennoe delanie, sklonjaet ego k tomu.¹¹²

Unlike the ipf achievement verb *zabija*, the accomplishment verb *nakłania* rises doubts about whether the incitement must cause a real change of mind of the addressee or whether a mere attempt to induce constitutes an offence. What is more, Polish lawyers have disagreed about this, despite the interpretation of *nakłania* as a trivial iterative equivalent of the pf *nakłoni*:

„...the word *nakłania* ‘persuade’ should be understood as containing a requirement that a consequence must be triggered – causing in the induced person an intention to commit a prohibited act, even though the legal provision uses an imperfective form of the verb. The same form is used in other provisions of the code which, without a doubt, do refer to crimes of consequence.” (resolution of the Polish Supreme Court, 21.10.2003)¹¹³

All told, there are 822 verbs (tokens of 191 distinct lexemes) in the special part of the Polish penal code of 1997 (articles 117-363). This excludes the construction *podlega karze* ‘shall be subject to punishment’ which is repeated 485 times in the sanction portion of the norms, as well as the copula *być* ‘be’ and the verb *mieć* ‘have’. Of these 822 verbs, only 48 are perfective (21 lexemes), the remaining 774 imperfective. Of these imperatives 107 are imperfectiva tantum, 607 are paired verbs that represent achievement or activity actions and only 48 (21 distinct lexemes) are verbs that can represent accomplishment actions, e.g. *gromadzić* ‘to amass/accumulate’, *nakłaniać* ‘to persuade/induce’, *niszczyć* ‘to damage/destroy’, *organizować* ‘to organise’, *przerabiać* ‘to alter (a document)’, *splacać* ‘to repay’, *werbować* ‘to recruit’, *wypełniać (blankiet)* ‘to fill in (a form)’

In most cases the potential accomplishment is contextually disambiguated as a completed action, not an attempt:

(33) Kto działalność obcego wywiadu organizuje lub nią kieruje, podlega karze...

‘Whoever organizes or directs activities of a foreign intelligence, is subject to penalty...’ (art. 130 § 4)

(34) Kto [...] niszczy, uszkadza, ukrywa, przerabia lub podrabia protokoły lub inne dokumenty wyborcze...

‘Whoever [...] destroys, damages, conceals, alters or forges reports or other electoral documents...’ (art. 248.3)

The crime of organizing and directing of an intelligence service described in (33) can be proved if such a service has started operating. Similarly, the plural object of (34) leads the interpretation towards an accomplished act of destroying, damaging, concealing, altering or forging of many documents.

In fact, penal codes always use a specific construction to refer to the situation of a crime intended, but not consummated. Every time a culprit is involved in an intended criminal action, but does not succeed

¹¹⁰ „Wyrażenie <<kto zabija>> jest skrótem w miejsce <<kto umyślnie powoduje śmierć>>...” [Makarewicz 1934, 315]

¹¹¹ English translations of the Polish Penal code of 1997 are taken from the website: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes>.

¹¹² The current translation from the site law.ru.

¹¹³ „...słowo „nakłania” [...] należy rozumieć jako zawierające wymóg wywołania skutku, w postaci wzbudzenia u podżeganego zamiaru popełnienia czynu zabronionego, mimo że przepis posługuje się czasownikową formą niedokonaną. Formą taką posługuje się przecież kodeks również w innych przepisach, a mimo to nie budzi wątpliwości, że przepisy te dotyczą przestępstw skutkowych”. For more examples, see [Jóźwiak 2014].

in finishing it, the concept of ‘attempt’ is applicable. It is therefore not the semantics of aspect that determines the interpretation here, but a lexically expressed separate provision included in the general part of the code, applicable to every offence typified in the special part.

Although the concept of a punishable attempt is expressed literally in all modern codices, it is possible that the other Slavic languages apart from Polish avoid imperfectives in codices out of a fear of a possible ‘attempt’ misinterpretation. The case of the Polish verb *nakłaniać* shows that such fear is not entirely groundless.

Perfectives in the Polish penal code

While imperfectives in the present tense denote all kinds of offences and their circumstances, the perfectives in the Polish penal code are generally used to specify extenuating and exempting circumstances, such as compensation paid to the victim by the perpetrator, etc:

(35) Kto bierze (ipf) lub przetrzymuje (ipf) zakładnika [...] podlega karze [...] Nie podlega karze za przestępstwo [...], kto **odstąpił** (past pf) od zamiaru wymuszenia i **zwolnił** (past pf) zakładnika. (art. 252) ‘Whoever takes or holds a hostage..., is subject to the penalty... [...] Whoever has abandoned the intention of extortion and released the hostage is not subject to the penalty for the crime...

Other examples of extenuating circumstances in the pf added to a norm in ipf are as follows:

(36) ...dobrowolnie naprawił szkodę... ‘has voluntarily redressed damage...’ (art. 295)

(37) ...dobrowolnie poniechał dalszej działalności ‘has voluntarily desisted from further activities’ (art. 131),

(38) ...ujawnił [...] wszystkie istotne okoliczności popełnionego czynu... ‘has disclosed [...] all the substantive circumstances of the committed crime...’ (art. 131 § 1)

(39) ...zaspokoił roszczenia pokrzywdzonego... ‘has [...] satisfied the claims of the harmed party’ (art. 297),

(40) ...dobrowolnie uchylił grożące niebezpieczeństwo... ‘voluntarily averted the existing danger’ (art. 160).

This role of perfectives in the code can be explained by the main textual function of this aspect value as temporally definite. The event denoted by a perfective becomes temporally definite or foregrounded against the background of the macrosituation expressed by imperfectives¹¹⁴. The situation *bierze zakładnika* ‘takes a hostage’ in (35) is temporally indefinite. But the causal relation between the release of a hostage and renouncing the imposition of penalty constitutes a short narrative story and makes the perfective *zwolnił* ‘released’ temporally definite.

Conclusions

The default aspect value of verbs in Polish legal norms is imperfective, whereas other Slavic languages choose perfective.

The primacy of the imperfective in Polish codices can be explained in terms of a tendency for legal norms to become generalized, developing historically from an open-ended list of particular cases towards a concise set of abstract and general rules. The imperfective aspect and the present tense of *kto zabija* fits into to such a path of generalization, since it shows the situation as a general rule, whereas the perfective verb with the default future meaning would present the omni-temporal rule as a predictable, albeit untypical situation. If the perfective were to be used, a Polish reader could indeed expect that someone will actually break the law and kill another person.

Neither a grammar-based answer nor an answer derived from legal tradition can explain why it is only in Polish that the imperfective serves as the main fabric of codices and proverbs. One possible explanation is that the other Slavic languages apart from Polish may avoid imperfectives in legal codices out of a fear of a possible ‘attempt’ misinterpretation. Another possible explanation would link the use of

¹¹⁴The concept of temporal definiteness bases on the theory of Leinonen [1982] and Dickey [2000], the concept of grounding on the theory of Chvany [1990]. The concept of macrosituation presented by imperfective verbs and microsituations presented by the ipfs comes from Barentsen [2014].

the imperfective in codices to a more general function of this aspect value in common language, as the Polish imperfective seems to be even more typical for the iterative meaning verging on omni-temporal and exemplary meaning than in the East Slavic languages. The use of the imperfective in Polish proverbs lends weight to this latter interpretation.

References

- Barentsen 2014 — A. Barentsen. O vzaimodejstvii kategorii vida s drugimi glagol'nymi kategoriami pri vyražeenii posledovatel'nosti dejstvij v sluchajax neogranichennoj povtorjaemosti v različnyh slavjanskix jazykax, in: Tipologičeskije issledovanija. Posveščajetsja 80-letju V. S. Xrakovskogo. Acta Linguistica Petropolitana, vol. 10, part 3, (ed. N. N. Kazanski), St. Petersburg, Nauka, 2014, 42-58.
- Bondarko 1972 — A. V. Bondarko. Vid i vremja ruskogo glagola, M. Nauka 1971.
- Chvany 1990 — C. Chvany. Verbal aspect, discourse saliency, and the so-called „Perfect of result” in modern Russian, in: N.B. Thelin (ed.) Verbal Aspect in Discourse, Amsterdam – Filadelfia, 1990, 213-235.
- Dickey 2000 — S.M. Dickey. Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach, Stanford, 2000.
- Józwiak 2014 — K. Józwiak. Specyfika aspektu werbalnego w języku prawnym na przykładzie Kodeksu karnego z 1997 roku, in: D. Kondratczyk-Przybylska, A. Niewiadomski, E. Walewska (eds.) Język współczesnego prawa: polityka a język, Warszawa, Wyd. UW 2014. 179-201.
- Leinonen 1982 — M. Leinonen. Russian Aspect, temporal'naia lokalizacia and Definiteness / Indefiniteness. Helsinki 1982
- Makarewicz 1934 — J. Makarewicz. Kodeks karny z komentarzem, Lwów, Ossolineum, 1934.
- Łaziński, Józwiak in print — M. Łaziński, K. Józwiak. Verbal Aspect in Legal Texts.
- Padučeva 1998 — E. V. Padučeva. Sistematizacija ponjatij i terminov aspektologii, in: Russian Linguistics 32, 35-58.
- Przetak 2013 — M. Przetak. Struktura tekstu prawnego na przykładzie kodeksu karnego. Gdańsk, Wydawnictwa UG, 2014.
- Stypuła 1974 — R. Stypuła. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski, Warszawa, Wiedza Powszechna, 1974.
- Stępień 1996 — Kodeks Hammurabiego, transl. M. Stępień, Warszawa 1996
- Śmiech 1982 — W. Śmiech. Funkcje aspektów czasownikowych we współczesnym języku ogólnopolskim, Łódź, Wydawnictwa UŁ, 1971.

POINT OF VIEW, REFERENCE INTERVAL AND FUTURE TENSE IN BULGARIAN

Hans Reichenbach introduced the subsequently widely used notion of *point of reference* in his study of languages with rich temporal systems. It seems plausible that this concept could be fruitfully applied to the modeling of temporal-evidential systems like the Bulgarian one that has nine tenses and four evidential categories and allows the speaker to choose between at least two perspectives when reporting a story in a number of contextual settings. However, we show that the original notion is not fine-grained enough to be used for that purpose. That is why we propose two new but related concepts, *point of view* and *reference interval*.

Bulgarian is a language with a rich temporal-evidential system that includes nine tenses and five¹¹⁵ evidential categories. For certain syntactic contexts, more often in dependent (complement or relative) than in independent clauses, there are at least two grammatically acceptable verb forms that encode the same localization of the denoted event but exhibit pragmatical differences. To illustrate this, let us consider the following situation that includes two successive events¹¹⁶: Ivan leaves the house (E_M) and Ana finds out only after he has left (E_S). For the speaker who communicates this information the two events are in the past. Below we have provided a (non-exhaustive) set of complex sentences in Bulgarian each of which depicts the same situation. The matrix tense, i.e. the tense of the main clause is aorist; the complement tense, i.e. the tense of the subordinated clause varies between aorist (1a, 1d), perfect (1b, 1c) and pluperfect (1d, 1e). All the verbs are perfective.

(1) а. Ана <i>разбра</i> ,	<i>че Иван излезе.</i>
Ана <i>понял</i> .PFV.3SG.IND.AOR	что Иван <i>выйти</i> .PFV.3SG.IND.AOR
‘Ана поняла, что Иван вышел.’	
б. Ана <i>разбра</i> ,	<i>че Иван е излязъл.</i>
Ана <i>понял</i> .PFV.3SG.IND.AOR	что Иван <i>выйти</i> .PFV.3SG.IND.AOR
‘Ана поняла, что Иван вышел.’	
в. Ана <i>разбра</i> ,	<i>че Иван беше излязъл.</i>
Ана <i>понял</i> .PFV.3SG.IND.AOR	что Иван <i>выйти</i> .PFV.3SG.IND.PPRF
‘Ана поняла, что Иван вышел.’	
д. Ана <i>разбрала</i> ,	<i>че Иван излязъл.</i>
Ана <i>понял</i> .PFV.3SG.IND.PRT	что Иван <i>выйти</i> .PFV.3SG.IND.PPRF
‘Ана поняла, что Иван вышел.’	
е. Ана <i>разбрала</i> ,	<i>че Иван бил излязъл.</i>
Ана <i>понял</i> .PFV.3SG.REPRT.AOR	что Иван <i>выйти</i> .PFV.3SG.REPRT.(P)PRF
‘Ана поняла, что Иван вышел.’	

For each of the examples above, it is true that Ivan’s leaving the house precedes Ana’s becoming aware of the fact. In other words, all the sentences have past-under-past reading. The last two examples (1d) and (1e) are the least interesting in terms of interpretation, with common denominator between them an evidential¹¹⁷ feature associated with the reportative (*ренаратвни, преизказни*) verb forms, signalling a description of the denoted events based on another linguistic representation. Thus the speaker assumes the role of a nonwitness who has heard or read about, but not experienced as a participant or observer, the situation at hand. Sentences (1d) and (1e) share the same truth conditions with (1a) and (1b/c) respectively and express the same temporal configuration. It is worth pointing out that both (1b) and (1c) are rendered equally (*бил излязъл*) from a nonwitness point of view. We will address this peculiarity again at the end of our discussion.

¹¹⁵ For a thorough discussion on the inventory and the status of evidentiality in Bulgarian see for example Aleksova 2003.

¹¹⁶ We will use *event* as a cover term for eventualities with different aspectual profiles.

¹¹⁷ Reportative forms as core exponents of the grammaticalization of evidentiality have been a subject of many extensive studies, among which those of Gerdzhikov 1984, Kutzarov 1984, Nitsolova 2008, to name a few.

It is precisely the opposition (Figure 1) between preterit and pluperfect (see the complement tenses in (1a) and (1c) above) that Reichenbach employs in chapter 51 of his textbook *Elements of Symbolic Logic* to introduce the idea of the «three-place structure of the time determination given in the tenses» [Reichenbach 1947: 288]. Despite the fact that almost every proposition set out within this framework has been subjected to criticism [see, inter alia, Nerbonne 1984, Areces, Blackburn 2005] it proved to be rather influential in the 20th century and many linguists are still influenced by it [with regard to the Bulgarian tense system see Nitsolova 1984, Lindstedt 1985, more recently Nitsolova 2008a, Vlahova 2008; discussion in Gerdzhikov 1999].

Reichenbach claims that modelling the meaning of tensed forms in languages with rich tense systems (that is systems with more than three tenses) necessarily involves the introduction of the notion of *point of reference* R alongside the two primary concepts, *point of speech* S, and *point of the event* E. To describe the meaning of a tensed form is to establish the type of relation, *simultaneous with* (represented by a comma) or *before* (represented by a dash), for two two-element sets, {S, R} and {R, E}, and possibly for the «usually irrelevant» third one, {E, S} [Reichenbach 1947: 293].

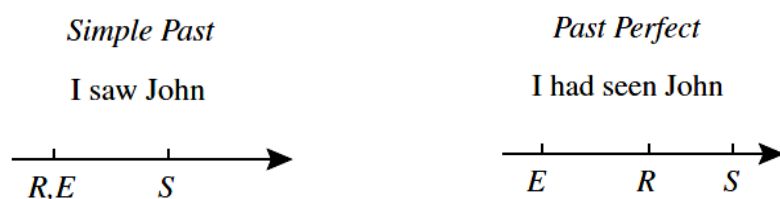

Figure 1. The two ‘tables’ used by Reichenbach to represent the *structure*, i.e. the set of relations between the three parameters S, R, and E, for the English preterit (E, R—S) and pluperfect (E—R—S).

The contrast between perfect and pluperfect is attributed to the differences in the localization of R with respect to S (Figure 2).

Figure 2. Pluperfect (E—R—S) and perfect (E—R,S).

It might seem that even without further elaborations at this point we are equipped with all the concepts needed for the localization of the events associated with the tensed verb forms in sentences (1a), (1b) and (1c) in relation to the utterance time S. On the contrary, the localization of the event described by the subordinated clause E_S in relation to the event described by the main clause E_M remains problematic. As far as (1a) is concerned, there is nothing in the *structure* of the two aorist forms that can predict the past-under-past interpretation of the complex sentence. The same holds true for (1b) if we accept that the reference point R for the perfect tense form coincides with the point of speech S. Nevertheless no native Bulgarian speaker would accept a reading in which the change in Ana’s cognitive state E_M precedes Ivan’s leaving E_S . We will examine closely the factors that play a crucial role in the computation of event order in the later. The interpretation of the event ordering in (1c) is the only one that seems straightforward. The minimal context provided by the sentence itself suggests that E_M is the only possible candidate as a point of reference for the pluperfect form referring to E_S and thus secures the past-under-past interpretation for the listener.

The assumption that events may serve as points of reference raises the question of the nature of R. Although Reichenbach made use of a kind of symbolic shorthand to demonstrate some essential aspects of the reflexive (anaphoric or indexical) nature exhibited by tensed forms in natural languages, he did not provide a temporal logic for this shorthand, nor did he give a definition for his framework key notion, *point of reference*. As a consequence, this allowed for divergent interpretations. Still, some of R’s characteristics might be inferred from the text, for example: «From a sentence like ‘Peter had gone’ we see that the time order expressed in the tense does not concern one event, but two events, whose positions are determined

with respect to the point of speech. We shall call these time points the point of the event and the point of reference» [Reichenbach 1974: 287].

Following this explanation it seems plausible to assume that R is a second-order entity like E, an event. Later though a comment on the usage of pluperfect provides an alternative interpretation: «The point of reference is here the year 1678» [Reichenbach 1974: 288]. R is interpreted simply as a time segment, a point on the axis of time and not as an event.

As we are going to see later, the insight that R might serve as a means to delimit an event to a certain segment in time has been adopted to address the aspectual characteristics of the verb and the sentence as a whole. It is now generally accepted that rather than as points, E and R should be regarded as intervals – a modification, proposed for the first time in [Benet, Partee 1972]. Reichenbach himself tacitly promotes such an interpretation when discussing the properties of the progressive, or, as he names them, *extended* tenses. Apparently, when «an event covers a certain stretch of time» and E is simultaneous with R, as in *I was seeing John* [Reichenbach 1947: 290], both parameters might be considered intervals, where R serves as some sort of a time container for the event. Another very important example is provided by the short discussion on the meaning of the French extended tense, the *imparfait*, and the *passé défini*, which is an aorist-like type of tense (Figure 3).

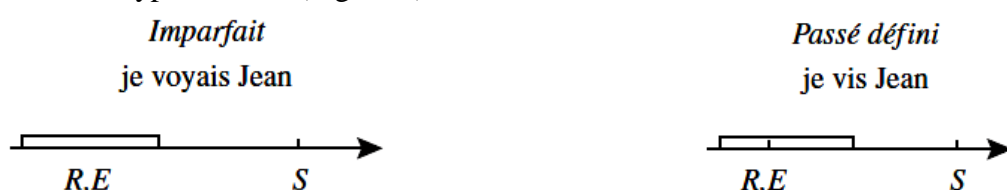

Figure 3. Reichenbach gives only a graphical representation of the meaning of the two French tenses. They are not represented with *structures* in the text.

As far as the *imparfait* is concerned, both E and R have a certain time span. Therefore, they are depicted as two coinciding intervals. In the case of *passé défini*, the event E is included in the interval of reference R. Not surprisingly, the Reichenbachian representation of the two Bulgarian counterpart tenses, imperfect and aorist, is almost identical: E and R overlap ($E \subseteq R$) in the first case, R includes E ($E \supset R$) in the second [Nitsolova 2008a].

Arthur Prior, the father of temporal logic, argues that the distinction between R and S is rather unnecessary – S is nothing more but the *first* point of reference. The difference between (morphologically) simple and complex tenses lies in the fact that later utilise a *second* point of reference; furthermore, the number of R needed for the description of tensed verb forms might not be limited to one [Prior 1967]. The explanation as to why the time of the utterance serves as a first point of reference is commonplace: natural language is egocentric, thus deictic and reflexive, with the here-and-now of the speaker at the origin of its coordinate system.

The question about the nature of R and the contrast between S and R is of paramount importance not only for the Reichenbachian type of approach to the meaning of tenses. Traditional descriptive Bulgarian grammar [see for example Stankov 1983: 288-350, Pashov 1965: 52-54] relays on the notion of additional reference point (*допълнителен ориентационен момент*) for the description of all nine tenses except for the so-called absolute tenses, namely, present, future, aorist, and perfect¹¹⁸. As far as they are concerned, Stankov claims, the time localization of the event should be defined solely with respect to the point of speech (*момент на говорене*). In this respect his position resonates with that of Prior. Future perfect in the past involves two additional reference points [Stankov 1983: 350]. We argue that a simple comparison of the traditional description of Bulgarian tenses against the inventory of structures provided by Reichenbach makes clear that the notion of *additional reference point* can be safely matched to the concept of point of reference R.

¹¹⁸ The differences between aorist and perfect are narrowed down to the opposition *definite ~ indefinite* (known ~ unknown time of occurrence), the line of reasoning being that both tenses express precedence of the event with respect to the utterance time. They share the E—R,S structure, attributed by Reichenbach to the English perfect. Bulgarian imperfect «borrows» the preterit structure E, R—S.

There are two insights that are not inspired by the Reichenbachian analysis but contribute significantly to our reading of its central concept. The first one is that the introduction of additional parameters in the description of a tense is necessary even when it might seem that the specification of the relation between E and S alone is sufficient for that purpose. Secondly, the notion of point of reference is indeed ambivalent or, rather, we are dealing with a cover term for two distinct notions.

Among the Bulgarian linguists, it is Gerdzhikov who defends the idea that, originally, the term introduced by Reichenbach covers two different concepts. He distinguishes between four parameters, all of them mandatory for each tense description. The moment of communication (*момент на комуникация*) corresponds to S, the event (*действие*) to E. There are two parameters that according to Gerdzhikov correspond to R: the additional reference point (*допълнителен ориентационен момент*) and the actualization period (*актуализационен период*). The additional reference point is defined «the moment that the speaker assumes as his point of view» [Gerdzhikov 1999: 8]. Gerdzhikov's actualization period is an abstraction that emerged from the need to provide an adequate account for the four perfect Bulgarian tenses which are neither resultative, nor relative tenses. For this reason it is (somewhat vague) defined as the period that follows the conclusion of an event.

We concur with the suggestion that R should be replaced by two different concepts. The first one is akin to Gerdzhikov's additional reference point, a *point of view* that is *not* defined by the utterance time. The second concept is that of the *reference interval* R, a kind of temporal scope whose range depends on several factors. We will use the two concepts in order to explain the dynamics behind the uniform interpretation of the temporal meaning of various verb forms in identical contexts.

The fact that, for example, present and imperfect, perfect and pluperfect (see (1b) and (1c) here), future and future in the past are interchangeable under certain conditions has drawn the attention of many linguists. One of the more recent publications dedicated to the relative use of tenses in Bulgarian attributes the availability of alternative forms to the fact that the speaker has the freedom to choose the point of view for each clause independently [Nitsolova 2005].

As we have already mentioned, Nitsolova's approach to Bulgarian tense system is modelled after the Reichenbach's framework [Nitsolova 2008a]. She characterizes R as the «time interval that the speaker is talking or thinking about» [Nitsolova 2008a: 263]. All the three parameters R, E, and S have the properties of intervals. In order to explain the relative use of tenses, Nitsolova makes the assumption that R is *mobile* and its position depends on the perspective to the event: «If for the speaker, now is the interval of the utterance, for the participant in the event now is always the interval of the event itself» [Nitsolova 2008a: 266].

Let us consider the following sentences with an achievement perfective verb in the matrix sentence. More importantly, V_M , *видя* ('увидеть' / 'see'), is a special type of attitude verb that places a constraint on the tense of the predicate of its sentential argument due to the so-called Simultaneity Condition [Felser 1998: 352]. According to that condition, the perception event E_M and the perceived E_S have to be simultaneous.

(2) а. <i>Видях,</i>	<i>че греє</i>	<i>слънце.</i>
увидеть.PFV.1SG.IND.AOR	что светить.IPFV.3SG.IND.PRS	солнце
'Увидел, что светит солнце'		
б. <i>Видях,</i>	<i>че грееше</i>	<i>слънце.</i>
увидеть.PFV.1SG.IND.AOR	что светить.IPFV.3SG.IND.IMPERF	солнце
'Увидел, что светило солнце'		

The relative present of V_S , *греє*, in (2a) represents the shining of the sun E_S as something that happens *now* from the perspective of the perceiver¹¹⁹. But the same event E_S is in the past from the point of view of the speaker which is signalled by the imperfect form of V_S in (2b).

¹¹⁹ In a SOT-language like English or Italian, where the perspective of the subordinate clause is identical to the perspective established in the main clause, the equivalent of (2a) is acceptable only if E_S overlaps in time both with E_M and the utterance. This interpretation, dubbed Double Access Reading, is possible also for non-SOT languages like Bulgarian and Russian.

So far we have neglected the aspectual properties of the verb. First we will perform a simple experiment which will demonstrate the role of the morphological aspect as a factor that places specific restrictions on the tense profile of V_S .

Let us substitute the imperfective *грея* ('светить' / 'shine') with the perfective *изгрея* ('взойти' / 'rise') that denotes a transition from one state of affairs to another¹²⁰. This, of course, will change the truth conditions of the sentence: E_M and E_S do not overlap as in (2a) and (2b).

- (3) a. *Видах,* *че изгря* *слънце.*
 'Увидел, что вошло солнце'
 'I saw the sun rise'
 увидеть.PFV.1SG.IND.AOR *что* *взойти*.PFV.3SG.IND.AOR *солнце*

Both imperfect and present forms are impossible in this context (3b). The two events can be rendered only from the point of view of the speaker as a cognitive agent¹²¹. Neither imperfect nor present V_S are acceptable:

- (3) b. **Видах,* *че изгрееше / изгрее* *слънце.*
 видеть.PFV.1SG.IND.AOR *что* *взойти*.PFV.3SG.IND.IMPERF / PRS *солнце*

We claim that these restrictions result from the scope of the reference interval specific for the point of view of the speaker *as a perceiver*, the *now* of the participant in the terms of Nitsolova. This information is encoded by the verb's morphological aspect as a fixed relation between the reference and the event interval. Further we will use the notation N_1 for the point of view of the speaker and N_2 for the point of view of the perceiver of the state of affairs described in the sentence.

It is generally assumed that *now* can be anchored to the time of utterance S . Following Le Poidevin analysis of time perception [Le Poidevin 2004], we argue for a different approach. For the speaker, *now* is the moment of his experience of perception. This is the first and prototypical reference point. As Le Poidevin points out, a state of affairs and its change cannot be perceived simultaneously. Put in the perspective of our discussion, the debate about the number of devils that can fit at the head of a needle is closed with the answer «One». Just like the tip of the needle, the scope of the reference interval is very «narrow», unlike the scope of the so-called Extended Now, for example. We accept that the aspect of the non-perfect tense verb form serves as an exponent of the relation between E and R (reference interval): $E \supset R$ ¹²². Perfective verbs, on the other hand, denote change, transition from one state of affairs to another. A change is never *now*, because it cannot be conceived without the comparison of at least two distinct segments of time, characterized by different state of affairs. From a cognitive perspective, the perfective aspect represents a much more complex conceptualisation of reality than the imperfective aspect but here we will represent it just by inverting the relation between E and R : $E \subset R$.

A sentence with a perfective verb as its predicate cannot describe the state of affairs from the point of view of the perceiver which explains the ungrammaticality of (3b). Just like the present, the imperfect represents the event from the point of view of *a* perceiver. Obviously though, with respect to the perspective of the speaker the *now* of the perceiver is in the past: $N_2 < N_1$, while for present forms the speaker is the perceiver: $N_1 \equiv N_2$.

In Bulgarian there are only two points of view: the vantage point of the speaker and that of the perceiver of the event. The first one is always *now*, the second one is in the *past*. There is no *future* point of view.

The reference interval for all Bulgarian past tenses includes the point of view N . Aorist is the only exception: $E \subset R$, $R < N_1$.

Bulgarian language allows the alternation of tensed forms V_S in subordinate clauses given that the relations between all parameters are identical except for the relation $N_2 < N_1$, and the context prompts a reading in which N_1 can be replaced by N_2 (for example (1b) and (1c), (2a) and (2 b)). When the speaker assumes the role of a nonwitness, as in (1d) and (1e) the distinction between N_1 and N_2 becomes irrelevant.

¹²⁰ *Изгрея* belongs to the class of accomplishment verbs.

¹²¹ In fact the Simultaneity Condition does not hold for (3a). This is a typical case of «mental perception» and 'see' shares the same function with 'realise' and 'understand' [Dik, Hengeveld 1991].

¹²² Borik and Reinhart propose a thorough analysis of lexical and morpho-syntactical aspect in English and Russian that makes use of the three Reichenbachian notions R , E and S [Borik, Reinhart 2004].

This is why sentences (1b) and (1c) both share the same truth conditions with sentence (1e). Again, the indicative evidential forms that differ only with respect to the relation $N_2 < N_1$ share the same non-indicative counterparts.

There are other factors that restrict the realisation of the potential alternations: the lexical semantic class of the matrix verb V_M , its temporal, aspectual and modal features, the type of subordination, negation and so on [Vlahova 2000, Nitsolova 2005, Nitsolova 2008b, Laskova 2008 inter alia].

To demonstrate this, we are going to conclude our discussion with a brief analysis of the semantics of future tense forms in Bulgarian. In contrast to other Slavic languages, the analytical forms show no preferences with regard to the morphological aspect of the verb:

- (4) а. *Ще чета романа.*
 читать.1PFV.1SG.IND.FUT роман.DEF
 б. *Ще прочета романа.*
 прочитать.PFV.1SG.IND.FUT роман.DEF

This is due to the fact that the reference interval is situated in the future. For obvious reasons, the speaker does not perceive the denoted event but has a mental representation of it. Depending on his communicative intentions and stipulations about the future, he can choose between two different conceptualizations, the one provided by imperfective ($E \supset R$) or the perfective one ($E \subset R$) that entails the belief that the event will reach its conclusion.

The *ще* particle represents the final stage of the grammaticalization of the Old Bulgarian verb *хотѣти* ('хотеть' / 'want'). Just as its contemporary equivalent, *хотѣти* belongs to the class of the so-called future-oriented verbs: the event denoted by its sentential argument cannot precede or overlap with the state of wanting [Katz 2001]. In our interpretation this translates in the following manner: the reference interval is located after the point of view N_1 or N_2 if the context prompts this reading; the relation between E and R depends on the aspect of the verb.

References

- Aleksova 2003 — Kr. Aleksova. Admirativat v savremenniya balgarski ezik. Sofia: SemaRSH, 2003.
- Areces, Blackburn 2005 — C. Areces, P. Blackburn. Reichenbach, Prior and Montague: a semantic get-together // S. Artemov, H. Barringer, A. d'Avila Garcez, L. Lamb, J. Woods (eds.). We Will Show Them: Essays in Honour of Dov Gabbay. College Publications, 2005. P. 77-88.
- Bennett, Partee 1972 — M. Bennett, B. Partee. Toward the logic of tense and aspect in English. Distributed by Indiana University Linguistics Club.1972/78.
- Borik, Reinhart 2004 — O. Borik, T. Reinhart. Telicity and perfectivity: Two independent systems. <http://filcat.uab.cat/clt/membres/postdoctorands/Borik/borik-reinhart-lola8.pdf>
- Dik, Hengeveld 1991: S. C. Dik, K. Hengeveld. The hierarchical structure of the clause and the typology of perception-verb complements // Linguistics. Vol. 29. 1991. P. 231-259.
- Felser 1998 — C. Felser. Perception and control: A Minimalist analysis of English direct perception complements // Journal of Linguistics. 1998. Vol. 34. P. 351-385.
- Gerdzhikov 1976 — G. Gerdzhikov. Balgarskite glagolni vremena kato sistema // P. Pashov, R. Nitsolova (eds.). Pomagalo po balgarska morfologiya. Glagol. Sofia: Nauka i izkustvo, 1976. P. 224-229.
- Gerdzhikov 1984 — G. Gerdzhikov. Preizkazvaneto na glagolnoto dejstvie v balgarskiya ezik. Sofia: Nauka i izkustvo, 1984.
- Gerdzhikov 1999 — G. Gerdzhikov. Temporalnite orientacii, koito izgrazhdat znacheniyata na balgarskite glagolni vremena // Balgarski ezik i literatura. XL. 1999. № 2-3. P. 3-17.
- Katz 2001 — G. Katz. (A)temporal complements // C. Fery, W. Sternefeld (eds.). Auditor Vox Sapientiae. Berlin. 2001. P. 240-258.
- Laskova 2008 — Laskova, L. Glednata tochka v izkazvaniya s glagol za vazpriyatie vidya // Balgarski ezik. 2008. LV. № 4. P. 44-58.
- Le Poidevin 2004 — R. Le Poidevin. The Experience and Perception of Time // E. N. Zalta (ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2004 Edition). <http://plato.stanford.edu/archives/win2004/entries/time-experience>
- Lindstedt 1985 — J. Lindstedt. On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian // Slavica Helsingiensia. 1985. Vol 4.
- Nerbonne 1984 — J. Nerbonne. German Temporal Semantics: Three-Dimensional Tense Logic and a GPSG Fragment. OSU Ph.D. Dissertation. 1984.
- Nitsolova 2005 — R. Nitsolova. Glednata tochka i upotrebata na vremenata v slozhnite sustavni izrecheniya s mentalni predikati v balgarskiya ezik // Jubileen slavistichen sbornik. Sbornik s dokladi ot Mezhdunarodnata slavistichna konferenciya po povod desetgodishniya yubiley na specialnost Slavyanska filologiya v Jugozapadnija universitet Neofit Rilski, Blagoevgrad, 03.-05.12.2004. Blagoevgrad: UI JUZU Neofit Rilski. 2005. P. 312-324.
- Nitsolova 2008a — R. Nitsolova. Balgarska gramatika. Morfologiya. Sofia: UI Sv. Kl. Ohridski. 2008.

- Nitsolova 2008b — R. Nitsolova. Problematika na slozhnite izrecheniya s komplementi v balgarskiya ezik // Nauchen projekt 164 - 2008 po NIS, SU Sv. Kl. Ohridski. 2008.
<http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-185X/2008/0350-185X0864261N.pdf>
- Pashov 1965 — P. Pashov. Balgarskite glagolni vremena (za osnovnite im znacheniya i za onagledyavaneto im sas shemi) // Narodna prosveta. 1965. № 3. P. 52-63.
- Prior 1957— A. Prior. Time and Modality. Oxford: Oxford University Press. 1957.
- Reichenbach 1947— H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. New York: MacMillan. 1947.
- Stankov 1983: V. Stankov. Vreme na glagola // St. Stoyanov (ed.). Gramatika na balgarskiya knizhoven ezik. Tom II. Morfologiya. Sofia: Izdatelstvo na BAN, 1983. P. 288-350.
- Vlahova 2000 — Vlahova, R. Monofonichna i polifonichna rech. Sofia: SemaRSH, 2000.
- Vlahova 2008 — Vlahova, R. Prakticheska gramatika – Balgarski ezik. Sofia: PONS, 2008.

ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ АСПЕКТОЛОГИИ РУССКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ: УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ БУДУЩИХ ДЕЙСТВИЙ

In this article, we looked at the problem of a relationship between modality and the future forms in the Russian language, comparing it with the Korean language, where actions in the future and aspectual meanings are expressed, not grammatically, but with the help of modal constructions. It is revealed that there was a strong connection between the simple future form and the modal meaning of conviction.

1. Введение

В русской лингвистике активно изучаются связи между глагольными категориями. Особенно тесные связи — как парадигматические, так и функциональные — существуют между категориями вида и времени, которые анализируются в работах многих российских лингвистов (В.В. Виноградова, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой и многих других). В русском языке вид влияет на образование форм будущего времени: от глаголов несовершенного вида (НСВ) образуется аналитическая форма, от глаголов совершенного вида (СВ) — простая форма будущего времени. Также изучается связь будущего времени с модальностью, обусловленная сущностью будущего времени, в плане которого обозначаются действия еще не осуществленные — предполагаемые, желаемые, необходимые, планируемые [Бондарко 1971: 103; РГ 1980: 636; Виноградов 1972: 440; Петрухина 2009: 161-162]. Ясно, что «любое суждение о будущем в принципе имеет значение предположительности, что как раз и порождает соответствующую модальность» [Радбиль 2011: 255]. Как кажется, вопрос о взаимодействии времени, вида и модальности при выражении предстоящих действий в русском языке требует дополнительных исследований.

Для того чтобы лучше понять особенности русской видо-временной системы и её функционирования, на наш взгляд, будет полезно взглянуть на русский язык с позиций нерусского языкового мышления. Для исследования связи глагольного вида с временем и модальностью может быть интересным сопоставление с корейским языком, в котором будущее не выражается временной формой, а на него указывают модальные показатели и контекст. В этой статье проводится сопоставление модальных и аспектуальных характеристик действия при обозначении предстоящих действий в русском и корейском языках. Перед этим излагаются основные сведения о способах выражения времени и аспектуальной характеристики действия в корейском языке.

2. Различия в выражении времени и аспекта между русским и корейским языками

Самое принципиальное различие между русским и корейским языками в выражении времени заключается в разном устройстве грамматической категории времени. В русском языке категория времени состоит из трех граммем — прошедшего, настоящего и будущего, причем будущее время имеет грамматическое выражение и входит в систему изъявительного наклонения. А в корейском языке категория времени состоит из двух граммем: граммемы прошедшего и непрошедшего времени [Lee Ik Sop 2009: 238-239, Lee Jae Seong 2001: 49]. Граммема прошедшего времени имеет формальный показатель «-ss-». Его наличие в предложении однозначно указывает на то, что действие было совершено в прошлом. Форма непрошедшего времени, имеющая показатель «-n-», называется так потому, что может выражать и настоящее, и будущее время. Уточнение времени зависит от контекста, например:

- (1) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.') *neil* ('завтра')
imunje-rul ('эта проблема + показ. вин. пад.')
ponyiha-n-da ('обсуждать'¹²³ + показ. непрошедшего вр. + окон. глагола'¹²⁴)
 'Мы завтра будем обсуждать эту проблему.'
- (2) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.') *jigum* ('сейчас')
imunje-rul ('эта проблема + показ. вин. пад.')
ponyiha-n-da ('обсуждать + показ. непрошедшего вр. + окон. глагола')
 'Мы сейчас обсуждаем эту проблему.'

В корейском языке будущее время может быть выражено формой на «-n-» и при отсутствии лексических маркеров будущего времени типа *neil* ('завтра'), *ilnyonhue* ('через год'). В этом случае на план будущего указывают модальные показатели, например:

- (3) *bi-ga* ('дождь + показ. им. пад.') *ganghage* ('сильно')
o-gess-oyo ('прийти + мод. показ. уверенности + окон. глагола')
 'Будет идти сильный дождь.'
- (4) *gu-nun* ('он + показ. им. пад.') *umak-ul* ('музыка + показ. вин. пад.')
gongbuha-lgo-da ('заниматься + мод. показ. намерения + окон. глагола')
 'Он будет заниматься музыкой.'
- (5) *Gu-nun jib-ul* ('дом + показ. вин. пад.')
ji-lgo-da ('строить / построить + мод. показ. намерения + окон. глагола')
 'Он будет строить / построит дом.'

В русском языке модальные значения также могут быть выражены эксплицитно в модальной рамке предложения [Апресян 1974; Вежбицкая, 1996: 68], которая может быть оформлена «в виде главного предложения в составе конструкции с диктумом в придаточном изъяснительном или в виде вводного предложения» [Краснова 2002: 100], например: *Я уверен / Возможно / Надеюсь, что он вернется*. Но модальная рамка в русском языке, в отличие от корейского, при обозначении предстоящих действий может лишь подразумеваться и выступать как имплицитная оценка обозначаемого факта говорящим. Модальные значения имплицитно выражают формы будущего¹²⁵: *Через неделю вернусь, не переживай, что со мной может случиться!*¹²⁶ (Е. Гришковец) – уверенность; *Буду отвечать вам по пунктам, как говорят подъячие*¹²⁷ (А. С. Пушкин) – намерение; *Кроме немногих ракут, всегда готовых к услугам, да двух-трёх тощих берёз, деревца на версту*

¹²³ Как известно, у корейского глагола нет категории вида, поэтому в русском подстрочном переводе корейских предложений мы выбираем вид глагола, исходя из общего контекста и значения корейского предложения.

¹²⁴ В корейском языке окончания «-(o)yo», «-(umni)da», «-ji», «-ne», «-o», «-gumon», «-di» служат для обозначения предикативности глагола в конце предложении.

¹²⁵ Чтобы проанализировать имплицитную реализацию модальных значений при формах будущего времени, мы провели опрос среди студентов 2-го курса филологического факультета МГУ, которым было предложено для интерпретации одиннадцать произвольно выбранных высказываний, содержащих формы будущего времени [Петрухина, Ли Чжу Хонг 2015].

¹²⁶ Из двенадцати информантов десять определили модальную окраску форм будущего времени в этом высказывании как уверенность.

¹²⁷ Десять информантов определило волитивную модальность – намерение.

кругом **не увидишь**: изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой¹²⁸ (И.С. Тургенев) – невозможность

В области аспектуальности принципиальное различие между корейским и русским языками заключается в том, что информация о завершенности / незавершенности, результативности / нерезультативности действия в корейском языке, в отличие от русского языка, не является обязательно выражаемой.

(6) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.') *moskva-e* ('Москва + показ. дат. пад.')
jib-ul ('дом + показ. вин. пад.')
ji-lgo-da ('строить / построить + мод. показ. намерения + окон. глагола')
'Мы будем строить / построим дом в Москве.'

В примере (6) значение будущего времени вытекает из модального значения намерения. А аспектуальное значение остается невыраженным. Поэтому это предложение можно переводить на русский с помощью как глаголов СВ, так и глаголов НСВ. Чтобы эксплицитно выразить аспектуальное значение в будущем времени, в корейском языке используются служебные глаголы, которые выражают завершенность события (*borida* — 'бросить', *chiuda* — 'убрать', *duda* — 'положить'), т. е. аспектуальные значения в корейском языке выражаются аналитически [Park Dok Yu 2007: 186-201]. Если такие показатели есть, то в русском переводе используется глагол СВ, как в примере (7).

(7)
Na-nim ('я + показ. им. пад.') *sagoa-rul* ('яблоко + показ. вин. пад.')
togo-chiu-lgo-da ('есть + служ. глагол 'убрать' + мод. показ. намерения + окон. глагола)
'Я съем яблоко.'

Для изучения особенностей выражения аспектуальных значений в плане будущего времени в русском языке интересно провести сопоставление с корейским языком, в котором значение будущего времени выражается не грамматически, а лексическими показателями (как временными, так и модальными).

3. Сопоставление корейских и русских эквивалентных предложений, выражающих действия в будущем

Для изучения характера связи между модальными значениями и видом в русском языке мы проанализировали пьесу «Дядя Ваня» А. П. Чехова, выбрав все предложения, где глагол стоит в форме будущего времени, и сопоставили текст оригинала с его корейским переводом. Кроме того, мы работали также с корейским романом «Ommarul Butakhe» («Пожалуйста, позаботься о маме») и проанализировали все предложения, где глагол используется с модальным показателем при обозначении будущих событий, сопоставляя текст оригинала с его русским переводом.

Анализ показал, что русские глаголы в форме будущего времени были переведены на корейский язык с помощью модальных конструкций: из 39 выбранных предложений с показателем уверенности — 10 предложений, с показателем предположения — 3, с показателем намерения — 12, с показателем возможности — 3 и показателем долженствования — 1 предложение. А в

¹²⁸Все двенадцать информантов определили имплицитно выраженную невозможность совершить действие, обусловленную внешними обстоятельствами.

остальных 10 случаях 3 предложения переведены на корейский язык без модальных показателей и 7 – как побудительные предложения. С другой стороны, большинство корейских глагольных форм непрошедшего времени и модальными конструкциями были переведены на русский язык формами будущего времени: с показателем уверенности — 9 предложений из 9, с показателем намерения — 11¹²⁹ из 14 и с показателем возможности — 1 предложение¹³⁰ из 4.

Согласно результатам анализа перевода пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова русские результативные глаголы СВ во многих случаях (10 предложений из 27) были переведены на корейский язык с показателями «-gess-»¹³¹ и «-lgo-», которые выражают модальное значение уверенности, как в примере (8). А в остальных 17 случаях 7 предложений переведены на корейский язык с модальным показателем намерения, 2 – возможности, 3 – без модальных показателей и 5 – как побудительные предложения.

(8)

<i>Нянька, ведь не помянут!</i>	<i>uito ginomdul-un</i> ‘нянька’ ‘они + показ. им. пад.’ <i>ijo-bori-lgo-ejo!</i> ‘забыть + служ. глагол ‘бросить’ + мод. показ. уверенности + окон. глагола’
---------------------------------	---

При переводе русской формы СВ *не помянут* на корейский язык эксплицитное выражение получает однократность (при помощи служебного глагола «borida» – ‘бросить’) и модальное значение уверенности (при помощи формы «-lgo-»). А грамматическое значение будущего времени является логическим следствием модальной семантики.

Отмеченные закономерности подтверждаются также анализом перевода корейского романа на русский язык. Среди корейских предложений, где были использованы глаголы, выражающие высокую степень уверенности (глаголы с показателями «-gess-», «-lgo-»), почти все предложения (8 из 9) были переведены именно с помощью глаголов СВ, как в примерах (9).

(9)

<i>tto gyoul-un</i> ‘и зима + показ. им. пад.’	<i>chatjao-gess-ji</i> ‘прийти + мод. показ. уверенности + окон. глагола’	‘И снова наступит зима.’
<i>oaso boaju-lgo-indi</i> ‘придут и’ ‘позаботиться + мод. показ. уверенности + окон. глагола’		‘Они придут и обо всем позаботятся.’

Таким образом, наш материал показывает, что корейские модальные конструкции со значением уверенности и глагольной формой непрошедшего времени переводятся на русский язык чаще формами простого будущего. Это соотношение подтверждается и переводами с русского языка на корейский.

¹²⁹ В остальных 3 случаях глаголы с показателем такого модального значения были переведены на русский язык глаголами в форме настоящего времени.

¹³⁰ При переводе остальных 3 предложений использовались формы настоящего времени и формы сослагательного наклонения.

⁹ Показатель «-gess-» используется тогда, когда говорящий уверен в том, что действие будет совершено, «-lgo-» используется для выражения меньшей степени уверенности, показатели «-moyangi», «-teji-» выражают предположение.

В нашем материале было также много случаев, когда русские глаголы СВ были переведены на корейский язык с показателями «-gess-», «-lte-», «-gyon-», выражающими модальное значение намерения (7 предложений из 27), как в примере (10), и было только несколько случаев с показателем «-lsu(iss)-», выражающим модальное значение возможности (2 из 27).

(10)

<i>Я допрошу его осторожно.</i>	<i>josimheso</i> 'осторожно'	<i>mulobo-lge</i> 'допросить + . мод. показ. намерения'
-------------------------------------	---------------------------------	--

Этот результат соответствует анализу перевода корейского романа на русский язык. В переводе среди 15 предложений, где имеются модальные конструкции со значением намерения (-gess-, -lge-, -yaj-i-), большинство предложений (13 из 15, т. е. 87%) были переведены на русский язык с помощью глаголов СВ. Следует отметить, что во всех этих предложениях субъектом действия является говорящий¹³², как в примере (11).

(11)

<i>ne-ga</i> 'я + показ. им. пад.'	<i>ha-lge</i> 'сделать + мод. показ. намерения'	мама 'omma'	Я все сделаю сама, мама.'
---------------------------------------	--	----------------	-------------------------------------

Интересно, что в переводе пьесы «Дядя Ваня» из 7 предложений, где русские глаголы выражают аспектуальное значение результативности и переводятся на корейский с показателями намерения «-gess-», «-lte-», «-gyon-», в 5 предложениях русский глагол имеет форму 1-ого лица.

Результаты анализа перевода на корейский язык пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова показывают, что все формы аналитического будущего (5 предложений из 5) были переведены на корейский с показателем модального значения намерения, как в примере (12), (13). Необходимо отметить, что во всех случаях в русском тексте употреблены формы 1-ого лица.

(12)

<i>Буду играть и плакать, плакать, как дура.</i>	<i>ulo-yaji</i> 'плакать + мод. показ. намерения'	<i>babochorom</i> 'как дура'
--	--	---------------------------------

(13)

<i>Бывают здесь не буду, но ...</i>	<i>ije</i> 'теперь'	<i>dasinun</i> 'больше'	<i>yoji</i> 'сюда'	<i>ojian-gess-umnida</i> 'не приходить + мод. показ. намерения' + окон. глагола'
---	------------------------	----------------------------	-----------------------	--

Корейские предложения со значением намерения переводятся на русский язык формами будущего глаголов как СВ, так и НСВ, но в нашем материале преобладают формы простого будущего СВ (из 15 предложений 13). В выборе видов в русском переводе большое значение имеет общий контекст.

Таким образом, проведенное сопоставление русских и корейских предложений наглядно продемонстрировало разные стратегии в выражении предстоящих действий в сравниваемых языках как с точки зрения модальности, так и аспектуальности. Русский язык при помощи категории вида

¹³² В корейском языке глагол не имеет форм лица, оно выражается только местоимением, которое очень часто опускается. Информация о лице в этом случае передается общим контекстом.

актуализирует аспектуальные характеристики действия, прежде всего кратность, результативность / нерезультативность, а модальная интерпретация действия эксплицитно не выражается, несмотря на то, что русский язык обладает большими лексическими возможностями в выражении самых разнообразных нюансов субъективной модальности, см. [Петрухина, Ли ЧжуХонг 2015]. При переводе корейских модальных конструкций на русский язык в большинстве случаев предпочтение отдается форме будущего в изъявительном наклонении, а о модальных характеристиках действий, которые предстоит осуществить, можно только догадываться. В корейском же языке напротив, именно модальные значения – уверенность, намерение, желание, возможность – получают эксплицитное выражение, а аспектуальные характеристики вытекают из общего контекста и могут остаться неопределенными.

Интересным результатом русско-корейского и корейско-русского сопоставления двух литературных произведений и их переводов является выявленная тесная связь русских форм простого будущего с модальным значением уверенности, а в форме первого лица – со значением намерения.

Список условных сокращений

СВ – совершенный вид; НСВ – несовершенный вид; ПОКАЗ – показатель; ИМ – именительный; ПАД – падеж; ВИН – винительный; ДАТ – дательный; МОД – модальный; ПРОШ – прошедшего; НАСТ – настоящего; ВР – времени; ВОП – вопросительный; ОКОН – окончание; СЛУЖ – служебный

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Значение и оттенок значения. М. 1974.
Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М. 1971.
Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М. 1996.
Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. 1972.
Краснова 2002 — Т. И. Краснова. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб. 2002.
Петрухина 2009 — Е. В. Петрухина. Русский глагол: категории вида и времени. М. 2009.
Петрухина, Ли ЧжуХонг 2015 — Е. В. Петрухина, Ли ЧжуХонг. Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке. // Вестник Московского университета. Серия 9. № 5. М. 2015 (в печати) .
Радбиль 2011 — Т. Б. Радбиль. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст» // Н. Д. Артюнова (ред.). Логический анализ языка: лингвофутуризм. взгляд языка в будущее. М. : Изд. Индрик, 2011.
РГ 1980 — Русская Грамматика. Т. 1. М. 1980.
Lee Ik Sop 2009 — Lee Ik Sop. Hankuko Munbob (A Grammar of the Korean language). Seoul. : SNU press. 2009.
Lee Jae Seong 2001 — Lee Jae Seong. Hankukoyi sijewa sang (Tense and aspect of the Korean language). Seoul. 2001.
Park Dok Yu 2007 — Park Dok Yu. Hankukoyi sangihe (The understanding of Korean aspect). Seoul. 2007.

Московский государственный университет

Ли ЧжуХонг

e-mail: vladimir81@hanmail.net

Тел.: +7-916-936-0099

ДИСКУРСИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА ПРИ ОТРИЦАНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Within the so-called general-factual meaning of the ipf. aspect two fundamentally different variants must be distinguished, irrespective of the lexical semantics of the predicate. First, an ipf. predicate may refer to the kind, i.e., the “type” of a situation. This meaning will be termed *generalized-factual* (*obobščенно-faktičeskoe NSV*). Second, it may refer to an individual situation, a “token”. This meaning will be termed *singular-factual* (*edinično-faktičeskoe NSV*). In neither case is the situation conceptualized as „ongoing“ (processual) or as a case of unbounded repetition. The article shows why this distinction is relevant both for general (nexus) negation and special negation.

1. Различие между обобщенно-фактическим и единично-фактическим НСВ при наличии общего отрицания

Внутри так называемого общефактического значения НСВ независимо от семантики предиката надо различать два принципиально разных варианта. Данные варианты, с одной стороны, могут отсылать к не-актуализованной ситуации, к «типу» (type) обозначаемой ситуации. Этот первый вариант я вслед за Ю.С. Масловым [Маслов 1959: 267] буду называть «обобщенно-фактическим». С другой стороны, предикации в НСВ с общефактическим значением могут отсылать и к актуализованным, индивидуализованным ситуациям, т.е. к экземплярам (token) обозначаемой ситуации. Для этого варианта я буду употреблять термин М.А. Шелякина «единично-фактический» [Шелякин 1983; 2007].¹³³ В обоих случаях обозначаемая ситуация при употреблении НСВ представляется не в своем протекании, как происходящая, и не как неограниченно повторяющаяся.¹³⁴

Без знания контекста такая предикация с общим отрицанием как (1) допускает обе интерпретации.

(1) *Наши соседи еще не делали ремонт в квартире.*

Если НСВ интерпретируется как обобщенно-фактический, то предикация отсылает к типу (type) обозначаемой ситуации и сообщает, что во временном промежутке, начало которого определяется прагматически и который простирается до момента речи, еще никакая ситуация данного типа не имела место.

(1a) – *Ваши соседи уже когда-нибудь делали ремонт в квартире?*

– *Нет, еще никогда / ни разу не делали.*

В таком случае частица *еще* имеет количественное значение. При обобщенно-фактической интерпретации НСВ ни говорящий, ни адресат не может идентифицировать обозначаемую ситуацию. Поэтому предикации с НСВ в обобщенно-фактической интерпретации соответствует бытийное предложение, в котором номинализованное описание ситуации имеет статус неспецифической (в другой терминологии не-референтной) неопределенности [–SPEC –DEF].¹³⁵ В

¹³³ В отличие от М. А. Шелякина [Шелякин: 1983; 2007] я буду употреблять термин «единично-фактический» только для предикаций, которые отсылают к индивидуализованным ситуациям.

¹³⁴ В моей статье [Мелиг 2013] для обобщенно-фактической интерпретации НСВ (*generalized-factual*) я еще употреблял термин «общефактический» (*general-factual*). Так как термин «общефактический» традиционно употребляется как гипероним для обобщенно-фактической и для единично-фактической интерпретации НСВ и довольно часто эти интерпретации различаются недостаточно четко, в данной статье я буду различать последовательно термины обобщенно-фактический (*generalized-factual*) и единично-фактический (*singular-factual*) НСВ.

Понятия «type» и «token», которые я буду переводить как «тип» и как «экземпляр», используются в аналитической философии, чтобы отличать абстрактные сущности от их реализаций. «Экземпляры» (token) представляют собой инстанции определенного «типа» (type). См. подробнее [Hutton 1990; Mueller-Reichau 2011]. В своих ранних работах я терминологически различал «актуализованные» (token) и «не-актуализованные» (type) ситуации (±AKTUALITÄT).

¹³⁵ Неспецифическую неопределенность (non-specific indefiniteness) надо отличать от специфической неопределенности (specific indefiniteness). Неспецифическая неопределенность налицо, когда языковое

таком артиклевом языке, как английский, номинализованное описание ситуации должно быть введено показателем неспецифической неопределенности.

(1б) *There never / not once has been a renovation of the apartment.*

В русском языке этот статус может быть маркирован употреблением местоименного прилагательного *такой*.¹³⁶

(1в) *Такая ситуация, как ремонт в квартире, еще никогда / ни разу не имела место.*

В этой интерпретации предикация не допускает употребление СВ, так как при отсылке к типу (type) обозначаемой ситуации видовая оппозиция в русском языке нейтрализуется.

Однако НСВ в примере (1) может иметь и единично-фактическую интерпретацию. Это имеет место тогда, когда предикация отсылает к запланированному ремонту квартиры и, тем самым, к индивидуализированной и идентифицируемой ситуации, т.е. к ситуации, которая известна как говорящему, так и адресату высказывания, как в примере (2).

(2) – *Ваши соседи уже делали ремонт в квартире, как они собирались?*

– *Нет, еще не делали. Не удалось найти мастера.*

В этой второй интерпретации отрицается, что ожидаемый ремонт уже был реализован. В таком случае описание ситуации имеет статус неспецифической определенности. [-SPEC +DEF]. В артиклевом языке описание ситуации при номинализации предикации должно быть введено определенным артиклем или другим показателем определенности.

(2а) *The renovation of the apartment has not yet taken place.*

В русском языке номинализованное описание ситуации должно образовывать тему высказывания, и, таким образом, обозначаемая ситуация тоже интерпретируется как определенная [Weiss 1983].

(2б) *Ремонт квартиры еще не имел место.*

При единично-фактической интерпретации частица *еще* имеет не количественное, а временное значение. Сообщается, что ожидаемая ситуация пока еще не имела место, но, по всей вероятности, еще состоится. В отличие от обобщенно-фактической интерпретации предикация в единично-фактической интерпретации НСВ допускает перфективацию, так как единично-фактическое употребление НСВ является вариантом так называемой линейной аспектуальности [Dik 1987: 60-63; Плунгян 2000: 296-303].

(2в) – *Ваши соседи уже сделали ремонт в квартире?*

– *Нет, еще не сделали. Не удалось найти мастера.*

Выбор видов позволяет представить обозначаемую ситуацию в различных ракурсах. При употреблении СВ отрицается только достижение кульминационной точки обозначаемой ситуации, и поэтому остается открытым, началась ли уже обозначаемая ситуация в момент речи или нет. В отличие от этого при употреблении НСВ в единично-фактической интерпретации отрицается свойственный ситуации процессный компонент и, таким образом, сообщается о том, что ремонт квартиры в момент речи еще не начался. В обоих случаях сообщается о том, что обозначаемая ситуация в более позднее время может состояться.

В данной статье мне хотелось бы показать на примере высказываний с отрицанием в НСВ, в какой мере различие между обобщенно-фактическим и единично-фактическим значением является релевантным для дискурса. В качестве исходного пункта я выбрал частный вопрос в СВ, цель которого состоит в том, чтобы идентифицировать агенса обозначаемой ситуации. Как частный диктальный вопрос типа *Кто перевел текст?*, так и частный модальный вопрос типа *Это Саша перевел текст?* допускает две разных интерпретации.

1. Такой частный вопрос, как *Кто перевел текст? Саша?* может, во-первых, отсылать к ситуации, которая уже осуществилась, как в примере (3).

(3) *Кто так хорошо перевел текст, который там лежит? Саша?*

выражение отсылает к не-индивидуализованным сущностям, к типу (type) обозначаемого объекта. Специфическая неопределенность налицо, когда языковое выражение отсылает к индивидуализованным сущностям, к экземплярам (token) обозначаемого объекта, которые говорящему известны, а адресат не может их идентифицировать. См. подробнее [Breu 2003: 29-31; Князев 2007: 210-213].

¹³⁶ О местоимении *such* 'такой' как показателе неспецифической неопределенности см. [Landman; Morzycki 2003].

2. Во-вторых, этот вопрос допускает дистрибутивную интерпретацию и может отсылать к по крайней мере двум индивидуализованным ситуациям, фактичность которых только предполагается, как в примере (3а).

(3а) *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Может быть, Саша?*

3. Когда употребляется НСВ, тогда допускается еще третья интерпретация, как показывает пример (3б).

(3б) *Кто уже когда-нибудь раньше переводил текст, который здесь лежит? Может быть, Саша?*

В этой третьей интерпретации НСВ имеет обобщенно-фактическую функцию. Спрашивающий исходит из предположения, что данный текст уже был переведен раньше по крайней мере один раз.

Этот вопрос во всех возможных только что приведенных интерпретациях допускает, в принципе, как общее, так и частное отрицание. Общее отрицание имеет место, когда отрицание относится к предикативному компоненту предикации и, таким образом, отрицается фактичность обозначаемой ситуации, а частное отрицание наличествует, когда отрицание относится только к правильности идентификации агенса. В дальнейшем мне хотелось бы показать, какие факторы определяют выбор вида в этих трех рассмотренных типах вопроса при частном и при общем отрицании.

2. Отрицание верности идентификации агенса в предикациях, которые отсылают к уже осуществившимся ситуациям

Если такой частный вопрос, как *Кто перевел текст? Саша?* отсылает к ситуации, фактичность которой дана ситуативно или текстуально, то спрашивается, правильно ли предположение, что Саша является агенсом этой осуществившейся ситуации. Эта первая интерпретация имеется в примере (4).

(4) *Кто так хорошо перевел текст, который там лежит? Саша?*

В этой первой интерпретации вопрос отсылает к ситуации, которая уже осуществилась. Поэтому она может быть идентифицирована как спрашивающим, так и адресатом вопроса. Описание ситуации имеет референциальный статус специфической определенности [+SPEC +DEF]. В этой интерпретации вопрос допускает как и частное, так и общее отрицание. Рассмотрим вначале частное отрицание.

(4а) – *Кто перевел текст, который здесь лежит? Саша?*

– *Нет, не Саша его перевел. Его перевел Петя.*

При частном отрицании обозначаемая в вопросе ситуация кореферентно упоминается. Фактичность ситуации, названной в вопросе, не отрицается. Отрицается только верность идентификации агенса. Таким образом, описание ситуации в отрицательном ответе имеет такой же референциальный статус как в вопросе, а именно статус специфической определенности [+SPEC +DEF]. При частном отрицании в данном примере возможно употребление как СВ, так и НСВ. При употреблении СВ, как в примере (4а), отрицание относится к достижению кульминационной точки, к результату обозначаемой ситуации. Сообщается, что не Саша достиг кульминационной точки обозначаемой ситуации. В этом примере при частном отрицании допускается и употребление НСВ, который в таком случае имеет единично-фактическую функцию.

(4б) – *Кто перевел текст, который здесь лежит? Саша?*

– *Нет, его переводил не Саша, а кто-то другой.*

При употреблении НСВ в единично-фактической функции обозначаемая ситуация представлена в другом ракурсе. Достигнутая кульминационная точка как будто затемняется и таким образом в фокус попадает процессный компонент ситуации: *Не Саша занимался переводом данного текста.* В таком случае мы имеем дело с употреблением НСВ, которое Е.В. Падучева [1996: 48-52] называла «акциональный НСВ», а А. Гренн [Grønn 2004, Гренн, Филушкина Краве 2007] «Presuppositional Factual Imperfective». Эта функция НСВ имеет место, если предикация в НСВ повторно упоминает уже осуществившуюся ситуацию. Употребление НСВ в таком случае всегда возможно, когда предикат имеет процессный компонент, условие, которое такой Accomplishment-предикат, как *переводить текст*, выполняет. Но и Achievement-предикаты, такие, как *взять книгу в библиотеке*

или *вызвать врача*, обозначающие ситуации, которые не могут быть реализованы поэтапно, допускают при частном отрицании употребление обоих видов, см. пример (5).

(5) – *Кто вызвал врача? Саша?*

– *Нет, не Саша его вызвал / вызывал. Может быть, это был Петя.*

Так как Achievement-предикаты обозначают ситуации без процессного компонента, то в таком случае вполне оправданным представляется положение Е.В. Падучевой [2008: 13] о «квази-синонимии» видов, которая отсутствует у Accomplishment-предикатов.

Предикаты, которые обозначают случайные ситуации, например, такие, как *найти кошелек* или *потерять ключи* («Pure Achievements» в классификации предикатов З. Вендлера [Vendler 1997: 103], «Happenings» в классификации Э. Баха [Bach 1986: 6], при частном отрицании допускают только употребление СВ.¹³⁷

(6) – *Кто потерял ключи, которые здесь лежат? Саша?*

– *Нет, не Саша их потерял, а кто-то другой.*

Pure-Achievement предикаты обозначают непредвидимые, и в связи с этим неконтролируемые ситуации. Они не имеют прелиминарий. Поэтому для такого примера как (6) частное отрицание в НСВ исключено. Употребление НСВ возможно только при общем отрицании, как в примере (6а).

(6а) – *Кто потерял ключи, которые здесь лежат? Саша?*

– *Нет, Саша их не терял. Может быть, Петя.*

В примере (6а) употребляется НСВ в обобщенно-фактической функции, как показывает парафраза (6б).

(6б) **Такая ситуация, как потеря ключей со стороны Саши, не имела место.**

Пример (6а) показывает, что частные вопросы в СВ, которые отсылают к уже осуществившимся ситуациям, допускают и общее отрицание. И при общем отрицании, в принципе, возможно употребление обоих видов. Рассмотрим сначала употребление НСВ, которое имеет место в примере (6а), а также в следующем ниже примере (7).

(7) – *Кто перевел текст, который здесь лежит? Саша?*

– *Нет, Саша его не переводил. Может быть, Петя.*

При употреблении НСВ факт осуществившейся ситуации не отрицается, потому что общее отрицание отсылает к типу (type) обозначаемой ситуации, и при этом сообщается, что в данном контексте не имело место ни одной ситуации, которая относится к типу (type) «перевод данного текста со стороны Саши». Отрицаемое описание ситуации имеет референциальный статус неспецифической неопределенности [–SPEC –DEF]. Перед нами обобщенно-фактический НСВ. При общем отрицании с НСВ в обобщенно-фактической функции происходит референциальный переход от специфической определенности в вопросе [+SPEC +DEF] к неспецифической неопределенности [–SPEC –DEF] в отрицательном ответе. Так как один и тот же текст может быть переведен много раз, именное выражение *текст* в ответе может отсылать как к данному экземпляру текста, так и к типу данного текста.

(7а) **Такая ситуация, как перевод этого / такого текста со стороны Саши, не имела место.**

Возможность отрицать верность идентификации агенса ситуации, фактичность которой дана, посредством общего отрицания в НСВ, отсылающего к типу (type) обозначаемой ситуации, имеет соответствие в области пространственных объектов. Такой локальный вопрос, который отсылает к ситуативно или текстуально данному объекту, как выражение *мой словарь* в вопросе *Где мой словарь, который здесь лежал?*, допускает не только частное отрицание, как в ответе (8а), но также и общее отрицание посредством отрицательного бытийного предложения, как в ответе (8б).

(8а) – *Где мой словарь, который здесь лежал? У тебя?*

– *Твой словарь не у меня. Может быть, Петя его взял.*

(8б) – *Где мой словарь, который здесь лежал? У тебя?*

– *У меня нет твоего словаря. Может быть, Петя его взял.*

¹³⁷ Предикаты, которые описывают случайные ситуации, не могут обозначать ожидаемые ситуации. Поэтому в общих да-нет вопросах с СВ, таких как *Саша УПАЛ?* или *Саша ПОТЕРЯЛ ключи?*, выясняется не фактичность обозначаемой ситуации, а верность описания ситуации, фактичность которой предполагается, см. подробнее [Mehlig 2011].

Частные вопросы в СВ, которые относятся к осуществившимся ситуациям, допускают и общее отрицание в СВ. Но это возможно только тогда, когда выражение, обозначающее агенса, в нашем примере *Саша*, топиализуется и одновременно получает контрастный акцент.

- (9) - *Кто перевел текст, который здесь лежит? Саша?*
- *Нет, Саша // его не перевел. Может быть, Петя.*

При отсутствии контрастного акцента возникло бы логическое противоречие, и диалог потерял бы свою связность, так как без контрастного выделения отрицается фактичность ситуации, которая в вопросе логически пресуппонируется. Это не происходит, если выражение *Саша* получает контрастный акцент, потому что при контрастном акценте исключается только *Саша* как возможный агент осуществившейся ситуации. Этот тип отрицания для немецкого языка был описан К. Адамзик [Adamzik 1987, 362]. Она называет его «контрастное отрицание предикации» (kontrastive Prädikationsnegation). Так как предикации с общим отрицанием в СВ при контрастном отрицании всегда отсылают к ожидаемым, идентифицируемым ситуациям, для примера (9) контрастное отрицание предикации в СВ возможно только тогда, когда перевод данного текста от Саши ожидался, но Саша не смог его перевести. Это обозначает, что при общем отрицании с контрастом в СВ описание ситуации должно отсылать к контролируемой ситуации, так как случайные ситуации («Pure Achievements» или «Happenings»), как мы видели, характеризуются тем, что они обозначают неконтролируемые ситуации, т.е. ситуации, которые не могут быть ожидаемыми. Поэтому для столь излюбленного аспектологами предиката *разбить вазу* связный диалог при наличии контрастного отрицания в предикации с СВ возникает только тогда, когда мы имеем дело с намеренным действием, т.е. ваза была такая безобразная, что Саша решил ее разбить, но ему это не удалось.

- (10) – *Кто разбил вазу, осколки которой здесь лежат? Саша?*
– *Нет, Саша // ее не разбил. Может быть, Петя.*

3. Отрицание верности идентификации агенса в предикациях, которые относятся к индивидуализованным ситуациям, осуществление которых только предполагается

Перейдем теперь ко второй интерпретации вопроса *Кто уже перевел текст? Саша?*, которая реализуется тогда, когда вопрос отсылает к нескольким экземплярам (token), точнее, по крайней мере к двум индивидуализованным, уже актуализованным ситуациям, осуществление которых ожидается. Такая вторая интерпретация вопроса имеет место, если его, например, задает учитель своим ученикам, которые получили задание перевести определенный текст, и учитель исходит из предположения, что хотя бы один ожидаемый перевод уже имел место, и хочет узнать, кем был сделан этот перевод. В этой второй интерпретации вопросительное местоимение *кто* имеет дистрибутивную функцию. В отличие от первой интерпретации в втором случае фактичность описанной ситуации не утверждается, а только предполагается, т.е. спрашивающий исходит из предположения, что хотя бы одна из ожидаемых ситуаций уже реализовалась. В таком случае референциальный статус описания ситуации, на основании которого строится вопрос, должен быть определен не как специфическая определенность [+SPEC +DEF], а как неспецифическая определенность [-SPEC +DEF].

- (11) *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Саша?*

Эта вторая интерпретация вопроса возможна только тогда, когда речь идет о ситуациях, которые могут повторяться. Наш пример допускает эту интерпретацию, так как прямой объект *текст* и при референциальном статусе определенности, как в примере (11), может отсылать к нескольким экземплярам текста.¹³⁸

И при этой второй интерпретации вопрос *Кто перевел текст?* допускает ответ с частным отрицанием, см. пример (11a).

¹³⁸ Лексема *текст*, так же как и *газета* или *лекарство*, принадлежит к классу таких лексем, которые допускают не только субстанциальную идентификацию, но также и идентификацию по содержанию. Поэтому они могут быть употреблены в бытийных предложениях и тогда, когда они имеют референциальный статус определенности. *У тебя ЕСТЬ мой учебник?* является приемлемым высказыванием, когда притяжательное местоимение *мой* имеет функцию *genetivus auctoris*. См. подробнее [Mehlig 2004].

(11a) - *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Саша?*

- *Нет, не Саша его перевел / переводил. Может быть, Петя.*

В случае частного отрицания подтверждается предположение спрашивающего, что хотя бы одна из ожидаемых ситуаций уже осуществилась, и одновременно сообщается, что агент этой осуществившейся ситуации не Саша. Так как в предикате *переводить текст* содержится процессный компонент, при частном отрицании по аналогии с примером (4в) может быть употреблен и НСВ.

Если вопрос *Кто уже перевел текст?* в его второй интерпретации подвергается общему отрицанию в НСВ, тогда следует различать обобщенно-фактическую и единично-фактическую интерпретации НСВ, так как общее отрицание в НСВ, как мы видели, может относиться как к экземпляру (token), так и к типу (type) обозначаемой ситуации.

В ответной реплике в примере (11б) мы имеем дело с единично-фактическим НСВ.

(11б) - *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Саша?*

- *Нет, Саша его еще не ПЕРЕВОДИЛ.*

Сообщается, что ожидаемая ситуация в момент речи еще не осуществлена, но не отрицается, что ее осуществление возможно в будущем. В этой интерпретации в нашем примере может быть употреблен и СВ и НСВ.

(11в) - *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Саша?*

- *Нет, Саша его еще не ПЕРЕВЕЛ / ПЕРЕВОДИЛ.*

Если употребляется СВ, то адресат информируется о том, что описанная ситуация еще не достигла своей кульминационной точки. Так как предикат *переводить текст* принадлежит к классу Accomplishment-предикатов, которые допускают реализацию поэтапно, при общем отрицании с СВ остается открытым, приступил ли уже Саша к переводу данного текста. В отличие от этого при употреблении НСВ, который в примере (11в) имеет единично-фактическую интерпретацию, сообщается, что Саша в момент речи еще не начал заниматься переводом текста. Как в вопросе, так и в ответе описание ситуации имеет референциальный статус неспецифической определенности [-SPEC +DEF]. В именной парафразе описание ситуации независимо от выбора вида требует введения маркера определенности, например, определенного артикля.

(11г) *The translation of the text by Sasha hasn't taken place yet.*

Вопрос (11) допускает и общее отрицание с НСВ в обобщенно-фактической функции. В таком случае предикация относится не к временному промежутку, которой включает момент речи, а к промежутку, который разобщен с моментом речи. Поэтому употребление частицы *еще* исключено. При обобщенно-фактической интерпретации НСВ отвергается предположение спрашивающего о том, что обозначаемая ситуация является ожидаемой. Такое предположение, как мы указывали ранее, содержится в вопросе при употреблении СВ.

(12) - *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Саша?*

- *Нет, не Саша. Он его не ПЕРЕВОДИЛ. Ему не надо было переводить этот текст.*

Так как ответ с НСВ в обобщенно-фактической функции отсылает к временному промежутку, разобщенному с моментом речи, при переводе на английский язык в вопросе и ответе требуются разные временные формы, а именно переход от «Present Perfect» в вопросе к «Simple Past» в ответе.

(12a) - *Who **has translated** the text given to you yesterday? Sasha?*

- *No, not Sasha. He **didn't translate** the text. He didn't have to.*

Общее отрицание с НСВ в обобщенно-фактической функции в ответной реплике на частный вопрос в СВ, как правило, требует объяснения, почему предположение спрашивающего об ожидаемости обозначаемой ситуации ошибочно, например, далее следует указание на то, что Саша не должен был переводить текст, или что Саша раньше уже переводил данный текст и таким образом по крайней мере одна ситуация (token) данного типа (type) уже имела место.

(12б) - *Кто уже перевел текст, который я вам вчера дал? Саша?*

- *Нет, не Саша. Он его не переводил, так как он переводил его уже раньше.*

При употреблении НСВ в обобщенно-фактической функции предикация отсылает к типу (type) обозначаемой ситуации и отрицается, что хотя бы одна ситуация типа (type) «перевод данного текста со стороны Саши» имела место. В таком случае предикация имеет референциальный статус

неспецифической неопределенности [-SPEC -DEF]. Таким образом при употреблении НСВ в обобщенно-фактической функции в качестве ответной реплики на частный вопрос в СВ наблюдается переход в референциальном статусе предикаций, а именно переход от статуса неспецифической определенности [-SPEC +DEF] в вопросе к статусу неспецифической неопределенности [-SPEC -DEF] в отрицательном ответе. В английском языке описание ситуации в этой второй интерпретации посредством именной парафразы должно быть введено с показателем неопределенности. Одновременно требуется употребление временной формы «Simple Past», так как предикация с обобщенно-фактическим НСВ относится к временному промежутку, который разобщен с моментом речи.

(12в) *There was no translation of the text by Sasha.*

В русском же языке неспецифическая неопределенность может быть выражена введением номинализованного описания в именной парафразе при помощи прилагательного местоимения *такой*.

(12г) *Такая ситуация, как перевод этого текста со стороны Саши, не имела место.*

Таким образом, еще раз обнаруживается, что НСВ при общем отрицании в зависимости от контекста допускает две принципиально разные интерпретации, а именно обобщенно-фактическую и единично-фактическую. В единично-фактической интерпретации предикация с НСВ отсылает к индивидуализированной и актуализированной ситуации, т.е. к экземпляру (token) обозначаемой ситуации. В таком случае в реплике на частный вопрос в СВ при общем отрицании присутствует видовая оппозиция, так как единично-фактический НСВ представляет собой вариант линейной аспектуальности. В отличие от этого НСВ в обобщенно-фактической интерпретации представляет собой вариант количественной аспектуальности и отсылает к типу (type) обозначаемой ситуации. Отвергается предположение спрашивающего о том, что обозначаемая ситуация является ожидаемой, и употребление СВ в отрицательной реплике исключено.

Эти две возможности, а именно отсылка предикации с общим отрицанием в НСВ к экземпляру (token) или к типу (type) обозначаемой ситуации, имеют соответствие в области именных выражений, где это различие может быть выражена синтаксически, как показывает следующий пример из [Падучева 1985: 107].

(13) *Гостиница не построена.*

(14) *Гостиницы не построено.*

В личном предложении существительное *гостиница* имеет референциальный статус неспецифической определенности [-SPEC +DEF], и в переводе на английский язык оно должно быть введено с определённым артиклем.

(13а) *The hotel has not been built.*

А в безличном предложении существительное имеет референциальный статус неспецифической неопределенности [-SPEC -DEF] и требует введения с отрицательной формой неопределенного артикля.

(14а) *No hotel has been built.*

4. Отрицание верности идентификации агенса в предикациях, которые отсылают к типу (type) обозначаемой ситуации

Как частные модальные, так и частные диктальные вопросы, если употребляется НСВ, допускают еще третью интерпретацию, как в следующем примере.

(15) *Кто уже когда-нибудь раньше переводил этот текст, который здесь лежит? Саша? Может быть, он найдет этот перевод. Тогда не надо будет переводить его второй раз.*

Вопрос строится на основе предположения, что когда-нибудь раньше такая ситуация, как *перевод данного текста* имела место, и цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, является ли Саша агенсом обозначаемой ситуации, если указанное предположение верно. В таком случае НСВ имеет обобщенно-фактическую функцию. Поэтому как при частном (15а), так и при общем отрицании (15б) не допускается употребление СВ, так как при отсылке к типу (type) обозначаемой ситуации в русском языке видовая оппозиция нейтрализуется, и допускается только употребление НСВ.

(15а) – *Кто уже когда-нибудь раньше переводил этот текст, который здесь лежит?*

Может быть, Саша?

– *Нет, не Саша. Этот текст действительно раньше уже переводили, но его переводил не Саша.*

(156) – *Кто уже когда-нибудь раньше переводил этот текст, который здесь лежит? Может быть, Саша?*

– *Нет, Саша его не переводил.*

5. Итоги

Исходным пунктом данной статьи был тезис о том, что внутри так называемого общефактического значения НСВ следует различать две принципиально разных функции, для которых здесь употребляются термины «обобщенно-фактический НСВ» (generalized-factual ipf. aspect) и «единично-фактический НСВ» (singular-factual ipf. aspect). Показано, что это различие оказывается релевантным для частного и для общего отрицания.

Во-первых, предикации с отрицанием в НСВ могут отсылать к типу (type) обозначаемой ситуации. В таком случае мы имеем дело с обобщенно-фактической функцией НСВ. Предикации с обобщенно-фактической интерпретацией НСВ представляют собой бытийные высказывания. Они отсылают, точно так же как именные выражения в бытийных предложениях, к хотя бы одной ситуации данного типа (type) и таким образом могут отсылать и к ровно одному экземпляру (token) обозначаемого типа (type). Поэтому предикации с НСВ в обобщенно-фактической функции могут отрицать и фактичность ожидаемой индивидуализованной ситуации. Как мы видели, в таком случае имеет место изменение референциального статуса, а именно переход от статуса неспецифической определенности [–SPEC +DEF] в соответствующих вопросах к статусу неспецифической неопределенности [–SPEC -DEF] в отрицательном ответе. Обобщенно-фактический НСВ является вариантом количественной аспектуальности. Посредством употребления обобщенно-фактического НСВ отрицается не только фактичность обозначаемой ситуации, но и предположение об ожидаемости обозначаемой ситуации, которая может возникать при употреблении СВ в соответствующем вопросе.

Во-вторых, предикации с отрицанием в НСВ могут также отсылать и к индивидуализованным, актуализованным ситуациям, т.е. к экземпляру (token) обозначаемой ситуации, которую, по предположению говорящего, может идентифицировать и адресат высказывания. В таком случае мы имеем дело с единично-фактической интерпретацией НСВ. Единично-фактический НСВ является вариантом линейной аспектуальности. Поэтому здесь возникает видовая конкуренция. Исключением из этого правила являются предикации, обозначающие случайные ситуации, при которых видовая конкуренция не возникает.

Литература

- Гренн, Филюшкина Краве 2007 - А. Гренн, М. Филюшкина Краве. Конкуренция видов: Прагматические импликатуры и анафорические пресуппозиции несовершенного вида // Вопросы Языкознания. № 4. С.51-62.
- Князев 2007 – Ю.П. Князев. Грамматическая семантика. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Князев 2012 – Ю.П. Князев. Отрицание как аспектуально значимый компонент // От значения к форме, от формы к значению. М.: Языки славянских культур 2012. С.286-293.
- Маслов 1959 - Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // С.Б. Бернштейн (ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Наука, 1959. С.157-312.
- Мелиг 2013 – Х.Р. Мелиг. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С.19-47.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2008 – Е.В. Падучева. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы Языкознания 2008. №3. С.3-21.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
- Шелякин 1983 – М.А. Шелякин, Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983.
- Шелякин 2007 - М.А. Шелякин. Категория аспектуальности русского глагола. М.: ЛКИ, 2007.
- Adamzik 1987 – К. Adamzik. Probleme der Negation im Deutschen. Münster: Nodus, 1987.
- Bach 1986 – E. Bach. The Algebra of Events // Linguistics and Philosophy 1986. Vol. 9. P.5-16.

- Breu 2003 – W. Breu. Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt // H. Kuße (ed.). Slavistische Linguistik 2001. München: Sagner. P.27-68.
- Dik 1987 – S.C. Dik. Copula Auxiliariation: How and Why // M. Harris and P. Ramat (eds.). Historical Development auf Auxiliaries. Berlin/New York/Amsterdam, Mouton de Gruyter. P. 53-84.
- Grønn 2004 – A. Grønn. The Semantics and Pragmatics of the Russian Factual Imperfective. University of Oslo, 2004.
- Hutton 1990 – Ch. Hutton. Abstraction and Instance. The Type-Token Relation in Linguistic Theory. Oxford: Pergamon Press, 1990.
- Landman; Morzyski 2003 - M. Landman, M. Morzyski. Event-Kinds and the Representation of Manner // N.M. Antrim (ed.) Proceedings of the Western Conference in Linguistics (WECOL). Vol. 11. California State University. 2003. P.1-12.
- Mehlig 2001 - Mehlig, H.R. General Yes-No Questions and Verbal Aspect in Russian // Scando-Slavica. 2001. Vol. 57:2. P.177-200.
- Mueller-Reichau 2011 – O. Mueller-Reichau. Sorting the world. On the relevance of the kind / object-distinctions to referential semantics. Heusenstamm: Ontos, 2011.
- Vendler 1967 – Z. Vendler. Verbs and Time. // Linguistics and Philosophy. Ithaca NY: Cornell University Press. 1967. P.97-121.
- Weiss 1983 – D. Weiss. Indefinite, definite und generische Referenz in artikellosen Sprachen // H.R. Mehlig (ed.). Slavistische Linguistik 1982. München: Sagner. 1983. P.229-261.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТВИЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ВИДА

The internal structuring, which consists of three stages (process, natural term, state), is relative to the ontology of eventualities. By contrast, the external boundaries (starting point and end point) are relative to the duration of the eventuality. These two types of structuring, internal and external, are articulated differently in Slavic languages and in Germanic and Romance languages.

I. Введение.

Внешняя и внутренняя структуры действия – это понятия, лежащие в основе семантики вида, таксиса и времени. Они по-разному выражаются в языках различных типов и определяют по сути типологический подход к изучению вида вообще. Внутренняя структура действия, т.е. понимание особенностей внутреннего протекания действия и достижения естественного предела этого действия, является основополагающей для славянских языков. Внешняя структура действия, т.е. ограничение его протекания во времени началом и концом, является основополагающей для романских и германских языков.

В славянских языках и, в частности, в русском языке грамматически выражается внутренняя структура действия (процесс, качественная кульминация и состояние), в то время как внешняя структура действия (начало и конец) выражается лексическими средствами. В романских же и германских языках, например, во французском и в английском языках, грамматически выражена внешняя структура действия и лексически – его внутренняя структура (Milliaressi 2015a).

Смешение внешней и внутренней структур приводит к смешению видовых и таксисных характеристик, определяющих темпоральный тип языка. Поэтому целью данной статьи является определение типологических особенностей русского вида, а, значит, и последовательное разграничение грамматических категорий вида и таксиса вообще.

II. Определения вида.

На понятийном уровне **внутренняя структура** протекания действия отражает постоянное движение материи, т.е. переход количественных изменений в качественные. Она может быть представлена как последовательность следующих фаз: (а) процесс, (б) достижение естественного предела этого процесса, т.е. кульминации развития, и, наконец, (в) наступление нового качества, т.е. состояния.

Внутренняя структура действия – это онтологическая характеристика, не связанная с конкретной языковой реализацией. Она соотносится с акциональными классами, выделяемыми на референтном уровне, как общее с частным, что и объясняет многообразие существующих классификаций. Классификация Вендлера (Vendler 1957/1967), например, как и классификация Мурелатоса (Mourelatos 1978), применима не только к английскому языку, хотя и отражает определенную концептуализацию действий, свойственную именно германским языкам, а именно: особое место в ней отводится состояниям. Что же касается романских языков (см. Garey 1957, Vettters 1996), для них важно противопоставление нерезультативных ситуаций результативным. В славянских языках особое положение занимают процессы, лежащие в основе противопоставления динамических ситуаций статическим. И хотя состояния в природе не существует, т.к. время – свойство постоянного развития пространства, существующие языки отражают представление говорящих о стабильности, которое мыслится как новое качество, наступающее после перехода количественных изменений в качественные.

На референтном уровне действие может концептуализироваться по-разному, в зависимости от набора фаз, которые избираются при образовании понятия и его языковой реализации. В славянских, романских и германских языках концептуализируется обычно одна или две смежные фазы действия:

- 1) процесс (непредельные глаголы типа *работать, work, travailler*);
- 2) процесс+кульминация (предельные глаголы типа *читать/прочитать книгу, read a book, lire un livre*);
- 3) кульминация (моментальные глаголы типа *заметить, notice, remarquer*);
- 4) кульминация+состояние (ингрессивные глаголы типа *влюбиться, s'éprendre*);
- 5) состояние (*знать, know, savoir*).

Набор фаз может отличаться для выражения подобных действий в различных языках. Например, в русском языке действие «приходить» представлено типом 3, в то время как во французском языке – типом 2.

На семантическом уровне внутреннее членение действия выражено оппозицией «предельность / непредельность». Отметим, что *предельность* рассматривается здесь как семантическая характеристика в отличие от *естественного предела*, являющегося единицей понятийного уровня.

Внешняя структура действия не связана с его качественными изменениями, она выражает количественное ограничение действия во времени относительно двух точек на временной оси: начала и/или конца действия. Однако в природе не существует ни начала, ни конца, а только постоянное движение и изменение пространства. Поэтому начало, середина и конец – внешние характеристики, не связанные с естественным развитием действия. В романских и германских языках временные формы глагола выражают ограничение во времени действий (например: *simple past, present past* в английском языке; *passé simple, passé composé* во французском) или отсутствие этого ограничения (например, *progressive past* в английском; *imparfait* во французском). Далее грамматические времена первого типа я буду называть *делIMITАТИВНЫМИ*, а грамматические времена второго типа – *неделIMITАТИВНЫМИ*. ДелIMITАТИВНЫЕ и неделIMITАТИВНЫЕ времена отражают внешнюю структуру действия, которая может быть представлена следующим образом:

1) начало+процесс+конец: 1а) временные делIMITАТИВНЫЕ формы глагола в романских и германских языках, например: *He has worked in London / Il a travaillé à Londres* ('он работал (когда-то) в Лондоне'); 2б) делIMITАТИВНЫЕ глаголы в русском языке типа *поговорить*.

2) начало+процесс: 2а) неделIMITАТИВНЫЕ временные формы глагола в романских и германских языках в инхOАТИВНОМ контексте типа *Suddenly he spoke / Tout à coup, il parla* ('вдруг он заговорил'); 2б) инхOАТИВНЫЕ глаголы в русском языке типа *заговорить*.¹³⁹

На семантическом уровне внешняя структура действия выражается оппозицией «лиMITАТИВНОСТЬ / нелиMITАТИВНОСТЬ». Она представлена оппозициями временных форм глагола в романских и германских языках, например: *progressive/simple past* в английском языке, *imparfait / passé composé* во французском (*I was reading when the phone rang / Je lisais lorsque le téléphone a sonné* 'я читал, когда раздался телефонный звонок').

Семантические оппозиции «предельность / непредельность» и «лиMITАТИВНОСТЬ / нелиMITАТИВНОСТЬ» являются первичными признаками внутренней и внешней структур действия, которые лежат в основе общеизвестных **определений вида** в славянской и неславянской аспектологии. Вот лишь некоторые из них:

внутренняя структура действия («предельность / непредельность»)

«[...] вид имеет дело не с дейктической темпоральной локализацией обозначаемого "действия", а с его внутренней темпоральной структурой как она понимается говорящим. Вид отражает "оценку" говорящим временной структуры самого действия.» [Маслов 1984/2004: 23-24]

«Aspects are different ways of viewing the internal temporal constituency of a situation.» [Comrie

¹³⁹ Ингрессивные глаголы выражают кульминацию+состояние, в то время как инхOАТИВНЫЕ – начало+процесс.

1976: 3]

внешняя структура действия («лимитативность / нелимитативность»)

«[...] *вид* (недейктическое определение *длительности* и *границ* действия) [...]» [Laurendeau 1995] (курсив автора; перевод мой – Т.М.)

«[...] в различных языках [...] основой видовой оппозиции является противопоставление по делимитативности [...]» [Cohen 1989 : 63] (перевод мой – Т.М.)

«Aspect is the semantic domain of temporal point of view in language.» [Smith 2009 : 24]

Обе структуры, внешняя и внутренняя, могут накладываться друг на друга. Так, например, естественный предел (кульминация) совпадает с окончанием действия во времени. Однако окончание действия во времени не обязательно совпадает с его внутренним пределом, так как внутреннее время и внешнее время «на понятийном уровне не имеют друг с другом ничего общего» [Кароляк 1998: 170]. Внутренняя структура непосредственно связана с видовой семантикой, в то время как внешнее ограничение действия во времени связано с представлением о времени, лежащим в основе таксиса. Время и таксис соотносятся между собой, как представление о динамическом и о статическом времени [Lyons 1977], или как перцептивное и эпистемическое видение времени [Vogeleer 1994]. При перцептивном восприятии время представляется динамическим, т.к. говорящий видит ситуацию изнутри, эмоционально, посредством чувств в момент ее развития, не видя при этом ни начала, ни конца. При эпистемическом восприятии время представляется статическим, т.к. говорящий воспринимает ситуацию посредством разума, находясь как бы за пределами рассматриваемой ситуации, что позволяет ему видеть начало и конец действия и, таким образом, ограничить действие во времени. Ограничение действия во времени, основанное на первичной оппозиции «лимитативность / нелимитативность», лежит в основе таксисных отношений, хотя и рассматривается многими лингвистами с точки зрения видовой семантики [см., например: Cohen 1989 ; Smith 1991/1997 ; Черткова 2001].

Фундаментальное отличие между грамматикализацией внутренней структуры действия (вида) в славянских языках и внешнего временного ограничения действия (таксиса) в романских и германских языках является следствием двух различных типов грамматических систем: славянские языки выражают таксисные отношения при помощи контекста и видовых форм глагола (1а, 1б), а романские и германские языки выражают видовые отношения, например, результативность, при помощи контекста и делимитативных таксисных форм глагола (2):

(1а) *Когда я приготовила обед, пришел Николай.* (следование действий)

(1б) *Когда я готовила обед, пришел Николай.* (одновременность действий)

(2) *Today I read a letter from an old friend.* (результативность ‘письмо прочитано’)

В примере (1а) действие ‘приготовить обед’ интерпретируется как законченное во времени, благодаря его результативности (обед приготовлен, значит приготовление обеда закончено). В примере (2) действие ‘читать’ интерпретируется как результативное (‘письмо прочитано’), т. к. делимитативное время *simple past* выражает, что действие закончено во времени, а письма обычно читают за один раз. Если заменить письмо на книгу, то действие не обязательно будет интерпретироваться однозначно как достигшее своего предела.

III. Оценка внутреннего протекания действия.

Предельность – основная семантическая характеристика славянского вида, часто рассматриваемая как первичная и неотъемлемая особенность совершенного вида. Предельность, выражаемая совершенным видом, представляет собой оценку говорящим достижения естественного предела действия. Однако, как известно, СВ может обозначать и неопределённые способы действия:

делимитативные (*поспать*) и пердуративные глаголы (*проспать* некоторое время);

эволютивные глаголы (*понизиться, увеличиться*);

инхоативные глаголы (*закричать*).

Рассмотрим глаголы первой группы.¹⁴⁰ Это глаголы СВ (3а, 3б, 3в), допускающие обстоятельства длительности (*два часа*), что сближает их с глаголами НСВ (3г) и отличает от всех других глаголов СВ, не допускающих обстоятельств длительности (3д):

(3а) *Я поспал два часа.*

(3б) *Я проспал два часа.*

(3в) *Я соснул два часа.*

(3г) *Я спал два часа.*

(3д) **Я заснул два часа.*

В примере (3а) длительность действия *два часа* воспринимается говорящим недолговременной и незначительной; в примере (3б) продолжительной и значительной, а в примере (3в) быстротечной. Другими словами, СВ (3а, 3б, 3в) обозначает оценку говорящим субъективной длительности протекания действия в отличие от НСВ (3г), который представляет действие нейтрально. При этом НСВ обозначает не ограничение действия во времени, а процессуальность; длительность действия ограничена во времени обстоятельством времени *два часа*. В отличие от НСВ, СВ может обозначать ограничение длительности действия во времени, но это значение является производным от основного видового значения оценки протекания действия говорящим. Это обусловлено тем, что, чтобы дать оценку действия вообще, его нужно сначала количественно определить, измерить, т.е. действие должно быть измеряемо.¹⁴¹

Ограничение во времени длительности действия является необходимым условием для оценки его протекания говорящим. Например, действие может восприниматься долгим, если оно трудоемко и неприятно, или, наоборот, если оно приятно, коротким или непродолжительным, но достаточным. В связи с этим представляется важным отличать видовое значение, т.е. оценку действия, обозначаемую совершенным видом вообще, от конкретного значения приставки (например, приставки *по-*, обозначающей, что длительность воспринимается говорящим короткой, но достаточной) (см. более подробно Milliaressi 2015b, § 2.3.3), а также от таксисного нейтрального значения приставки *по-*, о котором будет сказано ниже (см. § IV).

Таким образом, ограничение длительности во времени при помощи СВ в русском языке не имеет самостоятельного статуса, а непосредственно подчинено виду. Эта зависимость косвенно подтверждается тем, что делимитативные времена в романских и германских языках нейтральны и не выражают оценки протекания действия говорящим.

IV. Ограничение длительности действия.

Первичная семантическая оппозиция «лимитативность /нелимитативность» является основополагающей для таксисного выражения порядка следования действий в высказывании (предшествование, следование, одновременность). Чтобы действия могли следовать друг за другом, длительность должна быть ограничена во времени (*Вчера вечером я вернулся из университета, поработал над статьей и сел смотреть телевизор*). При таксисном значении ограничения неопредельных действий во времени у СВ (*поработал*) в русском языке отсутствует собственно видовое значение оценки протекания действия. Поэтому представляется важным выделение двух значений приставки *по-* у делимитативов:

а) видовое значение оценки протекания нерезультативного действия;

б) таксисное значение ограничения длительности действия (с нейтральным значением без оценки).

Именно таксисную функцию без оценки протекания действия (б) в романских и германских языках выполняют времена со значением ограничения длительности действия (например, *passé composé* во французском языке: *Hier soir, je suis rentré de la fac, j'ai travaillé mon article et j'ai regardé un film très intéressant à la télé*. 'Вчера вечером я вернулся из университета, поработал над статьей и посмотрел очень интересный фильм по телевизору.').

¹⁴⁰ Размеры данной статьи не позволяют мне рассмотреть инхоативные и эволютивные глаголы (см. Milliaressi 2015b, §§ 2.3.2, 2.3.4.)

¹⁴¹ Это сближает глаголы, обозначающие количественно измеряемые действия, с исчисляемыми существительными (см. Мелиг 1997).

Оппозиция «лимитативность / нелимитативность» лежит в основе сложной временной многоступенчатой системы в романских и германских языках, в которых выражение времени непосредственно объединено с выражением порядка следования действий в высказывании. В славянских же языках выражение времени связано синкретическим образом с выражением оппозиции «предельность / непредельность», т.е. вид объединен с временем.

Смешение двух структур (внешней и внутренней) объясняется тем, что внешняя сегментация действия (начало, середина, конец), точно так же как и внутренняя структура действия (процесс, качественная кульминация, состояние), связаны с точкой зрения говорящего на действие. Именно по этой причине неславянские аспектологи [например, Cohen 1989, Vetters 1997, Vet 2001] отождествляют неделимитативные времена с НСВ. На самом деле неделимитативные времена отличаются от НСВ, т.к. они не только не фокусируют границы действия, но и соотносятся с длительностью, а не с процессностью. Именно поэтому грамматические времена в романских и германских языках выражают таксисные отношения, а не видовые, т.к. их основным значением является ограничение (делимитативность) или неограничение (неделимитативность) во времени длительности действия. В славянских же языках вид выявляет фазовую внутреннюю структуру действия, и при этом таксисные отношения являются производными от видовой семантики.

Так, например, французское неделимитативное прошедшее время *imparfait* выражает длительность, границы которой не фокусируются в высказывании. Русский НСВ тоже может быть интерпретирован, как протяженное, не ограниченное ни началом, ни концом действие. Однако значения *imparfait* и НСВ различны по сути своей: *imparfait* выражает длительность, а НСВ – процессность. Поэтому употребление НСВ не зависит от обстоятельств времени со значением ограничения длительности типа «в течение двух часов», «несколько минут» и т. д. (4а), а в романских и германских языках, наоборот, употребление неделимитативных времен не допускается при употреблении обстоятельств времени, ограничивающих длительность действия. Так, например, в контексте одноразового действия употребление неделимитативного времени (*progressive past* в английском, *imparfait* во французском) невозможно, поэтому используется делимитативное время, например, *simple past* в английском (4б) и *passé composé* во французском (4в):

(4а) *Сегодня я бежал полчаса.*

(4б) *Today I ran for half an hour.*

(4в) *Aujourd'hui, j'ai couru pendant une demi-heure.*

Русский НСВ (4а) допускает обстоятельства ограничения длительности (*два часа, три недели* и т. д.), т.к. он обозначает не длительность действия, а его процессность. Это основополагающее значение НСВ было отмечено еще Масловым [1984/2004: 100]: «[...] процессное значение должно быть поставлено во главе всех остальных как наиболее специфическое: *только в этом значении несовершенный вид абсолютно незаменим совершенным*»¹⁴².

Здесь следует отметить, что и процессность, и стативность характеризуют действия вообще, а не грамматическую категорию вида. Отождествление этих понятий с видом представляется ошибочным¹⁴³, поскольку процессность и стативность относятся к понятийному уровню. Именно поэтому состояния, процессы и события не являются видовыми характеристиками, а референтными классами действий, лежащими в основе не только семантики вида, но и семантики времени и таксиса. Так, например, представление о разворачивающемся процессе характерно не только для НСВ (семантика вида), но и для настоящего времени (семантика времени), а также для обозначения одновременности действий (семантика таксиса). Процессное значение – основное, но не единственное значение русского НСВ, т.к. НСВ выражает не только процессы с количественным изменением и без него, но и состояния.

Что же касается вышеупомянутого французского неделимитативного времени *imparfait*, то оно применяется к тем же классам действий, что и русский НСВ (процессам и состояниям), обозначая при этом неограниченное во времени действие и одновременность одного действия другому. Встает вопрос: если функция неделимитативного прошедшего времени схожа с функцией НСВ

¹⁴² Курсив автора.

¹⁴³ Так, например, Декле (Desclés 2000: 7) считает, что «[р]азвертывающийся процесс – это несовершенный вид предикатных соотношений, рассматриваемых в их развитии.» (Перевод мой – Т.М.)

прошедшего времени, то в чем же их различия? Неделимитативное время *imparfait* не может употребляться с обстоятельством ограничения длительности, т.к. основное значение *imparfait* не процессное, а статическое. На понятийном уровне состояние представляется бесконечным, т.е. количество действия не ограничено во времени, оно не может иметь ни начала, ни конца. Другими словами, неделимитативность прототипически связана со стативностью. Именно это прототипическое значение *imparfait* обуславливает и многие другие его нестандартные употребления. Это касается, например, употребления *imparfait* с глаголами, выражающими достижение естественного предела (5а) в нарративном контексте. Отметим, что в русском языке в этом контексте употребление НСВ невозможно (5б).

(5а) *Comme elle avait été à l'Opéra, une nuit d'hiver, elle rentra toute frissonnante de froid. Le lendemain, elle toussait. Huit jours plus tard, elle mourait d'une fluxion de poitrine.* (Maupassant, *Contes et nouvelles*, exemple de Berthonneau 2000)

(5б) *Как-то зимой, возвращаясь из Оперы, она сильно продрогла. На другой день у неё начался кашель. Через неделю она умерла от воспаления лёгких.* (Перевод Е. Брук, Французская новелла XIX века, Мн.: Изд-во «Университетское», 1984)

В русском переводе НСВ невозможен, хотя во французском источнике используется неделимитативное время *imparfait*. Это происходит потому, что *imparfait* обозначает состояние ('иметь кашель', 'быть мертвым'), наступающее после качественного всплеска ('стать кашлять'), либо после достижения естественного предела предшествующего состоянию процесса ('умирать'). Это употребление *imparfait* не соотносится с русским НСВ, т.к. русский НСВ обозначает в первую очередь не состояние, а процесс, характеризующийся обязательным отсутствием начального качественного изменения. Точно также в примере (6а) употребление СВ невозможно в русском языке, но возможно употребление *imparfait* во французском (6б):

(6а) *В восемь часов Николай ушел. А через пять минут **пришел** (*приходил) Иван.*

(6б) *À huit heures Nicolas est parti. Cinq minutes plus tard, Jean arrivait.*

В русском языке употребление НСВ в подобном контексте возможно только с нерезультативными глаголами, не обозначающими качественное изменение. Поэтому для НСВ оказывается обязательным наличие «интервала, "скачка", пропуск целостного действия, непосредственно предшествующего процессу, или пропуск эксплицитного обозначения начала процесса» [Козинцева 2003: 285] (8) или ингрессивного начала состояния (7, 9):

(7) *Корнев поехал назад на вокзал за вещами и часа через два уже **сидел** в своем новом жилище.* (Н. Гарин-Михайловский, см. Козинцева 2003 : 285)

(8) *Как-то зимой она сильно простыла. На другой день она **кашляла**, а через неделю **была тяжело больна**.*

(9) *В восемь часов Николай ушел. А через пять минут Иван **был** уже дома.*

В этом случае естественный предел обозначаемого глаголом действия служит ограничением его длительности. Отметим, что и в русском и во французском языках дистантное следование действий (НСВ или неделимитативные формы прошедшего времени) возможно, благодаря обстоятельствам времени со значением интервала («скачка») (*на следующий день, через неделю* и т. д.).

V. Выводы.

Оценка протекания действия характеризует его внутреннюю структуру. Выражение порядка следования действий основано на представлении в высказывании его внешней структуры. Различная семантизация единых общих концептуальных признаков, а, следовательно, и распределение грамматикализации и лексикализации определяют специфику вида и таксиса в каждом отдельном языке. Можно сказать, что различная концептуализация действия непосредственно связана с многообразием существующих языков. Так, основополагающим значением для категории вида в русском языке является значение оценки говорящим протекания или предельности действия. Для категории же таксиса в романских и германских языках основополагающим является значение временной лимитативности, т. е. ограничение периода длительности действия по отношению к другим действиям одной последовательности. В славянских языках видовая система лежит в основе выражения таксисных отношений. В романских и германских языках таксисная система имплицитно выражает видовые отношения.

Определение грамматикализации внешней и внутренней структуры действия, позволяет четко разграничить понятия, которые часто ошибочно смешиваются: статическое время (таксис), динамическое время (собственно время, определяемое относительно момента речи) и вид (восприятие протекания действия).

Литература

- Кароляк 1998 – С. Кароляк. К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 167-182.
- Козинцева 2003 – Н.А. Козинцева. Аспектуально-таксисные ситуации (локализованные во времени) в полипредикатных конструкциях сочинительного типа // А.В. Бондарко & др. (ред.). Теория функциональной грамматики. М.: УРСС, 2003. С. 280-288.
- Маслов 1984/2004 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 1984/2004. С. 18-302.
- Черткова 2001 – М.Ю. Черткова. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии // М.Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Издательство МГУ, 2001. Т. 1. С. 191-209.
- Мелиг 1997 – Х. Р. Мелиг. Некоторые аналогии между морфологией существительных и морфологией глагольного вида в русском языке // М.Ю. Черткова (ред.). Труды аспекто-логического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: издательство МГУ, 1997. Т. 3. С. 83-102.
- Berthonneau 2000 – А.-М. Berthonneau. L'imparfait de narration dans tous ses états // L'imparfait : philologie électronique et assistance à l'interprétation des textes. Reims : Presses Universitaires de Reims, 2000. P. 73-109.
- Cohen 1989 – D. Cohen. L'aspect verbal. Paris : Presses Universitaires de France, 1989.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Desclés 2000 – J.-P. Desclés. Imparfait narratif et imparfait de nouvel état en français // Colloque de Cracovie, septembre 2000. P. 1-27. <http://alicy.paris-sorbonne.fr/PUBLICATIONS/descles/ImparfaitCracovie.pdf>
- Garey 1957 – H. B. Garey. Verbal aspect in French // Languages. 1957. N° 33. P. 91-110.
- Laurendeau 1995 – P. Laurendeau. Exploitations du cadre de la théorie des repérages énonciatifs en linguistique descriptive : le cas du tiroir de l'imparfait // J. Bouscaren, J.-J. Franckel, S. Robert (éds). Langues et langage. Problèmes et raisonnement en linguistique. Paris : Presses Universitaires de France, 1995. P. 331-343.
- Lyons 1977 – J. Lyons. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Milliaressi 2015a – T. Milliaressi. La structuration interne du procès et la morphologie aspectuelle // Lexique. 2015. N° 22. P. 25-54.
- Milliaressi 2015b – T. Milliaressi. Aspects et temporalité. Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires du Septentrion, 2015.
- Vendler 1957/1967 – Z. Vendler. Verbs and Times // Linguistics and philosophy. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1957/1967. P. 97-121.
- Vetters 1996 – C. Vetters. Temps, aspect et narration. Amsterdam – Atlanta : Editions Rodopi B.V., 1996.
- Vogeleer 1994 – S. Vogeleer. Le point de vue et les valeurs des temps verbaux // Travaux de linguistique : La Coherence textuelle, Cohésion et rupture. 1994. N° 29. P. 39-58.
- Mourelatos 1978 : – A. P. D. Mourelatos. Events, processes and states // Linguistics and philosophy. 1978. N° 2. P. 415-436.
- Smith 1991/1997 – C. S. Smith. The Parameter of Aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991/1997.
- Smith 2009 – C. S. Smith. Text, Time, and Context (Selected Papers) // R. P. Meier, H. Aristar-Dry, E. Destruel (eds). Studies in linguistics and philosophy. London, New York: Springer, 2009. Vol. 87.
- Vet 2001 – C. Vet. Le rôle du lexique dans les règles d'interprétation discursive // Cahiers de Grammaire. 2001. N° 26. P. 229-241.

UZ-PREFIXATION AND THE SECOND FUTURE IN CROATIAN

This study deals with a special verb form prefixed with *uz-*, which appears as a functional equivalent to the second future (FII) in Croatian. FII in Croatian is historically a Slavic future perfect, and is used in a subordinate clause that has a future-oriented matrix. Despite the formal indication of perfectivity, FII in contemporary Croatian is mostly formed with imperfective verbs and denotes an event concurrently occurring with the event in the matrix, whereas the proper future perfect meaning in the subordinate clause is conveyed by the perfective present. Along with these forms, a specific present form with the prefix *uz-* has been used to denote a dependent future. Based on dialectal as well as diachronic evidences, the author ascertains that this formation is a remnant of an old dialectal feature of the Štokavian. The author also argues that this form emerged on the conjuncture of the immature use of FII, the function of the perfective present, and the prefixation as a means to derive a perfective from an imperfective verb.

1. The prefix *uz-* (<*vьz>¹⁴⁴) in Croatian is used to derive nouns, adjectives, adverbs, and verbs [Babić 2002: 396, 493; Barić et al. 1997: 369, 379ff]: ex. *uzdah* ‘sigh,’ *uzmak* ‘retreat’; *uzlazni* ‘ascending’; *uzgred* ‘in passing’; *uzrasti* ‘to grow up,’ *uznemiriti* ‘to upset.’ As a verb prefix, it adds a variety of meaning to underived verbs, such as upward motion (*uzaći/uzići* ‘to ascend,’ *uspeti* ‘to climb up’), movement in the opposite direction (*uzmicati* ‘to retreat, withdraw’), inchoative meaning (*uzvikati* ‘to begin to cry,’ *uskipjeti* ‘to begin to boil’), intensity (*uzburkati se* ‘to agitate’), and completion (*uzorati* ‘to dig up’) [Babić 2002: 553; Barić et al. 1997: 384]. Along with these, another function has been attributed to *uz-*: to form a functional equivalent of the so-called ‘second future’ (FII)¹⁴⁵ with the present form of an imperfective verb [Maretić 1899: 596; Стевановић 1986: 447–448; Katičić 2002: 202, 262, 298]. For example:

(1) Čovjek koji bude tako pisao pročit će se.
man who-NOM.SG be-PF.PRS.3SG so write-IPF.PTPL.M.SG earn.fame-PF.INF will REFL
A man who writes (will be writing) like that will be famous.

(2) Čovjek koji tako uspiše pročit će se.
man who-NOM.SG so uz=write-IPF.PRS.3SG earn.fame-PF.INF will REFL

=(1) Katičić [2002: 202]

In contemporary Croatian, the *uz-*prefixation on the imperfective present stem to form an alternative of FII (further *uz-VPR*) is regarded as a marginal phenomenon, and only a few verb forms, such as *ustreba* (<*trebati* ‘to be in need’), *ushtjedne* (<*htjeti* ‘to want’), *uzmogne* (<*moći* ‘to be able to’)) are recognized as such [Katičić 2002: 202]. Probably because of this, *uz-VPR* has not been seriously treated in Croatian linguistics¹⁴⁶. However, as I argue below, the emergence as well as the decline of this form is related to the diachronic development of FII and the function of perfective present in Croatian, and is worthy of deeper consideration. In the following, I first outline the syntactic features of FII and the perfective present (PPR) in contemporary Croatian, and then, describe the *uz-VPR* phenomenon as it has appeared in dialect and older writing. After that, I give an account as to why this form has emerged in the tense-aspect system in Croatian.

2. FII in Croatian is formed of the perfective present of *biti* ‘to be’ plus the *l*-participle [Barić et al 1997: 241]: 1SG. *budem pitao/pitala* ‘I will have asked,’ 2SG. *budeš pitao/pitala* ‘you will have asked,’ etc. This form is diachronically a Slavic future perfect, *bōdō + *l*-participle [Schenker 1995:148]. In Old Church Slavic (OCS), this formation is recognized as denoting an event «viewed as completed before some future moment and whose results are important for that moment» [Lunt 2001:114]. In some modern Slavic languages, such as Polish, Slovene, and the Kajkavian dialect in Croatia, the cognate form developed into a future tense marker. In standard Croatian, in contrast, this form maintained the original function of dependent future; it occurs only in a subordinate clause of time and condition as well as in relative clauses, and in both cases, the matrix predicate depicts an event that will, or is expected to, take place sometime

¹⁴⁴ *Uz-* has allomorphes of *uza-/us-/uš-/u-*, according to the phonological environment. *Uz* is used also as a preposition governing the accusative case, and expresses such meanings as ‘beside,’ ‘along,’ ‘with (accompanied).’

¹⁴⁵ In Croatian grammar it is usually called *futur drugi* or *futur egzakt*.

¹⁴⁶ Some studies, such as Milošević [1970], treated this form but not as an independent problem.

after the moment of speech. Embedded in this matrix, FII denotes a preceding, or a background, event, against which the event in the matrix clause occurs [Katičić 2002:202]. Compare (3) and (4) which are ungrammatical, and (5) and (1), which are grammatically correct sentences.

- (3) *Ti budeš pročitala/čitala ovu knjigu.
 you be-PF.PRS.2SG read-PF/IPF.PTPL.F.SG this-SG.ACC book-SG.ACC
 *You will have read this book.
- (4) *Mislio je da budeš pročitala/čitala ovu knjigu.
 think-IPF.PTPL.M.SG be-AUX.3SG COMP be-PF.PRES.2SG read-PF/IPF.PTPL this book
 *He thought that you will have read this book.
- (5) Kad budeš imala vremena, napiši mi!
 when be-PF.PRRS.2SG have-PTPL.F.SG time-GEN write-PF.IMP.2SG 1DAT
 When you have time, write to me!

The grammatical feature of FII is seemingly identical with the future perfect in OCS. However, as noted below, the prevalence of FII in Croatian is a rather recent phenomenon, and considerable functional divergence can be observed. In OCS, the future perfect is formed with perfective verbs¹⁴⁷:

- (6) Прѣклонить ся и падеть егда оудоблѣль бждеть убогым'
 crouch-PRS.3SG REFL and fall-PRS.3SG when overcome-PTPL.M.SG be-PRS.3SG poor-DAT.PL
 He croucheth, and humbleth himself, that the poor may fall by his strong ones.¹⁴⁸

[Ps.IX.31; Jagić 1907:41]

In contrast, FII in contemporary Croatian is mostly formed with imperfective verbs, and in such cases, depicts an event occurring concurrently with the event expressed in the matrix:

- (7) Kupi mi novine kad se budeš vraćao.
 buy-IMP 1DAT newspaper-ACC.PL when REFL be-PF.PRS.2SG return-IPF.PTPL.M.SG
 Buy me a newspaper (when you will be) on your way home.

It should be noted that preference for the FII with imperfective verbs does not mean that FII with perfective verbs is ungrammatical, as illustrated by (8):

- (8) Kad budeš došao, kupi cigarete.
 when be-PF.PRS.2SG arrive-PF.PTPL.M.SG buy-PF.IMP.2SG cigarette-ACC.PL
 When you arrive, buy cigarettes.

Nonetheless, FII with perfective verbs is rare in contemporary Croatian [Barić et al 1997:242]. If a speaker needs to express the anteriority or the resultant state of a particular event in relation to another that has future reference, PPR is favored¹⁴⁹:

- (9) Kad dođeš, kupi cigarete.
 when arrive-PF.PRS.2SG
 When you come, buy cigarettes.

Thus, FII in Croatian has two functional equivalents: PPR, when a future anterior, or a future perfect, meaning is intended, and *uz-VPR*, when two events depicted in the subordinate and matrix are concurrent in the future reference structure. The table below summarizes the relationship of FII to other, related forms:

«FII AND RELATED FORMS [Katičić 2002:202]»

	FII	Present form	
Perfective future perfect	<i>budeš napisao</i>	<i>napišeš</i>	'you will have written'

¹⁴⁷ Lunt remarks that only 7 examples of the future perfect are observed in OCS texts [Lunt 2001:114]. The other six are presumably: бждеть покааль (са); бждеть съльгаль; родил бждеть; бждеть съгнило; подражали бждѣмъ; бждеть створиль [Křižková 1960:163]

¹⁴⁸ The English translation is quoted from the King James version of the Bible;
<https://www.biblegateway.com/passage/> (accessed 20.08.2015)

¹⁴⁹ The perfective present in Croatian, unlike East and West Slavic languages, does not independently denote the future tense. It can occur as a main clause, such as in narrative present, negative interrogatives, imperative structures, and habitual present [Barić et al 1997; Bulatovic 2008]. However, its primary function resides in serving as a «futate» [Binnik 1991:65] in certain modal structures, such as in a complement clause headed by *da* (ex. *U koliko sati da dođem?* 'What time shall I come?'), and in a subordinate clause, as illustrated in (9).

Imperfective future perfect	<i>budeš pisao</i>	<i>uspišeš</i>	‘you will be writing’
-----------------------------	--------------------	----------------	-----------------------

As stated above, *uz-VPR* is not active in contemporary Croatian. Although the Croatian Academy dictionary [RHJ 1961–71; 1971–72] indeed represents numerous examples of *uz-VPR*, such as *uzgovori* (<*govoriti* ‘to speak’), *uzvidi* (<*vidjeti* ‘to see’), *uzdolazi* (<*dolaziti* ‘to come’), and *uzbudu* (<*biti* ‘to be’)¹⁵⁰, a research in the contemporary Croatian corpus returns only a limited number of examples of *uz-VPR* such as *uzmogne* (<*moći* ‘can’) and *ustreba* (<*trebati* ‘to be in need’)¹⁵¹. We have, however, at least two sources in which the *uz-VPR* phenomenon can be detected: dialectal materials and pre-19th century writing.

3.

3.1. Contemporary standard Croatian is based on a South Slavic dialect known as Štokavian, upon which standard Serbian, Bosnian, and Montenegrin are also built. Two other dialects, Čakavian and Kajkavian, are regional today, although both previously had significant roles as the basis of literary language. Here, we examine the Štokavian situation.

In the Štokavian dialectal continuum (i.e., not exclusively in the territory of Croatia), use of *uz-VPR* is reported in some studies such as in Pešikan [Пешикан 1965: 202] and Peco [Peco 2007: 329–330]. For example, Pešikan, who focused on a Štokavian variety spoken in Montenegro, mentioned that «доста често, нарочито од старијих особа, може се чути префикс уз-: кад успрашимо, ак-успише» ‘we often hear, particularly from old people, (the use of) *uz*-prefix: when we *uz*-ask (will have asked), if he/she *uz*-writes (will have written)’. It is worth noticing that Pešikan observed that FII was rarely used, and users of this form belonged to the younger generations [Пешикан, *ibid.*]. Peco’s description also provided a few examples, such as *uščuvaš* (<*čuva*) ‘you *uz*-keep (will have kept).’

It is noteworthy that the same phenomenon is found in Vuk Karadžić’s grammar, *Pismenica* [Караџић 1814: 59ff]. In this work, imperfective present forms prefixed with *uz-* are noted as the «future tense» of the conditional mood paradigm: «ако ја узбивам, ако ти узбиваш» ‘if I *uz*-am (will be), if you *uz*-are.’ As is well known, Vuk’s *Pismenica*, as well as his later grammar, was founded on the Štokavian varieties, including the native dialect of Vuk’s family [Белић 1998: 55ff; on the appearance of *uz*-prefixed form, see, ex. Oczkova 2010: 28].

Accordingly, we can surmise that in Štokavian, particularly in its Southern varieties, *uz-VPR* was used more than occasionally up to the second half of the 20th century.

3.2. Another source of *uz-VPR* is pre-19th century writing. A prime example in the 18th century is Matija Relković’s grammar published in 1767¹⁵². Relković laid out *uz*-prefixed forms in the conjunctive mood paradigm, as Vuk did a half century later: *Ako ja budem, ili uz budem kod kuche* ‘if I will be at home,’ *Ako ja ne mogu, ili uz mogu dochi, nemojtemi zamirit* ‘If I will not be able to come, nevertheless don’t be angry with me.’ [Relković 1767: 342–343]

It is questionable as to what extent this form was actively operating to convey FII meaning in Relković’s time, as his treatment of this form was not consistent. Along with the *uz*-prefixed forms, Relković presented PPR (*Ako pojedete u Becs* ‘if you go to Vienna’) as well as imperfective present (*Kad čujete dvanajest satih udarati* ‘when you hear the clock knocks 12 o’clock’) as competing forms in the same paradigm. If *uz*-prefixation had been a fully grammaticalized resource, Relković could have noted *uščujete* (<*uz-čujete*) instead of *čujete*. Nevertheless, Relković’s insistence on the *uz*-prefixed form merits attention in that it suggests the influence of older source of *uz-VPR*.

In fact, *uz*-prefixed present forms which have an FII intent are attested in 13th century documents, as in «и колико възлюбиши прѣбъйти у насъ, да си прѣбудеши» ‘As much as you like to stay here, so you may stay.’ [Miklosich 1858:22]. In this example, *възлюбиши* indeed appears to mark not a resultant state, but an event occurring concurrently with the event expressed in the matrix clause, and might look to be an

¹⁵⁰ In the dictionary of *Matica srpska*, too, FII function is assigned to *uz*-prefixed verbs such as *uzjesti* (‘to eat’), *uzlagati* (‘to tell a lie’), *uzmoći* (‘to be able’), *uspitati* (‘to ask’): Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига шеста. Нови сад: Матица српска, 1976.

¹⁵¹ The consulted corpus was hrWaC 2.0 (http://nl.ijs.si/noske/all.cgi/corp_info?corpname=hrwac) (accessed 20.08.2015)

¹⁵² Matija Relković (1732–1798) was a military officer; after leaving the army, he began to write under the influence of Enlightenment writers. His grammar was aimed at enlightening Croatian people [Ham 2006: 33–38].

early example of *uz*-VPR. As Zima noted [1887: 256–264], however, the recurrent occurrence of *uz*-VPR in Štokavian writing can be detected from the late 14th century. The following examples are from the end of the 15th century (ex.10), and from the 17th century (ex.11):

(10) що годе узговоре одь наше стране вашои милости [Miklosich 1858: 536]
 whatever *uz*=speak.3PL from our side-GEN.SG your grace-DAT
 Whatever we may say to Your Grace

(11) Koji ovako uzčine, biti će s Isusom u kraljstvu [RHJ XX:60]
 who-PL this *uz*=do-PRS.3PL be-INF will with Jesus-INSTR in kingdom-LOC.SG
 nebeskom
 heavenly-LOC.SG

Anyone who will do like this will be with Jesus in the Kingdom of Heaven.

These examples strongly suggest that *uz*-VPR observed in Relković's grammar was a reflection of the Štokavian writers' convention to use this form. Further, considering that Štokavian writers after the 15th century opted to use their vernaculars than to base on the local recension of Church Slavic in writing, we can conclude that *uz*-VPR observed in the old writings were rooted in an old dialectic trait of Štokavian. And it is arguably this trait that has been reflected in Vuk's grammar, and found in dialectal descriptions by Pešikan and Peco.

4. Let us now attempt to place the emergence of *uz*-VPR in the diachronic development of dependent future expressions in Croatian. At least three factors can be relevant: (i) the unstable and immature use of FII, (ii) PPR in the subordinate clause, and (iii) prefixation as a means to form a perfective verb.

That the use of FII was not well established in Croatian until the beginning of 20th century is evidenced in various sources. B. Kašić, for example, in his grammar, suggested that FII was sometimes confused with another form composed of the perfective present of *biti* plus the infinitive (*budem učiniti* 'I will do') [Kašić 1604:203]. More than two centuries later, Veber presented the periphrastic past formed of the imperfective present of *biti* plus the *l*-participle (*učinila sam* 'I did') as a means to express the future perfect [Weber 1862:98]¹⁵³. Even in the first edition of Maretić's grammar, «the second future» is represented first of all by special forms such as *htjedbudem*, *mogbudem*, *imadbudem*, while the form *budem* + *l*-participle is treated mostly as a periphrastic past [Maretić 1899: 614]. This immature stage of FII was probably a premise for a particular form to be needed so as to mark the meaning of dependent future.

To meet this need, there might have been several options; one of them was probably to rely on the future tense form. The future in Štokavian is a “devolutive-future” [Dahl 2000: 323] with the present forms of the verb *htjeti* ('want') plus the infinitive (*pročitat ću* 'I will read')¹⁵⁴. Its formation is usually attributed to the contact effect of Balkan linguistic area [Dahl 2000: 322], and according to Grković-Mejdžor, this form was grammaticalized in by the 14th century [Грковић-Мејџор 2013:163]. However, it has primarily functioned as an independent marker for the future tense, and has not been actively used to express the dependent future.

Another option might be to use the present form, and indeed, PPR is a completely adequate form, if a speaker wants to express the future perfect meaning. Because of the inherent features of the perfective aspect to signal boundedness [Dahl 1985], the use of PPR in the subordinate clause whose matrix has a future reference entails that the event expressed by this form is completed prior to the event in the matrix. In fact, PPR has been used for this purpose.

Suppose, in contrast, a dependent event is concurrent with, or a background against which, the event denoted in the matrix takes place, how can this relationship be represented? The imperfective present may be available, but it would obscure the temporal relationship between the events in the subordinate clause and the moment of speech: ex. *Ako uči_{IPFV.PRS.3SG}, uspijet će*. 'If he/she studies (=is studying at this moment/habitually studies/will study), he/she will succeed.'

The appearance of *uz*-VPR presumably pertains in this situation. Applying the most prevalent means of prefixation to derive the perfective verb, a speaker could form a seemingly perfective verb to convey that

¹⁵³ It is worth noticing that Veber also gives an example of *uz*-Vpr: *Ako tako uzradimo, onda...* 'if we *uz*-do so, then,...' [Weber 1862: 96]

¹⁵⁴ In Serbian, the auxiliary verb *htjeti* plus complement clause headed by *da* is favored: *ja ću da pročitam* 'lit. I will that I read.' If the auxiliary comes after the verb, they should be spelled as one unit: *pročitaću*.

an event marked with this form is dependent on the event expressed in the matrix. Thus, the formation of the *uz*-prefixed present can be placed on the conjunction of the functional need to express the dependent future, the use of perfective present to denote the dependent future, and prefixation to form the perfective verb. The reason the prefix *uz-* has been recruited for this operation is a question to be addressed in another study; however, we may assume that already existing *uz*-prefixed forms, such as *vzljubi*, as illustrated above, could serve as a template, and by analogy, *uz*-VPR became a particular resource to function as an alternative to FII.

5. Conclusion

In contemporary Croatian, as we noted, *uz*-VPR is hardly used. Reasons of its decline may be complex. One factor can be the progress of language standardization of Croatian, which includes the stabilization of use of FII. It is assumable also that the nature of the language finally ruled out this form, since in Croatian, as in other Slavic languages, prefixation cannot be a component of the verb paradigm.

Another issue to be addressed may be the aspectual feature of this form [Milošević 1970: 93–94]. In Slavic, prefixation to the imperfective verb is basically an operation to form a perfective verb. In this regard, the aspectual feature of *uz*-prefixed form is perfective. However, regarding the function of *uz*-VPR as a FII alternative to convey an event occurring concurrently with the event expressed in the matrix sentence, its aspectual feature is rather imperfective. If there is a general understanding that a verb in Slavic, when used in a particular form in a particular syntactic structure, should be either perfective or imperfective, how can we define *uz*-VPR—is it perfective or imperfective? We may at best say that it is formally perfective, but functionally imperfective.

Uz-VPR is a minor yet interesting phenomenon, as it provides insight into how aspectual meanings, and formal operations, such as prefixation, can intervene to mark the relationship of two events placed in a syntactic structure with a future reference in Slavic languages.

References

- Белић 1998—А. Белић. Вукова борба за народни и књижевни језик. Расправе и предавања //А. Младеновић. Изабрана дела Александра Белића, т.6. О великим ствараоцима. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1998. С.7-178.
- Грковић-Мејдор 2013—Ј. Грковић-Мејдор. Развој футура у старосрпском језику//Ј.Грковић-Мејдор. Историјска лингвистика. Когнитивно-типолошке студије. Сремски Карловци. Нови Сад: Зоран Стојановић. 2013. С.139-169.
- Караџић 1814—В. Караџић. Писменица сербскога језика по говору простог народа. Веч, 1814.
- Пешикан 1965—М. Пешикан. Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1965.
- Стевановић 1986—М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. I. Увод. Фонетика. Морфологија. Београд: Научна књига. 1986.
- Babić 2002—S. Babić. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb: HAZU, Globus, 2002.
- Barić et al. 1997—E. Barić, M. Lončarić, D. Malić, S. Pavešić, M. Peti, V. Zečević, M. Znika. Hrvatska Gramatika. II. promijenjeno izdanje. Zagreb: Školska knjiga, 1997.
- Binnik 1991—R. Binnik. Time and the Verb. A Guide to Tense and Aspect. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1991.
- Bulatovic 2008—A. Bulatovic. Modality, Futurity and Dependent Tense: The Semantics of the Serbian Perfective Nonpast and Future 2. Dissertation. Univ. of Chicago, 2008.
- Dahl 2000—Ö. Dahl. The grammar of future time reference in European languages // Ö. Dahl (ed.) Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P.309–328.
- Dahl 1985—Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1985.
- Ham 2006—S. Ham. Povijest hrvatskih gramatika. Zagreb: Globus, 2006.
- Jagić 1907—V. Jagić. Psalterium Bononiense. Interpretationem veterem slavica cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornatam, appendicibus auctam. Wien: Gerold & soc., 1907.
- Kašić 1604—B. Kašić. Institutiones linguae Illyricae. Rome, 1604 [M. Znika. Bartol Kašić: Osnove ilirskoga jezika u dvije knjige. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2002]
- Katičić 2002—R. Katičić. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: HAZU, Globus, 2002.
- Křížková 1960—H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Lunt 2001—H. Lunt. Old Church Slavonic Grammar. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Maretić 1899—T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb: L. Hartman, 1899.
- Relković 1767—M. Relković. Nova slavonska, i nimacska grammatika. Neue slavonische und deutsche Grammatik. Zagreb, 1767.
- Miklosich 1858—Fr. Miklosich. Monumenta Serbica. Vienna, 1858.

- Milošević 1970—K. Milošević. *Futur II i sinonimski oblici u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku*. Sarajevo: ANUBiH, 1970.
- Oczkova 2010—B. Oczkova. *Hrvati i njihov jezik. Iz povijesti kodificiranja književnojezične norme*. [N. Pintarić. Prijevod s poljskoga jezika] Zagreb: Školska knjiga, 2010.
- Peco 2007—A. Peco. *Gvori zapadne Hercegovine/ J. Baotić. Izabrana djela I-IV. Knj. II*. Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2007.
- RHJ—S. Musulin, S. Pavešić (eds.) *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio XIX. 1967–1971; Dio XX. 1971–1972*. Zagreb: JAZU.
- Schenker 1995—A. Schenker. *The Dawn of Slavic. An Introduction to Slavic Philology*. New Haven: Yale Univ. Press, 1995.
- Veber 1862—A. Weber. *Skladnja ilirskoga jezika za niže gimnazije*. Beč. 1862.
- Zima 1887—L. Zima. *Āekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine*. Zagreb: JAZU, 1887.

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ И СЕМАНТИКА ВРЕМЕН
В ДРЕВНЕРУССКОМ И СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ
(В СВЕТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АСПЕКТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ)**

This paper deals with the perfective imperfect and imperfective aorist, rare verbal forms that attested both in Old Church Slavonic and Old Russian monuments, and discusses some contextual and semantic factors that determine the use of these specific forms. They are not accidental, therefore it is important to take them into account while building the verbal aspect system in Old Russian an Old Church Slavonic.

Как известно, категория вида тесно связана, с одной стороны, с лексической семантикой глагола, а с другой, – с категорией времени. В данной работе представлены некоторые наблюдения о характере этих взаимодействий в древнерусском и старославянском языках. Так, семантика несовершенного вида (фокус внимания на действии в процессе протекания) хорошо сочетается с семантикой имперфекта (обозначение фоновых состояний, длящихся и повторяющихся действий), а такие семантические компоненты совершенного вида, как фокус внимания на достижении предела и ретроспективность хорошо сочетаются с семантикой аориста, обозначающего событие в прошлом. В соответствии с этим в старославянском и древнерусском, как и в современных славянских языках, сохранивших формы имперфекта и аориста (болгарском, македонском), имперфект образуется преимущественно от глаголов несовершенного вида (вторичных имперфективов или бесприставочных глаголов), а аорист, – от глаголов совершенного вида (приставочных или бесприставочных)¹⁵⁵. Принципиально важно, что ни в древнерусском, ни в старославянском языках оппозиция *аорист* : *имперфект* не может быть сведена к аспектуальной оппозиции¹⁵⁶: это было бы упрощением языковой ситуации, наблюдаемой в письменных памятниках, так как в определенных ситуациях от глаголов совершенного вида могли образовываться имперфекты, а от глаголов несовершенного вида – аористы [Вайан 1948/2002: 379; Lunt 2001: 155–156; Хабургаев 1974: 268, 276, 278 и др.]. Несмотря на то, что формы имперфектов совершенного вида и аористов несовершенного редки, они не случайны и хаотичны, а представляют собой определенные типы употреблений. О нескольких особенностях таких употреблений пойдет речь в данной статье.

Перфективный имперфект

Вслед за работой Ю. С. Маслова [1954/2004], впервые детально описавшего значения и функционирование перфективного имперфекта в древнерусских памятниках, в научных трудах укоренилось мнение о том, что перфективный имперфект представляет собой восточнославянскую языковую черту, отличающую древнерусские памятники от старославянских и церковнославянских, в которых он употреблялся очень редко [Зализняк 2008: 98–99; Живов (в печати): II–5]. Однако, по-видимому, в отношении функционирования перфективного имперфекта старославянский и древнерусский языки различались не столь сильно. Весьма показательным, что и в тех, и в других памятниках перфективный имперфект употребляется в одинаковых типах контекста, демонстрируя одинаковые значения. Количественные же различия могли быть обусловлены особенностями нарратива в памятниках разных жанров. Так, в агиографических произведениях перфективный имперфект встречается заметно чаще, нежели в простом летописном или эпическом повествовании (к этому типу нарратива близко и евангельское повествование), а в произведениях гномологических и гомилетических жанров не встречается практически совсем [Мишина 2015].

Работа над статьей осуществлялась при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00414).

¹⁵⁵ Следует иметь в виду, что от неохарактеризованных по виду глаголов (*ити*, *купити* и многих др.) могли образовываться и аористы, и имперфекты, но в данной работе эта группа глаголов не рассматривается.

¹⁵⁶ Такое мнение по отношению к старославянскому языку высказывается, например, в [Eckhoff, Naug 2015].

Перфективный имперфект реализуется в двух основных контекстах: кратно-перфективном и при отрицании. Кратно-перфективное значение, когда имперфект от глагола совершенного вида обозначает многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого воспринимается как достигший завершения в кратно-парном или кратно-цепном типе контекста (1)–(2), является более распространенным:

- (1) **егда же подъпыхуться, начьнахуть роптати на князь, гл҃юще...** (ПВЛЛ, л. 43об) – «Когда же напивались (бывало, напьются), начинали (начнут) роптать на князя, говоря... »;
- (2) **не всегда ли кгда начьнѣхомъ съ брати. глаголаахомъ ѱалмоса сего** (Супр., 73.9–10) – «Не всегда ли, когда мы начинали (бывало, начнем) сражаться, мы произносили (произносим) этот псалом».

Функционирование кратно-перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском описано в [Маслов 1954/2004; Зализняк 2008; Мишина 2015].

Более экзотическим, но также представленным как в древнерусских, так и в старославянских памятниках является употребление перфективного имперфекта в контекстах под отрицанием, когда перфективный имперфект получает модальные наращения и выражает упорное нежелание субъекта совершить действие, несмотря на ожидание [Маслов 1954/2004: 166; Мишина 2012]:

- (3) **башать бо в тѣхъ днѣхъ игумень сѣаго андрѣа. григории [...] чтенъ же ѿ мѣстислава и ѿ всихъ люден . тотъ бо не вѣдаше мѣстиславу вѣстати ратью по ярославѣ. река то ти менше естъ** (КЛ, 108г26–109а) – «Был в те дни в монастыре св. Андрея игумен Григорий [...], почитаемый Мстиславом и всеми людьми. И он не дал/(ни за что) не давал Мстиславу воевать с Ярославом, говоря... »;
- (4) **и възвративъ съ и ставъ на възтокъ. прилежно молитвѣж богови приношааше. многоу же часоу минжвъшоу. и ношти оуже прѣполовашти съ. не прѣстанѣше тлѣкжшти и великомъ гласомъ вѣпѣжшти. помилоуи ма** (Супр., 515.15–20) – «И возвратившись и встав лицом на восток, (святой) прилежно приносил молитву Богу. По прошествии же многих часов, глубоко за полночь, он не переставал/ не хотел перестать молиться, ударяя себя и восклицая “Помилуй меня!” ».

Данное значение перфективного имперфекта сближается с особым значением формы перфективного презенса под отрицанием, первоначально выделенного А. А. Зализняком [1993] на материале берестяных грамот и названного «презенсом напрасного ожидания». По аналогии с презенсом значение перфективного имперфекта в отрицательном контексте можно назвать «имперфектом напрасного ожидания», ср.:

- (5) **а нынѣ вода новоюю женоу а мнѣ не вѣдасть ничто же** (НБГ, N9) – «А теперь, женись на новой жене, мне он не дает (не хочет дать) ничего»;
- (6) **молашимъ же съ. и страшное имя бж҃ие призывающимъ. да быша подади имъ часть зелѣа. [...] а ти ничтоже не вѣдадоху.** (ИИВ 446в2–10) – «Тогда они молили, призывая страшное имя Бога, чтобы им отдали часть травы, но те (римские солдаты) не давали (не хотели дать) ничего».

При анализе материала обращает на себя внимание тенденция к лексической ограниченности, прослеживающаяся как в древнерусских, так и старославянских памятниках: формы перфективного имперфекта (при их общей малочисленности) частотны от определенных корней и классов глаголов. Так, многие перфективные имперфекты образованы от глаголов с суффиксом **-нж-/-ноу-**. По-видимому, этот суффикс, выражающий значение одноактности, хорошо сочетался со значением кратно-перфективного имперфекта, обозначавшего многократное действие, каждый отдельный акт которого завершен. Ниже приведены формы имперфектов от глаголов данного класса из старославянских и древнерусских памятников (среди зафиксированных довольно частотны формы от глагола **стати, стану-** и его приставочных производных):

- Супр.: **ѡстанѣахъ съ** 413.18, **прѣстанѣше** 515.18, **зѡдѣхнѣаше съ** 466.13, **исъхнѣаше** 476.24, **подвигнѣаше** 346.12;
Сб.Кл.: **съ оутѣкнѣаше** 10а, с. 86;

Выг.сб.: **станаше** 2об.7, 5.6; **останаше** 118.6, **престанашеть** 48об.15, **оуснаше** 28.16;
 ИИВ: **настанашоу** 351в5, **повѣгнашоу** 454в18, **швыкнашоу** 449б5, **постигнашуть** 437а4;
 ЖАЮ: **настанаше** 1846, **повѣгнаше** 533, **дүнаше** 612, **пъхнаше** 530;
 Алекс.: **са прикоснаше** 77.6;
 Соф.пр.: **повинашеса** 101б14, 148г8–9;
 ЖФП: **станаше** 39а7, **извыкнаше** 37г1–2, **үмълкѣнаше** 45в19;
 ПВЛЛ: **станаше** 65об., **ицезнахү** 66, **принаше** 64 (2), **оуснаше** 64;
 ПВЛИ: **двигнаше** 72б6, **ицезнахү** 72с32, 72д12, **принаше** 70с9, **примѣръзнаше** 72б5;
 ГВЛ: **вывѣгнаше** 817.12.

В древнерусских памятниках (в отличие от старославянских) также обращает на себя внимание обилие перфективных имперфектов от глаголов продуктивного класса на *-ити*¹⁵⁷: *выдавити, възвестити, възвратитися, измелити, приставити, прославити, сътворити, оживити, отъступити, почернити, разделити, убити, укротити, утвердити* и др.). Довольно много перфективных имперфектов засвидетельствовано в старославянских и древнерусских памятниках от отдельных лексем: *начати, быти* (имперфект от основы настоящего времени *-буд-*), приставочные производные от *ити* (*проити, поити, приити, сънити*). Перфективные имперфекты от глаголов *дати* и *пустити*, а также их приставочных производных (*въдати, припустити, допустити, распустити, роспустити*) употребляются преимущественно в отрицательных контекстах. Встречаемость форм имперфекта от пяти частотных глагольных основ по старославянским и древнерусским памятникам письменности отражена в Таблице 1 (учитывались основы, зафиксированные по памятникам не менее пяти раз, в скобках приведено количество фиксаций, если оно больше одного).

Таблица 1

	<i>начати</i>	<i>быти</i>	<i>-ити</i>	<i>-дати</i>	<i>-пустити</i>
Мар.				не дадѣаше	
Зогр.				не дадѣаше (2)	
Супр.	начьнѣѣхомъ		сьнидѣаше (2)	дадѣаше	
Сав.			прондѣше		
Выг.сб.	начьнаше			не дадаше	
Изб.73		боудаше (2)	прндѣахоу (2) не прндѣаше		
Син.		прѣбоудашъ (2)	прндѣахоу прндѣаше прндѣашете		
Усп.сб. (без ЖФП)	начьнаше			не дадаше (2) не дадахоу (4)	
ЖФП	начьнаше (2)	боудаше (9) прнебудяше	отидяше прндѣаше прѣндѣаше	дадаше	отъпустѣаше распустѣаше
ЖАЮ	начнаше начнахү	боудаше	пондахү прндѣаше		
ПВЛЛ	начьнашүтъ са начаше	боудаше (3)	вындаше	не дадаше не дадахү	не допустѣахү не припустѣахү
СЛ			пондашүтъ		

¹⁵⁷ Из рассмотрения исключены формы имперфектов, одинаковые для глаголов на *-ити* и *-ати* (напр., **възбранаше, оутѣаше**). На наш взгляд, гораздо больше оснований считать, что такие имперфекты образовывались от основ несовершенного вида (**възбранати, оутѣати**).

КЛ			ПОНДАХУТЬ НАИДАХОУ	НЕ ВЪДАДАШЕ	НЕ ПОУСТАШЕТЬ НЕ РОСПУСТАСТА
ГВЛ				НЕ ВДАДАХОУТЬ НЕ ДАДАХОУТЬ	НЕ ПОУСТАШЕ
ИИВ:		БОУДАШЕ (2)		НЕ ВДАДАХОУ (4) НЕ ДАДАШЕ (10)	НЕ ПОУСТАХУТЬ
Алексан.	НАЧАШЕ		ПОНДАШЕ	НЕ ДАДАШЕ	
Чуд.Н			ПРИДАШЕ		
Соф.пр.			ПРИДАШЕ		
Акир		ВЪДАШЕ			

По всей вероятности, перфективный имперфект, засвидетельствованный в древнейших памятниках, к моменту их создания уже представлял собой уходящее архаическое явление. В старославянских памятниках такие формы крайне редки, в церковнославянских и древнерусских их чуть больше, однако в целом (за исключением отдельных ранних памятников – ПВЛ, ЖФП) это также единичные примеры. За пределы древнерусского периода употребление перфективного имперфекта практически не выходит. Наблюдаемая в памятниках тенденция к образованию форм перфективного имперфекта от определенных лексем может как раз свидетельствовать о процессе постепенного ограничения употребления этой формы и её вытеснения за счет уменьшения числа используемых глаголов. Приведенные выше лексемы оказались наиболее устойчивыми в таких употреблениях либо по причине своей продуктивности (как, например, глаголы на *-ити*) и частотности (*-стати, начати*), либо в силу семантических факторов (как, например, глагольный класс с суф. *-ну-*), либо по тем или иным причинам клишировались (как, например, имперфекты от основ *-дати* и *-пустити* в контексте с отрицанием¹⁵⁸ и имперфект от презентной основы *-буд-* в кратном-перфективных контекстах).

Имперфективный аорист

Как известно, аорист употребляется в старославянском и древнерусском в качестве основного повествовательного времени для обозначения единичных событий в прошлом, не соотносимых с настоящим. Говоря о семантике славянского аориста, обычно отмечают его немаркированность и нейтральность в отношении характера протекания действия: аорист никак не указывает на то, было ли действие длительным или нет, что определяет такое свойство аориста как «фактичность» – чистое обозначение факта в прошлом. Потенциально аорист может образовываться от глаголов обоих видов. Однако в действительности в старославянских и древнерусских памятниках аорист преимущественно встречается от глаголов совершенного вида. Ясно, что при обозначении завершённых событий в прошлом семантические компоненты совершенного вида (фокусирование внимание на достижении действием своего внутреннего предела, ретроспективность, событийность и др.) хорошо сочетаются с семантикой аориста (обозначение события в прошлом). Аорист может обозначать отдельное единичное событие, но чаще аористы образуют цепочку, обозначая последовательно сменявшие друг друга события в повествовании (7):

(7) *идуцию же ему спати. приде кь дунаеви и възлюбви мѣсто. и сруви городокъ малъ* (ПВЛЛ, л.4) – «Возвращаясь назад, он (Кий) пришел к Дунаю, и понравилось ему это место, и построил небольшое укрепление».

В отличие от аористов от глаголов совершенного вида, аористы от глаголов несовершенного вида редки и, как правило, их употребление связано с разными контекстуальными ограничениями. Одно из таких контекстно-обусловленных употреблений засвидетельствовано в древнерусских

¹⁵⁸ Именно от глаголов *дати* и *пустити* в отрицательных контекстах частотны не только имперфекты, но и формы презенса и действительных причастий настоящего времени со значением «напрасного ожидания» [Зализняк 1993: 278; Мишина 2012: 231–237].

памятниках. Так, от стативов со значением пространственного положения (**лежати**, **сѣдѣти**, **стоати**) наряду с более частотными формами имперфекта встречаются формы аориста. В старославянских памятниках примеры аористов от данных глаголов единичны (см. Таблицу 2), и там действуют другие ограничения, поэтому ниже будет анализироваться материал только восточнославянских памятников. Обращает на себя внимание тот факт, что в древнерусских памятниках от глагола **стоати** аористов больше, чем имперфектов.

Таблица 2

	НКРЯ древнерусский подкорпус		ТОРОТ старославянский подкорпус	
	аорист	имперфект	аорист	имперфект
стоати	124 ≈58 %	87 ≈42 %	2 ≈5 %	36 ≈95 %
лежати	11 ≈24 %	27 ≈76 %	3 ≈16 %	17 ≈84 %
сѣдѣти	15 ≈24 %	35 ≈76 %	1 ≈3 %	29 ≈97 %

В древнерусских памятниках формы имперфекта от глаголов пространственного положения, как правило, имеют процессуальное значение и выполняют фоновую функцию: обозначают состояния, на фоне которых происходят другие события (8)–(10):

- (8) **ѡна же поклониѡши главу стоаше. аки губа напа ема. внимаюци оученьа. [и] поклониѡшиса патрѣрарху глѣци.** (ПВЛЛ, л.17об.) – «Она же (Ольга), приклонивши голову, стояла, как губка напитаемая, внимая учению, и, поклонившись патриарху, говорила...»;
- (9) **мьстиславъ же съ дружиною всѣдъ на кони. и нача будити угрѣ. угрѣ же лежахутьъ пыани тако мртѣви** (КЛ 159г9–13) – «Мстислав же с дружиною, сев на коней, начали будить угров. Угры же лежали мертвецки пьяны»;
- (10) **и понесоша га в лодѣи. ѡни же сѣдаху в перегревѣхъ. и въ велихъ сѣстогахъ. гордащесѧ** (ПВЛЛ, л.22) – «И понесли их в лодье. Они же сидели в великих нагрудных бляхах, гордясь».

подавляющее же большинство аористов употребляется тогда, когда в тексте есть эксплицитное указание на то, как долго длилось действие (**дѣлго, мѣного, все лѣто, весь дѣнь, ноць, малъ часъ, три дѣни, недѣлю, до вечерни, до замороза, дондеже..., от .а.го ча(с) до .г.го, ѡ смена дѣи до велика дѣи** и т. д.). Наличие в контексте временных ограничителей не единственное условие для появления формы аориста (встречаются и другие контекстные факторы), но эта особенность самая заметная. Следует также отметить, что большинство подобных употреблений зафиксировано в древнерусских летописях, где такие аористы можно назвать достаточно регулярными (в других памятниках встречаются единичные примеры):

- (11) **сѣтополкъ же встѣпи городъ · а дѣдъ въ градѣ · и стоа сѣтополкъ ѡколо города · ѣ не(д)** (ПВЛЛ, 92об.) – «Святополк же обступил город, а Давид – в городе, и стоял Святополк около города 7 недель»;
- (12) **и се рекъша разметаста храминоу · тоу · женоу же тоу акты мрътѡу сътворѣста · и лежа мѣсь не могоуци ничѣсо же** (Усп.сб., 21г.9–13) – «И сказав это, (святая) разрушила этот дом, а жену эту сделала неподвижной (букв. как мертвую), и лежала она месяц и не могла пошевелиться»;
- (13) **ѡн же приде к стрѣкѡви свокуму Гѣрополку Къикѡу · и да кмѣ Вышегородъ и тѣ сѣдѣ · лѣ(т) · ѡдино** (СЛ, 304.28–305.1) – «Он же (Всеволод Мстиславич) пришел к дяде своему Ярополку в Киев, и тот дал ему Вышегород, и тут седел один год».

Выбор формы аориста в сочетании с обстоятельствами, ограничивающими протекание действия, по-видимому, обусловлен такими семантическими свойствами аориста, как «непроцессность» и

«фактичность». Как уже было сказано выше, аорист, в отличие от имперфекта, изображает действие не в самом процессе его протекания (что в данном случае не нужно), а просто как факт. Протяженное действие, о котором идет речь, изображается как этап в последовательном развертывании рассказа. Форма аориста от указанных глаголов часто оказывается включенной в цепочку других аористов в повествовании, таким образом, аорист указывает на факт в последовательном ряду других фактов¹⁵⁹:

- (14) Того же лѣта. приде всеводъ съ всею бра(т)ею. к переславлю . и стояша подъ городомъ три дни и бишася оу еп(с)лихъ воротъ. (КЛ, 110г12) – «В тот же год пришел Всеволод со всею своей братией к Переславлю, и стояли под городом три дня, и бились у епископских ворот»;
- (15) и повелѣ Лазарь взати Игоря . и понести и в цркъвь ста(т) Млихаила в Новгородскую Божницу . и ту положивша и в гробъ ѣхаста на Горю . и лежа нощ ту суботѣ же свитаючи . посла митрополитѣ игумена . Ананью ста(т) Федора . и приѣхавѣ игумень видѣ и нагого . и шлече и . и шпѣ (СЛ, 318.20) – «И повелел Лазарь взять тело Игоря и понести его в церковь св. Михаила в Новгородскую часовню, и тут положивше его в гроб, поехали на Гору. И лежал тут ночь. В субботу послал митрополит игумена Ананью из монастыря св. Федора, и приехав, игумен увидел его нагого, и облачил его, и отпел»;
- (16) и затвориша сѧ новоторжци въ граде . съ кнзѣмъ ярополкомъ . и осѣдоша городъ . и сѣдѣша ѣ не(д) . и изнемогаша въ градѣ (Новг. I, 44об.11–15) – «И заперлись новоторжцы в городе с князем Ярополком. И (пришедшие князья) осадили город. И сидели (новоторжцы) пять недель и изнемогли в городе».

Формы имперфектов также возможны в контексте с указанием временного интервала, однако они употребляются именно в тех случаях, когда внимание фокусируется на самом процессе, действие представлено как фоновое, ср:

- (17) Въ лѣ(т) . ѣ х на . стояше всѧ осенина дъждева . ш гжина дни до корочюна . тепло дъжгѣ . и бѣ вода велика вельми . въ волхове (Новг. I, 23.5–8) – «В лето 6650 вся осень стояла дождливая от Успения Богородицы до Карачуна (рождественского поста). Тепло. Дождь. И поднялась (букв. стала) вода сильно в Волхове».

Необходимость временных ограничителей, контекстуально «поддерживающих» употребление формы аориста от глаголов положения в пространстве, вытекает также из семантики самих глаголов. Еще Ю. С. Маслов отмечал, что глаголы *imperfectiva tantum* (включающие класс пространственного положения) обозначают процессы, которые, с одной стороны, «не могут мыслиться как мгновенные или очень кратковременные», а с другой, – «объективно не заключают в себе необходимости своего прекращения» даже в отдаленной перспективе [Маслов 1948/2004: 80]. Хорошо известно, что обозначенные семантические свойства (невозможность моментализации и внутренняя беспредельность) препятствуют перфективации глаголов этой группы¹⁶⁰, однако она становится возможной при условии «внешнего» ограничения длительности обозначаемого процесса [Маслов: там же]. Так, например, *посидеть*, *полежать*, *постоять* значит в течение какого-то ограниченного времени. По-видимому, именно этими особенностями семантики глаголов пространственного положения можно объяснить необходимость временных ограничителей в контексте. Семантический компонент событийности, который имеется в аористе, плохо сочетается с компонентом беспредельности в семантике данных глаголов, но это противоречие снимается при указании временного интервала.

Итак, в статье было показано, каким образом функционирование таких нестандартных, периферийных форм, как *перфективный имперфект* и *имперфективный аорист* было, с одной стороны, мотивировано внутренними семантическими факторами (особенностями видовой,

¹⁵⁹ Ю. С. Маслов отмечал эту особенность аориста в современном болгарском языке, где возможно употребление аориста от глаголов несовершенного вида в сочетании с обстоятельствами длительности [Маслов 1954/2004: 191–192].

¹⁶⁰ Как известно, глаголы пространственного положения, а также многие стативы плохо перфективировались и в древнерусском [Кузнецов 1953: 246; Мишина 2001: 202].

временной и лексической семантикой), а с другой, – обусловлено контекстуальными факторами (сочетаемость, особенности жанра, тип нарратива и т.п.)

Источники

- Акир – Повесть об Акире премудром // А.Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. Изд. ОИДР. М., 1913.
- Алекс. – Александрия // В.М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.
- Выг.сб. – Выголексинский сборник. М.: Наука, 1977.
- ГВЛ – Галицко-Волынская летопись // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–938.
- ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого // А.М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.
- ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971.
- Изб.73 – Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное издание в 2-х томах. М.: Книга, 1983.
- КЛ – Киевская Летопись // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- Мар. – Мариинское Евангелие // TOROT <https://nestor.uit.no>
- Зогр. – Зографское Евангелие // TOROT <https://nestor.uit.no>
- НБГ – Новгородские берестяные грамоты // А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Чуд.Н – Чудеса Николая Чудотворца // Златоструй и отрывок торжественника XII в., ГПБ, Ф.п.И. 46. Л. 66а–76б. <http://www.ruscorpora.ru>
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/beta>
- ПВЛЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
- ПВЛИ – Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- Сав. – Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. М., 1999.
- Сб.Кл. – Сборник Клоца // Clozianus Staroslověnský hlanolský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959.
- Син. – Синайский патерик // Синайский патерик. М.: Наука, 1967.
- СЛ – Суздальская летопись // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
- Соф.пр. – Софийский пролог // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I–II. М.: Азбуковник, 2011.
- Супр. – Супрасьльски или ретков сборник. София: 1982. Т. 1, 1983. Т. 2.
- TOROT – Old Russian Treebank. <https://nestor.uit.no>

Литература

- Вайан 1948/2002 – А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М. 2002 (Репринт изд. 1948 г.).
- Живов (в печати) – В.М. Живов История языка русской письменности (в печати).
- Зализняк 1993 – А.А. Зализняк. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А.А. Зализняк Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М. 1993.
- Зализняк 2008 – А.А. Зализняк. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е издание. М., 2008.
- Кузнецов 1953 – П.С. Кузнецов. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. // Труды института языкознания. М. 1953.
- Маслов 1948/2004 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю.С. Маслов Избранные труды. М. 2004. С. 80–90.
- Маслов 1954/2004 – Ю.С. Маслов. Имперфект и аорист в славянских языках // Ю.С. Маслов. Избранные труды. М. 2004. С. 141–175.
- Мишина 2001 – Е.А. Мишина. Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2001. С. 199–228
- Мишина 2012 – Е.А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. № 2 (24). М., 2012. С. 219–241.
- Мишина 2015 – Е.А. Мишина. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) // Сайт, посвященный 80-летию ак. А.А. Зализняка. 2015. <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Mishina.pdf>
- Потебня 1941/2010 – А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М., 2010 (переизд. кн. 1941 года).
- Хабургаев 1974 – Г.А. Хабургаев. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974.
- Eckhoffetal. 2015 – Н.М. Eckhoff, D.T.T. Haug. Aspect and prefixation in Old Church Slavonic // Diachronica. Vol. 32:2, 2015. P. 186–230.
- Lunt 2001 – H.G. Lunt. Old Church Slavonic. The 7th ed. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2001.

ОТ ЛЕКСИКИ К АСПЕКТУАЛЬНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕРБСКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ *КРЕНУТИ – КРЕТАТИ*

This paper provides an analysis of some aspectual features of the Serbian motion verbs *kretati – krenuti* ‘to move’ which often behave as phase verbs in the inchoative contexts. The aim of this paper is to reveal the mechanism of semantic transfer of these verbs from their lexical meanings to the phasic meanings, and also to demonstrate the conditions for their usage as phase verbs.

1. Вводные замечания

Настоящая работа нацелена на рассмотрение некоторых фазисно-аспектуальных особенностей сербских глаголов движения *кренути – кретати* ‘двинуть – двигать’. Данная глагольная пара, будучи центральными глаголами в семантическом поле движения, выступает в роли фазисного глагола в сопровождении *ДА*-конструкции и часто встречается в контексте выражения начинательности. Целью работы является выявление механизма семантического сдвига от лексического значения к аспектуально-фазисному значению данной пары глаголов, а также условий их употребления в качестве фазисных глаголов. Опираясь на данные из корпуса современного сербского языка и данные анкеты, проведенной с носителями языка, мы попытаемся составить системное описание семантики анализируемой глагольной пары с лексической и аспектуальной точек зрения.

2. Семантический сдвиг от лексики к фазовости

В *Словаре сербскохорватского литературного языка* основное значение глагола *кренути* определяется как «ставити у покрет, учинити да се ко или што помакне са свог места, макнути, помакнути (рус. пустить в ход, сделать так, чтобы кто или что подвинул/о со своего места, двинуть, подвинуть)» [СМС т.3: 53]. Но следует отметить, что в некоторых словарях в качестве основного значения глагола *кренути* дают определение «поћи; упутити се (рус. пойти, направиться)» и не трудно догадаться, что данный глагол выражает не только передвижение с одного места на другое, но и начальную фазу движения или перемещения [ССАНУ т.10: 489, ССЯ: 588]. Действительно, глагол *кренути* часто имплицитно подразумевает наступление начальной фазы перемещения и часто употребляется в контексте, где выражается начатое в момент высказывания перемещение субъекта (= ‘X начал перемещаться с одного места на другое’):

- (1) *Подскакујући по неравном друму, поштанска кочија која је подпригивая по неравному шоссе почтова кољаска која је кренула из Норвича приближавала се Лондону.*
двинула из Новича приближалась REFL Лондону
‘Подпригивая по неровному шоссе, почтовая коляска, которая отправилась из Норвича, приближалась к Лондону.’ [АСП: Ф. Давид, Прича о турском часовничару.]

Такое употребление с пространственным значением достаточно легко переносится на более абстрактное употребление, и применяется к широкому ряду действий. Например, глагол *кренути* может употребляться в начинательном значении, когда позицию подлежащего занимает предикатное имя действия, ср. *Кренула је болест* ‘Началась болезнь (= наступило начало болезни)’. В конструкции с предложной группой *НА+НАСС*, где позицию подлежащего занимает одушевленный субъект, глагол *кренути* выражает начало действия, ср. *Од сутра ћу да крнем на дијету* ‘С завтрашнего дня буду сидеть на диете (= наступит начало диеты)’. А что касается употреблений глагола *кренути* в сопровождении *ДА*-конструкции, то на данный момент в словарях мы не нашли ни примеров, ни определения их значения и употреблений. Однако данная конструкция достаточно часто встречается в современном сербском языке, в частности, в разговорном языке. В данной конструкции глагол *кренути* часто не обозначает физическое движение или перемещение движущегося объекта, а выступает как фазисный глагол со значением начинательности, т.е.

обнаруживается семантический сдвиг от ‘Х начал перемещаться, чтобы сделать что-то’ к ‘Х начал делать что-то’. Посмотрим некоторые примеры из *Корпуса современного сербского языка* (далее – КССЯ):

- (2) *Много година касније кренуо сам да истражујем Јапан.*
 много лет позже двинул-AUX COP CONJ исследовать-IPFV Япония
 ‘Спустя много лет я начал исследовать Японию.’ [КССЯ]
- (3) *После њего вождства с 3:0 у трећем сету кренуо сам да играм све боље и боље.*
 после его руководство с 3:0 в третий сет двинул-AUX COP
 CONJ играть-IPFV все лучше и лучше
 ‘После его руководства с 3:0 на третьем сете я начал играть все лучше и лучше.’ [КССЯ]

Как видно из приведенных выше примеров, лексическое значение глагола *кренути* нейтрализуется в сопровождении *ДА*-конструкции, и данный глагол передает лишь начинательное значение действия, обозначенного главным глаголом. В следующем разделе мы рассмотрим главные условия такого употребления глагола *кренути* с *ДА*-конструкцией.

3. Особенности и условия употребления глаголов *кренути* – *кретати* в качестве фазисных глаголов

Теперь обратим внимание, в каких условиях реализуется употребление глаголов *кренути* – *кретати* в качестве фазисных глаголов.

Типы субъектов. Когда глаголы *кренути* – *кретати* употребляются как фазисные глаголы, обнаруживается некоторое ограничение в выборе субъекта высказывания. Субъект – чаще всего одушевленный, т.е. человек или животное. Достаточно редко встречаются примеры с неодушевленным субъектом. Предполагается, что такого рода ограничение тесно связано с исходной семантикой глагола: начинательное значение у данного глагола получено в результате семантического сдвига от целенаправленного пространственного значения к фазисному значению (= ‘S+V₁[Motion]+ДА+V₂’ ⇒ ‘S+V₁[Phase]+ДА+V₂’). Глагол *кренути* с *ДА*-конструкцией в прямом значении обозначает целенаправленное перемещение субъекта (обычно – одушевленного) для того, чтобы он совершил выраженное главным глаголом действие. Действие в большинстве случаев является контролируемым субъектом и часто имеет свою внутреннюю цель. Такое свойство, насколько известно из данных корпуса, сохраняется и в фазисном употреблении этого глагола и имеет некоторое влияние на типы субъектов данной конструкции.

Виды фазисных глаголов. Некоторые аспектуальные особенности влияют на употребления исследуемых нами глаголов. На момент обращения к КССЯ нашлось всего 1.006 примеров с формами настоящего времени и причастия на –л от глаголов *кренути* – *кретати* в сопровождении *ДА*-конструкции, из которых примеры с глаголом НСВ составляют около 7% (63 примеров) в то время, как около 93% (943 примеров) составляют примеры с глаголом СВ. Данные корпуса показывают некоторые интересные особенности этих глаголов: глаголы *кренути* – *кретати* не склонны употребляться в контексте, где выражен сам процесс начальной фазы действия – предпочтительно употребление, которое обозначает единичную начальную фазу действия. Глагол *кренути* гораздо реже выступает в форме НСВ, т.к. исследуемой конструкцией трудно обозначить растянутый или повторяющийся процесс старта начальной фазы, и именно этим признаком глагол *кренути* отличается от подобной конструкции с глаголами *почети* – *почињати* ‘начать – начинать’.

Виды главных глаголов. Среди данных КССЯ можно обнаружить примеры с глаголами НСВ и глаголами СВ на позиции главного глагола, но в качестве главного глагола в изучаемой конструкции предпочтительно употребление глаголов НСВ. Примеры с глаголами СВ не вызывают толкование начинательного значения, а обозначают, что субъект перемещается, чтобы совершить действие, выраженное главным глаголом.

Семантические типы главных глаголов. По данным КССЯ и результатам анкеты с носителями языка, в позицию главного глагола может встать широкий ряд глаголов. Однако существуют некоторые ограничения при употреблении глаголов *кренути* – *кретати* в сопровождении *ДА*-конструкции. Например, как и другие фазисные глаголы, данным глаголам не свойственно

сочетание с глаголами, относящимися к акциональным классам достижений или моментальных действий, ср. **крене да стиже, умире, се сија* ‘начнет приезжать, умереть, блестать’. Глаголы свершения и деятельности по классификации З.Вендлера [Vendler: 1967] легко сочетаются с фазисным *кренути*, но глаголы состояния реже появляются с данной конструкцией, т.к. они не склонны употребляться для обозначения наступления начала выражаемого действия:

- (4) *После ручка он је кренуо да слика њен портрет.*
 после обед он COP двинул-AUX CONJ рисовать-IPFV ее портрет
 ‘После обеда он начал рисовать ее портрет.’ [Информант]
- (5) *Пас је кренуо да лаје када је неко ушао у башту.*
 Собака COP двинул-AUX CONJ лаять-IPFV когда COP кто-то вошел
 у башту.
 в сад
 ‘Собака начала лаять, когда кто-то вошел в сад.’ [Информант]
- (6) ??*Кренуо сам да се нервирам пред презентацију.*
 двинул-AUX COP CONJ волноваться-IPFV перед презентация
 ‘Я начал волноваться перед презентацией.’ [Информант]

Типы начинательных ситуаций. В конструкции с *кренути – кретати* обнаруживаются некоторые ограничения, связанные с типами выражаемых ситуаций. Данные глаголы в сопровождении *ДА*-конструкции могут описывать начало актуального единичного действия, начало итеративно повторяющегося неактуального действия, начало изменения степени интенсивности актуально происходящего действия [Храковский 2007: 164]. Приведем несколько примеров:

- (7) (...) *ставим сунчане наочари, на кад сам кренуо да плачем.*
 поставить солнечный очки ну когда COP двинул-AUX CONJ плакать-IPFV
 ‘(...) я надел солнцезащитные очки, и (тут) как я начал плакать.’ [КССЯ]
- (8) *После саобраћајне несреће кренуо је да посећује болницу редовно.*
 после транспортный несчастье двинул-AUX COP CONJ посещать-IPFV
 больница регулярно
 ‘После несчастного случая он начал посещать больницу регулярно.’ [Информант]
- (9) *Она је кренула да плаче још јаче.*
 она COP двинула-AUX CONJ плакать-IPFV еще сильнее
 ‘Она начала плакать еще сильнее.’ [Информант]

4. Степень грамматикализации и возможность конкуренции

Выше мы коротко рассмотрели главные условия и некоторые особенности употреблений глаголов *кренути – кретати* как фазисные глаголы. В этом разделе мы остановимся на вопросах о степени грамматикализованности анализируемой конструкции и возможности конкуренции с другими фазисными глаголами.

В истории сербского языка глаголы *кренути – кретати* как фазисные глаголы начали употребляться сравнительно недавно¹⁶¹. В *Антологии сербских писателей XX и XIX веков* обнаруживается небольшое число примеров с этими глаголами в сопровождении *ДА*-конструкции, но их частотность весьма низка. Следует отметить, что они не выражают начальную фазу описываемого действия, а просто показывают наступление новой ситуации, которая не имела место до момента высказывания. Приведем пример:

¹⁶¹ Например, в *Сербском словаре* Вука Стефановича Караджича, изданном в начале XIX века, к глаголу *кренути* даются немецкий перевод «*fortbewegen* ‘передвинуть’» и латинский перевод «*moveo* ‘двигать; приводить в движение’», но нет упоминания о его начинательном значении [СС: 248].

(10) *Онда однекуд испред мене изненада крене да се проби-ја*
 тогда откуда-то перед меня внезапно двинул CONJ REFL пробиваться-IPFV
овисок човек са качкетом, који рукама придржава јаку
 высокий человек с кепка который руки придерживает воротник
капута.
 пальто

‘Тогда откуда-то передо мной внезапно пробился высокий человек с кепкой, который руками придерживает воротник пальто.’ [АСП: *Д. Михаиловић*, *Чија то душа овуда тумара.*]

Можно считать, что такое употребление глагола *крнути* является переходным этапом от пространственного значения к фазисному употреблению данного глагола. Другими словами, глагол *крнути*, обозначающий перемещение в пространстве, сначала начал употребляться в значении наступления новой ситуации, а потом с течением времени стал употребляться в значении начинательности (= ‘Ситуация Р начала иметь место’ ⇒ ‘Х начал делать что-то’). Необходимо отметить, что употребление глагола *крнути* в качестве фазисного показателя находится в процессе грамматикализации. Исследуемая конструкция может считаться более менее стабильной, но не всегда позволяет толковать глагол *крнути* как фазисный глагол. В некоторых случаях сохраняется его исходное значение, а иногда возможно совмещенное толкование пространственного и начинательного значений. Предполагается, что данная конструкция будет становиться более стабильной не только на синтаксическом уровне, но и на семантическом, и его исходное значение будет совсем нейтрализовано в данной конструкции.

В сербском языке есть более общеупотребительный фазисный глагол *почети*, который обозначает начальную фазу разных действий. Но в современном разговорном языке глагол *крнути* часто употребляется как фазисный глагол со значением начинательности, и в большинстве случаев *крнути* и *почети* считаются семантически тождественными. Однако замена не всегда возможна: как уже отмечено выше, глаголу *крнути* не свойственно сочетание с глаголами состояния, и он не может заменить глагол *почети* в этой конструкции с ними, ср. *Почела! *крнула да ми недостаје домаћа храна* ‘Я начал скучать по домашней еде’. В некоторых контекстах замена глаголом *крнути* добавляет дополнительный нюанс: при употреблении глагола *крнути* высказывание имплицитно, что начало выражаемого действия наступило динамично.

5. Некоторые выводы

В данной работе мы рассмотрели некоторые фазисно-аспектуальные особенности сербских глаголов *крнути* – *кртати*. В рамках нашего анализа мы выяснили следующие особенности:

(i) В современном сербском языке глагол *крнути* в сопровождении *ДА*-конструкции обозначает не только физическое перемещение в пространстве, но и начальную фазу действия, выраженную главным глаголом, выступающего в роли фазисного глагола;

(ii) Главными условиями для фазисного употребления глагола *крнути* являются семантические типы главных глаголов и типы выражаемых ситуаций, типы субъектов, а также виды главных глаголов;

(iii) Данная конструкция, появившаяся сравнительно недавно в истории сербского языка, находится в процессе развития, и мы ожидаем, что данная конструкция будет более стабильной и грамматикализованной в дальнейшем;

(iv) Замена начинательного глагола *почети* глаголом *крнути* возможна в большинстве случаев, но она невозможна, когда фазисный глагол сочетается с глаголами состояния.

В настоящей работе мы остановились лишь на некоторых главных вопросах употребления сербских глаголов *крнути* – *кртати* в сопровождении *ДА*-конструкции. Нужно отметить, что остаются вопросы, которые требуют детальной проработки и рассмотрения. Дальнейшие исследования будут посвящены этим вопросам.

Список условных сокращений

ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CONJ – союз; COP – связка; IPFV – несовершенный

вид; N – имя существительное; PFV – совершенный вид; REFL – возвратное местоимение.

Литература

- АСП – М. *Јошић-Вишњић*. Антологија српских приповедача XIX и XX века. Београд: Филип Вишњић. 1999.
- КССЯ – Д. *Витас*. и др. Корпус савременог српског језика. Београд: Матемачки факултет Универзитета у Београду. 2013.
- Падучева 2004 – Е.В. *Падучева*. Динамическе модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- СМС – Речник српскохрватскога књижевног језика. I-III. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска. IV-VI, Нови Сад: Матица српска, 1967-1976.
- СС – В. *Стефановић Караџић*. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма. Беч, 1818.
- ССАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд: САНУ.
- ССЯ – Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2007.
- Храковский 2007 – В.С. *Храковский*. Фазовость. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Москва: URSS. 2007. С. 153-195.
- Langacker 2002 – Langacker, Ronald W. Abstract motion. // *Concept, Image, and Symbol: The cognitive basis of grammar*, 2nd edition. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 149-163.
- Vendler 1967 – Vendler, Zeno. Verbs and Times. // *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press. P. 97-121.

О БИАСПЕКТУАЛЬНОСТИ РУССКОГО ГЛАГОЛА *БЫТЬ*

The article deals with the aspectual properties of the Russian verb *BYT'* 'to be'. Two meanings of *BYT'* are in focus of attention – **locative** *BYT'* (as in *Kreslo na verande*) and **dynamic** *BYT'* (as in *Ja nikogda ne byl na Bosfore*), Ju.D. Апресян calls it *BYT' of movement*. Russian dictionaries treat *BYT'* as a verb of imperfective aspect. I present five arguments in favor of the idea that dynamic *BYT'* has not only imperfective, but also perfective features and is, thus, biaspectual.

В толковых словарях русского языка *быть* представлен как глагол несовершенного вида. Но так ли это на самом деле?

Подозрения о том, что *быть* в современном русском языке может употребляться как глагол совершенного вида (СВ), возникли в рамках проекта, посвященного генитиву отрицания, см. [Partee et al. 2012]. В контексте проблемы генитива отрицания рассматривались два значения *быть*, экзистенциальное и локативное, см. [Lyons 1968, Арутюнова 1976, Babby 1980], которые различаются и в синтаксическом, и в аспектуальном отношении.

1. Глагол *быть* и генитив отрицания

Экзистенциальное значение *быть* (как в примере *На веранде есть кресло*) имеет форму *есть* в наст. времени и генитивный субъект при отрицании. **Локативное** *быть* (как в *Кресло на веранде*) имеет нулевую форму настоящего времени. Оказалось, однако (см. [Падучева 1992]), что есть два разных *быть* с нулевой формой настоящего времени и локативным актантом: собственно локативное, **стативное**, которое предпочитает генитивную конструкцию отрицания, см. (1а), и **динамическое**, которое не допускает генитивной конструкции, см. (1б):

- (1) а. *Отца не было на море;*
б. *Отец никогда не был на море, ср. *Отца никогда не было на море.*

В контексте проблемы генитива отрицания основным предметом внимания было собственно локативное, стативное значение, поскольку оно допускает генитивный субъект. Было установлено, что генитив выражает присутствие **синхронного наблюдателя в ситуации отсутствия**. Так, в предложении (1а) у *быть* актуально-длительное значение несовершенного вида (НСВ), и генитивный субъект выражает присутствие наблюдателя. Идея о том, что за генитив субъекта в локативном контексте отвечает наблюдатель, была поддержана в [Timberlake 2004: 311, Perelmutter 2005]. Подробнее об эвиденциальности, выражаемой генитивной конструкцией, см. в [Падучева 2013].

Важно иметь в виду, что генитивный субъект не обязателен для актуально-длительного значения локативного *быть* – в (2) то же частновидовое значение, актуально-длительное (иначе – прогрессив), совместимо с номинативным субъектом, см. [Падучева 2006] (примеры такого рода были предложены В.Б. Борщевым на семинаре под руководством Барбары Парти в рамках проекта, посвященного генитиву отрицания):

- (2) *Отец не был на море, когда началась гроза.*

Дело в том, что актуально-длительное значение несов. вида требует синхронной перспективы, иначе – **синхронного ракурса**. А ракурс может быть задан не только дейктически, т.е. подразумеваемым наблюдателем, как в (1а), но и включенным обстоятельством времени, как в (2).

Итак, у стативного локативного *быть* субъект при отрицании преимущественно (хотя и не обязательно) генитивный, а вид всегда несовершенный. Теперь обратимся к динамическому значению *быть*, при котором субъект глагола однозначно номинативный, а аспектуальная характеристика неясна.

В [Апресян 2009: 446–447] локативное динамическое *быть* было отделено от локативного стативного и охарактеризовано как **переместительное** (в словарях оно толкуется как 'приходить', 'приезжать', 'посещать'), так что локативным является только стативное *быть*. В [Апресян 2009] все значения *быть* были подробно описаны с лексикографической точки зрения, и на это описание я существенно опираюсь в дальнейшем. Далее сочетания «динамическое *быть*» и

«переместительное *быть*» употребляются как синонимы; стативное локативное *быть* называется просто локативным.

2. Аспектуальная маркированность глагольной основы в славянских языках

Принципиальное отличие категории вида в славянских языках от вида в таких языках, как, например, английский или итальянский, состоит в том, что в славянских языках глагол всегда является либо перфективным, либо имперфективным. Есть **биаспектуальные** (= **двувидовые**) глаголы, типа *казнить*, *завещать*, но их естественно трактовать как омонимичные.

Существуют две точки зрения относительно статуса категории вида – является ли вид грамматической категорией (так что *открывать* – форма НСВ глагола *открыть*), или же отношение между глаголами в видовой паре является **словообразовательным**. В той сфере глагольной лексики, на которой определено понятие **чистовидовой пары** [Маслов 1948], вид можно трактовать как **словоизменительную** грамматическую категорию, так что сов. и несов. вид являются формами одного глагола. Но это не исключает возможности говорить о глаголах сов. и несов. вида. В самом деле, имеется множество глаголов, которые в видовые пары не входят, т.е. являются глаголами *perfectiva* или *imperfectiva tantum*. При этом все глаголы несов. вида, независимо от их парности или непарности, обладают какими-то общими грамматическими свойствами, и то же можно сказать о глаголах сов. вида. Дело, однако, в том, что парные глаголы несов. вида обладают, кроме того, свойствами, которых у непарных нет.

Имперфективные глаголы в русском языке имеют следующие общие свойства (ср. [Маслов 2004: 117]).

А. Имеют аналитическую форму будущего времени (*буду писать*).

В. Могут употребляться в наст. времени в значении единичного действия (*в этот момент пишу*).

С. Сочетаются с фазовыми глаголами (*начал, продолжал писать*).

Д. Сочетаются с показателями включенного времени, термин из [Падучева 1996: 168] (*Когда я пришел, Вася писал письмо другу*). Временной интервал, занимаемый глаголом *пришел*, включен в интервал, занимаемый глаголом *писал*.

Е. Сочетаются с показателями длительности (*Он горевал два года*).

Ф. Сочетаются с показателями узуальности и неопределенной кратности (*часто заходил, обычно заходит*). Кроме того, глагол НСВ, сам по себе, может обозначать множественную (многократно воспроизводимую) ситуацию, ср. многократное *Он приходит домой поздно* от единичного *Он пришел домой поздно*.

Общие свойства перфективных глаголов.

А. Имеют форму простого будущего (*напишу*).

В. Не могут употребляться в наст. времени в значении единичного действия (иначе: не имеют формы наст. времени; так называемый морфологический презенс имеет, как правило, значение будущего времени; об исключениях см. [Зализняк (в печати)]).

С. Не сочетаются с фазовыми глаголами (**начал написать*).

Д. Не сочетаются с показателями включенного времени; так, в предложении *Когда я пришел, Вася написал письмо другу* мой приход может быть понят как имевший место до или после, но не во время написания письма, [Tatevosov 2011].

Е. Не сочетаются с показателями длительности.

Ф. Не сочетаются с показателями узуальности и неопределенной кратности (**часто зашел*). В контексте *три раза поцеловал* глагол СВ обозначает одно единое событие.

Эти признаки сочетаемостные, но они имеют очевидную семантическую основу. Так что вид – это **номинативная** грамматическая категория [Зализняк 1967: 23] – такая, как число или время (а не **синтаксическая** – не такая, как падеж или, тем более, род).

Можно думать, словоизменительная и словообразовательная терминология в сфере глагольного вида не противоречат одна другой. Глаголы, которые являются членами чистовидовой пары, например, *открыть* – *открывать*, *написать* – *писать*, в одних случаях удобно называть формами одного глагола, а в других – разными глаголами. Как выяснится в дальнейшем, главное, что важно для аспектуальной атрибуции глагола *быть*, – это вхождение в видовую пару: есть ли у

глагола НСВ парный СВ, или же он принадлежит к классу *imperfectiva tantum*.

Тогда вопрос можно поставить так. Является ли *быть* в современном русском языке глаголом класса *imperfectiva tantum*, как утверждает большинство словарей, или же он употребляется, в разных контекстах, в значении не только несовершенного, но и совершенного вида, т.е. является биаспектуальным.

3. Двухнаправленное результативное значение переместительного *быть*

Итак, в [Апресян 2009: 443] различается *быть* ‘находиться’, локативное, и *быть* ‘прибывать куда-либо’, переместительное. Локативное *быть* – это примерно то же, что стативное *быть* в [Падучева 1992]; *быть* переместительное – это примерно то же, что динамическое *быть* в [Падучева 1992]. Но с одной оговоркой. В [Апресян 2009: 447] (равно как и в тех словарях, которые признают переместительное *быть*) считается, что номинативный субъект у переместительного *быть* может быть только одушевленным. В самом деле, во многих контекстах неодушевленный субъект в номинативе невозможен, см. (3а). Однако для примеров (3б, в) мы легко домысливаем ситуацию, когда неодушевленный номинативный субъект у переместительного *быть* вполне уместен:

(3) а. **Мой паспорт не был в сумке* → *Моего паспорта не было в сумке*.

б. *Этот костюм не был в химчистке*;

в. *Шампанское не было в холодильнике*.

В Апресян 2009 вид глагола *быть*, у всех его значений, указан как несовершенный – с пометой о том, что парного совершенного нет. Между тем, если взять один из приведенных примеров, скажем, (4), то эта аспектуальная характеристика ему не подойдет:

(4) *Вы будете к нам завтра?* (А. Гончаров).

Толкование *быть* переместительного гласит: А1 *был* в А2 = ‘Человек А1 переместился в А2 и находился там какое-то время <...>’. Т.е. перемещение представлено, в случае прош. времени, в совершенном виде. Очевидно, и для (4), с будущим временем, это толкование представляет вид глагола *быть* как совершенный.

Конечно, можно было бы остановиться на заявлении, сделанном в [Зализняк, Шмелев 2000: 10], о том, что глагол *быть* «не принадлежит ни к тому, ни к другому виду». Однако более плодотворной представляется попытка найти для глагола *быть* место в аспектуальной системе русского языка и дать непротиворечивую аспектуальную характеристику его употребления в разных контекстах.

В [Апресян 2012] у *быть* в предложении (5а) и в соответствующем отрицательном (5б), с номинативной конструкцией, усматривается переместительное лексическое значение и **результативное двухнаправленное** значение несов. вида – ‘результат достигнут и аннулирован противоположно направленным действием или событием’. Предлагаются следующие перефразировки:

(5) а. *Сегодня отец уже **был** на море* [≈ ‘уже ходил’],

б. *Сегодня отец еще **не был** на море* [≈ ‘еще не ходил’].

Поначалу возникает желание предложить для *был* в (5а) и (5б) другие перефразировки и значение местонахождения, а не перемещения:

(5') а. *Сегодня отец уже **был** на море* = ‘уже находился <некоторое время>’,

б. *Сегодня отец еще **не был** на море* = ‘еще не находился <никакое время>’.

Сравни похожие употребления другого глагола несов. вида:

(6) а. *Сегодня отец уже **работал** в саду* = ‘уже работал <некоторое время>’,

б. *Сегодня отец еще **не работал** в саду* = ‘еще не работал <никакое время>’.

Однако чтобы идентифицировать аспектуальное значение *быть* в примере (5) как результативное двухнаправленное действительно есть основания.

Результативное двухнаправленное значение могут иметь только такие глаголы НСВ, у которых есть парный СВ – например, *открывать*, *выезжать*, *зажигать* и под. Совершенный вид такого глагола обозначает действие, имеющее результат, и только поэтому в несов. виде они могут обозначать действие, результат которого аннулирован противоположно направленным действием или событием. См. известный пример – в одном из значений предложение (7) означает ‘машина выехала и вернулась обратно’:

(7) *Машина выезжала из гаража.*

Ясно, что говорить о двунаправленном результативном значении *быть*, глагола НСВ, можно только при условии, что у него есть парный СВ, т.е. если это *быть* не является глаголом *imperfectivum tantum*. Ниже будет показано, что это условие выполняется – что парный СВ у динамического глагола НСВ *быть* действительно есть, только омонимичный. Иначе говоря, будет показано, что динамическое *быть* является не глаголом класса *imperfectiva tantum*, а биаспектуальным, т.е. употребляется как в имперфективных, так и в перфективных контекстах (иначе – как в значении глагола НСВ, так и в значении глагола СВ).

4. Динамическое *быть* как биаспектуальный глагол

Итак, утверждается, во-первых, что есть переместительное *быть*, глагол совершенного вида, причем **моментальный**, т.е. не имеющий актуально-длительного значения – такой, как, например, у глаголов *прийти, найти*; во-вторых, – что есть омонимичный, парный к нему, глагол *быть* несовершенного вида, имеющий, как полагается парному имперфективу от моментального глагола СВ, только **тривиальные** значения – многократные или общефактические, в частности, результативное двунаправленное.

Ниже приводится несколько аргументов в пользу того, что переместительное *быть* может употребляться как глагол СВ.

Первый аргумент – это результативное двунаправленное значение несов. вида, постулированное для переместительного *быть* в [Апресян 2012].

Ясно, что это значение невозможно для НСВ глагола *imperfectivum tantum*, который не имеет парного СВ. Возьмем, например, глагол *плавать*, непарный. Он имеет в (8а) и (8б) одно и то же значение – континуальное. Оно не результативное: нет значения достигнутого и потом аннулированного результата. А раз нет результативного значения, значит, нет и значения поступательно-возвратного перемещения, которое развивается из значения аннулированного результата.

- (8) а. *Он сегодня утром **плавал** в Мертвом море;*
б. *Ты хоть раз **плавал** в Мертвом море?*

Между тем у *быть* динамического есть значение достигнутого и потом аннулированного результата; это значит, что динамическое *быть* в примере (5) – это не глагол *imperfectivum tantum*, а глагол несов. вида, парный к тому же *быть* в значении СВ. Так что в переместительном значении глагол *быть* биаспектуальный. В примере (5) он выступает как глагол НСВ в общефактическом результативном двунаправленном значении:

- (5) а. *Сегодня отец уже **был** на море* [≈ ‘уже пришел на море и вернулся’];
б. *Сегодня отец еще **не был** на море* [≈ ‘еще не ходил’].

Такое же значение имеет переместительное *быть* в контексте показателя многократности:

- (9) *Я **два раза был** на Мертвом море* [≈ ‘два раза приехал и вернулся’].

Точнее было бы приписать глаголу *быть* в предложении (5а) значение ‘начал быть’ – компонент «начинательность» усматривается у глагола СВ в [Wierzbicka 1967] и [Гловинская 1982]; остальные компоненты возникают как имплицатуры.

Второй аргумент в пользу того, что переместительное *быть* – это глагол СВ.

Переместительное *быть* может выражать не только двунаправленное, как в (5), но и однонаправленное перемещение, выступая при этом как глагол СВ. Это хорошо видно на примере (10), где временной адвербиал задает момент прибытия:

- (10) а. *Врач **будет** ровно в шесть / ближе к вечеру* [*будет* = ‘прибудет’];
б. *Врач **был** ровно в шесть / ближе к вечеру* [*был* = ‘прибыл’].

Переместительное значение *быть* демонстрирует также пример (11):

- (11) а. *А теперь, пока он **очухается**, мы **будем** уже далеко* = ‘мы уже далеко уйдем’.
б. *Пока он **очухался**, мы **были** уже далеко* = ‘мы уже далеко ушли’.

В принципе, употребление *быть* в значении СВ в большей степени свойственно будущему времени. Однако примеры (10б) и (11б) свидетельствуют о том, что это возможно и в прошедшем.

Пример (12) показывает, что *быть* взаимодействует с временным адвербиалом иначе, чем,

например, *сидеть*, однозначный imperfectivum tantum, – при *быть* временной адвербиал может задавать момент начала состояния пребывания, а при *сидеть* – нет:

- (12) а. *В тот день он **был** дома ровно в шесть;*
б. *?В тот день он **сидел** дома ровно в шесть.*

У динамического *быть* адвербиал задает момент начала состояния пребывания. Правда, есть глагол *обедать*, при котором адвербиал задает начало деятельности¹⁶²:

- (13) а. *В тот день он **был** дома ровно в шесть = ‘в шесть началось состояние, обозначаемое глаголом НСВ’;*
б. *В тот день мы **обедали** ровно в шесть = ‘в шесть мы начали деятельность, обозначаемую глаголом НСВ’.*

См. примеры употребления глагола *обедать* из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), которые это подтверждают:

(14) а. *посидев до шести, возвращался к обеду; **обедали** в семь.* Андрей Белый. Между двух революций (1934).

б. *Трое совершенно незаинтересованных свидетелей показали, что в день убийства Кузнецов пришел с работы в восемь часов утра, спал до трех четвертей двенадцатого, потом пошел в столовую, где **обедал** в двенадцать, а в час дня опять стоял у рабочего станка на фабрике.* В.Г. Короленко. Черты военного правосудия (1910).

в. *В Панелле мы жили по-деревенски: **обедали** в два часа и ужинали в десять.* Ф.И. Буслаев. Мои воспоминания (1897).

Это свойство *обедать* делит не только с *ужинать* и *завтракать*, но и с другими регулярно совершаемыми действиями, например, *делать зарядку*:

*Мальчишки каждое утро, как это у отца принято, в половине седьмого **делали зарядку**.* Татьяна Тарасова, Виталий Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001).

Глагол *обедать* заслуживает внимания, но не является глаголом СВ.

Третий аргумент в пользу существования *быть* как глагола СВ касается только отрицательной конструкции. А именно, имеется следующее различие между динамическим и локативным *быть*. У глагола *быть* в локативном значении форма наст. времени нулевая; но отрицательная форма наст. времени у локативного *быть* не нулевая – это *нет*, так что под отрицанием локативное *быть* имеет, наряду с формой прошедшего (и будущего), также и форму настоящего времени:

- (15) а. *Коли [Genitive] **нигде не было** [локативное *быть*, прош. время];*
б. *Коли [Genitive] **нигде нет** [локативное *быть*, наст. время].*

А у динамического *быть*, в отрицательной конструкции, **нет** формы наст. времени со значением прогрессива – что естественно для глагола СВ, см. в разделе 2 признак В перфективных глаголов:

- (16) а. *Коля [Nominative] **нигде не был** [динамическое *быть*, прош. время];*
б. — [динамическое *быть*, наст. время].

У обычного моментального глагола СВ, например, у *зайти*, есть парный НСВ *заходить*. Наст. время глагола *заходить* не употребляется в значении прогрессива, но форма наст. времени есть, и она может употребляться в других синхронных значениях, например, в узуальном:

- (17) *Он **время от времени** к нам **заходит**.*

Между тем у парного НСВ динамического *быть* этой формы нет. Значение, близкое к (18б), можно выразить с помощью глагола *бывать*, у которого есть узуальное значение; но *бывать* – это другой глагол:

- (18) *Коля **нигде не бывает**.*

Итак, для динамического глагола СВ *быть* в отрицательной форме парный глагол несом. вида есть, но он употребляется только в несинхронных временах – *не был*, прошедшее, и *не буду*, будущее. А формы наст. времени у этого глагола нет. Т.е. форме *нет* недоступны никакие значения наст. времени динамического глагола *быть* – не только прогрессив, но и узуальное и наст.

¹⁶² За глагол *обедать* я благодарна Эстену Далю.

историческое, которые у обычного имперфектива моментального глагола, типа *приходить, заходить*, есть. Отсутствие каких бы то ни было синхронных значений – это свойство динамического *быть* которое отличает его от других моментальных глаголов. Возможно, это следствие того, что эта форма должна была бы быть нулевой.

Четвертый аргумент в пользу того, что у *быть* есть свойства, которые сближают его с перфективным *дать*, – это форма буд. времени: если бы *быть* был глаголом только несов. вида, то форма буд. времени у него должна была бы иметь вид *буду быть*, см. в разделе 2 признак А имперфективных глаголов. Типологически, форма будущего времени глагола *быть*, образованная по модели несовершенного вида, не исключена, и то, что у *быть* нет формы аналитического будущего, – свидетельство того, что *быть* ведет себя морфологически как глагол совершенного вида.

Пятый аргумент в пользу существования перфективного *быть*, – это ограничения сочетаемости переместительного *быть* с временными адвербиалами в отрицательном предложении. Переместительное *быть*, как всякий глагол СВ, не может быть употреблено:

а) в контексте включенного показателя времени, см. в разделе 2 признак D;

б) в контексте показателя времени, «сплошь заполненного действием», типа *весь год, целый день* (в отличие от просто *год* или *два года*) и под. Точнее это показатели длительности. Они требуют синхронной перспективы и полностью принадлежат сфере имперфективности, см. в разделе 2 признак Е.

То же касается парного имперфектива: переместительное *быть* в НСВ недопустимо в тех контекстах, которые требуют глагола со значением состояния или деятельности: переместительное *быть* может обозначать только многократное событие.

Обычное обстоятельство длительности не является препятствием для парного НСВ переместительного *быть*, поскольку в этом контексте *быть* может обозначать не только продолжительность состояния отсутствия, но и продолжительность **состояния ненаступления** события (обозначаемого глаголом *быть* сов. вида). О состоянии ненаступления см. [Падучева 2010]. Так, (19) неоднозначно:

(19) *Я неделю не был дома* =

(i) ‘неделю отсутствовал’;

(ii) ‘за неделю ни разу не побывал’.

А обстоятельство времени, целиком занятое ситуацией (типа *целый год*), допускает только локативное – стативное понимание *быть*, и потому исключает *быть* НСВ в значении многократного события:

(20) *Я не был дома всю неделю*

= ‘отсутствовал’;

≠ ‘ни разу не побывал’.

В (21) значение *быть* однозначно переместительное, поскольку постоянное пребывание исключено по прагматическим соображениям:

(21) *Костюм не был в химчистке два года* [*быть* переместительное = ‘за два года ни разу не побывал’].

В (22а) непрерывное отсутствие костюма в химчистке выражает генитив (т.е. наблюдатель в Месте), а в (22б) – обстоятельство времени «целиком заполненного»; поэтому обе фразы аномальны:

(22) а. **Костюма не было в химчистке два года*.

б. **Костюм не был в химчистке весь год*.

5. Словообразовательный потенциал глагола *быть*

Существенно, что основа глагола *быть* совместима с префиксами *при-* и *от-*, которые обозначают направление движения (*прибыть, отбыть*) – состояния не имеют направления. Так что основа глагола *быть* в русском языке (в отличие, например, от глагола *находиться*) готова к семантической деривации от местонахождения к перемещению.

6. История вопроса

Значение сов. вида ‘стать’ у глагола *быти* признается для русского языка XVI–XVIII в. в статье [Живов, Успенский 1997]. Это атрибутивное *быть*, т.е. *быть* 1.1 по [Апресян 2009] – со значением ‘объект или явление X находится в состоянии или обладает свойством Y’.

Употребление *быть* атрибутивного в значении ‘стать’, т.е. в значении СВ, допустимо и в современном языке. Это употребление более распространено в будущем времени. Так, в контексте (23а), где время будущее, допустимо *быть* в значении ‘начать быть’, ‘стать’, а в (23б), где время прошедшее, недопустимо:

(23) а. *Пока мы приедем, будет темно* [*быть* в значении СВ: *будет темно* = ‘станет темно’ = *стемнеет* = ‘начнет быть темно’].

б. *Пока мы приехали, стало темно / стемнело* (**было темно*).

Идея о том, что и в современном русском языке *быть* может употребляться как глагол СВ, была высказана в работе [Miller 1974], но только для будущего времени. На самом деле, перфективное *быть* возможно и в прошедшем.

В контексте предикатива значения *быть* НСВ, как в (24а), и *быть* СВ, как в (24б), различаются ровно на начинательность – *быть* [СВ] = ‘начать *быть* [НСВ]’:

(24) а. *Когда выезжали, было* [НСВ] *темно*.

б. *Пока доедем, будет* [СВ] *темно*.

В самом деле, *будет темно* = ‘стемнеет’ = ‘станет темно’ = ‘начнет быть темно’.

Иными словами, *быть* в (24б) трактуется как форма СВ с начинательным значением, производная от *быть* НСВ, как в (24а):

будет [СВ] *темно* = начинательность + *будет* [НСВ] *темно* = ‘начнет быть темно’.

Начинательное соотношение признается в [Гловинская 1982: 91–101] для большого массива видовых пар, например, для *возглавлять* – *возглавить*, *заслонять* – *заслонить*, *понимать* – *понять*. Важные соображения о начинательности см. в [Короткова, Сай 2006, Зализняк, Шмелёв 2002].

Возникает вопрос, почему в локативном контексте *быть* в значении СВ, начинательном, как в (25б), признано отдельной лексемой – переместительным *быть*, а не видовым партнером к *быть* стативному, как в (25а):

(25) а. *В шесть врач был уже в больнице* = ‘в шесть врач уже **находился** в больнице’
[НСВ, *быть* стативное];

б. *Врач будет в больнице ровно в шесть* = ‘ровно в шесть врач **начнет находиться** в больнице и будет находиться некоторое время’ [СВ, *быть* переместительное].

Убедительный ответ дать не так просто. Достаточно сказать, что переместительное значение у *быть* признают все толковые словари (единственное исключение – словарь Ожегова).

7. Еще один аргумент: таксис

Глагол *быть* обнаруживает таксисные свойства, характерные для глаголов СВ, а именно, употребляется в повествовании после однозначного глагола СВ для обозначения последующего события:

«Гениально! Шедеврально!» — прокричал он популярнейшее восклицание своих студенческих пятидесятых и **был** таков. В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005).

Конечно, *был таков* – идиома, но лексическое значение *быть* тут однозначно адъективное, а аспектуальное – однозначно перфективное.

8. Эвиденциальность

В [Падучева 2004: 467] утверждалось, что генитивная конструкция может трактоваться как способ выражения противопоставления по эвиденциальности – в (26а) генитив субъекта выражает присутствие наблюдателя, а в (26б), с номинативным субъектом, наблюдателя нет.

(26) а. *Бутылки не было в холодильнике*;

б. *Бутылка не была в холодильнике*.

Сейчас ясно, что пример (26) не может быть принят как демонстрирующий грамматически выраженную эвиденциальность. Дело в том, что глагол *быть* в (26а) и в (26б) имеет разную лексическую семантику. В (26а) локативное стативное *быть*, глагол класса *imperfectiva tantum*, в несом. виде с актуально-длительным значением. А в (26б) переместительное *быть*; аспектуальная

характеристика *быть* – двунаправленное общефактическое значение несов. вида.

Чистое присутствие наблюдателя, выраженное генитивом отрицания, скорее демонстрирует пара (1а) – (1б) из раздела 1:

(1а) *Отца не было на море* [когда там был наблюдатель];

(1б) *Отца не был на море, когда началась гроза* [нет наблюдателя].

Итак, аспектуальный портрет глагола *быть*, в трех рассмотренных его значениях, выглядит следующим образом.

Атрибутивное *быть*, лексема *быть* 1.1 по [Апресян 2009], в будущем времени биаспектуальна, т.е. может иметь значение ‘стать’, а в прош. времени употребляется только в значении имперфектива. Локативное стативное *быть*, т.е. *быть* 2.1 по [Апресян 2009], – это глагол *imperfectivum tantum*. Переместительное *быть*, т.е. *быть* 2.2 по [Апресян 2009], – это моментальный глагол, биаспектуальный. В СВ он имеет значение ‘прибыть’, т.е. ‘начать находиться’. В НСВ имеет только тривиальные употребления – многократные и общефактические (в том числе – двунаправленное), как это свойственно моментальным глаголам СВ. Переместительное *быть* не имеет формы наст. времени, так что, в отличие от обычных моментальных глаголов, не употребляется в наст. времени в узуальном значении и в наст. историческом.

Не исключено, что *быть* выступает как глагол СВ и в каких-то других значениях, ср. *Ему за это ничего не было* ≈ ‘ему за это не попало’; ср. невозможность употребления *быть* в этом значении в наст. времени. Или: *От тебя писем не было* ≈ ‘от тебя писем не пришло’.

Признав за *быть* возможность выступать в значении СВ, мы получаем объяснение целому ряду особенностей его поведения, таких как:

– отсутствие у переместительного *быть* формы наст. времени, в том числе и отрицательной, которая у локативного *быть* ненулевая;

– простая, а не аналитическая форма будущего времени – *буду*, а не *буду быть*;

– наличие направительных валентностей;

– ограничения на сочетаемость с адвербиалами: будучи имперфективом от моментального глагола, переместительное *быть* в имперфективе обозначает многократное событие, а не континуальный процесс.

Литература

- Апресян 2009 — Ю.Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М., 2009.
- Апресян 2012 — Ю.Д. Апресян. Грамматика глагола в активном слове русского языка. // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. в честь И.А. Мельчука. М.: ЯСК, 2012.
- Арутюнова 1976 — Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Гловинская 1982 — М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Живов, Успенский 1997 — В.М. Живов, Б.А. Успенский. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI – XVIII веков. // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. III. М., 1997.
- Зализняк 1967 — А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк, Шмелев 2000 – Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии // М.: ЯРК, 2000.
- Зализняк (в печати) — Анна А. Зализняк. Презенс совершенного вида в современном русском языке. // Die Welt der Slaven (в печати).
- Зализняк, Шмелёв 2002 — Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелёв. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения. // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 211–224.
- Короткова, Сай 2006 — Н.А. Короткова, С.С. Сай. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация. Доклад на II Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 2–4 ноября 2006 г.
- Маслов 1948 — Маслов 1948 – Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // ИАН СЛЯ. 1948. Т. 7. № 4.
- Маслов 2004 — Маслов 2004 – Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004
- Падучева 1992 — Е.В. Падучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть*. // Russian Linguistics. V. 16. 1992. С. 53–63.
- Падучева 1996 — Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. Изд-е 2-е, 2010.

- <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf>
- Падучева 2004 — Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>
- Падучева 2006 — Е.В. Падучева. Родительный отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания. Известия РАН. Серия литературы и языка, 2006, N4, 3-10. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/genitiv_OL'A-2007.pdf
- Падучева 2010 — Е.В. Падучева. Имперфектив отрицания в русском языке. Вопросы языкознания, 2008, N 3, 3-21. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/imperf_negation_VJa1.pdf
- Падучева 2013 — Е.В. Падучева. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // РЯНО. 2013. № 2(26). С. 9–29.
- Babby 1980 — L. H. Babby Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Caroma Publishers, 1980.
- Partee et al. 2012 — B. Partee, V. Borschev, E. Paducheva, Y. Testelefs and I. Yanovich. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality. // The Russian Verb. Oslo Studies in Language. 4(1). Eds. A. Grønn and A. Pazel'skaya. P. 1–29. <http://www.journals.uio.no/osla>.
- Lyons 1968 – J. Lyons. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
- Miller 1974 — J. Miller. "Future tense" in Russian. // Russian Linguistics. V. I. 1974. P. 255–270.
- Perelmutter 2005 — R. Perelmutter. Case choice in Russian genitive/nominative absence constructions. // Russian linguistics 2005. P. 319–346.
- Tatevosov 2011 — Tatevosov S. Severing Perfectivity from the Verb. Scando-Slavica 57:2, 2011, 216–244.
- Timberlake 2004 — A. Timberlake. A reference grammar of Russian. Cambridge. Cambridge UP, 2004.
- Wierzbicka 1967 — Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague; P.: Mouton, 1967. P. 2231–2249.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ВИДОВАЯ СЕМАНТИКА И СТРАТЕГИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВИДОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Analysis of aspect usage distinctions between Russian and Czech is conducted taking into account the peculiarities of the category of aspect systemic organization, aspect opposition, as well as category meaning of perfect and imperfect aspect in each language. For the Russian perfect aspect the idea of a limit as a temporal border of actions is more significant; as far as the Czech language is concerned - the idea of totality prevails. These categorical differences define basic strategies in the usage of aspect in the contrasted languages and the degree of interaction between perfect aspect and future time in such forms as *pridet, přijde*.

Key words: verbal aspect, Russian, Czech, perfect, imperfect

1. Основные результаты сопоставления аспектуальных систем русского и чешского языков

1.1. Вступление. Накоплен большой материал по сопоставительному изучению употребления видов в славянских языках (см. работы Ю.С. Маслова, А.В. Исаченко, М. Докулила, Св. Иванчева, А.Г. Широковой, А. Стуновой, С. Дики, Е.В. Петрухиной и др.). Всесторонне изучен вопрос о разной функциональной активности видов в славянских языках, в частности о преобладании глаголов несовершенного вида (НСВ) в настоящем историческом, при обозначении повторяющихся действий, в отрицательных конструкциях в русском языке и глаголов совершенного вида (СВ) в чешском. Имеются и другие различия в употреблении видов между этими языками, например в пассивных конструкциях и при обозначении прошедших действий (как отдельных, так и составляющих нарративную цепочку). В публикациях автора данной статьи были предложены **объяснения** выявленных различий [Петрухина 2003, 2005, 2009, 2013, 2015]. Настоящая статья продолжает объяснительную линию в исследовании употребления видов в русском и чешском языках на основе анализа расхождений в категориальной семантике видов между данными языками. В первом разделе проводится обобщение основных результатов сопоставительных исследований автора, изложенных в статьях, опубликованных за последние двадцать лет, что позволяет развить некоторые положения авторской аспектуальной теории, а также поставить вопрос о языковых стратегиях употребления видов.

1.2. Категориальная семантика и функции глаголов СВ. Согласно классическим работам российских и зарубежных славистов, в видовых системах славянских языков наибольшей значимостью обладают два концепта: 'временной границы, или ограничения действия временным пределом' (В.В. Виноградов, Р. Якобсон) и 'целостности' действия (Ю.С. Маслов, С. Иванчев, А.В. Бондарко, А.И. Исаченко, С. Дики, грамматики славянских языков). В работах А.В. Бондарко последних двух десятилетий и в Русской грамматике 1980 [РГ 1980: 586] при определении категориальной семантики видов используются оба концепта. «Мы рассматриваем категориальное значение СВ как комплекс близких, но все же отличающихся друг от друга признаков, составляющих единство «Ц–ОГР» – «ограниченное пределом целостное действие» [Бондарко 2002: 370]. При этом признак ОГР трактуется А.В. Бондарко как исходный, для русского языка иерархически более важный. В недавнем монографическом исследовании семантики русского вида И. Б. Шатуновский также называет «наиболее адекватным» для русского языка «определение СВ как содержащего указание на ограничение действия пределом (и НСВ – как не содержащего такого указания)» [Шатуновский 2009: 31]. Заметим, что предел как граница действия допускает двоякую интерпретацию: «изнутри», со стороны самого действия (ср. используемые в аспектологических работах такие определения семантики СВ, как 'завершенность', 'результат'), и «снаружи», т.е. с точки зрения соотношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями (ср. 'смена ситуации', 'начало новой ситуации', 'возникновение новой ситуации'). Мы хотели бы обратить внимание на то, что необходимо различать лексический и грамматический предел действия. В первом случае речь идет о внутреннем (качественном) пределе, который может быть выражен в лексическом значении глаголов как СВ, так и НСВ (*сделать / делать, упасть / падать*), а во втором – о грамматическом пределе, в его определении В.В. Виноградовым [Виноградов 1972: 394],

выражаемом в семантике лишь глаголов СВ. Иначе возникают «труднопреодолимые» проблемы теории предельности, как, например, они представлены в [Татевосов 2015: 62-64].

Наши собственные исследования аспектуальных систем русского и чешского языков показали, что славянские языки различаются разным профилированием [Лэнекер 2006: 18] названных категориальных смыслов, т.е. фокусом внимания в рамках единой концептуальной базы.

Для русского глагольного вида и всей аспектуальной системы в целом более значима идея **временной границы действия**, или ограничения действия временным пределом (кратко – идея **предела**); для чешского – **целостности**, единого кванта обозначаемого действия. Актуальность ограничения действия пределом в русской аспектуальной системе проявляется в особенностях функционирования видов (см. ниже), в семантике способов глагольного действия (СГД) со значением начала (с приставками *za-*, *po-*, *y-*), делимитативов (с приставкой *po-*) и др., во взаимодействии вида и времени, вида и залога. Особенности семантики и функций видов и способов глагольного действия в русском языке выявляет сопоставление с чешским языком, в аспектуальной системе которого большее значение имеет смысл **целостности**, или кванта, действия, а граница действия не получает такой актуализации, как в русском языке. О названных аспектуальных расхождениях сопоставляемых языков свидетельствуют приводимые ниже языковые факты. Отметим, что чешский язык в аспектуальном отношении не уникален: большие сходства он проявляет не только со словацким, но и со словенским языком, в отдельных функциональных областях – с сербским, хорватским и польским, в которых категориальная семантика СВ, как и в чешском, связывается также с целостностью [Dickey 2000]. Об аспектуальной близости чешского и словенского писала А. Дерганц [Derganc 2003]. В примечаниях мы приведем некоторые примеры, подтверждающие такую близость (данные словенского языка важны для нас в связи с изучением взаимодействия вида и времени в сопоставляемых языках). О сопоставлении русского и словенского языков см. в [Derganc 2003, 2010]

В чешском языке, в отличие от русского языка, отсутствуют словообразовательные модели глаголов со значением начала деятельности, например: *Vše srazu zaговорили – Všichni začali najednou mluvit*. Дериваты с приставкой *za-* выражают кратковременное проявление действия, имеются словообразовательные модели со значением кванта процесса или деятельности (*za-*, *za- si*), нехарактерные для русского языка. Нет глаголов движения с начинательной приставкой *po-*, ср.: *Юрий пошел домой пешком – Jiří šel domů pěšky*¹⁶³. Если русскому языку свойственно выражение начала спонтанного восприятия при помощи дериватов с приставкой *y-*, то в чешском языке в сходных контекстах начало такого восприятия может быть не выражено: *Он быстро встал, как только увидел, что приближается Иван. – Rychle vstal, jakmile viděl / uviděl, že se blíží Ivan. Он это испортил, вот увидишь – A zkaží to, budeš vidět / uvidíš*¹⁶⁴. Интересно, что при переводе на чешский язык крылатого выражения *Veni, vidi, vici* среди глаголов СВ используется глагол НСВ *vidět*: *Přišel jsem, viděl jsem, zvítězil jsem. – Пришел, увидел, победил.*

У делимитативов (с приставкой *po-*) и сатуративов (*na-* *se*) семантика конечной границы деятельности и достижения критической точки в чешском языке выражена не так четко, как в русском, и требует лексической поддержки (наречия *dost* – *достаточно*): *Мы потренировались, идем домой – Dneska jsme si už dost (po)cvičili, jdeme domů. Вы уже наработались, отдохните. – Už jste se dost napracoval, odpočijte si!*¹⁶⁵. В одном из последних исследований чешского вида отмечается, что делимитативы выражают лишь ограничение временными рамками деятельности или состояния, причем левая граница не выражает начало, а правая не выражает конец деятельности [Veselý 2014: 70].

¹⁶³ Здесь и дальше приведем словенские переводные предложения, обсужденные с А. Дерганц, которые расширяют наши представления о сходствах аспектуальных систем чешского и словенского языков: *Jure je šel domov peš.*

¹⁶⁴ Словен. *Čim je videl, da se bliža Ivan, je hitro vstal. On bo to pokvaril, boš videl.* В словенском языке глагол *videti* является двувидовым.

¹⁶⁵ Словен. *Danes smo že dovolj trenirali, gremo domov. Dosti ste se že nagarali, odpočijte si.* Или: *Zdaj (менерь) ste se že nagarali, odpočijte si.*

В сопоставляемых языках различны правила построения нарративных текстов в плане прошедшего времени. Если в цепочку последовательных действий включается деятельность, то в русском языке обычно выражается ее начальная граница, а в чешском повествовании граница деятельности может остаться невыраженной (это различие подробно описано в целом ряде исследований, прежде всего в [Stunová 1993], а также в работах автора данной статьи, отмеченных в разделе 1.1). В [Петрухина 2015] было показано, что различия в видовой организации страдательного залога в русском и чешском языках также обусловлены особенностями категориальной семантики СВ в этих языках.

Профилирование ограничения действия пределом в граммеме СВ в русском языке усиливает его связь с однократностью и временной локализованностью, что логически понятно. Актуализация границы действия акцентирует его связь со смежной во времени ситуацией, укрепляя локализацию на временной оси, это несовместимо со значением повторения действия, нейтрализующим такие ограничения. Недаром Р. Якобсон в формулировке семантики русского совершенного вида подчеркивал указание на **абсолютную** границу действия. «Мы подчеркиваем “абсолютную”, так как глаголы, обозначающие повторяющиеся начинания и завершения многократных действий, остаются несовершенными (*захаживал*)» [Якобсон 1985: 213]. В этой связи вполне обоснованным предстает определение категориальной семантики СВ в русском (и других восточнославянских языках) в монографии С. Дики как *temporal definitness* (темпоральной определенности, т.е. локализованности) [Dickey 2000: 266-277], но такое определение не объясняет другие семантические черты СВ в русском языке, о которых речь шла выше.

1.3. Особенности семантики глаголов НСВ. Разное профилирование категориального значения СВ в сопоставляемых языках определяет особенности семантики оппозиционной граммемы НСВ. Во всех славянских языках выделяются три основных значения НСВ (каждое в нескольких разновидностях): процессное, неограниченно-кратное и общефактическое [Маслов 2004: 99–102], имеющих несовпадающие функциональные границы в отдельных языках. Фокусировка ограничения действия пределом в граммеме СВ в русском языке укрепляет в граммеме противопоставленного ему НСВ среди основных ее реализаций значение неограниченного повторения. В чешском языке логично предполагать профилирование в категориальном значении НСВ процессной семантики (как противопоставленной целостности), которая проявляется во всех типах значения НСВ [Петрухина 2013].

«Экспансия» НСВ в русском языке связана с его статусом немаркированного члена видового противопоставления. Немаркированность реализуется у граммемы НСВ именно так, как ее описал при характеристике привативной грамматической оппозиции Р. Якобсон [Якобсон 1985: 213, 220-221], см. подробнее [Петрухина 2009]. В русском языке при обозначении повторяющегося действия, в настоящем историческом, в отрицательных конструкциях во многих случаях обязательным является употребление глаголов НСВ, нейтральных в этих контекстах (кроме настоящего исторического изобразительного) к признаку процессности. В чешском языке глаголы НСВ группы *accomplishments* (по З. Вендлеру [Vendler 1967]) на фоне возможных и употребительных глаголов СВ при обозначении повторяющихся действий не являются аспектуально нейтральными (как русские глаголы в подобных контекстах). Так, кратные действия выражаются глаголами НСВ с актуализацией длительности и процесса совершения каждого из повторяющихся действий [Navránek, Jedlička 1960: 226], поэтому более употребительны в этих типах контекста в чешском языке глаголы СВ.

Маркированный характер чешского НСВ в контекстах кратного действия, а также некоторых других (где в русском языке глаголы НСВ процессность вообще не выражают) доказывают и другие языковые факты. Чешские глаголы НСВ не употребляются при выражении повторения случайных действий, относящихся к классу *achievements*, непредвиденный характер которых исключает их процессное восприятие. В этом случае в чешском языке, в отличие от русского, можно использовать только глаголы СВ (а соответствующие вторичные имперфективы во многих случаях вообще не образуются): *Суп она иногда пересаливает* - *Někdy polívku přesolí*¹⁶⁶. В чешском языке не

¹⁶⁶ Словен. *Včasih presoli juho*.

представлено реверсивное значение у глаголов движения (с отменой результата), которое также исключает процессное восприятие действия: *K тебе **приходил** Иван (= был и ушел); Недавно мы **ездили** (**съездили**) в Петербург - Ivan **byl** za tebou; Nedávno **jsme byli** v Petrohradě*¹⁶⁷. В чешском языке нет непроцессных имперфективов типа русских *съесть, вылечивать, приходить*. Такие глаголы или вообще не образуются, либо свободно могут иметь конкретно-процессное значение, как, например, глаголы движения с приставками *při-, do-*. Ср.: *Vidím že přichází.* - *Я вижу, что он приходит¹⁶⁸.

С этих же позиций можно объяснить и различия в употреблении видов между сопоставляемыми языками в функциональной сфере общефактического (ОФ) значения НСВ, когда глаголы НСВ выражают завершённое действие в прошлом без конкретизации характера его протекания во времени (в зависимости от лексического значения и контекста имеют несколько разновидностей [Падучева 1996: 19-23]). В славянских языках при общефактическом значении обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторимая [Мелиг 2013: 28]. Ср. например, предложения типа *Ты когда-нибудь поднимался на эту гору?* (глагол НСВ отсылает к типовой нереперентной ситуации); *Билеты покупала моя сестра* (речь идет о конкретной реперентной ситуации, но она может повторяться)¹⁶⁹. Распределение данных разновидностей ОФ значения НСВ в сопоставляемых языках не совпадает. Первый тип характерен в большей степени для русского языка (что соответствует более сильной позиции неограниченно-кратного значения НСВ в русском языке, чем в чешском). Так, общефактическое типовое в русском языке могут выражать и глаголы НСВ, обозначающие непредвиденные действия (входящие в класс achievements): *Тебя когда-нибудь **кусала** собака? Ты когда-нибудь **терял** паспорт?* В чешском языке такие предложения с НСВ невозможны, только с СВ: **Už tě někdy kousal (НСВ) pes? Ztrátil (СВ) jsi někdy pas? (ztrácel – невозможно)*¹⁷⁰. Эта закономерность также связана с тем, что подобные глаголы НСВ в чешском языке не употребляются в неограниченно-кратном значении.

Второй тип ОФ известен обоим языкам¹⁷¹, но по-разному распределяется в сравниваемых языках в зависимости от лексического значения глагола и типа контекста. Так, в русском языке значение этого типа, как правило, не имеют глаголы НСВ класса achievements. В чешском языке соответствующий тип ОФ в названной семантической группе глаголов представлен, по нашим наблюдениям, шире, чем в русском. Это подтверждается возможностью употребления глаголов НСВ, выражающих непредвиденные нежелательные действия, в особом типе дискурса: в чешских новостных заголовках. Например, в следующей газетной заметке говорится о том, что собака в наморднике, бегавшая по поселку без хозяина, укусила (*pes kousl – СВ*) через намордник человека, пытавшегося ее поймать¹⁷². А в заголовке заметки об этом несчастном случае употреблен глагол НСВ *kousat* : *Pes **kousal** i přes košík – Собака укусила (букв. кусала) и через намордник.* В следующем примере в позиции заголовка спортивной заметки значение процессности приобретает глагол НСВ со значением непредвиденного моментального действия *ztrácel (podání) – ‘терять подачу’*: *Berdych vupadl v Dubaji, hned na úvod čtvrtfinále **ztrácel** podání – Бердых вылетел (из турнира) в Дубае, сразу в начале четвертьфинала он **потерял** (букв. **терял**) подачу.*¹⁷³ В русском языке такое употребление глаголов НСВ абсолютно невозможно.

Рассмотренное дискурсивно ограниченное употребление глаголов НСВ способствует созданию эффекта наглядности и актуализации недавних событий (см. подробнее в [Петрухина

¹⁶⁷ Словен. *Pri tebi je bil Ivan. Pred kratkim smo bili v Peterburgu.*

¹⁶⁸ Словен.: *Glej, oče prihaja!* – *Смотри, папа приходит. О соотношении неограниченно-кратного и процессного значений словенского глагола *prihajati* см. [Дерганц 2015: 173-174].

¹⁶⁹ Славянской универсалией является невозможность употребления НСВ в вопросе об уникальном событии в прошлом, типа *Когда родился Эйнштейн? *Кто писал роман «Война и мир»?

¹⁷⁰ Словен. *Ali si kdaj izgubil (СВ) potni list? Ali te je že kdaj ugriznil (СВ) pes?*

¹⁷¹ Об этом свидетельствуют и примеры на общефактическое значение НСВ из [Vesely 2014: 70] типа *Ty už ses pod to přání podepisoval? – Ты (уже) подписывался под этим ходатайством?*

¹⁷² *Člověk, kterého pes kousl, případ potvrdil. „Po obci volně pobíhal pes, který měl košík. Snažil jsem se ho chytit, ale podařilo se tu kousnout mě do malíčku na ruce”.* http://sokolovsky.denik.cz/zpravy_region/pes20091118.html

¹⁷³ http://www.eurosport.ru/tennis/atp-valencia/2014/story_sto4447791.shtml

2015]). Здесь можно провести аналогию с английскими и американскими газетными заголовками, в которых, «когда речь идет о событиях, происшедших в недавнем прошлом, обычно используется настоящее историческое время: ... Richard Aldington Dies 70, Concorde Lands at Heathrow. ... Употребление настоящего исторического времени придает им живость, приближает события к читателю, делает его как бы участником этих событий и тем самым усиливает его интерес к публикуемому материалу» [Комиссаров 1990: 139]. В чешском и русском языках презентная форма НСВ для такой функции не очень подходит в силу ее неоднозначности: она может выражать и актуальное, и неактуальное, и историческое настоящее, и ближайшее будущее. В чешском языке эффект наглядности в газетных заголовках создают формы прошедшего времени НСВ. Это, по нашему мнению, возможно благодаря отсутствию в чешском языке позиций обязательной нейтрализации видового противопоставления (в ее определении С. Карцевским [Карцевский 2004: 146], см. также [Křížková 1965]) и сохранению глаголами НСВ признаков процессности действия во многих типах контекста, в которых русский НСВ аспектуально не маркирован.

1.4. Ослабление маркированности СВ в чешском языке. Маркированность глаголов НСВ в чешском языке определяет более узкую сферу их функционирования (кроме газетных заголовков) в сравнении с русским языком. Соответственно функциональная область глаголов СВ в чешском языке шире, чем в русском, они свободно употребляются в настоящем историческом, при обозначении повторяющихся действий, в императиве, в отрицательных конструкциях. Широкая сфера употребления глаголов СВ в чешском языке, согласно законам естественной морфологии [Dressler 2003], свидетельствует об ослаблении маркированности СВ. «В конкуренции более маркированных и менее маркированных единиц победу всегда одерживают последние» [Климонов 2006]. Слабая маркированность СВ ведет к тому, что центр выражения некоторых аспектуальных характеристик действия в чешском языке смещается с глаголов СВ на лексические показатели, что сближает чешский язык с неславянскими, например с германскими языками [Петрухина 2005], тогда как в русском языке основным средством выражения аспектуальных характеристик действия остается глагол.

Следствием ослабления маркированности СВ в чешском языке, с нашей точки зрения, является также переход некоторых глаголов СВ в разряд двувидовых (особого типа). Так, префиксальные глаголы со значением способности (*vyznat se* ‘разбираться в чем-л.’, *dověst, dokázat* ‘уметь, мочь’) определяются как перфективные только по формальному признаку: отсутствию аналитической форм будущего времени, а употребляются как глаголы НСВ. Ср. примеры, почерпнутые из чешского интернета: *Nápravědu v opeře si nedovedu představit* (*Я не могу себе представить в опере суфлерство*). Класс таких двувидовых глаголов пополняется глаголами СВ, которые допускают сочетаемость и формообразование как у глаголов НСВ. Так, у двух глаголов *zúčastnit se* (*принять участие*) и *soustředit se* (*сосредоточиться*) (имеющих парные глаголы НСВ *zúčastňovat se* и *soustředovat se*), встречается аномальные для совершенного вида формы аналитического будущего и сочетаемость с фазовыми глаголами. О дискуссии в чешских СМИ по поводу таких форм см. [Петрухина 2009], подробно группы чешских глаголов, вызывающих расхождения в определении их видовой принадлежности, рассматриваются в [Veselý 2014].

Как двувидовые в толковых чешских словарях (SSJČ, SSČ) определяются и уже упомянутые глаголы, образованные по модели *na- se*, например *nasmát se* (*dok. i nedok.*). Если в русском языке такие глаголы СВ типа *насмеяться, насидеться* выражают смысл ‘достижение определенного состояния удовлетворения или пресыщения’, то в чешском языке глаголам, образованным по сходной модели, для его выражения требуется поддержка контекста, например наречие *dost* (*достаточно*). Для подобных глаголов характерен и другой тип употребления, связывающий их с НСВ: ‘длительно и интенсивно что-то делать’, ср.: *V životě jsem se během jediného dne tolik nenačkal jako dnes. – В жизни я никогда в течение одного дня не ждал столько, как сегодня.* В приведенных предложениях глагол *načkat se* выступает как синонимичный сочетанию *dlouho čekat*, отличаясь от этого нейтрального словосочетания лишь выражением экспрессивного отношения говорящего к действию. Еще Ф. Копечны отмечал, что такие глаголы могут быть употреблены в экспрессивном ответе на вопрос об актуальном в момент речи действии «Что ты тут делаешь?», например: “*Ale nadřu se už s tou zahrádkou od rána – vedle dřu se – a přece s tím (vybíráním kamení) nemůžu být hotov*”.

A šlo by tuším odpovědět i jasněji aktuálně “*Ale nadřu se jako pes, jak vidíš*”» [Кореčný 1949: 66] – *Видишь, вкальваю* (букв. *навкальваюсь*) *как собака*. Группа глаголов СВ, способных к употреблению в контексте актуального настоящего, довольно обширная; Ф. Копечны, кроме глаголов типа *nadřít se*, приводит также такие примеры, как *unese, uveze, vejde se to tam, ujde to, on to dovede, dokáže, vydrží* и др. [Кореčný 1949: 64]. О проблемах определения вида глагола в чешском языке см. также [Скорвид 2005: 249-250]. Вопрос о сближении и пересечении классов глаголов СВ и НСВ в славянских языках, который был поставлен в [Петрухина 2006], требует дополнительного исследования.

2. Различия во взаимодействии вида и времени в области презентных форм СВ

2.1. Соотношение будущего и неактуального (обобщенного) настоящего. Приведенный в предыдущем разделе языковой материал наглядно демонстрирует, что предел, граница действия в семантике чешских глаголов СВ выражены не так четко, как в русских глаголах СВ. Этими различиями в категориальной семантике видов можно объяснить и выраженную в разной степени связь презентной (по типу основы) формы СВ со значением будущего – в русском языке эта связь теснее, чем в чешском. Как известно, в обоих сопоставляемых языках имеется асимметричная пятичленная парадигма спрягаемых видовременных форм, отражающая взаимодействие вида и времени: глаголы НСВ имеют все три временные формы – прошедшего, настоящего и будущего (в обоих языках будущего аналитического), а глаголы СВ лишь две формы – прошедшего и будущего (простого) времени. Асимметричная система видовременных форм характеризует именно парадигматику, так как в речи презентные формы СВ в обоих языках в определенных типах контекста могут обозначать действия, отнесенные не к будущему времени, а к широкому плану неактуального (обобщенного) настоящего, т. е. выражать повторяющиеся, типичные и закономерные действия. Но в организации системы видовременных форм между сопоставляемыми языками имеются различия, отмеченные еще Ф. Копечным: в чешском языке связь категорий вида и времени выражена в меньшей степени, чем в русском [Кореčný 1962: 74]. Это проявляется в том, что презентные формы СВ (типа *přijde, přijde*) в чешском языке чаще, чем в русском, употребляются в значении обобщенного настоящего и для выражения этого значения им требуется меньшая поддержка контекста. Например, в крылатом выражении, которое приписывают Я. Масарику (а также К. Чапеку), употребляется как форма НСВ, так и форма СВ: *Pravda vítězí / zvítězí, ale dá to fušku*¹⁷⁴. При употреблении СВ *zvítězí* это выражение может пониматься двояко – в значении и настоящего обобщенного, и будущего времени: *Правда побеждает / победим, но для этого надо потрудиться*. С учетом наличия синонимичного варианта с глаголом НСВ (*vítězí*) все же более вероятным значением формы СВ *zvítězí*¹⁷⁵ в этой фразе выступает обобщенное настоящее. В русском языке презентная форма СВ в переводе этой фразы однозначно выражает будущее.

Поэтому глаголы СВ в чешском языке могут использоваться в формулировках физических и других законов и правил, причем без лексических маркеров обобщенности или повторяемости, – на обобщенность действия указывает широкий контекст соответствующего закона, что исключает его понимание как конкретного действия в будущем. В русских же эквивалентных предложениях обязательно употребление формы настоящего времени НСВ, например:

*Dva poloměry rozdelí kruh na dvě kruhové výseče*¹⁷⁶ – *Два радиуса делят* (букв. *разделят*) *круг на два сектора. V projektivní geometrii se libovolné dvě přímky protnou.* – *В проективной геометрии две любые прямые пересекаются* (букв. *пересекаются*). *Zákon akce a reakce: silová akce vyvolá silovou reakci, stejně velikosti, ale opačného směru.*¹⁷⁷ – *Закон действия и противодействия: действие вызывает* (букв. *вызовет*) *противодействие такой же силы, но противоположного направления*¹⁷⁸.

¹⁷⁴ <http://citaty.net/autori/jan-masaryk/>

¹⁷⁵ Словен. *Resnica zmaga* (СВ), *ampak za to se je treba potruditi*

¹⁷⁶ <http://www.modulweb.cz/download/fragmenty/planimetrie/HTML/50/default.htm>.

¹⁷⁷ <http://www.velkaencyklopedie-fyzika.estranky.cz/clanky/dynamika/newtonovy-pohybove-zakony.html>.

¹⁷⁸ Словен. *Dva polmera razdelita* (СВ) *krog na dva dela. Zakon akcije in reakcije: akcija sproži* (СВ) *reakcijo enake moči, vendar v nasprotni smeri*.

Подобные закономерности употребления видов распространяются на любые законы и правила, в том числе юридические. Приведем примеры из чешского Нотариального кодекса (Notářského řádu) и его перевода на русский язык:

§ 53: *Notář odmítne (СВ) provedení požadovaných úkonů, jestliže... – Нотариус отказывает (букв. откажет) в осуществлении требуемых действий, если...; § 73: Vidimace se provede ověřovací doložkou neodkladně poté, kdy notář posoudil shodu opisu s listinou – Визирование в форме удостоверительной записи осуществляется (букв. осуществится) незамедлительно после того, как нотариус убедится в соответствии копии документу*¹⁷⁹.

Если в соответствующих русских переводах употребить глагол СВ, то будет выражено значение будущего времени единичного действия, что противоречит всеобщности излагаемых законов. Такие различия во временной семантике данных форм объясняются особенностями русской грамматики СВ: профилирование границы действия актуализирует начало следующей ситуации, т.е. направлено в план будущего. Отсутствие подобного профилирования (в чешском языке) не предполагает такой актуализации, а значит, связь с будущим выражена в меньшей степени. Примечательно, что чешский язык в употреблении данных форм СВ проявляет большое сходство со словенским языком, в котором, как известно, будущее время выражается независимо от вида аналитической формой (*pisal bom – буду писать, napisal bom – напишу*), а анализируемые формы типа *napíšem* имеют, как правило, значение неактуального настоящего [Derganc 2003: 67]. А. Дерганц приводит интересный пример неправильного перевода на русский язык словенского диалога. В словенской части презентные формы СВ передают обычные, повторяющиеся действия в неактуальном настоящем, а в русском переводе глагольные формы этого же типа выражают конкретные единичные действия в будущем [Derganc 2003: 71].

2.2. Настоящее историческое. По нашему мнению, разной степенью связи с будущим временем можно объяснить и принципиальные различия в употреблении видов между сопоставляемыми языками в настоящем историческом. В русском языке использование презентных форм СВ в этом временном плане, в котором выражаются прошедшие действия, блокирует их тесная связь со значением будущего. В чешском языке значение обобщенного настоящего таких форм проявляет относительную самостоятельность, что и определяет их свободное употребление в данном переносном временном плане. Различия в употреблении видов в настоящем историческом между русским и чешским языком хорошо описаны [Бондарко 2005, Dickey 2000, Esvan 2015]. В [Петрухина 2000/2012: 83-84] было отмечено, что чешском языке, в отличие от русского, в плане настоящего исторического однородные (с точки зрения характера протекания) действия могут быть обозначены разными видами. В стилистических целях одно действие может быть выделено глаголом НСВ в цепи последовательных завершённых действий и представлено в виде длящегося процесса, при этом формы НСВ на фоне форм СВ имеют ярко выраженное процессное значение, как в следующем примере:

Anděla sundává (НСВ) prsten, jakoby tímhle gestem mohla získat svobodu, upne si (СВ) pláštěnku, zahalí (СВ) hlavu do tmavého šátku, otvírá (НСВ) svěhlově dveře a běží přes padací most... (Řezáč).

Андела снимает перстень, будто таким образом можно обрести свободу, застегивает (букв. застегнет) плащ, закутывает (букв. закутает) голову в темный платок, решительно открывает дверь и бежит через подъемный мост...

В русском переводе при обязательном употреблении НСВ процессность выражена в меньшей степени, однако полностью не нейтрализована, значение глаголов НСВ можно определить как процессно-фактическое [Петрухина 2013: 55]. Соответственно основным, стилистически нейтральным средством выражения настоящего исторического (нарративного) в чешском языке являются глаголы СВ, а в русском – НСВ. В чешском языке не исключено последовательное использование в нарративе презентных форм НСВ, в этом случае создается особый стиль живописного, образительного повествования, по определению Ф. Эсвана значение tabular present [Esvan 2015], подтверждающее маркированный характер НСВ.

¹⁷⁹ Примеры из чешского Нотариального кодекса любезно предоставлены его переводчиком на русский язык С.С. Скорвидом.

Мы бы хотели отметить такие особенности употребления видовременных форм в настоящем историческом, которые требуют дополнительного анализа. Напомним, что для реализации настоящего исторического необходима нарративная цепочка презентных форм – кратные или кратные-парные конструкции. Например, в настоящее историческое нельзя перевести одиночное сообщение *Я вчера встретил его в университете* – невозможно: *Я вчера встречаю его в университете. Как представляется, эта закономерность построения плана настоящего исторического в целом свойственна и другим славянским языкам. Ее можно объяснить следующим образом. Для создания эффекта фигурального настоящего (при помощи форм настоящего времени) и синхронности наблюдения завершенных в прошлом действий необходима протяженная во времени ситуация, образуемая двумя или несколькими действиями: точка отсчета при построении настоящего исторического синхронна с этой ситуацией. Поэтому если к исходному предложению добавить его продолжение, то употребление презентных форм вполне возможно: *Я вчера встречаю его в университете и прохожу мимо, как будто не замечаю*. Как известно, в подобных контекстах в чешском языке возможно употребление презентных форм обоих видов, как, например, в предложении из чешского Интернета: *Před hospodou potkám* (СВ) *neteř*, *povídám* (НСВ) / *povím* (СВ) *jí...* Это увеличивает субъективность выбора видов в настоящем историческом, а также обуславливает более свободный выбор видовременных форм в повествовательных текстах, как, например, в сказке Я. Эрбена «Ирка с козой»: *Tak Jirka tu kozu vzal a šel, a potká jednoho, ten měl nohu na rameně. Jirka povídal: "Ty, pročpak máš tu nohu na rameně?" Irka kozu vzal a poшел и встречает (букв. встретит) одного человека, у которого нога была на плече. Irka говорит (букв. говорил)... В русском переводе выбор видовременных форм более нормированный: обычно презентные формы должны составить цепочку, употребление же формы прошедшего времени НСВ в повествовательной цепочке после презентной формы маловероятно.*

В следующем чешском примере в придаточном предложении употреблена единичная презентная форма СВ, сочетающаяся с формами прошедшего времени. *Takže když mi dneska večer v devět nečekaně zavolá přítel, abych vyšla před dům, upřímně jsem se vyděsila, že se něco strašného stalo*¹⁸⁰ – *Когда сегодня в девять часов вечера мне, неожиданно позвонил (букв. позвонит) мой друг, чтобы я вышла к нему из дома, я не на шутку испугалась, что произошло что-то страшное*. В русском переводе в придаточном предложении употребление презентной формы не только СВ, но и НСВ при формах прошедшего времени в главном невозможно.

В русском языке презентные формы СВ в настоящем историческом могут быть употреблены только при выражении повторяющихся действий, причем обязательно в парных или цепных конструкциях. Например: *У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идем куда-нибудь на свой промысел - он впереди, я в пяту. «Сережа!» - позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет (М. Пришвин).*

3. Заключение

Тенденции в употреблении видов в русском и чешском языках были рассмотрены в связи с особенностями категориальной семантики СВ и НСВ, а также фазисно-ограничительных СГД, что позволило выявить своего рода видовые стратегии в этих языках, а сопоставительный подход способствовал более глубокому их анализу.

На разных участках аспектуальных систем, в том числе в семантике и употреблении ограничительных, сатуративных и некоторых других СГД, образованных по сходным словообразовательным моделям (с аффиксами *po-*, *na-* *se*, *za-*, *u-*; *po-*, *na-* *ся*, *za-*, *y-* и др.), а также в повествовательных претеритальных текстах, в русском языке проявляется более последовательно, чем в чешском, выражение временных границ действия (и начальных, и конечных). В русском языке данные аспектуальные характеристики действия выражают сами глаголы СВ, тогда как в чешском языке во многих случаях для их выражения требуются лексические показатели (типа *začít*, *dost*).

¹⁸⁰ <http://www.zpovednice.cz/detail.php?statusik=512725>

Эти языковые факты, на наш взгляд, подтверждают предположение о разном профилировании категориальных концептов целостности и ограничения действия пределом, по отношению к которым формируется семантика оппозиции СВ и НСВ в славянских языках. Для русского совершенного вида более значима идея временной границы действия, т.е. идея предела; для чешского – идея целостности действия.

Различия в категориальной семантике видов проявляются и на других участках аспектуальных систем двух языков. Так, ими можно объяснить выраженную в разной степени связь презентной (по типу основы) формы СВ со значением будущего – в русском языке эта связь теснее, чем в чешском. Профилирование в семантике русских глаголов СВ границы действия актуализирует начало следующей ситуации, т.е. направлено в план будущего. Отсутствие такой актуализации в чешском языке несколько ослабляет связь презентных форм СВ с будущим, что делает возможным их широкое употребление со значением обобщенного настоящего, в том числе при формулировке законов и правил, а также в настоящем историческом. Тесная связь презентных форм СВ со значением будущего в русском языке мешает их использованию в настоящем историческом.

Приведенные в примечаниях отдельные словенские примеры, эквивалентные анализируемым чешским и русским предложениям, демонстрируют аспектуальную близость чешского и словенского языков во всех рассмотренных случаях, в том числе и в употреблении презентных форм СВ для выражения законов и правил, а также в настоящем историческом. Сопоставление чешского и словенского языков здесь имеет особое значение с точки зрения взаимодействия вида и времени – с учетом разного парадигматического устройства категории времени в этих языках. В русском языке в настоящем историческом глаголами СВ могут быть выражены только повторяющиеся действия, причем в строгих контекстных условиях – в кратном-цепном и кратном-парном конструкциях, которые играют определяющую роль при употреблении СВ в любых контекстах узуального действия (в статье предложено объяснение большой роли этих конструкций в русской аспектуальной системе).

В русском языке, в сравнении с чешским, употребление видовых форм более нормировано. В чешском языке наблюдается большая свобода при выборе видов в настоящем историческом, при повествовании в прошедшем времени, в особом дискурсе новостных заголовков, в контекстах узуального действия и разного рода законов. В нем нет контекстов обязательной имперфективации, характерных для русского языка, в которых обязательно употребление глаголов НСВ. Наше исследование позволило поставить вопрос об ослаблении маркированности СВ в чешском языке, проявляющееся во многих типах контекста. Это подтверждают и некоторые факты наличия у глаголов, традиционно относимых к СВ, черт противоположного вида – в семантике, сочетаемости с фазовыми глаголами и формообразовании.

Итак, проведенное сопоставительное исследование позволяет увидеть на общем славянском фоне неповторимое своеобразие аспектуальной системы каждого языка, глубже понять потенциальные возможности категории вида в славянских языках, определить языковые стратегии употребления видов в связи с их категориальной семантикой.

Литература

- Бондарко 2002 – Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Бондарко 2005 – Бондарко А.В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур. С. 425-609.
- Виноградов 1972 – Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1972.
- Карцевский 2004 – Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М.: Наука, 2004.
- Климонов 2006 – Климонов В. Влияние развития видов на формирование словарного состава русского языка // Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида, Munchen: Verlag Otto Sagner. С. 169-191.
- Комиссаров 1990 – Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
- Лэнекер 2006 – Лэнекер Р.В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. 2006. С.15-28.
- Маслов 2004. – Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

- Мелиг 2013 – Мелиг Х.Р. О разграничении «процессного» и «общефактического» значения несовершенного вида в русском языке 2013. № 4 С. 20-45
- Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухина 2000 / 2012 – Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., Изд-во МГУ, 2000. Второе издание, 2012, М.: УРСС.
- Петрухина 2003 – Петрухина Е.В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб, 2003. С. 426-433
- Петрухина 2005 – Петрухина Е.В. Соотношение глагольных и контекстных средств выражения аспектуальной семантики в русском и чешском языках // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры, 2005, СПб: Наука. С. 219-232. <http://www.philol.msu.ru/~ruslang/about/employee/petrukhina.e.v/>
- Петрухина 2006 – Петрухина Е.В. Сближение и пересечение классов глаголов совершенного и несовершенного видов в славянских языках // Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. Munchen: Verlag Otto Sagner. 2006. С. 301-317.
- Петрухина 2009 – Петрухина Е.В. Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2009. №5.
<http://www.philol.msu.ru/~ruslang/about/employee/petrukhina.e.v/>
- Петрухина 2013 – Петрухина Е.В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, № 4, 2013. С. 49-69.
<http://www.philol.msu.ru/~ruslang/about/employee/petrukhina.e.v/>
- Петрухина 2015 – Петрухина Е.В. Вид в грамматическом контексте пассива (на материале русского и чешского языков. // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III, Ред. Р. Бенаккьо. 2015: Verlag Otto Sagner. München – Berlin – Washington. С. 404-420.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Скорвид 2005 – Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. М., Academia. 2005. С.234-274.
- Татевосов 2015 – Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Шатуновский 2009 – Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур. Studia philologica, 2009.
- Якобсон 1985 – Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Наука, 1985.
- Derganc 2003 – Derganc A. Nekaterere razlike v rabi dovršnega oz. nedovršnega vida v ruščini in slovenščini // Slavistična revija. 2003, letn. 51. S. 67-79.
- Derganc 2010 – Derganc A. Še nekatere razlike v rabi glagolskih vidov v ruščini in slovenščini. *Slavistična revija*. [Tiskana izd.] 2010, letn. 58, št. 1. S. 73-80
- Derganc 2014 – Derganc A. Глагольный вид в настоящем историческом в словенском языке. *Scando-Slavica*, 2014, t. 60, no. 2. S. 437-451.
- Derganc 2015 – Derganc A. К употреблению глагольного вида в многократном / узуальном значении в словенском языке // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III, Ред. Р. Бенаккьо. 2015: Verlag Otto Sagner. München – Berlin – Washington. С..
- Dickey 2000 – Dickey S.V. Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. CSLI publications, Stanford, California. 2000.
- Dokulil 1958 – Dokulil M. K otázce morfoložických protikladů (Kritika předpokladů binárních korelací v morfoložii češtiny) // Slovo a slovesnost. R. 19. № 2. 1958.
- Dressler 2003 – Dressler W. Naturalness and morphological change // Joseph B. D., Janda R. D. The Handbook of Historical Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003.
- Havránek, Jedlička 1960 – Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1960.
- Esvan 2015 – Esvan Fr. Aspectual opposition in the different contexts of the historical present in Czech // Verbal Aspect: Grammatical Meaning and Context Third Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists III. Ред. Р. Бенаккьо. 2015: Verlag Otto Sagner. München – Berlin – Washington.
- Kopečný 1949 – Kopečný F. K neaktuálnímu významu dokonavých sloves v češtině // Slovo a slovesnost, ročník 11 (1949), číslo 2. S. 64-68.
- Kopečný 1962 – Kopečný F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
- Křížková 1965 – Křížková H. Pojetí neutralizace v morfoložii // Slovo a slovesnost. 1965, № 1.
- Stunová 1993 – Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech aspect: Invariance vs. discourse. Amsterdam, 1993.
- Vendler 1967 – Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy, Ithaca. N-Y, 1967.
- Veselý 2014 – Veselý L. Gramatické studie I. Příspěvky k české aspektologii. Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2014

Список сокращений

- SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–4. Praha, 1960–1971.
- SSČ – Slovník spisovné češtiny. Praha, 2000.

ДВУХОСНОВНАЯ ПЕРФЕКТИВАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА

Two-stem perfectivation is a marginal phenomenon in Russian aspectual morphology, described very poorly so far (if at all). It includes cases where a perfective counterpart uses a different stem than its input imperfective simplex; a typical example is *streljât'* 'shoot' [PF] ~ *výstrelit'* 'shoot; take a shot' [PF] (involving a different stem, *strelit'*). Such pairs are not numerous, but their account is important for a general theory of Russian aspect. The paper provides their full list and discusses possible synchronic and diachronic approaches to this type of aspectual correlation.

I.

Двухосновная перфективация (термин предложен нами) – периферийное явление в морфологии русского видообразования, как кажется, получившее недостаточное освещение в аспектологических работах (одно из немногих исключений – статья [Feldstein 2005]; ср. также более давнюю публикацию [Levin 1984] и отдельные наблюдения в [Svenonius 2004: 195-196]); тем не менее, оно представляется важным для понимания русского вида.

Данное явление связано с некоторыми особенностями приставочной перфективации в русском языке. В наиболее распространенном случае, как хорошо известно, при перфективации префикс присоединяется к основе непроизводного глагола, который существует и в виде самостоятельной лексемы-симплекса (*simplex*); это модель типа *гладить* ~ *разгладить* или *дать* ~ *раздать*. Симплекс может быть несовершенного вида (как в большинстве случаев) или совершенного вида (всего несколько лексем типа *дать*, *сесть* или *лишить*)¹⁸¹; однако в любом случае у симплекса имеется только одна основа, от которой префиксальный глагол и образуется.

Но это, казалось бы, тривиальное условие приставочной перфективации – то, что перфективный коррелят образуется от основы симплекса и, тем самым, приставочный и бесприставочный элементы словообразовательной пары имеют одну и ту же основу – может в некоторых особых случаях нарушаться. Именно о них и пойдет речь ниже. Имеется в виду такая ситуация, когда у исходного симплекса имеется не одна, а **две** группы перфективных приставочных коррелятов, различающихся основами: в первую группу входят глаголы, образованные от основы СВ, а во вторую – глаголы, образованные от основы НСВ.

Это общее определение, касающееся варьирования основ при префиксации, покрывает достаточно неоднородные случаи, и при дальнейшем анализе целесообразно разграничить несколько подтипов, отличающихся морфологическими деталями перфективации. Существен, однако, сам факт, что некоторые (немногие) префиксальные пары русских глаголов содержат **разные** видовые основы – иными словами, имеются такие глаголы, образование префиксального коррелята которых невозможно без дополнительной модификации основы. Типичным примером является глагол *стрелять*: его приставочные корреляты образуются как от основы НСВ (*расстрелять*, *настрелять* и др.), совпадающей с основой симплекса, так и от основы СВ (*выстрелить*, *застрелить* и др.); примечательно, что имеются даже своего рода минимальные пары типа *пристрелить* (≈ 'убить на месте выстрелом', ср.: <...> *нельзя не впустить человека, если он просится к тебе в дом. А не вступишь, будет ещё хуже – или тебя пристрелит, или скотину уведёт.* [Ф. Искандер. Дедушка (1966)]) ~ *пристрелять* (≈ 'совершая пробные выстрелы, добиться большей точности стрельбы'; употребляется в основном в специальных текстах, ср.: *Также возбуждено дело против охранника Турлаева Руслана Бакруева: он пристрелял снайперскую винтовку для потенциального киллера.* [«Новая газета», 10.03.2015]). При этом симплекс СВ **стрелить* в качестве самостоятельной лексемы в современном литературном языке отсутствует¹⁸²:

¹⁸¹ Разумеется, возможны и «двувидовые» глаголы (типа *казнить* или *электрифицировать*), однако для нашего анализа рассматривать их отдельно нет необходимости: если основы двувидовых симплексов подвергаются приставочной перфективации, то они ведут себя по общему правилу.

¹⁸² Вообще говоря, такой бесприставочный глагол СВ существовал в древнерусском (*стрѣлити*); его когнат сохранился в украинском (*стрілити*), в белорусском (*стрэліць*) и во многих говорах; в текстах

данная основа является «связанной» (в дальнейшем связанные основы мы будем обозначать знаком “=” слева: =стрелить).

Таким образом, центральный класс случаев, объединяемых понятием двухосновной перфективации, связан именно с отсутствием в языке приставочного симплекса СВ (типа *стрелить): префиксальные производные от этого симплекса (типа *выстрелить*) существуют, но их коррелят НСВ (типа *стрелять*) образован от другой основы. Диахронически возникновение таких парадоксальных случаев «двухосновности» (а лексем типа *стрелять* ~ *выстрелить* могут с достаточными основаниями рассматриваться даже как элементы видовой пары) легко объяснимо: симплекс СВ был вытеснен из языка одним из своих приставочных коррелятов, также СВ. Результатом такого процесса была унификация основной словообразовательной модели «симплекс НСВ ~ префиксальный СВ», которая в современном русском языке является безусловно доминирующей.

Таким образом, двухосновную перфективацию можно представить себе как результат постепенной диахронической перестройки такой модели, при которой как симплекс, так и приставочный коррелят оба перфективны. Изменения такого рода затрагивали, как кажется, лишь подтип перфективных симплексов традиционного 2-го спряжения (с основой на *-i-*). В современном русском языке таких глаголов всего 5; ниже дается их список (приводятся подряд сначала основа симплекса НСВ, затем – связанная основа СВ; напомним, что перфективные корреляты возможны и образуются от обеих основ):

глотать / =глотить (ср. *проглотить*, но *сглотать*¹⁸³)
кусать / =кусить (ср. *откусить*, но *покусать*)
менять / =менять (ср. *заменить*, но *променять*)
ронять / =ронить (ср. *выронить*, но *разронять*¹⁸⁴)
стрелять / =стрелить (ср. *застрелить*, но *расстрелять*)

Шестым элементом этой группы можно было бы считать не вполне стандартную пару *ломать* / (=)ломить (ср. *взломать*, но *надломить*). Здесь вторая основа хотя и не является в строгом смысле связанной, но обнаруживает явную тенденцию к переходу в этот класс: глагол *ломить* в современном русском языке существует, но, во-первых, в порядке исключения является глаголом НСВ, а, во-вторых, в качестве синонима *ломать* употребляется практически только в составе единичных фразеологизмов (типа *пар костей не ломит* или *сила соломѹ ломит*). В других значениях (‘неудержимо перемещаться большой массой’, ‘болеть’ и др.) он ведет себя скорее как отдельная лексема, синхронно имеющая с *ломать* достаточно мало общего. Между тем, приставочные корреляты обоих глаголов существенно ближе друг к другу семантически: ср. такие производные, как *разломить*, *переломить*, *отломить*, *заломить* и т.п., все отчетливо выражающие именно идею деформации с нарушением целостности, лежащую в основе семантики *ломать*. С большинством

Корпуса он также иногда встречается у авторов XIX и XX вв. (в основном, при имитации просторечия). Ср. характерный пример с многочисленными вкраплениями просторечных или диалектных маркеров: *Мишу нельзя просто взять. Промахнулся или ранил его – он тя достанет. Пуля жиганѹт его насквозь, обожжѹт нутро, а он – живой. Если в голову стрелил, пуля отскочит, как от железа, иль соскользнѹт. Черепок-то у него – бетон.* [Ю. Бондарев. *Берег* (1975)].

¹⁸³ Это редкий глагол; тем не менее, примеры его употребления встречаются в Корпусе, причем только с данной основой, ср.: *Да без нас немцы бы их ещѹ в четырнадцатом сглотали!* [И. Шмелѹв. *Солнце мертвых* (1923)]; *Поѹтому утром, с юным аппетитом сглотаѹ мамин завтрак (там, у себя, он столько и в обед не съедал), <...> он с какой-то даже радостью вырвался на улицу, как на свободу <...>.* [А. Битов. *Лес* (1960-1980)].

¹⁸⁴ Глагол также редкий; в современном языке он практически не употребителен, но в текстах XIX – первой половины XX вв. он неплохо представлен. Ср.: – *Ай! Горе мне!* – <...> *ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, разроняѹ по дороге все принадлежности для умывания.* [Л. Чарская. *Записки институтки* (1901)]. Имперфективная основа здесь, конечно, не случайна, так как основная семантика этого глагола – дистрибутивная или мультиобъектная (см. ниже). Заметим, что следы глагола *ронить* в несвязанном употреблении в Корпусе также вполне отчетливы.

приставок сочетаются обе основы – например, *обломить* и *обломать* (с разницей в значении, к которой мы вернемся ниже), но имеются и такие приставки, которые возможны только при одной из основ: ср., с одной стороны, *вломить*, *надломить*, *подломить* и, с другой стороны, *взломать*, *доломать*, *изломать*, *наломать*, *поломать*, *уломать*. Таким образом, случай *ломить* не так уж далек от случая =*стрелить*, особенно в отношении интересующих нас свойств.

Отчасти сходные замечания можно было бы сделать и о глаголе =*кусить*. В большинстве современных словарей он не представлен, хотя достаточно широко распространена форма *куси!*, являющаяся в морфологическом отношении императивом от этого глагола; она специально отмечается в словаре Ушакова, где (несколько непоследовательно) трактуется как «междометие» от «неупотребляемого глагола *кусить*». Между тем, в текстах Корпуса вполне можно обнаружить и другие формы этого же глагола, хотя и в единичных случаях, поэтому полностью неупотребительным, по-видимому, всё же не следует считать и его. Тем не менее, при несопоставимо большей частотности таких префиксальных производных, как *укусить* (ок. 2 000 вхождений только в основном подкорпусе), *откусить* и под., вполне допустимо считать основу =*кусить* связанной¹⁸⁵.

Вообще, градуальный характер таких утверждений не должен удивлять: в языке (а тем более в языке с несколькими столетиями непрерывной письменной истории) между «безусловным отсутствием» и «безусловным наличием» лексемы всегда имеется некоторая промежуточная область. Для наших целей вполне достаточно будет констатировать по крайней мере тенденцию к снижению употребительности вплоть до полной утраты у несвязанных симплексов СВ в приведенных выше конфигурациях.

Укажем, с другой стороны, такие словообразовательные гнезда, в которых обе основы существуют в качестве свободных лексем – и, соответственно, обе имеют собственные приставочные перфективные производные (где сочетаемость приставок с той или иной основой, как и в приведенных выше случаях, нетривиальна). «Чистых» случаев этого рода в современном языке совсем мало: фактически, это только две пары *бросить*^{СВ} / *бросать*^{НСВ} (ср., например, префиксальные перфективы *отбросить*, но *побросать*) и *хватить*^{СВ} / *хватать*^{НСВ} (ср., например, *прихватить*, но *расхватать*; заметим, что лексема *хватить* имеется здесь в виду в первую очередь в этимологически исходном «контактном» значении ‘получить; принять’, а не в более частотном для нее в современном языке ‘быть достаточным’). Только в этих двух парах мы наблюдаем нетривиальное распределение приставочных перфективов по основам; отличие их от глаголов типа *стрелять* в том, что симплекс СВ (ещё?) не вытеснен из языка каким-либо приставочным перфективом от основы СВ (типа *выбросить* или *схватить*). С точки зрения же того, как именно те или иные приставки сочетаются с теми или иными основами, обе группы глаголов ведут себя в целом одинаково¹⁸⁶.

Заметим, что пары *бросить* / *бросать* и *хватить* / *хватать* противопоставлены и основной массе перфективных симплексов традиционного 2-го спряжения – а именно, тем, что в них приставочные глаголы СВ свободно образуются от **обеих** основ. На первый взгляд, пары типа

¹⁸⁵ Любопытно, что в =*кусить* совпали две этимологически совершенно разные глагольные основы (позднее подвергшиеся, по-видимому, частичной семантической контаминации): одна исконно славянская, связанная с корнем *кус-* [**koⁿs-*] и представленная в большинстве префиксальных производных; другая – заимствованная из готского *kausjan* ‘пробовать, испытывать’ и исторически представленная в *искусить* или *вкусить*. Заметим, что значение ‘пробовать [пищу]’ само по себе достаточно близко семантически к ‘кусать’, что – при связанном характере обеих основ – способствует их контаминации.

¹⁸⁶ Более того, природа этих правил отчасти напоминает те механизмы, которые мы наблюдаем в фиксации реликтовой группы глаголов движения, имеющих, как известно, в отличие от остальных русских глаголов, две основы – простую (типа *плыть*) и итеративную (типа *плавать*). У этих глаголов так же точно существуют ограничения на сочетаемость перфективирующих приставок с основами (например, допустимо *приплыть*, но не **приплавать*, а значения многих производных типа *отплыть* и *отплавать* радикально различаются). На этот факт – безусловно важный для понимания природы описываемых ограничений – указывалось ещё в работе Levin 1984. Однако ниже мы всё же ограничимся более «экзотическими» случаями и не будем специально рассматривать реликтовые глаголы движения с их итеративными коррелятами – в частности, потому, что в данной группе глаголов все бесприставочные симплексы имперфективны и, с другой стороны, полностью отсутствуют связанные основы.

решить^{СВ} / *решать*^{НСВ} или *ступит*^{СВ} / *ступать*^{НСВ} устроены похоже – но это впечатление обманчиво. Ни у *решать*, ни у *ступать* нет собственных перфективных приставочных коррелятов: образования типа *разрешать*^{НСВ} или *обступать*^{НСВ} имперфективны; более того, это вторичные имперфективы от префиксальных симплексов СВ (типа *разрешить*^{СВ} или *переступить*^{СВ}). Никаких отклонений от стандартного поведения русских аспектуальных коррелятов ни в морфологическом, ни в семантическом отношении у таких лексем нет. На их фоне относительная «экзотичность» префиксальных перфективов типа *разбросать*^{СВ} или *обкусать*^{СВ} заметна особенно отчетливо: при совпадении морфологической структуры их видовая принадлежность различается (как различается и их деривационная история: *обкусать*^{СВ} является результатом префиксальной перфективации *кусать*^{НСВ}, тогда как *обступать*^{НСВ} – результатом вторичной имперфективации *обступит*^{СВ}). Поэтому симплексы СВ типа *решить*, *лишить*, *простить*, *ступит* и т.п. не принадлежат – в отличие от *бросить* и *хватить* – к той ограниченной группе русских глаголов (насчитывающей максимум 8 пар основ), которой свойственна двухосновная перфективация в указанном выше понимании.

Итак, сформулируем ещё раз, в более сжатом виде, основные свойства лексем с двухосновной перфективацией:

1) в деривационной паре «симплекс НСВ» → «приставочный глагол СВ» второй элемент может иметь основу, как совпадающую, так и не совпадающую с основой симплекса [примеры: *стрелять* → *рас.стрелять* и *за.стрелить*; *ломать* → *вз.ломать* и *от.ломить*];

2) если основы симплекса и приставочного перфектива не совпадают, то несовпадающая основа принадлежит к традиционному второму спряжению (с исходом на *-i-*) и в современном языке, как правило, является связанной;

3) исторически в русском языке, по всей вероятности, действовал процесс вытеснения симплекса на *-i-* его приставочным перфективным коррелятом; в настоящее время этот процесс завершен не полностью, что объясняет наличие некоторого количества переходных случаев (рассматривавшиеся выше =*стрелить*, =*ронить*, =*кусить*, *ломить* и *хватить* образуют своего рода континуум связанности);

4) распределение приставок при двух основах не является тривиальным: приставка либо сочетается только с одной из основ (*взломать*, но не **взломить*, *откусить*, но не **откусать*, и т.п.), либо, если она сочетается с обеими основами, приставочные производные отчетливо и часто непредсказуемо различаются семантически (ср. многочисленные и разнообразные пары вида *пристрелить* [*раненую лошадь*] и *пристрелять* [*новую винтовку*], *захватить* [*в плен*] и *захватать* [*грязными руками*], *сломить* [*волю к сопротивлению*] и *сломать* [*старый забор*], и т.д., и т.п.).

II.

В оставшейся части данной небольшой статьи мы хотели бы сосредоточиться на последнем из перечисленных нами свойств, несколько подробнее рассмотрев правила взаимодействия приставок с основами. К сожалению, полное описание данного явления требует гораздо большего объема, но некоторые предварительные обобщения сформулировать всё же можно и здесь.

Основная тенденция достаточно очевидна: наиболее последовательно в правилах сочетаемости с приставками отражается древнее семантическое противопоставление, связанное со славянской имперфективностью: производные от основ НСВ выражают различные значения итеративной группы, тогда как производные от основ СВ в первую очередь выражают различные пространственные значения. С исторической точки зрения перед нами не что иное, как реликт того древнего состояния языка, когда суффиксальные показатели имперфективности выражали в первую очередь значения из семантической зоны глагольной множественности.

Действительно, легко видеть, что приставки, тяготеющие к основам НСВ, – это в первую очередь дистрибутивное и/или мультиобъектное *раз-* (как в *расстрелять*, *разменять*, *разронять*, *разбросать*) и, в несколько меньшей степени, дисперсивное *об-* (как в *обстрелять*, *обломать*, *обкусать*) и дистрибутивное *пере-* (как в *переломать*, *перебросать*, *перестрелять* и т.п.); хорошо сочетаются с основами НСВ и приставки, выражающие те или иные интенсивные значения (как *искусать*, *изломать*, *наменять*, *набросать*, и др.). Напротив, чисто локативные приставки (особенно такие, как *при-* и *под-*, в семантике которых присутствует и компонент пониженной интенсивности),

как правило, тяготеют к основам СВ: ср. *отбросить, подбросить, подхватить, прихватить, подстрелить, выронить, откусить* и т.п. В тех примерах, когда приставка сочетается с обеими основами, это противопоставление также, как правило, отчетливо проявляется: *пристрелить* описывает однократное действие, *пристрелять* – многократное, *забросить* – однократное направленное движение, *збросать* – многократное интенсивное, *переломить* – однократную деформацию, *переломать* – множественную, и т.п. Делимитативны на *по-* во всех случаях требуют имперфективной основы (*побросать, покусать, пострелять* и т.п.).

Не следует думать, однако, что это правило действует абсолютно во всех случаях; есть различия более тонкие и непредсказуемые, где, по-видимому, имеет место достаточно далеко зашедшая идиоматизация, а также проявляются индивидуальные особенности отдельных глагольных лексем. Так, выбор основы в случаях типа *уломать* или *взломать*, скорее всего, связан непосредственно с семантикой данной лексемы; аналогичным образом, видимо, следует описывать различие между *сменить* ‘прийти на смену’ и *сменять* ‘поменять’, а также ряд других случаев.

В целом же, однако, двухосновная перфективация является, как можно видеть, реликтовым явлением, т.е. глубоким морфологическим и грамматическим архаизмом в русской глагольной системе. Тщательный учет таких случаев, несмотря на их немногочисленность и периферийный характер, способен пролить свет на диахронию славянского вида и лучше описать многие синхронные механизмы – в первую очередь те, которые связаны с приставочной перфективацией.

Литература

- Feldstein, R. F. 2005. On the aspectual derivation of “Dual Simplexes” // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст». М.: ЯСК, 122-131.
- Levin, J. F. 1984. Two types of perfective, three stems: Problems and hypotheses // M. S. Flier, R. D. Brecht (eds.). *Issues in Russian Morphosyntax*. Columbus (OH): Slavica (UCLA Slavic Studies, v. 10), 155-169.
- Svenonius, P. 2004. Slavic prefixes and morphology: An introduction // *Nordlyd*, 32.2: Special issue on Slavic prefixes, 177-204.

НАСТОЯЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО И СОВЕРШЕННОГО ВИДОВ В ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

This paper deals with taxis in *praesens historicum* in Serbian language with respect to opposition of perfective and imperfective verbs. The conditions of use of a certain verb aspect in each of the types of taxis structures are described.

1.0 Обозначение единичных действий в настоящем историческом в сербском языке

Для сербского языка, так же как и для чешского, словацкого, хорватского и словенского, но в отличие от других славянских языков, см. [Бондарко 1958, 1958а], характерно видовое противопоставление глаголов при обозначении единичных неповторяющихся действий в значении настоящего исторического. Вопрос о конкуренции глаголов несовершенного и совершенного видов в значении настоящего исторического в сербском языке неоднократно привлекал внимание лингвистов. При этом как авторы сербских грамматик [Стевановић 1974: 583–587; Станојчић, Поповић 1996: 374-375; Пипер, Клајн 2013: 396–397], так и исследователи функций глагольной формы настоящего времени в современном сербском языке [Бондарко 1958, 1958б; Ивић 1958; Танасић 1996; Војводић 1998], соглашаются в том, что при видовом противопоставлении глаголов в значении настоящего исторического глагол несовершенного вида (НСВ) является неотмеченным, так как он может указывать на действия, представленные как длящиеся ситуации и целостные события, в то время как глаголы совершенного вида (СВ) обозначают только ситуации, воспринимаемые как целое, в противовес развивающейся ситуации. Отмеченные глаголы СВ обычно можно заменить глаголами НСВ, хотя в нарративе зачастую наблюдается последовательное видовое противопоставление в настоящем историческом – длящиеся ситуации представлены глаголами НСВ, а целостные – глаголами СВ [Бондарко 1958б: 143]. Констатируется также факт семантического и стилистического сближения глаголов СВ в значении настоящего исторического и форм аориста как временных форм повествования [Стојићевић 1951: 34-73; Грубор 1953: 14-148; Бондарко 1958б: 154; Војводић 1998: 123].

Глаголы обоих видов в значении настоящего исторического в сербском языке могут употребляться как для обозначения повторяющегося и обычного действия, так и для представления единичных неповторяющихся действий [Бондарко 1958б; Танасић 1996; Војводић 1998]. Отмечено также сосуществование четкого видового противопоставления форм наст. времени, типичного для языка сербского фольклора и писателей девятнадцатого века, с частичной, а в некоторых случаях, даже полной нейтрализацией данного противопоставления в произведениях современных сербских писателей [Бондарко 1958б: 145-149; Радовановић 1969: 51]. Как показывают данные лингвистического эксперимента, нейтрализация видового противопоставления форм наст. времени в нарративе типична и для современного разговорного сербского языка [Савић 1985]. При описании секвентных ситуаций глаголы СВ в форме наст. врем. „вклиниваются“ в цепочку глаголов НСВ в значении настоящего исторического, прерывая «имперфективный ряд» [Радовановић 1969: 51], придавая изложению особую наглядность, изобразительность и динамичность. В инициальной позиции, в начале темпорального ряда, глагол СВ в значении наст. исторического переносит читателя либо слушателя во время ситуации, описываемой далее с помощью глаголов НСВ, делает рассказ экспрессивным, а замыкая цепь, подобно аористу, указывает на завершенность одного нарративного целого и продвигает рассказ вперед, к другому [Танасић 1996: 152-153].

Анализ языкового материала показывает, что выбор вида в формах настоящего исторического в сербском языке является факультативным в нетаксисных конструкциях. В таксисных же конструкциях, в которых маркируется временная локализация одновременность, предшествование, следование) одной ситуации относительно другой, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, независимо от какой-либо еще ситуации [Храковский 2003: 37], наблюдается определенная взаимосвязь между видом глагола в значении настоящего исторического и типом временных отношений между описываемыми ситуациями. В данной работе подается анализ таксиса в настоящем историческом с учетом видовых противопоставлений глаголов и

описываются условия использования определенного вида в каждом из типов таксисных конструкций в сербском языке.

2.0 Функции настоящего совершенного в сербском языке

Настоящее совершенного вида, в связи с исключительно неиндикативным употреблением данной глагольной формы¹⁸⁷ в сербском языке, является стандартным средством описания событий, принадлежащих временному плану прошлого либо будущего. Среди значений, характерных для данной формы в сербском языке, выделяем следующие:

- а) выражение гномического обобщенного настоящего в фразеологизированных конструкциях:
 - (1) Ко се овцом учини: *PRS.PFV*, курјаци га поједу: *PRS.PFV*.
'Станешь овцой – волки съедят';
- б) указание на повторяющееся либо обычное действие:
 - (2) Сваког јутра пробудим се: *PRS.PFV* у шест и попијем: *PRS.PFV* кафу.
'Каждое утро просыпаюсь в шесть и пью кофе';
- в) выражение настоящего исторического:
 - (3) У том тренутку спазим: *PRS.PFV* свог познаника и приђем: *PRS.PFV* му.
'В этот момент я вижу своего знакомого и подхожу к нему';
- г) выражение относительного будущего в сложных конструкциях
 - (4) Кад дођеш: *PRS.PFV* кући, јави се.
'Когда придешь домой, позвони';
- д) выражение неиндикативного наклонения в зависимых предложениях:
 - (5) Реци да ми донесу: *PRS.PFV* кафу.
'Скажи, чтобы принесли мне кофе';
- е) выражение прогрессивной предначинательности в предложениях с частицами *само што* и отрицанием:
 - (6) Дрво само што не падне: *PRS.PFV*.
'Дерево вот-вот упадет'.

Большинство выделенных значений хорошо известны и описаны лингвистами [Ивић 1958; Бондарко 1958б; Стевановић 1974; Танасић 1996, 2005; Војводић 1998; Пипер, Клајн 2013]. Особое внимание обращает на себя значение прогрессивной предначинательности см. (е6), не зарегистрированное в сербских грамматиках. Данное значение настоящего СВ, в котором семантика прогрессива сочетается с функцией указания на предначинательную фазу действия, выделяется в работе, посвященной описанию категории проспективности в славянских языках, см. [Поповић 2008].

Между всеми значениями, характерными для глаголов СВ в форме наст. времени, настоящее историческое, см. (3), является одним из основных [Бондарко 1958: 150]. Такую функцию глаголы СВ выполняют как в простых, так и в сложных предложениях, сочетаясь с лексическими средствами, а также другими глагольными формами, указывающими на временную транспозицию в прошлое. По поводу глаголов СВ в функции выражения настоящего исторического отмечается, что в данном случае временной транспозиции по существу нет, так как у глагола СВ нет основного темпорального значения [Бондарко 1958: 150]¹⁸⁸. Милка Ивич, соглашаясь с Р.О. Якобсоном в том, что форма настоящего времени является неотмеченной в темпоральном аспекте, говорит об

¹⁸⁷ С позиции разработанного А. Беличем учения о разграничении «идикативных» и «релятивных» глагольных времен [Белић 1941: 226–238], настоящее СВ не употребляется в сербском языке референциально, а только относительно – для обозначения действия по отношению к точке отсчета, отличной от момента речи.

¹⁸⁸ «Указанная выше значимость настоящего исторического глаголов совершенного вида резко отличает формы совершенного вида в этом временном плане от несовершенного вида. Последние выступают в таком переносном значении: настоящее вместо прошедшего, которое является производным от основного (конкретное настоящее время). Напротив, за формами совершенного вида в значении настоящего исторического не стоит никакого другого основного, главного значения. Переносным значение этих форм является лишь постольку, поскольку они, находясь в контексте, содержащем настоящее время глаголов несовершенного вида, получают по соотношению с ними то же значение (настоящее вместо прошедшего)» [Бондарко 1958: 150].

отсутствии временной локализации в высказываниях с формой наст. времени, независимо от вида, и тем самым отрицает ее временную транспозицию в целом [Ивић 1958: 142].

Не имея возможности самостоятельно указать на временной план, форма наст. времени приобретает данную функцию, опираясь на контекст либо на другие временные формы. Значение наст. исторического четко проявляет себя в таксисных конструкциях, в сочетании с другими глагольными формами, указывающими на план прошлого. Употребление глаголов СВ в значении наст. исторического именно в таксисных конструкциях до сих пор не привлекало особого внимания исследователей.

3.0 Глаголы в значении настоящего исторического в таксисных конструкциях

В сложноподчиненных предложениях формы настоящего времени зачастую принимают непосредственное участие в выражении хронологических отношений между описываемыми ситуациями и тем самым становятся частью таксисных конструкций. Значение настоящего исторического у глаголов несовершенного и совершенного видов в таксисных конструкциях определяется в комбинации с другими глагольными формами. Сочетание видо-временных форм, в свою очередь, определяется конкретным типом таксисной конструкции. Исходя из того, что все таксисные отношения можно рассматривать с позиции одновременности (полной/ неполной) либо разновременности (предшествования/ следования) протекания описываемых ситуаций во времени [Храковский 2003: 42], в сербском языке четко выделяются конструкции предшествования, неполной и полной одновременности, а также следования, в которых регулярно используются глаголы в значении настоящего исторического.

В составе таксисной конструкции глаголы в значении настоящего исторического встречаются как в главной, так и в придаточной части предложения, указывая, в комплексе с союзом, другими глагольными формами и лексическими средствами, на определенный тип отношений.

3.1 Настоящее историческое в таксисных конструкциях предшествования и контактного предшествования

На таксис предшествования, включая контактное предшествование, в настоящем историческом в сербском языке стандартно указывает форма наст. времени, которая может находиться как в главной, так и в придаточной частях сложноподчиненного предложения (СПП). При видовой нейтрализации глаголов в главной части, в придаточной части необходим глагол СВ, указывающий на факт завершенности зависимой ситуации до начала главной. В данном случае глаголы СВ в форме наст. времени нельзя заменить глаголами НСВ, однако вместо них можно употребить глаголы СВ в формах прошедших времен, см. (13–17). Ниже подаем возможные комбинации глаголов в значении наст. исторического с другими глагольными формами при указании на предшествование зависимой ситуации главной:

главная часть		придаточная часть
- наст. вр СВ/НСВ	+	наст. вр. СВ (7–13)
- наст. вр. СВ/НСВ	+	перфект СВ (14–16)
- наст. вр СВ/НСВ	+	аорист СВ (17)
наст. вр СВ/НСВ	+	плюсквамперфект СВ (18)

Конструкции со специализированными таксисными союзами *пошто* ‘после того как’ и *након што* ‘после того как’, а также с неспециализированным союзом *када* ‘когда’, и ограничительным союзом *откад* указывают на таксис предшествования единичных неповторяющихся действий в настоящем историческом только при наличии в придаточной части глагола СВ, см. (7–18):

Придаточная часть в таких конструкциях может находиться в препозиции либо в постпозиции к главной¹⁸⁹, а части сложноподчиненного предложения являются вариативно референтными:

(7) **Кад се вратим:** PRS.PFV из шетње, затекнем: PRS.PFV на свом прагу цедуљу.

¹⁸⁹ Хотя препозиция придаточной части в сербском языке считается отмеченной, а сама придаточная часть в такой позиции отделяется от главной запятой, в отличие от случая, когда она находится в постпозиции, в таксисных конструкциях данного типа преобладает именно препозиция придаточной части.

‘Когда я *вернулся* [букв.: *вернусь*]¹⁹⁰, с прогулки, *нашел* на своем пороге записку.’

Глагол НСВ в главной части прототипически указывает на длящуюся ситуацию, наступившую по окончании зависимой, выраженной глаголом СВ в значении настоящего исторического, см. (8–9):

(8) **Откад** им пролетос *бану*: *PRS.PFV* пет легионара увек *је* неко на малој узвисини *стражарио*: *PRF.IPFV* (Љубомир Вујовић, *Затон*).

‘С тех пор как этой весной в их лагерь *ворвалось* пять легионеров, всегда кто-нибудь *стоял* на страже на небольшом холме.’

(9) Али он није у потрази само за причом и, убрзо, **пошто** *уђу*: *PRS.PFV* у пацовима испуњен тунел који води до хотела, *проналази*: *PRF.IPFV* више него што је очекивао (Дејвид Морел, *Уљези*).

‘Однако он не охотится только за историей и, вскоре после того как они *входят* в ведущий к гостинице подземный тоннель, в котором полно крыс, *находит* намного больше, чем ожидал.’

Видовая нейтрализации глаголов в форме наст. времени в главной части конструкций с неспециализированным союзом *кад(а)* возможна только в том случае, если это позволяют аспектуальные характеристики глагола, не допускающие другого прочтения, кроме событийного, см. (10).

(10) Он *престаје*: *PRS.IPFV* да кује **кад** *наиђем*: *PRS.PFV* да би ме гледао (Растко Петровић, *Људи говоре*)

‘Он перестает подковывать, когда я подхожу, чтобы оглядеть меня.’

При подобной расстановке видо-временных форм, см. (10), и наличии континуального глагола в главной части конструкции с союзом *кад(а)*, стандартно имеет место таксис неполной одновременности, когда длящаяся главная ситуация становится временным фоном для точечной зависимой, см. (22).

В СПП со специализированными союзами *чим* ‘как только’, *како* ‘как только’, *само што* ‘только что’, *тек што* ‘только’ и пр., при указанном выше сочетании видо-временных форм, выражается прерываемое либо контактное предшествование в настоящем историческом, при котором главная ситуация прерывает зависимую либо следует за ней непосредственно, без временной дистанции, см. (11–13):

(11) Али **тек што** *се ухвате*: *PRS.PFV* у коло, *дуне*: *PRS.PFV* некакав вихар и све три *однесе*: *PRS.PFV* (Вук Ст.Караџић, *Стојша и Младен*).

‘Как только они *пошли* в хоровод, *поднялся* вдруг вихрь и *унес* всех троих.’

(12) **Како** он тако *падне*: *PRS.PFV*, момци његови, који су ондје били око њега, *одмах узму*: *PRS.PFV* некакве траве, те га *покрију*: *PRS.PFV* да га људи не виде...

(Вук Ст. Караџић, *Хајдук Велько*).

‘Как только он *упал*, его соратники, стоявшие рядом, сразу же *нарвали* травы и *накрыли* его, чтоб люди не видели...’

(13) **Чим** га *поздравим*: *PRS.PFV*, *застиди се*: *PRS.PFV* и брзо настави свој рад

(Растко Петровић, *Људи говоре*).

‘Как только я *поздоровался*, он *смуцается* и быстро продолжает вою работу.’

Глаголы СВ в других формах прошедшего времени (перфекта, аориста, плюсквамперфекта) в зависимой части СПП также сочетаются в конструкциях предшествования в настоящем историческом с формами наст. времени в главной части. При этом в значении наст. исторического можно употребить глаголы обоих видов (14–18). Видовое противопоставление глаголов в значении

¹⁹⁰ Здесь и в дальнейших примерах формам настоящего времени глаголов СВ соответствуют формы прошедшего времени СВ либо настоящего времени НСВ в переводе, см. грамматическую транскрипцию глагольных форм в оригинале.

наст. исторического в главной части может сохраняться СПП, см. (14–15, 17–18), либо нейтрализоваться, см. (16):

(14) **Кад сам прочитао:** *PRF.PFV* неколико листова [...], *решим се:* *PRS. PFV* да одем господину министру... (Радоје Домановић, *Страдија*).

‘Когда я *прочитал* несколько страниц [...], *решил* пойти к господину министру.’

(15) Први људи из чаршије, **пошто су сместили:** *PRF.PFV* челяд по кућама, [...] *седе:* *PRS.IPFV*, окупљени у великој приземној соби (Иво Андрић, *На Дрини ћуприја*).

‘Важные люди города, после того как *разместили* домочадцев по квартирам, [...] *сидят*, собравшись в большой комнате на первом этаже.’

(16) **Када је приметио:** *PRF.PFV* да човек не обраћа пажњу на њега, он *узима:*

PRS. IPFV целу корпу, *ставља:* *PRS. IPFV* је на бицикл и *одлази:* *PRS. IPFV* (Савић 1985).

‘Когда он *заметил*, что человек не обращает на него внимания, *берет* корзину, *высаживает* ее на велосипед и *уезжает*.’

(17) **Кад виде:** *AOR.PFV* да му и оно мало нико не разуме, а он *се дусне:* *PRS.PFV*, *окрене:*

PRS.PFV главу на другу страну и мргодан *оде:* *PRS.PFV* (Лазар Лазаревић, *Школска икона*).

‘Когда же он *увидел*, что его никто не понимает, *разозлился*, *отвернул* голову в другую сторону и угрюмый *ушел*.’

(18) **Тек што заспао бјеше:** *PQP.PFV*, *чује:* *PRS.PFV* у пећини клопот свакојакијех верига,

тутњавину као громови... и *пробуди се:* *PRS.PFV* (Вук Ст.Караџић, *Побратимски дарови*).

‘Как только он *уснул*, *услышал* в пещере звон цепей, раскаты грома и *проснулся*.’

3.2 Неполная одновременность₁ в настоящем историческом

Если глагол в значении наст. исторического сочетается в одном предложении с деепричастием НСВ, выразится таксис неполной одновременности₁ [Храковский 2003: 42] в настоящем историческом, когда континуальная зависимая ситуация становится временным фоном для главной, при этом обе ситуации принадлежат временному плану прошлого, о чем свидетельствует контекст повествования. Глагольный вид в формах наст. исторического может нейтрализоваться, см. (20):

(19) Али, *тражећи:* *CONV.IPFV* домовину моју, *наићем:* *PRS. PFV* на интересантну земљу и људе... (Радоје Домановић, *Страдија*).

‘Но, пока я *искал* [букв *ища*] свою родину, я неожиданно *нашел* интересную страну и людей...’

(20) Он *гине:* *PRS. IPFV* у воденици, *радећи:* *CONV.IPFV* са офицером који је дошао да извиди услове рата против Турске (Црњански, *Контуре животописа краља Александра*).

‘Он *погиб* в мельнице, *работая* с офицером, который пришел осведомиться об условиях войны с Турцией.’

В данном типе таксисной конструкции глагол СВ в придаточной части указывает на точечное событие на фоне длящейся зависимой ситуации.

3.3 Полная одновременность в настоящем историческом

Глагол НСВ в значении настоящего исторического в сочетании с деепричастием НСВ может указывать на точечное событие только в том случае, если он образован од моментальных глаголов либо тех, семаника которых не допускает процессуального прочтения, см. (20). В противном случае речь идет о таксисе полной одновременности, при которой временные интервалы длительных ситуаций совпадают:

(21) Изгубио пандур пендрек па *лута:* *PRS. IPFV* улицама *тражећи:* *CONV.IPFV* (*Виц*)

‘Потерял полицейский палку и *бродит* по улицам, *ища* ее.’

3.4 Неполная одновременность₂ в настоящем историческом

Если глагол СВ в значении наст. исторического употребляется в придаточной части СПП, а в главной его части в той же форме употребляется глагол НСВ, в предложении выражается так называемая неполная одновременность₂ [Храковский 2003: 42]. При неполной одновременности₂ в настоящем историческом главная ситуация становится временным фоном для события зависимой ситуации, локализованного в прошлом. Такое сочетание видо-временных форм напоминает

конструкции предшествования, см. (10), однако, при таксисе неполной одновременности² должны быть удовлетворены следующие условия: 1) части СПП обязательно являются разнореферентными; 2) расположение частей в СПП фиксированное – придаточная часть обязательно находится в постпозиции к главной; 3) глагол в ГЧ должен быть континуальным:

(22) *Лежи: PRS.IPFV* он тако у свом кревету, *кад уђе: PRS.PFV* главна визита са чувеним професором Ајслбергом (Медаковић/ Ивана Антонић 2001: 338).

‘Лежит он себе в постели, как вдруг идет обход с известным профессором Айслбергом.’

Особенно ярко данное значение контраста фона и происходящего на нем действия проявляет себя в конструкциях с союзом *док* ‘пока’:

(23) *Идем: PRS.IPFV* уморан, изнемогао, *док одједном угледам: PRS.PFV* преда мном, на пола часа хода, где се бели град што га две реке запљускују (Радоје Домановић, *Страдија*).

‘Иду усталый, изнемог, как вдруг *вижу* – передо мной в получасе ходьбы белеет город, который омывают две реки’.

Глаголы СВ в приведенных примерах (22–24) нельзя заменить глаголами НСВ, так как вследствие такой замены нейтрализуется значение возникновения зависимой ситуации на фоне главной, и может иметь место таксис полной одновременности.

3.5 Видовая нейтрализация в настоящем историческом в таксисных конструкциях следования

При наличии союза *пре него што/пре него* глаголы СВ и НСВ в значении настоящего исторического употребляются в главной части. Такой тип таксисной конструкции указывает на следование зависимой ситуации после главной. При этом в зависимой части может находиться форма прош. вр., см. (24) либо будущего исторического, см. (25). В данных конструкциях возможна видовая нейтрализация глаголов в значении наст. исторического, см. (24):

(24) *И прије него што се она снашла: PRF.PFV*, *љуби: PRS.IPFV* је у руку (Срето Танасић 1996: 154).

‘И прежде чем она *успела* [что-либо ответить], *целует* ей руку.’

(25) ... *пре него што ће се окренути: FUT I. PFV*, Милош *премести: PRS.PFV* оловку из уста на ноћи сточић (Љильана Праизовић, *Милош Плавица, срећан човек*).

‘Перед тем как *вернуться*, Милош вынимает карандаш изо рта и *кладет* его на тумбочку.’

4.0 Заключение

Анализ языкового материала показывает, что в таксисных конструкциях сербского языка наблюдается определенная взаимосвязь между видом глагола в значении настоящего исторического и типом временных отношений между описываемыми ситуациями.

- 1) При указании на таксис предшествования, включая контактное предшествование, глагол СВ в значении настоящего исторического в зависимой части нельзя заменить глаголом НСВ. Видовая нейтрализация глаголов в значении наст. исторического возможна только в главной части таксисных конструкций предшествования.
- 2) В конструкциях неполной одновременности глагол НСВ в значении настоящего исторического, в сочетании с деепричастием НСВ, может указывать на точечное событие только тогда, если он образован од моментальных глаголов либо тех, семантика которых не допускает процессуального прочтения. В противном случае речь идет о таксисе полной одновременности, при которой временные интервалы длительных ситуаций совпадают.
- 3) В таксисных конструкциях неполной одновременности², когда главная ситуация является временным фоном для зависимой, глаголы СВ в значении наст. исторического в зависимой части нельзя заменить глаголами НСВ, так как вследствие такой замены нейтрализуется значение возникновения точечного действия на фоне главной ситуации, и может иметь место таксис полной одновременности.
- 4) При выражении следования в наст. историческом глаголы в форме наст. времени возможны только в главной части, при этом наблюдается их видовая нейтрализация.

ГЧ – главная часть; ЗЧ – зависимая часть; НСВ – несовершенный вид; СВ – совершенный вид; СПП – сложноподчиненное предложение;

AOR – аорист; CONV – деепричастие; IPFV – несовершенный вид; PFV – совершенный вид; PRF – перфект; PRS – настоящее время; PQP – плюсквамперфект.

Литература

- Белић 1941 – А. Белић. О језичкој природи и језичком развитуку. Књ. I и II. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1998.
- Бондарко 1958 – А.В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1958.
- Бондарко 1958а – А.В. Бондарко. Настоящее историческое (praesens historicum) глаголов несовершенного и совершенного видов в чешском языке // *Slavia*. XXVII. 1958. No 4. С. 556-584.
- Бондарко 1958б – А.В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном сербохорватском языке // *Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова*. 1958. № 250. С. 141-157.
- Войводић 1998 – Д. Войводић, Русский и сербско-хорватский перфективный презенс в сопоставительном аспекте // *Зборник Матице српске за славистику*. 1998. № 54-55. С.119-147.
- Ивић 1958 – М. Ивић. Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду* 1958. № 3. С. 139-152.
- Пипер, Клајн 2013 – П. Пипер, И. Клајн. Нормативна граматика српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2013.
- Поповић 2008 – Љ. Поповић. Изражавање аспектуалног значења проспективности у словенским језицима // *Зборник Матице српске за славистику*. 2008. № 73. С. 293-314.
- Радовановић 1969 – М. Радовановић. О наративним глаголским облицима, Прилози проучавању језика. 1969. № 5. С. 49-59.
- РСХКНЈ 1966 – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 4. Београд: Институт за српскохрватски језик САНУ, 1966.
- Савић 1985 – С. Савић. Из прагматике глаголских облика у српскохрватском језику: употреба презента и перфекта у приповедању // *Научни састанак слависта у Вукове дане (Београд)*. XIV. 1985. № 2. С. 87-95.
- Станојчић, Поповић 2012 – Ж. Станојчић, Љ. Поповић. Граматика српског језика за гимназије и средње школе. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2012.
- Стевановић 1974 – М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. II Синтакса. Београд: Народна књига, 1974.
- Стојићевић 1951 – А. Стојићевић. Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику. Ljubljana: SAZU, 1951.
- Танасић 1996 – С. Танасић. Презент у савременом српском језику. Београд: Институт за српски језик, 1996.
- Танасић 2005 – С. Танасић. Синтакса глагола // М. Ивић (ред.). Синтакса савременога српског језика: Проста реченица. Београд: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 2005. С. 345-469.
- Храковский 2003 – В.С. Храковский. Категория таксиса (общая характеристика) // *Вопросы языкознания*. 2003. № 2. С. 32-53.
- Grubor 1953 – Ђ. Grubor. *Aspektna značenja*. Zagreb: JAZU, 1953.

СЕМАНТИКА ПРЕДЕЛА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ¹⁹¹

According to the largest academic dictionary of the Russian, it includes about 33 000, whereas verbal nouns are only 5500. In West Slavic languages nomina actionis are much more regular. In Russian perfective aspect the semantics of temporal definiteness has occupied a dominant position. The functional limitations of Russian nomina actionis may be seen as a side effect of this process.

На грамматическом уровне о пределе обычно говорят как о семантическом признаке, релевантном для перфективной семантики. Н.Ю. Шведова определяет предел действия как некую критическую точку, к которой стремится действие; по достижении этой точки действие прекращается, исчерпав себя [Шведова 1980: 583]. Семантика предела лежит в основании аспектуальности – одной из центральных функционально-семантических категорий славянских языков. По словам Ю.С. Маслова, семантической базой оппозиции совершенный : несовершенный вид в русском и других славянских языках «является противопоставление достигнутость : недостигнутость внутреннего предела глагольного действия»¹⁹². [Маслов 2004: 33]. Е.В. Петрухина в докладе на Международном Конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: Исторические судьбы и современность» отметила, что концепт предела является семантической доминантой русской языковой картины мира, т.е. идеей, которая характеризуется частотностью и разнообразием форм выражения в языке [Петрухина 2014: 689].

Однако сама по себе интерпретация предела как некоего универсального семантического признака, присутствующего во всех перфективных глаголах и во всех языках, имеющих те или иные аспектуальные показатели, не проясняет ситуации. Поиски инварианта глагольного вида, продолжающиеся уже несколько десятилетий, не привели к удовлетворительному результату. Слишком разные определения инварианта совершенного вида¹⁹³, неэквивалентность форм перфектива в разных языках, попытки выделения «особого славянского вида» – все это свидетельствует о том, что в основе перфективности (так же, видимо, как и имперфективности) нет единого семантического признака, универсального для всех языков. В этом ключе представляется плодотворным подход, который последовательно развивался в Ленинградской аспектологической школе Ю.С. Маслова: семантическая сфера аспектуальности не является однородной, существует множество аспектуальных оппозиций, различающихся в разных языках формально и семантически [Маслов 2004: 4]. Эти утверждения не противоречат друг другу, а скорее являются взаимодополняющими: семантика предела лежит в основании видовых различий, но реализуется в разных семантических вариантах.

¹⁹¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 "Петербургская школа функциональной грамматики

¹⁹² Эта идея поддерживается не всеми. В частности, В.В. Гуревич возражает против идеи предела как инвариантного признака СВ. Рассматривая пример *Он уже пришел – Он уже приходил*, исследователь приходит к выводу, что оба действия несомненно достигают «внутреннего предела», а следовательно этот признак не может быть различительным, а только частным значением СВ. В качестве инвариантного значения СВ предлагается признак секвентность – способность выражать цепь последовательных сменяющихся действий (свойство выражать связь «с предыдущим и последующим действием (моментом времени)» [Гуревич 1971: 74] Такой подход получил развитие в работах А.Барентсена.

¹⁹³ Вот далеко неполный список: «целостность» (Л.П. Размусен, Ф. де Соссюр, Ю.С. Маслов, Н.С. Авилова, А.В. Бондарко), «взгляд на ситуацию извне» (Б. Комри), «смена ситуаций», «секвентность» (А. Барентсен), «изменение» (F. Antinucchi, L. Gebert, Е. Падучева), «целостное событие» (Дж. Форсайт), «единичность (однократность) обозначаемой ситуации» (Г. Зельдович), «история» фрагмента мира (последовательные «сцены») (И. Шатуновский), ограничение действия пределом (Р.О. Якобсон, Ю.С. Маслов, В.В. Виноградов), ограниченное пределом целостное действие (А.В. Бондарко, Н.С. Авилова) и т.д.

Сложность представляет сам механизм анализа: как диагностировать, какой именно тип предела преобладает в глагольной лексике? Чтобы понять сущность сложного явления, иногда требуется выйти за пределы рассматриваемого круга объектов. В данном случае мы сделаем это дважды: 1) рассмотрим, как преломляется глагольная семантика предела в словообразовательных транспозитах – отглагольных именах существительных со значением действия, 2) сравним положение дел в трех родственных языках.

В современном русском языке имена существительные, образованные от глагола и выражающие значение действия или состояния, типа *изучение, спасение, изгнание, накапливание, накопление, проверка, завоевание, обгон* и т.п., имеют ограниченные семантические и функциональные возможности (по нашим данным, в русском языке имен действия в 6 раз меньше, чем глаголов). Кроме того, транспозиция русского глагола в имя сопровождается утратой важных семантических компонентов, в частности, ряда аспектуальных значений. В близкородственных славянских языках ситуация иная: в украинском языке имен действия насчитывается в два раза больше, чем в русском, а польский девербатив, согласно словарным данным, образуется почти от каждого глагола. Важно и то, что польские и украинские имена действия более «глагольны», чем русские: они гораздо регулярнее образуют видовые пары и в некоторых грамматиках даже включаются в парадигму глагола. Почему так происходит? Мы полагаем, что причина этих различий – в межъязыковых различиях аспектуальной семантики.

В.А. Плунгян, рассматривая глагольные категории в типологическом ракурсе, предлагает понятие «универсального грамматического набора», в который входят все значения, грамматикализованные хотя бы в одной из глагольных систем. В семантике перфективности он выделяет три семантических признака, релевантных для этой зоны: мгновенность / краткость (пунктивность), достижение естественного предела (комплетивность) и вложенность в более протяженный временной интервал (в терминологии В.А. Плунгяна – лимитативность). Пунктивная (точечная) перфективность указывает на очень малую протяженность (краткость) или почти полное отсутствие длительности (как в *стукнуть, курнуть*). Это семантическое описание соотносится с аспектуальным классом ситуаций, которые обычно называют «события» («achievements» по З. Вендлеру). Перфективы второго типа – комплетивные – также обозначают событие, но такое, что оно всегда является частью другой длительной ситуации, некоторой критической точкой в составе ситуации (как в *построить*). Этот семантический тип, по мнению В.А. Плунгяна, является главным в славянских языках. Третий тип («лимитативный») базируется на семантическом признаке вложенности в более протяженный интервал. Существенным для него является то, что ситуация началась и закончилась на протяжении определенного фонового отрезка времени, важно само наличие временных границ ситуации (как в *посидеть, прогулять (весь день)*), а не ее аспектуальная характеристика, как в первых двух типах. В языках обычно присутствуют все три описанных типа значения, но в разных пропорциях [Плунгян 1998: 375–378]. Эта классификация замечательно коррелирует с разновидностями семантики перфективности, описанными М.А. Шелякиным на материале русского языка: анализируя семантику перфективных глаголов русского языка, он выделяет три семантических типа предела глагольного действия: результативный (достижение естественного результата, обусловленного природой самого действия, например: *переходить – перейти*), одноактный (действие совершается «в один прием», «одним движением», например: *булькнуть, вздрогнуть*) и количественно-временной (действие ограничено определенной внешней, временной границей, например: *посидеть, закричать, продудеть*) [Шелякин 1983: 161].

Аспектуальная семантика может различаться и между славянскими языками. Одно из первых наблюдений по этому поводу принадлежит С. Иванчеву. В работе 1961 г. он указал на заметные различия между категорией вида в западно- и восточнославянских языках (на материале чешского, а также польского и словацкого) [Иванчев 1961]. Идея о несовпадении семантики совершенного вида в славянских языках разрабатывается в работах амстердамской исследовательской группы под руководством А. Барентсена: «инвариантное значение видов в разных славянских языках не совсем тождественно (...) предельность и целостность представлены в значении СВ всех славянских языков, а различие заключается (...) в представленности или характере третьего признака – секвентная связь» [Барентсен 1995: 24]. Говоря о разных типах предельности, А. Барентсен подчеркивает

важность таких факторов как дуративный или моментальный характер исходной / результирующей ситуации, а также самого действия [Барентсен 1998: 47]. Убедительные доказательства различий в семантике совершенного вида в славянских языках представлены в работах С. Дики: для русского и других восточнославянских языков основной является временная определенность действия «temporal definiteness», для западнославянских – целостность («totality») [Dickey 2000]. Дополнительное подтверждение эта мысль находит в работах итальянской исследовательницы Р. Бенаккьо, которая обнаруживает регулярную экспансию СВ и сужение сферы НСВ с востока на запад для выражения вежливости. Причины этого явления исследовательница также усматривает в чисто грамматической эволюции системы глагольного вида в восточнославянских языках [Бенаккьо 2010: 181–183].

Эти идеи дают возможность по-новому подойти к решению проблемы славянского отглагольного имени действия. Мы допускаем, что существует связь между доминирующим в языке содержательным типом предела и некоторыми особенностями устройства грамматической системы языка. Нашу гипотезу можно сформулировать следующим образом: причина запрета на номинализацию ряда глаголов заключается не в перфективности глагольной формы как таковой, а в типе выражаемого ею предела: результативном, одноактном или количественно-временном. Этот фактор, с одной стороны, может влиять на продуктивность глаголов разных семантических групп по отношению к именам действия внутри одного языка, а с другой – определять межъязыковые различия.

Возникает естественный вопрос: каким образом можно определить тип предела в каждом конкретном глаголе или в имени действия? Одним из удобных инструментов анализа в данном случае оказываются аспектуальные разряды – способы глагольного действия, которые являются одним из важных средств формирования аспектуальной семантики в русском и других славянских языках. В глаголах морфемно-характеризованных способов действия тип предела в большинстве случаев выражен эксплицитно (например, глаголы одноактного способа действия выражают одноактный тип предела, делимитативные глаголы – количественно-временной тип предела (по М.А. Шелякину) или лимитативность (по В.А. Плунгяну)). Кроме того, семантика способов действия – это существенный признак семантической структуры глаголов, который транспонируется при номинализации и может сохраняться в производных именах действия.

В основание анализа положена словообразовательно-семантическая соотнесенность производных существительных с глаголами тех способов действия, которые эксплицитно выражают определенный тип предела (результативных, одноактных, делимитативных и т.д.)¹⁹⁴. Вначале мы провели сплошной количественный анализ этих глагольных групп, а также соотнесительных имен действия в трех исследуемых языках, а затем сопоставили полученные количественные данные и установили словообразовательные лакуны и, соответственно, «зоны запрета» на образование отглагольных имен в зависимости от типа предела глагольного действия.

При анализе корпуса русских девербативов в первую очередь обращает на себя внимание заметное преобладание имен действия, мотивированных имперфективными глаголами. Например, единичных имен действия, образованных от глаголов НСВ (типа *ловля*) насчитывается около 1100 единиц, а единичных имен действия, образованных от глаголов СВ (типа *завоевание*) – всего около 80 единиц. Однако прямой подход «от формы» в данном случае, результата не дает: одни глаголы совершенного вида мотивируют имена действия (например, *захудать* – *захудание*, *переделать* – *переделка*, *прочесть* – *прочтение*), а другие – нет (например: *перецеловать* – \emptyset , *повспоминать* – \emptyset , *просидеть (полчаса)* – \emptyset , *застучать* – \emptyset и т.д.). Релевантным в данном случае оказывается не само по себе наличие в семантической структуре глагола признака предела, а его содержательный тип.

Результативный тип предела действия реализуется в русских глаголах специально-результативных способов действия, которые обозначают действие, направленное на достижение результата, свойственного их качественной природе и являющегося для них пределом. Количественный анализ продуктивности глаголов специально-результативных способов действия

¹⁹⁴ Фактический материал получен методом сплошной выборки из следующих словарей русского, украинского и польского языков: ССРЛЯ 1948–1965; СУМ 1970–1980; ВТССУМ 2005; Dubisz 2004

показывает: никаких жестких семантических ограничений на образование от них имен действия нет. Например, от 62 проспективных глаголов образовано 76 отглагольных имен (типа *подготовка*), от 225 репродуктивных глаголов – 167 имен действия (типа *переписывание, перебелка*) и т.д. Практически все глаголы результативно-аннулирующего, комплетивно-партитивного, отделительно-партитивного, недостаточно- и чрезмерно-нормативного и других специально-результативных способов действия имеют соотносительные именные образования (*подкармливание, отвинчивание, выкрахмаливание, отформовка, подсыпание доливка, пересол, недолив, отвоевание, дезорганизация* и т.д.). То есть, семантический признак результативного предела действия не конфликтует с именной формой выражения действия и легко транспонируется в девербативы.

Второй содержательный тип предела — одноактный — наиболее явно выражается в глаголах одноактного способа действия, которые обозначают одну микроситуацию по отношению к множеству повторяющихся таких же ситуаций. Формальными показателями значения одноактности служат суффикс *-ну-*, а также префикс *вз-*. Одноактность в именах действия выражается реже, чем в глаголах, (от 200 одноактных глаголов образовано около 50 имен действия)¹⁹⁵, но, в то же время, этот разряд девербативов можно считать уникальным в том отношении, что именной суффикс (*-ок*) аспектуально маркирует действие (слова *кивок* или *хлопок* в форме единственного числа не могут обозначать кратные действия). Интересно, что одноактные девербативы иногда образуются даже от глаголов, не имеющих одноактной формы: *звонить* – *звон* – *звонок*; *грести* – *гребля* – *гребок*. Можно утверждать, что одноактный тип предела действия семантически не препятствует образованию имен от глаголов, содержащих этот признак.

Третий тип предела действия указывает на количественно-временную границу действия (количественно-временной по М.А. Шелякину [Шелякин 1983: 163]). Это временная граница начала или конца действия, граница определенной длительности действия, крайняя граница интенсивности, крайняя граница повторяемости действия. Такие значения в русском языке выражаются, в частности, с помощью способов глагольного действия:

- временная граница начала или конца действия: начинательный СД (*запеть*), финитный СД (*отжить*);

- временная граница определенной длительности: делимитативный СД (*постоять*), пердуративный СД (*просидеть*); а также протяженно-одноактного (*прокричать*), сативного (*наседеться*), финально-отрицательного (*допрыгаться*), сверхнормативно-длительного (*перестоять*), чрезмерно-длительного (*замечтаться*), чрезмерно-продолжительного (*загуляться*), терминативно-локального (*добежать до...*);

- крайняя граница интенсивности; чрезмерно-интенсивный СД (*уездиться*), длительно-усилительный СД (*докричаться*);

- крайняя граница повторяемости: кумулятивный СД (*набросать, наговорить*), дистрибутивно-суммарный (*побить (всю посуду), перестирывать (все белье)*) чрезмерно-кратного (*измучиться*) способов действия.

Результаты количественного анализа продуктивности глаголов соответствующих способов действия оказались более чем убедительными: ни один глагол, содержащий признак количественно-временного предела в эксплицитной форме, не образует имен действия (*пробежать (всю ночь)* – \emptyset , *отстоять (три часа)* – \emptyset , *провопить* – \emptyset , *пробубнить* – \emptyset , *досидеться* – \emptyset , *нагруститься* – \emptyset , *выгуляться* – \emptyset).

¹⁹⁵ Небольшое количество одноактных имен действия в русском языке можно объяснить причинами стилистического порядка. Дело в том, что большой процент одноактных глаголов имеет в своей структуре дополнительное эмоционально-экспрессивное значение и принадлежит к разговорному или просторечному стилям, а русское отглагольное имя действия, напротив, характеризуется склонностью к книжности. Возможно, именно это противоречие является основным фактором, препятствующим более широкому образованию одноактных имен действия. Показательным в этом отношении является тот факт, что большинство одноактных глаголов, у которых отсутствует именная одноактная форма, имеет соотносительное глагольно-междоиметное образование: *шмыг, трес, хрусть*, что более характерно для эмоциональной сферы языка.

Эти результаты вдохновили нас на поиски подобных семантических ограничений в украинском и польском языках. Далее мы более детально рассмотрим один из интересных случаев – возможность репрезентации в именах действия временной границы начала действия. В русском языке начинательность выражается с помощью префиксов *за-*, *по-*, *вз-* (*воз-*), *раз-*. В украинском языке начинательные значения могут выражаться префиксами *за-* и *раз-*, а префикс *по-*, по наблюдениям С.О. Соколовой, имеет ограниченную дистрибуцию: значение начала действия он реализует только в перфективах, образованных от глаголов со значением разнонаправленного движения [Соколова 2003]. В польском языке значение начала действия также может быть представлено с помощью префиксов *za-* и *po-*, но чаще выражается аналитически. Несмотря на эти различия, в рассматриваемых языках обнаруживаются идентичные тенденции: определяющую роль играет тип фазового значения – эволютивный или неэволютивный. В первом типе есть переходный период, в течение которого идет постепенное накопление свойств, ведущих к появлению качественно новой ситуации. Второй тип – неэволютивное (контактное) начало действия – не обозначает «части действия», оно называет только сам момент его появления, до которого указанное действие не существовало, и обозначает реальный количественно-временной предел начала действия.

Как свидетельствует количественный анализ данных словарей [ССРЛЯ 1948—1965; СУМ 1970–1980 ; ВТССУМ 2005; Dubisz 2004], отглагольные существительные действия в русском, украинском и польском языках образуются только от глаголов с эволютивным фазовым значением, иначе говоря, только от глаголов, в которых отсутствует признак количественно-временного предела. Сравните, например, полученные нами данные, касающиеся фазовых глаголов с приставками *по-* (*po-*) и *за-* (*za-*), в таблице ниже:

Количественное соотношение фазовых начинательных глаголов и образованных от них имен действия

Префиксы со значением начала действия	Украинский язык		Русский язык		Польский язык		
	Кол-во глаголов	Кол-во отглагол. имен	Кол-во глаголов	Кол-во отглагол. имен	Кол-во глагола в	Кол-во отглагол. имен	Кол-во употреблений в корпусе НКЯР
ЗА- / ЗА-	849	43	898	16	64	54	1
ПО- / ПО-	64	-	95	-	21	19	-

От начинательных глаголов с приставкой *по-* (а в них количественно-временной предел выражен эксплицитно) в украинском, польском и русском языках девербативы не образуются. Имена действия, которые теоретически могли бы выражать это значение, не оправдывают ожиданий: фактически это имена ситуаций, в которых потеряно значение начала действия (например, укр.: *побігеньки* ‘побегушки’, *поїздка* ‘поездка’, *політ* ‘полет’; рус.: *поскачка*, *погоня* и т.д.). В некоторых случаях они соотносятся с глагольным ЛСВ с кратно-смягчающим значением (*посвист*, *поскачка*). И хотя по словарным данным украинские девербативы *поринення* ‘погружение’, *похиляння* букв. «понаклонение» реализуют весь комплекс значений глагола-мотиватора, среди которых есть и значение начала (например, *поринути* ‘побежать, броситься, начать лить (о дожде)’, *похилити* (разг.) ‘пойти понуро’), однако анализ контекстов убеждает, что в речи они реализуют только пространственное результативное (прямое или переносное) значение:

(1) *А ще отримати неповторний досвід від поринення у середовище ідей, творчості і безпосередності* (режим доступа: [http:// platfor.ma/art/5203950f2b7cf](http://platfor.ma/art/5203950f2b7cf))

‘А еще получить неповторимый опыт погружения в среду идей, творчества и непосредственности’

Иная ситуация с глаголами с префиксом *за-*: девербативы образуются от них во всех трех языках (рус.: *зацветание*, *запевание*, *закуривание*; укр.: *зажадання* букв. «захотение», *загоряння* ‘загорание’ и т.д.), и, что важно, некоторые из них даже могут выражать значение начала действия в речи:

(2) *Середня весна – триває до зацвітання черемхи; пізня весна – триває до відцвітання яблунь* (режим доступа: <http://pti.kiev.ua/statti/295-sezonni-zmini-u-zhitti-roslin..html>).
'Средняя весна длится до зацветания черемухи, поздняя длится до отцветания яблонь'

Эти имена действия объединяет то, что они образованы от эволютивных начинательных глаголов. Само по себе значение начала действия не запрещает транспозицию украинских или русских глаголов в существительные. Причина заключается в наличии или отсутствии количественно-временного предела: все глаголы с начинательным префиксом *po-* в украинском и в русском языках – неэволютивные, а вот среди глаголов с префиксом *za-* есть эволютивные, от них и образуются эти единичные существительные.

В польском языке ситуация, на первый взгляд, другая: согласно [Dubisz 2004], большинство имеющихся в языке фазовых начинательных глаголов имеют соотносительные девербативы. Хотя для польского языка в целом не очень характерно внутрисловное выражение семантики начала действия, в результате сплошного анализа польских словарей была получена выборка объемом 85 глагольных лексем со значением начинательности. Однако сплошной анализ данных Национального корпуса польского языка [НКJP] дал весьма любопытные результаты: подавляющее большинство «начинательных» девербативов, представленных в словарях, в корпусе отсутствует. Слова типа *zawrzenie* букв. «забурление», *zalsnienie* букв. «заблестение», *zaklekanie* букв. «заклекотание» и т.д. (более 20 лексем) не имеют ни одного вхождения. Девербативы, образованные от многозначных глаголов, в семантической структуре которых совмещается количественно-временное начинательное и, например, результативное, дистрибутивное или другие аспектуальные значения (типа *zatluczenie* букв. «забывание», от *zatluc* 'забить' (1. О сердце: начать пульсировать 2. Избивая, забить (до смерти)). [Dubisz 2004], были выявлены в корпусе, иногда в большом количестве, но в других аспектуальных значениях: результативном, дистрибутивном и др.:

(3) *...że zatluczenie na śmierć znanego w całej okolicy działacza podziemnej "Solidarności", niedaleko jego własnego domu, nie było niczym więcej niż zwykłym napadem rabunkowym* (R.A. Ziemkiewicz 2008) (9 вхождений)

'...то, что забили до смерти известного во всей округе активиста подпольной «Солидарности»...'

Ситуация с девербативами от начинательных глаголов с *po-* еще более очевидна: большинство таких лексем зафиксировано только в словаре, но отсутствует в корпусе (*pozaswiecanie się* букв. «позагорание», *polubienie się* букв. «полюбление», *rozaczynanie* букв. «поначинание»). Несколько таких существительных было обнаружено в корпусах, но ни в одном из них имя действия не выражало значения начинательности, см. пример (4):

(4) *Jego dewizą na osiągnięcie sukcesu jest pokochanie pracy. – Przede wszystkim robię to, co lubię* (Edyta Hanzske, Trybuna Śląska, 2000-12-15)

'секрет его успеха – любовь к своему делу: он занимается прежде всего тем, что любит'

Таким образом, как в словаре, так и в речи отглагольное существительное в русском, украинском и польском языках проявляет свой «аспектуальный характер». Несмотря на разную степень сохранения глагольной грамматикализации видовых значений, аспектуальный потенциал русских, украинских и польских девербативов в сфере выражения предела действия во многом совпадает: имя действия способно выражать различные оттенки результативного и одноактного пределов, но «оказывает сопротивление» при выражении количественно-временного предела (внешней границы) действия. При этом тенденция, обнаруженная на материале русского языка, проявляется в украинском и в польском языках, но в последнем случае – не на уровне словаря, а на уровне узуса.

Изложенные наблюдения свидетельствуют еще и о том, что идея предела обнаруживает свою значимость на разных языковых уровнях, в том числе – на словообразовательном, поскольку именно тип предела оказывается релевантным для продуктивности глаголов по отношению к именам действия. Кроме того, находит дополнительное подтверждение мысль о неоднородности

семантической сферы аспектуальности, несовпадении семантики перфективности в славянских языках, ее онтологической гетерогенности.

Список условных сокращений

СВ – совершенный вид, НСВ – несовершенный вид, ЛСВ – лексико-семантический вариант, СД – способ действия

Литература

- Барентсен 1995 – Барентсен А. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида I (отв. ред. С. Кароляк) Krakow: WSP. - 1995. - С.1–26 .
- Барентсен 1998 – Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.Ю. Черткова (ред.). Москва: Языки русской культуры. 1998. С.43–58.
- ВТССУМ 2005 – Великий тлумачний словник сучасної української мови // В.Т. Бусел (ред.). Киев, Ірпінь: ВТФ Перун, 2005
- Гуревич 1971 – Гуревич В.В. О значениях глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. 1971. №5. С.73–79.
- КТУМ – Корпус текстів української мови / Лабораторія комп'ютерної лінгвістики Інституту філології КНУ ім. Т. Шевченка. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209>.
- Маслов 2004 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
- Петрухина 2014 – Петрухина Е.В. Концепт ПРЕДЕЛА в грамматике и лексике // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.
- Плунгян 1998 – Плунгян В.А. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: ЯРК, 1998. С. 370–381.
- Соколова 2003 – Соколова С.О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові. Киев: Наукова думка, 2003.
- ССРЛЯ 1948—1965 – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т // В.И. Чернышёв (ред.). М.: АН СССР, 1948—1965.
- СУМ 1970–1980 – Словник української мови: в 11 тт. АН УРСР. Інститут мовознавства // І.К. Білодід (ред.). Киев: Наукова думка, 1970—1980.
- Шелякин 1983 – Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола теоретические основы). Таллин: Валгаус, 1983.
- Шведова (ред.) 1980 – Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.І.
- Dickey 2000 – Dickey S. Parameters of Slavic Aspekts. A cognitive approach. Stanford: CSLI Publications, 2000. P. 234–258.
- Dubisz 2004 – Uniwersalny słownik języka polskiego // pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.
- NKJP – Korpus Języka Polskiego. URL: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>.

К АСПЕКТУАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ РУССКОГО УЖЕ¹⁹⁶ TOWARDS ASPECTUAL PROPERTIES OF RUSSIAN UŽE

Russian *UŽE* is known as a lexical marker with an aspectual (phasal) meaning semantically close to resultative one. However, this marker is easily -- though somewhat unexpectedly -- combined with imperfectives and imperatives (as in *spi uže* 'sleep already'). Theoretically, these types of constructions are not unproblematic. The paper argues that it is the strong discourse component in the semantics of *UŽE* (related to the speaker's expectations) which triggers (through metonymic shifts and implicatures) these nonstandard uses of *UŽE*.

1. Введение: что мы уже знаем про УЖЕ?

Связь конструкции *УЖЕ Р* с аспектуальностью хорошо известна, см., например, [Апресян 1980, 1980а, Мустайоки 1988, Плунгян 2000, Tommola 2000]. Разные исследователи подчеркивают разные особенности этой связи, влияющие на аспектуальные характеристики предложения в целом -- но в основном речь идет о фазовости -- констатируется, что для семантики *УЖЕ* существен переход от одной ситуации к другой, противоположной (*солнце уже встало* указывает на то, что до некоторого момента на небе не было солнца, а потом произошло изменение: на небе стало видно солнце), и невозможность употребить *УЖЕ*, если идея такой перемены почему-либо исключена. В подтверждение обычно приводятся примеры типа **уже молод / ребенок / неопытный*, см. подробнее Мустайоки 1988: 101 и след. и там же ссылки на другие работы на эту тему. Арто Мустайоки говорит о «точке кульминации», в которой осуществляется необходимая перемена. Обычно она отсчитывается назад от специально обозначенной в предложении (*в полдень / пять минут назад / через пять минут ... уже пришел* = 'пришел раньше, чем в полдень / пять минут назад' и т.д.), а если нет, то по умолчанию восстанавливается действительски, как некоторый момент, предшествующий моменту речи.

Помимо ассертивной семантики «переключения» ситуации на противоположную, в значении *УЖЕ Р* имеется важный имплицитный дискурсивный компонент, который также давно и хорошо исследован. Речь идет об ожиданиях участников ситуации относительно ее кульминации, которые принято включать в толкование *УЖЕ Р*, ср., например, [Богуславский 1996]:

‘ожидали, что Р, но ожидали, что Р наступит позже, чем в настоящий момент; вопреки ожиданиям, Р имеет место в настоящий момент’.

Приведенное толкование требует некоторых комментариев: оно может иметь два варианта, в зависимости от акциональных свойств Р.

Действительно, если Р -- точечное событие, которое в русском обычно выражается совершенным видом (*уже пришел*), то оно идеально соответствует точке кульминации, которая ожидается как следующая после настоящего момента -- а на самом деле предшествует ему. Но что тогда «имеет место в настоящий момент»? Не само событие, а некоторое пост-кульминационное состояние, достигнутое в Р. С этой точки зрения семантика *УЖЕ Р* обнаруживает близость к классическому перфекту -- поэтому не случайно, что, как показывают исследования, такого рода конструкции могут грамматикализироваться в маркеры перфекта (о грамматикализации славянского ‘уже’ см. подробнее Tommola 2000; в более широком типологическом аспекте Olsson 2013).

Теперь рассмотрим случай, когда Р выражено несовершенным видом (*уже идет*): кульминационность *УЖЕ Р* и здесь требует дополнительной имплицатуры. Она возникает в конструкциях такого рода за счет метонимии, т.е. переноса семантического акцента в высказывании. Роль метонимии в грамматических процессах хорошо известна. Однако в стандартном случае

¹⁹⁶Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

метонимия переносит акцент с процесса на результат. Результативная, или, в когнитивных терминах, end-point метонимия, встречается довольно часто и имеет ясную когнитивную подоплеку, связанную с эффектом goal-bias, т.е. особой важностью цели, конечной точки или результата ситуации с антропоцентричной точки зрения (см., в частности, [Stefanowitsch, Rohde 2004] и мн. др.). Частица *УЖЕ* замечательна тем, что она акцентирует *начало*, а не конец ситуации, ср.:

(1) *Белье быстро сохнет / мокнет высыхает* ‘становится сухим’ (акцент на результат)

→ *Белье уже сохнет* = ‘начинает сохнуть’ (акцент на начало).

Такая метонимия встречается значительно реже, и природа ее непосредственно связана с нетривиальным сочетанием уже упомянутых компонентов семантики *УЖЕ*: кульминационностью, и ожиданием более поздней кульминации и эффектом пост-кульминационного состояния, которое часто выпадает на настоящий момент (семантически сближая *УЖЕ Р* с перфектом).

По-видимому, процессные контексты – не единственные, в которых *УЖЕ* подтверждает свою лингвистическую нетривиальность: комбинация грамматического значения с насыщенной лексической семантикой может давать неожиданные результаты в самых разных объемлющих конструкциях.

Здесь мы рассмотрим возможности сочетания *УЖЕ* с формами императива, имея в виду только что обсуждавшиеся свойства этой лексемы, а именно:

- кульминационность,
- презумпции, связанных с ожиданиями *Р*,
- семантическую значимость начальной точки *Р*.

2. *УЖЕ* и императив: назад в будущее

Начнем с будущего.

Обычное будущее не представляет проблемы для конструкции с *УЖЕ* (в том числе и с предикатом *Р* в совершенном виде), если временная точка-ориентир для кульминационного момента эксплицитно обозначена. Тогда конструкция *УЖЕ Р* передает идею проспективного временного расчета говорящего, ср. (2).

(2) *В полдень королева уже приедет во дворец*: ‘вопреки чьим-то ожиданиям, он полагает, что в полдень будет иметь место пост-кульминационное состояние – в полдень королева (которая сейчас не во дворце) будет находиться во дворце, потому что в какой-то момент, предшествующий полдню, ее местонахождение радикально изменится’.

Если эксплицитно выраженного ориентира нет, предложение с *УЖЕ* в своем обычном значении трудно интерпретировать, потому что для предиката в будущем времени (в отличие от предиката в прошедшем и настоящем) момент речи не может быть дефолтной точкой отсчета. Поэтому в НКРЯ, даже и в устном корпусе, так или иначе точка отсчета выражена, ср. (3-4), где ориентиром является не прямое указание на время, а соотношенность с другим событием или возможным миром:

(3) *Когда мы завтра встанем / покос уже кончится*. [Никита Михалков и др. Неоконченная пьеса для механического пианино, к/ф (1977)]

(4) *Может Жириновский уже поумнеет*. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003]¹⁹⁷.

Примеров типа (5):

¹⁹⁷ Понятными исключениями являются предложения, в которых, вопреки порядку слов, в сфере действия *УЖЕ* находится не глагол, а его аргумент или адьюнкт. Ср.: *ответит дежурный телефонист <...>. А у них уже узнаете*. (= ‘уже у них’)[Запросы к телефонной справочной службе 09 // Отдел Машинного фонда ИРЯ РАН, 1985] или: *ещё чуть-чуть потерпите, я м-м / быстро уже закончу*. (= ‘уже быстро’)[Свободное время // Из коллекции А.А. Степихова, 2001].

(5) ??Он уже зайдет к нам / сделает это / поедет в Рим и под.

нам не подалось даже в устном корпусе. Однако по нашему мнению, они все же встречаются в разговорной речи – но будучи неинтерпретируемы напрямую, предполагают эллипсис промежуточной ситуации, в ходе которой субъект (возможно, под влиянием говорящего) скорректировал свой первоначальный план в пользу Р. Ср. соответствующее толкование для *он уже поедет в Рим*: ‘до момента t_i , предшествовавшего моменту речи, субъект не имел в виду Р (= поездка в Рим) в обозримом будущем (= после момента речи); слушающий не ожидал быстрых изменений в планах субъекта, хотя и допускал, что когда-нибудь он решится на Р; говорящий сообщает слушающему, что изменение произошло быстрее, чем ожидалось – в момент t_i (скорее всего, в момент t_i именно говорящий убедил его поменять план на противоположный), так что теперь в момент речи, состояние субъекта таково, что он собирается ехать в Рим’.

Повелительное наклонение также относится к кругу значений, ориентированных на будущее – и в общем случае простые повелительные конструкции типа *замолчи / перестань / отойди* и под. не должны сочетаться с *УЖЕ*. В этом отношении *УЖЕ* снова обнаруживает близость к перфекту: если бы мы описывали не русский, а какой-то другой язык с грамматическим перфектом, то вряд ли мы ожидали бы комбинацию перфекта с императивом.

Между тем, императивы в сочетании с *УЖЕ* – т.е. такие контексты, как *приди уже, прекрати уже, пой уже...* (в отличие от только что рассмотренных предикатов в будущем времени будущего без выраженного при них временного ориентира) встречаются довольно часто, правда, опять-таки прежде всего в устной речи. Ср. следующие примеры из НКРЯ (устный корпус):

(6) *Ну говори уже, куда идти.*

(7) *Водитель / на возьми деньги / только замолчи уже / ладно?*

(8) *Женщина / ну если вы едете / заходите уже!*

С семантической точки зрения императивные употребления *УЖЕ* попадают в довольно разнородное по своим источникам семейство иммедиатных маркеров, таких как: *немедленно, скорей, сразу, сейчас же, тут же* и под. Характеризуя их в целом, можно сказать, что они «ускоряют» наступление Р, ср. *замолчи немедленно, заходи скорей* и др. Чтобы понять роль *УЖЕ* в этом ряду и особенности его языкового поведения, нам придется кратко остановиться на принципах работы этих единиц и проиллюстрировать их.

В основе механизма действия иммедиатных маркеров лежит анафора, т.е. соотнесенность Р (в данном случае – временная) с некоторой предшествующей ситуацией Р'. Временное расстояние (промежуток) между этими ситуациями (Р' и Р) они и минимизируют, ср.:

(9) *почувствовал боль (Р') – и тут же / немедленно / сейчас же / скорей / сразу поехал (Р) в травмопункт.*

Связь *скорей* и *немедленно* с иммедиатностью предсказуема: она обусловлена значением высокой скорости. Другим ясным семантическим источником иммедиатности служат дейктические наречия, ср. *сейчас <же>*. Привязывая событие к моменту речи, они тоже ускоряют его реализацию, ср.: *иди сейчас же*. Однако семантическая индивидуальность каждого из этих маркеров проецируется в свой сочетаемостный профиль, сложным образом отражающий семантическую специфику соответствующей лексемы. Ср., в частности, разную «реакцию» этих показателей на степень категоричности побуждения: практически приказ в (10) и почти совет в (11):

(10) *Успокойся немедленно / сейчас же / ? скорей / ?? сразу / ?? тут же;*

(11) *Прости его скорей / ? немедленно / ? сейчас же / ?? сразу / ?? тут же*

Любопытно появление в иммедиатном ряду – но почему-то не в императивных контекстах с *прости* и *успокойся* – наречия *сразу*. Оно обусловлено этимологической связью с квантификатором *раз*, способным развивать идею быстрого и резкого наступления нового события, ср.: *раз – и сделал*. *Сразу* сохраняет значение неожиданности, присущее *раз*. Оно превращает исходное квантификативное значение сначала в пространственно-временное (ср. *сразу двое*), обозначая не ожидавшуюся говорящим одновременность двух объектов в одном и том же месте в одно время. Затем развивается собственно временное значение – анафорическая иммедиатность, тоже неожиданная для говорящего:

два равноправных по значимости события следуют друг за другом так быстро, что почти синхронны. Ср.:

(12) *пришел и сразу ушел* (= ‘временной промежуток между моментом прихода Р’ и ухода Р пренебрежимо мал’);

(13) *уйди сразу* (= ‘после того, как пришел’) и др.

Обратим внимание, что последний контекст с опущением (13) отражает не дейксис, а анафору, т.е. предполагает не соотнесенность с моментом речи, не требующим поверхностного выражения (как было бы в *уйди немедленно* = ‘после того, как я это сказал’), а апелляцию к некоторому прежде упомянутому событию. То же для *уйди тут же* = ‘после того, как Р’’, см. [В. Апресян 2014, Гришина 2012], ср.:

(14) *Передашь письмо – и уйди тут же,*

но:

*Больше не хочу тебя видеть, уйди сейчас же / *тут же.*

Поэтому ни одно из этих наречий не встречается в дейктических императивных контекстах с *прости* или *успокойся* – в отличие от дейктического *сейчас же* или *скорей*, тоже отсчитывающего грядущую ситуацию от момента речи (*прости его скорей / успокойся скорей* ‘после того, как я это сказал’).

Теперь вернемся к иммедиатности в контекстах с *УЖЕ*. В его структуре, как мы уже говорили, есть презумпция временного расстояния между ожидаемым и реальным Р. Получается, что *УЖЕ* меняет это расстояние: мы ожидали, что событие совершится потом, а оно случилось сейчас, т.е. быстрее, чем должно было бы. Как видим, имплицитивно возникает идея скорости, такая важная для иммедиатности. Применительно к *УЖЕ* она, как отмечено в [Мустайоки 1988:108], обсуждалась целым рядом специальных работ: «еще подчеркивает, что изменение в положении вещей происходит позже или медленнее, чем было желательно или ожидаемо, а уже подчеркивает, что – раньше или быстрее».

Результативность, свойственная *УЖЕ*, и дейктичность императива как бы сдвигают гипотетическое, еще не осуществленное событие Р на момент речи. Получается, что точно так же, как и в общем случае, здесь измеряется расстояние между двумя событиями – оно, как и положено, оказывается ничтожным:

Р уже! ~ ‘предлагается реализовать Р так быстро, как если бы в настоящий момент оно уже начало иметь место’

Добавим, что секрет взаимного притяжения императива и *УЖЕ* не только в его привязке к моменту речи (естественном и для дейктического императива, и для результативного *УЖЕ*), но и в том, что обе конструкции склонны к метонимическому сдвигу на начальную точку. Мы говорили в начале об этом необычном свойстве *УЖЕ*, но грамматисты неоднократно отмечали его и для повелительных контекстов, см. подробнее [Падучева 1996, Шатуновский 2011] и др.; ср. такие характерные примеры, как (15-17):

(15) *Иди* = ‘начинай идти’

(16) *Говори* = ‘начинай говорить’

(17) *Спи* = ‘засыпай, начинай спать’

С нашей точки зрения, это свойство и есть главная причина, по которой *уже*, вопреки своей перфектности, выступает в императиве. Заметим, что такие контексты образуют совершенно особую конструкцию в том смысле, в котором этот термин понимается в теории Грамматике конструкций: особая форма сочетается в ней с особым значением некомпозиционным образом.

Что касается формы, то необычным является прежде всего порядок слов: как правило, для индикатива характерна препозиция *УЖЕ* по отношению к глаголу (ср. *уже пришел*), тогда как постпозиция (ср. *пришел уже*) свойственна, скорее, разговорным контекстам. Однако в императиве возможна только постпозиция:

(18) *Иди уже!* / ??*Уже иди!*

Семантика тоже другая, чем обычно: дискурсивный компонент отражает не просто ожидания, а еще и презумпции двух выделенных в императивной ситуации участников: говорящего и адресата, ср. (a-d):

(a) ‘Адресат контролирует Р’ (презумпция соответствует обычному императиву);

(b) ‘Говорящий, и адресат знают, что необходимо Р’;

(с) ‘Адресат не так заинтересован в Р, как говорящий и / или не спешит выполнить Р’ (презумпция, специфичная для императивного *УЖЕ*: она комбинирует контроль адресата, свойственный императиву и презумпцию ожидания, свойственную *УЖЕ*).

Заметим еще, что как и положено стандартному императиву, данная конструкция плохо сочетается с неконтролируемыми стативами, ср.:

(19) *заходи уже, купи уже*, но: **надейся уже / верь уже / знай уже*.

При этом результативность *УЖЕ*, что называется, добавляет стативам стативности, делая императивы с *УЖЕ* менее приемлемыми, чем обычные ср.:

(20) *Так знай же!* – **Так знай (же) уже!*

Тем не менее, во многих случаях такого рода сочетания допускаются, – но только если в них возможен метонимический акцент на начале ситуации, которое при этом хоть в какой-то степени может контролироваться субъектом, ср.: *спи уже* в значении ‘засыпай’, *молчи уже* как ‘замолчи’ или *радуйся уже*, *Вася приехал* в значении ‘начинай проявлять радость сейчас’.

Таким образом, возможность совмещения с императивом вполне обеспечивается теми тремя свойствами *УЖЕ*, которые мы обсудили в первом разделе.

3. Послесловие.

УЖ и УЖЕ: сопоставление конструкций (*заходи уж VS. заходи уже*)

Ввиду явного фонетического сходства, эти частицы кажутся стилистическими вариантами друг друга, как в только что приведенной в заголовке паре: если незванный гость стоит на пороге, ему можно сказать и: *заходи уж!*, и: *заходи уже!*

Как кажется, это предположение укрепляют и некоторые устаревшие примеры XIX века из НКРЯ, в которых *УЖЕ* используется в таком контексте, где сегодня мы сказали бы, скорее, *УЖ*:

(21) *Поиграй уже, так и быть, в последний раз на коне*. [П. А. Кулиш. Черная рада (1846-1857)]

(22) <...> *сказал он: — эту комиссию поручи уже ты мне, мастера и мастерицы мне все уже знакомы* [А. Т. Болотов. (1800)]

Однако в современном русском семантическая разница между *УЖ* и *УЖЕ* довольно значительна. *УЖЕ*, как мы знаем, выражает требование ускорить реализацию Р: если взять в качестве примера глагола *идти*, получится что-то вроде ‘иди прямо сейчас’. *УЖ* выражает уступку при предварительном (часто имплицитном) условии: ‘<раз так,> иди уж’ – и это значение, хорошо совместимое с императивом.

Очень показателен контраст в интерпретации пары: *спи уж* – *спи уже*:

Спи уж: ‘ты спишь и хочешь спать еще; я не хочу, чтобы ты спал, но, учитывая некоторые условия, уступаю: спи’

Спи уже: ‘ты НЕ спишь, и ты НЕ хочешь спать, но я хочу, чтобы ты уснул как можно скорее, уже сейчас, поэтому я говорю: спи’.

Любопытно, что судя по данным НКРЯ, начиная с середины XIX века, когда исчезает устаревшее *УЖЕ*, сочетания *УЖЕ* с императивом практически исчезают – они «заменяются» конструкциями с *УЖ*. Императив с *УЖЕ* появляется снова только на рубеже XXI века – в том новом значении, о котором мы только что говорили, ср. (23):

(23) — *Мадам Гризоцкая, идите уже на пенсию! И она отвечала: — Я умгу на контголе* [Роман Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000-2001)]

4. Заключение

Нестандартная сочетаемость *УЖЕ* возникает не неожиданно, не вопреки свойствам *УЖЕ* а, как мы показали, как естественное их проявление в определенных обстоятельствах. Сочетаемость расширяется потому, что семантика лексемы *УЖЕ* дискурсивна по своей природе – она включает

пресуппозиции участников ситуации, имплицатуры, и за счет этого оказывается шире, чем у сходных с ней грамматических показателей.

Существенно, что случай *УЖЕ*, по-видимому, не уникален: есть свидетельства, что, например, англ. *already* употребляется похожим образом в побудительных и желательных контекстах в разговорной речи, ср.:

(24) *I wish they'd finish already, so we can get going!* (<http://en.wiktionary.org/wiki/already>)

Считается, что это произошло под влиянием идиша, для которого характерна такая модель сочетаемости. Как пишет известный журналист Вильям Сэфайр (William Safire) в своей колонке в Нью-Йорк Таймс от 25 октября 1998 г., «"Enough already" is straight from a common Yiddish expression (*genug shoyn*)»

(<http://www.nytimes.com/1998/10/25/magazine/on-language-enough-already-what-am-i-chopped-liver.html>)¹⁹⁸

По нашим самым предварительным данным, в других языках сходный эффект дискурсивных слов, похожих на *уже*, тоже встречается – например, в финском, ср. следующие примеры (25-26), за которые мы благодарны Арто Мустайоки:

(25) *Nuku jo* ‘Спи уже’. <фраза обращена к малышу, которого маме (или папе) надоедает убаюкивать> или:

(26) *Häyvy jo / Lopeta jo* ‘Заканчивай уже’

В таком случае, с типологической точки зрения, сочетаемость с императивом лексических маркеров, близких к по своему значению к перфектным, выглядит совсем не так неестественно – просто для квазиграмматических конструкций такого (и иного) рода нужно строить свою типологию¹⁹⁹.

Литература

- Апресян 1980 — Ю. Д. Апресян. Английские синонимы и синонимический словарь. Послесловие к Англо-русскому синонимическому словарю, под рук. А.И. Роземана и Ю.Д. Апресяна. М.: Наука, 1980.
- Апресян 1980a — Ю. Д. Апресян. Типы информации для поверхностно- семантического компонента модели смысл => текст. Wien. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband, 1.), 1980.
- Апресян 2014 — В. Ю. Апресян. *Тут, здесь и сейчас*. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. С. 9-41.
- Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Гришина 2012 — Е. А. Гришина. *Здесь и тут*: Корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов. Русский язык в научном освещении. 2012, № 23. С.39-71.
- Летучий, Рахилина 2013 — А. Б. Летучий, Е. В. Рахилина. Начальная стадия грамматикализации значений глагольной множественности в квазиграмматических конструкциях // А.М. Молдован, С.М. Толстая (ред.). Славянское языкознание: Доклады российской делегации к XV Международному съезду славистов. М.: Индрик, 2013. С. 432-451.
- Мустайоки 1988 —А. Мустайоки. О семантике русского темпорального *ещё* // *Studia slavica finlandensia*. Tomus V. Доклады финской делегации на X Съезде славистов София. 1988.
- НКРЯ: ruscorgora.ru
- Olsson 2013 — Bruno Olsson. *Imitatives: Perfects in Southeast Asia and Beyond*. Master's Thesis, Stockholm University, 2013.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. *Общая морфология: введение в проблематику*. М.: УРСС, 2000.

¹⁹⁸ Я благодарю Барбару Парти за ее собственное свидетельство как носителя языка в пользу возможности *enough already* в американском английском (ср. следующую цитату из ее письма по этому поводу: «*but what has become productive is the use of 'already' in imperatives to express something like impatience. If you say to a child, "Go to sleep already", that is probably the third or fourth time that you've told the child to go to sleep*») и за эти ссылки.

¹⁹⁹ Подробнее об особенностях квазиграмматических значений и подходах к построению их типологии см. серию наших статей Рахилина, Ли 2009, Летучий, Рахилина 2013 и др.

- Рахилина, Ли 2009 — Е. В. Рахилина, Ли Су Хен. Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2009, №4. С. 13-40.
- Шатуновский 2009 — И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М. Языки славянских культур, 2009.
- Tommola 2000 — H. Tommola. On the Perfect in North Slavic // Östen Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — A. Stefanowitsch, and A. Rohde. The Goal-Bias in the Encoding of Motion Events // K.-U. Panther, G. Radden (eds.). Motivation in Grammar. Berlin: Mouton De Gruyter. P. 249-268. 2004.

ДАнные ИСТОРИИ ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ

This paper aims to throw light on the genesis and development of imperfectivisation in Russian. The first examples of suffixal imperfectivisation date from as early as the eleventh century. The scope of suffixes (-a-, -va-, -ova-/-eva-, -yva-/-iva-) gradually increased and they had the ability to create opposite units to perfectivity. The pattern of functional imperfectivisation devoid of any suffixal element (*napisat' – pisat'*) was established in conjunction with the traditional suffixal types.

1. Вступительные замечания

Настоящая работа изучает мотивы и средства возникновения и развития смысловой модели перфективации – имперфективации в русском языке. При помощи функционального анализа рассматриваются структурные и семантические признаки данной модели в разные эпохи истории языка. Особое внимание уделяется бессуффиксным парным формам типа *написать – писать, утонуть – тонуть*. Мы исходим из предположения, что перфективная и имперфективная ситуации (далее – П- и ИП-ситуации) составляют универсальную видовую категорию, которую отдельные языки выражают разными средствами. Под «ситуацией» мы понимаем фрагмент языкового времени (мира), в котором реализуются и функционируют разные элементы языка, в том числе аспектуальные.

Помимо суффиксальной имперфективации в аспектологической литературе обсуждается вопрос об этапах возникновения бессуффиксной имперфективации, которую мы условно называем «функциональной» (ФИ): *написать – писать, сделать – делать, потеплеть – теплеть*. Было постулировано, в частности, что в формировании пары *написать → писать* происходит такой же грамматический процесс, как в образовании, например, суффиксальных пар *списать → списывать, дать → давать, привезти → привозить, прилететь → прилетать* и т. п. [Rönkä 2010: 40-41]. Одним из первых лингвистов о функциональности видовой парадигмы писал Ю.С. Маслов, по мнению которого «морфологически нерегулярные» пары *написать – писать, вынести – выносить, взять – брать, положить – класть, утонуть – тонуть* и т. п. составляют «полную в функциональном отношении видовую парадигму» [Maslov 1981: 104; Маслов 1984: 68].

2. Системный статус видовых форм

Известно, что в славянских языках **все формы** совершенного вида (далее – СВ) противостоят **всем формам** несовершенного вида (далее – НСВ): *напишу – лежу, полежал – писал*. В современном русском языке представлены следующие разновидности видовых форм: 1. **парные** ряды видовых форм: а) *списать – списывать, подсидеть – подсиживать, разнести – разносить (письма), разносить – разношивать (обувь), решить – решать, дать – давать*, б) *написать – писать, ожеребиться – жеребиться, озолотить – золотить, оштрафовать – штрафовать*, в) *сесть – садиться, взять – брать, положить – класть*, г) **двувидовые** *жениться, адаптировать, разминировать*, 2. **одновидовые** формы СВ: *контузить, наболеть, навоеваться, пописать, полежать, прохудиться*, 3. **одновидовые** формы НСВ: *лежать, висеть, чувствовать, озорничать, стоить, пописывать, попахивать*.

Широким кругом аспектологов принимается тезис, что основным критерием видовой соотносительности является тождественное лексическое значение видовых форм. «Формы противоположных видов, тождественных по лексическому значению, суть формы одного и того же глагола» [Маслов 1959: 172, 183]. Тождественность лексического значения видовых форм одного глагола подчеркивал еще К.Й. Регнелль [Regnéll 1944: 34, 60, 63, 78, 79]. Состав видовых форм как совокупность форм одной лексемы рассматривает работа А.Н. Тихонова [Тихонов 1965: 99-104].

История становления видовой парности доказывает закономерность и необходимость семантической однородности всех форм одной глагольной лексемы. Согласно этому принципу, **одно глагольное слово** составляет единство **однородного** лексического значения и единство форм **разных** грамматических значений: лица, числа, рода, времени, вида, наклонения и залога. Из этого вытекает, что все формы глагола должны обладать **одинаковым способом действия** (акционсартом): *списать – списывать, написать – писать*. Формы **разных** способов действий относятся к **разным** лексемам: *пописать, пописывать, махать, помахать, помахивать* и т. д. Отметим особо, что формы НСВ могут быть предельными: *списывать, банкротиться* или неопредельными: *лежать, спать, накрапывать*. Форма предельная *заплакать* и форма неопредельная *плакать* не могут составлять видовой пары. Так, словообразовательный процесс *писать → пописать* не вызывает ФИ, так как оба глагола разных способов действия.

Имперфективация связана с системной смысловой обязательностью взаимообусловленных ситуаций П и ИП. При этом важно учесть, что грамматическая и функциональная регулярность есть необходимое свойство видовых форм независимо от способа их образования.

3. Принцип и смысл имперфективации

В отличие от приемов словообразования имперфективация создает грамматическое средство для выражения имперфективной категориальной ситуации. Как в формальной имперфективации, так и в ФИ возникают не лексические единицы, а грамматические формы, диктуемые потребностями существующих в языке систем. Впервые идея суффиксальной имперфективации описана в ранней чешской грамматической традиции. В грамматике В. Росы 1672 г. наблюдается «предварительная модель суффиксальной имперфективации» [Rönkä 2005: 108 и сл.].

В отдельных славянских языках общерезультативное значение ‘написать – писать (статью)’ выражают формы: русск. *написать – писать*, укр. *написати – писати*, блр. *napisać – pićać*, сербохорв. *napisati – pisati*, словен. *napisati – pisati*, польск. *napisać – pisać*, чешск. *napsat – psát*, словц. *napísať – písať*, болг. *напиша – написвам*, макед. *напише – напишува*, в.-луж. *napisać – napisować*, н.-луж. *napisaś – napisowaś*. Таким образом, болгарский, македонский, верхнелужицкий и нижнелужицкий пользуются закономерной **суффиксальной имперфективацией**. Остальные языки применяют **бессуффиксную** пару.

Описывая продуктивные разновидности имперфективации в современном русском языке, Е.Н. Ремчукова приводит тип *написать – писать* и говорит о «редеривации», т. е. о «восстановлении утраченного в процессе развития языка или создании путем депрефиксации первичного бесприставочного глагола НСВ» [Ремчукова 2004: 128]. Этот тип имперфективации соответствует ФИ настоящей работы. Однако излишней оказывается депрефиксация, которая не подтверждается историей языка. К тематике нашего исследования относятся также работы В.Г. Гака [Гак 1996] и А.Д. Шмелева [Шмелев 2008].

4. Возникновение и развитие смысловой модели «перфективация – имперфективация»

Помимо имперфективации Ю.С. Маслов указывает на синонимичность производящего и производного глаголов, т. е. глаголов типа *написать* и *писать*, в процессе перфективации: «Как правило, в процессе имперфективации возникают имперфективные формы того же глагола. В процессе же «перфективации» всегда возникают новые глаголы, иногда в лексическом плане синонимичные своим производящим» [Маслов 1959: 181]. В становлении перфективации лексема приобретает запрет функционировать в ИП-ситуации, становится неспособной выражать семантику данной ситуации. Проблеме имперфективации посвящены работы [Маслов 1958: 34, 39 и Mazon 1958: 6].

По традиции выделяются суффиксы -а-, -ва-, -ова-/-ева- и -ы/ива-, из которых древнейшим средством (формальным признаком) является суффикс -а-: *даяти, решати, постригати*. П.С. Кузнецов отметил еще «в эпоху древнейших русских памятников» приставочные и бесприставочные пары, образованные посредством суффикса -а-: *въложити – вълагати*,

подъложити – подлагати, погроузити – погроужати, съгръшити – съгръшати, събърати – събирати, помочи – помагати, мъстити – мъщати, поустити – поущати, летѣти – лѣтати и т. п. [Кузнецов 1959: 187]. Приставочные суффиксальные образования типа *вълагати* отражают отрицание признака перфективности, т. е. имперфективацию, беспривставочные типа *лѣтати* – отрицание предельности и определенности.

История языка показывает, что первые примеры суффиксальной имперфективации наблюдаются еще в XII веке: *въкушивати, испытывати, помазывать, порѣкывати, привязывати, съвязывати, съказывати, утьрпывати, показывати* [Силина 1987: 198]. Очень рано возникают также видовые пары типа *дати – даяти, давати, пасти – падати, поустити – поущати, поускати*, которые послужили моделью для приставочных пар *придати – придавати, припасти – припадати* и т. п. [СДРЯ].

Еще в древнейших памятниках выступает весьма большая группа видовых пар с высокой частотностью типа *сойти – сходить, снести – сносить*, которые отражают специфический способ формальной имперфективации: 1. *снести* → *сносить* ‘нося, спустить – спускать в вниз, мешок в подвал’, 2. *сносить* → *снашивать* ‘ноской привести – приводить в негодность’, 3. *сносить* → *снашивать* ‘нося, собрать – собирать в одном месте’ [Евгеньева 1984: 164, 167]. Здесь **словообразовательную** префиксацию представляют формы (1) *снести*, (2) *сносить* и (3) *сносить*, к которым **словоизменительные** имперфективы образовались в закономерном порядке «слева направо». В первой паре (1) форма *сносить* представляет своеобразное морфологическое образование *снес-ти* → *сноси-ть*, показывающее реальный порядок имперфективации в русском языке. Говоря точнее, речь идет об образовании парновидовых основ *снес-* и *сноси-*. В этой связи Маслов говорит об «имперфективации посредством замены варианта корня» [Маслов 1984: 68]. Первым этот способ описал правильно К.Й. Регнелль [Regnell 1944: 66].

От основы *принес-* нет глагольных дериватов типа **принесати, *принесовати, *принесывати*. Зато от основы *принос-* есть *приношати, принашати, принашивати*. Например, в житии Аввакума 1673 г. форма *принашивали* имеет итеративно-хабитуальное значение: *Ко мнѣ же, отче, в домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ...* [СЛРЯ XI-XVII вв. вып. 19].

В новейшей литературе выдвинута точка зрения, по которой глаголы (формы) НСВ типа *приходити* могли возникать двумя путями: 1) приставочным образованием *при-ходити* без перфективации или 2) отыменным суффиксальным образованием *приход-и-ти* от отглагольного существительного *приходъ* [Dickey 2014: 165-169]. Данной гипотезе противоречит то, что отглагольное существительное *приходъ* и т. п. существовало лишь после формирования самого глагола *приносити*.

Давно установлено, что **новые** видовые пары типа *сыграть – играть* возникают, когда **приставочные** формы НСВ вытесняются **беспривставочными** формами НСВ. Например, форма *играть* вытесняет форму *сыгрывати* в процессе: *играти – сыграти – сыгрывати* → *сыграть – играть* [Тихонов 1958: 77; Mazon 1958: 27]. Новый префиксальный тип видовых корреляций *вдоветь – овдоветь, богатеть – разбогатеть* и т. п. развивается еще в XIV – XVII вв. [Силина 1982: 170, 278]. Одновременно происходит также вытеснение ряда вторичных образований НСВ вторичными же префиксальными имперфективами (*заставливати* → *заставлять*) [Авилова 1964: 9 и сл.]. Таким образом, эти как бы противоположные процессы регулируют построение и установление видовой модели в русском языке. Так, в закономерном процессе возникновения видовых пар типа *написать – писать* можно выделить три этапа, из которых третий представляет собой ФИ (таблица ниже):

I	II	III
<i>писати – написати</i>	<i>написати – написовати, написывати</i>	<i>написать – писать</i>
<i>дѣлати – съдѣлати</i>	<i>съдѣлати – съдѣловати, сдѣлывати</i>	<i>сделать – делать</i>
<i>играти – сыграти</i>	<i>сыграти – сыгрывати</i>	<i>сыграть – играть</i>
<i>спешити – поспешити</i>	<i>поспешити – поспешати</i>	<i>поспешить – спешить</i>
<i>хвалити – похвалити</i>	<i>похвалити – похваляти</i>	<i>похвалить – хвалить</i>

В ряде случаев сохраняются и первичный и вторичный имперфектив; образуются видовые тройки (*мести – подмести – подметать*), которым много внимания уделяет Е.В. Петрухина [Петрухина 2014: 260-261].

Можно согласиться с В.Б. Силиной, которая пишет: «А это [закрепление корреляций типа *писати – написати*] могло случиться только при утрате производного имперфектива и замене его простым бесприставочным глаголом с тем же корнем. Именно таким образом возникли современные соотношения *делать – сделать, писать – написать*, которые приобрели статус видовых корреляций **после ухода из языка имперфективов *сдѣловати, сдѣлывати, написати (написають), написовати, написывати***, что произошло не ранее XVII в.» (выделено нами. – R.R.). Было установлено, что в XVIII – XIX вв. «стабилизируются корреляции, где в качестве имперфективного члена выступают бесприставочные глаголы» [Силина 1982: 276-278].

Рассмотрим развитие префиксации и имперфективации в свете образований от глагола *писать*. Русский глагол *писать* имеет следующие приставочные образования: *вписать, выписать, дописать, записать, исписать, написать, надписать, недописать, описать, отписать, переписать, подписать, пописать, пописывать, предписать, приписать, прописать, расписать, списать, уписать* [Тихонов 1985 I: 749-751]. Из этих 20 образований 17 имеют суффиксальные формы на *-ыва-*, т. е. являются парновидовыми глаголами *вписать – вписывать* и т. д. Одновидовыми являются перфектив *пописать* и имперфектив *пописывать*. Любопытно, что единственным образованием без вполне возможного ряда форм на *-ыва-* является *написать*, которое традиционно сочетается в видовой паре с «глаголом» *писать*.

По данным исторического словаря можно наглядно показать развитие суффиксальной видовой деривации. Объем нашего исследования позволяет представить лишь одной глагольной семье. Словарь русского языка XI – XVII вв. кодифицирует следующие суффиксальные образования от приставочных дериватов глагола *писати*. Возвратные формы здесь опускаются. Примеры приводятся в хронологическом порядке:

списовати (XI в.), *описовати* (XI в.), *исписовати* (XII-XIII вв.), *отписывати* (XII-XIII вв.), *написовати* (XIII в.), *написывати* (XIV в.), *пописовати* (XIV в.), *вписывати* (1377), *прописывати* (1391 г.), *переписовати* (XV-XVI вв.), *переписывати* (1462-1464 гг.), *вписовати* (1499 г.), *выписовати, выписывати* (1516 г.), *описывати* (1522-1533 гг.), *приписывати* (1550 г.), *подписывати* (1551 г.), *списывати* (1566 г.), *записывати* (1589 г.), *записовати* (XVI в.), *подписовати* (XVII в.), *дописывати* (1611 г.), *расписывати* (1649 г.), *прописовати* (1656 г.), *приписовати* (1670 г.), *расписовати* (1673 г.), *предписовати* (1675 г.), *отписовати* (1699 г.) [СРЯ XI – XVII вв. Вып. 3 – 23]. Среди этих образований перфектив *исписовати* не отражает имперфективацию глагола *исписати*.

Достаточно ясно приемы формальной имперфективации и ФИ отражаются также в новгородских берестяных грамотах XII – XV вв. Уже словоуказатель книги А.А. Зализняка позволяет отметить по крайней мере следующие видовые пары: *дати – даяти / давати, вдати – вдаяти / вдавати, выдати – выдаяти, продати – продаяти, забыти – забывати, переписати – переписывати, переставити – переставливати, пособити – пособляти, сказати – сказывати, пустити – пуцати, явитисѧ – явлѧтисѧ, сковати – ковати, створити – творити* (Зализняк 2004: 710-829). ФИ представлена, пожалуй, двумя последними парами. В новгородских грамотах бросается в глаза преобладание с древнейших грамот основы инфинитива на *-даја-* с элементом имперфективации *-j/jа-*: *даяти, въдаяти, выдаяти, продаяти, роздаяти, съдаяти*. Основа же *-дава-* встречается гораздо реже: *подавати, роздавати, вдавати*.

Итак, в ФИ видовая пара возникает следующим образом: сразу после формирования нового слова в словообразовательной префиксации или даже одновременно с ним происходят: 1) суффиксальная имперфективация и 2) бессуффиксная имперфективация – продуктивный процесс, в котором устанавливается **системная предельность** лексемы *написать – писать*. Она происходит на равных правах с другими разновидностями имперфективации. Иногда суффиксальной имперфективации препятствуют структурные причины.

В ФИ бесприставочный ряд форм приобретает лексические и лексикограмматические свойства приставочного ряда форм. Кроме вида, бесприставочная основа (полностью или частично)

приспосабливается к лексикограмматической семантике приставочной перфективной основы, возникшей в историческом процессе или возникающей продуктивно в современном языке: в этих случаях две основы, например *оштрафова-* и *штрафова-* функционально адаптируются друг к другу, согласуются друг с другом. При этом установилась **модель бессуффиксной имперфективации**. Этот длительный исторический процесс укоренил в современном языке модель типа *написать* – *писать*, *утонуть* – *тонуть*.

5. Выводы

Зародыши имперфективации заложены еще в праславянском языке. Ее разновидности продуктивны во всех современных славянских языках.

В исторической последовательности постепенно установилась модель парновидовой лексики, рядом с которой развивались и сосуществовали одновидовые перфективы и имперфективы.

В широком смысле слова функциональными являются все виды имперфективации, в том числе описательные и супплетивные, ведь они все служат выполнению одной и той же задачи – формированию средств имперфективации. В собственной ФИ новый суффиксальный имперфектив *написовати* вытесняется старым исконным имперфективом *писати*, или же он сохраняется близким синонимом исконного имперфектива: *завядать* и *вянуть*. Предлагаемый тип имперфективации восполняет один из пробелов в осмыслении задач видовых форм в славянских языках. Наряду с другими разновидностями видовых корреляций в языке совершенно закономерно установились видовые пары типа *написать* – *писать*: укоренилась **модель бессуффиксной ФИ**. При этом меняется концепция о соотношении внешнего облика и функции языковой формы.

Исключительная продуктивность и регулярность имперфективации свидетельствует о том, что раньше немаркированный член видовой оппозиции начинает функционировать «на равных правах» с семантически маркированным перфективным членом оппозиции, приобретая статус маркированного имперфективного компонента.

Литература

- Авилова 1964 – Н.С. Авилова. Развитие видовых соотношений глагола // В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.). Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука, 1964. С. 8-44.
- Гак 1996 – В.Г. Гак. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М.: РАН, 1996. С. 62-71.
- Евгеньева (ред.) 1981 – 1984 – А.П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка в четырех томах. М.: Русский язык, 1981 – 1984.
- Зализняк 2004 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Кузнецов 1959 – П.С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: АН СССР. Институт русского языка, 1959.
- Маслов 1958 – Ю.С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // IV Международный съезд славистов. Доклады. М.: АН СССР, 1958. С. 3-39.
- Маслов 1959 – Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // С.Б. Бернштейн (ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: АН СССР. Институт славяноведения, 1959. С. 157-312.
- Маслов 1984 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Ленинградский университет, 1984.
- Петрухина 2014 – Е.В. Петрухина. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60: 2. P. 253-274.
- Ремчукова 2004 – Е.Н. Ремчукова. «Потенциальная имперфективация» в разных типах современной русской речи // М.Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Том 4. М.: Макс Пресс, 2004. С. 124-145.
- СДРЯ – Р.И. Аванесов и др. (ред.). Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Т. I – X. М.: Русский язык, Азбуковник, 1988-2013.
- Силина 1982 – В.Б. Силина. История категории глагольного вида // Р.И. Аванесов и В.В. Иванов (ред.). Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. С. 158-279.

- Силина 1987 – В.Б. Силина. Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке // Л.П. Жуковская (ред.). Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 196-208.
- СлРЯ XI – XVII вв. – С.Г. Бархударов и др. (ред.). Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 3 – 23. М.: Наука, 1976 – 2000.
- Тихонов 1958 – А.Н. Тихонов. Заметки о вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками // Труды Узбекского гос. университета имени Алишера Навои. Новая серия. 1958. № 92. С. 59-81.
- Тихонов 1965 – А.Н. Тихонов. Члены видовой корреляции – грамматические формы одного слова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1965. № 2. С. 93-104.
- Тихонов 1985 – А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. Том I, М.: Русский язык, 1985.
- Шмелев 2008 – А.Д. Шмелев. Имперфективация и толковый словарь // Jouko Lindstedt et al. (eds.). С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki: University Press, 2008. P. 362-370.
- Dickey 2014 – S.M. Dickey. On the Origin of Slavic Prefixed Imperfective Motion Verbs // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60: 2. P. 159-171.
- Maslov 1981 – Ju.S. Maslov. Functional completeness and morphological regularity of the aspectual paradigm // P. Jacobsen et al. (eds.). The Slavic Verb. An Anthology Presented to Hans Christian Sørensen 16th December 1981. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1981. P. 103-106.
- Mazon 1958 – A. Mazon. L'aspect des verbes slaves (principes et problèmes). Communication présentée par la délégation française. IV Congrès International des Slavistes. Moscou: l'Académie des Sciences de l'URSS, 1958. P. 3-30.
- Regnéll 1944 – C.G. Regnéll. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund: Håkan Ohlsson, 1944.
- Rönkä 2005 – R. Rönkä. У истоков русской и славянской аспектологической мысли. Описание темпорально-аспектуальных систем от первых трактатов до Николая Греча и Александра Востокова. Tampere: University Press, 2005.
- Rönkä 2010 – R. Rönkä. Слово о функциональной имперфективации // Н. Tommola (ed.). 18 Nordiska slavistmötet. 18. Pohjoismainen slavistikongressi. 18-ый Съезд скандинавских славистов. 18.08.2010 – 22.08.2010, Tampere. Abstracts. Tiivistelmät. Тезисы докладов. Institutionen för språk- och översättningsvetenskap. Kieli- ja käännöstieteiden laitos. Институт современных языков и переводоведения. Tampere: Tampereen yliopisto, 2010. P. 40-41.

ASPECT AND PAST HABITUAL TENSE IN LITHUANIAN: BASED ON THE CONTRASTIVE ANALYSIS WITH RUSSIAN

This paper presents observations regarding aspectual characteristics of the past habitual tense with the suffix *-dav-* in Lithuanian. By referring to contrastive analysis with Russian, I will try to give a detailed explanation of the functions of the past habitual tense. Moreover, this study will offer an analysis of the divisions in the usage domain of the the unmarked past tense and the past habitual tense of Lithuanian from the perspective of correlation with aspectual properties of verbs, based on the results of a questionnaire that I carried out in Lithuania.²⁰⁰

1. Introduction

In normative “academic” grammars (see [LKG, GLJa, DLKG and LG]) or in related studies that follow this tradition, the past form with the suffix *-dav-* is defined as “past frequentative tense” (Lith. *būtašis dažninis laikas*; Russ. *prošedšee mnogokratnoe vremja*) which expresses a repeated action in the past, while the unmarked past tense is called “past single-time tense” (Lith. *būtašis kartinis laikas*; Russ. *prošedšee odnokratnoe vremja*). Along with the term “frequentative”, “iterative” [Dambriūnas 1959; Geniušienė 1989] and “imperfect” (or “imperfectum consuetudinis”) [Senn 1949; Safarewicz 1967] are also used. These definitions are not explicit enough to convey the properties of the two past forms in Lithuanian, because the unmarked past form can denote not only a single-time situation, but also a repeated or frequent situation. Moreover, the past tense form with the suffix *-dav-* can quite naturally denote a non-frequentative iterative (defined as “discontinuative” by [Xrakovskij 1997]) or non-iterative (continuous or durative) situation as well.

While most scholars recognize that the past tense form with *-dav-* primarily denotes a situation that was repeated in the past, they also agree that it may denote or at least imply habitual meaning. For example, as [Geniušienė 1997: 230] suggests, this tense form «serves to express situations repeated an indeterminate number of times in the past, with an implication of habituality and a remote past». However, I continue to hold the opinion given in my previous studies [Sakurai 1997, 1999a, b, 2015] that the essence of this past tense lies in its habitual nature,²⁰¹ and to define it as “past habitual tense”, while calling the unmarked past tense as “simple past tense”.²⁰² See (1).²⁰³

(1) *J-is* {*kartais / dažnai / paprastai*} *dirb-dav-o* *bibliotek-oje*.

he-NOM sometimes often usually work-HAB-PST.3 library-LOC.SG

‘He {sometimes / often / usually} used to work in the library.’

The semantic definition of “habitual”, adopted from [Comrie 1976: 27–28], refers to “a situation which is characteristic of an extended period of time” and is distinguished from “iterativity”, which means “the repetition or successive occurrence of several instances of the given situation”. Also, “habitual” is

²⁰⁰ I wish to thank Peter Arkadiev (Moscow), Axel Holvoet (Vilnius), Jun-ichi Sakuma (Nagoya), Tasaku Tsunoda (Tokyo) and Björn Wiemer (Mainz) for their detailed and valuable comments on earlier versions of this paper, based partly on the results of my research in Lithuania (2008–2009), which was supported by the Japan Society for the Promotion of Science (JSPS). I am grateful to all my Lithuanian consultants, especially Ramutė Bingelienė (Vilnius), Jurgis Pakerys (Vilnius), Aldona Paulauskienė (Vilnius), Renata Petroškevičienė (Tokyo – deceased), and Elena Urbanavičiūtė (Panevėžys), my Russian consultant, Ganna Šatovina (Tokyo), my English consultant, Alice Lee (Tokyo), and my statistics consultant, Yoshihiko Asao (Nagoya), for their help, comments and suggestions.

²⁰¹ In this regard, [Comrie 1976] also assumes the Lithuanian past tense with the suffix *-dav-* to be a habitual form. Furthermore, [Roszko and Roszko 2000] have made important contributions toward understanding the aspectual feature of this tense including its habitual nature.

²⁰² The main tense forms in Lithuanian are synthetic forms of present, simple past, past habitual, and future. Besides that, there exists what is traditionally called “compound forms” of each tense, i.e. analytic forms consisting of appropriate tense form of the verb *būti* ‘be’ and participles.

²⁰³ The abbreviations are used in the following way: ACC accusative; GEN genitive; HAB habitual; INS instrumental; ITER iterative; LOC locative; M masculine; NOM nominative; PL plural; PRF prefix; PST past; REFL reflexive; SBJV subjunctive; SG singular. The example sentences originated from the native consultants and the author of this paper.

distinguished from “frequentative”, which is defined as a special type of “iterative”, i.e., “iterative with small intervals between the repeated situations” and which is expressed mainly by adverbials like ‘often’ (see [Xrakovskij 1997: 57–58]).²⁰⁴ Moreover, by following the approach of [Comrie 1976] and [Lindstedt 1984], I introduce the idea that habituais have a complex aspectual structure (which Lindstedt names the “nested aspect”). I consider “habitual” as a complex tense-aspect category representing the relationship between the temporal- aspectual features at the macro level of a situation and the features at the micro level, i.e. internal structure of the individual micro-situations (e.g. in a sentence like *when Rimas was a student, he often used to meet her in the library and come home together [with her]*, past habitual functions to describe a macro-situation that is habitual, and each of whose micro-situation as well, i.e. *he met her in the library and came home together [with her]*).²⁰⁵ In this paper <habitual> and <habituality> pertain to semantic domains, whereas the term “past habitual” denotes the grammatical past habitual tense (The angle brackets < > are used in this paper to indicate a semantic feature).

Furthermore, I hold on to the most general definition of “perfective” as a reference to a situation without regard to internal temporal structure, viewing a situation in its entirety as a single whole, and “imperfective” – as a reference to the internal temporal structure of a situation, to a situation without any internal structure, or to the repeated situations. In this paper the terms <perfective> and <imperfective> are used as semantic properties, whereas the terms “verbal aspect”, “perfective verb” and “imperfective verb” – as grammatical- morphological category.²⁰⁶

To describe the aspectual peculiarities of Lithuanian verbs, I use the terms “telic/atelic (bounded/nonbounded)”. According to the traditional definition, a “telic verb” is a verb conveying in its inherent lexical meaning the notion of boundaries and revealing a situation as moving towards those boundaries, while “atelic verb” is a verb not conveying such a notion and revealing a situation as not having any boundaries (see [Maslov 1948; Garey 1957]). However, in this paper the terms “telic/atelic”, adopted from [Lehmann 1994], are used in a wider sense: a telic verb (phrase) or predicate denotes a situation that is bounded at the start (ingressive), at the end (terminative), or both at the start and at the end (delimitative or punctual), while an atelic verb (phrase) or predicate denotes a situation that is open at both sides (durative or atemporal) (see also [Krifka 1998]).

In addition, in this paper I use the general definition of “taxis”, i.e. temporal order (or perspective), to denote an external temporal relation of one situation to another situation. The term “taxis” was introduced by [Jakobson 1957: 4] as follows: «Taxis characterizes the narrated event in relation to another narrated event and without reference to the speech event». Later, [Maslov 1978, 1984] and others suggested that the concepts of <simultaneity>, <anteriority>, and <posteriority> regularly appear as a result of interaction among aspectual forms (see also [Bondarko 1987; Xrakovskij 2009]; on taxis in Lithuanian particularly [Wiemer 2009]). Speaking of the aspectual opposition of <perfective/imperfective>, typically <perfectivity> is related to taxis through the concept of <sequence>, while <imperfectivity> is related through <simultaneity>. The taxis relation is regarded as one of the most important functions of aspect.

It was assumed by [Mustejkis 1972] and others that the system of “verbal aspect” that employs prefixes and suffixes to serve as markers of aspect has developed in Lithuanian in a same way as in Russian.²⁰⁷ In my opinion, however, although Lithuanian telic/atelic verbs are superficially similar to Russian perfective/imperfective verbs, they are essentially different in relations to tense and taxis ([Sakurai 1997,

²⁰⁴ [Xrakovskij 1997: 52–58] notes that specialized frequentative tense forms have not been found in his data and considers the past tense forms with suffix *-dav-* in Lithuanian as specialized iterative tense forms.

²⁰⁵ This issue is discussed by [Dickey 2000] in terms of aspectual choice in the Slavic languages. The general properties of <habitual> are reviewed in detail by [Dahl 1985] and [Bybee, Perkins and Paguliuca 1994]. Also, the broader discussions on <iterative> as the semantic type of the “plurality of situations” are provided by [Xrakovskij 1989, 1997] and [Šluinskij 2006].

²⁰⁶ As is well known, most simple verbs in Russian are defined as imperfective verbs (e.g. *pisat* ‘write’), prefixed derivatives of simple verbs – perfective verbs (e.g. *na-pisat* ‘write’, *pere-pisat* ‘rewrite’), and suffixed derivatives of perfective verbs – imperfective verbs (e.g. *pere-pis-yva-t* ‘rewrite’).

²⁰⁷ For detailed observations on aspectual properties of Lithuanian verbs see [Dambriūnas 1959; Safarewicz 1967; Mustejkis 1972; Paulauskienė 1979; Geniušienė 1989, 1997; Wiemer 2001; Holvoet and Čižik 2004; Pakerys and Wiemer 2007; Arkadiev 2009, 2011, 2012]. On the notion of “aspectual pairs”, see [Plungian 2011: 409–410].

1999a, b, 2015]; see also [Arkadiev 2009, 2011, 2012]). Most importantly, all Lithuanian verbs have both present and future tense forms and the prefixation to the present form of unprefixated verbs such as *skaityti* ‘read’ does not render the resultant form future tense, i.e. the prefixed verbs such as *per-skaityti* ‘read through, finish reading’ have present tense unlike Russian perfective verb such as *pro-čitat’* ‘read through, finish reading’, which have future tense, but not present tense. In relation to this, perfective/imperfective verbs in Russian typically relates to the taxis relation <sequence/simultaneity> independently of tense, whereas telic/atelic verbs in Lithuanian are not directly related to the taxis. In other words, the most important thing is that, unlike in Russian, the semantic distinction of <perfective/imperfective> in Lithuanian usually becomes evident through the combination of telic/atelic meanings of verbs and these tense forms.

2. Problems in previous studies on past habitual tense with suffix *-dav-*

In “academic” grammars, the past habitual tense with the suffix *-dav-* (“the past frequentative tense”) is defined as past tense that indicates a repeated action in the past and no statements have been found which would define whether the meaning of this form pertains to <perfective> or <imperfective>. Consequently, no consensus has been reached among scholars of Lithuanian who regard aspect to be a semantic category and who employ the concept of <perfective/imperfective> to analyze aspectual tense forms. Regarding this, [Mustejkis 1972], [Geniušienė 1989, 1997] and others note that when a “perfective verb” is unpaired with the corresponding “imperfective verb” or when a verb is a “dual aspect verb”, the simple past form generally has <perfective> meaning and the past habitual form serves as a means of “imperfectivizing”. This idea seems to be widely accepted. However, it seems to focus partially on the function of the past habitual tense, and does not explain the differences in usage between these two past forms. First, the past habitual tense does not denote simple (non-habitual) <durative> meaning. Second, in many cases either the past habitual form or the simple past form of the same verb can be used. See (2).

(2) *J-is dažnai {dirb-o / dirb-dav-o} bibliotek-oje.*
 he-NOM often work-PST.3 / work-HAB-PST. library-LOC.SG

‘He often used to work in the library.’

In my opinion, by treating aspect of the past tense with *-dav-* as <habitual> with a complex semantic structure, it is possible to solve the problems remaining in the interpretations offered so far. To illustrate this point, I will distinguish two levels of aspect, that is, a level of the <habitual> macro-situation and a level of micro-situation enclosed within the macro-situation. See (3).

(3) *Kai Rim-as buv-o student-as, j-is dažnai dirb-dav-o bibliotek-oje,*
 when Rimas-NOM.SG be-PST.3 student-NOM.SG he-NOM often work-HAB-PST.3 library-LOC.SG
kartais ten sutik-dav-o j-q ir kartu atvažiuo-dav-o namo.
 sometimes there meet-HAB-PST.3 she-ACC and together arrive-HAB-PST.3 home

‘lit. When Rimas was a student, he would often work in the library. (He) would sometimes meet her there and come home together [with her].’

I propose that aspect of the past habitual tense at the level of the macro-situation is <habitual>, i.e. <imperfective>, while aspect at the level of the micro-situation can be either <perfective> or <imperfective>. For example, in (3) above, at the level of the micro-situation, individual micro- occurrences ‘he worked in the library’ (<imperfective>), ‘(he) met her there’ (<perfective>) and ‘(he) came home together [with her]’ (<perfective>), which are referred to by past habitual forms, go together to construct the characteristic <habitual> macro-situation. In Lithuanian, this type of usage is characteristic of the past habitual tense; on the other hand, the simple past tense rarely denotes <habitual> meaning compared to the past habitual tense and typically does not refer to this kind of complex semantic structure of aspect. I would conclude that this is the essential functional difference between the two past tenses in Lithuanian.

3. Expressions of <iterativity> and <habituality> in past tenses

I propose to divide <iterativity> into two subclasses – <perfective iterativity> and <imperfective iterativity>. I define <perfective iterativity> as a reference to a repeated situation without regard to internal temporal structure, i.e. viewing a repeated situation in its entirety as a single whole. The meaning of <perfective iterativity> is typically expressed by adverbials referring to a definite number of times (e.g. *he pushed the button three times*). On the other hand, the definition of <imperfective iterativity> points to the

internal temporal structure of a repeated situation, viewing a successive situation as a linear continuity. The meaning of <imperfective iterativity> is typically expressed by adverbials meaning large indefinite number of times, non-habitual cyclicity or frequency (e.g. *he was pushing the button many times / every minute*).

Furthermore, I propose to divide <habituality> into two subclasses as well – <habitual iterativity> and <habitual continuity>. <Habitual iterativity> is defined as a reference to a repeated situation characteristic of an extended period of time. The meaning of <habitual iterativity> is expressed by adverbials of habitual cyclicity or frequency (e.g. *he often used to meet her in the library*). On the other hand, <habitual continuity> can be defined as a reference to a continuous situation characteristic of an extended period of time. The meaning of <habitual continuity> is typically expressed by adverbials of habitual continuity (e.g. *he always used to work in the library*).

Russian fundamentally differs from Lithuanian in that it lacks any special habitual tense form. Since in Russian the aspectual opposition of <perfective/imperfective> is realized by means of pairs of perfective/imperfective verbs, only <perfective iterativity> is expressed by perfective verbs, while all other meanings, that is, the continuum of meanings <imperfective iterativity> – <habitual iterativity> – <habitual continuity> is expressed by the same past forms of imperfective verbs. Unlike in Russian, in Lithuanian this continuum of three meanings is expressed by two past tense (simple past and past habitual) forms in combination with telic/atelic verbs.

3.1. Expressions of <iterativity>

In Russian, the meaning of <perfective iterativity> is expressed by perfective verbs with co-occurring adverbials of definite number of times. In addition, the verb form denoting <perfective iterativity> can naturally collocate with adverbials of punctual time, such as *v vosem' časov* 'at eight o'clock'. In Lithuanian, the meaning of <perfective iterativity> is not expressed by the past habitual forms, but solely by the simple past forms. See (4).

- (4) Russ. *On tri raza na-davi-l knopk-u v vosem' čas-ov.*
 he-NOM three times PRF-push-PST(M.SG) button-ACC.SG in eight hour-GEN.PL
 Lith. *J-is tris kartus pa-spaud-ė mygtuk-q aštunt-q valand-q.*
 he-NOM three times PRF-push-PST.3 button-ACC.SG eighth-ACC.SG hour-ACC.SG

'He pushed the button three times at eight o'clock.'

It is noteworthy that in Lithuanian, the simple past forms of telic verbs typically render <perfective iterativity>; however, atelic verbs also can have this meaning, though they less naturally collocate with adverbials of definite number of times. See (5). Simple past tense forms of atelic verbs (with direct objects), like *klausyti (įrašq)* 'listen (to the record)' in (5a), are regarded as "(very) natural" by most informants, though the acceptance level of prefixed counterparts of these verbs, like *per-klausyti* 'listen, listen through to the end' in (5a), are higher.²⁰⁸

- (5) a. *J-is du kartus {+klaus-ė / ++per-klaus-ė*
 he-NOM two times listen-PST.3 / PRF-listen-PST.3
 / **klausy-dav-o* / **per-klausy-dav-o*} *įraš-q, bet ne visk-q suprat-o.*
 / listen-HAB-PST.3 / PRF-listen-HAB-PST.3 record-ACC.SG but not all-ACC understand-PST.3

'He listened to the record two times, but did not understand all.'

The same goes for the case in which the suffix *-inė-* derives atelic iterative verbs from the telic verbs. The simple past forms of unsuffixed telic verbs more naturally collocate with the adverbials of definite number of times than that of the derived iterative verbs with the suffix *-inė-*. See (5b).

- (5) b. *J-is du kartus {+perraš-inėj-o / ++perraš-ė*
 he-NOM two times rewrite-ITER-PST.3 / rewrite-PST.3
 / ?*perraš-inė-dav-o* / ?*perrašy-dav-o*} *laišk-q.*
 rewrite-ITER-HAB-PST.3 / rewrite-HAB-PST.3 letter-ACC.SG

'He rewrote the letter two times.'

In Russian, non-habitual <imperfective iterativity> is typically expressed only by imperfective verbs

²⁰⁸ Informants (282 native Lithuanian speakers mostly from Vilnius, Kaunas and Panevėžys, which are located in the Highland Lithuanian region; 127 male informants; 155 female informants) were asked to evaluate some sentences by entering symbols representing the degree of appropriateness, using the symbol (++) to mean "very natural", (+) to mean "natural", (?) to mean "unnatural", (??) to mean "very unnatural" and (*) to mean "grammatically incorrect".

with co-occurring adverbials of large indefinite number of times. In addition, the verb form denoting <imperfective iterativity> can naturally collocate with adverbials of duration, such as (*načinaja*) *s vos'mi časov* 'from eight o'clock'. On the other hand, in Lithuanian, this type of adverbials more naturally collocates with the simple past forms, though the past habitual forms also may collocate with them. See (6a).

- (6) a. Russ. *On mnogo raz davi-l knopk-u s vos'm-i čas-ov.*
 he-NOM many time(GEN.PL) push-PST(M.SG) button-ACC.SG from eight-GEN hour-GEN.PL
 Lith. *J-is daug kart-ų {spaud-ė / spaus-dav-o} mygtuk-q nuo aštuoni-ų valand-ų.*
 he-NOM many time-GEN.PL push-PST.3 / push-HAB-PST.3 button-ACC.SG from eight-GEN.PL hour-GEN.PL
 'lit. He pushed (was pushing) the button many times from eight o'clock.'

In Lithuanian, the acceptance level of the simple past forms of atelic verbs, e.g. *klausyti* 'listen' in (6b), is almost equal to their prefixed counterparts, *per-klausyti* 'listen'.

- (6) b. *J-is daug kart-ų {++klaus-ė / ++per-klaus-ė*
 he-NOM many time-GEN.PL listen-PST.3 / PRF-listen-PST.3
/ +klausy-dav-o / +per-klausy-dav-o} įraš-q, kad gerai išmok-tų.
 / listen-HAB-PST.3 / PRF-listen-HAB-PST.3 record-ACC.SG that well learn-SBJV.3
 'lit. He listened (was listening) to the record many times in order to learn it well.'

The same goes for the case of iterative verbs with the suffix *-inė-*. The acceptance level of the simple past forms of the atelic iterative verbs like *perraš-inė-ti* 'rewrite (repeatedly)' in (6c), is almost equal to the unsuffixed telic verbs like *perrašyti* 'rewrite'. In the case of telic verbs which have no atelic counterpart, such as *pa-mesti* 'lose', simple past forms more naturally collocate with the adverbials of large indefinite number of times. See (6d).

- (6) c. *J-is daug kart-ų {++perraš-inė-j-o / ++perraš-ė*
 he-NOM many time-GEN.PL rewrite-ITER-PST.3 / rewrite-PST.3
/ +perraš-inė-dav-o / +perrašy-dav-o} laišk-q.
 rewrite-ITER-HAB-PST.3 / rewrite-HAB-PST.3 letter-ACC.SG
 'lit. He rewrote (was rewriting) the letter many times.'
- d. *Šį mėnesį j-is daug kart-ų {++pamet-ė / +pames-dav-o} rakt-q.*
 this month he-NOM many time.GEN.PL lose-PST.3 / lose-HAB-PST.3 key-ACC.SG
 'lit. This month, he lost (was losing) the key many times.'

3.2. Expressions of <habituality>

In Russian, <habitual iterativity> is generally rendered by imperfective verbs with co-occurring adverbials expressing frequency or habitual continuity. In addition, verb forms denoting <habitual iterativity> can collocate with adverbials of punctual time, such as *v vosem' časov* 'at eight o'clock'. In Lithuanian, the meaning of <habitual iterativity> is more naturally expressed by the past habitual forms, though the simple past forms can also express this meaning. See (7a).

- (7) a. Russ. *Ran'še on každyj den' davi-l knopk-u v vosem' čas-ov.*
 previously he-NOM every-ACC.SG.M day(ACC.SG) push-PST(M.SG) button-ACC.SG at eight hour-GEN.PL
 Lith. *Anksčiau j-is kasdien {spaud-ė / spaus-dav-o} mygtuk-q aštunt-q valand-q.*
 previously he-NOM every.day push-PST.3 / push-HAB-PST.3 button-ACC.SG eighth-ACC.SG hour-ACC.SG
 'lit. Previously, he used to push the button at eight o'clock every day.'

In Lithuanian, <habitual iterativity> is most naturally expressed by the past habitual tense forms of telic verbs. See (7b).

- (7) b. *Kiekvien-q ryt-q j-is {+gėr-ė / *iš-gėr-ė*
 every-ACC.SG morning-ACC.SG he-NOM drink-PST.3 / PRF-drink-PST.3
/ +ger-dav-o / ++iš-ger-dav-o} dvi stiklin-es pien-o.
 drink-HAB-PST.3 / PRF-drink-HAB-PST.3 two glasses-ACC.PL milk-GEN.SG
 'He used to drink two glasses of milk every morning.'

The acceptance level of the past habitual forms of telic verbs is slightly higher than that of the derived iterative verbs with suffix *-inė-*, yet the difference is not significant. See (7c).

- (7) c. *J-is dažnai {+perraš-inė-j-o / +perraš-ė / ++perraš-inė-dav-o / ++perrašy-dav-o} laišk-us.*
 he-NOM often rewrite-ITER-PST.3 / rewrite-PST.3 / rewrite-ITER-HAB-PST.3 / rewrite-HAB-PST.3 letter-ACC.PL
 'He often used to rewrite the letters.'

In Russian the meaning of <habitual continuity> is expressed only by imperfective verbs, typically

with co-occurring adverbials expressing habitual continuity like *vsegda* ‘always’. In addition, <habitual continuity> can collocate with the adverbials of duration, such as *s vos’mi časov* ‘from eight o’clock’. In Lithuanian, the meaning of <habitual continuity> is more naturally expressed by the past habitual forms, though it is also expressed by the simple past forms. The important difference from <habitual iterativity> is that <habitual continuity> can only be expressed by atelic verbs in both languages. See (8a).

- (8) a. Russ. *Ran’še on vseгда rabota-l s vos’m-i čas-ov.*
 previously he:NOM always work-PST(M.SG) from eight-GEN hour-GEN.PL
 Lith. *Anksčiau j-is visada {dirb-o / dirb-dav-o} nuo aštuoni-ų valand-ų*
 previously he-NOM always work-PST.3 / work-HAB-PST.3 from eight-GEN.PL hour-GEN.PL
 ‘lit. Previously, he always used to work from eight o’clock.’

In Lithuanian the meaning of <habitual continuity> is expressed by both the simple past forms and the past habitual forms of atelic verbs; however, the acceptance level of the simple past forms is lower than that of the past habitual forms even in the case of verbs denoting state. See (8b, c).

- (8) b. *J-is visada {+dirb-o / ++dirb-dav-o} namie.*
 he-NOM always work-PST.3 / work-HAB-PST.3 at home
 ‘He always used to work at home.’
 c. *Pas seneli-us visada {+buv-o / ++bū-dav-o} smagu.*
 at grandparent-ACC.PL always be-PST.3 / be-HAB-PST.3 pleasant
 ‘lit. It always used to be pleasant in grandparents’ home.’

The acceptance level of the past habitual forms is obviously higher than that of the simple past forms especially when the taxis relation between micro-situations making up a habitual macro-situation is expressed. See (9).

- (9) *Vaikyst-ėje kai močiut-ė {+skait-ė / ++skaity-dav-o} pasak-as,*
 childhood-LOC.SG when grandma-NOM.SG read-PST.3 / read-HAB-PST.3 fairy.tale-ACC.PL
j-is paprastai {+sėdėj-o / ++sėdė-dav-o} prie j-os ir {+klaus-ė-si / ++klausy-dav-o-si}.
 he-NOM usually sit-PST.3 / sit-HAB-PST.3 by she-GEN and listen-PST.3-REFL / listen-HAB-PST.3-REFL
O senel-is visada {+dirb-o / ++dirb-dav-o} savo kambar-yje.
 and grandpa-NOM.SG always work-PST.3 / work-HAB-PST.3 own room-LOC.SG
 ‘lit. During his childhood (In childhood), when grandma would read fairy tales, he would usually sit by her and listen. Grandpa would always work in his (own) room.’

4. Summary and conclusions

In this paper, I draw upon the perspective of contrastive analysis between Lithuanian and Russian and the questionnaire to prove that:

- i. The essence of the Lithuanian past habitual tense, traditionally called “imperfect”, “past frequentative” or “iterative”, lies in its habitual nature. In the expressions of meanings of the domain of <iterativity> – <habituality>, the two Lithuanian past tense forms, i.e. the simple past form and the past habitual form, are used in a largely complementary fashion.
- ii. The past habitual tense has multiple functions and is used to express not only <habituality> referring to <simultaneity> in a macro-situation, but also the opposition of <perfective/ imperfective> referring to <sequence/simultaneity> in each micro-situation in combination with telic/atelic verbs, respectively.

References

- Arkadiev, Peter M. [Arkad’jev, Petr]. 2009. Teorija akcional’nosti i litovskij glagol. *Balto-slavjanskije issledovanija* 18, 72–94. Moscow: Jazyki slavjanskix kul’tur.
- Arkadiev, Peter M. 2011. Aspect and actionality in Lithuanian on a typological background. In Daniel Petit, Claire Le Feuvre & Henri Menantaud (eds.), *Langues baltiques, langues slaves*, pp. 57–86. Paris: Éditions CNRS.
- Arkadiev, Peter M. [Arkad’jev, Petr]. 2012. Aspektual’naja sistema litovskogo jazyka (s privlečeniem areal’nyx dannyx). In Vladimir A. Plungjan (ed.), *Issledovanija po teorii gramatiki. Vypusk 6: Tipologija aspektual’nyx sistem i kategorij. (Acta Linguistica Petropolitana 8 (2))*, 45–121. St. Petersburg: Nauka.
- Bondarko, Aleksandr V. 1987. *Teorija funkcional’noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual’nost’. Vremennaja lokalizovannost’. Taksis*. Leningrad: Nauka.
- Bybee, Joan L., Revere D. Perkins & William Pagliuca. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Comrie, Bernard. 1976. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Dahl, Östen. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford, New York: Blackwell.
- Dambriūnas, Leonardas. 1959. Verbal aspects in Lithuanian. *Lingua Posnaniensis* 7. 253–262.
- Dickey Stephen M. 2000. *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. Stanford, CA: CSLI Publications.
- DLKG – Vytautas Ambrazas (ed.) 1994. *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla.
- Garey, Howard B. 1957. Verbal aspect in French. *Language* 33. 91–10.
- Geniušienė [Genjušene], Emma Š. 1989. Mul'tiplikativ i iterativ v litovskom jazyke. In Viktor S. Xrakovskij (ed.), *Tipologija iterativnyx konstrukcij*, 122–132. Leningrad: Nauka.
- Geniušienė, E. 1997. The multiplicative and the iterative in Lithuanian. In Viktor S. Xrakovskij (ed.), *Typology of iterative constructions*, 220–240. München, Newcastle: LINCOM Europa.
- GLJa – Vytautas Ambrazas (ed.) 1985. *Grammatika litovskogo jazyka*. Vilnius: Mokslas.
- Holvoet, Axel & Veslava Čižik. 2004. Veikslo priešpriešos tipai. In Axel Holvoet & Loreta Semėnienė (eds.), *Gramatinių kategorijų tyrimai*, 141–162. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Jakobson, Roman. 1957. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. In Roman Jakobson, *Selected writings*, Vol. 2, 130–147. The Hague, Paris: Mouton.
- Krifka, Manfred. 1998. The origins of telicity. In Susan Rothstein (ed.), *Events and grammar*, 197–236. Dordrecht: Kluwer.
- LG – Vytautas Ambrazas (ed.) 1997. *Lithuanian grammar*. Vilnius: Baltos lankos.
- LKG – Kazys Ulvydas (ed.) 1971. *Lietuvių kalbos gramatika*. Vol. 2. Vilnius: Mintis.
- Lehmann, Christian. 1994. Predicates: aspectual types. In Roland E. Asher (ed.), *The Encyclopedia of language and linguistics*, Vol. 6, 3297–3302. Oxford: Pergamon Press.
- Lindstedt, Jouko. 1984. Nested aspects. In Casper de Groot & Hannu Tommola (eds.), *Aspect bound: A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*, 177–192. Dordrecht: Foris.
- Maslov, Jurij S. 1948. Vid i leksičeskoe značenie glagola v sovremennom russkom literaturnom jazyke. In Ju. S. Maslov, 1984, *Očerki po aspektologii* 48–65. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Maslov, Jurij S. 1978. K osnovanijam sopostavitel'noj aspektologii. In: Jurij S. Maslov (ed.), *Voprosy sopostavitel'noj aspektologii*, 4–44. Leningrad: Nauka.
- Maslov, Jurij S. 1984. *Očerki po aspektologii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Mustejkis, Kazimieras. 1972. *Sopostavitel'naja morfologija russkogo i litovskogo jazykov*. Vilnius: Mintis.
- Pakerys, Jurgis & Björn Wiemer. 2007. Building a partial aspect system in East Aukštaitian Vilnius dialects of Lithuanian (Correlations between telic and activity verbs). *Acta Linguistica Lithuanica* 57. 45–97.
- Paulauskienė, Aldona. 1979. *Gramatinės lietuvių kalbos veiksmoždzio kategorijos*. Vilnius: Mokslas.
- Plungian, Vladimir A. 2011. *Vvedenie v grammatičeskiju semantiku: grammatičeskije značeniija i grammatičeskije sistemy jazykov mira*. Moscow: RGGU.
- Roszko, Danuta & Roman Roszko. 2000. Litovskie glagol'nye formy s suffiksom -dav-. *Acta Baltico-Slavica* 25. 37–49.
- Safarewicz, Jan. 1967. Stan badań nad aspektem czasownikowym w języku litewskim. In: *Studia językoznawcze*, 339–361. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Sakurai, Eiko. 1997. Verbal aspect and meanings-functions of compound tenses in Lithuanian [In Japanese]. *Gengo Kenkyū: Journal of the Linguistic Society of Japan* 112. 98–131.
- Sakurai, Eiko. 1999a. A contrastive analysis of the aspect systems of Russian and Lithuanian [In Japanese]. *Bulletin of Japan Association for the Study of Russian Language and Literature* 31. 82–97.
- Sakurai, Eiko. 1999b. Verbal aspect and past habitual tense (with suffix -dav-) in Lithuanian [In Japanese]. *Nagoya Working papers in Linguistics* 15. 137–170.
- Sakurai, Eiko. 2002. Tense, aspect and temporal expressions in Baltic: An analysis by comparison with Slavic [In Japanese]. *Jinbun* 1. 55–72.
- Sakurai, Eiko. 2015. Past habitual tense in Lithuanian. In Arkadiev, Peter, Holvoet, Axel and Wiemer, Björn (eds.) *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*, 383–436. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Senn, Alfred E. 1949. Verbal aspects in Germanic, Slavic, and Baltic. *Language* 25(4). 402–409.
- Šluinskij, Andrej B. 2006. K tipologii predikatnoj množestvennosti: organizacija semantičeskoy zony. *Voprosy jazykoznanija* 1. 46–75.
- Wiemer, Björn. 2001. Aspektual'nye paradigmy i leksičeskoe značenie russkix i litovskix glagolov (Opyt sopostavlenija s točki zrenija leksikalizacii i gramatikalizacii). *Voprosy jazykoznanija*. 2. 26–58.
- Wiemer, Björn. 2009. Taksis v litovskom jazyke. In Viktor S. Xrakovskij (ed.), *Tipologija taksisnyx konstrukcij*, 161–216. Moscow: Znak.
- Xrakovskij, Viktor S. 1987. Kratnost'. In Aleksandr V. Bondarko (ed.), *Teorija funkcional'noj grammatiki*, t. 1: *Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'. Taksis*, 124–152. Leningrad: Nauka.
- Xrakovskij, Viktor S (ed.). 1989. *Tipologija iterativnyx konstrukcij*. Leningrad: Nauka.
- Xrakovskij, Viktor S (ed.). 1997. *Typology of iterative constructions*. München, Newcastle: LINCOM Europa.
- Xrakovskij, Viktor S. (ed.). 2009. *Tipologija taksisnyx konstrukcij*. Moscow: Znak.

ПЕРФЕКТИВНОСТЬ И СЕМА 'ПРОЦЕСС': О КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

The paper deals with the idea that the aspectual seme 'punctual bound' backgrounds the seme 'process' and this ability is of a fixed power. The idea explains, for instance, effects that arise in Russian perfectives, depending if a verb has the seme 'process of short duration' or the seme 'process of long duration'. It also permits to explain peculiarities of perfectives like *poprygat'* and *proprygat'*.

Введение. Цель данной статьи – показать, что перфективность весьма нетривиально взаимодействует с семой 'процесс'. Разработанная теорией, которой мы следуем, эта идея восходит к классической работе С.О. Карцевского «Система русского глагола». Напомним его высказывание: «...Перфективация процесса не что иное, как концентрация нашего внимания на одном конкретном моменте процесса, концентрация, исключая все прочие моменты, откуда впечатление, что перфективный процесс вовсе лишён длительности, но – это только впечатление, скажем мы, так как любой процесс неизбежно имеет некоторую протяжённость» [Карцевский 2004: 125]²⁰⁹.

1. Прежде чем изложить полученные результаты, целесообразно привести хотя бы часть положений принятой нами концепции видового значения.

Данная концепция связывает сущность перфективности с традиционным понятием предельность (для удобства чтения здесь и далее мы приводим выдержки из работ [Самедов 1968, Самедов 1975, Самедов 1978, Самедов 1984а, Самедов 1984б, Самедов 1999, Самедов 2000] без оформления в кавычках). Трактуется оно, однако, далеко не традиционно. Перфективность рассматривается в трёх аспектах: классовом, парадигматическом и синтагматическом. Ключом к пониманию её природы является парадигматический аспект. Как явствует из термина, эта ипостась перфективности выявляется в парадигме. Именно сопоставление имперфективного и перфективного членов видовой парадигмы позволяет заключить, что перфективность представляет собой точечную предельность. Поясним, что имеется в виду.

Во-первых, обнаруживается, что перфективный член парадигмы характеризуется одной из трёх разновидностей парадигматической предельности: значением начального предела (ср.: *прыгать / запрыгать, прыгать / распрыгаться*), конечного (ср.: *прыгать / отпрыгать, прыгать / допрыгать*), начально-конечного (ср.: *прыгать / попрыгать, прыгать / пропрыгать*)²¹⁰.

Во-вторых, обосновывается мысль о том, что следует разграничивать предельность линейную (протяжённую) и точечную (непротяжённую). В качестве перфективности выступает точечная

²⁰⁹ Представляется, что зачатки этой идеи содержатся в широко известной статье Л.П. Размусена, см.: «Глагол несомн. вида означает первоначально действие как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия. При употреблении последнего вида пределы не отвлекают нашего внимания от спокойного созерцания этих свойств самого действия; таким образом увеличивается прежде всего рельефность, наглядность образа, а через это мы, конечно, будем и более ощущать продолжительность, чем при употреблении соверш. вида» (подчёркнуто нами – Н.С.) [Размусен 1891: 379].

²¹⁰ Можно видеть, что, согласно нетрадиционной аспектологической теории, предельность представляет собой разновидность фазового значения. Соответственно, исходным при её определении является понятие фаза, т.е. часть процесса. Начальная предельность – это, иначе говоря, значение первой части процесса, конечная – значение последней части, а начально-конечная – значение первой и последней частей процесса. Заметим, что в литературе содержатся три взгляда на взаимоотношения категорий фазовости и аспектуальности. Описываемый подход восходит к самому раннему из них, сложившемуся, по предположению В.В. Виноградова, под влиянием античных и западноевропейских грамматик, см. [Виноградов 1986: 406]. Два других представлены, в частности, в работах Ю.С. Маслова и И.А. Мельчука. По мнению Ю.С. Маслова, это фазовость представляет собой один из типов аспектуального значения, а не наоборот, [Маслов 2004: 321]. С точки зрения И.А. Мельчука, данные категории друг с другом не связаны: аспект относится к категориям, выражающим количество, тогда как фазовость – категория, выражающая качественные характеристики [Мельчук 1998].

предельность, т.е. она составляет исключительную особенность глаголов совершенного вида. Линейная предельность не может быть квалифицирована как видовое значение, потому что может быть присуща глаголам как совершенного, так и несовершенного вида, ср., например, *запевать / запеть, допевать / допеть*.

Точечная предельность, или сема 'точечный предел', обладает замечательной когнитивной особенностью: она находится в фокусе внимания носителя языка. Как следствие, некоторые черты семантики перфективного глагола оказываются скрытыми. Наиболее ярко это сказывается на семе 'процесс'. Её важнейшая когнитивная характеристика, а именно протяжённость, скрадывается, затемняется, оказывается в тени. Линейная предельность этим свойством не обладает.

2. Можно утверждать, что способность перфективности скрывать сущность семантики глагола имеет строго фиксированную силу. Такой подход объясняет, среди прочего, наблюдения многих поколений исследователей о следующих явлениях в системе русского глагола.

2.1. Глаголы типа *прыгнуть* часто характеризуются с помощью терминов типа "мгновенные", "моментальные", "точечные", "пунктивы" (см., например: [Карцевский 2004: 123, 128; Виноградов и др. 1953: 430; Гвоздев 1973: 313; Бондарко, Буланин 1967: 25; Мучник 1971: 101; Кацнельсон 2001: 435, 441; Гловинская 2001: 13; Плунгян 1998: 376, 379]). Однако, как тонко подметил Ю.С. Маслов, такое описание не согласуется с их сочетаемостными свойствами. Учёный указывает, что по крайней мере часть этих перфективов сочетается со словом "медленно" [Маслов 1959: 185], а также [Маслов 1959: 227].

Справедливое замечание Ю.С. Маслова обращает наше внимание на любопытный парадокс. С одной стороны, можно видеть, что упомянутые термины вполне адекватно отражают языковую интуицию: ср. *прыгнуть к столу* и *допрыгать до стола*. Неслучайно, что ими пользуются представители весьма различающихся аспектологических концепций. С другой стороны, в языке действительно имеют место сочетания вроде *медленно прыгнуть*. См. один из множества примеров, которые нетрудно найти в интернете: *Ну я раз отвела взгляд на отдалённый угол и увидела рыжего полупрозрачного кота, который медленно-медленно прыгнул и исчез* (<http://wap.galya.ru/clubs/show.php?id=201060>).

Поскольку мы подробно рассматривали этот вопрос в [Самедова 2011б], здесь мы его обрисуем в основных чертах.

Мнение подавляющего большинства исследователей о семантике перфективов типа *прыгнуть* хорошо выражают выдержки из работ В.А. Плунгяна: «...Мгновенное событие, не имеющее длительности» [Плунгян 2000: 298]; «...мгновенные переходы от одного состояния к другому...» [Плунгян 2000: 246], «...ситуации, называемые мгновенными, не могут иметь срединной стадии (т.е. не могут иметь длительности): ...с точки зрения языка у этих ситуаций момент начала и момент конца совпадают» [Плунгян 2000: 297]; «мгновенные события в языковой картине мира трактуются как "точки" на временной оси...» [Плунгян 1998: 375]; «...физически, конечно, события могут (и даже должны) занимать на временной оси определённый интервал, но с точки зрения языка этот интервал пренебрежимо мал...» [Плунгян 2000: 247].

В то же время, с точки зрения И.Б. Шатуновского, «в значении этих СВ «история» фрагмента мира спрессована в очень короткий интервал», который называется мгновением образно [Шатуновский 2009: 66].

Мы исходим из того, что необходимо прежде всего разграничить омонимичные имперфективные глаголы *прыгать*₁ и *прыгать*₂, поскольку их поведение заметно различается. Позволим себе воспроизвести аргументацию, приведённую в [Самедова 2014б]. В отличие от *прыгать*₁, *прыгать*₂

1) не употребляется в конструкциях с фазовыми глаголами (нельзя сказать: *Парашютист оттолкнулся от края люка и начал прыгать*₂; ср. *Ребёнок от радости начал прыгать*₁);

2) не является коррелятом перфективов *запрыгать*, *попрыгать* и т.д. (нельзя сказать: *Парашютист оттолкнулся от края люка и запрыгал*, ср. *Ребёнок от радости запрыгал*);

3) не соотносительен с членами парадигмы *допрыгивать / допрыгать* (нельзя сказать: *Парашютист допрыгивал / допрыгал второй прыжок*);

4) крайне неохотно сочетается с показателями продолжительности действия: сочетания вроде

Он сегодня полчаса / долго прыгал₁ широко употребительны, тогда как иллюстрацию *За долю секунды он прыгает₂ к столу* мы смоделировали, опираясь на пример в [Черткова 1996: 70];

5) крайне неохотно сочетается с наречием *медленно*. См. один из известных нам трёх примеров: *Знаешь, я в детстве как-то сама по себе пыталась взлететь... Постоянно пробовала, падала носом о пол, но если честно, то многие поражались, как я умею так "медленно" прыгать...* (<http://aauumm.ru/post95288715/comments>).

В дальнейших наших рассуждениях мы опираемся на тот факт, что физическое действие, с которым соотносится глагол *прыгать₂*, является довольно кратким, длится очень недолго. Мы заключаем, что семантика данного глагола отражает соответствующую концептуализацию этого физического действия. В отличие от глагола *прыгать₁*, обладающего семой 'процесс стандартной протяжённости', *прыгать₂* содержит сему 'процесс нестандартной, а именно малой, протяжённости'. Именно поэтому нельзя сказать *Прыгал, но не прыгнул; Он долго прыгал и наконец прыгнул* (ср. [Черткова 1997: 192]), в то время как пример *Прыгал полчаса, но норму так и не допрыгал* звучит совершенно естественно.

Выдвинутый нами тезис хорошо иллюстрируется визуальными метафорами линий разной длины (абсолютная длина линий условна):

прыгать₁

прыгать₂

Вернёмся к вопросу о семантике перфектива *прыгнуть*. У нас есть доказательства того, что он также располагает семой 'процесс'. См. примеры *медленно прыгнуть* и *За долю секунды он прыгнул к столу* (смоделировано по аналогии с сочетанием *мелькнуло за долю секунды* [Черткова 1996: 70]). Ср. его сильное семантическое сходство с имперфективом *прыгать₂*: *Брумель уже прыгал? – Брумель уже прыгнул?*. Логично утверждать, что ему свойственна та же сема 'негомогенный процесс малой протяжённости', которой обладает глагол *прыгать₂*.

Теперь мы можем изложить, каким нам видится решение обнаруженного Ю.С. Масловым парадокса.

И в *прыгнуть*, и в *допрыгать* наше внимание фиксируется на видовой семе 'конечный предел'. В результате протяжённость процесса оказывается скрытой. Но если в *допрыгать* затемнена сема 'процесс стандартной протяжённости', то в *прыгнуть* в тени оказывается сема 'процесс малой протяжённости':

допрыгать до стола

прыгнуть к столу

Отсюда возникает иллюзия, что глагол *прыгнуть* вообще не располагает семой 'процесс'. Руководствуясь языковым чутьём, языковеды уподобляют его семантику мгновению, точке.

2.2. Другое интересующее нас явление связано с семантическими отношениями между перфективной конструкцией *стать+инф.* и начинательными перфективами с приставкой *за*²¹¹.

Семантическое сходство этих единиц не вызывает сомнений, ср. примеры из [Тихонов 1959: 59]: *Зажил себе счастливо* и *Пришли и стали там жить да поживать*. Их своеобразие исследователи видят по-разному. Приведём мнения, представляющие особый интерес с точки зрения задач настоящей статьи.

Согласно Л.П. Демиденко, глаголы выражают действие единичное и определённое, начало и продолжение которого составляют единое целое, в то время как конструкция характеризует лишь начальный момент действия, как бы отделяя начало действия от его продолжения. В результате она может выражать действия, обладающие значительной протяжённостью, в которых момент начала отдалён от момента завершения, и на фоне действия, выраженного конструкцией, может развёртываться несколько других последовательно сменяющихся действий. Поскольку языковед считает, что таким же свойством обладает конструкция *начать+инф.*, в качестве примера она приводит предложение *Посетители вскочили, зашумели, и только один Фраерман начал заразительно хохотать. Он смеялся так искренне и простодушно, что постепенно развеселил и*

²¹¹ Принятая нами теория различает две омонимические разновидности конструкции *стать+инф.* – перфективную и имперфективную, см. об этом, например, [Самедова 2004, Самедова 2011a, Самедова 2013, Самедова 2014a].

всех посетителей духана... [Демиденко 1963: 99].

А.А. Зализняк и А.Д. Шмелёв при замене глагола конструкцией констатируют определённый смысловой сдвиг [Зализняк, Шмелёв 2002: 213]. Ощущаемые семантические различия они формулируют следующим образом: «...Глагол делает акцент на контрасте между ситуацией, когда процесс не имел места, и ситуацией, когда процесс имеет место... Напротив того, конструкция *стать+Inf.* помещает в фокус сам процесс, который при этом не обязательно должен быть гомогенным и требует некоторого более или менее продолжительного периода наблюдения для своей идентификации...» [Зализняк, Шмелёв 2002: 221]. О соотносительных примерах *Он заходил по комнате* и *Другой смолчал и стал перед ним ходить* учёные пишут: «В первом случае в фокусе нашего внимания оказывается резкий переход от отсутствия хождения к его наличию. Во втором в центре внимания находится сам процесс хождения...» [Зализняк, Шмелёв 2002: 221]. Лингвисты заключают, что в силу данного различия в концептуализации начала по мере того как процесс обрастает подробностями и обстоятельствами, касающимися способа его протекания, увеличивается вероятность использования конструкции *стать+инф.* и, соответственно, уменьшается вероятность образования инхоативного глагола. Свою мысль они поясняют на следующих примерах: *Он запрыгал* ([?]*стал прыгать*) *от радости* и *От радости он стал прыгать* ([?]*запрыгал*) *до потолка, громко хохоча и ударяя себя по ляжкам* [Зализняк, Шмелёв 2002: 221].

В наших работах (см., например, [Самедова 2014а]) показано, что конструкции *стать+инф.* присуща синкретическая сема ‘процесс нестандартной, а именно большой, протяжённости’. Она представляет собой слияние семы ‘гомогенное становление’, характеризующей главный компонент конструкции, с семой ‘процесс’, свойственной инфинитиву. Чтобы не быть голословными, воспроизведём самые важные этапы в наших рассуждениях.

2.2.1. При сравнительном анализе синонимичных конструкций *начать+инф.* и *стать+инф.* обнаруживается любопытное обстоятельство. Несмотря на полное совпадение сфер их употребления, эти конструкции демонстрируют весьма значительное различие со стороны частотности употребления. Данный факт, безусловно, нуждается в объяснении. Проинтерпретировав его с помощью правила Крушевского-Куриловича, мы получаем возможность утверждать, что перфективная конструкция *стать+инф.* семантически проще (беднее), чем конструкция *начать+инф.* Предлагаемое ниже описание находится в полном согласии с данным выводом.

Семантическую структуру конструкции *начать+инф.* допустимо представить следующим образом. В ней три элемента. Два из них принадлежат глаголу *начать*. Один – это невидовая сема ‘линейное начало’, а именно: разновидность линейной начинательности, квалифицируемая нами как инцептивность. Поскольку это значение негомогенного процесса, другой элемент представляет собой видовую сему ‘конечный предел’, ср.: *начинать* – *начать*. Третий элемент – невидовая сема ‘процесс’, присущая инфинитиву. Если уподобить невидовую сему ‘процесс’ линии, а видовую – точке, то значение конструкции *начать+инф.* можно представить графически:

Что касается семантики перфективной конструкции *стать+инф.*, то следует прежде всего установить, имеет ли её главный компонент значение процесса. Так как он формирует лишь конструкции с инфинитивами, причём несовершенного вида, мы вправе постулировать наличие в его семантике элемента, который налагает данное сочетаемое ограничение. Представляется естественным квалифицировать данный элемент как становление. Значение становления, на наш взгляд, сродно инцептивности, так как тоже является разновидностью линейной начинательности. Однако обсуждаемый семантический элемент представляет собой значение гомогенного процесса. Чтобы обосновать выдвинутый тезис, мы прибегнем к доказательству от обратного.

Допустим, что, главный компонент перфективной конструкции *стать+инф.* имеет значение негомогенного становления. Отсюда следует, что присущая ему парадигматическая перфективность представляет собой видовое значение конечного предела. Подобная трактовка семантики анализируемого компонента сталкивается с непреодолимыми трудностями. Во-первых, из неё

вытекает, что конструкция *начать+инф.* и перфективная конструкция *стать+инф.* практически идентичны со стороны семантики. Во-вторых, из неё следует, что главный компонент перфективной конструкции *стать+инф.* и перфективный член парадигмы *стать / становится* – это один и тот же глагол. В таком случае не удаётся, в частности, объяснить, почему глагол *становиться* не способен образовывать конструкцию с инфинитивом несовершенного вида.

Итак, главный компонент перфективной конструкции *стать+инф.* действительно характеризуется значением процесса, а именно семой ‘гомогенное становление’.

2.2.2. Проанализируем полученные результаты. Как можно видеть, мы столкнулись с парадоксом. С одной стороны, мы установили, что семантика перфективной конструкции *стать+инф.* содержит менее чем три элемента, ибо она семантически проще конструкции *начать+инф.* С другой – мы обнаружили, что семантика её компонентов в общей сложности включает именно три элемента: два принадлежат глаголу *стать* (невидовая сема ‘процесс’ и видовая сема ‘предел’) и один – инфинитиву (невидовая сема ‘процесс’).

Выявленный парадокс получает решение, только если допустить, что две из указанных трёх сем слились в одну – синкретическую. Это слияние оказывается возможным, потому что данные семы являются однородными, а третья сема, имеющая отличную природу, не способна им препятствовать. Иначе говоря, мы считаем, что перфективная конструкция *стать+инф.* обладает синкретическим значением процесса, а присущая ей перфективность представляет собой видовое значение начального предела, или точечную начинательность (мы квалифицируем это значение как ингрессивность). Графически значение данной конструкции выглядит так:

сема ‘начальный предел’

•—————
синкретическая сема ‘процесс’

Как видим, оно содержит два элемента.

2.2.3. Теперь мы можем взглянуть на семантические отношения между перфективной конструкцией *стать+инф.* и начинательными перфективами с приставкой *за-* под углом зрения нетрадиционной аспектологической теории. Глаголам свойственна сема ‘процесс стандартной протяжённости’, тогда как конструкция характеризуется семой ‘процесс большой протяжённости’. Сема ‘начальный предел’ не способна полностью затемнить синкретическую сему, поэтому последняя не может укрыться от острой языковой интуиции исследователей.

2.3. И наконец, коснёмся вопроса об интересных эффектах, наблюдающихся при рассмотрении перфективов типа *попрыгать* и *пропрыгать*. Хорошо известно, что такие перфективы способны, подобно имперфективам, выступать в беспредложных конструкциях с показателями протяжённости процесса (*попрыгать / пропрыгать час*). Указывается также, что носитель языка явственно ощущает протяжённость присущей им семы ‘процесс’. Мы объясняем оба факта тем, что значение этих перфективов содержит сему ‘начально-конечный предел’. Здесь в фокусе внимания оказывается как начальный, так и конечный момент процесса. Соответственно, при этом внимание вынуждено, выражаясь метафорически, «переместиться», «пробежать» по семе ‘процесс’. Как следствие, данная сема оказывается скрытой лишь частично.

3. Заключение. Позволим себе выразить уверенность, что полученные результаты представляют известный интерес для когнитивной лингвистики²¹². Нас особенно вдохновляет то

²¹² Здесь следует заметить, что когнитивное взаимодействие перфективности и семы ‘процесс’ не ограничивается описанными выше явлениями. Так, в литературе указывается, что «непредельные, или гомогенные, процессы представляют собой основной материал для образования различных способов глагольного действия, выражаемых глаголами сов. вида (инхоативного, делимитативного, финитивного и др....)» [Зализняк, Шмелёв 2000: 67]. Если считать гомогенность / негомогенность когнитивным свойством семы ‘процесс’, то вырисовывается следующая картина. Когнитивная природа семы ‘гомогенный процесс’ позволяет ей сочетаться со всеми тремя разновидностями парадигматической перфективности: с семой ‘точечный начальный предел’ (*запрыгать*), с семой ‘точечный конечный предел’ (*отпрыгать*), с семой ‘точечный начально-конечный предел’ (*попрыгать, пропрыгать*). Тогда как сема ‘негомогенный процесс’ в силу своей когнитивной природы сочетается исключительно с семой ‘точечный конечный предел’ (*прыгнуть*).

обстоятельство, что они перекликаются с идеями Л. Талми о феномене внимания в языке [Talmy 2007]. Есть основания надеяться, что экспериментальные методы когнитивной науки помогут успешно выявить нейронный механизм описанных феноменов, см. [Talmy 2007: 268].

Литература

- Бондарко, Буланин 1967 — А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967.
- Виноградов 1986 – В.В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986.
- Виноградов и др. (ред.) 1953 — В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов (ред.). Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология, М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Гвоздев 1973 — А.Н. Гвоздев Современный русский литературный язык. В 2-х ч. Ч. 1: Фонетика и морфология. М.: Просвещение, 1973.
- Гловинская 2001 — М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: «Азбуковник». Русские словари, 2001.
- Демиденко 1963 – Демиденко Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 248, Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1963, с. 85-103.
- Зализняк, Шмелёв 2000 – А.А. Зализняк, А.Д. Шмелёв. Введение в русскую аспектологию. М.: Школа "Языки русской культуры", 2000.
- Зализняк, Шмелёв 2002 – А.А. Зализняк, А.Д. Шмелёв. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения / Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002, с. 211-224.
- Карцевский 2004 — С.И. Карцевский. Система русского глагола // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия. Т. 2. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 31-207.
- Кацнельсон 2001 — С.Д. Кацнельсон. Категории языка и мышления: Из научного наследия, М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Маслов 1959 — Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // С.Е. Бернштейн (ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва: Изд-во АН СССР, 1959. С. 157-312.
- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004. С. 305-364.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва – Вена. 1998.
- Мучник 1971 — И.П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.
- Плунгян 1998 — В.А. Плунгян. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. С. 370-381.
- Плунгян 2000 — В.А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Размусен 1891 – Размусен Л.П.. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал министерства народного просвещения, С.-Петербург, 1891, № 6. С. 376-417.
- Самедов 1968 – Г.С. Самедов. О видах и подвидах русского глагола // Материалы 1-й Респ. конф. по вопросам языкознания и методики обучения иностранным языкам. Баку: Изд-во АПИЯ им. М.Ф. Ахундова, 1968. С. 116-118.
- Самедов 1975 – Г.С. Самедов. О видовых, чистовидовых и нечистовидовых корреляциях // Тезисы докладов Респ. научн. конф. на тему "Актуальные проблемы исследования грамматического строя современного русского языка". Баку: Изд-во АПИРЯЛ им. М.Ф. Ахундова, 1975, с. 37-38.
- Самедов 1978 – Г.С. Самедов. О понятии видовой корреляция // Уч. зап. "Серия языка и литературы". Баку: Изд-во АГУ им. С.М. Кирова, 1978, № 2. С. 22-26.
- Самедов 1984а – Г.С. Самедов. К вопросу о трёхчленных цепях типа *слабеть – ослабеть – ослабевать* // Структурно-функциональный анализ слова в русском языке. Баку: Изд-во АГУ им. С.М. Кирова, 1984. С. 3-11.
- Самедов 1984б – Г.С. Самедов. К вопросу о трёхчленных цепях типа *слабеть – ослабеть – ослабевать* // Русский язык и литература в азербайджанской школе, 1984, № 11. С. 30-34.
- Самедов 1999 – Г.С. Самедов. О статусе парадигм типа *петь / запеть, чувствовать / почувствовать* // Баку: Изд-во Бакинского ун-та. 1999. С. 418.
- Самедов 2000 – Г.С. Самедов. О спорах вокруг префиксальных видовых парадигм с начинательным глаголом // Тагиевские чтения. Баку: Mütərcim, 2000. С. 54-55.
- Самедова 2004 – Н.Г. Самедова. Ещё раз об омонимичных конструкциях *стать+инфинитив* // «Русский язык: исторические судьбы и современность» 2-й Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Самедова 2011а – Н.Г. Самедова. К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Лингвофутуризм. М.: Индрик, 2011.
- Самедова 2011б – Н.Г. Самедова. О статусе видовой парадигмы *прыгать / прыгнуть* // Л. Спасов, И. Пановска-Димкова (ред.). Категории глагольной множественности в славянских и неславянских языках (синхрония и диахрония). Скопье: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2011. С. 59-78.
- Самедова 2013 – Н.Г. Самедова. Омонимические конструкции *стать + инфинитив*: закономерности поведения // Acta universitatis szegediensis. Dissertationes slavicae sectio linguistica XXX. Szeged, 2013. С. 151-170.

- Самедова 2014а – Н.Г. Самедова. Начинательность видовая и невидовая: о чём свидетельствуют факты русского языка? // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски. № 5. Универзитет „Св.Кирил и Методиј“ во Скопје. Филолошки факултет „Блаже Конески“. 2014. С. 285 – 306.
- Самедова 2014б – Н.Г. Самедова. Об одном парадоксе, выявленном Ю.С. Масловым // Международная научная конференция "Научное наследие и развитие идей Ю.С. Маслова". С.-Петербург, 20-22 ноября 2014 г. С. 171-174.
- Тихонов 1959 – А.Н. Тихонов. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке // Труды Узб. гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, № 95, Самарканд: Изд-во Узб. гос. ун-та им. А. Навои, 1959. С. 43-75.
- Черткова 1996 – М.Ю. Черткова. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
- Черткова (ред.) 1997 — М.Ю. Черткова (ред.). Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2, М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Шатуновский 2009 – И.Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М.: Школа "Языки славянской культуры", 2009.
- Talmy 2007 – L. Talmy. Attention phenomena // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). Handbook of Cognitive Linguistics. New York: Oxford U. Press, 2007. P. 264-293.

ASPECT CONTRASTED: CROATIAN, SLOVENE AND JAPANESE teaching and learning Japanese as L2

Aspect is a complex grammatical category and its learning/teaching involves a difficult and time-consuming process, demanding language knowledge of lexicosemantics, phonology and morphology, word formation and derivation, syntactics, and pragmatics. Our goal is to try to answer the question regarding the ways of teaching/acquiring aspect in the course of university language learning, in which the learning process is intense in a limited time span. This article first reviews the present state of research on aspect in Croatian, Slovene and Japanese, particularly in relation to L2 acquisition. Although aspect is the most characteristic for Slavic languages, neither Croatian nor Slovene is equipped with a comprehensive monography on this subject. The second half of the article discusses some typical errors of L2 learners in aspectual expressions. Slovene- and Croatian-speaking students' understanding of *-te iru* in Japanese is fragmentary: of plural semantics of the predicate form *-te iru*, «past action/state in relation to another incident» and «unrealised but realisable action inside a certain time span» have proved to be the main two situations for which special attention should be paid in Japanese-language teaching, usually introduced already at the beginners' level.

1. Introduction

Aspect is one of the most difficult items of grammar in teaching/learning L2. Though it is true also for L1 learners, it should be particularly difficult for those learners whose mother tongue has no aspectual opposition of perfective/imperfective as in Slavic languages.

Aspect is a complex grammatical category and its learning/teaching means a difficult and time-consuming process for which overall language knowledge is needed, from morphology to discourse pragmatics. Besides, various situations may be observed from different angles and standpoints, and this is the reason that the aspectual means are closely connected to subjective ways of looking at things. [Novak Milić 2010: 140].

There exists abundant literature regarding aspectuality in various languages, and there have been many conferences and academic groups on this topic. However, there is still not enough literature and research on the didactic side, how and in what method this item should be approached in L2 teaching. Reason for this may be many unsolved problems in textbooks and references for language teaching, and not enough quantity of special references which may handle aspect from the standpoint of L2 learners.

Our goal is to try to answer the question how to teach/acquire aspect in course of university language learning, in which the learning process is intense in a limited time span. This time, we focus on acquisition of Japanese verbal aspect for learners whose mother tongue is Slovene or Croatian.

2. Researches in Aspect and Second Language Teaching/Learning

We have to mention that the first problem with aspect or aspectuality is the terminological inconsistency not only within one language but among groups of languages.

There is no universal understanding in teaching/learning aspect in various languages: many linguists take as their starting point of reference for L2 teaching/learning Vendler's categorization of verb semantics [1967], **Achievement**, **Accomplishment**, **Activity** and **State**.

Based on results of several researches in L2 acquisition, **Aspect Hypothesis** was brought forward [Robison 1995, Bardovi-Harlig 1995, Anderson & Shirai 1994, 1996 etc.] which is mentioned also in Croatian studies on aspect.

Čilaš Mikulić [2012: 116], for example, points out that:

- «(1) Learners first use marked past tense with verbs of achievement and accomplishment, and then eventually move on to apply the past tense to those of activity and state.
- (2) In languages where morphological coding differentiates perfect/imperfect past tense, the imperfect past appears later than the perfect past, but the marking of imperfect past starts with the verbs of state and is later on applied to verbs of activity (i.e. with atelic verbs), and then to verbs of accomplishment and finally to verbs of achievement (i.e. telic verbs).
- (3) In languages with progressive aspect, the progressive marking starts with verbs of activity and is then also applied to verbs of accomplishment and achievement.
- (4) The progressive marking seldom expands falsely to verbs of state.»

Based on this hypothesis, it is presupposed that the inherent semantic aspect of verbs, i. e. lexical aspect, plays a great role in the teaching/learning of tense and aspect morphology.

2.1. Croatian

As we have mentioned earlier, one of the problems in dealing with aspect is the terminological inconsistency, which is the cause of many difficulties not only within the Croatian language, but also in comparing aspectual issues with other languages. For example, Croatian linguists make use of the terms «glagolski vid» and «glagolski aspekt», some other linguists for **aktionsart** further use «način vršenja glagolske radnje» [Barić et al. 1996, 223-225], and «glagolskovidsko značenje» [Silić-Pranjković 2005: 56-58]; for Vendler's term **Accomplishment** there are various terms used by different linguists, «glagoli postignuća» [Cvikić, Jelaska 2007], «glagoli ostvarivanja» (Novak Milić 2010), «glagoli umijeća» [Žic Fuchc 2009] etc. [more on this issue: Novak Milić 2010: 136-37; Čilaš 2012: 57].

The existing literature on actual aspectological questions from the standpoint of Croatian language as L1 and L2 emphasizes that the verbal aspect is a combined category which describes various levels [Monnesland 2007, Cvikić & Jelaska 2007, Čilaš Mikulić 2012 etc.]. For example, Novak Milić & Čilaš Mikulić [2013] mention:

- a) the morphological level - where it is emphasized that the understanding of morphology itself is not enough to master aspect. Morphological descriptions in actual Croatian grammars are not good enough for L2 learners (often processes of imperfectivization and perfectivization); for L2 speakers it is better to learn in the aspectual pairs (this will be mentioned again later on);
- b) the syntactic level - it is advised that a list of conjunctions, adverbs, adverbial expressions is presented, as this helps the students to understand the use of verbal aspect [Čilaš Mikulić 2012];
- c) the semantic and pragmatic level - it is important to know the meaning of message, and moreover, there is the need to know non-grammatical elements in relation to 'common sense'.

Since we are interested in the glottodidactic approach to verbal aspect in the teaching/learning Croatian as L2, let us look at some research results published in the last 10 years. There have been many publications in this period, but we should stress the fact that verbal aspect and aspectuality are still not thoroughly nor systematically studied, neither in Croatian as L1 nor as L2. The analysis of Croatian grammar as L1 (modern Croatian grammar intended for foreign learners does not exist) shows not only the terminological inconsistency and diverse definitions, but also intransparent description of verbal aspect. Aspect is described, but there is no rule which can help L2 learners to master its use [Čilaš Mikulić 2012: 30; Monnesland 2007]. Further, from the standpoint of Croatian as L2, we have no reference book for learning verbal aspect. In textbooks for L2 learners, not enough attention is paid to this area of grammar and the approach to aspect is the same as in textbooks for L1 acquisition, except for a few contrastive textbooks intended for a strictly limited group of speakers (i.e. Marija Korom's textbook for German speaking learners). A contrastive approach to verbal aspect in Croatian became actual in the beginning of 1970s in the framework of various contrastive projects lead by R. Filipović [more about it in Požgaj Hadži 2002] and defended doctoral theses, for example, on verbal aspect in Croatian or Serbian and German [Gojmerac 1980]; verbal aspect in Croatian or Serbian [Mitani 1986], verbal aspect in Croatian and Swedish [Novak Milić 2008], and a number of other important articles. Mitani [1986] deals with three main themes, with iterative and aspect, negation and aspect, and aspectual-temporal structure of language.

It is necessary to mention that the contrastive approach functions in a homogeneous group of students and the teacher has to know L1 well to be able to attract attention of the students to similarities and differences of L1 and L2 and to systems of possible mistakes. The contrastive research in the last two decades is based on the corpora of language learners [more on this in Požgaj Hadži & Balažić Bulc 2010] which may be used for easier learning.

When referring to troubles with verbal aspect of L2 Croatian learners in language-teaching practice, along with the contrastive approach, two principles are crystallized upon which most researchers agree [Mønnesland 2003, Novak Milić & Čilaš Mikulić, 2013, Cvikić i& Jelaska 2007 etc.]: the principle of gradual learning and the principle of prototypes. Taking into account these two principles, Novak Milić &

Čilaš Mikulić [2013] suggest working on aspect in Croatian as L2 through CEFR scales, which may be particularly helpful in L2 Croatian instruction. As for the principle of gradual learning, i. e. at the A1 (beginners') level, the verbal aspect is not taught explicitly; verb morphology is taught in the context of present tense, later in perfect and future; at the A2 level, the verbal aspect may be taught explicitly using the semantic concept of telicity. This is the principle in correlation with the principle of prototype - from frequent and simple to rare and complex; from syntactic to semantic, simple to more demanding with the condition that the verbs are introduced in aspectual pairs [Monnesland 2003, Jelaska & Opačić 2005, Cvikić & Jelaska 2005, Novak Milić & Čilaš Mikulić 2013]. Here the levels of linguistic competence should be taken into account because complicated descriptions of derivation rules for the process of perfectivization and imperfectivization are not suitable at lower levels of learning. In addition, acquisition of verbs in aspectual pairs is recommended. Relying on their own experience, authors warn that the introduction of aspectual pairs too early would be a burden for learners. As we have mentioned, acquisition of the category of verbal aspect may also lead to easier learning of conjunctions, prepositions and prepositional phrases which appear next to perfective and imperfective verbs, according to Čilaš Mikulić [2012]. We may conclude that acquiring verbal aspect is a complex and lengthy process, demanding language knowledge of lexicosemantics, phonology and morphology, word formation and derivation, syntactics, and pragmatics.

2. 2. Slovene

In the earliest grammars of the Slovene language, «vrste glagolskega dejanja» 'modes of action' were often discussed in relation to verb semantics, but **aspect** as a grammatical category was first mentioned by linguists such as J. Kopitar and F. Miklošič in 19th century. [Schellander: 1984:229]. Today, it is generally accepted, both in discussions in other Slavic as well as non-Slavic languages, that Slovene verbs have the explicit morphological opposition of perfective and imperfective. At the same time, various studies show that the verbal aspect is closely connected with tense, in some cases with modality, voice etc. For example, Žele [2013] in her textbook of basic grammatical concepts in Slovene explains that verbal aspect is a complex interplay of grammar and meaning: aspect as a grammatical category is in a close relationship with syntax and the entire discourse situation. [Žele 2013: 30]

Dickey [2003] gives a concise English description of Slovene aspect. Besides important typological studies, it takes into account recent studies by Slovene linguists in order to capture the actual picture of verbal aspect in today's Slovene. The main aspectual derivations in Slovene are perfectivizing prefixation (e.g. *kazati* - *pokazati*) and imperfectivizing suffixation (e.g. *navdušiti* - *navduševati*) [Dickey 2003: 183]. All predicate types by Vendler are represented by imperfective verbs, but only accomplishments and achievements regularly have perfective correlates. (More detailed relationship of predicate types and aspect can be found in Orešnik 1994) [ibid.: 183]. The prototypical function of the Slovene imperfective is the **processual meaning**, (the progressive tense in English *-ing*), but imperfective may also express **habituality**, often with some adverb of time. Both these functions of the imperfective are reduced to '**open-endedness**' by Dickey, as opposed to the perfective '**totality**'. [ibid.: 189]

There are some interesting contrastive studies with neighboring languages on aspect and/or tense and aspect: Miklič [2007]'s study is inspired by Dickey [2003], comparing Italian and Slovene aspectual expressions. One tends to compare the Slovene opposition of perfective/imperfective with the Italian opposition of *perfetto/imperfetto*, but such comparison is misleading. According to Miklič, Slovene, in contrast to Italian, is more sensitive to situation-types; while the key factor in Italian is perspective (global vs. partial view). [Miklič 2007: 107] Ožbot [2009] has a wider scope of grammar in analysing Slovene/Italian interference in speech production. According to her, verbal aspect presents the major difficulty for L2 users of Slovene. While in Italian, the way of looking at events is the most important, in Slovene it is more important to judge the type of individual situation, a line or a point. [Ožbot 2009: 40]

There is also a series of discussions on Russian/Slovenian aspect comparisons by A. Derganc [2010]. Derganc [2014] discusses the more lenient use of perfective verbs next to imperfectives (which is usually the case for Eastern group) to express iterative, historical present, performative, a sequence of events in the Western group of Slavic languages, thus claiming that Slovene verb *iti* is **bi-aspectual**. In the grouping of various Slavic languages by Dickey, Croatian belongs to an intermediary group with Polish and Serbian. [Derganc 2014: 537]

2. 3. Japanese

Japanese has no morphological opposition of verbal aspect (perfective vs. imperfective) as in Slavic languages. Aspectual meanings are realized with several grammatical means. There are two tense forms, past (or perfect) *-ta* and non-past (or imperfect) *V-ru*. In order to express progressive/durative (i.e. to take out a part of a whole event expressed by a verb of inherently continuative meaning), the predicate form *-te iru* (a non-final verbal form + functional verb ‘to be’) is used, thus:

- (1) *Ame ga furu.*
rain NOM fall-NON-PAST
‘It will rain/It (usually) rains.’
- (2) *Ame ga futte iru.*
rain NOM fall-DUR
‘It is raining.’
- (3) *Ame ga futte ita.*
rain NOM fall-DUR-PAST
‘It was raining.’

The same predicate form *-te iru* may be used with a verb of inherently instantaneous meaning for a state as a result of change.

- (4) *Ame ga yande iru.*
rain NOM stop-RESULT
‘Rain has stopped (and it is dry now).’

For phases of action, compound verbs are used, for example:

- (5) *Ame ga furi-hajimeru.*
rain NOM rain start-NONPAST
‘It starts to rain.’

As for the verb semantics, the four semantic categories of verbs by Kindaichi [1950] (Stative, Continuative, Instantaneous, and «type four» adjectival stative) were later improved, for example, by Okuda [1978], whose classification is usually taken as the basis for discussions on verbal aspect and voice. [Kudo 1995: 54] According to Kudo [1995], the most comprehensive study on aspect and tense in today’s Japanese, we usually perceive and communicate not only one single event, but plural events which we try to put together as a unified whole. Our communication, therefore, actually happens, when we take into account the following: (a) the development of the event itself (aspectual), (b) the relationship of the central event with other surrounding events (axis), and (c) the relationship of the event with the time of utterance (tense/deixis). [ibid.: 303]

Mihara [1997] offers an excellent contrastive study on aspectual expressions in Japanese and English. The use of grammatical structures of progressive *-ing*, present and past perfect in English are compared with the Japanese past tense and the structure *-te iru*. Since English is the first foreign language to be taught in Japan as well as in Slovenia and Croatia today, such studies should be referred to for further research in Japanese L2 acquisition.

As for contrastive studies of aspect in L2 acquisition, some studies appeared in 1980s and 90s contrasting Japanese with Thai, Korean, and Chinese [Sheu 2005: 8-10] Additionally, the aspectual expressions by way of the predicate form *-te iru* in L2 learning were considered by several researchers in 90s. Sheu [2005] offers a contrastive study of forms *-te iru* and *-te ita* in the context of L2 learners whose mother tongue is Chinese. Particularly important in her study was the «kijun jikan» ‘standard time’ from which an event or situation is being observed. This has much in common with the aspectual expressions in Romance languages, e.g. in the Slovene-Italian study by Miklič [2007: 99]: «perspective from which the speaker observes the situation».

3. Aspect and Tense in Japanese Language Learning - Learners whose L1 is Croatian and/or Slovenian

In context of L2 learning, Shigemori Bučar [2007b] is a research on the use of the aspectual predicate pattern *-te iru* among L2 students in Slovenia. According to previous researches on this predicate pattern

[Sheu 2000 among others], the verbal form *-te iru* carries plural meanings. These researches were based on error analyses of L2 learners whose mother tongues were mainly Asian languages, including some European as well, but there was no speaker of Slavic. The plural meanings were, in the order of acquisition difficulty from the most difficult to the easiest: A. experience/past record; B. counterfactual supposition; C. state as a result; D. progressive action; E. iterative; F. adjectival expression; G. idiomatic usage; H. affiliation. Among these, eight different meanings, semantics of E., F. and H. seemed to be well understood by students in the 3rd year of undergraduate in the year of research in 2007. The common difficulties of the form *-te iru* for all L2 learners, together with Croatian and Slovene speakers, were the following three:

- 1) L2 learners fail to recognize the inherent semantics of Japanese verbs; the semantic difference between the past form *-ta* and the form *-te iru* disappears in a noun-modifying clause when the verb in question is an instantaneous verb of Kindaichi's classification (e.g. *kakeru*, a verb which literally means 'to hang, sling'):

(6) *megane wo kaketa hito / megane wo kakete iru hito*
 glasses ACC hang-PAST person / glasses ACC hang-RESULT person
 'a person wearing glasses' / 'a person wearing glasses'

but it is not the same with a continuative verb:

(7) *aruita hito / aruite iru hito*
 walk-PAST person / walk-DUR person
 'a person who walked' / 'a person who is walking'

- 2) idiomatic expressions of several verbs, e.g. *shiru* 'to know', *omou* 'to think' etc.
- 3) complex sentences (conditional etc.) with time adverbs.

Specific problems for the students in Slovenia were the following:

- 4) Though the meanings C. state as a result and D. progressive action are taught in the first year of their study, some 3rd year students failed to use the *-te iru* form correctly.

This last point can be broken down to the following two:

- 4a) The correspondence of *-te iru* **state as a result of a telic event** — *biti* + *-n/-* participle should be stressed with the parallel correspondence of the past instantaneous event (change of state) — Slovene perfective in past tense:

(8) *Doa ga aita.* (8') *Vrata so se odprla.*
 door NOM open-PAST door-NOM open-PERF-PAST
 'The door opened.' 'The door opened.'

(9) *Doa ga aite iru.* (9') *Vrata so odprta.*
 Door NOM open-RESULT door-NOM COP open-PARTICIPLE
 'The door is open.' 'The door is open.'

- 4b) Particularly in translating Slovene text into Japanese, some students have troubles in understanding Slovene or Croatian imperfective (a situation of **open-endedness**) in present tense; it should be translated into the form *-te iru* and not the non-past.

Beside the above-mentioned semantic categories, there is also an important addition in order to completely understand the Japanese tense-aspect interplay. In addition to the verbal form *-te iru*, its past tense *-te ita* must also be taken into consideration. [Kudo 1995: 8, Sheu 2005] The simplest explanation would be that the morphological feature "past" is added to each of the meanings mentioned above,

(10) *Shachô wo shite iru.*
 director ACC do-DUR
 'He works as director.'

(11) *Shachô wo shite ita.*
 director ACC do-DUR-PAST
 'He worked (at a certain time/period in the past) as director.'

It is particularly important that the predicate form *-te ita* means a durative action at a point of time in the past (often when some other punctual event occurs), as in the following example:

(12) *Hajimete atta toki, kare wa shachô wo shite ita.*
 first time meet-PAST time he TOPIC director ACC do-DUR-PAST
 'When we first met, he worked as director.'

A further observation of 4th-year (intermediate) students' performance was conducted in 2014/15 in translation/composition exercises and simple informal writing in Japanese. Errors in L2 differ from learner to learner, but the following should be noted:

1) expression of **unrealised but realisable action inside a certain time span**: A prototype of this semantics is carefully introduced already in the 1st semester of Japanese language learning, e.g. in a dialogue: (13) question - (14) answer:

(13) *Mô asagohan wo tabemashita ka?*
already breakfast ACC eat-PAST-FORMAL Q
'Have you had breakfast yet?'

(14) *Iie, mada desu.*
no still COP-FORMAL
'No, it is still (the same state as before).=No, not yet.'

The answer is reformulated in a later stage of learning as:

(15) *Iie, mada tabete imasen.*
no still eat-RESUST-NEG
'No, I haven't eaten yet.'

This is a combination of the meaning C. (state as a result) of the form *-te iru* and negation.

2) misuse of *-te ita* for **atelic activities in the past** without any reference to another event:

(16) *Kyô dai 7-ka wo yonda/*yonde ita.*
today lesson 7 ACC read-PAS / *read-DUR-PAST
We read/*were reading Lesson 7 today.

3) **past action/state in relation to another incident**: D. + *past* (cf. example 12 above)

The whole learning/teaching process from the beginners' level onward should be examined and proper introduction of each grammar item should be prepared for each level. It is also important to practice spiral teaching, i.e. to repeatedly practice and remind the learners what has been introduced in previous lessons.

It would also be interesting to compare performances of Croatian and Slovene L2 learners of Japanese in relation to the differences of the two Slavic languages mentioned in Dickey [2003].

4. Conclusion

In the last few decades, much has been done in the area of aspect and aspectuality in all three languages. Our list of references shows that research in the context of L2 learning is more advanced in Croatian than in Slovene. In the near future, we would like to see some concrete products which would be useful in classrooms. We are convinced that observing our own language through L2 learners' eyes is discovering our language for the second time.

As for the contrastive research with Japanese as L2, the Chair of Japanese Studies in Ljubljana is the strongest in the Central European area. We are still waiting for Japanese studies in Pula and Zagreb (Croatia) to be fully established. In order to obtain an overall picture of the learning process, our contrastive research will have to involve yet many generations of students from a wider area. The contrastive analysis of aspect in Croatian, Slovene and Japanese is still almost untouched, even though it has been observed that some students' errors are triggered by the perceptual differences of aspect and tense in these languages.

This contribution is only a beginning for future contrastive research based on corpora of language learners' performance. Our future endeavor may bring many new insights for the understanding of aspect in typologically diverse languages.

References

Andersen & Shirai 1996 — R. W. Andersen & Y. Shirai. Primacy of aspect in first and second language acquisition: The pidgin/creole connection // W. C. Ritchie & T. K. Bhata (eds.) *Handbook of Second Language Acquisition*. San Diego, CA: Academic Press.

- Barić et al. 1996 — E. Barić, M. Lončarić, D. Malić, S. Pavešić, M. Peti, in: Zečević, M. Znika. Hrvatska gramatika. Zagreb: Školska knjiga, 1996.
- Cvikić, Jelaska 2007 — J. Cvikić, Z. Jelaska. Složenost ovladavanja glagolskim vidom u inojezičnome hrvatskome. // Lahor. 2007. Vol. 4. P. 190-216.
- Čilaš Mikulić 2012 — M. Čilaš Mikulić. Glagolski vid u hrvatskome kao drugome i stranome jeziku. Zagreb: Filozofski fakultet (doktoral thesis).
- Derganc 2010 — A. Derganc. Še nekatere razlike v rabi glagolskih vidov v ruščini in slovenščini, in: Slavistična revija, ISSN 0350-6894. Year 58, Vol. 1, P. 73-80.
- Derganc 2014 — A. Derganc. Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih, in: Slavistična revija, ISSN 0350-6894. Year 62, Vol. 4, P. 345-351.
- Dickey 2003 — S.M. Dickey. Verbal aspect in Slovene, in: Sprachtypologie und Universalienforschung/Language Typology and Universals, Vol. 56, Issue 3. Akademie Verlag, Berlin.
- Gojmerac 1980 — M. Gojmerac. Glagolski vid u hrvatskom ili srpskom i njemačkom jeziku. Zagreb: Filozofski fakultet (doktoral thesis).
- Jelaska, Opačić 2005 — Z. Jelaska, N. Opačić. Glagolski vid i vidski parovi // Z. Jelaska et. al. Hrvatski kao drugi i strani jezik. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2005.
- Kindaichi 1950 — H. Kindaichi. Nihongo dôshi no ichi-bunrui. // Gengo Kenkyû 15: Nihongo Dôshi no Asupekuto. Mugi Shobô, P 5-26.
- Kudo 1995 — M. Kudo. Asupekuto-Tensu Taikei to Tekusuto: Gendai Nihongo no Jikan no Hyôgen. Hitsuji, Tokyo.
- Mitani 1986 — K. Mitani. Glagolski vid u hrvatskom ili srpskom jeziku. Zagreb: Filozofski fakultet (doktoral thesis).
- Monnesland 2003 — S. Monnesland. Glagolski vid u hrvatskom jeziku // S. Botica (ed.). Zbornik Zagrebačke slavističke škole, Zagreb: FF Press. P. 21-51.
- Monnesland 2007 — S. Monnesland. Je li gl. vid sintaktička kategorija // B. Kuna (ed.) Hrvatski sintaktički dani. Osijek: Filozofski fakultet, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. P. 145-158.
- Mihara 1997 — K. Mihara. Asupekuto to dôshi bunrui. In: Voisu to asupekuto (ed. Nakau: Nichi-ei-go hikaku sensho 7), Kenkyûsha, Tokyo, P. 108-144.
- Miklić 2007 — T. Miklić. Metafore o načinih gledanja na zunajjezikovna dejanja v obravnavanju glagolskega vida, in: Slavistična revija 55/1-2, P. 85-103.
- Novak Milić 2008 — J. Novak Milić. Kategorija aspekta dvočlanih švedskih glagola u odnosu prema vidu hrvatskih glagola. Zagreb: Filozofski fakultet (doktoral thesis).
- Novak Milić 2010 — J. Novak Milić. Što je što u aspektologiji // Lahor. 2010. Vol. 10. P. 125-143.
- Novak Milić, Čilaš Mikulić 2013 — J. Novak Milić, M. Čilaš Mikulić. Glagolski vid u inojezičnome hrvatskome – izazov na mnogim razinama // A. Peti Stantić, M. M. Stanojević (eds). Jezik kao informacija. Zagreb: Srednja Europa, HDPL. 2013. P. 47-60.
- Okuda 1978 — Asupekuto no kenkyû o megutte // Kyôiku Kokugo Vol. 53, 54. Mugi Shobô.
- Orešnik 1994 — J. Orešnik. Slovenski glagolski vid in univerzalna slovnica (Slovene Verbal Aspect and Universal Grammar). SAZU Classis II> Philologia et litterae 40.
- Ožbot 2009 — M. Ožbot. Nekaj kontrastivnih beležk o italijanščini in slovenščini in nekaj opažanj o jezikovni produkciji pri govoricah slovenščine v Italiji. Jezik in slovstvo, Year 54, Vol. 1, P. 25-47.
- Požgaj Hadži 2002 — V. Požgaj Hadži. Hrvaščina in slovenščina v stiku = Hrvatski i slovenski u kontaktu (Razprave Filozofske fakultete), Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2002.
- Požgaj Hadži, Balažić Bulc 2010 — V. Požgaj Hadži, T. Balažić Bulc. Izzivi sodobnega kontrastivnega jezikoslovja : slovenščina in hrvaščina v stiku // V. Gorjanc, A. Žele (eds) Izzivi sodobnega jezikoslovja (Zbirka Razprave FF). Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2010. P. 177-186.
- Schellander 1984 — A. Schellander. Glagolski vid v luči sodobnih teoretskih razmišljanj in kali njegovoga zapažanja v Bohoričevi slovnici. Slavistična revija. Year 32, Vol. 3, P. 223-230.
- Sheu 2000 — S. Sheu. Shizen hatsuwa ni okeru nihongo gakushûsha ni yoru -te iru no shûtoku kenkyû // Nihongo Kyôiku Vol. 95, 37-48.
- Sheu 2005 — S. Sheu. Nihongo Gakushûsha ni yoru Asupekuto no Shûtoku. Kurosio Publishers, Tokyo.
- Shigemori Bučar 2007a — Ch. Shigemori Bučar. Voice in Contrast: Japanese and Slovene. Znanstvenoraziskovalni center Filozofske fakultete, Ljubljana.
- Shigemori Bučar 2007b — Ch. Shigemori Bučar. Tan'itsu bogo washa gurûpu ni taisuru nihongo bunnô kômoku no oshiekata ichian (-te iru no baai), in: CALVETTI, Paolo & DE MAIO, Silvana (eds.). Proceedings of the second conference on Japanese linguistics and language teaching, Naples, March 20th-22nd, 2002: Università degli studi di Napoli "L'orientale". Dipartimento di Studi Asiatici: Associazione italiana didattica lingua giapponese: Istituto italiano per L'Africa e L'Oriente: The Japan Foundation, P. 378-392.
- Silić, Pranjković 2005 — J. Silić, I. Pranjković. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Školska knjiga.
- Vendler 1967 — Z. Vendler. Verbs and Times, in: Linguistics in Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Žele 2013 — A. Žele. Slovenska besedilna skladnja z jezikovnosistemskega vidika - temeljni pojmi: učbenik. Ljubljana.
- Žic Fuchs 1991 — M. Žic Fuchs. Znanje o jeziku i znanje o svijetu. Zagreb: Filozofski fakultet (Biblioteka SOL), 1991.

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НСВ В ЧАСТНОМ ВОПРОСЕ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ*

The aim of the present paper is to analyze the general-factual meaning of the imperfective verbs in specific questions in Bulgarian. As is well known, the specific questions with IPVF verbs are aimed to clarify the circumstances and the participants of the situation, while the action is presupposed to have happened and the result of the action is inferred from the context. In addition, in Bulgarian beside the problem of choosing the aspectual form (perfective or imperfective) there is the problem of choosing the verb tense: perfect or aorist. In this paper, the general-factual meaning of the imperfective verbs is analyzed in relation to the specific meaning of past tenses (perfect and aorist), along with the grammatical categories of noun (number, gender or noun class, definiteness, noun's reference status), which, in their turn, can influence the choice of tense-aspect form.

Целью предлагаемой работы является анализ употребления несовершенного вида глаголов в частном вопросе в болгарском языке в рамках тематики изучения общефактического значения НСВ. Общепринятым является положение, согласно которому частный вопрос с глаголом НСВ направлен на выяснение участников и обстоятельств ситуации, в то время как сам факт осуществления действия (а также достижения результата) составляет пресуппозицию. Частным значениям НСВ в русском языке, и общефактическому в том числе, посвящено множество исследований [Гловинская 2001, Падучева 1991, 1996 и 2013, Шатуновский 2009]. Специальные исследования были посвящены референтному статусу глагольной предикации в частном вопросе [Mehlig 2001, Мелиг 2002 и 2013]. Что касается болгарского языка, использованию видо-временных форм в частном вопросе специального внимания не уделялось, хотя общефактическое значение НСВ отмечалось как для форм аориста, так и для форм перфекта [Андрейчин 1944 и 1976, Маслов 1959, Станков 1976].

В своем детальном анализе вопросов с местоимением *кто* в русском языке Х.Р. Мелиг выделяет два типа глагольных предикаций и, соответственно, две группы вопросов с местоимением *кто*. Первый тип – это вопросы о конкретных, актуализованных, присутствующих в ситуации действиях (*Кто писал адрес на конверте? Забыли написать индекс*)²¹³. Они возможны только с предельными глаголами, называющими контролируемое действие, и соответствуют «экземпляру» обозначаемой ситуации (token), т.е. глагольная предикация наделяется определенной референцией (специфической или неспецифической). В таких вопросах глагол несовершенного вида может заменяться глаголом совершенного вида: *Кто написал адрес на конверте?* [Мелиг 2002: 132]. Во втором типе вопросов, не касающихся конкретных, актуализованных действий, наоборот, выясняется вообще существование определенного опыта: *Кто уже когда-нибудь терял свой паспорт?* [Мелиг 2002: 145]. Они возможны не только с предельными, но и с моментальными глаголами, характеризуются неопределенной референцией глагольной предикации и соответствуют «типу» обозначаемой ситуации (type). Совершенный вид глагола в таких вопросах невозможен [Мелиг 2002: 148].

В болгарском языке помимо вопроса о выборе вида встает вопрос и о выборе временной формы – перфекта или аориста. В связи с этим мы задались вопросом, влияет ли семантика конкретного грамматического времени (наряду с акциональной и собственно видовой характеристикой глаголов) на реализацию значений НСВ, в том числе общефактического и его подвидов), и если да, то каким образом. Кроме того, при анализе выбора видо-временной формы в специальном вопросе в болгарском языке возникает вопрос о роли таких именных категорий, как референтный статус и определенность имени.

* Приношу свою искреннюю благодарность Х.Р. Мелигу, высказавшему ряд ценных соображений по предварительному варианту статьи. Ответственность за возможные ошибки и недочеты, разумеется, лежит полностью на мне.

²¹³ Пример Х.Р. Мелига [2002: 136]. Большинство приведенных в статье примеров взяты из Национального корпуса болгарского языка (<http://search.dcl.bas.bg/>), некоторые примеры заимствованы из работ, посвященных русскому языку, и переведены нами. В остальных случаях источник указан.

Ниже мы попытаемся применить предложенное разделение предикаций на token и type к болгарскому языку. Для этого рассмотрим случаи употребления перфекта и аориста НСВ частных вопросах, в основном, с вопросительным местоимением *кой* 'кто' – таких, как в примерах (1), (2) и (3):

- (1) *Кой е писал на Джордж, за да му каже това?*
кто писать-IPFV.PRF на Джордж чтобы он-DAT
сказать-PRS.3SG это?
'Кто писал Джорджу, чтобы сказать ему об этом?'
- (2) *Кой писа за убийство-то на Стейн?*
кто писать-IPFV.AOR о убийство-ART.DEF POSS Стейн
'Кто писал об убийстве Стейна?'
- (3) *Кой писа / е писал молба-та?*
кто писать-IPFV.AOR / писать-IPFV.PRF заявление-ART.DEF
'Кто писал заявление?'

В приведенных примерах, речь идет о ситуациях, в которых совершение действия и возможное наличие результата присутствуют в общем знании собеседников. В некоторых случаях это общее знание о действии и результате выводится из определенности объекта, как в примере (3), в других – из более широкого контекста, как в (1) и (2). Сам вопрос направлен на выяснение того, кто совершил действие или других обстоятельств ситуации.²¹⁴

Нередко вопрос, заданный глаголом НСВ как в форме перфекта (4), так и в форме аориста (5), может выражать критическую оценку действия:

- (4) *Кой е писал това? Бълвоч и лигоч. Няма драматична съгласуваност. Липсва мотивация и форма.*
кто писать-IPFV.PRF это вопли и сопли нет драматическая согласованность. отсутствовать-PRS.3SG мотивация и форма
'Кто это писал? [...] Вопли и сопли! Отсутствует драматическая согласованность. Не хватает мотивации и формы.'
- (5) *Кой писа сутрешината уводна статия?*
кто писать-IPFV.AOR утренняя-ART.DEF вступительная статья
Кой глупак можа да го напише така?
какой дурак мочь-IPFV.AOR да это-ACC написатьPFV.PRS3SG так
'Кто писал утреннюю статью? Какой дурак мог это написать?'

Это дало основание В. Станкову отметить тот факт, что использование НСВ в общефактическом значении позволяет говорящему выразить свое отрицательное отношение к действию [Станков 1981: 106], в том числе и в вопросах о причине и цели действия.²¹⁵ Как видно из

²¹⁴ Частный вопрос также может касаться времени и места действия, о котором только предполагается, что оно могло быть совершено в определенный, конкретный период в прошлом. Так, например, вопрос о времени осуществлении действия, выраженный перфектом НСВ, формально оставаясь вопросом о «приобретенном опыте», на самом деле может передавать сомнение и удивление по поводу совершения действия:

i. *Кога сте ми казвали такава нещо? Ах, да, вярно, казвахте.*
когда AUX я-DAT говорить-IPFV.PRF такое нечто ах да правда
Аз съвсем бях забрави-л.
говорить-IPFV.PRF я совсем AUX забыть-PST
'Когда вы мне такое говорили? Ах, да, точно, говорили. Я совсем забыл.'

Что касается аориста НСВ, ситуация несколько иная: речь идет об известном обоим собеседникам действии, возможно, обсуждавшемся предварительно, ср.:

ii. *Вие кога се качвахте до езера-та? Кой месец е по-подходящ – май или юни?*
вы когда REFL подниматься-IPFV.AOR до озеро- ART.DEF PL. какой месяц
быть-PRS.3.SG более подходящий май или июнь
'Вы когда поднимались к озерам? Какой месяц более подходящий – май или июнь?' [<http://m.bg-mamma.com/index.php?topic=360791.20>].

²¹⁵ «във въпросителни изречения при насоченост на въпроса към причината за действието или неговата цел чрез употребата на несвършен видговорещият изразява отсянка на неодобрение на действието, тъй като го смята за ненужно и нецелесъобразно» [Станков 1976: 76].

приведенных выше примеров, нередки случаи конкуренции видо-временных форм, т.е. субъективного выбора несовершенного перфекта и аориста как при формулировании нейтрального вопроса, так и в контексте критического замечания. С целью выяснения предпочтений носителей болгарского языка в ходе небольшого лингвистического эксперимента подобные примеры были предложены студентам Софийского университета. Из нескольких частных вопросов, касающихся конкретных, актуализованных действий, как в ситуациях (6), (7) и (8), респонденты должны были отметить возможные (более вероятные и менее вероятные), а также абсолютно невозможные в каждом отдельном случае вопросы.

Первая ситуация²¹⁶ представлена следующим образом: (6) *Вчера я раздал анкеты нескольким коллегам. Сегодня хочу их собрать и спрашиваю:*

(6a)	<i>Кой</i>	<i>попълва</i>	<i>вчерашна-та</i>	<i>анкета?</i>
	кто	заполнять-IPFV.AOR	вчерашняя-ART.DEF	анкета
	‘Кто заполнял вчерашнюю анкету?’			
(6b)	<i>Кой</i>	<i>е попълвал</i>	<i>вчерашна-та</i>	<i>анкета?</i>
	кто	заполнять-IPFV.PRF	вчерашняя-ART.DEF	анкета
	‘Кто заполнял вчерашнюю анкету?’			
(6c)	<i>Кой</i>	<i>попълни</i>	<i>вчерашна-та</i>	<i>анкета?</i>
	кто	заполнить-PFV.AOR	вчерашняя-ART.DEF	анкета
	‘Кто заполнил вчерашнюю анкету?’			
(6d)	<i>Кой</i>	<i>е попълнил</i>	<i>вчерашна-та</i>	<i>анкета?</i>
	кто	заполнить-PFV.PRF	вчерашняя-ART.DEF	анкета
	‘Кто заполнил вчерашнюю анкету?’			

В Ситуации (6) абсолютное большинство предпочтений респондентов на стороне СВ – как в форме аориста, так и в форме перфекта (соответственно, варианты (6c) и (6d)). Этот выбор можно объяснить наличием конкретного задания, которое было дано заполняющим, и фокусированием внимания на результате, присутствующем уже в описании ситуации (*хочу их собрать*). Однако несмотря на то, что в предъявлении ситуации было обращено специальное внимание на важность результата заполнения анкеты, многие респонденты сочли возможным также ответ с глаголом НСВ, при этом предпочтение отдавалось перфекту НСВ (6b.) – 68%, что можно объяснить грамматической семантикой перфекта, передающей актуальность результата прошедшего действия для момента речи. Аорист НСВ (6a) назвали наиболее вероятной формой из всех возможных всего четверо респондентов.²¹⁷

В Ситуации (7) *Вижу на столе конверт с письмом, которое я должен отправить по почте* все варианты вопроса, как в СВ, так и в НСВ указаны как возможные:

(7a)	<i>Кой</i>	<i>писа</i>	<i>адрес-а?</i>	<i>Липсва</i>	<i>код-ът</i>	<i>на града!</i>
	кто	писать-IPFV.AOR	адрес-ART.DEF	не хватает	индекс-DEF	POSS город
	‘Кто писал адрес? Не хватает индекса!’					
(7b)	<i>Кой</i>	<i>е писал</i>	<i>адрес-а?</i>	<i>Липсва</i>	<i>код-ът</i>	<i>на града!</i>
	кто	писать-IPFV.PRF	адрес-ART.DEF	не хватает	индекс-ART.DEF	POSS город
	‘Кто писал адрес? Не хватает индекса!’					

²¹⁶ Вопросы в примерах (6) и (7) взяты из работы Х.Р. Мелига [2002], переведены нами на болгарский язык и «встроены» в конкретные коммуникативные ситуации. Описание ситуаций предъявлялось на болгарском языке.

²¹⁷ Несмотря на такой малый процент предпочтений, возможной (хотя и менее вероятной) эту форму считает почти половина респондентов. Ср. следующий пример из Национального корпуса болгарского языка:

<i>А кой</i>	<i>оправя</i>	<i>после</i>	<i>бъркотия-та?</i>	<i>Полиция-та.</i>
А	кто	разбираться-IPFV.AOR	потом	бардак-ART.DEF
‘А кто потом разбирался с этим бардаком? Полиция’,				

а также:

(Ако ти се ходи до Добрич.)

<i>да ти</i>	<i>кажа</i>	<i>кой</i>	<i>оправя</i>	<i>моя-та</i>	<i>таратайка...</i>
PART	ты-DAT	сказатьPFV.PRS.1SG	кто	чинить-IPFV.AOR	мой-ART.DEF
					<i>шарабан</i>

(источник: <http://www.renault-bg.com/smf/index.php?topic=29769.5:wap2>). ‘(Если тебе не в лом проехать в Добрич), сказать тебе кто чинил мой шарабан?’.

- (7c) *Кой написа адрес-а? Липсва код-ът на града!*
 кто написать-PFV.AOR адрес-ART.DEF не хватает индекс-DEF POSS город
 ‘Кто писал адрес? Не хватает индекса!’

Более половины респондентов (65%) наиболее вероятным считает вопрос с несовершенным перфектом (7b). Здесь, как и в Ситуации (6), речь идет о конкретном действии и об определенном объекте. Большее число предпочтений, отданных в данной ситуации варианту (7b) можно объяснить прагматическими факторами, а именно, желанием спрашивающего донести до собеседника свое критическое отношение к тому, каким образом выполнялось действие (подчеркнута неполнота написанного адреса). Такую возможность обеспечивает НСВ, так как предельный глагол НСВ позволяет фокусировать внимание на серединной фазе действия, т.е. на самом процессе выполнения действия. Однако, если учесть, что вопросу (7a), несмотря на предикат НСВ, абсолютное предпочтение отдает всего 13%²¹⁸ (а признает возможным менее половины опрошенных) дело, по-видимому, не только в виде глагола, но и в форме времени. Поэтому можно сказать, что выражению негативной оценки ситуации способствует не сам НСВ глагола, но его сочетание с формой перфекта. Вопрос с совершенным аористом (7c) признает наиболее вероятным менее половины (из них 35% считает варианты (7c) и (7b) равно возможными).

Для формулировки вопроса в примере (8) *Мне очень нравится стрижка знакомой, я хочу узнать, кто так хорошо стрижет* мы предложили три варианта продолжения диалога: с несовершенным аористом (8a), с совершенным перфектом (8b) и совершенным аористом (8c):

Много хубаво са те подстригали! – *Благодаря.*
 очень красиво AUX.3PL ты-ACC подстричь-PFV.PRF спасибо

У тебя чудесная стрижка! – Спасибо.

(8a) *Кой те подстригва?*
 кто ты-ACC подстригать-IPFV.AOR
 ‘Кто тебя стриг?’

(8b) *Кой те е подстригал?*
 кто ты-ACC подстричь-PFV.PRF
 ‘Кто тебя подстриг?’

(8c) *Кой те подстрига?*
 кто ты-ACC подстричь-PFV.AOR
 ‘Кто тебя подстриг?’

При заполнении анкеты вариант (8a) сочли предпочтительным менее трети респондентов, хотя половина из всех опрошенных признала его «возможным». Вопрос, заданный в форме аориста СВ (8c), выбрали 84% опрошенных и еще 6% признали его возможным. Этот факт можно объяснить, во-первых, наличием конкретного, видимого результата и, во-вторых, – отсутствием отрицательного оценочного компонента. И действительно, в диалоге присутствует положительная оценка результата (начальный комплимент), показывающий, что в данном случае для говорящего важен не столько факт действия, сколько качество результата, отсюда и выбор совершенного аориста. Интересно однако, что вариант вопроса с перфектом СВ (8b) в ситуации положительной оценки результата действия признали предпочтительным всего 19% опрошенных. Напомним, что в ситуации (7) при негативной оценке действия был выбран именно перфект НСВ, а в предложенной ситуации (8) при очевидной положительной оценке результата действия выбор перфекта СВ затруднен. При этом в контексте критической оценки совершенный перфект вполне возможен – см. пример (9):

(9) *...знаеш ли какво ми каза? – Какво? – Чадо*
 знать-PRS.2SG Q что я-DAT сказать-PFV.AOR что дитя
мое кой те е подстригал така идиотски?!²¹⁹
 мое кто ты-ACC подстричь-PFV.PRF так по-дурачки
 ‘...знаешь, что он мне сказал? – Что? – Дитя мое, кто тебя так по-дурачки подстриг?’

²¹⁸ Возможно, не является случайным факт, что все они из Западной Болгарии. В целом, абсолютно невозможным вариант (8a) считают 42% опрошенных.

²¹⁹ Источник: https://archive.org/stream/PlayboyBulgariaNovember2009/Playboy_Bulgaria_November_2009_djvu.txt.

Анализ приведенных примеров наводит на мысль о роли перфекта вообще (как НСВ, так и СВ) при передаче определенного эмоционального состояния, в нашем случае недовольства. Иными словами, при негативной оценке способа протекания действия или его результата говорящий может выбрать не только несовершенный, но и совершенный перфект.

Итак, сопоставив рассмотренные выше примеры, мы можем сказать, что их объединяет конкретность отражаемой ими ситуации (token по Мелигу) и наличие результата (выраженного определенным объектом при переходных глаголах). Основные различия, определяющие выбор наиболее предпочтительной формы, лежат в области комбинирования значений вида и времени и их прагматической нагруженности. Так например, перфект в конкретной ситуации (как НСВ, так и СВ) может имплицировать критическую оценку действия, в то время как аорист СВ, как правило, называет действия, оцениваемые нейтрально или положительно. Наименьшей частотностью в вопросах с местоимением *кой* отличается аорист НСВ.²²⁰ Можно предположить, что конкуренция 'совершенный аорист – несовершенный аорист' в ситуации частного вопроса о конкретном действии разрешается в пользу СВ²²¹ (хотя допустимым признается и аорист НСВ предельных глаголов, особенно в ситуации критики). Сказанное относится прежде всего к предельным глаголам НСВ – они используются в вопросах с *кой* как в форме перфекта, так и в форме аориста. Использование в тех же контекстах моментальных глаголов предполагает некоторые ограничения: НСВ аорист моментальных глаголов в конкретной ситуации, в том числе и в частных вопросах, вытесняется аористом СВ:

- (10) *Кой* [?]*среща* / *срещна* *Иван?*
кто встречать-IPFV.AOR / встретить-PFV.AOR Иван
'Кто встречал / встретил Ивана?'
- (11) *Кой* ^{*}*намира* / *намери* *манатарки*
кто находить-IPFV.AOR / найти-PFV.AOR белый гриб-PL
минала-та година?
прошлый-ART.DEF год
'Кто находил / нашел белые грибы в прошлом году?'
- (12) *Кой* [?]*изхвърля* / *изхвърли* *боклук-а?*²²²
кто выбрасывать-IPFV.AOR / выбросить-PFV.AOR мусор-ART.DEF
'Кто выбрасывал / выбросил мусор?'

Использование перфекта НСВ в экзистенциальном значении не имеет ограничений – в вопросах с несовершенным перфектом встречаются не только предельные, но и моментальные глаголы:

- (13) *Кой* *е правил* *записи-те* *на телефонни-те разговори?*²²³
кто делать-IPFV.PRF запись-ART.DEF.PL телефонные-ART.DEF разговор-PL
'Кто делал записи телефонных разговоров?'
- (14) *Кой* *е казвал* *подобно* *нещо?*²²⁴
кто говорить-IPFV.PRF такое нечто
'Кто говорил такое?'

²²⁰ В других типах высказываний (в повествовательных предложениях и в общих вопросах) мысль Ю.С. Маслова о том, что «обобщенно-фактическое значение должно рассматриваться как важнейшее значение несовершенного аориста» [Маслов 1959: 268-269] остается в силе, хотя и с некоторыми оговорками. Отметим только, что в работе Маслов (1959) приводились примеры из болгарской литературы XIX века, многие из которых сегодня воспринимаются как устаревшие. Ср. также комментарий Р. Ницоловой к известному примеру Ю.С. Маслова «Ето един пример, днес схващан като архаичен, приведен от Маслов: *Марийка късно ли те намери? – Коя Марийка? - Как? Не намиръ ли те тя?*» [Ницолова 2008: 291].

²²¹ Один из классических примеров ситуаций, типичных для общефактического значения русского НСВ (*Где апельсины покупали?*), на болгарский язык переводится при помощи СВ: *Откъде купихте*^{СВ-аор}/*сте купили*^{СВ-}*аор* *портокалите?*

²²² Мы допускаем, что вопрос (12) с аористом НСВ (*изхвърля*) возможен, если говорящий предполагает что в мусорное ведро могли попасть какие-нибудь ценные вещи и ищет того, кто сможет прояснить ему ситуацию.

²²³ Источник: <http://www.vesti.bg/bulgaria/obshtestvo/prokuraturata-koj-e-pravil-zapisite-3522631>

²²⁴ Источник: <http://bg.checkonline4you.com/kak-da-se-nauchim-da-ne-se-obizhdame/>

Все действия в предложенных выше вопросах характеризуются неопределенной референцией глагольной предикации (*type*), они не привязаны к определенному моменту в прошлом и относятся к экзистенциальному подтипу общефактического значения НСВ, поэтому вопрос о прошлом опыте или просто об существовании действия в прошлом может формулироваться с помощью глаголов НСВ всех семантических классов. Вопросы с предельными глаголами НСВ предполагают наличие неопределенного наречия *някога* ('когда-нибудь'), в то время как в вопросах с моментальными глаголами неопределенность момента действия имплицитно. Иными словами, именно отсутствие процессного значения у моментальных глаголов НСВ, их неопределенная кратность вместе с временной нелокализованностью действия и выражает экзистенциальную семантику высказываний.

Рассмотрим теперь некоторые ограничения, связанные с аргументами предиката, так как именно в специальных вопросах в болгарском языке ярко проявляется роль референтности имени. В примерах с аористом и перфектом НСВ глаголов, называющих предельный процесс, определенный объект в вопросах с *кой* возможен как в единственном, так и во множественном числе. При этом на конкретность и известность ситуации указывает прежде всего определенность объекта (грамматически выраженная определенным артиклем), а перфект и аорист НСВ могут конкурировать:

- (15) *Кой писа / е писал писмо-то / писма-та?*
кто писать-IPFV.AOR / писать-IPFV.PRF письмо-SG.ART.DEF / письмо-PL.ART.DEF
'Кто писал / писал заявление/заявления?'
- (16) *Кой отваря / е отварял прозорец-а? / прозорци-те?*
кто открывать-IPFV.AOR / открывать-IPFV.PRF окно-SG.ART.DEF / окна-PL.ART.DEF
'Кто открывал / открывал окно / окна?'

В вопросах с *кой* возможен также неререферентный объект. Так например, неопределенный объект с нулевым артиклем²²⁵ возможен, даже если ситуация предполагает реализованность конкретного действия. В таких случаях именная группа, как правило, сопровождается определением (или оно может подразумеваться), а предикат выражен формой аориста НСВ: вопрос (17) мы задаем, если написание заявлений ректору уже обсуждалось группой людей и выясняется, кто именно из возможных субъектов такое действие совершил:²²⁶

- (17) *Кой писа молба до Ректор-а?*
кто писать-IPFV.AOR заявление-SG.INDF до ректор-ART.DEF
'Кто писал заявление Ректору?'

Однако неререферентный объект в вопросах с *кой* способствует более всего выражению экзистенциального общефактического значения несовершенного перфекта, так как в них выясняется наличие у субъекта действия определенного опыта (знания или умения), приобретенного в прошлом без указания на конкретный момент и объект (возможного) совершения действия:

- (18) *Кой е строил къщи?*
кто строить-IPFV.PRF дом-PL.INDF
'Кто строил (когда-нибудь) дома?'
- (19) *Кой е писал молби до Ректор-а*
кто писать-IPFV.PRF заявление-PL.INDF до ректор-ART.DEF
(и знае как се пишат)?
и знать-PRS.3SG как REFL писать-PRS.3PL
'Кто (когда-нибудь) писал заявления Ректору (и знает, как их писать)?'

Такие вопросы позволяют приписать субъекту определенную характеристику, являющуюся результатом приобретенного в прошлом опыта. На общереферентный статус такой предикации указывает именно неререферентный объект, называющий класс предметов, выраженный формой

²²⁵ В данной работе мы принимаем концепцию болгарских лингвистов о том, что в болгарском языке имеется нулевой показатель неререферентности ИГ (т. наз. нулевой артикль) и неопределенный артикль *един*, обозначающий специфическую неопределенность ИГ, ее одностороннюю идентифицированность [Станков 1995: 150-151; Ницолова 2008: 79]

²²⁶ Благодарю коллегу Л. Ласкову за это ценное замечание.

множественного числа с нулевым артиклем. При эксплицитно выраженном (или подразумеваемом) неопределенном наречии *някога*, а также при наличии конкретизирующего определения возможен также неререферентный объект в единственном числе:

(20) *Кой е писал (някога) молба до Ректора?*
 кто писать-IPFV.PRF (когда-нибудь) заявление-SG.INDF до ректор
 ‘Кто (когда-нибудь) писал заявление Ректору?’

(21) *Кой е строил двуетажна къща?*
 кто строить-IPFV.PRF двухэтажный дом-PL.INDF
 ‘Кто строил (когда-нибудь) двухэтажный дом?’

Объект с неопределенным артиклем *един* в частных вопросах требует отдельного исследования. На данный момент можно сказать, что в конкретной ситуации, выраженной несовершенным аористом предельного глагола эксплицитно выраженная невозможность для слушающего идентифицировать объект (при помощи *един*), исключает употребление такой формы, как аорист:

(22) **Кой писа една молба /едни молби?*
 кто писать-IPFV.AOR ART.INDF.SG заявление-SG /ART.INDF заявлениеPL
 ‘Кто писал заявление / заявления?’

Употребление объекта с неопределенным артиклем *един* затруднено и в вопросах с несовершенным перфектом:

(23) *?Кой е строил една къща /едни къщи?*
 кто строить-IPF.PRF ART.INDF.SG дом-SG /ART.INDF.PL дом-PL
 ‘Кто строил дом / дома?’

Эта особенность, на наш взгляд, связана с тем, что идентифицированность объекта, хотя и односторонняя (наличие *един*, отсутствие нулевого артикля), по-видимому, не позволяет несовершенному перфекту выражать экзистенциальное общефактическое значение, в то время как слабая определенность объекта (отсутствие определенного артикля или другого спецификатора) не переводит его в категорию конкретно-референтного (акционального) значения (для которого, напомним, требуется определенный объект).

Итак, проведенный нами анализ показал, что несовершенным аористом в болгарском языке выражается акциональное значение НСВ при условии, что речь идет о предельном глаголе, называющем контролируемое субъектом действие, предполагающее определенный объект. С несовершенным аористом возможен также неопределенный объект (с нулевым артиклем, но с несогласованным определением или придаточным предложением, сужающим класс имен в функции прямого объекта). В этом последнем случае действие, о котором задан вопрос в форме аориста, в данной ситуации должно предполагаться (или ожидаться говорящим). Несовершенный перфект глагола с определенным объектом тоже может выражать акциональный подвид общефактического значения, при этом допускается эмоциональное критическое отношение к совершению действия. В обоих случаях речь идет об «экземпляре» (token) ситуации, и глагол несовершенного вида можно заменить глаголом совершенного вида. Однако основные случаи употребления несовершенного перфекта касаются неактуальных, нелокализованных во времени ситуаций, отражающих прошлый опыт субъекта, что позволяет отнести их к экзистенциальному подтипу общефактического значения. Поэтому и для выражения объекта используется неререферентные именные группы (с нулевым артиклем), возможно также наличие неопределенного наречия *някога*. В таких вопросах глагол несовершенного вида нельзя заменить на глагол совершенного вида; как нам представляется, они полностью соответствуют «типу» (type) обозначаемой ситуации.

Специфически неопределенная именная группа с неопределенным артиклем *един* в частном вопросе с несовершенным аористом, видно, несовместима с интенцией выяснения субъекта неизвестного для слушающего (хотя и конкретного) действия которое распространяется на неизвестный для него объект. Употребление объекта с неопределенным артиклем *един* затруднено и в частных вопросах с несовершенным перфектом: односторонняя идентифицированность объекта затрудняет выражение экзистенциального подтипа общефактического значения, в то время как

недостаточная определенность объекта не позволяет говорить об акциональном значении несовершенного вида.

Список условных сокращений

ACC – аккузатив; AOR – аорист; ART – артикль; AUX – вспомогательный глагол; DAT – датив; DEF – определенный; INDF – неопределенный; IPVF – несовершенный вид; PFV – совершенный вид; PL – множественное число; PRF – перфект; Q – вопросительная частица; SG – единственное число; HCB – несовершенный вид; CB – совершенный вид.

Литература

- Андрейчин 1976 – Андрейчин Л. Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език // Р. Ницолова, П. Пашов (ред.). Помагало по българска морфология. София: Наука и изкуство, 1976. С. 277-286.
- Андрейчин 1944 – Андрейчин Л. Основна българска граматика. София: Хемус, 1944
- Гловинская 2001 – Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник, 2001. 319 с.
- Грамматика 1998 – Грамматика на съвременния български книжовен език в три тома. Том 2: Морфология. Част втора. София: Абагар, 1998. 368 с.
- Маслов 1959 – Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Отв.ред. С.Б. Бернштейн. М.: Издательство академии наук СССР, 1959. С. 157-312.
- Мелиг 2002 – Мелиг Х.Р. Вид и референциальный статус глагольной предикации в тексте. Употребление видов в вопросах с местоимением кто // Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 128-150.
- Мелиг 2013 – Мелиг Х.Р. Общефактическое и единично-фактическое значения несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19-46.
- Ницолова 2008 – Ницолова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «Климент Охридски», 2008. 523 с.
- Падучева 1991 – Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 34-45.
- Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- Падучева 2013 – Падучева Е.В. Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 7-18.
- Станков 1976 – Станков В. Конкуренцията на глаголните видове в българския книжовен език. София: Издателство на Българската академия на науките, 1976. 131 с.
- Станков 1981 – Станков В. Стилистични особености на българския глагол. София. 134 с.
- Шатуновский И2009 – Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М.: Языки русской культуры, 2009. 352 с.
- Mehlig 2001 – Mehlig H.R. Verbal Aspect and the referential Status of verbal Predicates: On Aspect Usage in Russian Who-Questions // Journal of Slavic Linguistics. 2001. Volume 9, number 1. P. 99-125.

«RABOTNUL NA SLAVU – GUL’NI SMELO!»
–NU- AS A UNIVERSAL ASPECTUAL MARKER IN NON-STANDARD RUSSIAN

This article illustrates a strong tendency in modern non-standard Russian, where verbs bearing the semelfactive marker *-nu-* can perform various actional functions, ranging from semelfactives to Natural Perfectives and even delimitatives. The universal character of *-nu-* depends on the interaction of such factors as the semantics of the suffix, the semantics of the verbal stem, and constructions.

1. Introduction

Prefixes are the most common means of forming perfective verbs in Russian and yield different types of perfectives even when combined with the same verbal stems (cf. resultative and delimitative *po-* in *posčital vsech detej* ‘[he] counted all the children’ vs. *nemnogo posčital pro sebja* ‘[he] counted silently for a while’, see [Mustajoki, Pussinen 2008] for more references). The suffix *-nu-* is usually described as forming one type of perfectives in Contemporary Standard Russian (henceforth CSR) (semelfactives like *čixnut’*, [Švedova et al. 1980], etc.) and showing restrictions on semantic classes of verbs and verbal stems that it is compatible with ([Dickey, Janda 2009] and [Makarova, Janda 2009]).

However, in non-standard Russian the perfectivizing suffix *-nu-* is used more widely. In this case, non-standard Russian refers to the language that we encounter in blogs and forums on the Internet. For new *-nu-*verbs (not provided in dictionaries) there are no strict boundaries between different types of actionality. Such new *-nu-*verbs can appear as semelfactives (example 1), perfective correlates, or Natural Perfectives, as example 2 (the terminology is taken from [Janda 2007], see section 2 for more detail), and even delimitatives (example 3):

(1) *vot i polučaetsja, čto poka pervyj dosčitaet do 100 ... - vtoroj možet i razu ne sčitnut’*
‘Thus, it turns out that while the first one has finished counting up to 100 ... the second one may not have counted even once’
[<http://radiokot.ru/forum/viewtopic.php?f=20&t=9863&start=180&view=print>]

(2) *Ja dumaju, ètix monetok po palcam sčitnut’ možno*
‘I think these coins can be counted on the fingers of one’s hand’
[<http://www.moifoto.ru/comment/foto-4825943.html>]

(3) ... *ja let-nu-l 2 časa...*
‘I used (the helicopter) for two hours...’
[<http://paraufa.ru/viewtopic.php?id=1052>]

The suffix *-nu-* in contemporary non-standard Russian appears to function as a near-universal aspectual marker. In the present article, I explore the interaction of such factors as the semantics of the actional morpheme, the semantics of the verbal stem, and constructions, and present a quantitative analysis of *-nu-*verbs. First, I provide a brief summary of semelfactive verbs in CSR (section 2) followed by an overview of *-nu-*verbs in non-standard Russian (section 3). Sections 4-6 present three cases that shed light on the new functions of *-nu-* and its expansion in non-standard Russian. Conclusions are offered in section 7.

2. Semelfactive verbs in CSR

Semelfactive perfective verbs such as the Russian verb *čixnut’* ‘sneeze once’ are associated with quantification of action and are traditionally treated as part of Aktionsarten, or Actional Perfectives ([Isačenko 1960], [Maslov 1948], [Švedova et al. 1980], [Zaliznjak, Šmelev 2000]). Actional Perfectives are opposed to: 1) Natural Perfectives that share their lexical meaning with a corresponding imperfective verb (*čitat’* ‘read-IPFV’ – *pročitat’* ‘read-PFV’); 2) Specialized Perfectives that change the lexical meaning

of the imperfective verb (*čitat* ‘read-IPFV’ – *perečitat* ‘reread, read over again-PFV’) (the terminology is taken from [Janda 2007]).

As pointed out by Isačenko [Isačenko 1960], Russian semelfactives are formed both via suffixation in *-nu-* (as in *čixnut* ‘sneeze once’) and via prefixation in *s-* (as in *sxodit* ‘go someplace and come back once’). On the basis of an empirical study and statistical analysis, Dickey and Janda [Dickey, Janda 2009] show that *-nu-* and *s-* behave as near-allomorphs in the formation of semelfactive verbs in that these markers are attracted to different verb stems which also differ in semantics. Thus, the two assumptions about the Russian semelfactives are that: 1) perfectives containing *-nu-* singularize the action and that 2) semelfactives can use either *-nu-* or *s-* as the derivational tool.

In a recent work, which addresses the development of semelfactives in Old Russian, Nessel [Nessel 2013] argues that in Russian the center of gravity of the *-nu-*semelfactives is shifting from bodily acts to auditory verbs. This tendency is particularly clear for low frequency verbs (see section 5 in Nessel 2013 for more detail). *-Nu-* is spreading to verbs beyond the few types attested in Old Russian, which were limited to mouth based bodily acts such as spitting, blowing, and yawning (*dunŋiti* ‘blow’); hand based bodily acts (*tlŋknŋiti* ‘knock’); auditory verbs (*svistnuti* ‘whistle’); optical verbs (*blesnuti*, *melŋkanuti* both meaning ‘flash’) and verbs of physical movement (*nyrnuti* ‘dash off, disappear suddenly’).

3. *-Nu-*verbs in contemporary non-standard Russian

The Russian aspectual system is still dynamic. In modern non-standard Russian we find *-nu-* verbs with some verbal stems for which they were not attested before (cf. [Zaliznjak 1980]). This tendency is illustrated by example (2), repeated below as (4), and example (5):

(4) *Ja dumaju, ètix monetok po palcam sčitnut’ možno*
‘I think these coins can be counted on the fingers of one’s hand’
[\[http://www.moifoto.ru/comment/foto-4825943.html\]](http://www.moifoto.ru/comment/foto-4825943.html)

(5) *Možete v ljuboj moment korrektnut’ pokazanija vasego sčetčika*
‘You can correct the amount shown on the meter at any moment’
[\[http://dretun.ru/hardworking/ustanovka-s4et4ikov/#.UnFf9UIeZ94\]](http://dretun.ru/hardworking/ustanovka-s4et4ikov/#.UnFf9UIeZ94)

Examples like (4) and (5) are remarkable in several ways. First, they no longer actualize the ‘do it once’ semantics, which is prototypical in CSR: example (4) expresses a general idea that the type of coins mentioned in the sentence is rare. Second, they mostly appear in contexts where in standard Russian one would expect to find a Natural Perfective with *s-*: *sosčitat* ‘count-PFV’ in example (4) and *skorrektilirovat* ‘correct-PFV’ in example (5). Third, such *-nu-*verbs are easily formed from the *-ova-* verbs that do not combine well with *-nu-* (see [Dickey, Janda 2009]): cf. *korrektnut*’ from *korrektilirovat*’ in example (5). Moreover, in such verbs *-nu-* is attached to some semantic classes that should not combine well with the semelfactive semantics (see the discussion in [Makarova, Janda 2009]): in the Russian National Corpus (<http://ruscorpora.ru>, henceforth RNC) verbs in (4) and (5) are marked as ‘mental sphere’, which is incompatible with the semelfactive type of actionality.

Why do we find more *-nu-*verbs than what is attested in dictionaries? As I show in this article, *-nu-*verbs expand their function from the emphasis on single act semantics. This becomes possible due to the fact that *-nu-*verbs not only attribute expressivity to more marginal verbs [Švedova et al. 1980] but also appear in new syntactic contexts. In the next sections I look in more detail at the interaction between non-standard *-nu-*verbs with verb stems, semantic classes of verbs, and constructions. In the first case study (section 4), I illustrate how *-nu-* extends its function to Natural Perfectives. The first case study is based on the results from [Sokolova, Gjervold 2014]. The second case study (section 5) briefly outlines the expansion of *-nu-* to other semelfactives. I show that in non-standard Russian *-nu-* replaces the prefix *s-* in the *s-*semelfactives. The findings offered in this section are based on the summary of [Alexandrova, Sokolova 2015]. In section 6, I provide examples with the delimitative use of *-nu-* attested in both case studies.

4. Non-standard *-nu-*verbs as Natural Perfectives

4.1. Data. *-Nu-*verbs in cases like (2) and (5) above perform the function of Natural Perfectives, often replacing Natural Perfectives with *s-* (but not limited to this prefix, see [Sokolova, Gjervold 2014] for more detail). To analyze this relatively new phenomenon we have checked how many Russian Natural Perfectives with the prefix *s-* have a *-nu-* correlate in the Yandex search engine. Natural Perfectives with the prefix *s-* have been culled from the Exploring Emptiness database at UiT The Arctic University of Norway (emptyprefixes.uit.no). This number yields 281 Natural Perfectives with *s-*. As our Yandex search has shown, 47% of the Natural Perfectives prefixed in *s-* can be replaced by a *-nu-* counterpart (for the database we have selected cases that have at least 5 occurrences in Yandex).

4.2. Natural Perfectives with *-nu-* and verb stems. Can morphology affect whether or not a verb can combine with *-nu-* to form semelfactives? Dickey and Janda [Dickey, Janda 2009] compare the prefixed *s-*semelfactives with the suffixed *-nu-*semelfactives and conclude that morphology plays an important role in the distribution of the semelfactive markers among verbs. According to Dickey and Janda [Dickey, Janda 2009], *-aj-*stems (as in *zevat* 'yawn-IPFV' – *zevnut* 'yawn once-PFV') and non-productive verb stems (like *lizat* 'lick-IPFV' – *liznut* 'lick once-PFV') combine well with *-nu-*, whereas *-i-* and *-ova-*stems combine with *-nu-* less often. Finally, *-*ej-*stems (as in *robet* 'be timid-IPFV' – *srobet* 'behave timidly once-PFV') verbs do not combine with *-nu-* at all.

The results of the first case study of *-nu-* in non-standard Russian are presented below in Table 1 and Figure 1.

Verb class	only s-		s- and -nu-	
	raw frequency	relative frequency	raw frequency	relative frequency
-ить	63	22 %	43	15 %
-ова	30	11 %	41	15 %
-aj	20	7 %	20	7 %
-non-prod I	11	4 %	7	2 %
-согласный	10	4 %	1	0 %
-ича	9	3 %	3	1 %
-нуть	9	3 %	-	0 %
*-ej	7	2 %	-	0 %
Totals	281	100%	281	100%

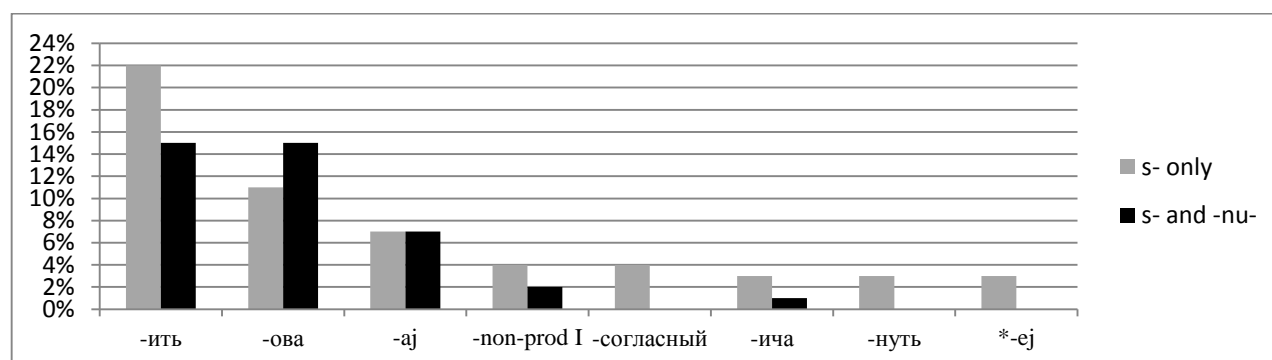

Table and Figure 1. Frequency distribution of the attested *-nu-*verbs (from the Natural Perfectives with *s-*) among the main verb stems.

The only piece of data that corresponds to the situation in CSR according to [Dickey, Janda 2009] are **ej-*stems: **ej-*verbs do not occur with *-nu-* (examples like *gret* 'heat'). However, most of the results from non-standard Russian illustrate different tendencies: 1) *-aj-*verbs produce *-nu-*semelfactives much less frequently; 2) *-i-*stems show more *-nu-*semelfactives than expected; 3) a majority of *-ova-*stems form *-nu-*semelfactives.

4.3. Natural Perfectives with *-nu-* and semantic classes of verbs. Makarova and Janda [Makarova, Janda 2009] demonstrate that *-nu-*semelfactives are incompatible with the verbs of 'mental sphere' (marked as "ment" in the RNC). This includes verbs like *znat* 'know', *verit* 'believe', *dogadat'sja* 'guess, realize', *pomnit* 'remember', *sčitat* 'consider, count'.

The frequency distribution of the attested non-standard *-nu*-verbs among the main semantic classes is summarized in Table 2 and Figure 2 below.

Semantic class	only s-		s- and -nu-	
	raw frequency	relative frequency	raw frequency	relative frequency
change of state	25	9 %	7	3 %
impact	20	7 %	33	12 %
behave	15	5 %	12	4 %
move	9	3 %	11	4 %
ment	3	1 %	5	2 %
sound	3	1 %	0	0 %
speech	4	1 %	8	3 %
Totals	281	100%	281	100%

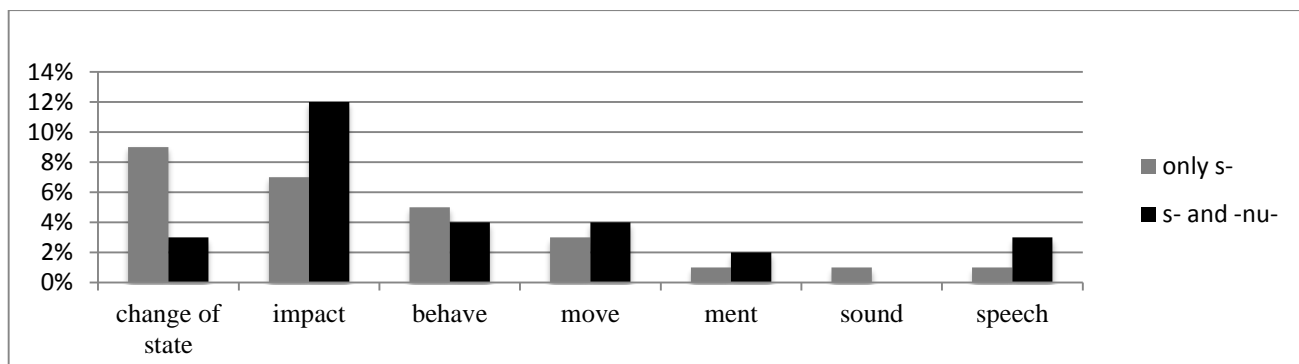

Table 2 and Figure 2. Frequency distribution of the attested *-nu*-verbs (from the Natural Perfectives with *s-*) among the main semantic classes.

The data extracted from Yandex show that non-standard *-nu*-verbs can be formed from the verbs of mental sphere: we found examples like *korrektirnut* ‘correct-PFV’, *mernut* ‘measure-PFV’ *orientirnut’sja* ‘orientate oneself-PFV’, *planirnut* ‘plan-PFV’, *scitnut* ‘count-PFV’. Non-standard *-nu*-verbs are less compatible with verbs of ‘change of state’ although some examples are attested: (7 out of 32 *s*-verbs: *dvoit* ‘split-IPFV’ – *dvojnut* ‘split-PFV’, *kvasit* ‘sour-IPFV’ – *kvasnut* ‘sour-PFV’, *krivit* ‘crook, twist-IPFV’ – *krivanut* ‘crook, twist-PFV’, *krivit’sja* ‘bevel, get twisted-IPFV’ – *krivanut’sja* ‘bevel, get twisted-PFV’, *lomat’sja* ‘break-IPFV’ – *lomanut’sja* ‘break-PFV’, *tvorožit* ‘turn smth into cottage cheese-IPFV’ – *tvorožnut* ‘turn smth into cottage cheese-PFV’, *tvorožit’sja* ‘become cottage cheese-IPFV’ – *tvorožnut’sja* ‘become cottage cheese-PFV’). The semantic class ‘sound’ appears to set a restriction on the formation of *-nu*-verbs from the verbs with *s*-Natural Perfectives. However, this is due to the verb stems that these ‘sound’ verbs contain: *-nut*’ and **ej*-verbs are usually not compatible with *-nu*- (*molknut* ‘get silent-IPFV’, *tixnut* ‘get still-IPFV’, *pet* ‘sing-IPFV’). In this case it is hard to define whether we are dealing with a morphological or a semantic restriction.

5. Non-standard *-nu*-verbs replacing *s*-semelfactives

5.1. Data. In order to test how much the *-nu*-marker extends within the class of semelfactives, we have taken all the *s*-semelfactives from [Dickey, Janda 2009] (105 verbs) and checked whether they are attested with *-nu*- instead of *s-*, using the Yandex search engine. The data show that in non-standard Russian 42 out of 105 *s*-semelfactives can be used with *-nu*- instead of *s-*, including motion verbs and verbs of mental behavior. In this case the *-nu*-verbs and the corresponding *s*-verbs can be called “alternates”. To check if there are constructional differences between the *s*- and *-nu*-alternates, we have manually tagged the constructions that appear in 100 random attestations of each *s*-semelfactive (RNC) and the constructions in all examples with the corresponding *-nu*-alternates (Yandex).

5.2. Different constructions with *s*- and *-nu*-alternates. Our results indicate that for over 50% of the verb stems (22 verbs), the *s*- and *-nu*-alternates differ in their argument structure. One such difference is the co-occurrence of the *nu*-alternate with the transitive construction, see examples (6) and (7) below:

(6) *Nu, s-duri-l sgorjača, nagovori-l ... lišnego*
 ‘Well, I acted silly in the heat of the moment, said ... too much’
 [Semen Daniljuk. Rublevaja zona (2004), RNC]

(7) *Menja kupec ešče i dur-nu-l eslabo*
 ‘Moreover, the merchant tricked me pretty well out of my money’
 [<http://true-3pac.livejournal.com/1358.html>]

These examples show that the interplay of such factors as verb stems and affixes with the syntactic construction can modify the syntactic behavior of the verb. We see that the use of semelfactive *-nu-* is extended to other verb stems but in this case we usually attest a semantic shift (see [Alexandrova, Sokolova 2015] for more detail).

5.3. The interaction of semantic classes and constructions within *s-* and *-nu-* alternates. The differences among constructions of *s-*verbs and *-nu-*verbs distributed among different semantic classes are offered below in Table 3 and Figure 3. Overall, the data show that the difference in constructions is not dependent on the semantic class. The change of the constructions is relevant only for motion verbs (marked as “move” in Table 3).

	s- and -nu-verbs show different constructions		s- and -nu-verbs share the same constructions		Total
Behave	7	47%	8	53%	15
Speech	3	43%	4	57%	7
Move	8	80%	2	20%	10
Impact	2	50%	2	50%	4
Mental	1	50%	1	50%	2
Psych:emotion	1	33%	2	67%	3
Sound	0	0%	1	100%	1
Total	22	52%	20	48%	42

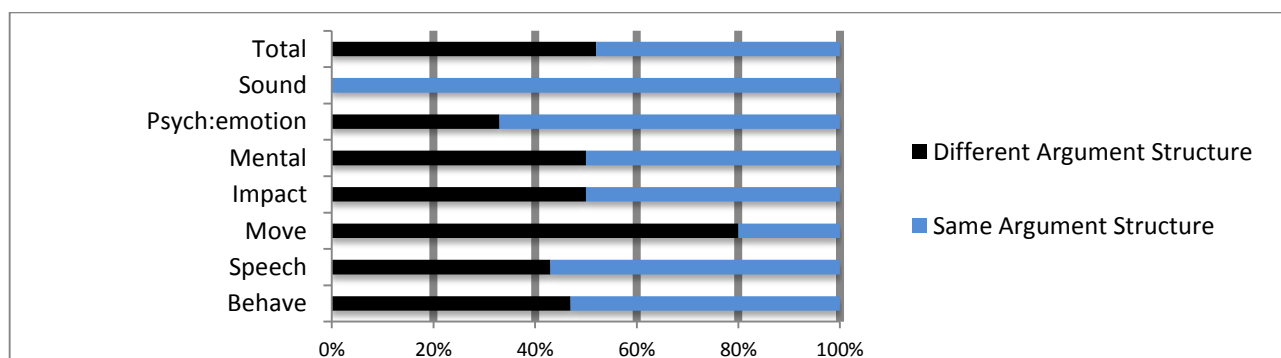

Table 3 and Figure 3. Constructional differences of the *s-*verbs and the *-nu-*verbs distributed among different semantic classes.

6. Non-standard *-nu-*verbs as delimitatives

Finally, in this section I provide examples to illustrate that *-nu-*verbs can be used as delimitatives in non-standard Russian. Such extension is not common for standard semelfactives, cf. examples (8a) and (8b), (9a) and (9b) below:

(8a) *Čtoby sogret'sja, ja nemnogo poprygal na meste*
 ‘In order to get warm, I **jumped up and down for a while**’
 [Vera Belousova. Vtoroj vystrel (2000), RNC]

(8b) ?? *nemnogo prygnul na meste* ‘[I] jumped once for a while’

(9a) *Brèd Pitt poglupil ešče minutku sfofkalsja, i svernul k ubornoj*
'Brad Pitt **acted stupid for another minute**, had his picture taken and headed for the dressing-room'
[...<http://dogs.duh.ru/user/info.php?uid=80823>]

(9b) ?? *sglupil esce minutku* '[he] acted stupid once for a while'

While the delimitative verb *poprygat'* 'jump [for a while]' is compatible with atelic-extent adverbials like *nemnogo* 'for a while', the *-nu*-semelfactive *prygnut'* is unnatural in this context (example 8b). The same is true for the standard *s*-semelfactives like *sglupit'* 'act stupid once, do one silly thing' that are incompatible with time adverbials like *ešče minutku* 'for another minute' (see example 9b).

Examples (10a), (10b), and (10c) below illustrate the extended use of the *-nu*-verb *katnut'* 'ride':

(10a) *Duševno katnuli v Ašan.*
'[We] **had a hearty trip** to Auchan'
[<http://vk.com/diimka>]

(10b) *I segodnja nemnogo katnuli po lesu. Snačala nemnogo doždik morosil a potom prošel.*
'We **rode around in the forest for a while** today too. At first there was a drizzling rain, but then it passed'
[<http://www.moto.ks.ua/frm.php?tpc=143&page=20>]

(10c) *S 7 utra na ozere Mixeev, Sanja, t. e. ja, i Irina Nikolaevna! Dulo pravda gde-to na 7.0, no paru časov katnuli*
'From 7 a.m. on the lake Mikheev, Sanya (that's me) and Irina Nikolayevna! There was a 7.0 wind blowing, but we **were still able to windsurf for a couple of hours**'
[<http://www.izmail.es/forums/printthread.php?t=8&pp=50&page=2>]

In example (10a) the verb *katnut'* is synonymous to *skatat'sja* 'go there and back, have a round trip', which corresponds to the regular use of *s*-semelfactives. However, in examples (10b) and (10c) we find adverbials like *nemnogo* 'for a while' and *paru časov* 'for a couple of hours' that are compatible only with delimitative contexts. In these examples it is impossible to replace the *-nu*-verb with the corresponding *s*-verb *skatat'sja* 'go there and back, have a round trip': ??*nemnogo skatalis' po lesu* '[we] rode around in the forest for a while'; ??*paru časov skatalis'* 'for a couple of hours [we] went there and back'.

It should be pointed out that the delimitative use of *-nu*-verbs in non-standard Russian is not limited to verbs of motion, see example (11) below:

(11) *so stiralkoj vrode opredelilsja, teper' nado holodil'nik kupit'. značit nemnogo čitnul forum i ostanovilsja na dvux modeljax*
'I think I've decided on a washing machine, now I have to buy a fridge. So I **spent some time on the forums** and have narrowed it down to two models.'
[<http://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=47:11151-6>]

Example (11) contains the time adverbial *nemnogo* 'for a while' which is combined with the non-standard *-nu*-verb *čitnut'* 'read'.

7. Conclusions

This article illustrates a strong tendency in modern non-standard Russian, where verbs bearing the semelfactive marker *-nu-* can perform various actional functions, ranging from semelfactives to Natural Perfectives and even delimitatives. On the one hand, *-nu*-verbs lose their semelfactive semantics and appear as neutral perfective markers, thus functioning as Natural Perfectives: 47 % of Natural Perfectives with the prefix *s-* show variation with *-nu*-verbs in the Internet language. The important observation here is that the number of verb stems and semantic classes of verbs that are compatible with *-nu-* increases. For instance, the first case study shows that *-i-* and *-ova-* stems are characterized by more *-nu*-verbs than expected

(*gruppirtnut* 'group-PFV', *korrektirtnut* 'correct-PFV') and non-standard *-nu-* verbs can be formed from the verbs referring to 'mental sphere' (which have restrictions on the use of *-nu-*).

On the other hand, the marker *-nu-* replaces the marker *s-* in *s-*semelfactives as has been shown in the second case study, where 42 out of 105 *s-*semelfactives can be used with *-nu-* instead of *s-*. This extension, however, often leads to constructional and semantic differences.

Finally, the interplay of such factors as verb stems and affixes with the syntactic construction can modify the actional type of the verb. This allows for a delimitative use of *-nu-* verbs that examples in section 6 illustrate. It may appear that the suffix *-nu-* in non-standard Russian can function as a near-universal aspectual marker. Yet, this universal character of *-nu-* highly depends on the interaction of such factors as the semantics of the actional morpheme, the semantics of the verbal stem, and constructions.

References

- Alexandrova, Sokolova 2015 — A. Alexandrova, S. Sokolova. Actionality and Empirical Evidence: Punctual Verbs in Russian // The Thirteenth Conference of the International Cognitive Linguistics Association (ICLC-13). Northumbria University. Newcastle, UK. July 20-25, 2015.
- Dickey, Janda. 2009 — S. M. Dickey, L. A. Janda. *Xoxotnul, sxitril*: The relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // *Russian Linguistics*. 2009. Vol. 33. № 3. P. 229–248.
- Isačenko 1960 — A. V. Isačenko. *Grammatičeskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovackim*. Čast' vtoraja: morfologija. Bratislava: Izdatel'stvo akademii nauk, 1960.
- Janda 2007 — L. A. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in Language*. 2007. Vol. 31. № 3- P. 607-648.
- Makarova, Janda 2009 — A. Makarova, L. A. Janda. Do It Once: A Case Study of the Russian *-nu-* Semelfactives // *Scandoslavica*. 2009. Vol. 55. P. 78–99.
- Maslov 1948 — Ju. S. Maslov. Vid i leksičeskoe značenie glagola v russkom jazyke // *Izvestija Akademii Nauk SSSR: Otdelenie literatury i jazyka*. 1948. Vol. 7. № 4. P. 303–316.
- Mustajoki, Pussinen 2008 — A. Mustajoki, O. Pussinen. Ob èkspansii glagol'noj pristavki PO v sovremennom russkom jazyke // A. Mustajoki, M. V. Kopotev, L. A. Birjulina, E. Ju. Protasova (eds.). *Slavica Helsingiensia. Instrumentarij rusistiki: korpusnye podxody*. 2008. Vol. 34. Helsinki: University of Helsinki, Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures. P. 247-275.
- Neset 2013 — T. Neset. The History of the Russian Semelfactive: The Development of a Radial Category // *Journal of Slavic Linguistics*. 2013. Vol. 21. № 1. P. 123-169.
- Sokolova, Gjervold 2014 — S. Sokolova, J. Gjervold. SOSČITAT' or SČITNUT'? An Ac(count) of the Russian Quasi-semelfactives // The Thirteenth Annual Conference of the Slavic Cognitive Linguistics Association (SCLC-13). Harvard University. Cambridge, MA, USA. February 15-17, 2014.
- Švedova et al. 1980 — N. Ju. Švedova, et al. *Russkaja grammatika*. Vol. I. Moscow: Akademija nauk SSSR, 1980.
- Zaliznjak 1980 — A. A. Zaliznjak. *Grammatičeskij slovar' russkogo jazyka*. Moscow: Russkij jazyk, 1980.
- Zaliznjak, Šmelev. 2000 — Anna A. Zaliznjak, A. D. Šmelev. *Vvedenie v russkiju aspektologiju*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2000.

Lj. Spasov
“Blaze Koneski” Faculty of Philology
Ss. Cyril and Methodius University – Skopje
V. Kadriu
“St. Kliment Ohridski” Faculty of Pedagogy
Ss. Cyril and Methodius University – Skopje

EXPRESSING VERBAL ASPECTUAL CONFIGURATIONS: MACEDONIAN VS ALBANIAN LANGUAGES

In this paper, the authors compare the semantic and the structure of the expression of the verbal aspect of all perfective and imperfective aspectual configurations, the simple ones as well as the complex ones, in Macedonian vs. Albanian languages. Our point of departure is that the verbal aspect as a semantic category implies its presence in all natural languages, while its structuring process is relative to the language group (Slavic vs. non-Slavic languages), as well as the temporal context of a particular statement. The Macedonian language exhibits the main features of configurations of Slavic type, although it also shows many “Balkan” linguistic features on all language levels. Therefore, our research is focused on the comparison of the expression of the verbal aspect in the Macedonian with comparison of the expression of the verbal aspect in the Albanian language, given the fact that the latter is a non-Slavic language of the “Balkan” type. The author is on the opinion that such a comparison offers a model for analysis of the expression of the verbal aspect between languages coming from different genetic backgrounds but belonging to the same and/or similar typological matrix (so-called “Balkan” languages in the Balkan linguistic union).

1.0. The basic objective of this research is to explore whether there are or there are not any possibilities to establish parallels between the two languages – the Macedonian and the Albanian, regarding the expression of the verbal aspect which in the two languages differ genetically but typologically belong to the so called “Balkan Linguistic Union”. The author is on the opinion that such a comparison offers a model for analysis of the expression of the verbal aspect between languages coming from different genetic backgrounds but belonging to the same and/or similar typological matrix (so-called “Balkan” languages in the Balkan Linguistic Union).

Our point of departure is that the verbal aspect as a semantic category implies its presence in all natural languages, while its structuring process is relative to the language group (Slavic vs. non-Slavic languages), as well as the temporal context of a particular statement. The Macedonian language exhibits the main features of configurations of Slavic type, although it also shows many “Balkan” linguistic features on all language levels.

1.1. Standpoint:

The aspect presents the kind of semantic category of inner temporal quality based on the presence/absence of duration [Karolak 1994: 21; Karolak 2005; Guillaume 1929: 47] which can be expressed with lexical and grammatical morphemes. The semantic complexity of the aspect is displayed in the simple ones: the continuous (referring to the idea of events of unlimited duration); the momentary (referring to the idea of events with absence of duration); and the aspectual configurations (semantically complex aspects) which express the complex aspectual ideas presented with the combinations of the simple ones: one momentary + one continuous; one momentary + more than one of the continuous; more than one of the momentary + one continuous - all of which characterized by the domination either of the moment or of the continuance [Panovska-Dimkova 1998: 8].

1.2. Hypothesis on the features of grammatical morphemes classifying the aspect:

The aspect presents an inner component of specific ideas whereas on formal level a feature of the morphemes – semantemes which signify those ideas.

With the term semantemes we refer to the morphemes with a semantic function regardless of their structural status; this means that semantemes span the root morphemes, the root morphemes along with the prefixes, the root morphemes along with the suffixes as well as the root morphemes with both the prefixes and the suffixes. Thus, for instance, a semanteme can be the root morpheme: in Macedonian – *стан- /стан-* (*e* ‘stand- /stand up’) and in Albanian – *bëhet (bë-h-et)* but a semanteme can also be the prefixed root morpheme: in Mcd. – *це_узм-* (*це узму*) (‘get washed’) and in Alb. – *у_la*.

On the other side, the fact that the root semantemes span the synchronic roots is a problem in itself as it is never easy to extract the synchronic root from the diachronic one (see the proceeding section dealing with the analysis of the material) [Karolak 1998: 86].

Semantemes are divided into formally (structurally) simple and complex ones. The simple semanteme is the synchronic root. The complex semanteme contains the root and one or more affixes of semantic function thus comprising the concept structure. However, there is no symmetry between the formal and the conceptual simplicity, which means that a formally simple semanteme may denote both a simple and a complex concept at the same time.

Examples:

- Formally simple semanteme denoting the conceptually simple continuative aspect:

<i>lie- / lying</i>	<i>sit- / sitting</i>
Mcd.: <i>леж-</i> / <i>лежу</i>	Mcd.: <i>сед-</i> / <i>седу</i>
Alb.: <i>shtri-</i> / <i>shtri-h-et</i>	Alb.: <i>ul-</i> / <i>ul-et</i>

Comment: In both languages the simple semantemes denote a simple continuative aspect.

- Formally simple semanteme denoting the conceptually simple momentary aspect:

<i>stun- / stunned</i>
Mcd.: <i>се прени-</i> / <i>се прене</i>
Alb.: <i>u peng-</i> / <i>u peng-ua</i>

Comment: *u_peng-* (*u* – morpheme/particle for formation of the passive voice of the aorist).

- Formally complex semanteme denoting the conceptually simple momentary aspect:

<i>ripen a little/slightly ripen</i>
Mcd.: <i>nom-зpe-</i> / <i>нодзpee</i>
Alb.: <i>për-shenj-</i> / <i>përshenji</i>

(= prefix with the function of a quantifier meaning ‘a little/a bit’ modificational derivative; here meaning ‘ripen a little/slightly ripen’), etc.

(= prefix with the function of a quantifier meaning ‘a little/a bit’ modificational derivative; here meaning ‘throw a bit of’), etc.

Comment: In Macedonian language quantification is expressed with the prefix *nom-* whereas in Albanian language in this situation the prefix *për-* is used expressing the quantification of a little i.e. ‘малку’ and the suffix **-i** for the 3rd person, active voice of the aorist.

- Formally simple semanteme denoting the conceptually complex resultative of the verbal aspect (resultative configuration):

<i>purchase-/purchased</i>
Mcd.: <i>кун-</i> / <i>куну</i>
Alb.: <i>ble-</i> / <i>blen</i>

Comment: Both languages express a formally simple semanteme denoting the conceptually complex resultative of the verbal aspect (resultative configuration).

The aspect is understood as an inner feature of the concepts signified with lexical morphemes, and those concrete concepts incline either to the continuous or to the momentary aspect. For instance, the concepts of faith, feeling, love, hatred, conviction, knowledge, meaning, etc. incline towards the simple imperfective aspect designated as **continuative** whereas their own aspectual meanings constitute the meaningful part of the corresponding root morphemes, for e.g. *fait-*, *feel-*, *lov-*, *hat-*, both when in the structure of the verb and in the structure of the noun. On the other hand, the concepts of the verbs such as to smile, to err, to shoot/to explode, to stumble/to trip, to get injured/to injure/hurt oneself, etc. incline to the simple perfective aspect - designated as **momentary**, and their own aspectual meanings constitute the meaningful part of the corresponding root morphemes.

The simple aspects – both the momentary and the continuative, can be combined and either of them can become dominant in the complex aspects, i.e. configurations. This means that there are some/several configurations with the dominance of the momentary aspect and some/several configurations with the dominance of the continuum.

The above said is displayed in the following Table:

Verbal aspect in the language

perfect	imperfect
1. simple momentary aspect	1. simple continuative aspect
2. complex aspect (aspectual configurations) <ul style="list-style-type: none"> • inchoative • terminative (finitive) • resultative • transformative • distributive • limitative 	2. complex aspect (aspectual configurations) <ul style="list-style-type: none"> • telic • multiplicative • habitual (potential)

1.3. Definitions of the configurations

1.3.1. Definitions of the configurations with the dominance of the moment

- **Inchoative²²⁷ configuration**

This is a two-aspectual configuration consisting of one momentary aspect and one continuative aspect with the moment preceding the continuum.

When compared these two aspects as in Figure 1. below,

.----->

Figure 1.

one can see that this configuration indicates the limit to the time continuum positioned on the left. The types of verbs ranking in this configuration are the (typical) inchoative verbs (the derived and the simple ones) such as Mcd. *заверува* and Alb. *filloi të mësojë* ('notarize'), Mcd. *новерува* and Alb. *zë besë* ('believe/recognize'). The inchoative configurations may consist of periphrastic verbal constructions such as (*make a*) *start (on)* which in Mcd. is (*за*)*почне*, for eg. *започне да тагува* ('start mourning') which in Alb. is *filloi të pikllohet*; or the verbal construction *dive into* which in Mcd. is *фату*, for eg. *фату да тагува* ('dive into grief') and in Alb. is *nis të pikëllohet*; or adjectival constructions with the verb become/grew: Mcd. *стане/се стори стана неиздржлив* ('became intolerable') and Alb. *u bë i padurueshëm*, Mcd. *се стори неиздржлив* ('grew intolerable') and Alb. *u bë i padurueshëm* (no synonym form); or periphrastic constructions with support verbs such as feel: Mcd. *почувствува болка* ('feel pain') and Alb. *filloi të ndjejë dhembje* (= semi auxiliary verb denoting beginning of an action + subjunctive present, 3rd person sing. + noun) *op filloi t'i dhimbte* (=semi auxiliary verb denoting beginning of an action + subjunctive present, 3rd person imperfect), etc.

Comment: In Albanian, these forms are expressed with semi auxiliary verbs to denote the beginning of the action in aorist and with the present or imperfect subjunctive forms of 3rd person singular. They can also be expressed with present passive Alb.: *regjistrohet* / Mcd.: *zanuuе се* ('enroll/register'), Alb.: *frikësohet* / Mcd.: *уплауи се* ('panic/get frightened'), or periphrastically with phrasemes: Alb.: *zuri besë* / Mcd.: *новерува* ('believe/recognize'), Alb.: *mori vesh* / Mcd.: *разбра* ('understand/realize').

Logical definition: SOMETHING HAS HAPPENED DUE TO WHICH X HAS BECOME SOME KIND OF X / DUE TO WHICH X HAS BEEN DOING SOMETHING or: **ACTION P1 HAS HAPPENED SO ACTION P2** (DENOTING THE BEGINNING OF THE ACTION).

- **Terminative configuration**

This is a two-aspectual configuration consisting of one momentary aspect and one continuative aspect with the moment following the continuum.

When compared these two aspects as in Figure 2. below,

-----.

Figure 2.

this configuration indicates the limit to the time continuum positioned on the right side.

Examples:

²²⁷ Note: the term **inchoateness** (as well as terminativeness, etc.) is used to name the aspect configuration, not the aspect.

He/She got disappointed = stopped cherishing illusions.

Mcd.: *Ce razočara = престана да има илузии*

Alb.: *u dëshpërua. = pushoi së ushqyeri iluzione.*

This configuration also spans those verbs which most often are qualified as inchoative (or else) but the paraphrases of which – unlikely to the inchoative configurations, contain negation.

Examples:

He died = stopped living (paraphrase: ‘began to not live’; ‘began to be non-living’)

Mcd.: *Toj ympe = престана да живее*

Alb.: *Ai vdiq = mbaroi së qeni i gjallë/nuk është më i gjallë.*

Comment: In the Macedonian language and in the Albanian language, the continuum and the moment are already constituents of the base of the verb, whereas the grammatical emphasis of the moment is achieved with the use of the aorist presented on the right side of the continuum.

Logical definition: SOMETHING HAS HAPPENED DUE TO WHICH X HAS NOT BECOME SOME KIND OF (HE ALREADY WAS A CERTAIN KIND OF) X / DUE TO WHICH X HAS NOT BEEN DOING SOMETHING or: ACTION P1 HAS HAPPENED SO NON-ACTION P2 (DENOTING THE ENDING OF THE ACTION/STATE).

- **Resultative configuration**

This is the same configuration as the inchoative one and terminative one; it consists of two aspects: the momentary one and the continuative one. The difference lies in the specification of the momentariness. The resultative configuration shows a resultant state. [Spasov 2011]

Examples:

He opened up five showcases.

Mcd.: *Отвори пет витрини.*

Alb.: *Hapi pesë vitrina.*

Comment: the resultative meaning is constituted in the aorist of both the Macedonian and the Albanian – that is, in its suffix featuring momentariness.

Logical definition: SOMETHING HAS HAPPENED DONE BY X, DUE TO THAT SOMETHING, Y HAS BECOME SOME KIND OF Y/Y HAS BEEN DOING SOMETHING (OR Y HAS NOT BECOME SOME KIND OF Y/Y HAS NOT BEEN DOING SOMETHING) or: ACTION P1 HAS HAPPENED DONE BY X SO THAT ACTION P2 HAS FOLLOWED/HAS NOT FOLLOWED (DENOTING THE RESULTANT STATE).

- **Distributive configuration**

This configuration presents a combination of the multiplicative one and the resultative one, i.e. completed multiplication, which denotes that the whole set of events has been used up.

Examples:

Stalin imprisoned all of his enemies

Mcd.: *Сталин ги испозатвори сите свои непријатели.*

Alb.: *Stalini i mbylli një nga një të gjithë armiqtë e vet. / Stalini i mbylli njërin pas tjetrit të gjithë armiqtë e vet.*

Comment: The multiplicative meaning in the Macedonian language is in the „double prefix“ *-ucno*, whereas in the Albanian language it is expressed periphrastically and within a corresponding setting.

Logical definition: SOMETHING HAS HAPPENED WHICH CAUSED THE SERIES OF ACTIONS TO BE USED UP or: ACTION P1 HAS HAPPENED (DONE BY X) SO THAT ACTION P2 COMPOSED OF P2a, P2b, P2c, ... P2n HAS FOLLOWED (DENOTING THAT THE SET OF EVENTS HAS BEEN EXHAUSTED).

- **Transformative configuration**

This configuration is a combination of the terminative one and the inchoative one.

Logical definition: SOMETHING HAS HAPPENED (DONE BY X) SO THAT Y IS NOT SOME KIND OF Y1 (THAT Y USED TO BE), BUT Y IS SOME KIND OF Y2 or: ACTION P1 HAS HAPPENED DONE BY X SO NOT ACTION P2 BUT P3 (DENOTING END OF THE ACTION/STATE AND AT THE SAME TIME A BEGINNING OF A NEW ACTION/STATE).

Examples:

The cold air changed the weather producing rain turning into snow.

Mcd.: *Студениот воздух го промени времето од дожд на снег.*

Alb.: *Rryma e ftohtë e ktheu shiun në dëborë.*

The night turned into a day.

Mcd.: *Се стори ден од ноќта.*

Alb.: *Nata u bë ditë.*

Comment: In both the Macedonian and the Albanian examples this configuration has been expressed with a combination of the inchoative (*промен-, kthe-*) and the terminative one (*-u, -u, aorist*)

- **Limitative configuration**

Generally speaking the aspectual structure of the limitative configuration exceeds the frames of the verbs. The limitative configuration is expressed as a combination of the aspectual structure of the verb root morpheme (simple semanteme) and its surroundings (setting). The verb in absolute use can have one piece of aspectual information whereas – in combination with its surroundings of syntagmatic nature, the aspectual information is correspondingly modified.

Examples of absolute use:

Peter was walking.

Mcd.: *Петар се шетаеше.*

Alb.: *Agimi shëtiste.*

Examples with surroundings:

He stayed at her place around four hours.

Mcd.: *Остана кај неа околу четири часа.*

Alb.: *Qëndroi tek ajo rreth katër orë.*

Peter was walking till 10 o'clock.

Mcd.: *Петар се шетаеше до 10 часот.*

Alb.: *Agimi shëtiste deri në orën 10.*

Other examples: (completion of habitualness)

Do not write any longer!

Mcd.: *He пишувајте повеќе!*

Alb.: *Mos shkruani më!*

Comment: In both the Macedonian and the Albanian examples the limitation is expressed with the lexical meaning of the verb, the use of the tense (imperfect), and with the context which on the time continuum marks either the left or the right limit or both.

Logical definition: X HAD BEEN DOING SOMETHING AND SOME THINGS HAPPENED SO THAT X NO LONGER DOES THAT or: ACTION P1 HAD BEEN GOING ON AND ACTION P2 OCCURRED WHICH CAUSED ACTION P1 NOT TO HAPPEN ANY LONGER (P1 PRESENTS THE CONTINUUM, P2 PRESENTS THE MOMENT DENOTING THE END, THE LIMIT OF THE CONTINUUM ON THE RIGHT, I.E. THE LIMITATION) [Panovska-Dimkova 1998].

Each configuration with continuative dominant allows formation of limitative configuration.

Thus, it can appear in two variants:

- With a second perfective meaning/sense explicitly used as limitation on the left (Figure 3.):

..... .

(Figure 3.)

- With a second perfective meaning/sense implicitly used as limitation on the left (Figure 4.):

(.)----- .

(Figure 4.)

1.3.2. Definitions of the configurations with the dominance of the continuum

- **Telic configuration**

This configuration consists of the combination of the continuative and the inchoateness or the resultative. These two components are connected with the predicate “presumption” (“presuming”).

Telic processes are directed towards some “goal”. When this goal is achieved a state is reached. From the progress of the process one can conclude that the goal of the process will be achieved. The goal presents “a natural ending”, the inner limit to the process.

Examples:

Anna is cleaning the room.

Mcd.: *Ана ја чисти собата.*

Alb.: *Ana e pastron dhomën.*

Peter is drawing a portrait.

Mcd.: *Петар црта портрет.*

Alb.: *Agimi vizaton një portret.*

This configuration does not denote a moment of completion neither does it denote a real limit; the limit is imagined only (presumed).

Comment: In both the Macedonian and the Albanian examples the present tense has been used for expressing the expected aim of the action (in the Albanian language examples the imperfect form of the present tense)

Logical definition: SOMETHING IS BEING DONE (DONE BY SOMEBODY/SOMETHING) OUT OF WHICH A PRESUMPTION CAN BE DRAWN THAT SOMETHING WILL HAPPEN SO THAT X WILL BE OF SOME KIND OF X or: ACTION P1 IS IN PROGRESS PERFORMED BY X OUT OF WHICH IT CAN BE PRESUMED THAT ACTION P2 WILL OCCUR (SIGNIFYING THE GOAL, THE INNER LIMIT TO THE PROCESS).

- **Multiplicative configuration**

This configuration presents multiplication of the momentariness, that is, of all configurations with dominance of the moment (inchoative, terminative, resultative, etc.) It refers to the actual action, that is, the action which can be determined in the time.

Examples:

He is felling trees = He fell a tree + He fell a tree + He fell a tree...

Mcd.: *Сече дрва. = усече дрво + усече дрво + усече дрво...*

Alb.: *Pret (bën) dru. = preu një dru + preu një dru + preu një dru...*

Comment: In both the Macedonian and the Albanian examples the aorist denotes the moment in the paraphrase.

Logical definition: SOMETHING IS HAPPENING – BEING DONE BY X MANY TIMES or: THERE ARE ACTIONS P1, P2, P3 (DENOTING MULTIPLICATION OF THE EVENT).

- **Habitual configuration**

This configuration presents denotes a possibility of the momentariness, resultative, inchoateness, and limitation, which means that it is dominated by the continuative sense/feature of prediction, dominated by the sense/feature of predictable (precisely determined) discontinuance emanating from the context.

Examples:

He gives lectures (on Wednesday).

Mcd.: *Држи предавања (во среда).*

Alb.: *Mban ligjëratat (të mërkurën).*

He is a civil engineering entrepreneur: he builds houses.

Mcd.: *Тој е градежен претприемач: гради куќи.*

Alb.: *Ai është sipërmarrës ndërtime: ndërton shtëpi.*

Comment: In both the Macedonian and the Albanian examples present tense statements are used with a direct object.

Logical definition: IT CAN BE PREDICTED THAT SOMETHING WILL HAPPEN MANY TIMES OR: X IS THAT KIND OF X THAT IF ACTION P1 OCCURS THEN ACTION P2 MAY OCCUR (DENOTING THE POSSIBILITY OF PERFORMING THE ACTION/THE STATE).

1.4. Conclusions:

1. The oppositions perfective vs. imperfective aspect and the aorist (being neutral in relation to the aspect as it always denotes the point of the time continuum) vs the imperfect only partly (with the preterit) coincide in the Macedonian language.

2. With regards to most Slavic languages, the Macedonian language as a Slavic language exhibits a reduced and partly modified morphological and syntactical way of expressing the aspect which brings it closer to the Albanian way of expressing the aspect (a Balkan language union feature).

3. In the Albanian language there are situations when the same language particle or alike – such as the prefix *për-*, can have other aspectual meanings (denoting intensity, completion, etc) aside from the aspectual feature of moment.

List of abbreviations

Alb. – Albanian language; Mcd. – Macedonian language.

References

- Guillaume 1929 – G. Guillaume. Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes, et des temps. Paris: H. Champion, 1929.
- Karolak 1994 – St. Karolak. Le concept d'aspect et la structure notionnelle du verbe // *Studia kognitywne/Etudes cognitives* 1. Warszawa: SOW, 1994. P. 21-41.
- Karolak 1998 – Ст. Кароляк. К вопросу о типологии вида в славянских и романских языках // *Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры*, 1998. С. 167-182.
- Karolak 2005 – Ст. Каролак. Семантика и структура на глаголскиот вид во македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 2005
- Panovska-Dimkova 1998 – И. Пановска-Димкова. Лимитативната видска конфигурација во македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, 1998.
- Spasov 2011 – Љ. Спасов. Резултативна видска (аспектна) конфигурација на глаголите во македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“, Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, 2011.

ВИД И ТИПОЛОГИЯ АКЦИОНАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ*

I argue that the contribution of the Slavic perfective to the interpretation is two-fold. First, it introduces an operator that maps predicates of events to predicates of times in Klein's (1994) style. Secondly, the perfective indicates that the evaluation world is one of those where an event that falls under a given event description is maximally realized. The analysis allows to derive aspectual compositional effects characteristic of Slavic languages where undetermined plural and mass incremental arguments are forced to be quantized.

В этой статье предлагается анализ аспектуальной, или акциональной композиции в русском языке [Krifka 1992; Piñón 2001; Verkuyl 1999; Paslawska, von Stechow 2003; Filip 1999; 2005a; 2005b, Tatevosov 2014, Падучева 2004, Кароляк 2004; Славкова 2004, Татевосов 2015]. Акциональная композиция русского типа иллюстрируется в (1):

(1) Володя **съел** <ТНЕ || *∅> **яблоки** {за два часа || *два часа}.

В (1) представлен глагол совершенного вида *съел*. Это предложение предельно, а интерпретация именной группы, занимающей позицию прямого дополнения, определенным образом ограничена. ИГ *яблоки* понимается так, что в рассмотрение заранее введено определенное количество яблок, и утверждается, что все они задействованы в описываемой ситуации. (Эта интерпретация помечена в (1) как 'ТНЕ' и далее называется **максимизирующей** (МИ).) Другая из возможных интерпретаций — 'неопределенная совокупность яблок' (в (1) обозначена как '∅') — для прямого дополнения недоступна. Чтобы убедиться в этом, достаточно примеров типа (2), в которых эксплицитное указание на то, что имеются индивиды вне совокупности, задействованной в описываемой ситуации, вызывает логическое противоречие:

(2) #За обедом Володя **съел яблоки** и немного оставил на вечер.

Ограничения на интерпретацию проявляются у именных групп во множественном числе и неисчисляемых именных групп без дополнительных модификаторов, если те занимают позицию прямого дополнения при инкрементальных глаголах ([Krifka 1992] и другие работы).

В отличие от предельных глаголов совершенного вида, глаголы несовершенного вида не накладывают ограничений на интерпретацию прямого дополнения:

(3) Когда Надя пришла, Володя **ел** <ТНЕ || ∅> **яблоки**.

В (3) прямое дополнение допускает по меньшей мере два прочтения: первое ('ТНЕ') аналогично тому, которое представлено у глаголов совершенного вида в (1), а второе ('∅'), предпочтительное в нулевом контексте, предполагает, что речь идет о неопределенном множестве яблок.

Две интерпретации прямого дополнения в (1) и (3) в точности соответствуют двум возможностям, которые в языках типа английского реализуются морфосинтаксически, с помощью артиклей. В частности, 'определенное заранее заданное количество яблок' выражается именной группой с определенным артиклем [the apples], а 'неопределенное количество яблок' — группой с нулевым артиклем [∅ apples].

Акциональная композиция в английском языке, однако, отличается от русской. Рассмотрим (4a-b):

(4) а. John **ate the apples** in an minute || *for a minute.

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 14-06-00435.

Джон съел яблоки за минуту || **минуту*.

b. **John ate apples** for an hour || ***in** an hour.

Джон ел яблоки час || **за час*.

Оба эти предложения перфективны, однако (4a) предельно, а (4b) неопредельно. Это видно благодаря тесту на сочетаемость с обстоятельствами длительности. Предельность коррелирует с характеристиками прямого дополнения: именная группа [the apples] делает предложение предельным, а [∅ apples] — неопредельным.

Таким образом, русские перфективные предельные предложения типа (1) — это аналоги английских предложений типа (2a). Неопредельные английские предложения с неопределенным прямым дополнением, примером которых выступает (2b), русских перфективных аналогов с глаголом *съесть* не имеют.

Обобщено, описывающее эти данные, очень просто. Предельность глагольной группы вида [VP eat NP] в английском языке и в языках, устроенных как английский, определяется ее неглагольным компонентом — прямым дополнением. В русском языке не прямое дополнение определяет предельность глагольной группы, а глагол совершенного вида создает такую глагольную группу, которая в обязательном порядке предельна и в составе которой возможно только прямое дополнение с МИ.

Соответственно, для русского и английского языков выстраивается общая закономерность: **предложение предельно, если и только если прямое дополнение обладает МИ**. Различие связано с морфосинтаксической реализацией этой закономерности. В случае акциональной композиции английского типа **за предельность предложения отвечает прямое дополнение** (с одним и тем же глаголом *the apples* вызывает предельность, а *apples* — неопредельность), а в **русском и в аналогичных языках — глагол** (если в предложении представлен глагол типа *съесть*, то оно может быть только предельным, а прямое дополнение соответственно допускает только МИ). Иными словами, в английском языке информация о свойствах участника ситуации, заключенная в прямом дополнении, влияет на информацию о ситуации, описываемой глаголом. В русском языке более информационно насыщенный глагол совершенного вида воздействует на актанта. Приблизительно такой анализ, если не брать в расчет технические различия, предлагается в [Krifka 1992, Verkuyl 1999, Filip 1999] и ряде других работ.

Чем в точности различаются языки типа русского и языки типа английского? В [Tatevosov 2014, Tatevosov 2014] мы намечаем следующий ответ на этот вопрос. Русские перфективные предложения типа (1) содержат семантический компонент, несовместимый с неопредельными предикатами, которые в английском представлены в примерах типа (2b). Этот компонент, назовем его α , действует как семантический фильтр, который описывается в (5)-(6):

(5) a. $\text{OK}[\dots \alpha \dots [\text{предельный глагольный предикат}]]$

b. $\text{OK}[\dots \alpha \dots [\text{съед- [THE яблоки]}]]$

(6) a. $*[\dots \alpha \dots [\text{неопредельный глагольный предикат}]]$

b. $*[\dots \alpha \dots [\text{съед- [∅ яблоки]}]]$

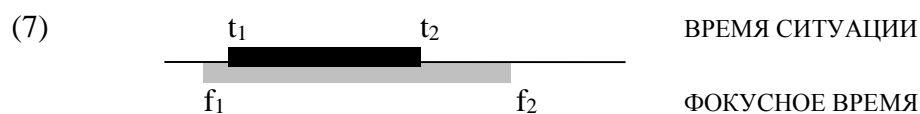
И английский и русский язык способен генерировать и предельный ('eat/съед- THE apples/яблоки') и неопредельный ('eat/съед- ∅ apples/яблоки') предикаты. Однако в русском неопредельный предикат вступает с α в непримиримое противоречие, (6), и после того как α становится элементом структуры, деривация рушится. Предельный предикат, напротив, получает у α разрешение на дальнейшее существование, (5). В языках типа английского, которые «фактором α » не обзавелись, деривация сохраняет оба предиката, которые мы и видим в (2a-b).

Как объяснить надзорно-контролирующую функцию «фактора α »? Наблюдения над примерами типа (1)-(2) дают ключ к пониманию семантического содержания α . Ограничения на интерпретацию актанта есть только у перфективных предложений, таких, как (1). Имперфективные предложения, в частности, (2) такого ограничения не содержат. Из этого следует, что «фактор α » — это перфективность.

Именно перфективность, совершенный вид, придает русской акциональной композиции ее характерный облик. Именно она, повстречавшись в ходе деривации предикации с неопредельным предикатом, возникшим на уровне глагольной группы, отстраняет его от работы.

В этом месте возникает следующий вопрос: что в точности есть в русской перфективности такого, что делает ее несовместимой с неопредельными предикатами? Английские примеры в (2a-b) тоже перфективны, однако перфективность не мешает предложению (2b) быть неопредельным. Следовательно, русская перфективность устроена не совсем так, как английская. Мы подходим к пониманию того, что параметр межъязыкового варьирования, разводящий языки типа русского и языки типа английского — это семантический тип перфективности.

Как известно благодаря работам В. Кляйна ([Klein 1994] и многие другие), грамматический вид — это семантическое отношение между временным интервалом, который занимает в актуальном мире описываемая ситуация, и фокусным временным интервалом. Перфектив — это когда фокусный интервал полностью включает в себя время ситуации, как показано в (7) и выражено на языке интервальной семантики в (8).

(8) $\| \text{PFV} \| = \lambda P_{\langle v, t \rangle} . \lambda t . \exists e [P(e) \wedge t \subseteq \tau(e)]$,
 где v — логический тип событий, а τ — функция, сопоставляющая событию интервал, который оно занимает во времени.

Такая семантика перфектива безразлична к предельности. И предельный и неопредельный предикаты должны чувствовать себя в соединении с таким перфективом одинаково комфортно. Так и происходит в (2): перед нами перфективность английского типа.

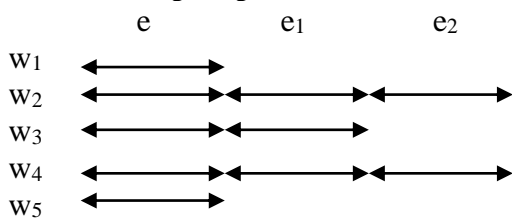
Чем отличается перфективность русского типа? В [Tatevosov 2014] предлагается модальный анализ русского перфектива, который дает ответ на этот вопрос. Перфектив русского типа состоит из двух компонентов, как показано в (9):

- (9) Семантика перфектива:
 $\text{PFV}(P)(t)$ истинно в мире w тогда и только тогда, когда
 в мире w имеется событие e такое, что
 имеет место $P(e)$ и t включает $\tau(e)$ **(Кляйновский компонент)**
- w входит в множество p оптимальных для e миров относительно предиката P ,
 $p = \text{BEST}(\text{CIRC}, \text{CONT}, P, e)$ **(Модальный компонент)**
- где CIRC — модальная база, а CONT — упорядочивающая функция с максимизацией события

Один из компонентов, «кляйновская перфективность», идентичен тому, который представлен в языках типа английского и показан в (7)-(8). Это объясняет многочисленные сходства в дистрибуции «русского» и «английского» перфективов. За русскую специфику отвечает второй компонент. Мы предполагаем, что его семантическое содержание состоит в следующем: этот компонент требует, чтобы описываемая ситуация, обладающая дескриптивными свойствами, которые задаются предикатом P , имела максимально возможную реализацию в актуальном мире. Если, например, глагольная группа обозначает ситуации, в которых Вася поедает яблоко, перфектив предписывает ей осуществиться в актуальной мире в максимально возможной степени, то есть достигнуть кульминации, того момента, где яблоко полностью съедено. Во второй части статьи мы изложим эту идею несколько более формально. Читатель, не интересующийся вопросами формального анализа вида и акциональной композиции, может перейти непосредственно к завершающей части статьи.

Модальный компонент перфектива в (9) предполагает, что для события e удовлетворяющего событийной дескрипции P , или P -события, одни миры могут быть лучше других. Проиллюстрируем это на примере. Пусть в (10) P -событие e осуществляется в мирах w_1, w_2, w_3, w_4, w_5 . Оно прекращается в w_1 и w_5 и имеет продолжение e_1 (= распространяется событием e_1) в w_2, w_3, w_4 . Затем событие $e \oplus e_1$ прекращается в w_3 , но имеет продолжение e_2 в w_2 и w_4 . Критически важно, чтобы при распространении e не утрачивало дескриптивные свойства P . Мы можем сказать, что миры w_2, w_3 и w_4 лучше для P -события e , чем w_1 и w_5 , а w_2 и w_4 лучше, чем w_3 . Чем больше событие распространяется в мире, тем лучше мир с точки зрения этого события. В (10) $\{w_2, w_4\}$ — наилучшие, или оптимальные миры для e относительно P . В таких мирах событие e максимально. Согласно (9), любой мир, в котором перфективное предложение истинно, должен быть одним из оптимальных для события, описываемого предикатом.

(10) **Распространение события e :**

Понятие оптимального мира можно сделать эксплицитным в терминах теории модальности А. Кратцер ([Kratzer 1977, 1987, 1991]). В (9) множество оптимальных миров задается отношением BEST. Рассмотрим, как это происходит.

Пусть событие e имеет место в мире w . Тогда оптимальные для e миры — это подмножество миров, которые определяются **модальной базой CIRC** (< circumstantial), то есть миров, совместимых с релевантными текущими обстоятельствами в мире w . В нашем случае это такие миры, в которых событие e , во-первых, имеет место, а во-вторых, удовлетворяет описанию P . Более строго: модальная база CIRC (логический тип <vt, <v, <st, t>>>) приписывает событию e и событийной дескрипции P множество пропозиций. Требуется, чтобы это множество содержало пропозицию (возможно наряду с другими пропозициями), которая представляет собой множество миров, где имеет место событие e , удовлетворяющее дескрипции P . Это показано в (11):

(11) **Модальная база**

$$CIRC(P)(e) = \{ \dots, \{w \mid P(e) \text{ in } w\}, \dots \}$$

Миры ранжируются с помощью **упорядочивающей функции CONT**, которая вводит отношение строгого частичного порядка на множестве миров. Чем более событие распространяется в мире, тем лучше мир для этого события. Если мы обнаруживаем себя в мире, где событие претерпело какое-то развитие, но не можем указать мира, где развитие продолжается дальше, то мы находимся в оптимальном мире, таком, как w_2 или w_4 в (10).

Как и модальную базу CIRC, упорядочивающую функцию Cont мы определяем как функцию логического типа <vt, <v, <st, t>>>, которая сопоставляет событию, удовлетворяющую дескрипции P , множество пропозиций. CONT применяется к событию e и дескрипции P и возвращает множество пропозиций, описывающих распространение e . Мы принимаем к рассмотрению любые распространения e в мирах из модальной базы постольку, поскольку они входят в экстенционал P в этих мирах.

(12) **Упорядочивающая функция:**

$$CONT(P)(e) = \{ p_0 = \{w \mid P(e) \text{ in } w\}, p_1 = \{w \mid P(e \oplus e_1) \text{ in } w\}, p_2 = \{w \mid P(e \oplus e_1 \oplus e_2) \text{ in } w\}, \dots \}$$

Отношение порядка задается в (13). Согласно (13), мир w' лучше мира w ровно в том случае, когда любая пропозиция из упорядочивающего множества, истинная в w , также истинна в w' , а обратное неверно.

(13) **Отношение ‘лучше’:**

Для любых миров $w, w', w' <_{\text{CONT}(e,P)} w$ (« w' лучше w с точки зрения $\text{CONT}(P)(e)$ ») тогда и только тогда, когда $\{p \in \text{CONT}(P)(e) \mid w \in p\} \subset \{p \in \text{CONT}(P)(e) \mid w' \in p\}$

Рассмотрим пропозиции из множества $\text{CONT}(P)(e)$ в (12) применительно к модели в (10). Мы видим, что $\{w_1, w_2, w_3, w_4, w_5\} \subseteq p_0$, $\{w_2, w_3, w_4\} \subseteq p_1$ и $\{w_2, w_4\} \subseteq p_2$. В этой модели, например, $w_2 <_{\text{CONT}(P)(e)} w_3$, поскольку множество $\{p_0, p_1\}$, содержащее истинные в w_3 пропозиции — это собственное подмножество множества $\{p_0, p_1, p_2\}$, множества пропозиций, истинных в w_2 . Таким способом и достигается необходимое упорядочивание: мир оказывается тем лучше, чем более распространяется в нем событие e . В простой модели в (10), где событие не распространяется за пределы e_2 , оптимальными мирами становятся, как и требуется, w_2 и w_4 .

Определение множества оптимальных миров дается в (14):

(14) Множество оптимальных миров, $\text{BEST}(\text{CIRC}, \text{CONT}, P, e)$, — это множество миров w' , принадлежащих модальной базе: $w' \in \cap \text{CIRC}(P)(e)$. Для любого w' в $\cap \text{CIRC}(P)(e)$ не найдется такого мира w'' , что $w'' <_{\text{CONT}(P)(e)} w'$.

Эта система делает русский перфектив чувствительным к предельности предиката. Только предельные предикаты имеют кульминацию и, следовательно, только для них осмысленно говорить о максимальной реализации описываемой ситуации. С интуитивной точки зрения, если описываемая ситуация — это ‘Вася поедает [Ø яблоки]’ и она реализована в актуальном мире в определенной степени, мы всегда можем помыслить возможный мир, в котором поедание яблок продолжается несколько дольше, чем в актуальном. Именно в этом месте возникает семантический конфликт: непредельные предикаты отказываются удовлетворить требование перфектива о максимальной реализации. Именно из-за этого перфектив отсекает непредельные предикаты от участия в дальнейшей семантической деривации. Рассмотрим это немного подробнее.

Первый случай: событийная дескрипция P **кумулятивна**, то есть непредельна. (Определение понятий кумулятивности и квантованности см. в [Krifka 1992].) Это случай, когда внутренний аргумент интерпретируется как неопределенная именная группа: [съед- [Ø яблоки]]. Пусть событие e входит в экстенционал P в мире w . Поскольку P кумулятивна, если некоторое событие e_1 , отличное от e , также входит в экстенционал P , туда же входит и их сумма $e \oplus e_1$. Это же верно и для любого другого распространения e .

Рассмотрим случай, когда e прекращается в w , а $e \oplus e_1$ имеет место в некотором мире w' , отличном от w , и удовлетворяет P в этом мире. В этом случае в w' верно и $P(e)$ и $P(e \oplus e')$. Поскольку в w' верно $P(e)$, w' в соответствии с (11), входит в модальную базу $\cap \text{CIRC}(P)(e)$. Поскольку p_0 и p_1 из (12) истинны в w' , но только p_0 истинно в w , w' оказывается лучше, чем w . Следовательно, актуальный мир w , в котором событие перестает распространяться, не может быть среди оптимальных миров. Следовательно, перфективное предложение, содержащее непредельный событийный предикат, оказывается тривиально ложным. Это объясняет невозможность непредельных перфективных предложений, опирающихся на именные группы типа [Ø яблоки].

Пусть дескрипция P **квантована** (=предельна), а событие e , как и прежде, удовлетворяет этой дескрипции в мире w . Поскольку P квантована, $e \oplus e_1$ не входят в ее экстенционал ни в каком мире при любом e_1 , отличном от e . Действительно, если имеет место $P(e)$ и $P(e \oplus e_1)$, и $e \neq e_1$, P содержит в своем экстенционале и событие $e \oplus e_1$ и его собственную часть e , то есть не является квантованным, что входит в противоречие с исходным допущением.

Это означает, что множества миров $\{w \mid P(e \oplus e_1) \text{ in } w\}$, $\{w \mid P(e \oplus e_1 \oplus e_2) \text{ in } w\}$ и т.д. пусты. Рассматриваемое событие не может продолжаться как P -событие, хотя, возможно, оно способно к распространению в качестве события другого типа. Следовательно, отношение BEST выдает

пропозицию $\{w \mid P(e) \text{ in } w\}$ как множество оптимальных миров. В соответствии с исходным допущением, актуальный мир оказывается одним из них.

Именно таким способом модальный компонент перфективности в (9) обеспечивает максимальную реализацию события в актуальном мире относительно релевантной событийной дескрипции.

Как показывает предшествующее обсуждение, запрет, сформулированный выше как (6), теперь можно прочертить более отчетливо. Фактор, отсекающий неопредельные предикаты от деривации перфективных предложений, — это перфективность славянского типа.

- (15) а. $*[\dots PFV_{\text{MAX}} \dots [_{\text{VP}} \text{ неопредельная глагольная группа }]]$,
б. $*[\dots PFV_{\text{MAX}} \dots [\text{ съед- } [\emptyset \text{ яблоки }]]]$
где PFV_{MAX} — это перфектив славянского типа, снабженный, помимо кляйновской интервальной семантики, требованием максимальной реализации.

PFV_{MAX} требует максимальной реализации события в актуальном мире и поэтому совместим только с квантованными (=предельными) предикатами, которые в состоянии удовлетворить эту потребность. В составе таких предикатов именные группы типа *яблоки* имеют максимизирующую интерпретацию [ТНЕ яблоки]. Неопредельные предикаты с неопределенными именными группами вида $[\emptyset \text{ яблоки}]$ максимальной реализации иметь не могут, а значит, не допускаются в составе перфективных предложений. Это объясняет обобщение, с которого мы начали: перфективные предложения типа (1) могут быть только предельными, а их инкрементальный аргумент — только квантованным.

В завершение нам остается сделать короткий комментарий, относящийся к тому элементу русской глагольной системы, который мы до сих пор не учли — к делимитативам (*посидеть*, *почитать*). Делимитативы, которые заполняют пустоту в пространстве возможностей, а именно, создают перфективные неопредельные предложения, не обнаруживают эффектов композиции русского типа:

- (16) После завтрака Володя полчаса почитал $\{\text{OK}\emptyset\}$ статьи, OK (а на вечер остался еще десяток).

Это означает, что делимитативная перфективность формируется не с помощью PFV_{MAX} (что не удивительно, если учесть неопредельность делимитативов, на которую указывают обстоятельства типа *полчаса*). Ее формирует кляйновский перфективный оператор в чистом виде, не отягченный требованием максимальной реализации. Таким образом, полная картина русской перфективности складывается из двух частей: предельные предикаты обрабатываются оператором PFV_{MAX} , неопредельные, несовместимые с PFV_{MAX} , поступают в распоряжение делимитатива. При этом, естественно, мы обязаны соблюсти селективные ограничения делимитативного префикса, который соединяется или с простыми неопредельными глагольными основами типа *писа-* (ср. *Володя пописал письма*), или с основами, содержащими показатель *-ыва-*, известный как вторичный имперфектив (например, *открыва-*, ср. *Володя пооткрывал дверь пять минут и бросил*). С префигированными основами типа *написа-* или *прочита-* делимитатив не соединяется, и именно это объясняет, почему невозможны неопредельные перфективные предложения типа (17).

- (17) *Володя попочитал $\langle \emptyset \rangle$ статьи.

Подведем итог. В языках засвидетельствовано два типа акциональной композиции, «английский» и «русский». Сравнение русских перфективных и имперфективных

предикатов подсказывает, что фактор, ответственный за композицию русского типа, можно отождествить с перфективностью. Соответственно, типология акциональной композиции сводится к типологии перфективности. Перфективность русского типа, в отличие от английского, требует максимальной реализации ситуации из экстенционала предиката в актуальном мире. Это наделяет ее фильтрующей функцией: благодаря перфективности, диапазон интерпретаций, сгенерированный на уровне глагольного предиката, сужается; от деривации отсекается неопределенная интерпретация.

Литература

- Кароляк 2004 — С. Кароляк. О зависимости между видом глагола и определенностью имени // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 145-158.
- Падучева 2004 — Е.В. Падучева. «Накопитель эффекта» и славянская аспектология. Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46-57.
- Славкова 2004 — С.Б. Славкова. Синтагматическое взаимодействие грамматических категорий аспектуальности глагола и определенности имени в русском, болгарском и итальянском языках. М.: Изд-во МГУЛ, 2004.
- Татевосов 2015 — С.Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. М.: Языки славянских культур, 2015.
- Filip 1999 — H. Filip. Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics. New York: Garland Publishing, 1999.
- Filip 2005a — H. Filip. The telicity parameter revisited // R. B. Young (ed.) Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIV. Ithaca: CLC Publications, 2005. P. 92-109.
- Filip 2005b — H. Filip. On accumulating and having it all // H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout. (eds.) Perspectives on Aspect. Dordrecht: Springer, 2005. P. 125-148.
- Klein 1994 — W. Klein. Time in Language. London, New York: Routledge, 2004.
- Kratzer 1977 — A. Kratzer. What 'must' and 'can' must and can mean // Linguistics and Philosophy. 1977. Vol. 1. P. 337-355.
- Kratzer 1981 — A. Kratzer. The notional category of modality // H.-J. Eikmeyer, H. Reiser (eds.). Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics. Berlin: Walter de Gruyter, 1981. P. 38-74
- Kratzer 1991 — A. Kratzer. Modality // A. von Stechow, D. Wunderlich (eds.). Semantics: An international handbook of contemporary research. Berlin: Walter de Gruyter, 1991. P. 639-50.
- Krifka 1992 — M. Krifka. Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Construction // I.A. Sag, A. Szabolsci (eds.). Lexical Matters. Stanford: Center for the Study of Language and Information Publications, 1992. P. 29-53
- Krifka 1998 — M. Krifka. The Origins of Telicity // S. Rothstein (ed.). Events and Grammar. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 197-235.
- Paslawska, von Stechow 2003 — A. Paslawska and A. von Stechow. Perfect Readings in Russian // A. Alexiadou, M. Rathert, A. von Stechow (eds.). Perfect Explorations. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 307-362.
- Piñón 2001 — Ch. Piñón. A Problem of Aspectual Composition in Polish // G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich. (eds.). Current Issues in Formal Slavic Linguistics. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. P. 397-415.
- Tatevosov S. (2014). On the Modal Meaning of Slavic Perfective // J. Iyer, L. Kusmer. Proceedings of the 44th Annual Meeting of the North East Linguistic Society. Vol. 2. Amherst: GLSA, 2014. P. 196-210.
- Verkuyl 1999 — H.J. Verkuyl. Aspectual Issues. Studies in Time and Quantity. Stanford: CSLI Publications, 1999.

ДЕЛИМИТАТИВЫ - НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ СОВЕРШЕННОГО ВИДА²²⁸

The delimitative procedurals regarded as *perfectiva tantum* are sometimes seen as a problem, because their inherent atelic actionality meaning is merged with the perfective aspect. The solution suggested in this paper to this problem amounts to the paradoxical definition that, in functional perspective, these delimitatives constitute aspect pairs with respective simple *imperfectiva tantum* verbs.

Продолжая разработку концепции функциональной парности глаголов по виду [Томмола 2008, Tommola 2013] уместно в очередной раз напомнить о наблюдаемой в славянских языках тенденции к видовой формализации, к максимальному количеству видовых пар, на что обращал внимание Ю. С. Маслов [Маслов 1963]. Известно, что в мировой лингвистике акциональной типологией глаголов стали по-настоящему интересоваться лишь после публикации классификации Зено Вендлера. Таким образом, Маслов опередил философов языка своей работой о виде и лексическом значении глагола [Маслов 1948]. Но Маслов предвосхищал современную лингвистическую типологию и в другом. В названной выше работе он пишет вполне в духе современных теоретиков грамматикализации:

«[...] тенденция к формализации, к отрыву грамматической категории от ее исходной семантической «базы», к ее максимальному обобщению и распространению на возможно широкие пласты лексики внутренне присуща в той или иной мере развитию любой грамматической категории.» [Маслов 1963: 202]

Обращаясь к нашей тематике — категории вида в славянских языках — Маслов продолжает в той же работе:

«Для славянского вида эта тенденция раскрывается как тенденция к обособлению вида от способа действия, к существенному сужению сферы видовой дефективности («непарности»), как стремление иметь для все большего числа глаголов парные формы обоих видов. Приведенные выше факты показывают, что в болгарском языке эта общая, присущая всем славянским языкам тенденция осуществлена особенно последовательно и полно.»

Переходя к обсуждению статуса и особенности так называемого ограничительного способа действия, я попробую расширить перспективы для теоретизирования в области видовой семантики. Настоящая статья посвящена идее (признаюсь, неоригинальной) о функционировании делимитативных глаголов в так называемой аористической цепи в качестве перфективных соответствий глаголов НСВ, выражающих деятельности и состояния.

1. Представление делимитативов в словарях

Для начала предлагаю ознакомиться со следующим абзацем из сохранившейся рукописи работы [Томмола 1986], случайно найденным мной недавно:

«[В этой связи отметим, что] глаголы СВ типа *подра́ться*, *поспо́рить* не перестают быть деятельностями по своей семантике, хотя они (из-за текстуальных причин) и передаются как события – СВ. Делимитативные глаголы можно [было бы] рассматривать как регулярные двойники глаголов деятельности (т.е. глаголов, обязательно имеющих протяженность во времени).»

Действительно (приходится отдать должное автору работы почти тридцатилетней давности), нелегко убедиться в том, что значение глаголов *дра́ться* и *спори́ть* нужно разделить на два разных типа, как принято в словарях. Например, как в словаре Кузнецова, так и в МАС у этих глаголов СВ с приставкой *по-* (*подра́ться* и *поспо́рить*, соответственно) выделяются значения соотносительные с бесприставочными глаголами рядом со значениями ‘дра́ться некоторое время’ и ‘некоторое время вести спор’. Разумеется, такое значение исходного глагола в выделении не нуждается, так как все глаголы, обладающие протяженностью во времени, могут выражать такое значение. Из этого можно заключить, что в подходящем контексте, требующем указания на протекание действия, все

²²⁸ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

деятельности и состояния могут в принципе быть обозначены делимитативными глаголами, см. пример (1):

(1) Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич *постоял* перед ней [= перед церковью], *подумал*...

Подошел к стене, *поколунал* кирпичи подвернувшимся ломиком, *закурил*, еще *подумал* и *пошел* домой. (Василий Шукшин, «Крепкий мужик»)

Побочным эффектом признания за делимитативными глаголами статуса регулярно продуктивной словообразовательной группы в лексикографической практике стало бы сокращение количества словарных статей, поскольку место такой информации тогда будет в грамматике. Во всяком случае мы имеем дело с «потенциальными» глаголами, вероятность встречаемости которых высокая, по крайней мере в качестве окказионализмов. Все равно, далеко не все делимитативы фиксируются словарями, а количество их с каждым днем становится больше.²²⁹

2. Атенуативный оттенок в значении делимитативов

Следует сразу предупредить, что в большинстве случаев невозможно в значении перфективного глагола с приставкой *по-* различить, имеем мы дело с аттенуативным или с делимитативным способом действия. Кратковременность, которая часто приводится как свойство делимитативов, сама собой является аттенуативной, уменьшительной характеристикой. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев представляют делимитативные глаголы словами: «Глаголы этого класса описывают некоторую «порцию» действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого оно производилось» [Зализняк, Шмелев 2000: 111]. Можно согласиться с С. М. Дики, когда он отмечает, что кратковременность в значении делимитативов нередко преувеличивается [Dickey 2000: 46–47]. Он ссылается на А. В. Исаченко и приводит его пример:

(2) Он поработал над этой книгой несколько лет. [Isachenko 1962: 391]

И в классической «азбуке» для обучающихся видам глагола в русском языке О. П. Рассудовой обращается внимание на то, что делимитативы не обязательно выражают кратковременность. В [Рассудова 1968: 127] приводится два примера о делимитативах в контексте со значением долговременности (*Ну и повозился я с этим приемником! Поездил он за свою жизнь!*). Оба примера имеют в конце восклицательный знак, значит, мы имеем дело с эмоциональными оборотами в специфичной конструкции. Тем самым, такого типа контрпримеры оспаривают и лишают категоричности часто высказываемое утверждение, будто делимитативы с приставкой *по-* всегда имеют позитивные коннотации (ср. напр. [Ремчукова 2004: 112]; *просидели – посидели в приёмной два часа*).

3. Делимитатив как регулярный перфективный партнер неопределённого глагола НСВ

Рассудовой отмечено ослабление значения ограниченной длительности у делимитативов 1) в некоторых футурных высказываниях типа *Пойду погуляю*, в которых главный упор в выражении **будущего** действия [Рассудова 1968: 127], 2) в императиве (*Поговори с ним; Не мешай мне, поиграй*) [Рассудова 1968: 127] и 3) в инфинитиве: *Я должен поговорить с ним; Мне еще надо поработать* [Рассудова 1968: 56].

Рассудова также указывает на то, что употребляясь в инфинитиве в контексте, где ослабляется «делимитативность», глаголы с приставкой *по-* приближаются к соотносительному с бесприставочным глаголом НСВ перфективному парному глаголу [Рассудова 1968: 56].

²²⁹ Некоторую параллель можно усматривать в финской лексикографической практике: почти ко всем глагольным основам (не только обозначающим деятельность) можно образовать имя действия (po-nen actionis), благодаря чему, в отсутствии специальных или аномальных обстоятельств, нет смысла приводить в словаре такие существительные как отдельные лексемы.

Второй случай сближения исходного глагола и глагола с приставкой *по-* к видовой паре наблюдается, когда инфинитив становится дополнением глагола в конструкции со значением склонности: *Он любит в выходной день полежать в саду* [Рассудова 1968: 71]. Рассудова поясняет оттенок спорадической повторяемости, вносимый совершенным видом тем, что «речь идет не столько о свойстве, сколько о склонности субъекта». Что делимитатив здесь ничем не отличается от глагола СВ «канонической» видовой пары, можно заключить из того, что наряду с предыдущим приводится второй пример (3) с парой *производить / произвести* [Рассудова 1968: 71]:

(3) Он любит *производить / произвести* впечатление на окружающих.

Делимитативное значение по Рассудовой в этих случаях **ослаблено**, но оно полностью не исчезает. Представляется возможным полагать, что в этих случаях говорящие ощущают значение ограниченности не больше, чем вообще при употреблении (предельного) совершенного глагола.

В работе [Томмола 1986: 17] я рассматривал как синонимичные оба варианта предложения в (4):

(4) Мы говорили с ним полчаса. / Мы **по**говорили с ним полчаса.

Вряд ли можно найти смысловое различие между предложениями: здесь высказывания различаются по виду (НСВ/СВ), но при этом совпадают по аспектуальному значению – делимитативности.²³⁰

Можно утверждать, что те глаголы, которые допускают квантификацию временной протяженности действия, допускают и «перфективный аспект аористического типа». В литературе отмечен также тот факт, что глаголы ограничительного способа действия выдерживают критерии Маслова (напр. [Dickey 2000: 45–46]), в частности, взаимной заменяемости в повествовании в прошедшем времени и в историческом настоящем [Маслов 1948: 306–307]. Марина Я. Гловинская, отмечая этот факт [Гловинская 2001: 142], тем не менее не признает парности данных глаголов, т.е. их семантическое тождество [Гловинская 2001: 143]. В качестве оправдания автором приводится пример «нестандартных» видовой пар, которые тоже выдерживают критерий Маслова.²³¹

В [Dickey 2005] утверждается, что перфектирующая приставка *по-* сыграла немаловажную роль при определении семантической природы перфективности в русском языке – и в других языках «восточной» группы, выделяемой Дики [Dickey 2000] на основе поведения видов в славянских языках. В связи с этим, по мнению Дики, делимитативные глаголы на *по-* приобрели решающую роль в аспектуальной системе восточно-славянских языков, так как, позволяя функционирование неопределенных предикатов в событийной цепи перфективных глаголов, они расширили сферу действия видовой оппозиции [Dickey 2011: 180].

Делимитативы в самом деле обозначают неопределенные (*atelic*) ситуации, что в русской терминологии кажется парадоксом, так как в лексическом значении глагола внутренний, ингерентный предел означает совсем не то, что введенное Масловым понятие внешнего, временного предела. Понятие внешнего предела стало необходимым для объяснения перфективности ограничительных способов действия в рамках теории предельности как инвариантное значение СВ, и оно функционирует в другой плоскости, чем обязательная предельность лексического уровня. Поскольку делимитативный префикс ничего не прибавляет в характер деятельности, обозначаемой глаголом, я считаю, что мы имеем дело с чистейшим случаем соотносительных по виду глаголов НСВ и СВ. Делимитатив не способен придавать никакой новый оттенок самой деятельности, ни

²³⁰ Й. Линдстедт рассматривал в [Lindstedt 1984: 25] общеизвестные примеры, приводимые из разных языков в аористическом значении и распространил понятие 'делимитативность' на все случаи эксплицитно выраженной длительности ситуации, несмотря, в частности, на вид предикатного глагола; см. также [Томмола 1986: 53].

²³¹ Не полностью ясным представляется, в чем заключается потребность особо выделять «нестандартные» пары (напр. *продолжить / продолжать*), в то время как и в разных типах «стандартных» пар соотношение партнеров не в каждом отношении одинаково.

сделать ее завершением, имплицитно предестинированным к достижению цели. Единственной задачей, оправдывающей существование такого глагола СВ, представляется его способность сделать действие «событийным», прежде всего, выступать в контексте, где необходимо выразить цепь сменяющихся событий.²³²

Неоднократно отмечалась практически полная продуктивность глаголов СВ на *по-* (ограничительного способа действия). Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв тоже пишут, что «глаголы делимитативного способа действия имеют тенденцию к превращению в видовой коррелят» (Зализняк, Шмелёв 2000: 112).

Продуктивность делимитативных образований подчеркивается тем обстоятельством, что огромное количество глаголов вообще не фиксируются словарями. Часто утверждается, что возможность образования делимитатива зависит от акционального типа, а именно, что глаголы деятельности позволяют, но глаголы состояния не позволяют такой способ образования. Однако, следующие примеры (5), (6) и (7) из Национального корпуса русского языка (Ruscorpora) показывают, что глаголы **отношения** возможны в делимитативном варианте, а пример (8) из Интернета (совсем не единственный для этого глагола) – что и глаголы **состояния** не исключены:

- (5) Что ж бы ты думал, что бы я сделал в таком случае — вонзил кинжал в грудь похитителя сокровища... увез бы ее на край света, чтобы хоть час, хоть *миг повладеет* ею! [А. А. Бестужев-Марлинский. Амалат-бек (1831)]
- (6) Василий Натанович и представить себе не может, что если женщина не «занята», то она откажет в любезности *попринадлежать* ему. [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]
- (7) Хозяева только что отпили, вы пришли, когда самовар уже сняли со стола, но это не помешает ему закипеть снова и явиться для услаждения беседы, и вы будете пить не одни: любезность хозяев *посоответствует* вам. [И. Т. Кокорев. Чай в Москве (1849)]
- (8) Решила все еще *посуществовать* (<http://livehack.ru/reshila-vs-zhe-eshh-posushhestvovat.html>)

Аргументируя в пользу к видовой соотносительности делимитативов с неопределёнными глаголами НСВ, С. М. Дики оговаривает, что не видит в делимитативах «истинных» (“true”) партнеров для глаголов деятельности НСВ «в каком-либо бинарном структуралистическом смысле» [Dickey 2000: 46]. Признавая за глаголами со значением **деятельности** некоторое право на «парности», Дики исключает **состояния** обоснованием, что они «не обладают идентичным партнером СВ».²³³ Однако, в современном живом русском языке, наряду с глаголами деятельности и отношения, делимитативы от глаголов состояния тоже хорошо представлены (см. хотя бы примеры выше, особенно (8)).

Как Дики также отмечает, подобное предложение было сделано Х. Р. Мелигом, который в случае неопределённых предикатов считает делимитативы «квази-эквивалентами» неопределённым глаголам СВ [Mehlig 1996: 96]. Теперь уже накапливается солидная база для признания за делимитативами права на «почти истинную» парность: «виртуальные» по Дики, «квази-эквиваленты» по Мелигу и «функциональные» по [Томмола 2008].

²³² Выдвинутая Марьей Лейнонен теория темпоральной локализации и определенности [Leinonen 1982] хорошо согласуется представлением о секвенциальности как существенном ядре аспектуальности в русском и других «восточных» (в концепции Дики) славянских языках [Dickey 2000: 19–20]. Лейнонен рассматривает «внешний аспект» (темпоральную определенность) как более важный при выборе вида в русском языке, чем целостность / нецелостность («внутренний аспект») [Leinonen 1982: 231]. Такая теоретическая постановка способствует восприятию делимитативов как единственного представителя внешнего аспекта в славянских языках, утративших аспектуальные прошедшие времена.

²³³ «But as far as atelic verbs are considered (i.e. activities, since states do not have lexically identical pv partners), the meaning of the delimitative Aktionsart, purely temporal boundedness, is conceptually so close to the totalizing nature of the pv aspect that delimitatives function as virtual pv partners to atelic impv verbs.»

Вернемся на этом месте к соображениям Маслова, высказанным полвека тому назад. Разбирая болгарские видовые пары и способы действия, в частности выделяя ряд глаголов также как «относительные Imperfectiva tantum», он обращается к русскому материалу [Маслов 1963: 201]:

«Соответственно и в русском языке *дивиться* и *надивиться*, *сидеть* и *посидеть*, кажется, уже никто не объединяет в «видовые пары», а *колоть* и *кольнуть*, за неимением для *кольнуть* более близкого эквивалента несовершенного вида, как раз обычно объединяют. Возможно, что подобное объединение практически оправдано, но теоретически оно есть лишь своего рода компромисс, и то, что это так, явствует из сравнения с болгарским.»

Действительно, такой компромисс и мне приходилось делать по поводу одноактных глаголов [Томмола 1986: 269]²³⁴, а что касается делимитативов, очень хотелось бы компромисс с практикой сделать и здесь – несмотря на то, что по Маслову в 1963 г. уже никто («кажется») этого не сделал бы.

5. Делимитатив в роли аориста

Неоднократно отмечалось, что делимитативы как бы «заменяют» аорист непредельных глаголов, выполняют функцию, которая в языках с аспектуально значимым противопоставлением аориста имперфекту выполняет аорист, а в славянских языках — прежде всего в болгарском — именно аорист НСВ. Ссылаясь на исследование М. Леонидовой [Леонидова 1977: 76 < Lindstedt 1985: 174], Й. Линдстедт [Lindstedt 1985: 294–295] считает, что параллелизм болгарского аориста НСВ и русских делимитативов и пердуративов, отмеченный Н.-Б. Телином [Thelin 1978: 57] и некоторыми другими учеными, «лишь приблизительная правда» («only approximately true»), потому что между ними нет «переводческой эквивалентности». Леонидова изучила роман патриарха болгарской литературы Ивана Вазова *Под игото* и его перевод на русский язык, и сообщает, что стандартным решением переводчика для передачи болгарского несовершенного аориста является употребление формы прошедшего НСВ.

Не могу не заметить, что на основе анализа одного произведения, перевод которого сделан одним переводчиком, не надо бы торопиться с выводами. Имело бы смысл привлечь побольше материала, особенно переводы также в другом направлении, с русского на болгарский, а еще лучше, и переводы с третьего языка на болгарский и русский, чтобы интерференция этих двух сравниваемых языков друг на друга не могла играть никакой роли.

Однако, и по моим наблюдениям, исходя от русского текста, в болгарском переводе вряд ли будут частотны аористы НСВ как соответствия русским делимитативам, так как с ними успешно конкурирует аорист как раз перфективных делимитативов. Во всяком случае, трудно найти подтверждение позитивной «переводческой эквивалентности» между русскими делимитативами прошедшего времени и болгарским аористом НСВ. В анализируемом мной материале переводов в случае русского делимитативного глагола СВ в болгарском тексте действительно часто встречается аорист, но достаточно распространен и делимитатив, т.е. глагол СВ (напр. *помълча*, *погледна*, *помисли си*, см. (9)).

- (9) Римский стукнул себя кулаком по голове, плюнул и отскочил от окна. Он **посидел** некоторое время у стола, прислушиваясь к улице. Свист в разных точках достиг высшей силы, а потом стал спадать. Скандал, к удивлению Римского, ликвидировался как-то неожиданно быстро. [Булгаков, «Мастер и Маргарита»]

[Болгарский перевод] Римски *се удари* с юмрук по главата, плю и отсочи от прозореца. **Поседя** известно време до бюрото, заслушан в улицата. На няколко места свиркането *стигна* кулминацията си, после *взе да утихва*. За учудване на Римски скандалът *беше* ликвидиран никак неочаквано бързо.

Чуть ли не единственный пример искомого соответствия найден в переводах повести «Старик и море» Хэмингуэя (10).

²³⁴ См. также [Храковский 1997, 1999].

(10) The boy carried the hot can of coffee up to the old man's shack and **sat** by him until he woke.
(Hemingway, *The Old Man and the Sea*)

а. Русский

Мальчик отнес в хижину банку с горячим кофе и **посидел** около старика, покуда тот не проснулся.

б. Болгарский

Момчето занесе гореща кана кафе в колибата на стареца и **седя** до него, докато той се събуди.

6. Дискурсивная функция глаголов СВ с приставкой *по-*

Статья А. Мустайоки и О. Пуссинен об экспансии приставки *по-* в современном русском языке [Мустайоки, Пуссинен 2008] базируется на исследовании обширного корпусного материала и обнаруживает множество глаголов, не фиксируемых словарями²³⁵. Разумеется, не все изученные глаголы являются делимитативами. Самую большую группу составили **дистрибутивы**, и кроме них и **делимитативов** авторы выделяют еще **формально-перфективные** и **аттенуативные** образования. Группы отличаются и тем, что формально-перфективные глаголы и делимитативы чаще всего образуются от первичных имперфективов, тогда как аттенуативы, по анализу авторов, образуются исключительно от вторичных имперфективов, а в группу дистрибутивного значения входят и те, и другие. С нашей точки зрения любопытно, что исследователи признаются в том, что далеко не всегда ясно, следует ли глагол отнести, например, в группу формально-перфективных или делимитативов. Несмотря на то, что исследованные глаголы неоднородны, авторы попытались найти причину или мотивацию для употребления глагола с приставкой *по-*. Может быть поэтому предлагаемое объяснение, будучи весьма общим и нечетким, не совсем убеждает. В выводах Мустайоки и Пуссинен [Мустайоки, Пуссинен 2008: 274] пишут:

«В функционально-прагматическом аспекте *ПО*-префиксный глагол становится пропозициональным словопаролем между автором высказывания и реципиентом. Используя *ПО*-глагол, автор более уверен в том, что эмоции, которые вызывают в нем описываемая ситуация, действие, объект, именно с помощью *ПО*-глагола будут донесены до реципиента наиболее правильно и станут ему понятны в нужном аспекте.»

Можно подумать, что такое описание мотивации употребления применимо как объяснение употребления любых языковых средств, к которым прибегают участники в речевой коммуникации вообще. Тем не менее, поиски дискурсивного значения употребления в т.ч. и делимитативных глаголов можно только приветствовать.

В связи с выводами исследования Мустайоки и Пуссинен небезынтересно припомнить наблюдения, сделанные в свое время Ю. Трыпуцько. Он утверждал, что глаголы с приставкой *по-* часто употребляются только в эмоционально-экспрессивной функции, не меняя ни лексическое значение, ни вид бесприставочного глагола [Трыпуцько 1950: 342]. Такая формулировка свидетельствует о том, что Трыпуцько имеет в виду перфективные глаголы, которые в данных случаях претерпевают вроде бы вторичную перфективацию. Он приводит примеры исключительно вторичных перфективов типа *повырвало*, *повыломало*, *повыбросило*, *порасскажу*, тогда как Мустайоки и Пуссинен собственно не обсуждают вопрос о таких параллельных образованиях как *повыбросить* / *повыбрасывать*, хотя их материал изобилует такими случаями. Но и для меня в этой статье это не был самый острый вопрос.

Литература

Гловинская 2001 — М. Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: Русские словари, Азбуковник, 2001.

²³⁵ 418 глаголов, не зафиксированных в словаре Кузнецова, из которых 143 достаточно частотные: более 30 употреблений в базе данных Интегрума; наиболее частотным оказался глагол *поучаствовать* (173 909 употреблений).

- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. *Studia Philologica*. Москва, 2000.
- Кузнецов 1998 — С.А. Кузнецов и др. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт.
- Леонидова 1977 — М. Леонидова. Передача аориста несовершенного вида в болгарском языке на русский язык. // Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици, 1977. 2, 6: 71–86.
- МАС 1981–1984 — Словарь русского языка 1–4. Академия наук СССР. Институт русского языка. Изд-е 2-ое, испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984.
- Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1948. Т. 7 вып. 4. Москва. С. 303–316.
- Маслов 1963 — Ю. С. Маслов. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. // В. В. Виноградов, Б. В. Горнунг (ред.). Славянское языкознание, V Международный съезд славистов. Москва, 1963. 197–229.
- Мустайоки, Пуссинен 2008 — А. Мустайоки, О. Пуссинен. Об экспансии глагольной приставки ПО в современном русском языке. // А. Мустайоки, М. В. Копотев, Л. А. Бирюлин, Е. Ю. Протасова (ред.). Инструментарий русистики Корпусные подходы. *Slavica Helsingiensia* 34. Helsinki, Инструментарий русистики Корпусные подходы. *Slavica Helsingiensia*, 34. Helsinki, 2008. 247–275.
- Рассудова 1968 — О. П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. Москва: Изд-во Московского университета, 1968.
- Ремчукова 2004 — Е. Н. Ремчукова. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола. Учебное пособие. Москва: Флинта, Наука, 2004.
- Томмола 1986 — Х. Томмола. Аспектуальность в финском и русском языках. Ежегодник Института культурных связей между Финляндией и СССР, 28. Хельсинки, 1986.
- Томмола 2008 — Х. Томмола. Аспектуально значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары. // И. П. Кюльмоя, Ю. С. Кудрявцев (ред.) *Humaniora: Lingua Russica*. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI, 2008. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та. 218–232.
- Храковский 1997 — В. С. Храковский. Мультипликативы и семьфактивы (проблема видовой пары). // Семантика и структура славянского вида, 2. Kraków, 1997. 227–239. (также в кн.: В. С. Храковский. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. Санкт-Петербург, 1999. 222–231)
- Dickey 2000 — S. M. Dickey. *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford (CA): CSLI Publications. 2000.
- Dickey 2005 — S. M. Dickey. S-/Z- and the grammaticalization of Slavic aspect. // *Slovene Linguistic Studies*. 2005. 5: 3–55.
- Dickey 2011 — S. M. Dickey. The Varying Role of po- in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact. // *Journal of Slavic Linguistics* 2011. 19(2): 175–230
- Isačenko 1962 — A. V. Isačenko. *Die russische Sprache der Gegenwart, I. Formenlehre*. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1962.
- Lindstedt 1984 — J. Lindstedt. Nested aspects. // C. de Groot & H. Tammola (eds), *Aspect Bound. A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Dordrecht et al.: Foris Publications, 1984. 23–28.
- Lindstedt 1985 — J. Lindstedt. On the semantics of tense and aspect in Bulgarian. *Slavica Helsingiensia* 4. Helsinki: University of Helsinki. The Department of Slavonic languages, 1985.
- Mehlig 1996 — H. R. Mehlig. Some analogies between the morphology of nouns and the morphology of aspect in Russian. // *Folia Linguistica* 1996. XXX/1–2: 87–109.
- Thelin 1978 — N. B. Thelin. Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*, 18. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1978.
- Tammola 2013 — H. Tammola. Статус делимитатива, так называемых способов действия и «пустых» приставок. // M. Nilsson, N. Zorikhina Nilsson (eds), Семантический спектр славянского вида. IV Конференция Комиссии по аспектологии МКС, Гётеборгский ун-т, 10 июня – 14 июня 2013 г. Тезисы. *Gothenburg Slavic Studies* 3. Göteborg: University of Gothenburg, Department of Languages and Literatures, 2013. 150–152. (http://sprak.gu.se/digitalAssets/1452/1452071_the-semantic-scope-of-slavic-aspect-abstracts-2013-05-31.pdf)
- Trypućko 1950 — J. Trypućko. O pewnej nie dostrzeżonej funkcji przedrostków czasownikowych w języku rosyjskim. // *Slavistična Revija* 1950, 3.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВИДОВОЙ СООТНЕСЁННОСТИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

The article deals with the problems of interpretation of the verbal nouns' aspectual interrelationship. It is showed that the type of aspectual meaning (such as progressive, processual, iterative, generic states as well as perfective) of the verbal noun is determined by the semantic type of its generative verbal predicate.

Семантическая интерпретация употреблений отглагольных существительных (ОС) (в том числе и супплетивных) должна исходить из значения глагола, с которым соотносится производное ОС. Поскольку русский (славянский) глагол не может существовать вне вида, то ОС должно истолковываться через ту или иную видовую глагольную форму с учётом её конкретного видового значения. В связи с этим представляет интерес выявление конкретных механизмов трансформации аспектуальных характеристик глагола при употреблении соответствующего ему отглагольного имени. В данной работе сделана попытка выявить на ряде примеров основные типы видовых значений, которые могут маркироваться производными ОС.

1. Как известно, непосредственная репрезентация видовой семантики в русских ОС, в отличие, например, от украинских и польских, очень ограничена – ср. [Пчелинцева 2011, 2013]. В подавляющем большинстве случаев членам глагольной видовой пары может быть поставлено в соответствие только одно ОС «нейтрального» вида, которое в зависимости от контекста, прежде всего от семантического типа образующего глагольного предиката, может принимать разные видовые значения.

Так, в объявлении в коридоре Крымской «Массандры»: (1) «Соблюдайте тишину! Идёт дегустация», ОС *дегустация* соотносится с актуально -длительным значением НСВ *дегустировать*. Именно такую его интерпретацию «предписывает» форма НСВ управляющего предиката *идёт*, реализующего значение семантического параметра Func0 [Жолковский, Мельчук 1967] относительно ОС *дегустация*. С другой стороны, во фразе (2) *Эксперты провели дегустацию нескольких сортов вин* данное ОС соотносится с формой СВ *продегустировать*, на что указывает форма СВ *провели*, которая реализует значение параметра Oper1.

2. Видовая соотнесённость многих ОС, образованных от «моментальных» глаголов, зависит от формы их грамматического числа. ОС, употреблённые в ед. числе, часто указывают на глагольную форму СВ в значении однократного происшедшего события:

(3) *Палата лордов признала арест законным; После этого был ещё расстрел демонстрации за разгон Учредительного собрания; Дополнительного срока за побег он не получил*, где выделенные ОС указывают соответственно на формы СВ глаголов *арестовать*, *расстрелять*, *сбежать*.

Те же существительные во мн. числе соотносятся с глагольными формами НСВ в итеративном значении:

(4) *Уже обещаны громкие аресты, в том числе и среди сотрудников банков, участвовавших в сомнительных операциях; Ох, этот страшный 23-й год – оккупация, безработица, рурские расстрелы за саботаж; Побег из мест лишения свободы чрезвычайно редки* – здесь мн. число ОС указывает на формы НСВ *арестовывать*, *расстреливать*, *сбегать*.

3. Способы выражения итеративных ситуаций заслуживают особого внимания. Помимо только что рассмотренных, можно выделить два основных типа:

3.1. Указание на многократность действия содержится в значении самого существительного – ср. ОС *производство*, *выпуск*:

(5) *Необходимо срочно наладить выпуск холодильников; В кратчайшие сроки было организовано производство товаров народного потребления*, где данным ОС соответствуют формы НСВ *выпускать*, *производить* в значении 'многократно изготавливать изделия (продукцию) того или иного типа'.

Формы мн.ч. ОС *поездки, полёты, посещения* с заполненной валентностью конечной точки соотносятся с формами НСВ *ездить, летать, посещать* с этой же заполненной валентностью, реализующими значение многократного двунаправленного перемещения:

(6) *Редкими островками единения и счастья были поездки в Россию; А вот поездки на дачу стоит просчитать заранее; Российские авиавласти ввели запрет на полёты в Россию всех таджикских авиакомпаний; Люди месяцами работают на орбитальных станциях, совершают полёты на Луну, готовятся к экспедиции на Марс; Будут посещения Педагогического Университета, и они к ним в гости будут приходить.*

3.2. Указание на итеративную ситуацию содержится не в самом предикате, а в значении его заполненной семантической валентности – ср. ОС *практика (чего), привычка (к чему), право (на что), факты, случаи (чего)*, глагол *участвовать (что)* и т.д. Несмотря на существенные различия в значении этих языковых единиц, все они содержат внутри себя «оператор итеративности», указывающий на реальную или потенциальную многократность (мультипликацию) ситуаций, обозначенных подчинённым ОС или инфинитивом. Это в свою очередь требует преимущественного употребления подчинённого существительного в форме множественного числа (для случаев, когда противопоставление единственного и множественного числа является значимым). Важно подчеркнуть, что в отличие от ОС первого типа, которые указывают на многократные действия одного и того же вида (ср. ‘производить’, ‘ездить’, ‘летать’, ‘посещать’), ОС второго типа предусматривают итеративность самых разных действий, именные обозначения которых способны заполнять переменную, соответствующую предикатной валентности данного ОС.

3.2.1. ОС *практика X-ов (X-а)* однозначно соотносится с одновидовой формой НСВ *практиковать X-ы (X)*. При этом переменная X может произвольно конкретизироваться наименованиями самых разнообразных итеративных целенаправленных действий (ср. в этой связи аномальность словосочетаний **практика падений, *практика болезней, *практика простуд...*). Таким образом, в подобных случаях подчинённая именная группа (с единственным или вершинным ОС в ед. или мн. числе) на глубинном уровне соотносится с соответствующей формой НСВ в её итеративном значении:

(7) *Практика открытия пищевых блоков в книжных сетях себя не оправдала; Мировая практика борьбы с наркотрафиком не знает подобных успехов,* где имеется в виду, что в книжных сетях **открывают** пищевые блоки, что в мире **борются** с наркотрафиком, т.е. формы НСВ *открывать, бороться* употреблены в своих итеративных значениях.

3.2.2. Показательным примером в этом плане служат также ОС *привыкание* и *привычка* – достаточно редкий для русского языка случай, когда отглагольные существительные образуются от обоих глаголов *привыкать* и *привыкнуть*, представляющих «предельную» видовую пару [Падучева 1996]. Важная особенность этих глаголов состоит в том, что они обозначают соответственно длящийся или завершённый предельный процесс, результат которого имеет двоякую природу. С одной стороны этот результат может указывать на достигнутую адаптацию кого-либо к тем или иным внешним условиям, обстоятельствам. С другой стороны он может указывать на выработанный стереотип определённого поведения. С учётом сказанного следует отметить, что богатый языковой материал, представленный в НКРЯ, свидетельствует о нетривиальном распределении семантических функций ОС *привыкание* и *привычка*.

ОС *привыкание* может, с одной стороны, обозначать длящийся процесс, ведущий к адаптации к чему-либо:

(8) *Привыкание к людскому обществу и современной психологии должно проходить постепенно, с паузами и передышками; На привыкание уходит минимум год, этот автомобиль надо объезжать, как дикую лошадь; Привыкание к себе как к прозаику давалось трудно; В очередном полёте у такого космонавта значительно меньше времени уходит на привыкание.*

С другой стороны, данное ОС может указывать на весь завершённый процесс, приведший к адаптации:

(9) *Оказалось, что у больных довольно быстро возникает привыкание к таким препаратам; Говорят, с первыми полётами в космос и посещением Луны было точно так же: сначала восторг,*

потом **привыкание**, забвение; Даже к самым фантастическим достижениям неизбежно наступает привыкание; **Привыкание** к кокаину происходит очень быстро, зависимость формируется уже после нескольких приёмов.

В примерах (9) речь идёт об установленных универсальных закономерностях, свидетельствующих о достижении предела – уже сформированной адаптации к тому или иному явлению или фактору. Тем самым на глубинном уровне ОС **привыкание** в каждом случае соотносится с формой СВ **привыкнуть**.

В отличие от ОС **привыкание** ОС **привычка** активно использует как минимум две модели управления своей предикатной валентности – инфинитивную (**привычка** + *Inf*) и именную (**привычка** + *к N дат.*). При этом инфинитивное обозначение данной валентности встречается чаще, что легко объяснимо – ведь отглагольные существительные образуются не от всех глаголов. Понятно, что в отличие от именного обозначения валентности, инфинитив (преимущественно в форме НСВ) эксплицитно указывает на итеративность обозначаемой ситуации.

Важно подчеркнуть, что семантический потенциал, выражаемый предикатной валентностью существительного **привычка** существенно возрастает. Во-первых, эта валентность может обозначать как адаптацию к определённым явлениям, так и определённый поведенческий стереотип. Во-вторых, каждое из этих значений может рассматриваться как «перфектный» результат – итог предшествующего ему процесса, так и безотносительно к какому-либо предварительному процессу и поэтому может интерпретироваться как изначальное свойство. Следует отметить, что последний тип интерпретации встречается намного чаще. Рассмотрим конкретные примеры:

Инфинитивное обозначение предикатной валентности, указывающее на адаптацию как итог предшествующего процесса:

(10) *Но теперь, когда привычка **дышать кислородом** всё-таки берёт верх, вы просыпаетесь по утрам значительно легче.*

Инфинитивное обозначение предикатной валентности, указывающее на приобретённый (в результате предшествующего процесса) поведенческий стереотип:

(11) *У него [петуха] появилась **противная привычка по утрам кукарекать** прямо под окном, где я спал.*

Инфинитивное обозначение предикатной валентности, указывающее на поведенческий стереотип как изначальное (имманентное) свойство:

(12) *...У него была **привычка говорить как будто со мной, а на самом деле – с самим собой**; И что у тебя за **привычка лезть к людям в душу**?; У вас тяжёлая **привычка всегда возражать**; Боевой опыт, **привычка приказывать, принимать на себя ответственность за чужие жизни** сделали из него хорошего командира.*

Именное обозначение предикатной валентности, указывающее на адаптацию как изначальное свойство:

(13) ***Привычка к управленческой и всякой иной свободе** только на первый взгляд легко преодолимы; **Привычка к благополучию** породила стремление к чему-то большему; Но это не из-за **привычки к светской жизни**; Мне пришлось переучивать текст, что не так просто – **сказывается многолетняя привычка к другому тексту**.*

Именное обозначение предикатной валентности, указывающее на приобретённый поведенческий стереотип:

(14) ***Мальчишеское курение во дворе** постепенно сменяется привычкой, и эта привычка остаётся основной причиной, по которой взрослый мужчина курит.*

Именное обозначение предикатной валентности, указывающее на поведенческий стереотип как изначальное свойство:

(15) ***Ансамбль исполнителей в кадре** часто напоминает социум, где неистребима **привычка к позёрству**; Плюс многолетняя **привычка к компромиссам с властью, лёгкий снобизм**...; Впоследствии, когда он снял комнату на Петроградской стороне, **привычка к прогулкам осталась**; У него **привычка к чтению книг на ходу**.*

И именно в этих случаях ОС, заполняющий предикатную валентность, соотносится с итеративным значением НСВ производящего глагола, т.е. синонимичен форме НСВ инфинитива,

способного альтернативно заполнять данную валентность – ср. *позёрствовать, идти на компромисс, гулять, читать*.

Важно подчеркнуть, что в рамках семантического анализа значение ОС должно интерпретироваться посредством адекватной видовой формы (СВ или НСВ) производящего глагола, т.е. формы, которая прототипически соответствует установленному значению ОС в его конкретном употреблении. Так, ОС, указывающее на многократное действие, должно трактоваться через глагол НСВ, а ОС, обозначающее однократное завершённое или моментальное действие – через глагол СВ. В то же время следует помнить, что на поверхностном уровне под влиянием контекста глагольные формы могут приобретать абсолютно не свойственные им видовые значения. Например, в (16) СВ-инфинитивы *различить, переодеться, сбросить*, употреблённые в контексте ОС *привыкание, привычка*, приобретают нормативно не свойственное им итеративное значение, прототипическое для форм НСВ:

(16) *В такой камере глаз человека после привыкания к темноте ещё способен различить (= ‘различать’) детали на изображении Солнца;*

(17) *...пока не выработается привычка переодеться (= ‘переодеваться’) и сбросить (= ‘сбрасывать’) грязное бельё в корзину для стирки.*

3.2.3 В своём основном значении существительное *право* может быть определено как ‘социально гарантированная для члена того или иного социума возможность пользоваться необходимым или желательным для него благом’. Для многих из таких благ предусмотрено их многократное или периодическое предоставление – ср. *право на зарплату (пенсию), право на отдых, право на льготное медицинское обслуживание, право на бесплатный проезд* и т.д. Поэтому именные группы, заполняющие предикатную валентность данного существительного, на более глубоком уровне часто соотносятся с НСВ-глаголами в их итеративном значении: *право получать зарплату (пенсию), право отдыхать, право получать льготное медицинское обслуживание, право бесплатно ездить в городском транспорте...*

3.2.4. Аналогичным образом должны интерпретироваться именные группы, заполняющие валентности существительных *факты, случаи*, употреблённых во множественном числе. Соответствующие именные группы обозначают множество однотипных ситуаций с одним и тем же или с разными участниками: (18) *Из дел исчезли все факты проявления мужества подследственных* ≈ ‘... исчезли все факты, свидетельствующие о том, что подследственные проявляли мужество’.

3.2.5. Точно так же заведомо множественными являются ситуации, обозначаемые именными группами, заполняющими предикатную валентность глагола *учащаться*. Этот глагол, указывающий на увеличение количества однотипных ситуаций на временном интервале, входящем во время говорящего [Апресян 1986], заведомо предписывает свойство множественности своему предикатному актанту. Если для существительного, заполняющего данную валентность, противопоставление единственного и множественного числа является значимым, то и оно, и подчиняющий его глагол должны обязательно употребляться в форме множественного числа: (19) *Участились аресты активистов объединения «Свобода»*. В противном случае соответствующая именная группа может фигурировать и в единственном числе, что никак не влияет на представление о реальной множественности обозначенных ею ситуаций: (20) *В последнее время участилась пропажа кур и кроликов*, где ОС *пропажа* в действительности соотносится с множественной формой НСВ *пропадать* в итеративном значении.

4. Форма НСВ *поступать*² указывает на предельный слабо контролируемый процесс прохождения некоторым лицом серии испытаний с целью быть зачисленным в состав членов или типичных «клиентов» того или иного учреждения – ср. *поступать в ВУЗ*. Важно подчеркнуть, что данная форма НСВ не имеет актуально-длительного значения. Форма же СВ *поступить*² указывает на успешный результат завершения этого процесса. А производное ОС *поступление* может в зависимости от контекста соотноситься с обеими видовыми формами:

(21) *Ковченко позвонил ему домой по телефону, Дубенков в течение часа оформил его поступление в лабораторию Штрума; Поступление в полки офицеров, ранее служивших в Красной армии, никакими особыми формальностями не сопровождалось; Гордись набранными баллами и пытайся поступить в ВУЗ, или лишайся права на поступление, если бал низок,*

где ОС *поступление* указывает на форму НСВ *поступать*², т.е. имеет процессное значение.

А в (22) речь идёт о реальном или потенциальном успешном завершённом процессе, т.е. данное ОС соотносится с формой СВ *поступить*²:

(22) *Столь раннее поступление позволило «выиграть» 2 года у войны и заложить основы систематического математического образования, значение которого в своей дальнейшей научной карьере Лавров оценивал очень высоко; Большинство родителей считает раннее поступление ребёнка в школу подтверждением его способностей; Поступление на филфак виделось началом сверкающей лестницы наверх, к чудесному будущему.*

5. Формы НСВ *сотрудничать, эксплуатировать <жилищный фонд>, контролировать* принято рассматривать как ‘Занятия’, т.е. такой подвид Деятельностей, которые «занимают сверхдолгий интервал, не целиком заполненный деятельностью или действиями субъекта, но при этом характеризуют субъект на всём протяжении этого интервала» [Падучева 1996: 149]. Именно это значение может быть сопоставлено производным ОС *сотрудничество, эксплуатация, контроль*:

(23) *Мы вспоминали 1950 – 1960-е годы, когда сотрудничество между Советским союзом и Египтом были на очень высоком уровне; Лидеры двух стран подробно обсудили энергетическое сотрудничество; Эксплуатация общественного жилищного фонда осуществляется с обязательным соблюдением единых правил и норм; Эксплуатация автомобилей, не оснащённых этими приборами, будет просто запрещена; Государство не может позволить себе потерять контроль над этим важным стратегическим ресурсом; Контроль родительский рано или поздно заканчивается; Ели к предыдущим выборам олигархи не были готовы, то теперь они готовятся заранее установить контроль над Думой.*

Следует отметить, что ОС *проверка*, обозначающая ограниченное по времени действие, являющееся необходимым компонентом контроля, может соотноситься с более богатым перечнем видовых значений:

(24) *На второй день тёща устраивала проверку трудовых навыков молодой; Если выпущенный из вытрезвителя «клиент» начинал жаловаться, что его обокрали, то служебная проверка, как правило, подтверждения его жалобы не находила; Периодическая проверка знаний в течение года имеет несомненное преимущество перед экзаменационной (итеративное значение НСВ проверять).*

(25) *Сейчас идёт проверка документов* (актуально-длительное значение НСВ).

(26) *Идёт проверка финансово-экономической деятельности мерии – всё в рамках уголовного дела* (процессное значение НСВ).

(27) *С 28 августа по 6 сентября прошла проверка в отношении должностных лиц московской западной таможни; Проверка была аж в мае 1954 года, а должна быть ежегодно!* (значение СВ *проверить*, указывающее на реальное завершённое действие).

6. Представляет несомненный интерес выявление видовой соотнесённости близких по смыслу ОС *помощь* и *поддержка*, производных от глаголов *помогать* (кому; что делать / в чём) и *поддерживать* (кого; в чём). В самом общем виде их семантика может быть привязана (но не тождественна) к приблизительной схеме типа:

‘Будучи благосклонным к лицу или инстанции У или в порядке выполнения служебных обязанностей, лицо или инстанция Х прилагает определённый ресурс Р с целью каузации ситуации Z, желательной для У-ка’.

Различие между помощью и поддержкой в значительной степени пролегает в различии сфер их приложения – сфер, которые почти не пересекаются.

Одним из типичных проявлений помощи являются ситуации, когда Х добавляет к усилиям У-ка свои, и эти совместные усилия направлены на достижение цели У-ка. В подобных случаях ресурсы, расходуемые Х-ом, обычно относятся к тому же типу, что и ресурсы, расходуемые У-ком (например, определённые физические действия):

(28) *Иван помогает Петру заменить колесо*, где форма НСВ *помогает* употреблена в актуально-длительном значении.

Заметим, что описание данной ситуации посредством коллокации с ОС *помощь* затруднено из-за его стилистической неприемлемости: (28а) ?*Иван оказывает Петру помощь в замене колеса.*

Ср., однако, (29) *Спасибо за помощь в организации съёмок*, где данное ОС соотносится с формой СВ *помочь*, указывающей на завершённое успешное предоставление дополнительного ресурса со стороны адресата благодарности. С другой стороны, в (30) *Пообщался с одной из фирм, предлагающих помощь в быстром получении заветного гражданства* ОС *помощь* неявно указывает на форму НСВ *помогать* в итеративном значении.

Другие типичные ситуации помощи предусматривают, что тот или иной ресурс расходует только X – из-за препятствий к приложению каких-либо усилий со стороны У-ка или же его полной инактивности. Ср. описания, в которых речь идёт как о возможных, так и реальных действиях X-а, нацеленных на устранение угрозы, нависшей над У-ком:

(31) *Мы должны молиться, терпеть и надеяться на **помощь** того, который располагает мириадами миров...; Врач бросается в окошко, раскрывает его и, возвышая голос, призывает на **помощь** всех, мимо ходящих,*

где ОС *помощь* соотносится с формой СВ *помочь*, указывающей на однократное гипотетическое (потенциальное) устранение нависшей угрозы. В то же время в (32) ОС *помощь* соотнесено с формой СВ данного глагола, описывающей реальный однократный акт спасения:

(32) *...Один добрый рыбак, увидя её в воде, приплыл к ней в лодке и подал ей **помощь**; Ей на **помощь** пришли двое мужчин, случайно оказавшиеся поблизости.*

В других случаях квалифицированные усилия X-а могут быть направлены на выведение организма X-а из критического состояния. В подобных контекстах широко употребляются словосочетания *медицинская (скорая, неотложная, первая) помощь*:

(33) *Ивану сейчас оказывают **первую помощь**; Над полем стелился тяжёлый дегтярный запах мази Вишневского – Марат Андреевич и Таня оказывали **первую помощь** раненым,* где ОС неявно указывает на форму НСВ *помогать* в её актуально-длительном значении.

Кроме того данное ОС может соотноситься с формой НСВ в итеративном значении – указании на одновременные акты первой помощи:

(34) *Медсестра по образованию, она должна была не только проверять билеты, но и оказывать пассажирам **первую помощь**; Приходил туда по вечерам, смотрел справки от врача, оказывал по необходимости **первую помощь**.*

В нижеследующих примерах данная именная группа соотносится с формой СВ в значении реального завершённого действия, а в (36) речь идёт об однократном потенциальном акте помощи:

(35) *Я ж **первую помощь** оказал и позвонил сразу, как положено!; Первую помощь ей оказали на месте, причём неудачно; Хорошо, что у нас на этаже живёт врач. Он и оказал **первую помощь**.*

(36) *У животного открылось сильное кровотечение, и до прихода врача ему требуется оказать **первую помощь**.*

Особый интерес представляет следующий пример: (37) *Уоткинс спас жизнь и оказал квалифицированную **первую помощь** многим пилотам.* Как видим, здесь сказуемое *оказал* квалифицированную *первую помощь*, как и *спас жизнь*, формально соотносится с глаголом СВ. Между тем в действительности речь идёт об итеративном одновременном оказании первой помощи в прошлом, что нормативно должно было бы обозначаться глагольной формой НСВ – ср. (34). Причина такого противоречия состоит в том, что посредством перфектного обозначения говорящий (автор) подчёркивает, что бывшие действия Уоткинса сохраняют актуальность и во времени говорящего, тем самым ставя эти действия ему в заслугу.

В рассмотренных примерах абсолютно исключено употребление ОС *поддержка*. Данное ОС преимущественно используется для отражения других сфер кооперативного взаимодействия, в частности и таких, которые не могут быть охарактеризованы как *помощь*. К последним, например, относятся такие виды поддержки как политическая и информационная (ср. в этой связи проблематичность атрибутивных сочетаний *?политическая помощь* и *?информационная помощь*). Заметим, что прилагательные, уточняющие вид поддержки, часто одновременно конкретизируют и вид ресурса, предоставляемого У-ку от X-а:

(37) *В переговорах доминируют две темы – **политическая поддержка** со стороны ведущих стран мира и сроки вступления; Но, видимо, у «Аэрофлота» была мощная **политическая поддержка**.*

(38) *Первоначальная цель проекта – **информационная поддержка** общественной деятельности и научных разработок по проблемам либертарианства; Необходима **информационная поддержка** проектирования геологоразведочных работ.*

В приведенных примерах ОС *поддержка* соотносится с формой НСВ *поддерживать* в значении ‘занятие’, указывающее на то, что соответствующий ресурс (политический, информационный) предоставляется адресату в течение сверхдолгого временного интервала.

В то же время ОС *помощь, поддержка* могут «на равных» характеризовать кооперативное взаимодействие в финансовой сфере. При этом их значение часто конкретизируется прилагательными *финансовая, материальная, экономическая*:

(39) *Экономическая помощь США сократилась с 80,8 миллиона долларов в 1969-м до 3,8 миллиона в 1973-м; Говорить о том что **финансовая помощь** банкам является панацеей от кризиса всё-таки не очень правильно; Конечно, **финансовая поддержка** со стороны развитых стран тоже необходима; **Экономическая поддержка** сельскохозяйственного производства обходится западным странам дешевле, чем восстановление потенциала страны; **Материальная поддержка** свиноводства в европейских странах примерно в 10 раз больше, чем в России.*

В других случаях финансовая «специализация» помощи и поддержки становится очевидной просто из контекста, где эти ОС могут употребляться даже как синонимы:

(40) *Россия в рамках Парижского клуба оказывает серьёзную **помощь** африканским странам в деле сокращения бремени их задолженности; Возможно и определённое снижение политической активности - например, свёртывание **поддержки** КПРФ акционерами ЮКОСА или её сокращение до минимальных масштабов (не случайно Михаил Ходорковский заявил о намерении увеличить **помощь** лишь СВС и Яблоку).*

В рассмотренных выше в (32 – 36) типичных проявлениях помощи имеется в виду, что предоставление X-ом необходимого ресурса длится столько времени, сколько требуется для достижения ситуации, желательной для Y-ка (или для того, чтобы убедиться в бесполезности прилагаемых усилий). Между тем в рамках финансово-экономического взаимодействия предоставление соответствующего материального ресурса рассматривается как единая деятельность, которая не может члениться на дискретные итеративные «порции». Поэтому фигурирующие в (37 - 40) ОС *помощь, поддержка* не могут иметь ни актуально-длительного, ни итеративного значения. Однако в других контекстах они могут соотноситься с формами СВ в значении однократного моментального действия:

(41) *Успешному проведению конференции способствовала **финансовая поддержка**, оказанная РФФИ и Советом научной молодёжи ННЦ СО РАН.*

Разумеется, в рамках небольшой статьи невозможно отразить всю широту затронутой проблематики, которая требует дальнейших масштабных исследований. Как мы видели, в число видовых значений ОС входят как минимум актуально-длительное, процессное, итеративное значения НСВ, значение «Занятия», а также событийное значение СВ. В то же время, как было показано в работе [Пчелинцева 2011], ОС не могут выражать усилительно-интенсивные, интенсивно-качественные, длительно-ограничительные и другие значения СВ.

Список условных сокращений

ОС – отглагольное существительное, СВ – совершенный вид, НСВ – несовершенный вид

Литература

- Апресян 1986 – Ю.Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5 – 33.
- Жолковский, Мельчук 1967 – А.К. Жолковский, И.А. Мельчук. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. – М., Наука, 1967 – Вып. 19.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
- Пчелинцева 2011 – Е.Е. Pčelinceva. Аспектуальная характеристика отглагольных имён действия в русском, украинском и польском языках // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III Конференция Комиссии по

Аспектология Международного Комитета Славистов. Тезисы. – Padova, 30 settembre – 4 ottobre 2011 – С. 57 – 58.
Пчелинцева 2013 – Elena Pčelinceva. Отглагольные имена действия и формирование глагольного вида в русском языке
// СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПЕКТР СЛАВЯНСКОГО ВИДА. IV Конференция Комиссии по Аспектологии
Международного Комитета Славистов. Тезисы. – Гётеборгский университет, 10 - 14 июня 2013 г. – С. 115 – 118.

КРИТЕРИЙ МАСЛОВА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ*

The paper deals with Russian aspectual pairs. It is shown that substitution of a perfective verb by its imperfective correlate is due to certain components in the verbal lexical meaning. An effective tool for revealing these components is Maslov's criterion. A procedure for determining the strict imperfective correlate of a perfective verb in some difficult cases is suggested.

Объект работы – русские глаголы НСВ, входящие (хотя бы предположительно) в видовую пару с глаголом СВ. Глагол рассматривается в каждом значении отдельно. Таким образом, видовая пара определяется не для глагола во всей совокупности его значений, а для глагола в его конкретном значении (или, в соответствии с терминологией московской семантической школы, – для глагольной лексемы).

Видовые пары, вообще говоря, определяются по интуиции; ср. *умирать – умереть, рисовать – нарисовать, петь – спеть* и т.п. При этом существуют спорные случаи, когда на роль видového коррелята одного и того же глагола СВ претендуют сразу два разных глагола НСВ. Ср. так называемые аспектуальные тройки: *съесть (суп) – есть (суп) и съесть (суп); выкурить (сигарету) – курить (сигарету) и выкуривать (сигарету)* и т.п.

Верифицировать видовую пару помогает критерий Маслова. По Ю.С. Маслову, глагол СВ (V1) и глагол НСВ (V2) образуют видовую пару, если при строго определенной трансформации контекста глагол СВ (V1) обязательно заменяется на глагол НСВ (V2). Как продемонстрировал Ю.С. Маслов, глагол СВ автоматически заменяется на глагол НСВ «при переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость настоящего исторического» [Маслов 2004 / 1948: 76]. Ср. *Я съел суп и выкурил папиросу. VS. Я съедаю суп и выкуриваю папиросу.* При такой трансформации контекста «лексическая семантика глагола принципиально не должна подвергаться ни малейшему изменению. Значит, обратимость данного глагола СВ в тот или иной глагол НСВ при переводе повествования в плоскость исторического настоящего может служить надежным признаком парности этих двух глаголов, а необратимость – признаком того, что данные два глагола не составляют видовой пары» [Там же].

Критерий Маслова является дистрибутивным. Между тем семантическая теория стремится определить видовую пару исходя из значения глаголов НСВ и СВ. В самом общем виде, глагол СВ (V1) и глагол НСВ (V2) образуют видовую пару, если лексическое значение глагола V1 тождественно лексическому значению глагола V2, а видовое значение СВ глагола V1 и видовое значение НСВ глагола V2 различаются строго определенным образом. Следовательно, для семантического определения видовой пары требуется располагать достаточно точными экспликациями лексической и видовой семантики глаголов. Для решения этой задачи требуются способы верификации описания.

Цель работы – найти некоторые такие способы. Будет показано, что эффективным инструментом экспликации собственно лексического значения глагола служит критерий Маслова. Мы попытаемся выявить те компоненты значения глагола, благодаря которым глагол СВ может в некоторых контекстах заменяться глаголом НСВ. Разные парные (или предположительно парные) глаголы НСВ ведут себя в этих контекстах по-разному. Информация об этих различиях служит основанием критерия для определения видových пар в спорных случаях.

Нам будет удобно начать с анализа глаголов в настоящем историческом и настоящем сценических ремарок: при трансформации высказывания из прошедшего времени в эти виды настоящего замена глагола СВ на парный глагол НСВ обязательна. Ср. *Упал и умер* [в повествовании] – *Падает и умирает* [в настоящем историческом или в сценической ремарке]. Рассмотрим частные видовые значения НСВ в этих двух случаях.

* Исследование поддержано грантами НШ-3899.2014.6, РГНФ 13-04-00307а и 15-04-00441а, а также грантом ОИФН РАН.

Вслед за работами [Кошмидер 1962 / 1934; Бондарко 1971: 226 сл.; Маслов 2004/1974] будем различать два случая употребления глагола НСВ в настоящем историческом и настоящем сценическом. Первый случай иллюстрируется примерами типа

(1) *Пароход шел в Неаполь. Представьте себе теплый южный вечер. Пассажиры гуляют по палубе и любуются закатом.*

Здесь частное видовое значение глаголов НСВ *гуляют* и *любуются* в настоящем историческом аналогично актуально-длительному значению. Ср.

(2) *Смотри, пассажиры гуляют по палубе и любуются закатом.*

Единственное различие между (1) и (2) состоит в том, что в (2) действия ‘пассажиры гуляют и любуются’ имеют место в момент речи, а в (1) те же действия представляются как происходящие в момент речи на глазах говорящего (подробнее см. работу [Гловинская 2001: 185 сл.]).

В настоящем сценическом частное видовое значение глагола НСВ тоже может сближаться с актуально-длительным значением. Ср.

(3) *Нервно ходит по комнате* [настоящее сценическое].

(4) *Ты видишь, что он сейчас делает? – Да, он нервно ходит по комнате* [настоящее время, актуально-длительное значение НСВ].

В (4) действие ‘нервно ходит по комнате’ имеет место в момент речи. Что касается сценической ремарки (3), то здесь «читатель представляет себе названное действие как бы происходящим в момент чтения» [Гловинская 2001: 223 сл.]. Но есть и еще одно, довольно существенное отличие частного значения НСВ в сценическом настоящем от актуально-длительного значения НСВ. В сценическом настоящем действие, обозначаемое глаголом НСВ, обычно и начинается как бы в этот момент. (Заметим, что глагол НСВ и в других случаях может «высвечивать» начало длящегося действия [Падучева 1996: 68 сл.]; таким образом, это семантическое наращение глагола НСВ в настоящем сценическом вполне системно.)

Как бы то ни было, глагол НСВ в контексте настоящего исторического и настоящего сценического может выражать значение, близкое актуально-длительному. Строго говоря, в каждом из этих контекстов выражается свое частное значение НСВ. То значение НСВ (близкое актуально-длительному), которое представлено в настоящем историческом, можно назвать «процессным историческим», или «актуально-длительным историческим». Аналогичное значение, представленное в сценическом настоящем, можно назвать «процессным сценическим», или «актуально-длительным сценическим».

Для нашего исследования более важен второй случай, когда при трансформации высказывания из прошедшего времени в настоящее историческое или в настоящее сценическое происходит обязательная замена глагола СВ на глагол НСВ. Ср.

(5) а. *Война кончилась, и солдаты вернулись домой* – б. *Война кончается, и солдаты возвращаются домой* [повествование, настоящее историческое].

(6) а. *Он отбежал в сторону и застрелился* – б. *Отбегает в сторону и застреливается* [сценическая ремарка, настоящее сценическое].

В (6б) действия ‘отбегает в сторону и застреливается’ представляются как бы происходящими в момент чтения – и это сближает данный случай с предыдущим. Однако в данном случае глагол НСВ указывает и на начало действия (процесса), и на его протекание во времени, и даже на то событие, которое в обычном повествовании обозначается глаголом СВ. Аналогичным образом указывает на событие и глагол НСВ в настоящем историческом, ср. (5б). Назовем частное видовое значение, которое выражает глагол НСВ в примерах типа (5б) и (6б), «процессно-событийным».

По-видимому, один и тот же глагол НСВ, обозначая событие в настоящем историческом и в настоящем сценическом, выражает не вполне одно и то же частное видовое значение. Строго говоря, требуется различать два частных видовых значения: «процессно-событийное историческое» и «процессно-событийное сценическое». Для дальнейшего рассуждения это, однако, не важно.

Специфика процессно-событийного значения НСВ состоит в том, что оно представляет собой «своеобразную комбинацию противоположных значений обоих видов» [Маслов 2004/1974: 110]. Именно с этой точки зрения настоящее историческое и настоящее сценическое рассматриваются в работах [Кошмидер 1962 / 1934; Бондарко 1971: 226 сл.; Маслов 2004/1974]. Попытаемся

эксплицировать процессно-событийное значение НСВ, сравнивая его с актуально-длительным значением.

Семантическую структуру парных глаголов НСВ типа *умирать* в актуально-длительном значении описала А. Вежбицкая [Wierzbicka 1967] (в работе М.Я. Гловинской [Гловинская 2001] эта концепция развивается и уточняется). По А. Вежбицкой, в толкование такого глагола НСВ входит указание на процесс, а кроме того импликация (упрощенно): если данный процесс дойдет до конца, то будет иметь место новое состояние; это новое состояние обозначается парным глаголом СВ. Приведем толкование глагола *умирать* (в несколько модифицированном виде и с уточнением Т.В. Булыгиной [Булыгина 1983]):

(12) *Ян умирает* [актуально-длительное] ‘Ян близок к смерти и последовательно проходит состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: Ян умер’.

В обобщенном виде:

(13) ‘Имеет место процесс (действие) Р; если Р дойдет до конца, то будет иметь место событие Q’.

Что касается настоящего исторического или настоящего сценического, то здесь глагол выражает процессно-событийное значение и включает как указание на протекание процесса, так и указание на то, что событие произошло: ‘имеет место событие: Ян умер’. Итак, применительно к процессно-событийному значению НСВ толкование (12) модифицируется:

(14) *Ян умирает* [процессно-событийное, в сценической ремарке]

‘(i) Ян близок к смерти и последовательно проходит состояния такого ряда состояний, что если он пройдет все состояния этого ряда, то наступит событие: он умер;

(ii) Ян последовательно проходит все состояния этого ряда состояний; имеет место событие: Ян умер’.

В обобщенном виде:

(15) ‘Процесс (действие) Р начинает иметь место, имеет место и доходит до конца, так что имеет место событие Q’.

Естественно считать, что глаголы внутри пар *отбежать – отбегать* и *застрелиться – застреливаться*, представленные в высказываниях (6а) и (6б), имеют одно и то же лексическое значение и различаются лишь видовой семантикой. Аналогичным образом различаются лишь видовым значением глаголы внутри пар *кончиться – кончатся* и *вернуться – возвращаться* в примерах (5а) и (5б). В этих и подобных примерах и глагол СВ, и парный ему глагол НСВ указывают на событие, которым заканчивается действие (процесс). Примем, что указание на это завершающее событие входит в лексическое значение обоих глаголов внутри пары – и СВ, и НСВ.

Правда, в значении глагольной словоформы указание на событие всегда задействовано в видовой семантике: в глаголе НСВ в актуально-длительном значении оно участвует в импликации А. Вежбицкой (13), в процессно-событийном значении – в выражении (15), в глаголе СВ оно участвует в видовой семантике СВ. Однако в лексическое значение глагола это указание входит в «чистом виде», не осложненное видовым значением. Указание на событие признается компонентом лексического значения НСВ Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 86 сл.]; противоположной точки зрения придерживается М.Я. Гловинская [Гловинская 2001: 97].

Возьмем другие глаголы НСВ: *есть (яблоко)*, *читать (книгу)*. Ясно, что если человек ест яблоко, то он с большой вероятностью его съест. Аналогично, если человек читает книгу и не бросит ее читать, то рано или поздно он ее прочтет. Значит ли это, что глаголы НСВ *есть* и *читать* в актуально-длительном значении содержат импликацию А. Вежбицкой? Ведь данная информация может быть просто нашим знанием о действительности и не входить в лексическое значение глагола. Иными словами, импликация (13) может быть не компонентом значения парного глагола НСВ, а частью наших знаний о мире.

Оказалось, что статус указания на событие, а значит и статус импликации (13) или выражения (15), в семантической структуре (предположительно) парного глагола НСВ может быть разным. Это демонстрируется различным поведением таких глаголов в диагностических контекстах, где парный глагол НСВ обозначает совершившееся событие.

Перейдем к диагностическим контекстам.

Хорошо известно, что глагол НСВ обозначает совершившееся событие в следующих основных случаях:

I. в настоящем историческом, ср. *Война кончается, и мы возвращаемся в Москву*;

II. в настоящем сценическом, ср. *Падают и умирает*;

III. при обозначении многократности, ср. *Люди рождались, страдали и умирали* (пример из работы [Маслов 2004: 84]; *Он трижды делал ей предложение*;

IV. в общефактическом значении, ср. *Хочу умереть. – Помилуйте, зачем же умирать?* (пример из [Маслов 2004: 84]); *Кто-то опять окно открывал*.

Кроме того, парный глагол НСВ может обозначать совершившееся событие при наличии определенного внешнего контекста, т.е. при наличии определенных модификаторов, дополнений и т.п.²³⁶ Список контекстов нейтрализации различия между СВ и НСВ обсуждается в работах [Булыгина, Шмелев 1989; Падучева 1996: 90].

В дальнейшем для простоты мы будем рассматривать только три контекста: А, Б и В, при необходимости привлекая также сведения о внешнем контексте. Некоторые глаголы, в силу своей семантики, не употребляются в настоящем сценическом, так как в данном времени возможны лишь глаголы, обозначающие конкретные физические действия. Такие глаголы должны рассматриваться в двух контекстах – А и В.

Известно, что парные (а также предположительно парные) глаголы НСВ обладают разной способностью обозначать в перечисленных контекстах происшедшее событие. С этой точки зрения выделяется два типа глаголов.

Глаголы НСВ первого типа указывают на происшедшее событие во всех диагностических контекстах. Для глаголов НСВ второго типа это неверно. Причина в том, что указание на событие является слабым (неустойчивым) компонентом их лексического значения – некоторые контексты его подавляют²³⁷.

Приведем примеры глаголов первого типа (перечень не претендует на полноту).

А. Вторичные имперфективы, ср. *съесть (завтрак), выпивать (кофе), выкуривать (сигару), прочитывать (книгу), сжигать (рукопись), сгорать (Рукопись сгорает)* и т.п. Эти глаголы не имеют актуально-длительного значения НСВ и во всех возможных для них контекстах указывают на происшедшее событие. Более точно, в лексическое значение этих глаголов входит компонент (15) 'Процесс (действие) Р начал имеет место, имеет место и доходит до конца; в результате имеет место событие Q'. Ср. *Он прочитывает газету и звонит в редакцию* [настоящее историческое]; *Садится за стол и прочитывает газету* [настоящее сценическое]; *Он по несколько раз прочитывал газету* [многократное].

Б. Моментальные глаголы, ср. *вздрагивать, стучать, находить, приходить* и т.п., а также глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта» (по [Маслов 2004/1948: 86 сл.]), ср. *видеть, слышать, благодарить, пугаться* и т.п. Эти глаголы не имеют актуально-длительного значения и, сближаясь с глаголами предыдущей группы, при любых условиях указывают на то, что событие имеет место.

В. Глаголы *подходить, садиться, ложиться* и т.п., которые имеют актуально-длительное значение; ср. *Смотри, он подходит к столу; Смотри, он садится в кресло <ложится на пол>*. В актуально-длительном значении глаголы этой группы содержат указание на событие в составе импликации А. Вежбицкой. В диагностических контекстах А – В они всегда указывают на то, что событие имеет место. Ср. *Он ложится на пол и пережидает бомбежку* [настоящее историческое]; *Ложится на диван* [настоящее сценическое]; *Каждый раз после разговора с ней ложится на диван и ни о чем не может думать* [многократное].

²³⁶ Таким образом, мы вслед за А.В. Бондарко [Бондарко 1971], различаем два типа контекстов глагола – внешний и внутренний. Внешний контекст – это контекст глагольной словоформы, например, ее модификаторы, дополнения, однородные ей члены предложения и т.п. Внутренний контекст – это «окружение» собственно лексического значения глагола, т.е. граммы, выражаемые глагольной словоформой, в частности граммема НСВ в ее частном значении, граммема времени.

²³⁷ Мы опираемся на определение слабого компонент значения, данное Ю.Д. Апресяном [Апресян 1974].

При всех семантических различиях между глаголами НСВ первого типа, в их лексическое значение, по принятому нами допущению, входит указание на событие, причем в лексическое значение глаголов группы А – даже указание на совершившееся событие. Очевидно, что такое указание входит и в лексическое значение соответствующих глаголов СВ. Отсюда следует, что глаголы внутри пар *съесть* – *съест* и т.п., глаголы внутри пар *вздрагивать* – *вздрыгнуть* и т.п., а также глаголы внутри пар *подходить* – *подойти* и т.п. различаются только видовой семантикой. Следовательно, перед нами «чистые» видовые пары, причем категория вида для этих глаголов в принципе может рассматриваться как словоизменительная.

Некоторые из приведенных глаголов НСВ, а именно глаголы в группах А и Б, имеют дефектный набор частных видовых значений – в нем отсутствует актуально-длительное значение. Однако этот факт не может служить аргументом против предлагаемого описания, так как дефектность набора форм не имеет отношения к определению грамматической категории.

Перейдем к глаголам НСВ, в которых указание на событие является слабым компонентом, подавляемым некоторыми контекстами. Эти глаголы можно расположить на шкале по увеличению числа таких контекстов. Чем больше число контекстов, подавляющих данный компонент, тем он слабее. За недостатком места рассмотрим лишь несколько представительных примеров.

Глагол *читать* обозначает совершившееся событие в настоящем историческом, ср. *Он прочитал статью (и написал отзыв)* – *Он читает статью и пишет отзыв*, а также в контексте многократности, ср. *Я три раза читал эту статью (и так ничего и не понял)*. Известно, что в многократном контексте глагол может и не указывать на совершившееся событие, ср. *Раз пятнадцать я тонул, погибал среди акул* [Маслов 2004/1948: 84 сл.]. Однако глагол *читать* в этом контексте всегда указывает на конечное событие. Тем не менее в настоящем сценическом глагол *читать* обычно имеет процессное, а не процессно-событийное значение, ср. *Садится, читает статью; Садится, читает статью; не дочитав, откладывает и начинает насвистывать*. Этот глагол может обозначать событие в настоящем сценическом лишь при сильной поддержке внешнего контекста, ср. *Садится, быстро читает статью и начинает что-то писать*. Следовательно, указание на событие является слабым компонентом значения глагола *читать*.

Обратим внимание на то, что по критерию Маслова глаголы *читать* – *прочитать* образуют видовую пару. Но по этому критерию образуют видовую пару и глаголы *прочитывать* – *прочитать*. В подобных спорных случаях нужно располагать дополнительным инструментом выбора одного из двух или более глаголов НСВ, потому что видовым коррелятом глагола СВ может быть только один глагол НСВ. Эта проблема подробно анализируется Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995]. Предлагаем следующий, ранее не обсуждавшийся критерий такого выбора.

Если на роль видового коррелята глагола СВ претендует два или более глагола НСВ, то парным глаголом НСВ считается тот, который указывает на событие в большем числе контекстов.

По этому критерию видовую пару образуют глаголы *прочитывать* – *прочитать*, а не *читать* – *прочитать*, потому что глагол *прочитывать* всегда указывает на событие, а в глаголе *читать* данный компонент является слабым.

Действительно, глаголы *прочитывать* – *прочитать* обладают тождественным лексическим значением и различаются только видовой семантикой. Следовательно, они образуют «чистую» видовую пару. Что касается глаголов *читать* – *прочитать*, то они имеют не вполне тождественное лексическое значение. В *прочитать* указание на событие – это обычный компонент значения, а в *читать* этот же компонент является неустойчивым, он снимается в ряде контекстов, благодаря чему *читать* сближается с масловскими глаголами «бесперспективного протекания».

Рассмотрим теперь глагол *есть* (суп). При трансформации высказывания в настоящее историческое он может заменять глагол *съесть*, ср. *Я съел пельмени, расплатился и пошел к выходу* – *Я ем пельмени, расплачиваюсь и иду к выходу*. Однако в настоящем сценическом глагол *есть* обычно имеет процессное, а не процессно-событийное значение, ср. *Садится, ест пельмени*. Этот глагол может обозначать событие в настоящем сценическом лишь при сильной поддержке внешнего контекста, ср. *Садится, быстро ест пельмени, встает и уходит*. В многократном контексте этот глагол тоже не обозначает события, ср. *Мы на этой неделе уже три раза ели пельмени*.

Следовательно, указание на событие в значении глагола *есть* является еще более слабым компонентом, чем в глаголе *читать*. Иными словами, глагол *есть* в еще большей степени, нежели *читать*, приближается к глаголам «бесперспективного протекания». При этом существует глагол НСВ *съесть*, который содержит в своем значении обычное, «сильное», указание на событие. По предложенному выше критерию, видовую пару образуют глаголы *съесть* – *съесть*, а не *есть* – *съесть*. Действительно, глаголы *съесть* – *съесть* имеют тождественное лексическое значение, а у глаголов *есть* – *съесть* лексическое значение не вполне одинаково: в первом глаголе указание на событие может сниматься.

Глагол *умирать* обозначает событие в настоящем историческом, ср. *Он умер, и она возвратилась в Москву* – *Он умирает, и она возвращается в Москву*, а также в настоящем сценическом, ср. *Умирает*. Теоретически глагол *умирать* в настоящем сценическом мог бы выражать и процессное значение: ведь этот глагол имеет актуально-длительное значение, ср. *Смотри, он же умирает. Надо что-то делать!* Тем не менее глагол *умирать* в настоящем сценическом всегда обозначает совершившееся событие. Однако в многократном контексте это необязательно, ср. *Он дважды умер, но его откачивали*. Следовательно, указание на событие в этом глаголе может сниматься в многократном контексте, и, следовательно, оно является слабым компонентом лексического значения этого глагола. Тем не менее, *умирать* – *умереть* образуют видовую пару, потому что не существует такого глагола НСВ, который обладал бы тем же лексическим значением, причем указание на событие в его составе было бы сильным компонентом.

Глагол *ловить* указывает на событие в настоящем историческом (ср. *Ловит орла и отдает его в зоопарк*), а также в многократном контексте, ср. *Я много раз ловил таких птиц*. В настоящем сценическом он тоже может обозначать совершившееся событие (ср. *Ловит бабочку и уходит*), однако это указание может подавляться внешним контекстом, ср. *Долго ловит бабочку; не поймав, уходит*. Таким образом, в лексическом значении глагола *ловить* указание на событие является слабым компонентом.

Мы видим, что парные (и предположительно парные) глаголы НСВ различаются по тому, в каких диагностических контекстах они всегда обозначают совершившееся событие, а в каких – только могут его обозначать. Данная информация должна фиксироваться в описании глагола.

На основании изложенного можно делить видовые пары на жесткие и нежесткие. К жестким парам относятся те, в которых указание на событие является сильным компонентом и в СВ, и в НСВ; ср. *съесть* – *съесть*, *вздрагивать* – *вздрыгнуть*, *подходить* – *подойти* и т.п. Нежесткими являются пара *умирать* – *умереть*, *ловить* – *поймать* и т.п. При этом видовые пары различаются по степени жесткости: чем в меньшем числе контекстов указание на событие в лексическом значении глагола НСВ снимается, тем более жесткой является видовая пара.

В дальнейшем предполагается рассмотреть на основе изложенных принципов разные аспектуальные классы.

Мы показали, что операционный критерий Маслова позволяет определить, входит ли в лексическое значение глагола НСВ указание на событие. Аналогичные, квазимасловские, критерии позволяют установить, является ли указание на событие сильным или слабым компонентом лексического значения глагола НСВ. В спорных случаях, когда на роль видového коррелята глагола СВ претендует более одного глагола НСВ, естественно выбирать тот глагол НСВ, в лексическом значении которого указание на событие является сильным компонентом или хотя бы более сильным, чем в значении глагола-конкурента. Неустойчивость компонента, указывающего на событие, в лексическом значении глагола может свидетельствовать о том, что в русском языке грамматическая категория вида еще не вполне сформировалась.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Трактатка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 102 – 113.
Бондарко 1971 – А.В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.

- Булыгина 1983 – Т.В. Булыгина. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках: Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков. М., 1983. С. 20 – 39.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Кошмидер 1962 / 1934 – Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С. 159 – 161 [Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Wilno, 1934. S. 97 - 102].
- Маслов 2004 / 1948 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 71 – 90 [впервые напечатано в: Изв. АН СССР, отд. лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4. с. 303 – 316].
- Маслов 2004/1974 – Ю. С. Маслов. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Ю.С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 2004. С. 96 – 110 [первый вариант: Zur Semantik der Perfektivitaetsopposition // Wiener Slawistischer Jahrbuch. 1974. Bd. 20. S. 107 – 122].
- Падучева 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Wierzbicka 1967 – A. Wierzbicka. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. The Hague – Paris: Mouton, 1967. P. 2231 – 2243.

ITERATIVITY, NARRATIVE, AND ASPECT

This paper discusses the relation between iterativity and aspect and presents the phenomenon of “iterative narratives” — whole narrative sequences falling under the scope of an iterative operator. Perfective and imperfective aspectual markers reflect in such contexts the aspectual status of the whole complex situation of repetition (of the whole narrative sequence), and thus have here anomalously wide semantic scope, spanning over several clauses.

Introduction

Iterative semantics (in the broad sense; cf. *I go to the park every day*) and narrative sequences have usually been discussed separately, as if these two phenomena were mutually exclusive.

In this paper I would like to draw attention to the phenomenon of “**iterative narratives**”, i.e. whole narrative sequences falling under the scope of an iterative operator. Consider an illustration from Russian:

(1) *Прошло ещё несколько дней, и Иван подумал^[PFV] что с него хватит. Каждый день он вставал^[IPFV] затемно, выпивал^[IPFV] чашку кофе и ехал^[IPFV] в офис (где было^[IPFV] прохладно и неуютно). Проработав весь день со скучнейшими документами, он возвращался^[IPFV] домой и сразу ложился^[IPFV] спать. Иван решил^[PFV], что пора увольняться.*

‘Another couple of days passed, and Ivan **thought** that it’s enough. **Every day he would get up** before dawn, **drink** a cup of coffee and **go** to the office (where it **was** cold and not cozy). After working all day with most boring documents, he **returned** home and **went** to bed immediately. Ivan **decided** it was time to quit’.

The second aim of this paper is to analyse the peculiarities of the use of **aspectual** markers in such contexts (note, for example, the use of solely Imperfective in Russian in the underlined passage in (1)).

The **first** section will present a work-in-progress framework for aspectual (perfective and imperfective) semantics. The **second** section will concern the relation between iterativity and aspect and some facts in favour of their mutual independence. Finally, the **third**, main, section will discuss the phenomenon of iterative narratives, its interaction with aspect, and the semantic scope of the latter.

Note. In my treatment of iterativity I will follow V. S. Xrakovskij’s classification [Xrakovskij 1989; Xrakovskij (ed.) 1997], which distinguishes three main varieties of iterative meanings: **iterative** proper (*Ivan goes to park every day*; including habitual: *Ivan smokes*), **multiplicative** (*Ivan is [repeatedly] throwing the ball into the basket*), and **distributive** (*Ivan is handing out chocolates to children*). Compare also (6)–(8) in §2.1.

1. A tentative framework for aspectual semantics

Aspectual semantics (perfective and imperfective “viewpoints”) will be treated in this paper in terms of the following work-in-progress framework.

For each (finite autonomous) clause an associated set of four tense-and-aspect-related (pragma-)semantic entities is assumed (preliminary definitions are given in parentheses):

- a) **situation** time (**Sit**) — the whole time interval occupied by the referent situation “in reality”;
- b) **predicated** time (**P**) — the relevant part of Sit; the time interval for which the speaker is “vouching” as he is predicating something, e.g. existence of a situation at this interval (cf. W. Klein’s “topic time” [Klein 1994: 3–9] and V. A. Plungian’s *окно наблюдения* [ПЛУНГЯН 2011: 455]);
- c) **speech** time (**S**) — the “objective now” of the speaker and/or the addressee; (the temporal component of) the main deictic centre;
- d) **reference** time (**R**) — the “subjective now”, which can coincide with S or correspond to (the temporal component of) a “shifted” secondary deictic centre, if available in the discourse²³⁸.

Contrary to most aspectual theories²³⁹, the notions of predicated time and reference time (and situation time) are kept strictly apart here.

²³⁸ It may be a narrative-internal “reference point” (“narrative now”) as well as a non-narrative “shifted now”, e.g. in a description (*Last night numerous stars were visible in the sky*).

²³⁹ Cf. W. Klein’s single term “topic time” [Klein 1994], which in some cases corresponds to my predicated time (e.g. in his treatment of tense and of perfective and imperfective aspect) and in some cases to my reference time (e.g. in

Absolute **tense** semantics is defined as describing the relation between P and S: past ‘P < S’ (anteriority), present ‘P ∩ S’ (intersection), future ‘P > S’ (posteriority).

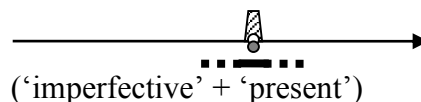
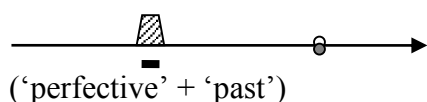
Aspectual semantics — perfective and imperfective viewpoints — is defined as describing the relation between **P and R**: perfective ‘P ∩ R’ (non-intersection, or “**non-synchronicity**”); imperfective ‘P ∩ R’ (intersection, or “**synchronicity**”)²⁴⁰,

In this article the following pairs of language-specific markers will be assumed to instantiate (in their **core** uses) the ‘perfective’ and ‘imperfective’ semantics as defined above: Russian Perfective vs. Imperfective aspects, French Aorist (*Passé composé* / *Passé simple*) vs. Imperfect (*Imparfait*), and Spanish Aorist (*Pretérito simple*) vs. Imperfect (*Pretérito imperfecto*).

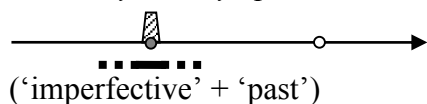
Consider illustrations from Russian and English below. On the diagrams thick black line (—) stands for Sit, shaded trapezium (▨) for P, white circle (○) for S, and grey circle (●) for R.

In (2) we have non-synchronous P and R (→ perfective), and in (3) synchronous P and R (→ imperfective). In (4) we also have synchronicity of P and R and imperfective viewpoint, although this time R does not coincide with S (we have here a “shifted” secondary deictic centre in the past):

- (2) *Иван (недавно) уехал*^[PFV] / *Ivan left* (not long ago). (3) *Иван спит*^[IPFV] / *Ivan is sleeping*.

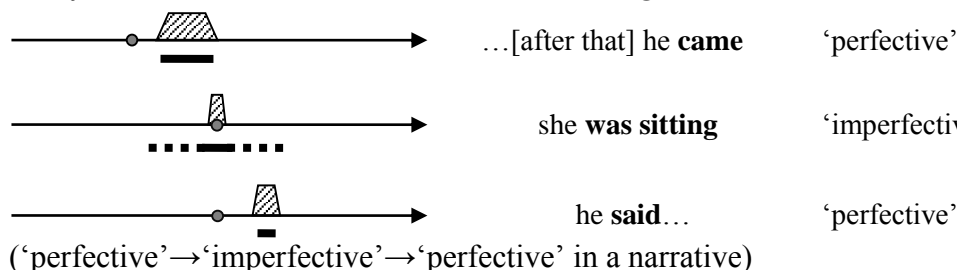

- (4) *Когда я уходил утром, Иван спал*^[IPFV] / *When I left home this morning, Ivan was sleeping*.

In (5), three clauses form a simple narrative sequence. In the same way, we have here non-synchronous, synchronous and again non-synchronous P and R and hence perfective or imperfective viewpoints. R’s in this case are instances of the moving “narrative now”.

- (5) *...Потом Иван пришёл*^[PFV] домой. *В комнате сидела*^[IPFV] сестра. *Он сказал*^[PFV] «Привет».
/ ...*After that Ivan came* home. *His sister was sitting* in the room. *He said* “Hi”.

2. Iterativity and aspect proper

Iterativity has been frequently regarded as semantically connected and confined to imperfective aspect. In Russian, the iterative interpretation has been considered for a long time to form part of the semantics of the Imperfective (as one of its particular meanings).

However, it can be argued that iterativity is in fact a phenomenon largely independent from and parallel to aspect proper (perfective/imperfective).

2.1. Semantic independence from imperfective. Semantic analysis of iterativity

V. S. Xrakovskij in his paper [Храковский 2014] analyses the iterative interpretation that occurs in some uses of the Russian Imperfective. Consider three examples from the article:

his treatment of (plu)perfect).

²⁴⁰ It should be emphasized that these are (tentative) definitions of abstract, cross-linguistic semantic types ‘perfective’ and ‘imperfective’ and not of the precise semantics of Russian or any other language-specific Perfective and Imperfective grams.

(6) *Черноглазая Анюта <...> шаркала^[IPFV] петишиной метелочкой по креслам.* [М. Булгаков. Белая гвардия]

ENGLISH (translation by M. Schwartz): *Black-eyed Anyuta <...> was whisking a feather duster over the armchairs.* [M. Bulgakov. White Guard] (multiplicative)

(7) *Он старается^[IPFV] идти прямо, но ноги его плохо слушаются^[IPFV], и он то и дело опирается^[IPFV] то на одну сестру, то на другую.* [zhurnal.lib.ru]

‘He’s trying hard to walk straight, but his legs won’t obey him, and **every now and then** he’s leaning sometimes **on one** of his sisters, sometimes **on another**’. (distributive)

(8) *Каждый раз, как я слышал^[IPFV] этот мотив на улице или в кафе, мне становилось^[IPFV] не по себе.* [Г. Газданов. Вечер у Клэр]

‘Each time I heard this motive in the street or in a café, I **felt** ill at ease’. (iterative proper)

First, the author claims that iterative semantics in all such examples is not expressed by the Imperfective itself, but is always deduced from the context (e.g. it is often expressed by specialized adverbials, such as *каждый день* ‘each day’).

Second, the iterative semantics is analysed by the author as introducing an atelic virtual “higher-level” complex situation, which consists of repeated possible instances of the given situation (e.g. of whisking, leaning, or feeling in the examples above):

«Все такие ситуации образуют актуально не наблюдаемую длительную прерывную цепочку, своего рода длительную **ситуацию более высокого уровня** (длительность в широком смысле), у которой не фиксируется ни начало, ни конец»²⁴¹ [Храковский 2014: 11].

This complex situation is then simply presented as durative (synchronous) by the Imperfective.

(Very consonant ideas are also expressed by Ju. P. Knjazev in [Knjazev 2013]).

2.2. Compatibility with perfective (limitative)

Another evidence for iterative semantics not being confined to imperfective aspect is the possibility of iterative interpretations in combination with perfective viewpoint.

In [Федотов, Чуйкова 2013: 171–173] it was observed that derived delimitative (perfective) *po-* verbs in Russian can have iterative interpretations of all types (whenever such interpretation is possible for the source imperfective verb). Consider the following constructed examples:

(9) *Иван ещё некоторое время позабрасывал^[PFV.DELIM] мячик в кольцо.*

‘Ivan **threw** the ball into the basket for some more time’. (multiplicative + perfective)

(10) *Библиотекарь повыдавал^[PFV.DELIM] книги ещё полчаса.*

‘The librarian **issued** books for another half an hour’. (distributive + perfective)

(11) *Иван неделю попринимал^[PFV.DELIM] это лекарство каждый день, и ему стало лучше²⁴².*

‘Ivan **took** this medicine **each day** for a week and felt better’. (iterative proper + perfective)

Similar examples with Aorist forms are possible and quite natural in French and Spanish²⁴³. Consider the iterative interpretation in the following sentences:

(12) FRENCH: *Pendant une année, chaque jour, j’ai écrit^[AOR] un texte <...>.* [monbestseller.com]

‘For a year, **each day**, I **wrote** a text [corresponding to the date]’.

²⁴¹ “All such situations comprise a non-actually observable long discontinuous chain, a kind of a durative **higher-level situation** (duration in the broad sense) without a determined beginning or end”.

²⁴² Some more natural-sounding examples can be found in Google:

(i) *эстрадиол был 194(40-161)[,] попил^[PFV.DELIM] каждый день анастрозол по 0.5[,] через неделю передал...* [do4a.com] ‘My oestradiol was 194(40-161), then I **drank** 0,5 Anastrozole **each day**, did a test again in a week...’;

(ii) *а потом лет так 5 минимально каждый день попринимал^[PFV.DELIM] [бы] с 9 до 18.00 ничего не соображающих людей...* [proximainform.net/forum] ‘And then [he should try] **receiving** totally ignorant people from 9 to 18 o’clock **each day** for about 5 years minimum’.

²⁴³ See also [Шлуинский 2005: 134–138] for examples from Tatar and Udmurt and a similar analysis.

- (13) SPANISH: *Lewis* ⟨...⟩ *tomó*^[AOR] *una droga distinta cada día*. [alberico.com]
 ‘Lewis ... **took** a different drug **each day**’.

In line with the previous analysis, it can be assumed that in such examples the complex situation of repetition is additionally presented as non-synchronous (and/or temporally bounded) through a Perfective/Aorist marking. That is, the perfective operator has semantic scope **over** the iterative operator.

3. Iterative narratives

In the previous section we looked only at cases where a single situation was repeated. However, iterative repetition can also be applied to whole **sequences** of situations — resulting in what may be called “iterative narratives”, exemplified above with (1).

Note. I am not currently aware of any previous discussion of this phenomenon in linguistic literature except for a mentioning by Ju. P. Knjazev in [Knjazev 2013: 89], where similar examples are cited (cf. *Васюта входил*^[IPFV] *в дом, шел*^[IPFV] *в любую комнату, садился*^[IPFV] *на стул и молча сидел*^[IPFV]). [В. Шефнер. Освещенные окна] ‘Vasyuta would enter the house, go to any room, sit down on a chair and sit in silence’. Similar notions can be found in narratological and culturological studies, cf. “iterative narrative” («récit itératif») [Genette 1972: 148; 1980: 116], “habitual narrative” [Riessman 1990: 76 ff.].

3.1. Combinations with different types of iterativity

Below are additional examples, now coming from actual texts in Russian, French, Spanish, and English, of narrative sequences (underlined) under the scope of iterative operators of different kinds: a) iterative proper (cyclical); b) iterative proper (habitual); c) multiplicative; d) distributive.

a) **cyclical iterative** semantics: consider these parallel examples from a novel by M. Fermine:

- (14a) FRENCH (original): ⟨...⟩ *Au grand dam de son père, Yuko embrassa*^[AOR] *la carrière de poète les premiers jours de janvier 1885*. ⟨...⟩

Chaque jour de neige, il prit l’habitude de sortir^[—] *très tôt de la maison et de marcher*^[—] *en direction de la montagne. Il se rendait*^[IPF] *toujours au même endroit pour composer ses poèmes. Il s’asseyait*^[IPF] *en tailleur sous un arbre et restait*^[IPF] *ainsi de longues heures à choisir en secret les dix-sept plus belles syllabes du monde. Puis, lorsqu’il possédait*^[IPF] *enfin son poème, il le couchait*^[IPF] *sur un papier de soie. ⟨...⟩ Il rentrait*^[IPF] *toujours pour la cérémonie du thé.*

⟨...⟩ *Un soir, pourtant, Yuko ne rentra*^[AOR] *pas*. ⟨...⟩ [Maxence Fermine. Neige]

- (14b) RUSSIAN (translation by Aleksey Dramashko): ⟨...⟩ *К большому сожалению отца, в самом начале 1885 года Юко начал*^[PFV] *карьеру поэта*. ⟨...⟩

Зимой каждый день он рано выходил^[IPFV] *из дома и направлялся*^[IPFV] *к горе. Он всегда приходил*^[IPFV] *в одно и то же место, чтобы сочинять стихи. Он садился*^[IPFV] *под деревом и проводил*^[IPFV] *там долгие часы, выбирая семнадцать самых красивых слогов в мире. А сочинив свое стихотворение, записывал*^[IPFV] *его на листке шелковой бумаги. ⟨...⟩ Он всегда возвращался*^[IPFV] *домой к началу чайной церемонии.*

⟨...⟩ *Но однажды вечером Юко не вернулся*^[PFV]. ⟨...⟩ [Максанс Фермин. Снег]

- (14c) ENGLISH (translation by Chris Mulhern): ⟨...⟩ *In the first days of January 1885, despite the wishes of his father, Yuko began his career as a poet*. ⟨...⟩

In the days of snow he would leave the house in the early morning and begin walking toward the mountain. He always went to the same place to compose his poems. He sat down, legs crossed, beneath a tree. And he stayed like this for hours and hours, pondering in silence the seventeen most beautiful syllables in the world. Then, when finally he felt he had his poem, he would write it on silk paper. ⟨...⟩ Then he would return for the tea ceremony.

⟨...⟩ *One evening Yuko did not return*. ⟨...⟩ [Maxence Fermine. Snow: A novel]

b) **habitual iterative** semantics:

- (15a) RUSSIAN (translation by M. Budykina): *Большой любитель попрактиковаться в искусстве медицины, Брейер обычно начинал*^[IPFV] *общение со своими пациентами в больнице с коротенькой беседы, которую он, сидя на краешке кровати, элегантно переводил*^[IPFV] *в медицинский опрос. Но, когда он вошел*^[PFV] *в палату №13 клиники Лаузон, никакой беседы на краешке кровати не намечалось*^[IPFV]. *Ницше сразу же заявил*^[PFV] *ему* ⟨...⟩. [И. Д. Ялом. Когда Ницше плакал]

(15b) SPANISH (translation by Rolando Costa Picazo): *Breuer, profesional del arte de la medicina, solía **empezar**^[−] las visitas del hospital con una conversación sobre temas generales que **desviaba**^[IPF] ²⁴⁴ con elegancia hacia los específicamente médicos. Pero a la mañana siguiente, al entrar en la habitación número 13 de la clínica Lauzon, lo hizo^[AOR] dispuesto a suprimir la conversación sobre temas generales. Nietzsche en seguida le anunció^[AOR] <...>. [I. D. Yalom. El Dia Que Nietzsche Lloro]*

(15c) ENGLISH (original): [Beginning of Chapter 16:] *A great practitioner of the art of medicine, Breuer usually began his hospital visits with bedside small talk which he gracefully **guided** into medical inquiry. But there was to be no small talk when he entered room 13 of the Lauzon Clinic the following morning. Nietzsche immediately announced <...>. [I. D. Yalom. When Nietzsche Wept]*

c) multiplicative semantics (a constructed example plus a textual example):

(16) RUSSIAN: *Иван тренировался^[IPFV]: он [раз за разом] **вёл**^[IPFV] мяч, **брал**^[IPFV] его в руки, **прыгал**^[IPFV] и **бросал**^[IPFV] в корзину.*

‘Ivan was practicing: **he was dribbling** the ball, **grabbing** it with both hands, **jumping** and **throwing** it into the basket’.

(17a) RUSSIAN (translation by V. Prakht): *Мы проделывали это [отработку броска] снова и снова. Он **хватал**^[IPFV] мяч двумя руками и **прыгал**^[IPFV] мне на руки, <...>. [Дж. Ирвинг. Молитва об Оуэне Мине]*

(17b) FRENCH (translation by M. Lebrun): *On recommandait encore et encore. **Saisissant**^[−] le ballon à deux mains, il **sautait**^[IPF] dans mes bras <...>. [J. Irving. Une prière pour Owen]*

(17c) ENGLISH (original): *We’d go over it [practicing the shot] again and again. He would **grasp** the ball in both hands and **leap** into my arms <...>. [J. Irving. A Prayer for Owen Meany]*

d) distributive semantics (a constructed example plus a textual example):

(18) RUSSIAN: *Я наблюдал^[IPFV] за работой библиотекаря: он **брал**^[IPFV] книги, **ставил**^[IPFV] на них штамп, **делал**^[IPFV] пометку в журнале и **клат**^[IPFV] на полку.*

‘I was watching the librarian at work: **he was taking** books, **stamping** them, **making** a note in the register, and **putting** them on the shelf’.

(19a) RUSSIAN (translation by S. V. Arkhipova): *<...> Тогда Хемуас отправился^[PFV] в подземную камеру и достал^[PFV] свои книги [чтобы проверить, действительно ли его сын Са-Осирис может узнать содержание запечатанного письма, не раскрывая его]: он **брал**^[IPFV] каждую книгу из ее чехла, а Са-Осирис **говорил**^[IPFV] ему, что это была за книга, и **читал**^[IPFV] ее вслух. Хемуас чрезвычайно обрадовался^[PFV] <...>. [Э. А. Уоллис Бадж. Египетские сказки, повести и легенды]*

(19b) ENGLISH (original): *<...> Then Khāmuas went to his underground library and brought up his books [to check if his son Sa-Asar could really learn the contents of a sealed letter without opening it], and as he **took** each from its case Sa-Asar **told** him what the book was, and **read out** its contents to him. Khāmuas came up rejoicing <...>. [E. A. Wallis Budge. Egyptian Tales and Legends: Ancient, Christian, Muslim]*

3.2. Interaction with perfective and imperfective. Scope relations

As it has been already mentioned, such examples evidently present a case where a whole narrative sequence falls under the scope of an iterative operator. Thus, we can assume that the iterative operator here is constructing a new complex situation (cf. §2.1) by repeating an **already complex situation** — a narrative sequence consisting of several simplex situations. E.g. in (1) we have a repetition of an everyday routine of ‘getting-up+drinking+(...)+returning+going-to-bed’, or in (18) a repetition for each book of a ‘taking+stamping+noting+putting’ routine²⁴⁵.

As could be seen from the examples above, at least in Russian and French (and Spanish), verbs in such contexts are all marked in the same way — (by default) with Imperfective/Imperfects. At the same time,

²⁴⁴ An Imperfect form is also used here in the French translation (by Clément Baude).

²⁴⁵ Consider also the following example from Russian: *Обычно он вставал рано и завтракал. Но в тот день он не стал сразу завтракать...* ‘He usually got up early and had his breakfast. But that day he didn’t have his breakfast right away...’. Here the wide semantic scope of the iterative operator can be seen well because of the second utterance, which provides a contradiction. The contradiction here is not of the habit of solely getting up early, nor of the habit of having breakfast, but to the habit of doing both things each time one right after another.

Perfective/Aorist marking of whole narrative sequences is also possible, at least to some extent. Consider the following examples from French²⁴⁶:

(20) FRENCH: *Chaque jour il a pris^[AOR] une nouvelle drogue ou médicament et réalisé^[AOR] son autoportrait.* [http://www.buzzerie.com/]

‘Each day he **took** a new drug or medicine and **made** a self-portrait’.

(21) FRENCH: ^{OK} *J’ai observé^[AOR] les nuages et les ai décrits^[AOR] chaque jour pendant une année.*

‘I **observed** clouds and **described** them **each day** for a year’.

So, in an iterative narrative all clauses are either marked solely by imperfective-type markers or solely by perfective-type markers (in the languages with perfective-imperfective proper, cf. a note on Czech in the end of this section). Let us assume that it happens because each of these markers reflect the synchronicity/non-synchronicity of **the whole complex situation of repetition** and not of the unique occurrence of a single situation. That is, **imperfective** ((14)–(19)) is used for synchronicity — and **perfective** ((20)–(21)) is (may be) used for non-synchronicity — of the P of the whole situation of repetition to the current R (cf. §2.1 and 2.2).

Let us compare it with a common (non-iterative) narrative sequence:

(1') [*В тот день*] он **встал**^[PFV] затемно, **выпил**^[PFV] чашку кофе и **поехал**^[PFV] в офис. Там **было**^[IPFV] прохладно и неуютно. Проработав весь день со скучнейшими документами, он **вернулся**^[PFV] домой и сразу **лёг**^[PFV] спать.

‘[That day] he **got up** before dawn, **drank** a cup of coffee and **went** to the office. It **was** cold and not cozy there. After working all day with most boring documents, he **returned** home and **went** to bed immediately’. (in French and Spanish the Aorist and Imperfect forms would be used here instead of Perfective and Imperfective, respectively)

Here the aspect in each clause reflects only the aspectual status (synchronicity/non-synchronicity) of the unique situation expressed in the same single clause.

So, another conclusion that can be made is that, while normally perfective and imperfective have scope over a single clause (1'), in iterative narratives perfective and imperfective have scope **over a series of clauses** (already bound by an iterative operator) (1).

Note. It is known that in **Czech** (and probably also Polish and some other languages), the Perfective/Imperfective aspects function in a different way — in general as well as in iterative contexts. At least in some contexts the Czech Imperfective and Perfective are opposed to each other not as ‘synchronous : non-synchronous’, but rather as ‘**completive** : **non-completive**’ (i.e. ‘the situation’s reaching : not reaching its natural endpoint’).

Thus, even in iterative narratives each clause in Czech can receive Perfective or Imperfective marking depending on this situation’s reaching or not reaching the endpoint in (each) unique iteration. Consider the following passage from Milan Kundera’s “The Unbearable Lightness of Being” in Czech and its translation into Russian²⁴⁷:

(22a) CZECH (original): *Vždycky jsi zat'ukal^[PFV] na hrob a já jsem vyšla^[PFV] ven. Oči jsem měla^[IPFV] plné hlíny.* [Milan Kundera. Nesnesitelná lehkost bytí]

(22b) RUSSIAN (translation by N. Shul'gina): *Ты всегда стучал^[IPFV] в могилу, а я выходила^[IPFV] оттуда. Глаза у меня были^[IPFV] полны земли.* [Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия]

‘[Retelling a dream about dying:] You **always knocked** at the grave and I **came out**. I **had** my eyes full of clay’.

²⁴⁶ Consider also a passage from the Old Testament in French and in Portuguese (1 Samuel 17:16):

(iii) FRENCH (TOB translation): *Le Philistin s’avança^[AOR] matin et soir et il se présenta^[AOR] ainsi pendant quarante jours.* PORTUGUESE (NVI-PT): *Durante quarenta dias o filisteu aproximou-se^[AOR], de manhã e de tarde, e tomou^[AOR] posição.* ENGLISH (NIV): *For forty days the Philistine came forward every morning and evening and took his stand.*

Similar examples can also be found for Spanish. In Russian similar examples are possible with delimitative *po*-verbs, having distributive or multiplicative interpretation. Cf. *Я ещё немного пооткрывал^[PFV.DELIM] и поразглядывал^[PFV.DELIM] журналы* ‘I **opened** and **looked through** magazines for some more time’.

It has to be admitted, however, that such usage of Perfective/Aorist markers seems to be somehow limited. At the same time this, apparently, is not because it is unnatural for these markers to have a scope over iterativity (see §2.2), but probably because it is unnatural (although not impossible) for them to have a scope over more than one clause.

²⁴⁷ The example is taken from [Gvozdanović 2012: 797]; see also the accompanying analysis of scope relations there.

In contrast with Russian, Czech is not using solely Imperfective (or solely Perfective) verbs here, but is alternating the two aspects in the same way as in a non-iterative narrative.

Let us also consider here **Bulgarian**, which can be argued to have both discussed types of marking at the same time: a) a pair “Aorist vs. Imperfect” (close to ‘perfective’ and ‘imperfective’ proper) and b) a pair “Perfective vs. Imperfective” (seemingly, closer to ‘completive’ and ‘non-completive’ in the above sense).

Consider the following example taken from [Gvozdanović 2012: 792] and containing, in fact, an iterative narrative:

- (23) BULGARIAN: *Сред като прочетеше^[PFV,IPF] сутрин молитвата, тръгнаше^[IPFV,IPF] за селото.*
‘**Having said** the prayer every morning, (s)he **used to leave** for the village’.

In both clauses here the forms are Imperfect, in the same way as they would be in Russian, French, or Spanish. But, at the same time, in the first clause a perfective verb is used and in the second an imperfective, similarly to Czech (reflecting, presumably, each situation’s reaching or not reaching its natural endpoint; additional research is needed, however, to sustain this preliminary analysis).

Conclusion

In this paper I argued that iterativity is largely independent from aspect proper and analysed the phenomenon of iterative narratives — whole narrative sequences included under the scope of an iterative operator. Such inclusion is possible for all types of iterative semantics: cyclical, habitual, multiplicative, or distributive.

Perfective-type and imperfective-type aspectual markers (at least in French, Spanish, and Russian) in such contexts do not reflect, as they normally do, the aspectual status (presumably, synchronicity/non-synchronicity) of the single situation expressed in the same clause. Instead they reflect the aspectual status of the larger virtual complex situation of repetition of the whole narrative sequence, the latter being expressed by a series of clauses. Thus, perfective and imperfective must have in such contexts anomalously wide semantic scope, spanning over several clauses.

List of acronyms and glosses

AOR — aorist (perfective past); DELIM — delimitative; IPF — imperfect (imperfective past); IPFV — imperfective; PFV — perfective; P — predicated time; R — reference time; S — speech time; Sit — situation time.

References

- Genette 1972 — Gérard Genette. *Figures III*. Paris: Éditions du Seuil, 1972.
- Genette 1980 — Gérard Genette. *Narrative Discourse: An Essay in Method* (translated by Jane Lewin). Ithaca — New York: Cornell University Press, 1980.
- Gvozdanović 2012 — Jadranka Gvozdanović. *Perfective and Imperfective Aspect* // Robert I. Binnick (ed.). *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 781–802.
- Knjazev 2013 — Juriy Knjazev. *Источники неограниченно-кратной интерпретации несовершенного вида в русском языке: лексическое значение, способ действия, синтаксис* // Morgan Nilsson, Nadezjda Zorikhina Nilsson (eds.). *The semantic scope of Slavic aspect (Fourth Conference of the International Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists; University of Gothenburg, June 10–14, 2013)* — Abstracts. Gothenburg: Göteborgs universitet, 2013. Pp. 87–90.
- Riessman 1990 — Catherine K. Riessman. *Divorce Talk: Women and Men Make Sense of Personal Relationships*. New Brunswick — London: Rutgers University Press, 1990.
- Xrakovskij (ed.) 1997 — Viktor S. Xrakovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. Munich: Lincom Europa, 1997.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учебное пособие*. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова. *К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола* // Е. И. Грехова (ред.) *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию профессора Ю. С. Маслова*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 153–203.
- Храковский 2014 — В. С. Храковский. *Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узувальное / хабитуальное) значение?* // *Вопросы языкознания*. 2014. № 4. С. 3–12.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. *Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация* // В. С. Храковский (отв. ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.

КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ²⁴⁸

The paper examines the formal status of the Category of Aspect in Russian. Three interpretations of the category are analyzed: 1) Aspect as an inflectional category; 2) Aspect as a word classification category; and 3) Aspect as a hybrid category: verb pairs of the type *pisat'* – *napisat'* is a word classification category; and verb pairs of the type *zapisat'* – *zapisyvat'*, belongs to the inflectional category. Arguments are proposed in favor of the second interpretation

В современной славянской и соответственно в русской аспектологии немного базовых и к тому же тривиальных утверждений, с которыми, очевидно, согласны все специалисты. Перечислим их в довольно произвольном порядке, полагая, однако, что более частные утверждения следуют за более общими.

1. У глагола есть бинарная категория вида, иначе аспекта.

2. Каждый глагол является либо глаголом несовершенного вида (НСВ), либо глаголом совершенного вида (СВ). Картину не нарушает некоторое количество двувидовых глаголов (типа *казнить, телеграфировать*), которые в одних контекстах ведут себя как глаголы СВ, а в других – как глаголы НСВ. Ср.:

(1) а *Я телеграфировал (СВ) тебе из Риги на твою телеграмму* [Л.Вертинская. НКРЯ]
б *Наш посол в С.Петербурге телеграфирует (НСВ) каждый день, что ваше правительство берет верх* [В.Н.Коковцев. НКРЯ].

По некоторым подсчетам таких глаголов всего 3, 15% [Перцов 1998].

3. И глаголы НСВ, и глаголы СВ бывают как морфологически непроизводными, так и морфологически производными. Ср.: *читать, петь* – морфологически непроизводные глаголы НСВ, *перечитывать, запевать* – производные глаголы НСВ; *дать, обмануть, молвить* – морфологически непроизводные глаголы СВ; *продать, вымолвить* – морфологически производные глаголы СВ

4. Существуют три класса глаголов: основной класс образуют пары глаголов: один глагол СВ, другой – НСВ, которые являются видовыми партнерами, и при этом один глагол является морфологическим дериватом другого (типа *записать* → *записывать*, *писать* → *написать*).²⁴⁹ Два класса представляют непарные глаголы, т.е. «дефектные» по отношению к бинарной категории вида. В один (относительно большой) класс входят непарные глаголы НСВ (типа *мерцать, гулять, спать*), в другой (относительно небольшой) – непарные глаголы СВ (типа *грянуть рухнуть, хлынуть*).

5. Видообразование происходит с помощью двух деривационных морфологических механизмов: префиксального и суффиксального. Благодаря префиксальному механизму, который реализуется с помощью целого ряда приставок, от исходных морфологически непроизводных глаголов НСВ (типа *писать, петь*), чье аспектуальное значение детерминируется акциональным классом, к которому относятся эти глаголы, образуются производные глаголы СВ (типа *на-писать, за-писать, про-писать, пере-писать; на-жить, за-жить, про-жить, пере-жить; на-петь, за-петь, про-петь, пере-петь*). При этом в отдельных случаях, не детерминируемых какими-либо ясными правилами, некоторые производные глаголы СВ выступают в роли видовых партнеров исходных глаголов НСВ. Такую пару, например, составляют глаголы *писать* (НСВ) и *написать* (СВ).

²⁴⁸ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект №14-18-03406. Я чрезвычайно признателен А. Барентсену, с которым неоднократно обсуждал содержание этой работы и который прочитал ее текст как самый ответственный редактор. Я также благодарен А.К. Оглоблину и С.Ю. Дмитренко, которые ознакомились с рукописью и сделали ряд важных и конструктивных замечаний.

²⁴⁹ Мы оставляем сейчас в стороне вопрос о проблемных парах (типа *сидеть – посидеть*), которые признаются одними и отвергаются другими аспектологами. Мы также сейчас не останавливаемся на том, что аспектуальные отношения между членами в каждой паре бывают разными. [Булыгина, Шмелев 1989], ср. (*строить*: процессная фаза длительной ситуации – *построить*: результативная фаза длительной ситуации; *понимать*: результативная фаза моментальной ситуации – *понять*: моментальная ситуация).

Благодаря суффиксальному механизму, который реализуется с помощью всего двух суффиксов *-(u/ы)ва-* и *-а-*) от производных глаголов СВ в свою очередь образуются производные глаголы НСВ (типа *запис-ыва-ть*, *пропис-ыва-ть*, *перепис-ыва-ть*; *напе-ва-ть*, *запе-ва-ть*, *пропе-ва-ть*, *перепе-ва-ть*, *обуч-а-ть*), т.н. вторичные имперфективы, которые относительно регулярно, хотя, возможно, и не всегда, являются видовыми партнерами своих исходных глаголов СВ.²⁵⁰

6. И значение СВ, и значение НСВ нераздельно связаны с лексемой глагола [Гловинская 1982]. Иными словами, вид является лексически детерминированной категорией, и, таким образом, все формы одной лексемы, как финитные, так и нефинитные, являются видовыми формами. Соответственно у многозначного глагола вид может различным образом реагировать на разные лексические значения, т.е. на лексемы. Например, значение 'переместиться вниз' выражается парными глаголами *спуститься* (СВ) и *спускаться* (НСВ).

(2) а *Пока Медвежонок шел к окну, по лесенке спустился*(СВ) *уже второй инопланетянин* [С.Козлов.НКРЯ]

б *На каждом колодце я спускался*(НСВ) *первым, а ребята спускали*(НСВ) *мне на веревке сверху мешки* [И.Вольский. НКРЯ].

В то же время значение 'быть расположенным наклонно, постепенно понижаться' выражается только производным глаголом НСВ.

(3). *Берег обрывом спускался*(НСВ) *к морю* [М.Ю.Лермонтов. НКРЯ].

Тем самым вид отличается от других категорий глагола, в частности, от категории времени, которая есть не у всех нефинитных форм и реагирует на вокабулу, т.е. на все лексические значения многозначного глагола одинаковым образом.

Другие менее тривиальные, но очень важные базовые положения представляют своего рода болевые точки и являются дискуссионными. Так, несколько упрощая реальное положение дел, но, очевидно, несколько его не искажая, можно утверждать, что на принципиальный вопрос о формальном статусе категории вида предлагаются три ответа.

Первый ответ: вид – грамматическая, т.е. словоизменительная категория, тесно взаимодействующая с категориями времени и склонения и образующей вместе с ними триаду т.н. ТАМ-категорий. Четкая формулировка определения категории вида в рамках этого, можно сказать, традиционного подхода принадлежит Ю.С. Маслову: «Вид глагольный (в междунар. терминологии аспект) – грамматическая категория глагола, обобщенно указывающая, «как протекает во времени или как распределяется во времени» (А.М.Пешковский) обозначенное глаголом действие» [Маслов 1990: 83-84], ср. [Comrie 1976]. При таком подходе как видовые квалифицируются и пары: глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать – записывать*), и пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) (типа *писать – написать*).

Второй ответ: вид – словоклассифицирующая (словообразовательная) категория, в рамках которой «объединение двух глаголов разного вида в пару не означает в данном случае автоматического признания их формами одной лексемы, а свидетельствует скорее о существовании особенно тесных контекстных связей между ними, т.е. об их семантико-прагматической, а не грамматической близости» [Плунгян 2011: 409], ср. [Dahl 1985]. И в рамках данного подхода видовыми считаются как пары: глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) (типа *писать – написать*), так и пары: глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать – записывать*).

И третий ответ: вид в русском языке – своего рода гибридная категория, Видовые пары : глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) (типа *писать – написать*) относятся к словоклассифицирующей категории вида, тогда как пары глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) (типа *записать – записывать*) образуют собой грамматическую словоизменительную категорию вида. Мысль о том, что собственно грамматическую категорию вида в русском языке образуют только пары глагол СВ (производный перфектив) – глагол НСВ (вторичный имперфектив) принадлежит С.И. Карцевскому, который пары глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) считал тодько

²⁵⁰ С помощью этого механизма производные глаголы НСВ образуются и от морфологически непроданных глаголов СВ, ср.: *дать* → *да-ва-ть*, *обмануть* → *обман-ыва-ть*.

похожими на видовые и оставлял их за рамками категории вида.²⁵¹ В наши дни идеи С.И. Карцевского развивает Е.В. Горбова, которая в своей хорошо документированной работе [Горбова 2015], признавая словоклассифицирующий характер оппозиции глагол НСВ (первичный имперфектив) – глагол СВ (производный перфектив) и апеллируя к работам А.Барентсена [Barentsen 1985] и Х.Томмолы [Томмола 2008], полагает, что механизм образования вторичного имперфектива от перфектива «не затрагивает ни лексическое значение, ни валентностные свойства основы, сформированные с участием уже вошедших в нее префиксов, а также индифферентен к акциональности (префигированной) СВ-основы. Таким образом мы получаем морфологически четко обозначенную сферу действия грамматического (аспектуального по семантике) словоизменения русского глагола – суффиксальной вторичной имперфективации» [Горбова 2015: 31-32].

Оценивая эти три ответа и их *pro* и *contra*, я все же полагаю, что, как с типологической точки зрения, так и принимая во внимание конкретные факты русского языка, наиболее адекватным является второй ответ. Соответственно в этой работе, опираясь на уже известные аргументы и привлекая новые, я попытаюсь показать, что в русском языке видовые пары обоих типов, несмотря на различные морфологические механизмы их образования, относятся к единой словоклассифицирующей категории вида.

Вполне естественно в соответствии с высказанной точкой зрения, что я рассматриваю видовые пары: исходный глагол НСВ (первичный имперфектив) – производный глагол СВ (производный перфектив) типа *писать-написать* представителями словоклассифицирующей категории вида. В последнее время этот деривационный механизм хорошо изучен, см., например [Janda et al 2013, Татевосов 2013]. Кратко резюмирую полученные данные, более подробно останавливаясь на недостаточно акцентированных или неучтенных моментах. По подсчетам Л.Янды и ее сотрудников от 1429 бесприставочных исходных имперфективов, т.е. глаголов НСВ с помощью 16 приставок, которые в соответствии с принятой терминологией являются внутренними или лексическими, см., например [Татевосов 2013], образуется 1981 производный перфектив, т.е. глагол СВ. При этом 1041 имперфектив использует одну приставку, а 386 более одной. Полученные в результате деривации пары и являются видовыми в традиционном смысле слова в рамках словоклассифицирующей категории вида. Особый, давно дискутируемый вопрос – это вопрос о роли столь большого количества приставок в процессе видообразования, т.е. являются ли они собственно видовыми, иными словами, «пустыми» или же у них есть свое собственное значение, которое «накладывается» на лексическое значение исходного глагола или, может быть лучше, коррелирует с лексическим значением исходного глагола. Полагая, что первоначально все приставки имели то или иное лексическое значение, на данном этапе функционирования языка можно говорить о трех типах взаимодействия приставок с лексическим значением исходного глагола НСВ.

Первый случай. Этот случай вполне соответствует эффекту Вея-Схоневельда, открытому ими независимо друг от друга еще в середине прошлого века [Vey 1952; van Schoneveld 1958; 1978] и гипотезе наложения Л.Янды [Janda et al 2013]. В соответствии с с ними «значение перфективирующей приставки может быть частью значения глагольной основы, и в этом случае при перфективации оно как бы «гасится» основой. А остается заметным только грамматический компонент, связанный с приставкой – прежде всего предельность. Так приставка *под-* оказывается «чистовидовой» у тех глаголов, которые и сами по себе обозначают обработку объекта снизу или внизу (ср. *жарить* <на углях> или *мести* <пол>, но не, например, (*варить* <в воде> или *вытирать*)» [Плунгян 2012: 22-232]. В подобных примерах очевиден вклад приставки в значение производного перфектива.

Второй случай. Вклад приставки на первый (поверхностный) взгляд не ощущается, однако он обнаруживается при сопоставлении толкований значений исходного глагола и приставки. Продемонстрируем это явление на паре *учить – научить*. Лексема *учить* приблизительно толкуется

²⁵¹ Ср.: «Теоретически от каждого приставочного совершенного глагола 1-й ступени деривации может быть образована посредством вторичной суффиксации несовершенная параллель. Однако существуют совершенные глаголы, у которых нет соответствующей вторичной несовершенной формы, например, *сделать, сыграть, суметь, написать, посидеть, поцеловать* и т. д. Чаще всего они принадлежат к финальной разновидности и значение приставок этих глаголов обычно обобщено до такой степени, что глагол оказывается на пути к тому, чтобы стать простой грамматической параллелью совершенного вида к соответствующему исходному глаголу».[Карцевский 1927/1962: 228-229].

как 'давать знать, передавать знания'. Достаточно очевидно, что процесс, обозначаемый лексемой этого глагола, заключается в **увеличении количества** переданных знаний. Теперь обратимся к значению приставки *на-*. Принято считать, что по крайней мере одним из ее значений является то «что «изменение» достигается за счет **количественного накопления** действия» [Добрушина 2014: 57]. Вполне понятно, что в анализируемом случае суть процесса, составляющего значение лексемы исходного имперфективного глагола НСВ, и значение приставки *на-* коррелируют друг с другом, и именно благодаря этому производный глагол СВ становится видовым партнером исходного глагола

Третий случай. Конкретное значение приставки на данном этапе функционирования языка уже не ощущается, и она тем самым превратилась в чистовидовую. Такая ситуация наблюдается в парах типа *строить <дом>-построить <дом>, красить <забор>-покрасить <забор>*.

К изложенному следует добавить следующее соображение, которое, как нам кажется, не всегда принимается во внимание. Дело в том, что в деривационных процессах и, в частности, в процессе перфективации участвуют не просто приставка, и не просто исходный глагол НСВ, а приставка в определенном значении и глагол в определенном значении, поскольку и приставка и исходный глагол могут быть многозначными. В частности, уже упоминавшаяся приставка *по-*, выступая в роли внутреннего (лексического) префикса имеет либо «чистовидовое» значение, либо начинательное значение *побежать*, а выступая в роли внешнего (супралексического) префикса имеет либо делимитативное значение *постоять, попить <молока>*, либо дистрибутивное значение *позакручива ть <гайки>*, ср. [Аркадьев 2015].

Если, например, обратиться к анализу вокабулы исходного глагола НСВ (первичного имперфектива) *бить*, то она согласно МАСу включает 11 значений, иначе лексем. Соответственно в процессе перфективации каждая лексема участвует или не участвует скорее всего (хотя это не обязательно) индивидуальным образом. Перечислим эти значения в том порядке, как они даны в словаре, сокращая до необходимого и достаточного уровня информацию, содержащуюся в словарной статье.

1. Ударять, колотить. *Было слышно, как за порогом нетерпеливо бьет ногой по мерзлой земле и фыркает верховой конь*. Паустовский. *Косой дождь бьет по стеклам*. Короленко.

2. (сов.) побить *перех*. Наносить удары, побои; избивать. *Если вы бьете вашего ребенка, для него это во всяком случае трагедия*. Макаренко.

3. (сов.) побить *перех*. Наносить поражение, побеждать; одерживать верх в чем-л. *Бить врага*.

4. *перех*. Поражать, убивать выстрелом или ударом какого-л. оружия. *Острогой бьют щук и другую рыбу*. Аксаков.

5. *обычно по чему-кому*. Стрелять. *Неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину*. Л.Толстой. [*Револьвер*] *бьет на шестьсот шагов* Чехов.

6. *перех*. Дробить на мелкие части, размельчать. *Дети колхозников сидели на корточках и смотрели, как дорожники ловко бьют камни*. Лидин.

7. *во что*. Ударами производить звуки (стук, звон и т. п.). *Бить в чугунную доску*.

8. (сов. пробить) *перех*. и *без доп*. Издавать звуки, отбивать удары. *Часы бьют полночь*.

9. Вытекать стремительной струей; выбиваться с силой. *В саду били фонтаны*. Чехов.

10. *перех*. Трясти, вызывать дрожь. *Меня била нервная дрожь*. Бек.

11. *перех*. В некоторых ремеслах, производствах: изготовлять, делать что-л. особым образом. *Бить масло* (сбивать сливочное масло). [МАС 1981: 91-92].

Теперь, имея в своем распоряжении набор лексем, входящих в вокабулу глагола НСВ (первичного имперфектива) *бить*, хотя и не принимая на себя ответственность за адекватность выделенного набора, мы можем провести следующий эксперимент. Мы можем проверить, участвует или не участвует каждая из выделенных лексем в процессе перфективации, а если участвует, то какие приставки из списка Янды-Горбовой (*по-, с-, за-, о(б)-, на-, про-, вы-, раз-, из-, у-, в(о)з-, от-, при-, пере-, под-, в-, до-, над-, недо-, пре-, пред-*) присоединяет глагол с данной лексемой.

По нашему мнению, глагол *бить* в первом значении 'ударять, колотить' в процессе перфективации участия не принимает. Зато этот глагол в своем втором значении 'наносить удары, побои; избивать' активно участвует в процессе перфективации. С помощью приставки *по-* образуется его видовой партнер – глагол СВ *по-бить*. Кроме того, образуются следующие производные перфективы: *с-бить, за-бить, об-бить, на-бить, про-бить, вы-бить, раз-бить, из-бить, у-бить, вз-бить, от-бить, при-бить, пере-бить, под-бить, в-бить, до-бить, над-бить, недо-*

бить. У глагола *бить* в третьем значении ‘наносить поражение, побеждать; одерживать верх в чем-л.’, явно производном от второго значения, есть видовой партнер СВ, образуемый как и при втором значении с помощью приставки *по-* *по-бить*. Что касается значений с четвертого по седьмое, то глаголы, имеющие эти значения, по нашему мнению, в процессе перфективации участия не принимают. У глагола в восьмом значении ‘издавать звуки, отбивать удары’ есть видовой партнер - глагол СВ, образуемый с помощью приставки *про-* (*Часы пробили полночь*). У глагола в девятом значении ‘вытекать стремительной струей; выбиваться с силой’ есть перфективный партнер – глагол СВ, образуемый с помощью приставки *за-*, (*В саду били фонтаны* → *В саду забили фонтаны*). Глагол в десятом значении ‘трясти, вызывать дрожь’, как мы полагаем, участия в процессе перфективации не принимает. Что касается глагола *бить* в одиннадцатом значении, то у него есть перфективный партнер – глагол СВ, образуемый с помощью приставки *с-* (*бить масло* → *сбить масло*).

В результате проведенного анализа вырисовывается следующая картина. Из одиннадцати значений исходного имперфектива *бить* в процессе перфективации принимают участие только пять значений (второе, третье, восьмое, девятое и одиннадцатое). Видовые партнеры есть у глагола *бить* в трех значениях: втором, третьем и восьмом. Только перфективный партнер есть у глагола *бить* в девятом значении. Наибольшую активность в процессе перфективации принимает глагол *бить* во втором значении. У этого глагола помимо видового партнера СВ есть перфективные партнеры, образуемые восемнадцатью приставками из 21 приставки, представленных в списке Янды-Горбовой. Такая деривационная активность глагола *бить* во втором значении помимо всего прочего, безусловно свидетельствует о том, что это значение является основным значением данного глагола. Что касается остальных значений глагола *бить*, которые естественно считать периферийными или производными, то они по большей части не участвуют в процессе перфективации, а если и участвуют, то имеют по одному видовому или перфективному партнеру. Итоговый вывод таков. Принципиально неверно считать, что в процессе перфективации участвует исходный имперфектив, вокабула которого может включать различные наборы лексем. Реально в процессе перфективации участвует или не участвует глагол в конкретном значении, хотя можно предвидеть, что наибольшей способностью к перфективации обладает исходный имперфектив в своем основном значении. Этот вывод попутно свидетельствует о некоторой неадекватности тех статистических подсчетов, когда только фиксируется появление в тексте определенного глагола без учета его конкретного значения.

Теперь, после того, как мы кратко охарактеризовали видовые пары, образуемые глаголами НСВ (исходными имперфективами) и их партнерами глаголами СВ (производными перфективами), а кроме того, на примере глагола *бить* продемонстрировали тот деривационный процесс, в результате которого из исходных имперфективов образуются производные перфективы, мы можем перейти к относительно более подробному описанию деривационного морфологического механизма, посредством которого из глаголов СВ (по терминологии Л.Янды специализированных производных перфективов) с помощью суффикса *-(и/ы)/ва-* (стандартно) и суффикса *-а-* образуются, если можно так сказать, перфективные глаголы НСВ (вторичные имперфективы). Насколько я знаю, у специалистов нет разногласий в том, что этот механизм в основном служит для образования видовых пар (исходный глагол СВ – производный глагол НСВ типа *переписать* – *переписывать*, *вбежать*-*вбегать*) и в том, что у глаголов в этих парах одно лексическое значение, а отличаются они друг от друга лишь аспектуально. Глаголы СВ обозначает событие, а глаголы НСВ обозначают либо то же событие, но мультиплицированное, либо, если событие не моментальное, то – процессную составляющую (срединную фазу) события. Ср.

3. а *Он собственноручно переписал свою книгу, а возможно и исполнил часть иллюстраций* [А.Домбровский. НКРЯ]

б *Андрей Коробов невозмутимо, медленно и небрежно переписывает* присланную ему *шпаргалку* [Г.Полонский, Н.Долинина. НКРЯ].

в *Ираньше Алексей Кудрин обвинял Михаила Касьянова в том, что его аппарат постоянно переписывает* бумаги вице-премьеров [В. Яковлев. НКРЯ].

4. а *Помедлив, он вбежал в болото, сразу погрузившись в него по бедра* [В.Быков. НКРЯ].

б *Ежедневно в полдень Пакин рысцой вбегал в темный партер, улыбаясь от ужаса и неся в руках калоши* [М.Булгаков. НКРЯ].

Обсуждается лишь проблема формального статуса этих видовых пар. Образуют ли подобные пары грамматическую (словоизменительную) категорию вида или же речь должна идти о словоклассифицирующей (словообразовательной) категории вида.²⁵²

Включаясь в эту дискуссию, мы предварительно попытаемся внимательно рассмотреть глаголы СВ (производные перфективы), от каждого из которых, как принято считать, может быть образован производный глагол НСВ (вторичный имперфектив). В результате проведенных исследований, см. в частности, [Татевосов 2009], было установлено, что эти перфективы, будучи производными первичных имперфективов, являются по сравнению с ними самостоятельными лексическими единицами, которым присуща своя актантная структура, которая может тем или иным образом отличаться от актантной структуры производящих имперфективов.

Вместе с тем необходимо учитывать, что эти формально самостоятельные лексические единицы могут быть как однозначными, так и многозначными, обладают разными возможностями реального образования вторичных имперфективов, а главное, в определенных случаях образуемые вторичные имперфективы, если, конечно, это действительно вторичные имперфективы, являются не аспектуальными партнерами исходных перфективов, а представляют собой самостоятельные лексические единицы. В принципе, никоим образом не претендуя на теоретическую значимость предлагаемой классификации, рассмотрим по порядку следующие группы производных перфективов:

1. Эта группа включает, если можно так сказать, стандартные однозначные перфективы, от которых образуются и стандартные имперфективы. К этой группе, например, относятся приведенные выше глаголы *переписать* и *вбежать*.

2. Данную группу представляют однозначные перфективы типа *поползти*, *проморгать*, от которых вторичные имперфективы не образуются, ср. [Janda et al 2013].

3. В эту группу входят перфективы, вокабула которых включает как минимум два значения, т.е. две лексемы. Одна лексема представляет собой видовой партнер исходного первичного имперфектива, от которого образован данный перфектив, а вторая является самостоятельной и образует вторичный имперфектив со стандартным значением. Имеются в виду перфективы типа *пробить*. Глагол СВ *пробить* является видовым партнером исходного глагола НСВ *бить* в 9 значении. Ср.

(5) а *Стоит он так очень долго. И вот уже часы **бьют** одиннадцать* [Э.Радзинский. НКРЯ].

б *В это время часы **пробили** девять ударов* [В.Давыдов].

Употребления глагола *пробивать* в этом значении, во всяком случае, в НКРЯ, не зафиксировано.²⁵³

Вторая лексема – это самостоятельный переходный глагол, у которого, как минимум, два значения. Одно значение реализуется в примерах типа (6а), а второе, производное – в примерах типа (6б):

(6) а *В ходе работ сантехник случайно **пробил** сквозную дыру примерно 50 x 50 в стене между кухней и ванной* [Е.Волкова. НКРЯ].

б *Он **пробил** специальные пенсии по аналогии с билетными* [И.Э.Кио. НКРЯ].

В обоих случаях стандартным образом образуется вторичный имперфектив. См. (7а) и (7б):

(7) а *Ну, кто из Васиного класса знает, что грачи пятого марта прилетают, а к двадцатому числу щука на реке лед хвостом **пробивает**?* [М.Елизаров. НКРЯ].

б *А как вы относитесь к обязательному страхованию жилья, эту идею **пробивает** председатель Госстора г-н Кошман?* [Н.Зорина. НКРЯ].

4. Вокабула перфективов данной группы содержит, очевидно, несколько различных лексем. Одна лексема, можно думать, не имеет стандартного вторичного имперфектива, см. (8а). У другой есть стандартный вторичный имперфектив, см. (8б) и (8в). Вместе с тем у вторичного имперфектива

²⁵² По мнению Е.В.Горбовой словоизменительный характер процесса вторичной имперфективации не ставится под сомнение [Горбова 2015: 19]. Однако, на наш взгляд, это слишком сильное утверждение. Приведу в этой связи совсем недавно опубликованное высказывание: «Видовое различие никогда не различает формы слова, но сообщает о словообразовательных отношениях» [Милославский 2015: 13],

²⁵³ Отметим, что в НКРЯ фраза *Часы пробили* имеет 164 вхождения, фраза *Часы бьют* - 62 вхождения, а фразы – *Часы пробивают* и *Часы пробивали* – ноль вхождений

есть еще одно дополнительное лексическое значение, которое не детерминируется семантикой исходного перфектива и стандартными правилами вторичной имперфективации, см. (8г). Данную группу представляют перфективы типа *пережить*:

(8) а *Абрамович не только пережил Ельцина, но при Путине благополучно расширил свою империю* [Н.Вардуль. НКРЯ].

б *Он легко пережил переезд* [А.Варламов. НКРЯ].

в *Российский фондовый рынок переживает бурный рост* [О.Максимова. НКРЯ].

г *Я совершенно точно знаю, что переживает он сильно* [И.Э.Кио].²⁵⁴

5. Эта группа включает перфективы, у которых формально есть соотносительные вторичные имперфективы, лексическое значение которых однако не детерминируется семантикой исходных перфективов и стандартными правилами вторичной имперфективации. Имеются в виду пары типа *заиграть-заигрывать*, см. (9), *раздумать-раздумывать*, см. (10), *замолчать-замалчивать*, см. (11):

(9) а *Держер взмахнул палочкой. Оркестр заиграл «Сентябрь в Париже»* [С.Довлатов. НКРЯ].

б *Какой-то молоденький усатый доктор заигрывал с одной из медсестер* [В.Валеева. НКРЯ].

(10) а *Капитан говорил тяжело, трудно, с перерывами, будто он уже замолчал, а потом молчать раздумал* [И.Грекова. НКРЯ].

б *Последнее время Планк много раздумывал над могуществом веры* [Д.Гранин. НКРЯ].

(11) а – *Ирина ничего не понимала. Джамал замолчал* [В.Токарева. НКРЯ].

б *Поскольку партийная дисциплина свята, КПРФ эти проблемы тщательно замалчивает, то есть не выносит сор из избы* [А.Тарасов. НКРЯ].

Теперь, после того как мы, хотя и очень конспективно, познакомились с некоторыми, очевидно не всеми группами производных перфективов, построенных с помощью первого морфологического механизма, и которые в соответствии с принятыми теоретическими установками служат базой для построения вторичных имперфективов, у нас есть достаточный фактический материал, который дает возможность предложить, на наш взгляд, адекватную семантическую интерпретацию глагольных пар: глагол СВ (производный перфектив - глагол НСВ (вторичный имперфектив)).

Собственно говоря, для словоизменительной трактовки видовой корреляции указанных пар предлагается всего два критерия. Первый критерий – регулярность образования. По подсчетам Л.Янды [Janda et al. 2013] от 1981 исходной единицы, как показывает НКРЯ, образуется 37% вторичных имперфективов, тогда как по данным поисковой системы Google образуется уже 77% вторичных имперфективов.²⁵⁵

Прежде чем дать оценку того, насколько этот критерий в принципе может использоваться для решения вопроса о словоизменительной природе видовых пар: производный перфектив – вторичный имперфектив, отметим причину столь серьезного, но вполне объяснимого расхождения в цифрах, которое демонстрируют НКРЯ и поисковая система Google. Дело в том, что в принципе НКРЯ ориентирован на кодифицированный литературный русский язык, т.е. на существующую норму, а не на систему, которая включает употребления, отвергаемые нормой. Разумеется, нельзя исключить того, что в НКРЯ могут отсутствовать употребления, допускаемые нормой, но фиксируемые поисковой системой Google, однако в то же время поисковая система фиксирует и различные употребления, отвергаемые нормой. В целом, поскольку мы исследуем и описываем кодифицированный литературный язык, то целесообразней ориентироваться на цифры НКРЯ и оставлять за рамками исследования горячо обсуждаемые примеры типа *разбуживать* и *написывать*, которые, как я думаю, и защитники этих примеров не станут их приводить в курсе литературного русского языка для иностранцев.

Теперь, переходя к сути дела, отметим, что приводимые цифры на самом деле не могут служить критерием словоизменительной трактовки пар производный перфектив – вторичный

²⁵⁴ См. также примеры (2) и (3).

²⁵⁵ Насколько я знаю, в языкознании отсутствует общепринятое определение понятия регулярности, ср. [Пиперски 2014]. По этой причине, когда говорят, что «вторичные имперфективы образуются регулярно», то следовало бы указать, с какой процентной цифры в принципе начинается порог или мера регулярности и, разумеется, дать обоснование предлагаемой цифры.

имперфектив. Дело в том, что в грамматике наряду с принципом обязательности выражения словоизменительных категорий существует принцип обязательной мотивации существующих запретов. Скажем, мы знаем, почему у одних глаголов форма императива употребляется, а у других не употребляется. Мы знаем, у каких глаголов есть форма пассивного залога, а у каких ее нет. Мы также знаем, в каких случаях у глагола нет форм 1 и 2 лица. В данном же случае мы только знаем, сколько и какие производные перфективы имеют соотносительные имперфективы и абсолютно не знаем, почему остальные производные перфективы соотносительных вторичных имперфективов не имеют. Добавим к этому, что приводимые статистические данные в принципе не вполне корректны. Они учитывают лишь то, что одной формальной исходной единице соответствует другая производная единица. Однако они не учитывают того случая, когда исходная формальная единица многозначна, и одному значению этой единицы соответствует производная формальная единица, а другому ее значению эта производная формальная единица не соответствует. Мы имеем в виду производные перфективы типа *просмотреть*. У данного глагола СВ МАС отмечает два значения: 1. Ознакомиться с содержанием чего-л., проглядывая, прочитывая, см. (12а), 2. Смотря, следя за кем-л., чем-л., не заметить, пропустить, см. (12б):

(12) а *Генерал **просмотрел** положенные перед ним бумаги* [В.Гроссман. НКРЯ].

б *За потерю бдительности (а как же – я **просмотрел** родного брата и отказался признать его виновным) меня исключили из комсомола* [С.Алешин. НКРЯ].

Производный глагол НСВ (вторичный имперфектив) как будто бы имеет только первое значение:

(13) *Брат-сташеклассник **просматривает** дневник сестры, а она разогревает суп и кормит его обедом в отсутствие мамы* [Н.Усольцева. НКРЯ].

Таким образом, статистика не учитывает того обстоятельства, что у производного перфектива в одном из двух значений нет соотносительного вторичного имперфектива.

Другой критерий, как мы уже отмечали выше, сводится к тому, что с помощью второго деривационного механизма исходный перфектив стандартным образом преобразуется во вторичный «перфективный» имперфектив. Перфектив обозначает событие, а имперфектив, сохраняя лексическое значение и валентность производящего глагола, меняет только его акциональную характеристику: то есть всегда может обозначать мультиплицированное событие, ср. (14а) и (14б) а если событие – не моментальное, то может также обозначать процессную составляющую (срединную фазу) этого события, см. (14в):

(14) а *Петя **обычно приходит** к нам по утрам.*

б *Петя по утрам **обычно просматривает** газеты.*

в *Петя **сейчас просматривает** газеты.*

Хотя во многих случаях указанное правило действительно работает, есть и такие случаи, которые нельзя истолковать с помощью этого правила. В частности, выше мы выделили 4-ю группу перфективов, особенность которой состоит в том, что образуемые вторичные имперфективы не только выступают как аспектуальные партнеры исходных перфективов, но наряду с этим имеют и самостоятельное лексическое значение, т.е. выступают как лексемы, которые не являются аспектуальными партнерами исходных перфективов, см. примеры (2)-(3) и (8). Наличие таких примеров, насколько мы можем судить, не укладывается в словоизменительную концепцию видовой корреляции исходный перфектив – вторичный имперфектив и требует иного истолкования. И уж совсем противоречит словоизменительной концепции видовой корреляции исходный перфектив – вторичный имперфектив выделенная выше 5-я группа перфективов. Ее особенность состоит в том, что построенные по стандартным правилам вторичные имперфективы не являются аспектуальными партнерами исходных перфективов, а представляют собой самостоятельные лексемы, см. примеры (9)-(11).²⁵⁶

Изложенные факты, по нашему мнению, либо свидетельствуют о несостоятельности словоизменительной концепции видовой корреляции перфектив – вторичный имперфектив, либо по меньшей мере требуют такой ее модификации, которые бы позволили совместить ее основную идею с приведенными фактами, которые, если мы не ошибаемся, противоречат этой идее.

²⁵⁶ В принципе нельзя исключить того, что имперфективы в примерах (9)-(11) не являются вторичными имперфективами, образованными от исходных перфективов, а имеют другую деривационную историю.

Вместе с тем мы хотим обратить внимание на следующее обстоятельство. Если все-таки рассматривать члены пар перфектив – вторичный имперфектив видовыми партнерами в рамках словоизменительной категории вида, то тогда возникает вопрос о том, какая форма глагола, имеющего эту категорию вида, должна представлять этот глагол в словаре? Стандартной формой, представляющей глагол в словаре является инфинитив. Но у глагола, имеющего словоизменительную категорию вида два инфинитива: один инфинитив СВ, а другой - НСВ. Выбирать между этими двумя формами не просто, поскольку, как было показано выше, соотносительные перфективы и вторичные имперфективы могут иметь разные наборы лексем. Лексикографическая практика всегда учитывала это обстоятельство и всегда представляла в словарях видовые корреляты СВ и НСВ как самостоятельные слова, хотя и указывала при каждом члене видовой пары и его видового партнера. Важно подчеркнуть, что этот принцип положен и в основу словаря, который составлен с учетом особенностей грамматической системы русского языка. «Члены видовой пары глаголов рассматриваются как самостоятельные слова (каждое со своей парадигмой)» - подчеркивает А.А. Зализняк, характеризуя особенности своего словаря [Зализняк 1977: 6]. В этом определении теоретически важным представляется указание на то, что у каждого члена видовой пары своя парадигма. Иными словами, если придерживаться словоизменительной трактовки вида, то из этого следует, что у глагола следует различать два типа грамматических категорий. К первому типу относится только категория вида, которая свойственна всем формам глагола, как финитным, так и нефинитным, при этом одни формы являются формами СВ, а другие – формами НСВ, В свою очередь у форм каждого вида есть своя парадигма остальных грамматических категорий уже другого уровня (наклонение, время, залог, лицо, число), которые имеются не у всех форм каждого вида. При этом парадигмы этих категорий каждого вида могут не совпадать как по составу, так и по способу образования. Указанную особенность легко продемонстрировать сопоставляя парадигмы временных форм СВ и НСВ: у СВ две временные формы (прошедшего и будущего времени), у НСВ три временных формы (прошедшего, настоящего и будущего времени), временные формы СВ не являются аналитическими, форма будущего времени НСВ - аналитическая.

Из всего изложенного следует простой вывод. Словоизменительная концепция вида учитывает не все реально существующие факты языка и создает определенные трудности, как для теоретического описания устройства глагольного слова, так и при решении вопроса об адекватной подаче глагола в словаре.

Еще один, правда, косвенный, но очень важный аргумент в пользу словоклассифицирующей природы русского вида заключается в том, что вид как словоклассифицирующая категория может комбинироваться в языке с видом как словоизменительной категорией

Такое явление, как известно, наблюдается в южнославянских языках, в частности в болгарском, где, например, противопоставленные друг другу словоизменительные видовые формы прошедшего времени аорист и имперфект бывают как СВ, так и НСВ [Маслов 1984, Ницолова 2008].

Ср. приводимые ниже примеры употребления этих форм болгарской видовой пары, соответствующей русской видовой паре *написать – писать*.²⁵⁷

Аорист СВ обозначает единичную (или неоднократную) конкретную ситуацию. Эта форма является вполне употребительной:

(15) а. *Когато последния път му написах: AOR.PFV.1SG писмо, той не ми отговори*
‘Когда в последний раз я ему написал письмо, он мне не ответил’.

б *Тази седмица няколко пъти му написах: AOR.PFV.1SG за нашата ситуация, но все още няма мникакъв отговор от него.*

‘На этой неделе я несколько раз (на)писал ему о нашей ситуации, но все еще никакого ответа нет’.

в *Написах: AOR.PFV.1SG му писмо*

‘Я написал ему письмо’.

Аорист НСВ обозначает длительную, но ограниченную временными рамками (лимитативную) ситуацию. Эта форма относительно редко встречается в текстах:

(16) а. *Вчера му писах: AOR.IPFV.1SG за нашата ситуация, но все още няма мникакъв отговор от него.*

²⁵⁷ За консультацию по болгарскому языку и приводимые ниже примеры я благодарю Е.Ю.Иванову.

‘Я вчера ему (на)писал о нашей ситуации, но все еще никакого ответа от него нет’.

б. *Когато последния път му писах*:AOR.IPFV.1SG *писмо, той не ми отговори*

‘Когда в последний раз я ему писал письмо, он не ответил’.

Имперфект СВ обозначает многократное повторение единичной ситуации с акцентом на завершенности каждой повторяющейся ситуации. Эта форма употребляется относительно редко:

(17) *Всеки път, когато му напишех*:IMP.PFV. 1SG *за своите проблеми, той се дразнеше*

‘Каждый раз, когда я ему писал о своих проблемах, он раздражался’.

Имперфект НСВ обычно обозначает процессное значение:

(18) а *Когато пишех*:IMP.IPFV.1SG *тази история, целта ми беше тройка: [...]*

‘Когда я писал эту историю, у меня была тройкая цель’/

Кроме того имперфект обозначает неограниченное повторение единичной конкретной ситуации

б *Пишех*:IMP.IPFV. 1SG *му писмата всеки ден.*

‘Я писал ему письма каждый день’.

в *По времето, когато му пишех*:IMP.IPFV. 1SG *писма, никога не ми отговаряше и спрех да му пиша.*

‘В тот период, когда я ему писал письма, он никогда мне не отвечал, и я перестал ему писать’.

Теперь мы, по возможности кратко, остановимся еще на одной болевой точке русской аспектологии. Речь пойдет об аспектуальных тройках состоящих из исходного имперфектива, приставочного перфектива и вторичного имперфектива, например, *читать – прочитать – прочитывать*, которым уделяется довольно большое внимание в аспектологической литературе [Апресян 1995,1997; Петрухина 2000, 2009; Зализняк, Шмелев 2000; Ясаи 2001; Томмола 2008; Зализняк и др. 2010; Татевосов 2010; Зализняк, Микаилян 2011; Янда 2012, Горбова 2014, 2015; Janda et al. 2013]. Мне тоже приходилось писать о конвенциональных или о т.н. «образцовых» тройках, см. [Храковский 2005, 2006]. В этих работах я анализировал всего три тройки: *читать — > прочитать —> прочитывать, есть —> съесть —> съесть, пить —> выпить —> выпивать*..Тогда удалось выяснить, что лексемы глаголов НСВ (имперфективов), входящих в эти тройки, незначительно отличаясь аспектуальными характеристиками, которые дополняют друг друга, вместе оппонируют глаголу СВ (приставочному перфективу), ср. [Янда 2012: 36].

Проблема, которая многие годы обсуждается аспектологами, заключается в следующем. Нарушают ли эти тройки представления о бинарном устройстве категории вида в русском языке? Различные подходы и предлагаемые решения обсуждались в моих работах и во многих других работах. Очень подробно эта проблема рассматривается, в частности, в работах [Горбова 2014, 2015], в которых, кстати говоря, автор, придерживаясь словоизменительной трактовки категории вида, настаивает на том, что видовую пару образуют только перфектив и вторичный имперфектив. Первичный имперфектив тем самым, выводится за рамки видового противопоставления, что в принципе в значительной степени увеличивает число глаголов, не входящих в видовые пары.

Я же в свою очередь, как и многие другие авторы [Ясаи 2001; Петрухина 2009], считаю, что конвенциональные тройки не колеблют бинарное устройство видовой системы русского глагола. Дело в том, что первичный и вторичный имперфективы в этих тройках как я уже сказал, имеют взаимодополняющие друг друга аспектуальные характеристики. Поэтому совсем не случайно эти глаголы в словарях толкуются практически одинаковым образом. Реально у первичного имперфектива стандартно есть все основные аспектуальные значения, которые в принципе имеют глаголы НСВ и к тому же он может употребляться как с прямым дополнением, так и без него. Фактически первичный имперфектив сам по себе мог бы быть единственным видовым партнером соотносительного перфектива, как это имеет место в парах типа *писать – написать*. Поэтому можно понять логику Ю.Д.Апресяна, когда он в подобных тройках считал видовой парой первичный имперфектив и перфектив (*читать – прочитать*), а вторичный имперфектив (*прочитывать*) рассматривал как *imperfectiva tantum* [Апресян 1997: 15].

Заметим, что в известном смысле перфектив ближе к первичному имперфективу, поскольку он обозначает событие, завершающее процесс, обозначаемый первичным имперфективом. Ср.:

(19) *Юра долго рассказывает, какие блюда он ел в этом доме, и как много он лично съел* [Фазиль Искандер. НКРЯ].

В этом предложении заменить первичный имперфектив вторичным нельзя. На наш взгляд, это противоречит норме.

В то же время в соответствии с критерием Ю.С.Маслова на роль видového партнера перфектива претендуют разные имперфективы, поскольку у разных глаголов либо тот, либо другой имперфектив заменяет перфектив при употреблении в настоящем историческом и в итеративных контекстах [Зализняк, Шмелев 2000]. Ср.:

(20) а *Вчера Иванов пришел домой, разделся, вымыл руки, сел за стол, съел ужин, прочитал письмо и лег спать*

б *Вчера Иванов приходит домой, раздевается, моет руки, садится за стол, ?ест/съедает ужин, читает/?прочитывает письмо и ложится спать*

в *Каждый день Иванов приходит домой, раздевается, моет руки, садится за стол, ?ест/съедает ужин, читает/?прочитывает письмо и ложится спать*

Однако, как известно, есть еще один диагностический контекст, в котором перфектив замещается соотносительным имперфективом. Речь идет о повелительных предложениях с императивом СВ, в которых при добавлении отрицания императив СВ стандартно или почти стандартно заменяется императивом НСВ, ср. *прочитай записку* —> *не читай* / **не прочитывай записки*, *съешь ужин* —> *не ешь* / **не съедай ужин*, *выпей сок* —> *не пей* / **не выпей сок*. Иными словами, запрет исполнения действия выражается с помощью императива исходного глагола НСВ, что должно свидетельствовать, если мы в принципе доверяем операционным критериям, о том, что исходный глагол НСВ должен рассматриваться как видовой партнер приставочного глагола СВ.

Однако следует ли из сказанного, что императивы производных «вторичных» имперфективов в принципе не употребляются в соотносительных прохибитивных предложениях? Нет, не следует. Эти императивы, хотя и редко, но употребляются в соотносительных прохибитивных предложениях, где им присуще, пожалуй, значение предостережения, которое стандартно выражают глаголы СВ. Например, в НКРЯ есть всего два примера с формой *не съедай*. Вот один из них:

(21) *Помню, она говорила «Не съедай хлеб, еще до того как принесут мясо!»* [А.П.Ладинский. НКРЯ].

Вхождений формы *не ешь* 289, однако у этой формы помимо прохибитивного значения есть и отрицательное и вопросительное значение, поэтому точное число вхождений с прохибитивным значением я назвать не могу, но определенно их много больше по сравнению с двумя вхождениями формы *не съедай*. Приведу один пример с формой *не ешь*::

(22) - *Не ешь все, лучше потом съешь, потом* [В.Т.Шаламов. НКРЯ].

В целом же вторичный имперфектив по сравнению с первичным имперфективом имеет ограничения и в семантике (выражает прежде всего т.н. «тривиальные» значения: итеративное, изобразительное и относительно редко «нетривиальное» актуально-длительное, и в синтаксисе (не может употребляться без прямого дополнения, если это переходный глагол), но в отличие от первичного имперфектива он наследует перфективную семантику от исходного приставочного перфектива и переносит ее в класс имперфективов, для которого такая семантика вообще-то говоря не естественна. Еще одна важная специфическая черта вторичного имперфектива заключается в том, что для него в отличие от первичного имперфектива очень характерны переносные употребления. Ср.:

(23) *Новая модель съедает продажи близкой по классу машины, а вместо прибыли растут затраты* [А.Фомин. НКРЯ].

Похожая особенность наблюдается и в тройках, образованных первичным непереходным имперфективом типа *мерзнуть – замерзнуть – замерзать*. И первичный имперфектив, и перфектив прежде всего обозначают ситуацию, происходящую с людьми. Ср.

(24) а *«Какая самоотверженная девчонка – хвалит он меня- сама мерзнет, а мне кофту отдает* [Н.Шмелькова. НКРЯ];

б]; *Я сильно замерз, устал и наглотался воды* [Фазиль Искандер. НКРЯ].

Вторичный имперфектив чаще обозначает ситуации, которые происходят не с людьми. Ср.:

(25) *Свыше пятидесяти пяти градусов – плевков замерзает на лету* [В.Т.Шаламов. НКРЯ].

Вывод очевиден. Сделанные, правда довольно разрозненные наблюдения позволяют считать, что первичный и вторичный имперфективы в конвенциональных тройках не исключают, а дополняют друг друга. У этих глаголов дополняющие друг друга наборы аспектуальных значений, которые в совокупности в принципе может иметь глагол НСВ.

В целом итоговое содержание нашей статьи можно резюмировать с помощью следующих простых утверждений.

1. Категория вида в русском языке является словоклассифицирующей, независимо от того, с помощью какого из двух возможных морфологических деривационных механизмов осуществляется видообразование.

2. В процессах видообразования первичные имперфективы, производные перфективы и вторичные имперфективы участвуют не как формальные единицы, а как глаголы с определенным лексическим значением.

3. Лексемы первичного и вторичного имперфективов в конвенциональных тройках можно рассматривать как варианты одной гиперлексемы и соответственно такие тройки не нарушают бинарный принцип устройства видовой системы.

Литература

- Апресян 1995 - Ю.Д. Апресян. Трактровка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры. 1995. С. 103-114.
- Апресян 1997 - Ю.Д. Апресян. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Т. 2, М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 7-20.
- Аркадьев 2015 - П.М. Аркадьев. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Булыгина, Шмелев 1989 - Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31 – 54.
- Гловинская 1982 - М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Горбова 2014 - Е.В. Горбова. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной трактовке вида // Труды института лингвистических исследований. Т. X, часть 3. СПб.: Наука, 2014. С. 181 – 211.
- Горбова 2015 - Е.В. Горбова. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания, 2015, № 1. С. 7-37.
- Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014 - 270 с.
- Зализняк 1977 - А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка, М.: Русский язык. 1977.
- Зализняк, Шмелев 2000 - Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М.: «Языки русской культуры», 2000.
- Зализняк Анна А., Микаилян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010, № 1. С. 3-23.
- Карцевский 1962 - С.И. Карцевский. IV. Вид // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. Литературы, 1962. С. 218-230.
- МАС 1981 – Словарь русского языка. Т. I, М.: Русский язык, 1981.
- Маслов 0000 - Ю.С. Маслов. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 83-84.
- Милославский И.Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Известия РАН. Серия литературы и языка, том 74, № 1, с. 11-18
- Ницолова 2008 - Р. Ницолова. Българска граматика. Морфология. София: Университетско издателство «СВ. Климент Охридски», 2008.
- Перцов 1998 - Н.В. Перцов. Русский вид: словоизменение или словообразование // Типология вида. М.: Языки русской культуры. 1998. С. 343-355.
- Петрухина 2000 - Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Издательство Московского университета, 2000.
- Петрухина 2009 - Е.В. Петрухина. Русский глагол: категория вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М.: МАКС Пресс, 2009.
- Пиперски 2014 - А.Ч. Пиперски. К формализации понятия «регулярность» // Одиннадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб.: «Нестор-История», 2014. С. 125-127
- Плунгян 2011 - В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические

- системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян 2012 - В.А. Плунгян. Предисловие // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследования. Т. VIII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. С. 7-42.
- Татевосов 2009 - С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // *Корпусные исследования по русской грамматике*. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92-156.
- Татевосов 2010 - С.Г. Татевосов. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследования. Избыточность в грамматическом строе языка. Т. VI. Ч. 2, СПб.:Наука, 2010. С. 299-321.
- Татевосов 2013 - С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // *Вопросы языкознания*, 2013, № 3. С. 42-89.
- Томмола 2008 - Х. Томмола. Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации частоты пары // *Humaniora Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Изд-во Тартуского ун-та 2008. С. 218-232.
- Храковский 2005 - В.С. Храковский. Аспектуальные тройки и видовые пары // *Русский язык в научном освещении*. 2005, № 9. С. 46-59.
- Храковский 2006 - В.С. Храковский. Аспектологические заметки // *Филология. Русский язык. Образование*. Сборник статей, посвященных юбилею проф. Л.А.Вербицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 202-213.
- Янда 2012 - Л.А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов // *Вопросы языкознания*, 2012, № 6. С. 3-47.
- Ясаи 2001 - Л. Ясаи. О специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // *Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 106-118.
- Barentsen 1985 - A.A. Barentsen. 'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie *poka*. Over betekenis en gebruik van enkele en vormen in moderne Russisch. Academicsh proefschrift. Amsterdam: University of Amsterdam? 1985.
- Comrie 1976 - B. Comrie *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge U. Press, 1976.
- Dahl 1985 - Ö. Dahl. *Tense and aspects systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Janda et al. 2013 - L.A., Janda, A. Endresen., J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nettet, S. Sokolova. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica Publishers Indiana University. 2013.
- Van Schooneveld 1958 - C.H. Van Schooneveld. The so-called 'preverbs *vides*' and neutralization // *Dutch contributions in the Fourth international congress of slavists, s²-Gravenhage: Mouton?* 1958, P. 159-161.
- Van Schooneveld 1978 - C.H. Van Schooneveld. *Semantic transmutations: Prolegomena to a calculus of meaning/ Vol/ 1: The cardinal semantic structure of prepositions, cases, and paratactic conjunctions in contemporary standard Russian*. Bloomington: Phylssardt, 1978.
- Vey 1952 - M. Vey. Les préverbes '*vides*' en tchèque moderne // *Revue des études slaves* ? 29 ? 1952. P. 82-107.

ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С АКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА).

The article discusses Swedish periphrastic constructions with the telic verbs *få* 'receive' and *komma* 'come' and the infinitive of atelic verbs, used with animate semantic subjects only. Their actional semantics is based on the lexical meanings of their first components: *få* + inf. denotes efficient result; *komma* + inf. denotes accident or unexpected beginning of a continuous or momentary action.

Одной из конструктивных особенностей шведского глагола является способность к образованию «глагольных цепочек» со спрягаемым первым компонентом и следующими за ним одной или несколькими формами инфинитива с частицей *att* или (чаще) без неё [Bolander 2004: 124-125; Hultman 2008: 289; Jörgensen, Svensson 1993: 73-74; Lindberg 1980: 75-80]. Для выражения различных фаз и аспектуальных способов действия используются перифрастические конструкции с предельными перфективно-результативными глаголами *få* 'получать' и *komma* 'прибывать'.

Få употребляется с инфинитивом только в высказываниях с одушевленным смысловым субъектом и имеет широкую модальную семантику обусловленной внешними обстоятельствами возможности и/или необходимости осуществления процесса, основанную на переосмыслении лексического значения: *få möjlighet* 'получить возможность', *få tillfälle* 'получить случайную возможность', *få tillåtelse* 'получить разрешение', *få lov* 'получить позволение' (чаще в формулах вежливости)²⁵⁸. Разграничение этих значений осуществляется средствами контекста, хотя граница между ними, как отмечают шведские исследователи, является несколько размытой [Beckman 1964: 171-172; Hulthén 1944: 154; Lindberg 1980: 79]:

– возможность, обусловленная внешними обстоятельствами, главным образом, когда инфинитив основного глагола обозначает процесс, осуществляемый в интересах смыслового субъекта:

- (1) *Alla människor måste få tala,*
весьPL человекPL долженPRS получатьINF говоритьINF
*höras, inte glömmas bort.*²⁵⁹
слышатьINF.PASS NEG забыватьINF.PASS прочьADV

‘Все люди должны иметь возможность говорить, быть услышаны, не быть забыты’;

– разрешение (чаще в вопросе):

- (2) *Får jag störa dig*
получатьPRS 1SG беспокоитьINF 2SG.OBJ
ett ögonblick? [Svensk ordbok 1999: 334]
ART.SG.N.INDF мигSG.N

‘Можно мне тебя побеспокоить на минутку?’

– запрет (при отрицании):

- (3) *Vi fick inte vara ute och*
1PL получатьPRT NEG бытьINF снаружиADV и
leka på kvällarna. [Teleman и др. 1999: 295]
игратьINF на вечерPL.CM.DEF

‘Нам не разрешали быть на улице и играть по вечерам’.

– вынужденная необходимость, обусловленная внешними обстоятельствами (‘пришлось’), когда выраженный инфинитивом основного смыслового глагола процесс происходит вопреки интересам смыслового субъекта:

²⁵⁸ В других скандинавских языках конструкция *få* с инфинитивом не употребляется; см. подробнее с переводом шведских примеров на датский и норвежский в [Hulthén 1944: 152-184].

²⁵⁹ Примеры без указания на источник взяты из Корпуса шведского языка, составленного Отделением компьютерной лингвистики Гётеборгского университета (<http://www.spraakbanken.gu.se/1b>).

- (4) *Vi fick stå ute i*
 1PL получатьPRT стоятьINF снаружиADV в
regnet och vänta. [Svensk ordbok 1999: 334]
 дождьN.SG.DEF и ждатьINF

‘Нам пришлось стоять на улице под дождем и ждать’;

Вместе с тем шведский исследователь Л. Хультен, наиболее подробно описавший семантику конструкции *få* с инфинитивом, отмечал, что она имеет широкую и сложную семантику, в которой «совмещаются» модальные и акциональные компоненты значения²⁶⁰ [Hulthén 1944: 156]; см. также основанный на его исследовании анализ конструкции в [Чекалина 1984: 122-126]. Представляется, что это обусловлено сохранением видовой семантики предельности первого компонента даже при употреблении *få* с модальными значениями.

При употреблении *få* с инфинитивом неопределенных глаголов на модальную семантику конструкции может «накладываться» делимитативное акциональное значение «проявления действия в сравнительно-недлительные и неопределенные отрезки времени» [Шелякин 1983: 189], выражающее «некоторую ‘порцию’ действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем» [Зализняк, Шмелев 2000: 111]. Модальное значение *få* при этом несколько стирается; для таких контекстов показательно употребление обстоятельств ограниченно-краткой длительности *en stund* ‘немного’ и *lite(t)* ‘мало, немного’ в последних трех примерах.

- (5) *Hon längtade efter att få*
 3SG.F стремитьсяPRT за INF.PART получатьINF
gråta. [Hulthén 1944: 156]
 плакатьINF

‘Ей очень хотелось поплакать’;

- (6) *Han längtar efter att få*
 3SG.M стремитьсяPRS за INF.PART получатьINF
springa. [Hulthén 1944: 156]
 бегатьINF

‘Ему не терпится побегать’;

- (7) *Jag fick vara nervös en*
 1SG получатьPRT бытьINF нервныйADJ ART.INDF.CM
stund tills jag visste att jag var
 мигSG.CM пока не 1SG знатьPRT что 1 SG бытьPRT
godkänd.
 утвержденныйADJ.SG.CM

‘Мне пришлось немного понервничать, пока я не узнал, что меня утвердили’;

- (8) *Jag fick sova lite inatt.*
 1SG получатьINF спатьINF малоADV этой ночьюADV

‘Я поспал немного сегодня ночью’.

- (9) *Idag har jag stigit upp tidigare*
 сегодняADV иметьAUX.PRS 1SG шагатьPRF вверх раньшеADV
än vanligt för att få skriva
 чем обычноADV для INF.PART получатьINF писатьINF
litet. [Hulthén 1944: 159]
 малоADV

‘Сегодня я встал раньше обычного, чтобы немного пописать’;

- (10) *Kan du få tala med*
 мочьPRS 2SG получатьINF говоритьINF с
byrådirektören?
 директор бюроCOMP.SG.CM.DEF

²⁶⁰ В литературе отмечалось, что аспектуальность (в широком смысле) может иметь «не всегда заметный модальный потенциал» [Плунгян 2001: 179].

‘Ты можешь поговорить с директором бюро?’.

Относительным критерием того, что конструкция få с инфинитивом не только глагола речи tala, но и некоторых других глаголов может, наряду с модальным, иметь акциональное значение, является её использование при переводе русских глаголов совершенного вида с приставкой *no-* на шведский язык из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»:

- (11) *Mne s vami нужно поговорить.* [Булгаков 1988: 528]
Jag måste få tala med er. [Bulgakov 2006: 110]
 1SG долженPRS получатьINF говоритьINF с 2PL.OBJ
- (12) *Попробовать разве позвонить еще...* [Булгаков 1988: 542]
Vi får försöka ringa igen... [Bulgakov 2006: 130]
 1PL получатьPRS пытатьсяINF звонитьINF опять
- (13) *Никанор Иванович заявил, что ему необходимо лично повидать иностранца.* [Булгаков 1988: 534]
Nikanor Ivanovich förklarade att han måste
 объяснятьPRT что 3SG.M долженPRT
få träffa utläningen. [Bulgakov 2006: 119]
 получатьINF встречатьINF иностранец.SG.CM.DEF
- (14) *Позвольте вас поблагодарить от всей души!* [Булгаков 1988: 467].
Jag ber att få tacka
 1SG проситьPRS INF.PART получатьINF благодаритьINF
er av hela mitt hjärta! [Bulgakov 2006: 21]
 2PL.OBJ от весьDEF мойSG.N сердцеSG.N

Эти примеры, а также переводы предложений (5) – (10) показывают, что и в русском языке значение делимитативного способа действия часто реализуется на фоне модальной семантики предикатов.

Особый интерес представляют конструкции få с инфинитивом некоторых неопределённых глаголов, обозначающих произвольные и не контролируемые процессы. Большинство шведских лингвистов выделяют сочетания с тремя глагольными лексемами – глаголами чувственного восприятия *se* ‘видеть’ и *höra* ‘слышать’, а также с глаголом *veta* ‘знать’ [Маслова-Лашанская 1953: 258; Beckman 1964: 172; Hulthén 1944: 156-159; Lindberg 1980: 59, 79]. Специфика таких конструкций состоит в том, что они выступают не с модальным, а с особым акциональным значением предельного процесса, которое С.С. Маслова-Лашанская определяет как «эффективность действия» [Маслова-Лашанская 1953: 258]. В Шведской Академической грамматике в эту группу включены также конструкции с глаголами *känna* ‘чувствовать’ и *erfara* ‘испытывать, узнавать, познавать’, а выражаемый ими способ действия характеризуется как наступление внутреннего состояния [Teleman и др. 1999: 296]. Шведская конструкция имеет в этих случаях значение достижения результата в самом начале действия, свойственное некоторым русским приставочным глаголам ингрессивного способа действия [Гловинская 2001: 19]: *få se* ‘увидеть’, *få höra* ‘услышать’, *få veta* ‘узнать’, *få känna* ‘почувствовать, ощутить’²⁶¹, *få erfara* ‘испытать, изведать’. Представляется, что в эту группу следует включить и конструкцию с глаголом *uppleva* ‘переживать, испытывать’; для его семантического толкования в шведских словарях используются близкие по значению глаголы *erfara* и *känna* [SAOL 2015: 1451]. Об этом свидетельствуют, в частности, примеры параллельного употребления конструкции få с инфинитивом этих глаголов, а также с глаголом восприятия *se*:

- (15) *Så roligt när Alex får känna och*
 так здоровоADV когда Алекс получатьPRS чувствоватьINF и
uppleva lite.

²⁶¹ Ю.С. Маслов определял соответствующие им русские лексемы *увидеть, услышать, почувствовать* как глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта» [Маслов 1984: 62]. Такие глаголы обозначают «самодостаточные события»; при этом ингрессивное значение смыкается с результативным, а начало некоторой ситуации оказывается равнозначным её осуществлению [Зализняк, Шмелев 2000: 110].

переживатьINF мало

‘Как здорово, когда Алекс почувствует и испытает хоть немного’.

- (16) *Något han själv aldrig fick*
что-то 3SG.M.GEN сам никогда получатьPRT
uppleva och jag sällan får
переживатьINF и 1SG редкоADV получатьPRS
erfara.
испытыватьINF

‘Что-то такое, чего он сам никогда не испытал и я испытываю нечасто’.

- (17) *Allt jag fick uppleva och allt*
весьSG.N 1SG получатьPRT переживатьINF и весьSG.N
jag fick se.
1SG получатьPRT видетьINF

‘Все, что я испытал, и все, что я увидел’.

При употреблении få с инфинитивом глаголов чувственного, рационального и рационально-чувственного восприятия в позиции прямого контраста с различными формами тех же лексем особенно ярко проявляется ингрессивная акциональная семантика этой конструкции без сколько-нибудь заметных модальных созначений:

- (18) *Vår son kommer att se*
нашSG.CM сынSG.CM приходитPRS INF.PART видетьINF
ljuset för första gången och vi
светSG.N.DEF для первый разSG.CM.DEF и 1PL
kommer att få se vår
приходитPRS INF.PART получатьINF видетьINF нашSG.CM
fina solstråle!
прекрасныйADJ.SG.CM.DEF луч солнцаCMP.SG.CM

‘Наш сын впервые появится на свет (букв. будет видеть свет) и мы увидим наш прекрасный солнечный лучик!’

- (19) *Historier vi hör från andra*
историяPL.CM.INDF 1PL слышатьPRS из другойPL
länder kan vi också få höra
странаPL.N.INDF мочьPRS 1PL также получатьINF слышатьINF
här hemma.
здесьADV домаADV

‘Истории, которые мы слышим из других стран, мы можем также услышать у себя дома’.

- (20) *Men ingen vet förstås när vi får*
но никто знатьPRS разумеется когда 1PL получатьPRS
veta hur många svenskar som
знатьINF как многоPL шведPL.CM.INDF который
verkligen dog i flodvågen.
действительно умеретьPRT в цунамиSG.CM.DEF

‘Но никто, разумеется, не знает, когда мы узнаем, сколько шведов действительно погибло от цунами’.

- (21) *Så jag fick känna hur det*
ТакADV 1SG получатьPRT чувствоватьINF как это
känns!
чувствоватьPRS.PASS

‘Так что я почувствовал, каково чувствовать это!’

- (22) *Jag önskar att alla människor*
1SG желатьPRS чтобы весьPL.CM человекPL.CM.INDF
fick uppleva det vi upplevde.
получатьPRT переживатьINF это 1PL переживатьPRT

‘Я желаю, чтобы все люди испытали то, что испытывали мы’.

Конструкция с глаголом *komma*, в составе которой инфинитив употребляется с частицей *att*, имеет более сложную семантическую структуру. При употреблении первого компонента в форме презенса *kommer att* + инфинитив проявляет признаки грамматизации и выступает как регулярный аналитический способ выражения будущего времени²⁶²; в неформальной, главным образом, устной речи частица *att* может опускаться.

Акциональная семантика конструкции, как и в случаях *få* с инфинитивом, реализуется в высказываниях с одушевленным смысловым субъектом, чаще всего, когда первый компонент выступает в форме претерита, хотя встречаются также формы перфекта, плюсквамперфекта и инфинитива. Однако, в отличие от «эффективной результативности» *få* с инфинитивом, *komma att* + инфинитив имеет значение случайного, неожиданного наступления процесса и выражает особую, не характерную для русских приставочных глаголов модификацию начинательно-результативных способов действия, которые определяются лексической семантикой основного глагола в инфинитиве и контекстом. Особенно явно эти значения проявляются в сочетаниях с инфинитивом неопределённым глаголов.

При употреблении с глаголами речи конструкция выступает с инхотативной семантикой:

- (23) *Vi kom att tala om hennes hemland.*
 1PL приходитьPRT INF.PART говоритьINF о
 3SG.F.GEN родинаSG.N

‘Мы случайно/неожиданно заговорили про её родину’.

- (24) *Vi kom att prata om tiden.*
 1PL приходитьPRT INF.PART говоритьINF о
 времяSG.CM.DEF

‘Мы случайно заговорили о времени’.

- (25) *Vi kom att diskutera politik.*
 1PL приходитьPRT INF.PART обсуждатьINF
 политикаSG.CM

‘Мы неожиданно стали обсуждать политику’.

При употреблении в придаточной части сложноподчиненных предложений конструкции с инхотативной семантикой могут выступать с эксплицитованным в контексте темпоральным означением следования, близким русской футуральной конструкции *стать* + инфинитив:

- (26) *Pojken, som sedan kom att skriva så mycket i sitt liv.*
 мальчикSG.CM.DEF который потом приходитьPRT
 INF.PART писатьINF так много в свойSG.N
 жизньSG.N

‘Мальчик, который потом стал так много писать в своей жизни’.

- (27) *Selma²⁶³ hade då gjort ett flertal långa resor och träffat personer som hon senare kom att porträttera i sina bilder.*
 Сельма иметьAUX.PRT тогда делатьPRF ART.SG.N.INDF
 множествоSG.N длинныйADJ.PL поездкаPL.CM.INDF и
 встречатьPRF человекPL.CM.INDF который 3SG.F позднее
 приходитьPRT INF.PART изображатьINF в свойPL

²⁶² Синтетическая форма будущего времени в парадигме шведского глагола отсутствует.

²⁶³ Здесь имеется в виду шведская писательница Сельма Лагерлеф.

böcker.

книгаPL.CM.INDF

‘Сельма совершила к тому времени много долгих путешествий и встретила людей, которых она позднее стала изображать в своих книгах’.

Вместе с тем *komma att* + инфинитив часто выступает и с выраженной ингрессивной семантикой при обязательном указании на случайность наступившего события:

(28) *Vi kom att sitta vid samma bord.*
1PL приходитPRT INF.PART сидетьINF за тот же столSG.N.INDF

‘Мы случайно оказались за одним столом’.

(29) *Jag kom att minnas ett litet experiment.*
1SG приходитPRT INF.PART помнитьINF ART.SG.N.INDF маленькийADJ.SG.N экспериментSG.N

‘Я неожиданно вспомнил об одном маленьком эксперименте’.

(30) *Vi kom att gilla det båda två.*
1PL приходитPRT INF.PART нравитсяINF это оба два

‘Это понравилось неожиданно нам обоим’.

Особенно частотной является конструкция с ментальным глаголом *tänka* ‘думать’ в значении ‘(неожиданно) подумать²⁶⁴, прийти в голову’, близкая к устойчивому фразеологическому словосочетанию, которая неизменно приводится в шведских словарях в качестве наиболее наглядного примера:

(31) *Jag kom att tänka på en sak här om dagen.*
1SG приходитPRT INF.PART думатьINF на ART.SG.CM.INDF вещь здесь о деньSG.CM.DEF

‘На днях я вдруг подумал об одной вещи’.

В отдельных случаях возможно употребление *komma* и *få* с инфинитивом в составе одной глагольной цепочки:

(32) *Jag kom att få se talet i tryckt form.*
1SG приходитPRT INF.PART получатьINF видетьINF речьSG.N.DEF в напечатанныйPTCP.SG.N формаSG.CM

‘Я случайно увидел эту речь в печатном виде’.

Следует подчеркнуть, что в семантике русского глагола *увидеть* может комплексно выражаться появление неожиданного, непредвиденного или «моментального» результата [Шелякин 1983: 181]. В шведском языке эти компоненты «распределены» между двумя конструкциями: неожиданность, непредвиденность наступления ситуации передается в конструкции с глаголом *komma*, а моментальность – в конструкции *få* + инфинитив.

Таким образом, результирующая акциональная семантика шведских перифрастических конструкций с глаголами *få* и *komma* базируется не только на их предельности, но и на переосмыслении их исходных лексических значений. В отличие от русских приставочных глаголов с близкой семантикой, функционирующих «в поле притяжения» совершенного вида и выражающих его различные модификации, идиоэтническая специфика шведских конструкций проявляется в том, что они могут, в зависимости от лексической семантики первого компонента, выступать с модальными или темпоральными значениями. При этом русским приставочным глаголам,

²⁶⁴ Исследователи русского глагола отмечают, что приставка *по-* участвует в формировании различных акциональных значений; так, глагол *подумать*, в зависимости от контекста, может относиться и к ингрессивному, и к делимитативному способам действия [Зализняк, Шмелев 2000: 110-111].

выражающим различные способы существования ситуации во времени, свойственна многозначность, в том время как шведские перифрастические конструкции являются скорее широкозначными.

Список условных сокращений

ADJ – прилагательное, ADV – наречие, ART – артикль, AUX – вспомогательный глагол, CM – общий род, CMP – сложное слово, DEF – определенный, GEN – генитив, INDF – неопределенный, INF – инфинитив, INF.PART – инфинитивная частица, N – средний род, NEG – отрицание, OBJ – объектный падеж, PASS – пассив, PL – множественное число, PRF – перфект (аналитическая форма с вспомогательным глаголом ha ‘иметь’), PRS – презенс, PRT – претерит, PTCP – причастие, S – единственное число.

Литература

- Булгаков 1988 – М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Кишинев: Литература артистикэ, 1988.
- Виноградов 1938 – В.В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск 2. М.: Учпедгиз, 1938.
- Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола. М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2001.
- Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Маслов 1984 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1984. С. 48-65.
- Маслова-Лашанская 1953 – С.С. Маслова-Лашанская. Шведский язык. Часть 1. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1953.
- Плунгян 2001 – В.А. Плунгян. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Том 1. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 173-190.
- Чекалина 1984 – Е.М. Чекалина. Сочетания fä с инфинитивом в современном шведском языке // Вопросы германского языкознания. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 122-126.
- Шелякин 1983 – М.А. Шелякин. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983.
- Beckman 1964 – N. Beckman. Svensk språklära. Stockholm: Bonniers, 1964.
- Bolander 2004 – M. Bolander. Funktionell svensk grammatik. Falköping: Liber, 2004.
- Bulgakov 2006 – M. Bulgakov. Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm: En bok för alla, 2006.
- Hulthén 1944 – L. Hulthén Studier i jämförande nunordisk syntax. Göteborgs högskolas årsskrift; 3. Göteborg: Elanders Boktryckeri, 1944.
- Hultman 2008 – T.G. Hultman. Svenska Akademiens språklära. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008.
- Jørgensen, Svensson 1993 – N. Jørgensen, J. Svensson. Nusvensk grammatik. Malmö: Gleerups, 1993.
- Lindberg 1980 – E. Lindberg. Beskrivande svensk grammatik. Stockholm: Almqvist & Wiksell Förlag, 1980.
- SAOL 2015 – Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. Stockholm: Norstedts Ordbok, 2015.
- Svensk ordbok 1999 – Svensk ordbok. Tredje reviderade upplagan. Utarbetad av Språkdata, Göteborgs universitet. Stockholm: Norstedts Ordbok, 1999.
- Teleman и др. 1999 – U. Teleman, S. Hellberg., E. Andersson. Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Syntax. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999.

ГЛАГОЛЫ ПОПЫТКИ И ВИД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ²⁶⁵

The article deals with semantic and aspectual peculiarities of major verbs of trying in Russian: imperfectives *pytat's'a*, *starat's'a* and *probovat'* (\approx *try*, *attempt*) and their perfective counterparts *popytat's'a*, *postarat's'a* and *poprobovat'*. The parameters governing choice between the verbs of trying and their aspectual forms are established.

1. Наряду с действиями, беспрепятственно достигающими результата (полностью контролируемые действиями), и соответственно обозначающими их глаголами, чрезвычайно важное место в жизни и в языке занимают действия, в случае которых у субъекта действия (С) (и описывающего его действия говорящего (Г)) нет уверенности в достижении результата (частично контролируемые действия). Глаголы, обозначающие действия с проблематическим достижением цели (результата), можно назвать глаголами попытки в широком смысле. При этом большинство глаголов действия по умолчанию понимаются как обозначающие беспрепятственное достижение результата. В то же время имеются чрезвычайно частотные аналитические грамматикализованные показатели действия с проблематическим достижением цели. В русском языке это *(но)пытаться*, *(но)стараться* и *(но)пробовать*.

Общее значение попытки определяется в [СлРЯ] следующим образом: «Действие, направленное на осуществление или достижение чего-л., но без полной уверенности в успехе». Три фактора (или группы факторов, обстоятельств), наличие или отсутствие которых определяет наличие или отсутствие результата, это: (1) усилия С, которые он контролирует; (2) не зависящие от С объективные, внешние и внутренние (сила С, его ум, умения, способности, рост — чтобы дотянуться до чего-либо — и т.п.) условия, обстоятельства; (3) случай, удача. Различия между основными глаголами попытки в русском языке связаны с тем, какой из этих факторов рассматривается как **определяющий** достижение Р. А именно: в случае *(но)пытаться* фактором, определяющим (наряду с двумя другими) достижение результата, является **случай, удача**, в случае *(но)пробовать* фактором, определяющим достижение результата являются **объективные, внешние и внутренние условия**, наконец, в случае *(но)стараться* фактором, определяющим достижение результата являются **усилия С**. Это пресуппозиции, условия употребления этих глаголов.

Рассмотрим теперь эти глаголы более подробно.

2. (По)пытаться. В случае *(но)пытаться* достижение результата Р **объективно возможно**, т.е. **объективно возможно** и достижение результата (Р), и его недостижение (не Р), при этом достижение или недостижение Р зависит от (всегда объективного) случая, удачи²⁶⁶ (= благоприятный случай)²⁶⁷. Так, хороший пример попытки

(1) *Он попытался переплыть океан на маленькой лодке.*

Здесь С выбрал и прилагал усилия сделать Р, и сделать это было объективно возможно, и достижение результата явно зависело и от случайностей. Если достижение Р не зависит от объективной случайности, то *(но)пытаться* невозможно или странно. Например, если С решил написать грандиозный роман и прилагал усилия к осуществлению своего замысла, но у него ничего не вышло, то плохо сказать, что *он попытался написать роман*, поскольку здесь очень много зависит от усилий С и его способностей, но не видно, в чем здесь роль удачи, и мы не можем сказать, что он написал бы роман, если бы ему повезло.

Значение попытки по-разному реализуется в формах НСВ и СВ.

2.1. НСВ *пытаться*. В случае НСВ *пытаться* общее значение глагольного сочетания попытки зависит от вида зависящего от глагола попытки инфинитива (знаменательного глагола),

²⁶⁵ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00136.

²⁶⁶ Ср.: «... Характерным для глаголов попытки является недостаточность ресурсов или сопротивление контрагента — это вносит в достижение цели элемент удачи» [Падучева 2004: 52].

²⁶⁷ О видах возможности и случайности в языке см. [Шатуновский 1996, 1.6, 2.2]; там же ссылки на литературу по вопросу.

обозначающего то, что С пытается делать / сделать, и его лексического значения. В случае зависимого НСВ частично контролируемым, зависящим от случая является совершаемое С-ом действие, в случае СВ — С полностью контролирует действие, частично контролируемым и зависящим от удачи является его результат²⁶⁸.

2.1.1. **Пытаться₁**. В случае зависимого НСВ целью С является совершение действия, обозначаемого НСВ. Такое *пытаться* обозначает однородный неопределенно длящийся процесс приложения усилий, имеющий целью такое же неопределенно длящееся непосредственное достижение результата, которым здесь является совершение самого этого действия:

(2) *Он пытается идти прямо.*

Здесь действие является однородным на конкретном уровне непосредственного наблюдения. В других случаях действие является однородным и неопределенно длящимся на более высоких уровнях абстракции:

(3) *Я бы не сказал, что мы [сборная России по футболу] атакуем. Мы пытаемся атаковать* (ТВ. 1 канал, 15.11.14).

Аналогично в примере, где действие выступает в завуалированном виде:

(4) *Я пытаюсь быть вежливым со своей тещей* (пример Анны А. Зализняк).

Здесь С, всякий раз, когда контактирует со своей тещей, пытается быть вежливым с ней. Это не значит, что он совершает какие-то действия, которые имеют целью, что он является вежливым, нет. Он пытается, чтобы сами эти действия имели признак '+ вежливость', как выше действие *идти* имело бы характеристику *прямо*.

В ситуациях употребления *пытаться₁* возникает конвенционализованная, ставшая почти частью значения импликатура [Грайс 1985] недостижения результата или на всем неопределенно длящемся интервале приложения усилий или, по крайней мере, на каких-то его участках. Ведь если бы действие было успешным, то Г, в соответствии с принципом «Не говори лишнего!», сказал бы: *Он идет прямо; Наша команда атакует; Я всегда вежлив со своей тещей* и т.д.; раз он это не говорит, то, следовательно, усилия С, по крайней мере, полного результата не достигают. Аналогично в случае повторяющегося действия:

(5) *Я каждое утро сажусь за стол и пытаюсь что-то написать.*

Здесь нет единой цели, каждая попытка имеет свою цель, и, по крайней мере, иногда, эта цель не достигается, иначе не было бы смысла в *пытаюсь*.

2.1.2. **Пытаться₂**. В случае зависимого СВ целью действия *пытаться₂* является достижение результата, обозначаемого СВ. Действие (действия), направленные на достижение этого результата, полностью контролируются С-ом, а вот достижение результата является только возможным, зависит, наряду с другими факторами, и от удачи. Например:

(6) *Следователь Шмаков пытается установить истинных заказчиков преступления; ему мешают чёрные силы в лице враждующих кремлёвских группировок, замазанных в этом деле* (Т. Алексеева. «Олигарх» чтит Уголовный кодекс / НК).

Поскольку в этих случаях результат достигается, если достигается, в будущем в итоге совершения действий, производимых в настоящем, вопроса о достижении результата в настоящем и, соответственно, никаких импликатур не возникает.

2.1.3. **Пытаться₃**. НСВ этого типа состоит из ряда попыток совершить действие, обозначенное зависимым СВ, каждая из которых (а не в конечном итоге, как в предшествующей группе) может, в случае удачи, привести мгновенно, «скачком» [Маслов 1984: 59, 63–60] к достижению результата. Ср.: «*Пытаться* может быть использовано для обозначения множества одинаковых, настойчивых попыток» [Труб 2009: 491]. Например, человек *пытается найти кого-либо*. В одно место заглянул (первая попытка) – нет его, в другое место заглянул (вторая попытка) — нет, ... в десятое место заглянул — он там, попытка увенчалась успехом (*нашел*), или опять не обнаружил его и прекратил поиски (*не нашел*). Аналогично:

²⁶⁸ Ср. наблюдение В. М. Труба, что в конструкциях *Не пытайся ее найти (поймать такси) vs Не пытайся ее искать (ловить такси)* зависимый СВ обозначает цель попытки, а зависимый НСВ — сами эти попытки [Труб 2014: 423].

(7) *Российский «ЛУКОЙЛ» несколько лет безуспешно пытается купить «Нафтан»* (Е. Григорьева и др. Кремлевская мечта / НК)

— один раз попытался купить — не вышло, второй раз... — не вышло, и т.д.

Этот тип НСВ имеет *пытаться* в сочетании с СВ мгновенных глаголов и глаголов кратковременных действий: *открыть* (окно, бутылку), *вскочить* (на коня), *проглотить* (таблетку) и т. п. В отличие от глаголов в приведенных выше примерах здесь не только результат достигается «мгновенно», но и всё действие в целом занимает «пункт», очень короткий момент времени. Такие глаголы не могут иметь длительного (процессного) НСВ вследствие отсутствия в их значении сколько-нибудь длительного этапа однородного действия. Добавление *пытаться* позволяет таким глаголам употребляться в актуально-длительном (конкретно-процессном) значении. Действие *пытаться* + СВ в случае мгновенных глаголов состоит из неопределенно длящегося ряда «микро- (а иногда и не микро-) попыток», элементарных попыток, **каждая из которых** может скачком привести к результату. **Он открывает окно* — не может пониматься в актуально-длительном значении, это слишком быстрое действие, в котором нет заметной однородной фазы. Другое дело — *Он пытается открыть окно* — раз дернул — не удалось, два дернул — не открыл, повертел ручку — не удалось открыть, еще раз дернул — открыл! — или опять не открыл и бросил это дело. При этом попытки, образующие значение *пытаться*, являются **неудачными**. В отличие от *пытаться₁*, здесь эти действия направлены на достижение единой цели, поэтому нет смысла еще раз совершать попытку, если результат достигнут. В то же время имеет смысл повторить попытку, если результат не достигнут. Поскольку достижение результата в случае *пытаться* зависит от непредсказуемой и неподвластной людям удачи, можно рассчитывать, что при следующем повторении всемогущий случай будет на стороне С.

2.2. СВ *попытался* обозначает единичную целостную законченную попытку: *попытался сделать Р* = ‘выбрать делать Р, начать, продолжать и закончить прилагать усилия для его достижения (достигнув или не достигнув результата (цели))’, т.е. форма ничего не говорит о достижении цели. При этом в неизменном виде его значение реализуется в плане будущего (СВ буд. времени и императив). В прошедшем времени в ситуацию вмешивается важнейшее прагматическое обстоятельство: результат уже достигнут или не достигнут. Это приводит к модификациям исходного значения попытки. В частности, поскольку в нарративном (повествовательном) режиме каждое последующее действие опирается на итог предшествующего действия [см. Шатуновский 2009: 83, 86 – 89], результат действия должен быть ясен, иначе не получится связной цепочки. Ср. бессвязность:

(7) **Он попытался открыть бутылку, налил себе воды и выпил.*

Поэтому в контексте должно быть указано, достигнут результат или не достигнут (последнее чаще, поскольку в случае успешной попытки обычно употребляется СВ знаменательного глагола и только в особых случаях, когда надо подчеркнуть наличие этапа попытки, используется раздельное обозначение попытки и достигнутого результата):

(8) *Он попытался встать – и встал / и не смог;*

(9) *Собрав силы, он вновь попытался прорваться в Крым, но, как и в первый раз, дальше Перекопа ему пройти не удалось* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов / НК).

В конкретно-фактическом значении (в котором действие попытки не включено в последовательность событий) у *попытался* возникает почти конвенционализованная импликатура безуспешности попытки (независимо от того, указано это эксплицитно или нет):

(10) *В Ставрополье губернатор попытался представить как свою заслугу снижение тарифов на электроэнергию которое именно наши депутаты пробили через Думу* (А. Колесниченко. Партии / НК).

Понятно, почему: в случае успеха попытки был бы использован СВ знаменательного глагола, который как раз и обозначает достижение результата, успех попытки.

Аналогичная импликатура возникает в случае общефактического значения НСВ (чрезвычайно близкого к конкретно-фактическому значению СВ) *пытался*:

(11) *В Ставрополье губернатор пытался представить как свою заслугу снижение тарифов* → ‘он в этом не преуспел’.

Особое значение приобретает *попытался* в сочетании с глаголами, вводящими задачи, которые ставил перед собой автор, создавая какое-то информационное, художественное, научное и т.п. произведение:

(12) *В своей статье мы **попытались** ответить на следующие вопросы...*

В этом случае *попытался* не вводит какое-то действие, отдельное от создания этих произведений, и общее значение предложения с *попытался*: ‘создавая это произведение, автор ставил перед собою следующие задачи; выполнены они или не выполнены — неизвестно’. Ср.: *В своем романе автор изображает... — В своем романе автор **попытался** изобразить...*

3. **Попробовать**. В случае *попробовать* достижение результата зависит от неконтролируемых С-ом объективных (внешних и внутренних) обстоятельств, факторов, но не зависит от случая. В случае *попробовать* С также не знает, приведет ли его действие к результату Р или не приведет, Р, с его точки зрения, только возможно. Однако эта возможность здесь не объективная, а **субъективная** (эпистемическая). На самом деле Р или обязательно, необходимо будет, или обязательно, необходимо не будет, но С не знает, будет оно или нет. Не то в случае *(по)пытаться*: там возможность объективная, субъект не просто не знает, что будет, но будущее здесь не предопределено, действительность объективно допускает разные варианты развития событий. Можно сказать, что эти 2 глагола отражают разные картины мира: индетерминистскую, когда будущее не предопределено, поскольку оно обусловлено в числе прочего и объективным случаем, и детерминистскую, когда всё предопределено, но человек об этом предопределении не знает. В науке эти картины мира исключают друг друга, но в языке они совмещаются: в одних случаях, по мнению говорящих, имеет место индетерминизм, и тогда употребляется *пытаться*, в других — детерминизм, и тогда употребляется *пробовать*. Например, С не знает, исправен ли телевизор. В этом случае мы скажем: *Он попробовал включить телевизор, но не *Он **попытался*** Если в достижении результата явно участвует и удача, *попробовать* неуместно:

(13) **Следователь **попробовал** установить преступников.*

Отмеченные особенности значения *(по)пробовать* определяют другие особенности его употребления. Так, в то время как *пытаться* может формировать НСВ со значением ряда **одинаковых** неудачных попыток, «для *пробовать* это неверно: ... ?*Он долго (настойчиво) пробовал сдвинуть шкаф (ситуацию с мёртвой точки)*» [Труб 2009: 491]. Почему? В случае *пытаться* имеет смысл повторять даже одинаковые попытки, потому что в каждой следующей попытке случай может оказаться на стороне С. Но этого нет в случае *(по)пробовать*. *Попробовать* в норме имеет смысл только один раз, и если результат не достигнут, то бессмысленно пробовать сделать это еще раз, потому что результат предопределен и будет тот же:

(14) **Он (долго) **пробовал** / **пробует** вскочить на лошадь / открыть окно.*

В то же время повторение «проб» не исключено. Однако это предполагает, что обстоятельства изменились или могли измениться, поэтому есть смысл попробовать еще раз. Ср.: «Каждая новая «проба» требует обращения к новым средствам разрешения проблемной ситуации» [Труб 2009: 491]. Это повторение с разными объективными условиями: *Попробуйте позвонить ему еще раз, теперь на номер...* или просто: *Попробуйте позвонить ему еще раз*, поскольку внешние факторы за время, прошедшее между звонками, могли измениться (например, связь наладилась, человек перестал говорить по телефону, отключил случайно нажатую кнопку разговора и т.п.). В прошедшем времени в нарративном режиме в дискурсе с *попробовал*, по тем же причинам, что и в контекстах с *попытался*, должно быть указано, чем окончилась «проба», при этом обычно результат не достигается:

(15) *Потом взял графин и полил цветы на подоконнике, **попробовал** включить вентилятор — он не работал* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК).

4. Употребление *(по)стараться* опирается на пресуппозицию, что достижение результата зависит от усилий С. А это значит, что если С прилагает больше усилий, то он достигает результата, или он достигает лучшего результата (там, где результат может варьироваться), соответственно, если он прилагает меньше усилий, то он не достигает результата, или результат хуже, чем был бы при приложении дополнительных усилий. Поскольку усилия С-а контролируются этим С-ом, то С может прилагать особые, **дополнительные** усилия для того, чтобы достигнуть Р — и именно эту

ситуацию обозначает *стараться / постараться*: ‘действовать с определенной целью и при этом прилагать / приложить **дополнительные усилия** для достижения цели’.

(16) *Не высоко и не низко, нам не дотянуться, но ходячий бы смог, если бы **постарался*** (М. Петросян. Дом, в котором... / НК).

(По)стараться может употребляться как в ситуациях, где достижение цели не зависит от случая, а целиком определяется усилиями С (16), так и в ситуациях, когда достижение результата зависит также от случая. В этом случае приложение дополнительных усилий увеличивает шансы С на достижение цели. Естественно, что в этих случаях *(по)пытаться* и *(по)стараться* сближаются. Так, замена *постараться* на *попытаться* абсолютно невозможна в (16), в то же время примеры ниже достаточно близки по значению:

(17) *Я попытаюсь переговорить с ним завтра — Я постараюсь переговорить с ним завтра;*

(18) *Я пытаюсь решить задачу — Я стараюсь решить задачу* и т.п.

— во всех таких случаях предложения со *стараться, постараться* звучат более оптимистично, чем с *пытаться, попытаться*, постольку, поскольку достижение результата зависит **и от** усилий С и такие усилия будут приложены / прилагаются.

Заметим, что *(по)стараться* не обязательно предполагает максимальные усилия [ср. Труб 2009; Апресян 2004: 905], это именно дополнительные усилия, усилия сверх некоторой нормы, стандарта, среднего, обычного уровня, потому что в случае *(по)стараться* степень усилий тоже варьируется: можно просто *стараться*, можно *очень стараться / постараться*, можно *стараться изо всех сил*.

Поскольку достижение результата в случае *(по)стараться* зависит от усилий С, употребление *(по)стараться* возможно только там, где возможна контролируемая дифференциация усилий, ведущая к достижению или к недостижению результата или к достижению результата в той или иной степени:

(19) *Постарайся вспомнить имя этого человека*

— человек может каким-то образом напрячь свои умственные способности — и вспомнить имя человека, которое он без такого дополнительного приложения усилий не вспомнил бы. Там, где достижение результата не зависит от приложения каких-то дополнительных усилий со стороны С, *(по)стараться* аномально:

(20) **Он постарался включить телевизор*

— непонятно, какие дополнительные усилия для этого можно приложить.

Чрезвычайно важная особенность *(по)стараться* — это то, что в отличие от *(по)пытаться* и *(по)пробовать* в настоящем и прошедшем времени **не возникает имплицитной безуспешности** действия и достигнут ли результат — остается **неизвестным**. Это связано с описанной выше спецификой его значения. Поскольку *стараться / постараться* сообщает о приложении **дополнительных** усилий, это в любом случае оправдывает его употребление и он **не является избыточным** в случае достижения цели:

(21) *Мальчик постарался прочитать стихотворение так, как читают поэты;*

— получилось или нет — неизвестно;

(22) *Кальвинизм требует, чтобы человек постоянно старался жить по-божески и никогда не ослаблял этого стремления; оно должно быть непрерывным.* (Э. Фромм. Бегство от свободы) — получается или нет — неизвестно и не важно.

Стараться не может делиться на отдельные акты «старания» [Апресян 2004: 906]: поскольку достижение Р зависит от усилий С, то С, приложив дополнительные усилия, сделал всё, что мог, поэтому в любом случае повторение «акта старания» бессмысленно: если достиг цели, то незачем повторять, если не достиг, то больше он всё равно ничего не может сделать. Понятно, что это относится только к таким ситуациям, когда у С-а усилий есть одна единая цель, например, *Он старается понравиться своей теще*. Если такой единой цели нет, а в каждом случае цель своя и она достигается или не достигается в каждом отдельном случае, то акты старания могут повторяться:

(23) *Я стараюсь быть вежливым со своей тещей*

— в каждом отдельно повторяющемся случае контакта я прилагаю усилия, чтобы быть с ней вежливым (результат в каждом случае неизвестен).

Важной особенностью (*по*)стараться является его «целесолагание». Поскольку (*по*)стараться обозначает приложение дополнительных усилий, то у дополнительных усилий может быть дополнительная цель, не совпадающая с целью основного действия, к которому прилагаются дополнительные усилия. Например:

(24) *До свидания, мальчики. Мальчики! Постарайтесь вернуться назад* (Б. Окуджава)

— у мальчиков, уходящих на войну, *вернуться назад* – не основная, но дополнительная цель: отважно воюйте, не щадите себя, но при этом постарайтесь вернуться назад; **Попытайтесь вернуться назад* — аномально, поскольку представляет это как основную цель. Это часто придает стараться / постараться «наречный» характер: усилия прилагаются для того, чтобы основное действие имело какое-то качество, какую-то характеристику:

(25) *Он постарался / Постарайся прочитать стихотворение с выражением.*

4.1. НСВ стараться выступает в различных модификациях в зависимости от коммуникативного членения предложения с этим глаголом.

В коммуникативном фокусе может быть только приложение дополнительных усилий. Это происходит в тех случаях в тех случаях, когда то, какое действие выполняется, уже известно или неважно, поскольку С прилагает дополнительные, особые усилия, когда делает любое действие: *Я старался* — сообщается только о приложении дополнительных усилий, как оправдание неудачи или как объяснение успеха: *Я сделал это, потому что я старался — Я не сделал это, но я старался. Ты не старался* означает ‘когда делал, не прилагал особых, дополнительных усилий’.

Однако часто стараться / постараться употребляется так, что сообщается и о выборе действия, и о его совершении (как в *пытаться* и *пробовать*), и о приложении дополнительных усилий, старается в таких случаях ≈ ‘(1) выбрал, (2) делает, (3) прилагая особые, сверхнормативные усилия для достижения цели’:

(26) *Я чувствую, что тётушка знает, что я прослеживаю за ней, и это сковывает ее действия, и она старается скорей закончить раздачу* (Ф. Искандер. Дедушка / НК.)

Главной задачей старается в таких случаях становится процессуализация знаменательного глагола СВ, обозначающего цель старания, стараться + СВ используется для образования аналитического НСВ, обозначающего действие, для которого в языке нет отдельного наименования, чему способствует отсутствие имплицатуры безуспешности, которой отягощен глагол *пытается*. В таких случаях значение дополнительности усилий не исчезает, но редуцируется, отодвигается на второй план задачей синтаксической деривации составного обозначения процесса:

(27) *Как и всякая имитация, мсьё Верду порой напоминает маленького бродягу: жестом, улыбкой или взглядом, он тоже всеми силами старается остаться ангелом для своей жены-инвалида и маленького сына.* (Божественный Чарли // «Экран и сцена» / НК).

4.2. Значение СВ постараться подобно значению *попытаться*: *постараться сделать Р* = ‘выбрать делать Р, начать, продолжать и закончить прилагать **особые, сверхнормативные** усилия / приложить **сверхнормативное** усилие для его достижения (достигнув или не достигнув результата (цели)’. Наиболее близки *попытаться* и *постараться* в будущем времени и в императиве — в тех случаях, когда основные и дополнительные усилия направлены на достижение единой цели:

(28) *Я постараюсь (≈ попытаюсь) поговорить с ним завтра.*

Попытаться и *постараться* расходятся в тех случаях, когда *постараться* направлено на достижение дополнительной цели, см. примеры (24), (25), а также:

(29) *Постарайся сегодня прийти домой пораньше — *Попытайся сегодня прийти домой пораньше.*

В прошедшем времени различия между *попытаться* и *постараться* резко усиливаются, прежде всего, за счет того, что в *постарался* не возникает имплицатура безуспешности действия. Различные модификации *постарался* связаны с различиями в коммуникативном и семантическом устройстве включающих его предложений.

1). Результат действия может быть известен, *постарался* в таких случаях обозначает действие, приведшее к этому результату, в фокусе предложения — идентификация деятеля, совершившего это действие:

(30) *Эти научились говорить слово «собака» раньше, чем «мама» и «папа». Дед их постарался.* (Д. Рубина. окна / НК) ≈ '[Результат достигнут (это дано, известно из контекста), потому что] X постарался, приложил усилия для этого'.

2). В сочетании с глаголами, обозначающими действия частично контролируемые, контролируемые в какой-то степени, имеющие результат, который может достигаться в разной степени, а также имеющими некоторую дополнительную, наречного типа цель, *постарался* обозначает просто начавшееся, продолжавшееся и закончившееся действие, направленное на достижение цели; достигнута ли цель — неизвестно:

(31) *Мальчик постарался прочитать стихотворение с выражением / так, как читают поэты;*

(32) *Я постарался взять себя в руки и сказал ...* (Я. Кудлак. Симбиоз / НК);

(33) *Он постарался проскользнуть незамеченным.*

3). Наконец, если Р контролируемо, но требует для своего достижения дополнительных усилий, то появляется значение достижения результата: 'X приложил особые, дополнительные усилия, чтобы достичь Р, и достиг Р':

(34) *Убедившись, что за мной никто не следит, я изорвал бумажку с телефоном и выбросил в урну. Правда, почему-то я всё же постарался запомнить номер телефона* (Ф. Искандер. Летним днем / НК) — 'запомнил'.

Список условных сокращений

Г — говорящий, С — субъект действия, Р — положение вещей / действие, НСВ — несовершенный вид, СВ — совершенный вид, НК — Национальный корпус русского языка.

Литература

- Апресян 2004 — Ю.Д. Апресян. *Пытаться* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-ое изд., испр. и доп. Москва; Вена: Языки славянской культуры, 2004. — С. 904-909.
- Грайс 1985 — Г.П. Грайс. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217-237.
- Маслов 1984 — Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1984.
- НК — Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorgo.ru>. — Режим доступа: свободный.
- Падучева 2004 — Е.В. Падучева. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 58-67.
- СлРЯ — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981-1984.
- Труб 2014 — В.М. Труб. О семантической интерпретации русских императивных глаголов совершенного и несовершенного вида со значением запрета и предостережения // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 406-424.
- Труб 2009 — В.М. Труб. К проблеме вариативности видовых форм императива // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). — М.: РГГУ, 2009. С. 488-493.
- Шатуновский 2009 — И.Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Шатуновский 1996 — И.Б. Шатуновский. Семантика предложения и нерелевантные слова. М: Школа «Языки русской культуры», 1996.

**АСПЕКТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА: ТИПОЛОГИЯ СИСТЕМ И СЦЕНАРИИ
ДИАХРОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**THE ASPECTUAL SEMANTIC ZONE: TYPOLOGY OF SYSTEMS AND SCRIPTS OF
DIACHRONIC PROGRESSES**

アスペクトの意味領域：体系の類型と通時的発展のプロセス

2015年11月13日 発行 非売品

編集者 北上光志
発行所 京都産業大学
京都市北区上賀茂本山
印刷所 株式会社田中プリント
京都市下京区松原通麩屋町東入石不動之町 677-2

©京都産業大学
ISBN 978-4-905726-35-7